НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы Международной
научно-практической конференции

г. Минск
17 – 18 ноября 2011 года

Минск
“Право и экономика”
2011

УДК 316.4(476)(082)
ББК 60.524 (4 Беи)я431
С69

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института социологии НАН Беларуси

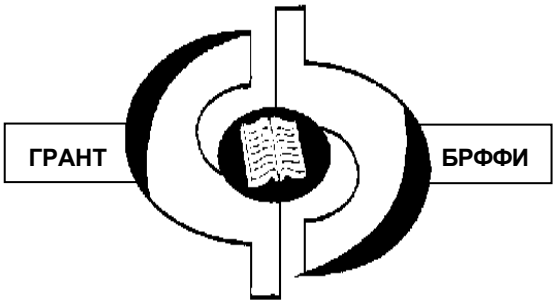
Рецензенты:
доктор философских наук, профессор Л.Е. Криштапович,
доктор социологических наук, профессор Д.Г. Ротман

Редакционная коллегия:
Котляров И.В. (*главный редактор)* – доктор социологических наук, профессор;
Абушенко В.Л. – кандидат философских наук, доцент;
Бабосов Е.М. – доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси;
Коваленя А.А. – доктор исторических наук, профессор; академик-секретарь Отделения гуманитарных наук НАН Беларуси;
Кириенко В.В. – доктор социологических наук, профессор;
Соколова Г.Н. – доктор философских наук, профессор;
Смирнова Р.А. – доктор социологических наук, профессор;
Русецкая В.И. – доктор социологических наук, профессор;
Шавель С.А. – доктор социологических наук;
Артюхин М.И. – кандидат философских наук, доцент;
Сечко Н.Н. (*ответственный секретарь*) – кандидат социологических наук.

Социальное знание и проблемы консолидации белорусского общества **:** материалы междунар. науч.-практ. конф.; г. Минск, 17–18 ноября 2011 г. / ред. кол.: Котляров И.В. (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2011. – 412 с.
ISBN 978-985-552-037-6.

Сборник включает доклады и выступления представителей академической и вузовской науки, государственных и общественных организаций, принимавших участие в Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии НАН Беларуси 17-18 ноября 2011 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые социальные проблемы современного белорусского общества.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех, кто интересуется вопросами социально-экономического, политического и культурного развития общества на современном этапе.

УДК 316.4(476)(082)
ББК 60.524 (4 Беи)я431

Опубликовано при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований

ISBN 978-985-552-037-6

© ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», 2011
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2011

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

САЦЫЯЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ Ў ГРАМАДСКІМ ЖЫЦЦІ

Коваленя А.А.
д.ист.н., профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Сёння навука вызначае прыярытэты і мэты сацыяльнага прагрэсу, займаецца сістэматызацыяй і ацэнкай сродкаў іх дасягнення. Задачай дзяржаўнага маштабу стала інтэграцыя навукі з усімі сферамі грамадскага жыцця. Не апошняя роля ў гэтым адводзіцца сацыялагічным даследаванням.

Агульна вядома, што "ва ўсе часы людзі не толькі шукалі матэрыяльны дастатак" – аб чым справядліва гаварыў Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь Аляксандр Рыгоравіч Лукашэнка на цэрымоніі ўручэння прэмій "За духоўнае адраджэнне" – "але і імкнуліся да духоўных вышынь. І ў нашы дні пытанні маралі і культуры адыгрываюць вядучую ролю... Ад таго, якія ідэалы зацвярджаюцца сёння, напрамую залежыць наша заўтра".

Такая ацэнка Кіраўніка дзяржавы патрабуе ад сацыяльна-гуманітарнай навукі крытычнага перагляду старых і выпрацоўкі новых фундаментальных метадалагічных падыходаў, на падставе якіх ажыццяўляецца дзейнасць і прымаюцца рашэнні на розных узроўнях грамадскай арганізацыі.

Прайшоўшая пяцігодка стала часам плённай працы гуманітарыяў. У 2006-2010 гг. вучоныя Аддзялення паспяхова ажыццяўлялі навукова-даследчую працу ў межах выканання трох дзяржаўных праграм. Выкананне праграм дазволіла значна актывізаваць прырашчэнне навуковых ведаў па гісторыі, філасофіі, мове, літаратуры, эканоміцы, мастацтвазнаўстве і сацыялогіі. За мінулую пяцігодку, не гледзячы на многія складанасці, вучоныя Аддзялення апублікавалі больш за 7,5 тысяч артыкулаў і тэзісаў, падрыхтавалі і выдалі звыш 430 кніжных выданняў, у тым ліку 327 манаграфій.

Упершыню ў айчыннай гуманітарнай навуцы распрацаваны:

канцэпцыя фарміравання духоўна-маральных асноў нацыянальнай стратэгіі развіцця і забеспячэння гуманітарнай бяспекі Рэспублікі Беларусь;

унікальныя навуковыя канцэпцыі экспазіцый Музея гісторыі НАН Беларусі, Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь і музея Белавежскай пушчы;

упершыню выяўлены комплекс арыгінальных дакументаў, які дазваляе аб'ектыўна і канкрэтна ацаніць грамадска-палітычную ролю гарадоў Беларусі на працягу канца XV–XVIII стст.

на аснове еўрапейскага вопыту захавання гісторыка-культурных ланшафтаў распрацавана канцэпцыя развіцця Нарачанскага краю;

праграма развіцця лагістычнай сістэмы Рэспублікі Беларусь на перыяд да 2015 г.

Хачу падкрэсліць, што вырашаць на сістэмным узроўні такія складаныя і маштабныя задачы пад сілу толькі акадэмічным навуковым ўстановам Аддзялення.

Хачу падкрэсліць значнасць і арыгінальнасць даследаванняў навукоўцаў Інстытута сацыялогіі. За апошнія гады праведзена цікавае даследаванне дынамікі беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці і яе базавых частак у кантэксце сучасных інтэграцыйных працэсаў ва ўзаемасувязі са зменамі еўрапейскай і славянскай ідэнтыфікацый насельніцтва краіны. Выяўлены рост распаўсюджанасці грамадзянскай, тэрытарыяльнай і этнічнай ідэнтыфікацый, пры гэтым адзначаны больш хуткі рост грамадзянскай ідэнтыфікацыі беларусаў у параўнанні з іх этнічнай і тэрытарыяльнай ідэнтыфікацыямі. Дадзеныя параўнальнага аналізу за апошнія 10 гадоў паказваюць фарміраванне ідэнтычнасці беларусаў па мадэлі грамадзянскай ідэнтычнасці.

Распрацавана канцэптуальная аснова стратэгіі развіцця кадравага патэнцыялу беларускай навукі ва ўмовах станаўлення інавацыйнай эканомікі і канцэпцыя фарміравання аптымальнай сістэмы ўзнаўлення навуковых кадраў у адпаведнасці з нацыянальнымі навукова-тэхнічнымі прыярытэтамі. Даследаваны асноўныя тэндэнцыі развіцця міграцыйных працэсаў у навуковай сферы Беларусі. Прааналізаваны становішча і асноўныя напрамкі павышэння эфектыўнасці паслявузаўскай адукацыі ў сучасных умовах, сфармуліраваны канцэптуальныя палажэнні і механізмы стварэння аптымальнай мадэлі паслявузаўскай адукацыі Рэспублікі Беларусь ва ўмовах станаўлення інавацыйнай эканомікі.

Вучоныя падрыхтавалі і накіравалі зацікаўленым органам дзяржаўнага кіравання шэраг інфармацыйна-аналітычных матэрыялаў: "Рынак працы Беларусі і эфектыўнасць выкарыстання працоўнага патэнцыялу", "Інавацыйная дзейнасць малых прадпрыемстваў ва ўмовах станаўлення інавацыйнай эканомікі Беларусі", "Адносіны насельніцтва Рэспублікі Беларусь да медыцынскага абслугоўвання", "Дынаміка ўзроўню і характару рэлігійнасці насельніцтва Рэспублікі Беларусь", "Якасць жыцця сучаснага беларуса", "Якасць школьнай адукацыі", "Інтэлектуальная міграцыя ў Рэспубліцы Беларусь: становішча, тэндэнцыі, прагнозы", "Становішча і тэндэнцыі змены сацыяльна-эканамічнай і палітычнай сітуацыі ў Рэспубліцы Беларусь", "Патэнцыял знешняй працоўнай міграцыі ў арганізацыях рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання: сацыялагічны аналіз", "Аналіз дынамікі міграцыі навуковых работнікаў НАН Беларусі 2001–2008 гг.", "Патэнцыял знешняй працоўнай міграцыі ў арганізацыях Дзяржкамваенпрома", "Сацыяльныя амартызатары сучасных крызісных з'яў Беларусі", "Адзнакі насельніцтвам Рэспублікі Беларусь распаўсюджанасці ў краіне карупцыйнай злачыннасці", "Сацыяльныя аспекты сусветнага фінансавага крызісу."

Зараз перад гуманітарыямі краіна ставіць задачу больш актыўна ўкараняць ў грамадскую свядомасць асэнсаванне навейшых навуковых вынікаў гуманітарнай навукі. Сёння гуманітарныя і, асабліва, сацыялагічныя

веды павінны несці ў грамадскае асяроддзе нашай краіны сацыяльны аптымізм, талерантнае стаўленне да іншадумства, невеліраванне магчымых сацыяльных канфліктаў. Адной з важнейшых задач сацыёлагаў з'яўляецца не толькі выяўленне балючых і найбольш значных сацыяльныя напружанняў у грамадстве, але і выпрацоўка навукова абгрунтаваных рэкамендацый дзеля мінімізацыі негатыўных тэндэнцый у нашым жыцці.

Архіважна прапагандаваць пазітыўныя з'явы і дасягненні сучаснага беларускага грамадства. Неабходна зрабіць усё магчымае, каб значна актывізаваць давядзенне да грамадства аб'ектыўнай навуковай інфармацыі. Сёння важна не толькі ажыццяўляць даследаванні па актуальных напрамках грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускага грамадства, але і актыўна даводзіць іх вынікі да шырокіх колаў беларускіх людзей. Становіцца надзённым правядзенне навуковых канферэнцый у рэгіёнах з прыцягненнем канкрэтных факталагічных матэрыялаў раёна, населенага пункта і г.д. Патрэбна значна актывізаваць работу ў асяроддзі падрастаючага пакалення.

Я мяркую, што ў сацыёлагаў назапашаны багаты матэрыял даследаванняў, у якім адлюстраваны многія балючыя праблемы ў асяроддзі моладзі. Напэўна гэта тэма была б цікавай для абмеркавання на круглых сталах у школах, сярод студэнцкай моладзі. Нам неабходна смялей выходзіць з навуковых акопаў і прапагандаваць нашы дасягненні, а яны, не гледзячы на многія праблемы эканамічнага крызісу, даволі значныя. Жывое слова вучонага, падмацаванае пераканаўчымі фактамі, – гэта важнейшы фактар ідэалагічнага ўздзеяння, рэальная магчымасць адстойваць і прапагандаваць нацыянальна-дзяржаўную палітыку. Калі мы, навукоўцы, не будзем займацца гэтай справай, яе будуць праводзіць нашы апаненты. Сацыёлагам патрэбна не абараняцца, а ажыццяўляць наступальную і штодзённую інфармацыйную работу. Зразумела, што вырашыць пастаўленыя задачы сіламі толькі вучоных Інстытута складана, патрэбна наладзіць цеснае супрацоўніцтва з навукоўцамі ВНУ, што дазволіць паспяхова рэалізоўваць многія сацыялагічныя праекты.

Хачу звярнуць вашу ўвагу на той факт, што ўсё здзейсненае – гэта вялікая і плённая праца нашых вядучых вучоных і нашага дапаможнага персаналу. Патрэбна сказаць словы падзякі дырэктару Інстытута Ігару Васільевічу Катлярову. Сёння значна актывізавалася навукова-даследчая праца, з'явіліся цікавыя ідэі і праекты, якія накіраваны на пашырэнне навуковых сувязей з замежнымі навуковымі школамі.

Мы па-праву ганарымся навуковай працай акадэміка Яўгена Бабосава, Галіны Сакаловай, Разаліі Смірновай, Ванды Русецкай, Міхаіла Арцюхіна, Уладзіміра Абушэнкі, Сяргея Шавеля і іншых. У вас з'явілася шмат таленавітай моладзі. Сёння акрэслілася станоўчая тэндэнцыя ў справе прытоку юнакоў і дзяўчат у навуку. З'явіліся, нават, жадаючыя вучыцца ў аспірантуры на платнай конкурсной аснове. Сярод маладых навукоўцаў неабходна назваць Алену Таранаву, Наталлю Сячко, Кацярыну Бабосаву і іншых.

Сення ў нашым жыцці адбываюцца значныя сацыяльна-эканамічныя змены, адной з важнейшых задач сацыёлагаў з’яўляецца не толькі выяўленне балючых і найбольш значных сацыяльных напружанняў у грамадстве, але і выпрацоўка навукова абгрунтаваных рэкамендацый дзеля мінімізацыі негатыўных тэндэнцый і магчымых наступстваў. Уплыў сацыялагічных даследаванняў на сучаснае грамадскае жыцце вельмі значны. Спадзяюся, што дыскусіі і абмен вопытам будуць спрыяць далейшаму павышэнню ролі беларускай сацыялагічнай навукі, садзейнічаць развіццю шматпланавага ўзаемадзеяння паміж беларускімі і замежнымі навукоўцамі.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Бабосов Е.М.
академик НАН Беларуси, д.ф.н., профессор, зав. отделом политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Вступление человечества во второе десятилетие XXI века резко выявило тенденцию к обострению глобальной нестабильности, ужесточению конфликта интересов и конкуренцию моделей будущего. Убедительным подтверждением этому являются инициированные США и их союзниками по НАТО кровавые вооруженные столкновения в широких геополитических просторах "огненной дуги", включающей в себя Египет, Тунис, Ливию, Сирию, Йемен и другие страны Северной Африки. Вся эта крупномасштабная акция подготовлена и сопровождается организованными информационными атаками на правящие режимы североафриканских стран.

Исходным теоретическим и геополитическим обоснованием ведущихся такого рода информационных атак является утвержденная еще в декабре 1992 года Министерством обороны США директива под названием «Информационная война». *Информационная война – это использование собственных информационных ресурсов для идеологического воздействия на соперника (противника), ориентированное на разрушение, искажение и использование враждебной информационной системы для достижения собственных стратегических целей.*

Материально-технической базой ведения такой войны являются постоянно растущие военные расходы США, которые превышают 50% мировых затрат на эти цели, составляя около 720 миллиардов долларов в год. Эта гигантская военная машина нуждается в активных действиях, а одной из актуальных форм такой активизации являются информационные атаки, осуществляемые практически (может быть кроме Австралии) на всех континентах земного шара. Широко известны информационные атаки, предпринятые США и их союзниками по НАТО против Ирака, Югославии, Грузии, Украины, Кыргызстана, целого ряда североамериканских стран. В эту орбиту более или менее регулярно попадает и Республика Беларусь. Достаточно вспомнить сопровождаемые разнузданной пропагандой неоднократные экономические и политические санкции против нашей страны. Эти информационные атаки были ориентированы на дискредитацию Беларуси и выдавливание ее из общеевропейской политики, на подрыв суверенитета и национальной безопасности независимого государства.

В условиях осуществления перехода Беларуси в фазу постиндустриального, информационного развития приоритетное значение приобретает обеспечение информационной безопасности страны. *Информационная безопасность* воплощается в способности государства, общества, социальной общности, личности обеспечить защищенность информационных ресурсов, необходимых для поддержания своей жизнедеятельности, устойчивого функционирования и развития, эффективно противостоять информационным опасностям и угрозам. Она включает в себя поддержание постоянной готовности к адекватным мерам в информационном противоборстве, государственную и судебную защиту государственных и частных банков данных, средств обработки, хранения и передачи информации, охрану интеллектуальных ресурсов и поддержку их всемерного развития и реализации в различных сферах жизнедеятельности общества.

Судя по всему использование информационных технологий и социальных сетей в информационном противоборстве будет неуклонно нарастать. Так, Госсекретарь США Хилари Клинтон, выступая в феврале 2011 г. с речью о состоянии интернет-свобод в мире, утверждала, что в Вашингтоне именно «интернет считают важнейшим инструментом по

экспорту демократии». По ее словам, социальные сети, в частности «Твиттер» и «Facebook», предоставляют людям возможности для самовыражения и администрация Барака Обамы будет широко оказывать поддержку политически активным деятелям Интернета в странах, где ущемляются права и свободы граждан, помогая им технически быть на шаг впереди цензоров». В 2011 г. на поддержку активных сетевых блоггеров в странах с так называемым авторитарными режимами гос. департамент намечает выделить 25 млр. долларов. Фактически эта громадная сумма направляется на подрыв информационной и политической безопасности неугодных Соединенным Штатам политических режимов.

Следует иметь в виду, что в первом десятилетии XXI века создается и стремительно расширяется новейший технологически мощно оснащенный фронт организации информационных атак на неугодные американским миллиардерам и их ставленникам политические режимы, базирующихся на так называемых *твиттер-технологиях*. Твиттер, созданный в 2006 году, – это социальная сеть, построенная на микроблогах, кратких сообщениях, ограниченных, как правило, 140 символами (одно SMS-сообщение). В таких твиттерах за внешне безобидным стремлением поболтать с другим пользователем сети в любой момент времени и в любой точке планетарного пространства скрываются широкие возможности почти мгновенной пердачи разнообразной информации, в том числе и в интересах развертывания и активного проведения информационных войн. О том, каких масштабов способно достичь использование твиттер-технологий в разворачивании информационной (и не только) войны, свидетельствуют так называемые «революции», прокатившиеся в январе-марте 2011 года по огромной огненной дуге социально-политических потрясений и вызванное ими крушение правящих режимов в ряде североафриканских стран: в Египте, Тунисе, Йемене, Алжире, Бахрейне, Иордании, Ливии. Эти трагические события были заранее спланированы, подготовлены и профинансированы спецслужбами США и обученными ими специалистами по взламыванию существующих в той или иной стране социально-политических порядков.

Об этом с циничной откровенностью до свершения названных событий говорилось на сайтах знаменитого WikiLeaks и в других средствах информации. Уже в ходе самих этих сетевых революций на сайте «Голоса Америки» можно было лицезреть видеоролик с откровениями бывшего египетского полицейского, завербованного спецслужбами США и проживающего недалеко от Вашингтона, о том, как он через твиттер-технологии в январе-феврале 2011 года выводил на площади Каира тысячи египтян для свержения режима Мубарака. Многие серьезные аналитики как в западных странах, так и в России прямо пишут о том, что «сетевые революции» в североарфиканских странах начали готовиться уже в первые месяцы прихода Обама в Белый дом, что именно Обама является главным режиссером этих политических переговоров (см., например, С. Кургинян: Обама снимает маску и приступает к глобальному переделу мира // Комсомольская правда 2011. 24 февраля – 2 марта). Главная цель «сетевых революций» – восстановить американские «правила игры», взять под контроль будущие движения капитала и будущие энергетические потоки не только исламского мира, но и Китая, России, Европейского союза. Речь идет фактически о глобальной трансформации мироустройства под эгидой США.

Не нужно быть крупным пророком, чтобы предвидеть, что активно используемые правящими кругами США твиттер-технологии и вики-микс-компромат обрушатся в недалеком будущем на Среднюю Азию, некоторые страны, которые входят в состав ОДКБ, следовательно, такие твиттер-атаки не могут оставить сторонними наблюдателями и граждан нашей страны, которая является ныне председателем в ОДКБ. Нашим специалистам в области информационной безопасности следует быть готовыми к подобного рода разворотам событий.

Следует иметь в виду, что с марта текущего года госдепартамент США активизировал работу в социальных сетях для реализации проектов по вербовке русскоязычных блоггеров для «продвижения демократии в России и Беларуси». Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, по словам основателя «Викилинс» Джулиана Ассанжа, Интернет – это величайшая шпионская машина, которую когда-либо использовал мир. О грандиозных масштабах этой деятельности свидетельствует, например, такая цифра: Агентство национальной безопасности перехватывает около 650 миллионов коммуникаций во всем мире для обслуживания своих целей посредством анализа социальных сетей.

Исходя из этого, следует рассматривать и оценивать социальные сети как мощное техническое средство, создающие возможности для осуществления при их помощи серьезных угроз национальной безопасности. Особенно это становится актуальным в преддверии парламентских выборов в нашей стране 2012 г., когда наверняка активизируются попытки враждебных сил дестабилизировать информационную и политическую ситуацию в республике.

В связи с этим необходимо охарактеризовать основные части информационной войны, которая периодически становится против нашей войны то более, то менее интенсивной. Структурная архитектоника информационных атак сводится в шести взаимосвязанным компонентами (рис. 1):

1. Обеспечение информационно-идеологического давления на враждебное государство в целях подрыва психологической и духовной обстановки в стране, разрушения в ней традиционных культурных, нравственных, эстетических ценностей.

2. Организация психологических операций, направленных на осуществление манипулятивного целенаправленного воздействия на сознательные и бессознательные психические процессы населения определенной страны, на его эмоции, чувства, волевые импульсы, ценностные ориентации и жизненные стратегии с целью изменить их в желаемом для инициаторов информационных атак направлении.

3. Осуществление электронного нападения на информационно-коммуникационные системы страны-соперника, на его компьютерные системы и сети с целью ослабить, дезорганизовать или разрушить эту систему, не позволить сопернику получать оперативную и достоверную информацию о состоянии и использовании своих собственных экономических, военных и иных ресурсов, а также ресурсах и действиях враждебной стороны.

4. Распространение дезинформации, т.е. недостоверной и/или умышленно искаженной информации, направленной на разрушение общественного согласия, на дискредитацию действующих в стране системы власти и политических институтов, разжигание социальной розни, национальной и религиозной вражды, предоставление сопернику ложной информации о собственных целях, намерениях и силах.

5. Прямые информационные атаки на руководство, управленческие структуры страны-соперника, ее экономическую, политическую системы, ее культурное достояние и систему безопасности во всех ее видах – политическую, военную, продовольственную, экологическую, информационную и т.п.

6. Обеспечение мер безопасности в информационной сфере, включая эффективное использование информационных ресурсов страны, их сохранность и расширенное воспроизводство, защиту сведений, составляющих государственную, служебную, коммерческую и иную охраняемую законодательством тайну, разоблачение прямых информационных атак на свою страну, активное и эффективное противодействие им.

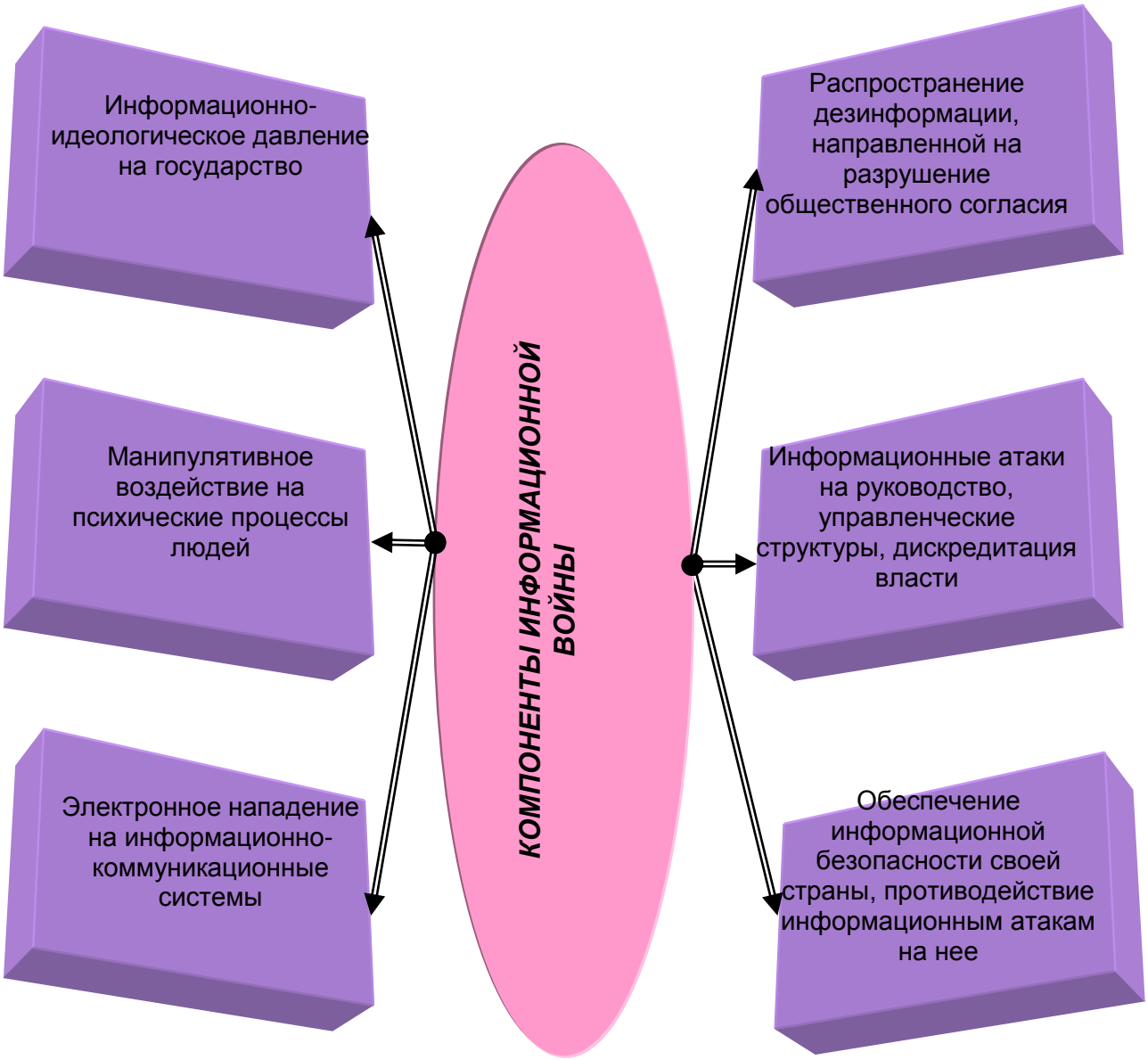

Рисунок 1. Составные компоненты информационной войны

Применительно к сфере идеологического влияния на людей можно сказать, что информационная война – это деятельность, направленная на завоевание общественного мнения, внедрение в него определенных идей, ценностных ориентаций, оценок, стандартов поведения, преследующая цель – установление контроля над массовым сознанием, над эмоциями масс в своих собственных интересах.

В таких информационных войнах нередко применяются не только различные способы манипулирования сознанием людей, их деформации, но и такие грязные технологии, как промышленный шпионаж, кражи и несанкционированное копирование информации с электронных носителей для различного рода идеологических компроматов. Все это используется для последующего подкупа, вербовки, угроз или шантажа. Вследствие этого одной из основных составляющих информационной войны становится специфическое противостояние алгоритмов и технологии, идей, материализованных в информационных устройствах и средствах, предназначенных для нанесения экономического, политического, финансового, психологического и иного ущерба противнику или конкуренту, и, прежде всего, их информационным и

телекоммуникационным системам. Наиболее опасным из перечисленных направлений такой войны является возможность применения способов воздействия на психику человека помимо его воли. Возможность отрицательного воздействия информации на мозг человека создает предпосылки для производства психологического (психотропного) оружия, которое атакует подкорку головного мозга специальными информационными полями. Такие атаки целенаправленно используются для скрытого изменения человеческого сознания, поведения и здоровья, с целью решения задач политического, военного, экономического, информационного характера.

В соответствии с замыслами и целями идеологического противоборства формируется комплекс взаимосвязанных задач, которые должны быть решены с помощью информационного оружия. Назовем некоторые, наиболее существенные из них (рис. 2):

1. активное явное и латентное (скрытое информационно-идеологическое воздействие на население страны-соперника, на его сознание, чувства, ценностные ориентации и смысложизненные установки, ориентированное на создание в ней атмосферы бездуховности, безнравственности, беспринципности;

2. развенчание целевых программ, политических лозунгов, идеологических доктрин, используемых соперничающей стороной с целью создания в этой стране политической напряженности и хаоса;

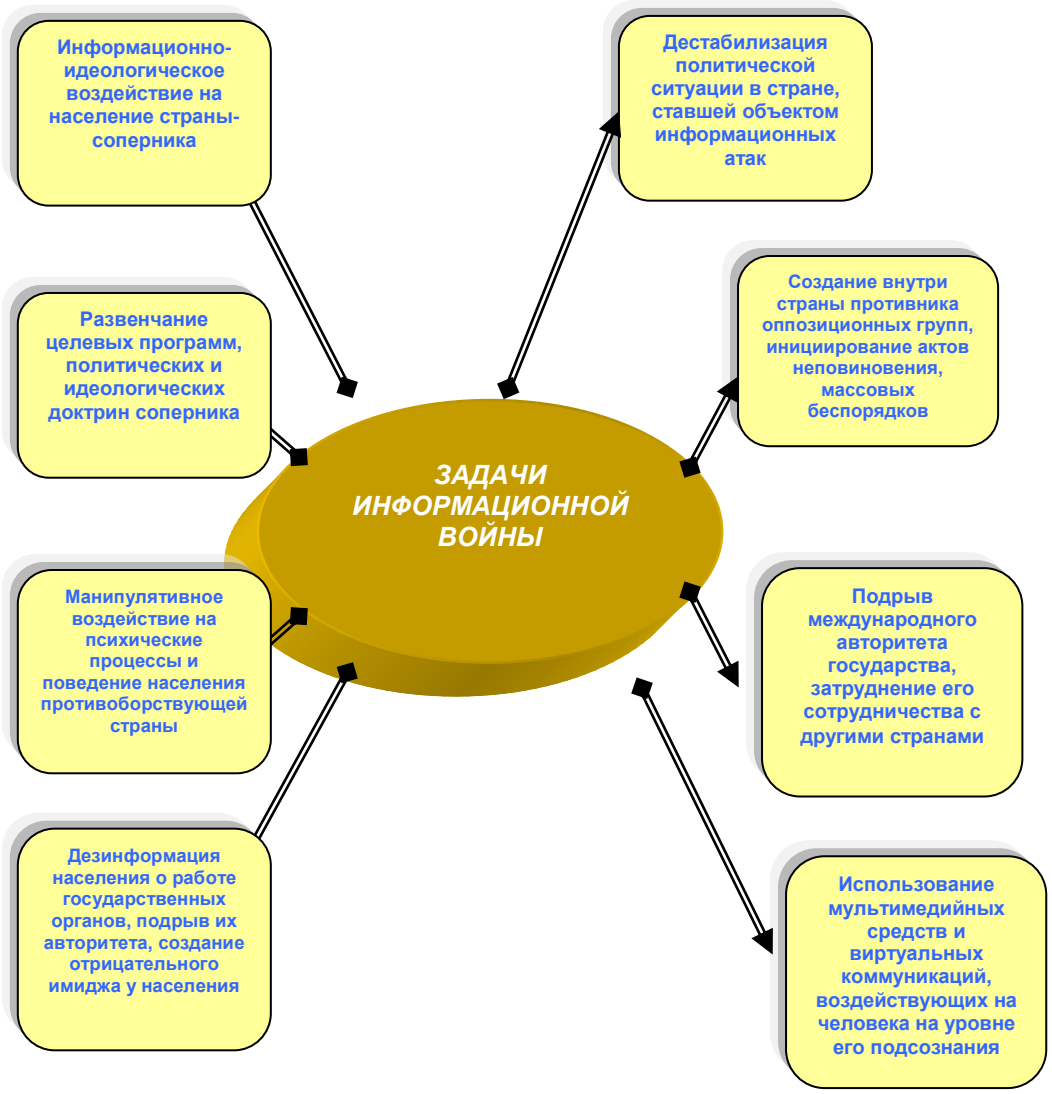

Рисунок 2. Задачи информационной войны

3. применение манипулятивных способов воздействия на психические процессы и поведенческие акты, характерные для населения противоборствующей страны;

4. дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискриминация деятельности всех уровней и звеньев управленческих структур создание их отрицательного имиджа у населения с целью затруднения принятия органами управления важных решений;

5. дестабилизация политической ситуации в стране, ставшей объектом информационных атак с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы;

6. поддержка внутри страны противника оппозиционных групп, инициирование забастовок, актов неповиновении, массовых беспорядков и других акций социально-экономического и политического протеста;

7. подрыв международного авторитета государства, затруднение его сотрудничества с другими странами;

8. использование мультимедийных средств в виде информационно-развлекательных или аналитических страниц с «сенсационной» или иной «горячей» информацией, составленных с учетом особенностей восприятия человека и психологии виртуальных коммуникаций, что позволяет оказывать глубинное, чаще всего на уровне подсознания, воздействие на человека, воспринимающего такую информацию.

Для решения этого широкого круга задач применяются, как правило, довольно разнообразные средства и методы. Наиболее часто используемые из них можно изобразить таким образом, как это показано на рис. 3.

Весь охарактеризованный ряд средств, применяемых в процессе информационного противоборства, находит в разных сочетаниях и в разных пропорциях, воплощение в тех идеологических атаках, которые организуют против Беларуси, ее народа и государства наши заокеанские и западноевропейские недруги и их доморощенные приспешники. Поэтому ни в коем случае нельзя недооценивать те угрозы, которые возникают в этой важной сфере национальной обороны.

Несмотря на огромные суммы финансирования из-за рубежа старания и поборников оппозиционных экстремистов уровень протестного потенциала и протестной активности граждан Беларуси остается низким. Если взять последние два года, то динамика роста протестных акций и их участников не наблюдается. Число таких участников очень редко достигает 120 человек. Даже провалившаяся попытка насильственной «цветной революции» 19 декабря 2010 г. собрала всего около трех тысяч человек. Готовность наших сограждан участвовать в протестных мероприятиях следует считать низкой, поскольку 88% населения республики отрицают такую возможность даже в исключительных случаях.

Последняя акция протестных активистов, которые обещали 8 октября этого года вывести на площадь для участия в широко разрекламированной в иностранной и оппозиционной прессе, в многочисленных листовках, эсэмэсках, для рассылки которых затрачено свыше 30 тыс. евро, в десятках городах огромное количество людей, в том числе в Минске – 100 тыс. человек, окончилась сокрушительным провалом. На площади Бангалор для участия в широкоосвещаемом « народным сходе» собралось всего около 120 человек. А инициаторы этого сборища В. Некляев, Римашевский, Калякин сокрушались в интервью иностранным корреспондентам по поводу дождливой и холодной погоды и неготовности белорусского народа жить в условиях демократии.

Характеризуя информационную обстановку в Беларуси в целом, следует отметить, что государственные СМИ сохраняют доминирование в национальном медиа-пространстве. Средний показатель уровня доверия населения к государственным телеканалам составляет 56,7%. Основные печатные государственные СМИ удерживают влияние около 86% телевизионной аудитории. Уровень доверия информации, распространяемый республиканскими и местными радиоканалами, составляет 53-59%

радиоаудитории. На этом фоне гораздо слабее выглядят позиции государственных органов в сети Интернет, где нередко преобладают так называемые «независимые» информационно-новостные ресурсы. К тому же и качество работы государственных органов в Интернете на фоне стремительных темпов роста сетевой аудитории остается недостаточным. Они зачастую оказываются плохо подготовленными к ведению эффективного противоборства, в том числе с использованием информационных современных технологий.

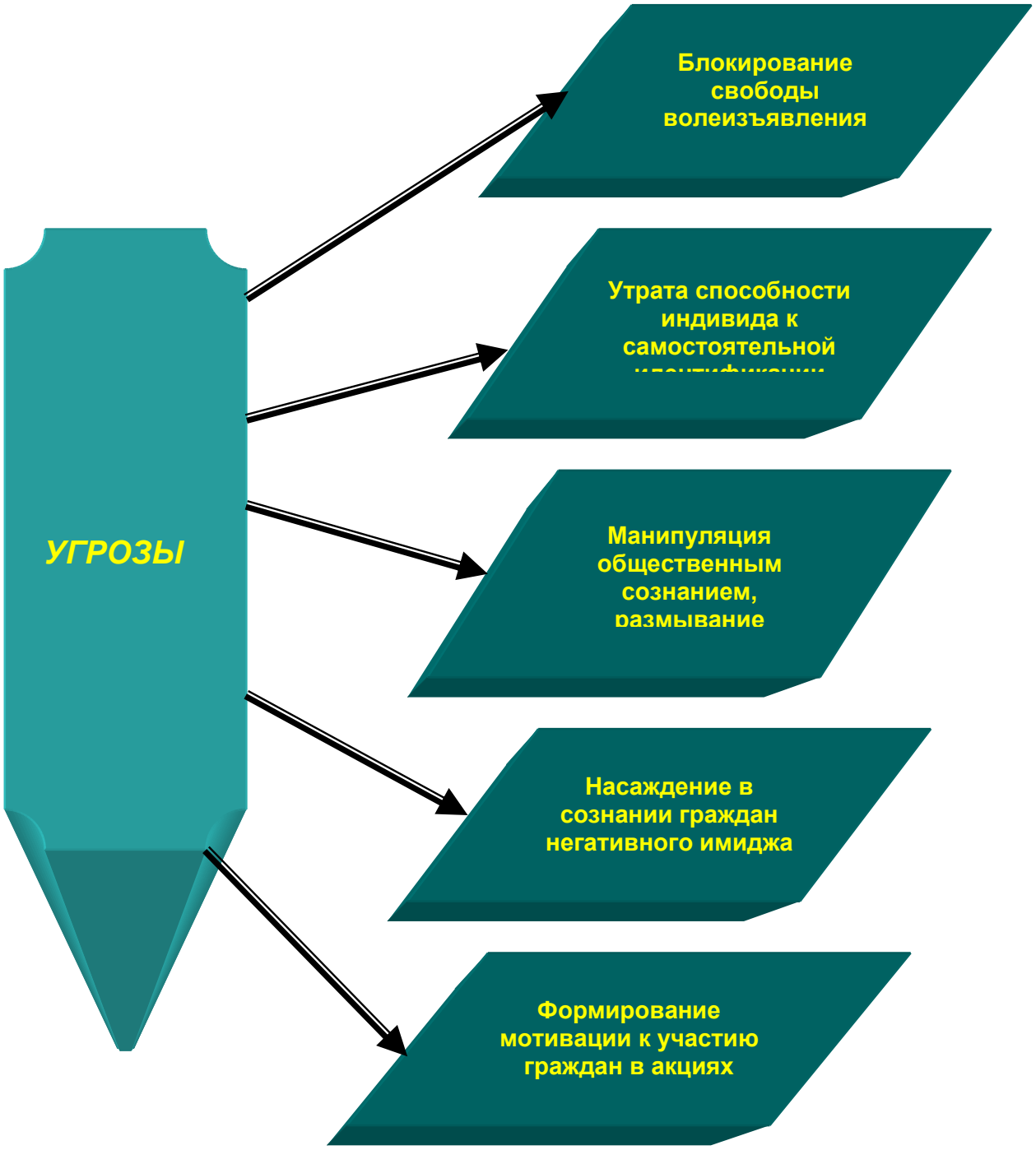

Рисунок 3. Средства и методы, применяемые в информационной войне

В этой сфере следует иметь в виду возможности расширения информационных атак на нашу страну, что связано с тремя обстоятельствами: 1) усиление западного информационного прессинга в связи с подготовкой к выборам в белорусский парламент в

2012 г.; 2) значительное большинство белорусских масс-медиа отстает от зарубежных по качеству подготовки и подачи материалов; 3) наращивание масштабов, качества, каналов оппозиционной пропаганды.

Следует иметь в виду, что основное усилие информационных атак, ведущихся против нашей страны направлено на микросоциальные аспекты безопасности. Центром их внимания становится жизнь человека, его смысложизненные интересы и ценности. Поэтому исходным пунктом системного понимания и обеспечения безопасности в информационной сфере является безопасность личности. Обеспечение личной безопасности осуществляется посредством решения ряда конкретных задач, имеющих систематический превентивный аспект и связанных с выявлением и предотвращением угроз и опасностей, возникающих в разнообразных кризисных и конфликтных ситуациях, затрагивающих жизненно важные интересы человека. Обеспечение безопасности личности – это, в конечном счете, создание и функциони-рование благоприятной для человека внутренней и внешней среды, это – гармоничное развитие самого человека, это – его благоприятное самочувствие, это – реализованная способность человека во всех условиях оставаться самим собой, сохранять свою самобытность и личное достоинство, это – высокое качество жизни, которое определяется не только материальным и культурным благосостоянием человека и его семьи, но и ощущением полноты жизни и осознанием ее смысла.

Во втором десятилетии XXI века информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизнедеятельности людей, устойчивого развития общества и государства. Широкое применение информационных технологий открывает беспрецедентные возможности научно-технологической, образовательной, управленческой деятельности, но одновременно создает и технологическую базу для обострения информационного противоборства и злонамеренных воздействий на личную и государственную безопасность в ущерб национальным интересам суверенных стран. В таких условиях проведение разнообразных мероприятий по усилению информационной безопасности следует концентрировать на следующих основных направлениях:

1. сохранность, приумножение и расширенное воспроизводство информационных ресурсов страны;

2. эффективное использование информационных ресурсов;

3. информационное обеспечение государственной политики Республики Беларусь, связанное с доведением до белорусской и международной общественности достоверной информации о стратегической цели и основных приоритетах деятельности белорусского государства с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам;

4. развитие современных информационно-коммуникативных технологий, отечественной индустрии информации и их эффективное использование для упрочения информационной безопасности страны;

5. повышение защищенности национальных интересов в информационной сфере;

6. информационное противодействие внешним и внутренним угрозам конституционным правам и свободам человека в области духовной жизни, гражданской деятельности и информационных коммуникаций;

7. подготовка компетентных специалистов в области развития, совершенствования и защиты информационно-коммуникационных систем;

8. применение достижений социологии коммуникаций, кибер-социологии и виртуальной психологии в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов страны;

9. совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности, в том числе путем оптимизации социальных механизмов регулирования всех видов деятельности в этой сфере.

Таковы основные аспекты обеспечения информационной безопасности белорусского общества в условиях противоречиво развивающейся глобализации и становления нелинейно развивающегося мира.

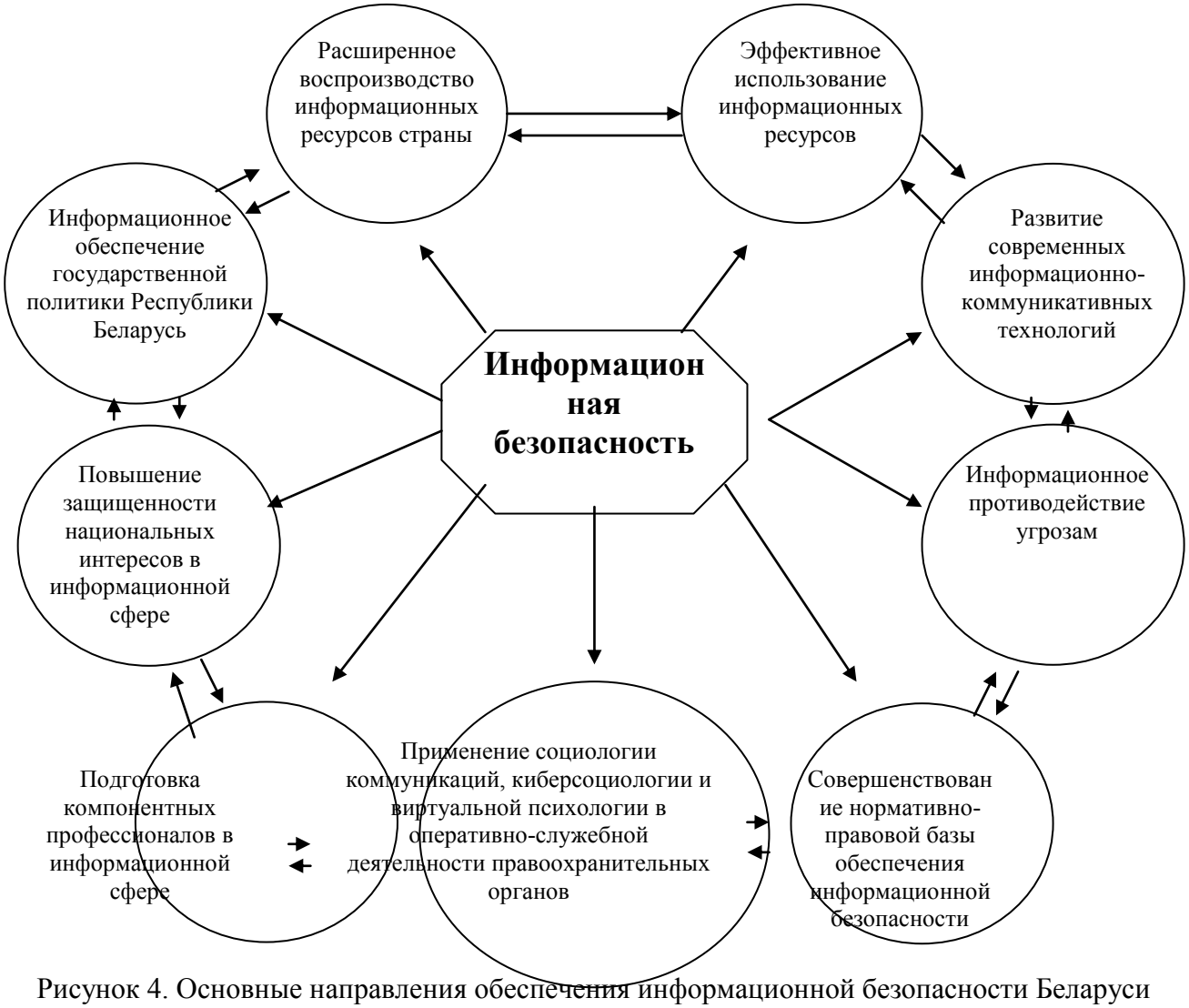

Рисунок 4. Основные направления обеспечения информационной безопасности Беларуси

СОЦИОГУМАНИЗМ ДЛЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА – ОСНОВА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Гундаров И.А.

д.м.н., к.ф.н., профессор, академик РАЕН, руководитель Центра мониторинга благополучия регионов Института социальной политики Академии труда и социальных отношений (Москва, Россия)

Важнейшей медико-социальной проблемой России и Беларуси является преодоление продолжающегося демографического кризиса. Актуальность задачи повышается с созданием Евразийского Союза. В России с конца 80-х годов смертность выросла на 50%. Вследствие этого за годы президентства Ельцина страна потеряла избыточно умершими более 4 млн. человек, за годы Путина – около 6 млн., Медведева – 2 млн. Из-за спада рождаемости – ещё минус 20 млн. В Беларуси смертность выросла к 1999 г. почти как у нас – на 42%. Рождаемость упала в 1,5 раза. В 2010 г. среди стран СНГ вымирают только Украина (4,4 промилле), Беларусь (3,0 промилле) и Россия (1,7 промилле).

Но на этом разрушительные демографические процессы не заканчиваются, впереди – каскадные реакции, которые пока не учитываются. Их суть проста: сколько в этом году родилось младенцев, столько через 20 лет будет 20-летних молодых людей (за вычетом на детскую смертность). В Беларуси в 1989 г. родилось 165 тыс., а в 1996 г. – уже 95 тысяч. Значит, через 20 лет произойдёт такой же спад числа 20-летних. Сейчас их примерно 165 тысяч, а в 2016 г. окажется всего 95 тысяч, т.е. на 70 тысяч меньше. И каждый последующий год будет около 95 тысяч 20-летней молодёжи. В результате через 10 лет численность белорусов уменьшится на 700 тысяч, через 15 лет – на 1 млн. 50 тысяч и т.д. А россиян, соответственно, – на 10 млн. и 15 млн. и т.д. Начнётся кадровый коллапс в экономике, армии, вузах.

Что делать? Убедительных ответов современная медицина не даёт, потому что не знает причин и механизмов подскока смертности и спада рождаемости. У нас высказывались мнения, что это есть результат геноцида, происков Запада, обнищания населения, деградации здравоохранения. Однако у вас всего этого не было. Что касается экологии и медицинских факторов риска (курения, ожирения, холестерина крови, гипертонии, алкоголя), не доказано их существенного влияния на рост смертности. Суммарный вклад всех известных причин не превышал 15-20%. А остальные 80-85% – это действие неизвестного науке фактора «Х». Обнаружена его нематериальная природа в виде нравственно-эмоциональных деформаций социальной атмосферы. Для их измерения предложены статистические индикаторы. Индикатором безысходности служат самоубийства, что известно со времён Дюркгейма. Агрессивность измерялась убийствами, разлад семейной атмосферы – разводами, несправедливое распределение собственности – грабежами и разбоями и т.д. Интегральным показателем духовного неблагополучия служила общая преступность.

Сопоставление динамики преступности с динамикой смертности в России выявило их теснейшую прямую связь. При рассмотрении с лагом в год (сначала преступность, а через год смертность) коэффициент корреляции превысил 0,9. Здесь преступность выступала индикатором духовно-эмоционального состояния населения, того «серого кардинала», что влиял одновременно на преступность и смертность.

Сходные корреляции обнаружены по остальным странам СНГ: Украине, Беларуси, Таджикистану и т.д. Это позволило говорить о сверхбыстрых психо-демографических реакциях с латентным периодом в полгода-год. Выделено новое направление в демографии – психодемография. Сформулирован закон духовно-демографической детерминации: «***при прочих равных условиях улучшение / ухудшение духовно-***

эмоциональной атмосферы сопровождается улучшением / ухудшением демографической ситуации».

Обнаружено мощное оздоровительное влияние социального оптимизма на жизнеспособность и рождаемость. Так, в 1943 г. смертность среди гражданского населения СССР внезапно снизилась вдвое, оставаясь низкой до конца войны. И это при отсутствии каких-либо улучшений материальных условий жизни. Животворящее воздействие оказала радость от победы под Сталинградом в начале 1943 г. и надежда на окончательный разгром врага. В блокадном Ленинграде в 1944 г. рождаемость взлетела и превысила довоенный уровень – настоящее демографическое чудо. Образно говоря, по городу ходили беременные скелеты. Причина – окрыляющее ощущение свободы от прорыва кольца окружения в 1943 г., а позднее – снятие блокады. С началом «перестройки» в СССР резко снизилась смертность от всех причин. Упали убийства, самоубийства, разводы, грабежи, общая преступность. Причина – взлёт надежд на новую, счастливую жизнь. Поднялась рождаемость, и одновременно выросли аборты, что является парадоксом для классической демографии. Такое стало возможным благодаря мощной активизация сексуальной энергии, которой хватило как на рост рождаемости, так и повышение абортов.

Наличие выраженных психо-демографических зависимостей объясняет нынешнее вымирание коренного населения стран Западной Европы и США от увеличивающейся агрессивности и депрессии. Становится понятной также причина взрыва СССР, случившегося не столько от экономических неурядиц и коварства врагов, сколько от нарастающей в 70-е годы озлобленности и тоски. Причиной стало трагичное расхождение между высокими идеалами, воспитываемыми в народе социалистической системой, и накапливающимися дефектами самой системы. Во всех странах СЭВ с окончанием «оттепели» стали расти самоубийства, убийства, разводы, преступность, смертность. И это на фоне непрерывного улучшения материального благосостояния населения.

Данный вывод печален и оптимистичен одновременно, ибо показывает, что в середине 80-х годов великий советский народ никому не проиграл, а сам рванулся исправлять накопленные ошибки для выхода на следующий виток исторического развития. Требовалось движение вперёд. Однако Проекта следующего этапа ни у кого не оказалось. Нет его и до настоящего времени. В такой неразберихе нам навязали неолиберализм как передовую тогда теорию западной экономической мысли. От этого духовного насилия – злоба и тоска у русского народа.

И у белорусов нет понимания, куда идёт страна. В результате – озлобленность и депрессия в душе людей. Плюс извне внушается комплекс неполноценности, что вы – самые экономически отсталые. Тогда как на самом деле всё наоборот. Среди стран СНГ за 20 лет с большим отрывом лидируют по динамике промышленного производства три государства: Узбекистан, Туркменистан и Беларусь. Россия – с конца на третьем месте. Если же стандартизовать страны по энергоресурсам, то Беларусь окажется первой. Представьте на миг, что случится с российской экономикой, если убрать нефтегазовый комплекс, который достался РФ, извините, «на халяву». Вопрос риторический. А Беларусь без ресурсов существуете как суверенное государство в окружении жёстких конкурентов, причём, функционально от них зависящая. Чудо какое-то. Относительно навалившегося на Вас кризиса, он имеет причиной скорее эмиссионные излишества, чем ошибки в промышленной политике. В отличие от России, где экономика глубоко провалилась.

Из-за отсутствия Проекта желанного будущего буксует и строительство Союзного государства – политики не знают, как его строить. И Евразийский союз постигнет та же печальная участь. Нахождение спасительного пути оказалось слишком сложным для политиков делом. Ведь речь идёт о поиске стратегии для всего запутавшегося человечества. В ФРГ 88% населения высказались против капитализма, но не знают, какой строй должен прийти взамен. В США 64% опрошенных ответили, что страна идет неверным путем, но какой путь верный затруднились указать. В России поддерживают

капитализм 5%, однако возвращаться в развитой социализм желают около 15%. А 80% пребывают в мировоззренческом ступоре. Премьер В.Путин признался, что за годы его правления в стране всё сшито на живую нитку. Значит, и он не знает, как надо по-хорошему.

Вывод: требуется подключение интеллекта учёных к поиску оптимального устройства общественной жизни. Иначе Беларусь и Россию ждёт неизбежное вымирание и уход с геополитической арены в Красную книгу истории. Модификации капитализма и коммунизма здесь не помогут. Требуется новый общественный строй. Ведь никто не доказал, что развитие капитализма и коммунизма не приведут к появлению новых социально-экономических и политических моделей. Впереди у человечества тысячи лет развития. Что, если время глобального открытия подошло, и рождается следующий исторический этап? А роды всегда мучительны. И родильным домом окажется Евразийский союз, где мы должны быть акушерами.

Чтобы облегчить рождение нового строя, нужно обнаружить формирующие его механизмы и научиться ими управлять. Прежние века история развивалась под влиянием «слепых» материальных стихий. Бытие определяло сознание, где рост производительных сил государства и уровня жизни населения служили надёжным «компасом» прогресса. В этом – суть исторического материализма и формационного подхода.

Позднее появился и стал нарастать второй механизм эволюции в виде гуманизации общественного бытия. В его основе – вовлечение всё большего числа людей в социальные процессы, рост уважения к человеческому достоинству и восприятие себя хозяевами своей судьбы, а значит и своей страны. Здесь сознание определяет бытие, культура является базисом, а экономика – надстройкой. В этом суть исторического идеализма и цивилизационного подхода.

Но человек по природе двуедин, являясь одновременно существом материальным и духовным, индивидуальным и коллективным. Соответственно противоречивы и его потребности. Для их удовлетворения нужен новый тип государства, адекватный диалектичной сущности человека. И название у него должно быть диалектичным, содержащим коллективные (социальные) черты и индивидуальные (гуманистические). Например, социогуманизм. В чём специфические отличия социогуманизма, которых нет у капитализма и коммунизма? Рассмотрим пять основных блоков.

Качество жизни населения как цель социального прогресса

Строить социогуманизм «вслепую» невозможно. Требуется Проект и ясная формулировка цели, по приближению к которой определяется правильность движения. Экономические ориентиры для этого недостаточны, ибо не отражают состояние самого человека, насколько ему уютно в окружающем мире. Более объемным идеалом предстаёт качество жизни. Оно показывает, в какой мере условия существования людей соответствуют их смыслам, потребностям и возможностям.

Оказалось, что качество жизни зависит от материальных условий примерно на треть, а на две трети – от духовных и интеллектуальных факторов: высоких идеалов, ощущения свободы и справедливости, широты образования, приобщения к культуре и т.д. И не всегда они идут однонаправлено.

Чтобы быть инструментом политического управления, качество жизни должно иметь четкие показатели. Таковыми являются важнейшие человеческие ценности (выраженные в статистических индикаторах): – сама жизнь (её продолжительность); – воспроизводство рода (рождаемость); – наличие смысла жизни (крайняя степень безысходности – самоубийства); – доброта отношений между людьми (крайняя степень бесчеловечности – убийства); – справедливость распределения собственности (индикатор несправедливости – грабежи, разбои) и др.

Контроль над властью по движению к цели

Чтобы при движении страны к цели не случилось отклонения от выбранного курса, необходим контроль над деятельностью власти. Главная задача такого контроля – не

преследование за ошибки, а их предупреждение. Предыдущие попытки в данном направлении оказались недостаточными. При социогуманизме предлагается механизм обратной политической связи, когда пребывание «у руля» государства напрямую зависит от благополучия общества. Для этого высшие руководители ежегодно отчитываются перед законодательным органом о динамике качества и уровня жизни населения. В случае ухудшения показателей по вине руководителей, они автоматически отправляются в отставку.

Введение ответственности власти за результаты своей деятельности обеспечит прорыв к политическому управлению нового типа, основанному на законах социальной эргономики. Всякие действия государства должны быть эргономичными, то есть соответствовать ценностям, потребностям и возможностям людей. Общество становится главным распорядителем собственной жизни, поскольку будут осуществляться лишь те действия, что соответствуют национальным интересам.

В результате возникнет самонастраивающийся политический механизм, который не принуждает разные страны к одинаковой социально-экономической модели, а находит оптимальные условия развития для каждой. Главный критерий оптимальности – улучшение качества жизни населения. Поэтому идеология социогуманизма способна стать консолидирующим мировоззрением интегрирующихся народов.

Государство народовластия

Гарантировать народу статус хозяина страны способна сильная государственная власть, состоящая из наиболее честных и профессиональных граждан, выбираемых самим народом и контролируемых им. Это есть народовластие, или народная демократия – не государство для народа, а государство народа. Народная демократия начинается с прав каждого гражданина на выдвижение в депутаты любого человека, проживающего достаточное время на местной территории. Открытое выдвижение кандидатов и выбор тайным голосованием проводятся на общих собраниях небольших территориальных объединений – 2-3 тыс. взрослых жителей. Избранные в представительную власть кандидаты составляют корпус народных депутатов. Депутатский корпус формирует внутри себя уровни представительной власти, используя метод «делегирования». Первым уровнем служат местные Народные советы. Они делегируют депутатов в Советы следующего уровня, те – следующего и так вплоть до Высшего Народного Совета. Нижестоящие Народные советы обладают правом отзыва направленных ими депутатов из вышестоящих уровней. Лишить депутата его мандата могут также жители территории, от которой он выдвигался. Реализацией принятых Народными советами законов занимается исполнительная власть, сформированная по уровням из компетентных в соответствующих областях профессионалов. Такая организация государственной власти обеспечивает поиск наиболее талантливых представителей народа, выдвигая их в управление не по критерию личной преданности и богатства, а профессионализма и справедливости. Она наиболее гуманистична, эффективна, низкозатратна, устойчива против внутренней коррумпированности и внешнего давления со стороны капитала, бюрократии, СМИ.

Экономика здравого смысла

Эффективное экономическое развитие требует раскрепощения творческой энергии трудящихся. При капитализме производительным силам тесно от ограничения государственных и коллективных форм деятельности. При социализме производительным силам тоже тесно, но уже от ограничения индивидуальных и частных форм деятельности. При социогуманизме производительные силы выходят на творческий простор. Ведь способности и потребности людей различаются: одни предпочитают совместный труд на общих предприятиях, другие – в одиночку на базе собственных средств производства. Сама экономика состоит из разных по длительности и трудоёмкости циклов. Поэтому в отличие от капитализма, где священными считаются частная собственность и рынок, и социализма, где священны общенародная собственность и план, при социогуманизме уважается любая форма собственности и любой способ регулирования, если они

справедливы по происхождению и служат здравому хозяйственному смыслу. Таким критериям соответствует экономика с трехсекторной собственностью: общенародной, коллективной, индивидуальной (частной). Способ регулирования включает использование плана, рынка и договоров, учитывающих как специфику долгосрочных трудовых циклов и больших производственных комплексов, так и быстро меняющихся производств с небольшим количеством участников. Тем самым хозяйственная система социогуманизма предстает не одномерной («левая», «правая» или «центристская»), а триединой (симфоничной), где каждый сектор является доминирующим в своей экономической «нише». При этом пропорции секторов и способы регулирования определяются не идеологическими установками, а здравым хозяйственным смыслом.

Главенство социальной политики

Социогуманизм – это истинно социальное государство, где социальная политика направлена на удовлетворение интересов народа не по остаточному принципу, а как главная обязанность власти. Что бы в жизни ни случилось, никто не окажется в унижающей бедности. Всем должны быть предоставлены условия достойного существования. С этой целью из общественных фондов бесплатно удовлетворяются базовые жизненные потребности, обеспечивая гарантии справедливого социального равенства. Одновременно каждому человеку предоставляется свобода повышения индивидуального благополучия за счет собственного труда. Тем самым гарантируется справедливость социальной дифференциации, стимулирующей дух творческого соревнования.

Политическая структура Евразийского союза

Создание Евразийского союза может привести к «растворению» в нём Союзного государства Россия-Беларусь, легитимность которого не закреплена волей народов. Чтобы эта участь не постигла новое образование, его требуется легитимизировать республиканскими референдумами. Для этого народы должны иметь ясное видение, на что они идут. Принципиальным отличием Союза от Содружества является наличие наднационального органа. В то же время ни одно из входящих в него государств не откажется от суверенитета, потеря которого равнозначна геополитическому исчезновению. Для преодоления дилеммы предлагается образование Совета глав государств как коллективного (с упразднением должности Председателя) руководящего центра, принимающего наднациональные постановления. Его члены имеют право «вето», гарантирующее принятие решений консенсусом. Исполнением постановлений занимается Совет председателей правительств, где решения принимаются подавляющим большинством голосов. В промежутках между его заседаниями руководство осуществляет Бюро в количестве трёх представителей из разных республик, сменяющихся ежегодно и имеющих каждый право «вето». Документы, подготовленные Советом председателей правительств, визируются Советом глав государств.

Такая диалектичная форма Союза гармонично сочетает суверенитет его членов при едином коллегиальном руководстве. Соответствующим образом формируется и название создаваемой интеграции. Она возникает как СВОБОДНОЕ волеизъявление народов; существует как СОЮЗ с наднациональными функциями; образованный СУВЕРЕННЫМИ субъектами; каждый из которых является РЕСПУБЛИКОЙ. В итоге получается Свободный Союз Суверенных Республик. Заявление на социологической конференции в Минске об открытии учёными нового общественного строя для Свободного Союза Суверенных Республик окажет на белорусов и россиян мощнейшее оздоровительное воздействие. Для демографического возрождения нужна идея, равная по эмоциональной мощи победе в Сталинградской битве, снятию блокады Ленинграда, началу «перестройки». Социогуманизм как государство народа способен стать такой великой идеей и высоким смыслом жизни. Тогда теория, овладев массами, превратится в материальную силу, созидательную и оздоравливающую.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ХОДЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Соколова Г.Н.
д.ф.н., профессор, зав. отделом экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Необходимость перехода от исчерпавшей себя индустриальной модели развития экономики к постиндустриальной, связанной с радикальными социально-экономическими преобразованиями в рамках перехода к новому технологическому укладу, очевидна. Приведем некоторые широко признанные концептуальные положения, характеризующие этот переход. Три компонента перемен Д. Белл описывает следующим образом: в экономике имеет место сдвиг от обрабатывающих отраслей к сфере инновационных видов услуг; в технологии утверждается ведущая роль основанных на науке отраслей промышленности; в социологическом измерении – формируются новые технократические элиты и возникает новый принцип стратификации [1, с. 661]. С этих позиций можно сказать, что постиндустриальное общество означает появление новых осевых принципов: переход от товаропроизводящего к информационному обществу, или обществу знаний, а в самих формах производимых знаний сдвиг по оси абстракции от эмпиризма, или метода проб и ошибок, к теории и кодификации теоретического знания с целью управления потоком нововведений и формулирования политики.

Постиндустриальное общество определяется новым качеством жизни, измеряемым услугами, которые становятся доступными для всех. Постиндустриальное общество базируется на новых принципах социально-технологической организации и новом образе жизни, оно вытесняет индустриальную систему, точно так же, как последняя когда-то вытеснила аграрную. По Д. Беллу, требования нового образа жизни концентрируются вокруг двух сфер, являющихся фундаментальными для этого образа жизни, – здоровья и образования [1, с. 171-172].

Развивая эту концепцию, В. Иноземцев считает, что «развивающиеся в постиндустриальном обществе процессы объективно ведут не столько к ограничению потребления материальных благ, сколько к вытеснению материальных стимулов их производства мотивами самореализации личности, наращивания интеллектуального потенциала и максимального его раскрытия в общественно значимой деятельности» [2, с. 55]. Всякий раз, когда общество ставит перед собой задачу установить более справедливое распределение благ или обеспечить большее равенство возможностей оказывается, что это не столько разрешает назревшие проблемы, сколько вызывает к жизни десятки новых, каждая из которых разрешается в рамках перехода от «экономизированного» подхода, служащего целям производства и получения прибыли к «социологизированному», нацеленному на формирование постматериалистической мотивации работников) [1, с. 391].

Что касается становления постиндустриального общества в Беларуси, то основная социальная проблема состоит в том, что рост уровня жизни населения Беларуси с 1992 по 2009 год практически не повлиял на качество жизни населения. Это проявляется в отсутствии значительных качественных изменений в сферах здравоохранения и образования. С одной стороны, уровень жизни повышается (что должно повлечь за собой повышение качества жизни), а с другой – один из важнейших показателей качества – ожидаемая продолжительность жизни при рождении – резко снизился в «переходный период» и так и не восстановился до настоящего времени. Если в 1984–1985 гг. продолжительность жизни достигала 72,6 лет, то в 2008–2009 гг. – 70,5 лет. О состоянии сферы образования говорит уже то, что в структуре безработных люди с невостребованным высшим и средним специальным образованием составляют почти 2/3

от общего числа безработных. Возникает проблема рассогласования уровня и качества жизни населения, характерная для Беларуси как постсоветского государства.

Состояние разработки проблемы. Выдвижение проблемы качества жизни сыградо положительную роль, поскольку преследовало цель устранения социального неравенства, губительно влияющего на здоровье, умственное и нравственное развитие людей. В 1960–70-х гг. в западных странах появились новые концепции эгалитаризма (Дж. Роулз), обозначившие острую потребность в преодолении социальной поляризации в обществе. Толчком к развитию теории качества жизни стали исследования жизни в городах. Серьезный вклад в ее изучение внесли социологи Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс). Сформирована специальная дисциплина «Социальная экология», в которую включена антропологическая проблематика качества жизни (Д. Маркович).

Говоря о качестве жизни, Д. Маркович обращает внимание на те аспекты жизни человека, которые не поддаются количественным оценкам, – на его стремление к самореализации, на возможность реализовать свободу выбора, приобретать новый опыт ради удовлетворения своих потребностей, на способность находить равновесие между собственными интересами и интересами социума [3, с. 129-132]. З. Бауман отмечает, что «идея качества жизни» замещает в сознании человека доминирующее внимание к его материальным потребностям, и при этом наиболее показательной чертой «качества жизни» выступает то, что таковое всегда существует лишь как представление, способное постоянно меняться» [4, с. 78-79]. Таким образом, развитие человеческой креативности выступает сегодня как важнейшей основой, так и неизбежным следствием усиления внимания к проблемам качества жизни.

Социологическая операционализация понятия «качество жизни» началась в 60-х гг. XX в. на основе понятия «социальные индикаторы» (в США – Ф. Конверс, У. Роджерс, Л. Милбрейт; в Великобритании – А. Мак-Кеннел, С. Райт). С 1974 г. издается международный журнал «Social Indicators Research», посвященный исследованиям качества жизни. Однако на данный момент проблема показателей качества жизни остается еще не решенной. Исследования скандинавских ученых (А.К. Сен, М. Нуссбаум) показывают, что оценки качества жизни должны опираться на методы, находящиеся на стыке социальных и демографических дисциплин. С учетом этого мы рассматриваем качество жизни *как социологическую категорию, выражающую степень удовлетворенности разных групп населения условиями своей жизнедеятельности, а также – степень самореализации в трудовой деятельности и степень потребления инновационных видов у*слуг [5, с. 67-69].

Внимание, уделяемое качеству жизни, конечно, не означает принижение значения уровня жизни, но отводит ему несколько иное место в системе социальных ценностей. Уровень жизни изначально рассматривался исследователями как сложная социально-экономическая категория, отражающая степень удовлетворения потребностей населения в материальных благах и нематериальных услугах. Специалисты Программы развития ООН для общей оценки уровня жизни разработали индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). В программах ООН, ЮНЕСКО, совместных программах Всемирного банка и Всемирного института ресурсов применяются различные показатели. Наиболее полная оценка уровня жизни характерна для двух научно-практических направлений. Одно из них ратует за агрегированные, синтетические показатели и опирается на положения Г. Мюрдаля, основанные на междисциплинарных исследованиях уровня и качества жизни: «На деле существуют не экономические, социальные, экологические и прочие, а лишь взаимосвязанные и сложные проблемы». Другое направление выступает за дезагрегированные индикаторы развития человека (Д. Макгрэнехен). В русле этого направления идет отработка 15 базовых индикаторов, приложимых к условиям беднейших стран, а также разработка и проверка упрощенных методик сбора данных, позволяющих получить информацию для осуществления практических мероприятий.

Исходя из концепции социальных показателей, мы рассматриваем уровень жизни *как социально-экономическую категорию, выражающую обеспеченность населения потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений.* В экономическом контексте они определяются состоянием сферы услуг в сравнении с международными стандартами; в демографическом – с продолжительностью жизни населения, уровнем его образования и долей ВВП на душу населения; в социальном – с состоянием социальной структуры, состоящей из комплиментарных групп, обеспечивающих стабильное развитие общества [5, с. 70-72].

Социологическому анализу данной проблематики способствовал переход исследователей социальной структуры в начале 1990-х гг. от марксистской парадигмы (теория классов К. Маркса) к теориям социальной стратификации. Стимулом для широкого распространения многокритериальной стратификации послужила работа П. Сорокина («Social Mobility», 1927), которая и поныне считается классическим для мировой социологии трудом по проблемам стратификации и мобильности [6]. В духе концепции П. Сорокина в качестве основных типов расслоения рассматриваются: экономический, профессиональный, политический, властный статус и престиж, степень адаптации к трансформационным процессам.

Состояние общественных отношений, присущее информационному обществу, вызвало необходимость появления постклассической парадигмы, существенно отличной от классики и признающей влияние на итог научного знания метода, теории и активной позиции исследователя. Одной из ведущих теорий постклассической парадигмы явилась теория структурации Э. Гидденса, представляющая собой попытку диалектического рассмотрения сложной структуры общества, особенностей ее функционирования и развития с выходом на механизмы взаимодействия акторов. Основное положение теории структурации состоит в том, что общество создается социальными акторами и постоянно воспроизводится ими теми же средствами, которыми они реализуют себя как акторы. В результате взаимодействие акторов друг с другом и ситуацией становится более тесным, взаимосвязи более глубокими и прозрачными, а диалектика единства и противоречивости этих связей – более зримой [7].

Рассмотрение концептов качества и уровня жизни в рамках социологического анализа предполагает рассмотрение их взаимосвязи и взаимозависимости, что дает возможность выявить, почему усложнение социальной дифференциации общества, появление в нем новых социальных слоев вследствие роста уровня жизни, не сопровождается повышением качества жизни. Согласно авторской концепции, становление постиндустриального общества происходит в контексте одного из законов диалектики – закона взаимного перехода количественных изменений в качественные. Сущность данного закона состоит в том, что изменение качества, т.е. переход от старого качества к новому, совершается тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенной границы. Таким образом, количество и качество – это составляющие элементы механизма инновационного развития. Они переходят друг в друга – и в этом их единство. Они измеряются в разных показателях – и в этом их различие. Взаимодействие этих элементов осуществляется в рамках категории «меры», которая выражает взаимосвязь и взаимообусловленность качества и количества. Мера выступает как интервал количественных изменений, в пределах которого явление как совокупность социально-экономических показателей сохраняет свою качественную определенность. Выход за пределы меры приводит к изменению качества жизни, к превращению количественных изменений в качественные. Так, кризис 1992 г., связанный с падением ВВП в Республике Беларусь на 36% и радикально понизивший уровень жизни населения, обусловил резкое падение не только количественных, но и качественных характеристик жизни. Отметим, что уровень жизни начала 1990-х годов был достигнут

только в 2000-х годах, т.е. мера возвращения к «нормальному» уровню и качеству жизни составила примерно 10 лет.

Категория «качественный скачок» отражает сложный переход от старого качества к новому, когда количественные изменения выходят за границы меры. Содержанием качественного скачка является сложное переплетение двух процессов – исчезновение старого качества и возникновение нового, а также установление нового единства качества и количества. Сложность этого перехода состоит в том, что силы и тенденции, направленные на нарушение социально благополучной консервативности объекта, с очень большим трудом получают преобладание над силами, способствующими сохранению этой консервативности. Чем богаче и сложнее явление, тем сложнее переход от старого качества к новому.

Социологический анализ проблемы рассогласования уровня и качества жизни белорусского общества основан на данных республиканского социологического исследования «Уровень и качество жизни белорусского населения», проведенного Отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси в ноябре-декабре 2009 г. при поддержке БРФФИ. Изучение материальных и нематериальных компонентов уровня и качества жизни дает возможность проанализировать: во-первых, как изменения в экономике и социальной сфере влияют на уровень и качество жизни разных социально-демографических групп населения; во-вторых, каким образом направленность и темпы данных изменений воспринимаются населением.

Уровень жизни населения является обобщающим показателем эффективности социально-экономической политики государства, поэтому одной из основных задач социальной политики Беларуси является сокращение уровня малообеспеченности населения – удельного веса граждан, имеющих доход ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ). Рост уровня жизни, отраженный в табл. 1, свидетельствует о постоянных изменениях в экономической стратификации белорусского общества. Так, за период с 1995 по 2009 год слой малообеспеченных уменьшился от 38,4 до 5,4 %; слой в диапазоне от бюджета прожиточного минимума (БПМ) до минимального потребительского бюджета (МПБ), бывший до 2005 года социальной базой общества, уменьшился от 42,0 до 16,3 %; слой в диапазоне от 1 до 2 МПБ увеличился от 13,1 до 56,3 %, превратившись в базовый.

Таблица 1. Распределение населения по уровню располагаемых ресурсов на члена семьи в соотношении с БПМ и МПБ (по материалам выборочного обследования домашних хозяйств, %)

Страта с уровнем денежных доходов	*Годы*			
	1995	2000	2005	2009
Ниже БПМ (малообеспеченные)	38,4	41,9	12,7	5,4
От БПМ до МПБ (нижний слой)	**42,0**	**34,9**	29,3	16,3
От 1до 2 МПБ (базовый слой)	13,1	15,1	**42,9**	**56,3**
От 2 до 3 МПБ (средний слой))	5,4	6,7	12,3	16,2
От 3 до 5 МПБ (верхний слой)	1,0	1,2	2,4	3,4
Свыше 5 МПБ (элита)	0,1	0,2	0,4	2,4
Итого	100	100	100	100

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2010 (Стат. сб.). – Минск: Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2010. – С. 141, 143. *Примечание:* Минимальный потребительский бюджет (МПБ) – это основной социальный норматив, представляющий собой стоимость набора материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека. Среднедушевой минимальный потребительский бюджет семьи из четырех человек с ноября 2009 г. составлял 385,3 тыс. бел. руб. (соответственно – бюджет прожиточного минимума – 248,5 тыс. бел. руб.).

Очевидно, что с наибольшей активностью перемещения происходят между базовым и нижними слоями, с меньшей – между базовым и верхними слоями, практически закрытыми для восходящей экономической мобильности. Получается, что базовый слой как бы «вбирает» в себя нижние слои и «консервирует» в диапазоне доходов от 1 до 2 МПБ свыше половины населения республики, стабилизируя белорусское общество на основе сохранения нерыночных ценностей в экономике и социальной сфере. Мы определяем базовый слой как *иерархию социальных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих нерыночные ценности в экономике и социальной сфере*.

По материалам республиканского социологического мониторинга, базовый слой общества, составляющий его социальное ядро, владеет достаточным образовательным потенциалом, но не обладает достаточными материальными ресурсами и находится в процессе простого воспроизводства своей рабочей силы. Моральное устаревание ценности полученного образования порождает экономическую и гражданскую инертность и затрудняет продвижение его обладателей в средний класс белорусского общества – наиболее восприимчивый к инновационным изменениям в экономической и социальной сферах. Поэтому в своей основной массе базовый слой малопригоден для выполнения функции агента научно-технического и социального прогресса в обществе и не может претендовать на положение среднего класса в белорусском обществе [8, с. 199-218].

Белорусские граждане под понятием «средний уровень жизни» сегодня подразумевают наличие в собственности квартиры (в сельской местности – дома), легкового автомобиля и участка земли (распределение ответов о наличии какого-либо имущества в собственности представлено в табл. 2.). Средний уровень жизни белорусов подразумевает также постоянное наличие полноценного питания (39,1 %) и время от времени – посещение театров, кино, концертов (45,7 %), использование платных медицинских услуг (45,1 %), посещение кафе, ресторанов (32,3 %), сауны, бассейна, спортивного комплекса (22,0 %) и белорусских курортов (20,5 %). Отдых в странах дальнего зарубежья, проведение выходных в усадьбах гостиничного типа в пределах Беларуси, посещение развлекательных центров и косметических салонов является предметом роскоши и не входит для белорусов в понятие «достойного образа жизни».

Таблица 2**.** Владеете ли Вы какой-либо собственностью?, %

Варианты ответов	Да	Нет
1. Дом, квартира (собственный, приватизированная)	83,4	16,6
2. Дача (с участком земли)	22,8	77,2
3. Автомобиль легковой	46,6	53,4
4. Участок земли, огород, сад	46,9	53,1
5. Предприятие (фирма, мастерская, цех, завод и т.д.)	1,1	98,9
6. Магазин (палатка, ларек)	1,7	98,3
7. Скотина, птица	17,2	82,8
8. Технические средства и механизмы (трактор, сеялка и т.д.)	3,1	96,9
9. Акции, ценные бумаги	4,3	95,7
10. Ничем не владею	19,9	80,1

Источник: Составлено по материалам социологического исследования, проведенного ноябре-декабре 2009. *Примечание*. В социологическом исследовании, проведенном в ноябре-декабре 2009 г., выборочная совокупность составила 1500 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, составляла +/– 3%. С учетом данной погрешности, выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т.е. население республики.

За последние три года белорусу со средним уровнем жизни удалось сделать ремонт в квартире (доме) – 41,2 % и приобрести товары длительного пользования (технику,

мебель) – 44,0 %, каждый пятый житель страны смог сделать накопления, улучшить свое материальное положение, обеспечить образование детям и приобрести автомобиль. Вместе с тем, В связи с финансово-экономическим кризисом и его последствиями, 46,6 % населения отмечают, что цены на товары и услуги растут, а их доход не увеличивается либо упал, при этом у 23,1 % снизилась заработная плата; наблюдаются проблемы и с занятостью населения (табл. 3).

Таблица 3**.** Оценка влияния финансово-экономического кризиса населением Беларуси, %

Варианты ответов	**%**
1. Кризис меня не коснулся, не затронул	22,0
2. Начали задерживать заработную плату	9,2
3. Снизили заработную плату	23,1
4. Уменьшили количество рабочих дней / часов на предприятии	5,7
5. Вынужден(а) уйти в неоплачиваемый отпуск	1,6
6. Сократили / уволили с работы	1,1
7. Цены на товары и услуги растут, а мой доход не увеличивается / упал	46,6
8. Стало сложнее вести свое дело, заниматься предпринимательством	4,8
9. Кризис, напротив, открыл для меня (членов моей семьи) новые возможности в работе, заработках, карьере и пр.	0,9

Источник: Материалы социологического исследования, проведенного в ноябре-декабре 2009 г

Анализ трактовок белорусскими гражданами качества жизни выявил, что для белоруса понятие «высокое качество жизни» означает, прежде всего, достаток в семье, хорошее здоровье, хорошие жилищные условия, уверенность в завтрашнем дне и возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом. Менее значимо для белорусов – иметь работу, приносящую удовлетворение, отдыхать и проводить отпуск так, как хочется, иметь хорошее образование и сбережения. И уж совсем незначимо, по мнению белорусов, для обеспечения высокого качества жизни изучать иностранные языки, участвовать в общественной и политической жизни общества (табл. 4).

Таблица 4**.** Что лично для Вас означает понятие «высокое качество жизни»?, %

Варианты ответов	В целом по выборке	Мужчины	Женщины	Город	Село
1. Достаток в семье	80,5	81,9	79,1	83,7	72,5
2. Хорошее здоровье	66,7	62,8	70,3	67,3	64,9
3. Хорошие жилищные условия	59,2	56,7	61,5	59,1	59,4
4. Уверенность в завтрашнем дне	49,8	51,2	48,5	50,8	47,3
5. Возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом	46,3	44,8	47,6	48,0	41,8
6. Работа, приносящая удовлетворение	40,5	41,3	39,7	42,0	36,6
7. Возможность отдыхать, проводить отпуск так, как хочется	36,8	35,2	38,3	38,8	31,8
8. Наличие сбережений	26,1	25,8	26,3	24,7	29,6
9. Хорошее образование	21,3	21,4	21,2	21,4	21,1
10. Владение иностранными языками	4,2	3,0	5,2	4,2	4,3
11. Участие в общественной жизни общества	4,0	3,7	4,2	3,8	4,3
12. Участие в политической жизни общества	1,3	2,3	0,4	1,3	1,2

Источник: Материалы социологического исследования, проведенного в ноябре-декабре 2009 г.

Таким образом, оценки уровня жизни, характеризующие материальное положение респондента («достаток в семье», «наличие сбережений»), в значительной степени определяют оценки качества жизни. Согласно результатам исследования, 3/5 респондентов характеризуют свое материальное положение как «среднее», 1/4 выставили негативные оценки и только чуть более 1/10 респондентов оценили его как «хорошее». Среди респондентов, высоко оценивших качество своей жизни, 76,9 % определяют свое материальное положение как «хорошее» и «скорее хорошее», а среди лиц с низким качеством жизни 84,6 % оценивают свое материальное положение как «скорее плохое» и «плохое» (табл. 5).

Таблица 5. Соотношение оценок респондентами качества жизни и материального положения, %

Оценка материального положения	*Оценка качества жизни*		
	Высокое	Среднее	Низкое
Хорошее	**53,8**	4,6	0,0
Скорее хорошее	**23,1**	8,2	0,0
Среднее	15,4	**76,3**	11,5
Скорее плохое	0,0	7,1	**33,3**
Плохое	0,0	1,8	**51,3**
Затруднились ответить	7,7	2,0	3,8
Всего	100	100	100

Источник: Материалы социологического исследования, проведенного в ноябре-декабре 2009 г.

О взаимосвязи уровня и качества жизни свидетельствует рост потребления населением высокотехнологичных предметов длительного пользования и инновационных услуг, представленный в табл. 6. Что касается высокотехнологичных товаров, то их количество в домашних хозяйствах неуклонно растет. Так, за период с 2000 по 2009 год, число телевизоров цветного изображения увеличилось в 1,6 раза, холодильников – в 1,2 раза, видео-, DVD-магнитофонов и видеокамер – в 3,4 раза, стиральных машин-автоматов – в 2,3 раза, микроволновых печей – в 2,8 раза. Персональных компьютеров, представляющих собой инновационную услугу, стало за этот период в 20 раз больше. Заметим, однако, что их количество в 3-4 раза меньше, чем например, телевизоров цветного изображения, в расчете на 100 домашних хозяйств.

Таблица 6**.** Наличие предметов длительного пользования в домохозяйствах (на 100 домашних хозяйств, штук)

	2000 год	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год		
						РБ	город	село
1. Телевизоры цветного изображения	89	118	126	135	140	145	152	127
2. Холодильники, морозильники	106	116	118	122	124	127	122	137
3. Видео-, DVD-магнитофоны, видеокамеры	20	38	43	55	60	68	75	50
4. Стиральные машины-автоматы	…	25	32	41	50	58	66	35
5. Микроволновые печи	…	17	23	32	39	47	53	30
6. Персональные компьютеры	2	13	18	26	32	40	48	21

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь (стат. сб.) – Минск: Национальный статистический комитет РБ, 2010. – С. 202-203.

Что касается потребления инновационных услуг, то интернет-пользователями, по данным выборочного обследования домашних хозяйств на начало 2010 года, являются 27,2 % населения в возрасте 16 лет и старше, в том числе в городах и поселках – 32,6 %, в сельских населенных пунктах – 11,6 % (табл. 7).

Таблица 7**.** Доступ населения к услугам сети Интернета
(на начало 2010 года; в % к общему числу населения соответствующей группы)

Показатели	Пользуются услугами сети интернета	В том числе			
		дома	по месту работы, учебы	в интернет-кафе, клубах, отделен. связи	у друзей, родственников
Население, пользующееся услугами сети интернета, всего	27,2	21,9	3,5	0,6	1,1
в том числе проживающие:					
в городах и поселках городского типа	32,6	26,4	4,1	0,7	1,3
в сельских населенных пунктах	11,6	8,9	1,6	0,4	0,7
Население в возрасте, лет					
16 – 29	57,9	47,0	4,8	2,3	3,6
30 – 49	32,4	26,4	4,9	0,3	0,8
50 и старше	6,6	4,9	1,6	0,0	0,1
Население в возрасте 16 лет и старше, имеющие образование:					
высшее	52,8	39,8	10,9	0,8	1,2
среднее специальное	24,6	20,2	2,9	0,4	1,0
профессионально-техническое	16,1	13,5	1,1	0,2	1,3
общее среднее	22,5	19,6	1,0	0,9	1,0
общее базовое	22,5	18,7	0,7	1,0	2,1

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь (стат. сб.) – Минск: Национальный статистический комитет РБ, 2010. – С. 308.

Между тем, бурное развитие информационной составляющей современного хозяйства выступает дополнительным стимулом становления новых ценностных ориентиров. Наиболее значимым качеством работника становится его способность усваивать информацию и продуцировать новое знание. И поскольку потребление информационных продуктов во многих аспектах становится тождественным их производству, постольку стремление человека к самосовершенствованию приобретает общественно важное значение, что стимулирует воспроизводство данного явления в расширяющихся масштабах, не известных экономической системе индустриального общества.

Таким образом, взаимосвязь уровня и качества жизни как переход количественных характеристик уровня в характеристики качества жизни (в плане ее комфортного бытия) прослеживается довольно отчетливо по республике в целом. Однако наблюдаются значительные различия в этом процессе между городом и селом, между Минском и регионами. Выявление типологических характеристик социально-экономического развития столицы и регионов показало, что согласно статистическим данным, социальные проблемы малообеспеченности наиболее остро стоят в регионах Беларуси, особенно для жителей сельской местности: доходы городских домашних хозяйств в 2008 г. превышали доходы сельских домашних хозяйств на 37,2 % (в 2007 году – на 44,3 %); наиболее низкий уровень малообеспеченности населения, на начало 2010 г., наблюдаемый в г. Минске, составил – 0,8 %. Однако результаты социологического исследования выявили, что жители столицы высказывают более сдержанные и низкие оценки качества своей жизни и жизненной ситуации в целом, чем жители регионов Беларуси.

Например, при оценке жизненной ситуации полагают, что «все более чем нормально» 8,6 % жителей регионов и только 4,5 % минчан. При оценке качества своей жизни, как «высокое» его оценили 1,2 % респондентов в регионах и 0 % минчан, а «ниже среднего» – 19,1 % жителей регионов и 29,1 % минчан. Выявляется, что у населения

столичного региона сформировались более высокие требования к уровню и качеству своей жизни, однако они преимущественно сфокусированы на возможности обеспечивать высокий уровень материального потребления и комфорта. Так, для минчан наиболее важно иметь хорошие жилищные условия (Минск – 69,6 % респондентов, регионы – 55,8 %), возможность не экономить на элементарном и не отказывать себе в самом необходимом (Минск – 51,0 % респондентов, регионы – 44,7 %), отдыхать, проводить отпуск так, как хочется (Минск – 42,9 % респондентов, регионы – 34,9 %).

Предпосылкой становления постиндустриального общества является постоянный переход количественных характеристик уровня жизни в качественные характеристики, связанные с самореализацией личности и ростом потребления инновационных видов услуг. Проблема рассогласования уровня и качества жизни белорусского общества проявляется в снижении рейтинга ИРЧП Республики Беларусь в группе стран с высоким уровнем развития, в связи с ухудшением показателя продолжительности жизни населения [9, с. 85-104]. С одной стороны, по данным государственной статистики (1995–2009), наблюдается повышение доходов граждан, вызывающее существенные изменения в экономической стратификации белорусского общества в направлении увеличения средне- и высокодоходных групп населения. С другой стороны, белорусские граждане, по данным республиканского социологического исследования, вкладывают в понятие «высокое качество жизни», помимо хорошего здоровья, такие ресурсные критерии, как материальный достаток, хорошие жилищные условия, возможность не экономить на минимально необходимых вещах. Получается, что материальное благополучие для белорусов все еще является целью, а не средством обеспечения высокого качества жизни. Это свидетельствует о том, что проблема рассогласования уровня и качества жизни, существующая в белорусском обществе, воспроизводится в большей мере за счет ориентации граждан на поддержание достигнутого уровня жизни, и в меньшей – за счет актуализации ими социальных инноваций и потребления инновационных видов услуг – гуманитарных (образование, здравоохранение) и профессиональных (информатизация, телекоммуникация).

Таким образом, повышение материального уровня жизни создает потенциальные предпосылки для становления новой мотивационной системы. Человек, освободившийся от постоянного поиска средств, необходимых для удовлетворения насущных потребностей, получает возможность приобщения ко всему многообразию ценностей, накопленных цивилизацией. Но это не означает немедленного и автоматического использования им открывающихся возможностей, и уж тем более – быстрого становления новой иерархии ценностных ориентиров в масштабах целого общества. В настоящее время все чаще используется понятие «постэкономической (post-economic) системы ценностей», предложенное Э. Тоффлером [10, с. 606-610]. Именно он впервые рассмотрел современные нематериальные мотивы деятельности индивида не как неэкономическую составляющую его активности, а как элемент преодоления прежней экономической системы мотивации, как проявление не неэкономических, а постэкономических потребностей. С этой точки зрения, новая мотивационная система преодолевает стандарты экономической эпохи, а не видоизменяет их.

По мнению В. Иноземцева, «между благосостоянием и восприимчивостью человека к новым мотивам деятельности не существует прямой зависимости. Многочисленные социологические исследования вполне ясно подтверждают это обстоятельство; в лучшем случае можно говорить о наличии слабой корреляции между экономическими успехами нации и относительно абстрактным понятием «удовлетворенность жизнью». Ориентация же на новые ценностные установки является функцией множества «переменных», и с достаточной степенью определенности можно говорить о ней лишь в пределах конкретной страны или экономической системы» [2, с. 52].

Действительно, ориентация на новые ценностные установки является функцией множества переменных и слабо коррелирует с уровнем материального благосостояния людей. Отметим, однако, что корреляционные связи отражают лишь статичную картину состояния постиндустриального общества в определенные моменты места и времени, ограничиваются описанием явления и не выходят за рамки эмпирического познания. Для раскрытия сущности процесса перехода к постиндустриальному обществу необходимо *объяснение* этого процесса в русле действия собственного социально-экономического закона (в данном случае – закона перехода количественных характеристик в качественные). Подобное объяснение связано с введением в научный оборот категорий качества жизни, уровня жизни, меры и качественного скачка как элементов механизма прогрессивных изменений.

Но что происходит в случае регрессивных изменений, при радикальном снижении уровня жизни, как это произошло в Беларуси, начиная со второго квартала 2011 года. Резкое понижение покупательной способности заработной платы и, соответственно, падение уровня жизни, неизбежно должно сказаться на качестве жизни населения, по крайней мере, основной его составляющей – степени удовлетворенности заработной платой. Политика ограничения потребления может привести еще к одному негативному результату – сокращению рождаемости. Кроме того, нужно учитывать, что молодежь будет стремиться уехать из страны из-за низких доходов, что приведет к еще большему снижению численности населения. В ближайшие годы Беларусь будет двигаться путем реформирования экономики, рассчитанным на развитие государственных предприятий за счет ограничения уровня потребления населения. По оценкам экономистов, модернизация государственного производства, если она будет успешной, позволит увеличивать заработную плату примерно на 10% в год. Это означает, что мера возвращения населения к уровню и качеству жизни 2010 года составит примерно 5 лет, при условии, что страна удачно пройдет через периоды кризисов и другие «рифы» мировой экономики.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / М.: Academia, 1999. 788 с.
2. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2000. 470 с.
3. Маркович Д.Ж. Глобальные проблемы и качество жизни // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 129–132.
4. Bauman Z. Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality / Z. Bauman. New York, 1995. 610 c.
5. Соколова Г.Н.Проблемы взаимосвязи уровня и качества жизни в ходе становления постиндустриального общества / Г.Н. Соколова // Общество и экономика. – 2011. – № 7. – С. 65-82.
6. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общ. ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. – XX. 588 с.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – 2-е изд.– М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
8. Соколова Г. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – 2010. – № 7–8. – С. 199–218.
9. Соколова Г. Состояние и использование человеческого капитала в Республике Беларусь // Общество и экономика. – 2010. – № 5. – С. 85–104.
10. Тоффлер Э. Третья волна. Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 669 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Котляров И.В.
д.с.н., профессор, директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В последние годы во всем мире резко вырос интерес к политическим партиям. В США скоро за пост президента страны поспорят представители республиканской и демократической партий. Значительно активизировались политические партии во Франции. О важности, необходимости и востребованности политических партий говорит хотя бы тот факт, что в настоящее время, как утверждает известный немецкий исследователь ***Филипп Шмиттер,*** в мире не существует ни одной «беспартийной демократии». «Представительная демократия, – отвечает он, – контролируемая посредством многопартийных, состязательных выборов, служит ориентиром демократической трансформации поставторитарных обществ в любом культурно-географическом регионе мира» [6, с. 27]. Да и в Беларуси на последних президентских выборах половина из кандидатов опирались на идеологию, использовала структуру и членов различных политических партий страны. По мере приближения выборов в белорусский парламент активность белорусских политических партий также растет. Так что утверждения о смерти в современных условиях политических партий не соответствует действительности.

Однако постоянно возникает вопрос: что такое современные политические партии? Как утверждают многие исследователи, политическая партия – это наиболее активная, сознательная и организованная часть какой-либо социальной группы или класса, которая формулирует и выражает интересы своих членов, борется за политическую власть или участие в ее осуществлении. Как показывает политическая реальность, политические партии – самые подвижные и активные элементы современного общества, основные инструменты взаимосвязи между государством и людьми. Основное функциональное предназначение современных политических партий – это организация политических процессов, выражаемая в суммировании личных интересов и преобразовании их в общественные, принятие на их основе политических решений, формирование идеологических позиций, поиск и продвижение кандидатов для избрания или назначения в структуры государственной власти и органы местного самоуправления. Именно политические партии направляют неуправляемую стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за лучшее будущее общества и государства.

Политические партии – это основа демократии. Именно они, выполняя одну из основных своих функций, представляют в законодательных органах политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, содействуют политической социализации граждан, являются своеобразным механизмом саморегуляции общественной жизни. В условиях разделения властей, перманентной выборности и политической конкуренции партии содействуют эффективному функционированию представительных институтов. Занимая центральное место среди других организаций гражданского общества, они способны целенаправленно воздействовать на органы государственной власти и осуществлять определенный контроль за их деятельностью.

Белорусская многопартийная система, к сожалению, в настоящее время стремительно деградирует. Она находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Практически все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. Очень мало жителей нашей страны видят среди белорусских политических партий ту силу, которая способна защитить их интересы,

понять их желания и потребности, эффективно представлять их на высшем государственном уровне. В понятии простых людей они и партии существуют очень далеко один от одного, в параллельных мирах, которые никогда не сойдутся. Партиям нет никакого дела до их жизни, проблем и бед. В результате, люди не чувствуют реальной потребности в партиях, а значит, в белорусском обществе отсутствие спрос на них.

По данным социологического мониторинга, постоянно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, белорусским политическим партиям в настоящее время доверяют 9,0 % населения Беларуси, не доверяют – 39,0%. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в парламент по «партийным спискам», то 28,5 % избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Две трети респондентов вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего не знают о белорусских политических партиях. Избирательный барьер следовало бы установить минимальный – один процент. И то его бы преодолели меньше половины политических партий страны. Популярность некогда мощной политической силы – Коммунистической партии Беларуси упала за последние двадцать лет более в ***пятьдесят*** раз (с 52,1 % в марте 1991 года до 0,9% сейчас). Перед выборами в Верховный Совет XIII созыва каждый третий житель страны был готов поддержать коммунистов, а что сейчас? И это тогда, когда партийный спектр белорусского политического пространства полностью заполнен. Все граждане Республики Беларусь могут выбрать политическую партию, отвечающую их политическим пристрастиям и требованиям, личностному пониманию дальнейшего развития белорусского общества. Правда, почти все белорусские партии правильные, ровненькие: причесанные, выглядят «на одно лицо» или, точнее, вообще его не имеют. Так что у белорусских граждан и есть выбор, и нет его.

Рейтинг политических партий Беларуси на весну 2011 г. имел следующий вид:

1. Либерально-демократическая партия	1,3%
2. Партия "Белорусская социал-демократическая Громада"	1,0%
3-6. Республиканская партия труда и справедливости	0,9%
3-6. Объединенная гражданская партия	0,9%
3-6. Коммунистическая партия Беларуси	0,9%
3-6. Консервативно-Христианская Партия – БНФ	0,9%
7-10. Белорусская партия "Зеленые"	0,7%
7-10. Партия БНФ	0,7%
7-10. Белорусская социально-спортивная партия	0,7%
7-10. Белорусская социал-демократическая партия "Громада"	0,7%
11. Белорусская аграрная партия	0,6%
12. Социально-демократическая партия Народного Согласия	0,4%
13-15. Белорусская патриотическая партия	0,1%
13-15. Партия коммунистов Белорусская	0,1%
13-15. Республиканская партия	0,1%
Проголосовал бы против всех	28,5%
Затрудняюсь ответить	61,9%

Почему политические партии, которых, по идее, должны поддерживать все граждане страны (конечно, каждый свою), оказались политическими аутсайдерами? Можно назвать несколько важнейших причин полного краха белорусской многопартийности. Одним из ключевых вопросов жизнедеятельности современных политических партий является содержание их повседневной работы. Это то, что люди видят и чувствуют, или, по крайней мере, должны. Если политические партии постоянно не заявляют о себе в публичной политике, не принимают активного участия в политической жизни, не откликаются на злободневные события, не инициируют различные политические и коммуникационные процессы, то таким политическим структурам предстоит весьма недолгая жизнь. Во время ливийской трагедии в ходе

многочисленных социологических интервью люди спрашивали: «Почему молчат партии? Почему они активно не выражают свое мнение?». Однако ответы на эти вопросы до сих пор никто так и не смог дать.

Партии, как марафонцы, всегда должна быть в прекрасной спортивной форме, иначе они никогда не достигнут поставленной цели. Чем настойчивее, последовательнее и целеустремленнее политические партии будут реализовывать свои программные требования, тем стабильнее будет поддержка электората. В Беларуси многие партии от выборов до выборов представляют аморфную, желеобразную массу, которую не реально встряхнуть, но и трудно выбросить. Даже появилась такая дефиниция – ширмочная партия. Ширма есть, за ней ничего. Типичный пример – Социал-демократическая партия народного согласия. Уже добрый десяток лет она не предпринимает никаких политических действий. Может быть, партийные боссы считают, что такие партии еще когда-нибудь понадобятся для решения их личных проблем?

Современные белорусские политические партии не выполняют свою главную функцию – представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своих избирателей, своего электората. На сессиях парламента никто из партийцев не выступает от имени своей партии, не отстаивает ее точку зрения, не представляет интересы простых членов партии. Разработка законопроектов и партийная жизнь идут параллельными курсами. Думаю, в стране не найдется ни одного человека, который смог бы точно ответить на вопрос: сколько сейчас партийцев в парламенте. Уже стало обыденным, когда депутаты перед парламентскими выборами специально вступают в ту или иную политическую партию, чтобы выдвинуться от партийной структуры в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. Так сделать это намного проще, чем собирать голоса тысячи избирателей, особенно в том округе, где ты практически не бывал. После выборов такие члены теряли к партии всякий интерес, а партийные билеты клали в «очень долгий» ящик. Но с другой стороны, при мажоритарной избирательной системе, каждый депутат – это отдельная, но весьма специфическая политическая партия.

В свое время известный ученый Роберт Михельс открыл «железный закон олигархических тенденций» и доказал, что партийная демократия обязательно перерождается в партийную олигархию, а демократы становятся олигархами. Что-то подобное и произошло и в нашей стране. Большинство белорусских политических партий сегодня выражают и представляют интересы не широких партийных масс, а партийной верхушки, своих друзей и родственников, знакомых и близких. Лидеры современных политических партиях, как правило, являются их брендами, особенно в ходе избирательных кампаний и общении с людьми и средствами массовой информации. Они во многом проецируются на политическую партию, в некоторых случаях, полностью отождествляются с ней, растворяются в партии. Партийные лидеры обязаны быть отражением настроений электората, своих избирателей, как говорил Василий Иванович Чапаев, всегда находиться впереди «на белом коне». Их роль особенно важна в современных условиях, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. Во-первых, у многих людей полностью отсутствует интерес к политике как способу решения своих интересов и потребностей. Как показывают социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, только четыре процента жителей страны считает, что активное участие в политической деятельности поможет им решить существующие проблемы. Во-вторых, развитие информационных технологий, электронных средств массовой информации заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым и непонятным им правилам – быть интеллигентами и компетентными, интеллектуальными и мобильными, элегантными и эрудированными, выражать социальные ожидания и заказы людей. Роль Бабы Яги на метле и в ступе, пытающейся заклинаниями звать электорат к лучшей жизни, или комиссара в маузером в руке, уже давно не воспринимается избирателями. Новые условия

требуют полной смены поведенческой парадигмы, формирования принципиально нового политического имиджа. Это, к сожалению, в Беларуси не произошло и не скоро произойдет. Как результат, у подавляющего большинства белорусских политических партий нет запоминающихся лидеров, отвечающим современным требованиям и способных в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать, что они готовы взять на себя ответственность за положение дел в государстве. Руководители многих политических партий, просто-напросто, не интересны. У них полностью отсутствует не только харизма, но даже элементарная привлекательность. Под вопросом и моральный облик лидеров некоторых политических партии. Следует особо подчеркнуть, что, как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров многие люди вообще никогда не слышали. Их рейтинг, как говорится, ниже плинтуса – 0, 00 процента [1; 2; 6].

Рассматривая кадровые проблемы политических партий страны, следует особо подчеркнуть полное отсутствие у многих из них лидерского потенциала и тенденцию к несменяемости лидеров. Как результат, закостенение партийной элиты, не желающей покидать относительные теплые места, дающие некоторые моральные (а иногда – и не только) преимущества. Как продолжение этой тенденции – явный недостаток рядовых членов партии, на которых во всех странах держится многопартийность. Достаточно слабое звено – партийный аппарат, спичрайтеры и аналитики политических партий. Они малопрофессиональны и очень часто – коррумпированы. Мало того, что совершенно не поймешь, о чем они говорят и пишут, но их точка зрения может поменяться несколько раз за неделю в зависимости от полученного гонорара. Серьезной проблемой многих политических партий страны является полное отсутствие теоретическое работы. Наблюдается ярко выраженный эффект «замороженности». Для многих партий политическое время остановилось. Партийные программы практически не изменились с момента создания партий. В них до сих пор содержатся категории «времен Очаковских и покоренья Крыма». Нельзя в программе современной политической партии давать определения из «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистический партии (большевиков). Современные партийные концепции, заявления, обращения оказались не способными ответить на вызовы и риски быстро летящего времени. Типичный пример. Несмотря на существующие проблемы, ни одна политическая партия не разработала более-менее приемлемой модели выхода из социально-экономического кризиса.

Важным структурным элементом любой политической партии является ее идеология. Партийные идеологии представляют комплекс системообразующих методов борьбы за политическую власть и основных подходов к созданию будущего государства и общества. Именно идеологии являются идентификационными признаками политических партий, позволяющими отличать их друг от друга и формировать политические предпочтения граждан. Политические партии, не имеющие хорошо разработанной и популярной системы идей, не могут быть полноценными субъектами политических процессов, так как лишены политического смысла. Обеспечение конкуренции политических идей – прямая и непосредственная функция политических партий. Они должны находить, систематизировать и распространять политические идеи. Партийные идеи, возникая и соперничая друг с другом, проигрывая и побеждая в конкурентной борьбе, будут исчезать и опять возрождаться, становясь достоянием общества. Это в определенной степени является гарантией жизнедеятельности политических партий.

Идеологические платформы подавляющего большинства белорусских политических партий неясны, неточны, аморфны, эклектичны. У многих партий нет интеллектуального потенциала, эффективно работающих «фабрик мыслей», прорывных идей, способных привлечь к себе избирателей. Белорусские партии не являются генераторами новых социально-политических и экономических идей, катализаторами интеллектуального развития. Но самое грустное и смешное, они часто отказываются от помощи умных людей, профессионалов в своем деле. Однако как донести такие

партийные идеологии до широких народных масс, убедить людей в правильности партийных идей? Ни у кого из партийных идеологов нет однозначного ответа на этот вопрос. И белорусское государство занимается идеологией именно потому, что политические партии страны оказались не способными это делать.

У политических партий страны нет популярных и высокопрофессиональных средств массовой информации – «Искры», из которой возгорится пламя». А те, которые есть, не способны эффективно выполнять свои функции. Например, газета КПБ «Коммунист Беларуси. Мы и время» похожа на стенгазету захудалого колхоза середины прошлого века. Но, с другой стороны, у многих партий и этого нет. Отсутствие собственных коммуникационных каналов с социальными группами и слоями белорусского общества оставляет политические партии страны на обочине активного политического движения. Полностью отсутствуют инициатива и партийная демократия. Партийные собрания похожи на внутренние разборки. Все это не способствует росту популярности политических партий, не привлекает, а отталкивает от них людей. Придут молодые ребята на партийные собрания, посмотрят, чем занимаются их старшие товарищи и уйдут с желанием никогда сюда не возвращаться. А ведь вполне реально вынести на обсуждение широких партийных масс, на партийную дискуссию поиск решения государственных и партийных проблем, тех вопросов, которые волнуют значительную часть белорусского общества. Это принесет огромную пользу и для государства, и для членов партии, которые почувствуют свою общественную значимость. К сожалению, многие белорусские партийные начальники, как огня, боятся партийной дискуссии: что бы она негативно не повлияла на их авторитет, которого, впрочем, и нет.

Против политических партий страны работает и менталитет белорусов. Люди ждут подачек от государства, считают, что кто-то другой должен решать их проблемы, но сами ничего не делают и делать не хотят. Как результат, сформировалась низкая востребованность института политической партии в общественном сознании современной Беларуси. Не работает на рейтинг политических партий и законодательство белорусского государства. После того, когда были внесены изменения в Закон Республики Беларусь «О политических партиях», благодаря которым число учредителей партий увеличилось с 500 до 1000 человек, количество политических партий в стране уменьшилось на десять. Некоторые политики и журналисты считают, что необходимо провести в стране целый ряд законодательных изменений, которые дадут возможность белорусским партиям стать реальной политической силой. Среди них, например, называют переход с мажоритарной на пропорциональную избирательную систему. Однако будет ли лучше? В политические партии полезут карьеристы, авантюристы, проходимцы, популисты и демагоги, стремящиеся и здесь получить собственную выгоду, что, кстати, уже было [3; 4; 6]. Однако, несмотря на многочисленные и существенные проблемы, уже трудно представить независимую Республику Беларусь без сильных политических партий, активно участвующих в жизнедеятельности белорусского общества. Сегодня они мифы, фантомы, но должны быть яркой политической реальностью, признаваемой всеми акторами политических процессов и работающей на благо белорусского народа и государства.

Литература:

1. Котляров, И.В. Кому сидеть на мешке с шерсть или О роли политических партий в жизни белорусского общества / И.В. Котляров // Проблемы управления – 2008 – №4 – С. 138 – 143.
2. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ. – 2004. – Т.1 – 286 с. Т.2 – 284 с.
3. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность/ И.В. Котляров. – Минск: МИУ. – 2006. – Т.1 – 364 с. Т.2 – 240 с.
4. Котляров, И.В. Социология политических партий / И.В. Котляров. – Минск: Беларуская навука. – 2011. – 388 с.
5. Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И.В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2009. – 320 с.
6. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис, №5. - 1996. – С. 16 – 27.

ЕВРАЗИЙСКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Бобков В.А.
д.ист.н., профессор, член-корреспондент НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Постсоветская интеграция начиналась с образованного в 1991 г. Содружества Независимых Государств. Оно помогло решить немало сложных проблем, связанных с распадом СССР. Но за прошедшие 20 лет не смогло стать эффективно действующим региональным объединением. Поэтому можно согласиться с бывшим премьер-министром Беларуси В.Ф. Кебичем, который так оценивает СНГ: «Преувеличение значимости фактора «политической воли» … приводило к увеличению числа нереализованных межгосударственных соглашений, начатых и тут же забытых экономических проектов, … многие решения и соглашения Содружества в значительной мере декларативны, продиктованы сиюминутными интересами и как следствие трудновыполнимы» [1, с. 219].

Программа развития и сама практическая деятельность СНГ не выявили таких притягательных ценностей, которые бы влекли страны-участницы к теснейшей интеграции. Поэтому названные В.Ф. Кебичем и многие другие причины подталкивали Беларусь, а особенно Россию, как лидера интеграции, к поиску новых форм сотрудничества постсоветских стран.

Коль в широком формате тесное сотрудничество не получалось, лидерами России и Беларуси была сделана попытка интеграции в узком формате с надеждой, что это станет вдохновляющим примером для других постсоветских государств. В декабре 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства Беларуси и России.

При этом заметим, с одной стороны, преследовалась цель подтолкнуть процесс интеграции, показать его привлекательность и вовлечь затем в него другие «сомневающиеся» государства постсоветского пространства. С другой стороны, каждая из союзных стран преследовала свои национальные интересы. Для Российской Федерации как крупной ядерной мировой державы Беларусь прежде всего ценна в военном отношении – своим геополитическим пространством, которое является надежным форпостом ее западной границы. На территории республики находятся два очень важных военных объекта России: радиолокационная станция космических войск и узел дальней связи с атомными подводными лодками военно-морского флота. Объекты ПВО на территории Беларуси позволяют России экономить средства, необходимые для создания системы военно-стратегического сдерживания на ее западной границе, поскольку эти объекты обеспечивают безопасность всего пространства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Кроме того, по территории Беларуси проходят важные коммуникации, которые связывают Россию с Восточной и Западной Европой. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что территория Беларуси открывает доступ Российской Федерации к Калининградскому анклаву, странам Балтии. Понятно, что Российская Федерация стремится не упустить геополитически важную территорию из-под своего влияния.

Сегодня довольно четко обозначился и еще один интерес России – стремление ее агрессивного капитала приобрести самые лакомые куски белорусского производства: Беларуськалий, МАЗ, МТЗ, Белтрансгаз и другие. Как известно, сильные экономические рычаги позволяют дотянуться до политического руля страны.

Национальные интересы Беларуси в строительстве Союзного государства концентрировались на гарантиях бесперебойной поставки дешевых нефти и газа для промышленности и населения, обеспечения надежного сбыта своей продукции на громадный, понятный и близкий российский рынок, а также в определенном смысле военно-политического прикрытия страны ядерным зонтиком дружественного соседнего государства.

Нельзя отдельно не выделить и такой обоюдный национальный интерес, как историческая, языковая и в целом духовная близость двух славянских народов – россиян и белорусов, который шел встречными потоками и на уровне государственной политики, и общественного мнения обеих стран. Поэтому при создании Союзного государства, как и при создании СНГ, казалось, что дело пойдет быстро, без сучка и задоринки и через пять лет, т. е. в 2005 г., союзное строительство завершится, а белорусы и россияне станут жить в едином процветающем Союзном государстве. К тому же общественное мнение в обеих странах активно поддерживало такие настроения.

Первые годы реализации проекта показали хорошие результаты во всех сферах взаимодействия, включая парламентскую. Было создано Парламентское собрание Союзного государства, которое стало своеобразным мотором интеграции. Беларусь получила огромный рынок для сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции. Российский товарный рынок, потребляющий свыше 40 процентов экспортной продукции нашей страны, остается незаменимым и по сегодняшний день. Кроме того, Беларусь пользуется относительно льготным ценообразованием на импортируемые из России энергоносители, что повышает конкурентоспособность белорусских товаров.

Пожалуй, самым сильным аргументом в пользу белорусско-российской интеграции является решение в интересах простых людей важных социальных вопросов: гражданам Беларуси предоставляется облегченный доступ на рынок рабочей силы России, точно так же, как и россиянам в Беларуси. Это равные права при трудоустройстве, в оплате труда, режиме рабочего времени, охране и условиях труда. За гражданами союзных государств признается трудовой стаж и стаж работы по специальности, которые приобретены в связи с трудовой деятельностью на территории Беларуси и России. Существовавший ранее обязательный порядок лицензирования на привлечение рабочей силы из Российской Федерации в Республику Беларусь и наоборот отменен. На территории Союзного государства применяется миграционная карта единого образца, и заполняют ее только граждане третьих стран, въезжающие на территорию Беларуси или России. Гражданам Беларуси и России предоставляются равные права и при получении образования.

Для решения вопросов социального, гуманитарного характера в интересах граждан обоих государств основополагающее значение имеют политико-правовые документы, подписанные 24 января 2006 г. в Санкт-Петербурге. Это – Соглашение о свободе передвижения и выборе места жительства; Соглашение о порядке оказания медицинской помощи; Соглашение об условиях налогообложения; Договор о сотрудничестве в области социального обеспечения. Все эти документы ратифицированы обеими сторонами.

Что конкретно дает гражданам обоих государств, например, действие вступившего в силу 29 марта 2077 г. Договора о сотрудничестве в области социального обеспечения? Договор регулирует отношения в сфере государственного социального обеспечения, обязательного социального страхования, обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Сюда относятся пособия по временной нетрудоспособности и материнству, по безработице, трудовым пенсиям по возрасту, инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет и социальные пенсии, пособие по случаю трудового увечья или профессионального заболевания и др. значение этого Договора можно ощутить, если представить, что решения названных вопросов годами ждали сотни тысяч граждан Беларуси и России, работавших или проживавших ранее на территории одного союзного государства, а затем оказавшихся на территории другого [2].

Модель равноправных отношений в Союзном государстве удалось выстроить и в военной сфере. Здесь интегрирующие государства, пожалуй, продвинулись дальше всего. «В современной Белоруссии, – пишет российский исследователь В. Буянов, – поставлена задача создания максимально возможных отношений с Россией в оборонной области. На это нацелены Концепция национальной безопасности и военная доктрина Белоруссии… Геополитические и геостратегические интересы России и Белоруссии на нынешнем этапе

и в обозримом будущем совпадают. Обе стороны обеспокоены продвижением НАТО на Восток, внешнеполитическим давлением и реальной опасностью создания «геополитического вакуума»» [3, с. 150–151].

Несовпадение интересов Беларуси и России больше всего проявилось в сфере экономики, – той области, которая в начале союзного строительства казалась наиболее подготовленной для тесной интеграции. Беларусь обнаружила для себя ряд рисков и угроз в экспорте промышленных, продовольственных товаров и услуг в Российскую Федерацию, т.е. в реализации национального экономического приоритета. Так, в 2005-2006 гг. российская сторона объявила об ограничениях поставок белорусского сахара, в 2007 г. – мясной продукции, в 2009 г. – молочной. По требованию Россельхознадзора наши предприятия-экспортеры вынуждены были прекратить поставки мяса и мясных изделий с апреля по июль 2007 г. При этом никаких рекламаций на белорусскую продукцию не поступало. В марте 2008 г. Россия приостановила экспорт продукции одного из крупнейших белорусских производителей – Лидского молочно-консервного комбината, а в мае того же года – Брестского предприятия «Инко-Фуд» [4, с. 4].

Немало серьезных рисков возникло и в экспорте в Россию белорусских промышленных товаров. Более того, примерно с 2005 г. Россия приступила к масштабному строительству на своей территории крупных производств с участием известных зарубежных компаний, планируя выпуск новейших марок телевизоров, холодильников, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, стального проката, ПВХ-пленки, сухих строительных смесей и других товаров, которые являются прямыми конкурентами белорусских экспортеров. Десятки из этих производств уже построены и действуют.

Очень серьезной помехой в союзном строительстве является то, что после распада Советского Союза наши страны развиваются по различным политико-экономическим траекториям эволюции, имеют серьезные различия в национальных экономиках, что делает их хозяйственные системы несовместимыми. Беларусь избрала путь постепенной трансформации при главенствующей роли государства. В тоже время Россия активно идет по пути рыночных реформ при ограничении вмешательства государства в экономику. Если говорить марксистским языком, то в России превалирует капиталистическая экономика, а в Беларуси – своего рода государственно-коммунистическая. Объединение таких двух экономик в одну невозможно, и это естественно препятствует созданию единого экономического пространства Союзного государства.

Таким образом, практический путь союзного строительства оказался значительно сложнее намеченного теорией. Сложности появились и в торговле, и в экономике, и в таможенных делах, но особенно в валютной и организационно-политической сферах. Наряду с определенными достижениями реализация проекта носит противоречивый характер, а сам факт его наличия поставил для национальной безопасности Беларуси ряд серьезных вопросов.

Во-первых, в области военной безопасности определенные риски таят в себе российский ядерный зонтик и общая граница Союзного государства. Ее протяженность составляет около 61 тыс. км. В военном отношении нашими соседями стали 15 государств, включая признанные Россией Южную Осетию и Абхазию [5, с. 26]. В то же время общая сухопутная граница проходит с мощным интеграционным объединением – Европейским союзом, с могучим военно-политическим блоком НАТО и с такой крупнейшей державой, как Китай.

Все они в борьбе за сферы влияния рассматривают нашего союзника – ядерную Россию как одного из основных соперников. Считается, что при таком раскладе Россия для Беларуси является гарантом невмешательства во внутренние дела страны и обеспечения безопасности. Но ведь надо иметь ввиду, что в случае «холодной» или «горячей» войны с участием России Беларусь не сможет остаться в стороне, и это представляет серьезную потенциальную угрозу нашей безопасности. Кстати, китайцы

называют Россию государством неожиданностей, быстрых и непредсказуемых перемен [6, с. 46].

Во-вторых, ряд рисков открывает геополитический взгляд на Россию. Очевидно, что Россия в ближайшее время не станет глобальной мировой державой, однако она определенно останется крупным региональным игроком. А это значит, что российско-европейская граница может оказаться местом столкновения многих интересов, что опять же несет в себе внешние риски и угрозы белорусской территории. Ведь не случайно западные геополитики еще в начале XX в. именовали Россию осью Земли, центром континентального мира. В поиске формулы мирового господства они делали вывод, что без установления контроля над Россией недостижим контроль над Евразией [7, с. 321].

В-третьих, сильная привязанность к одному государству таит в себе немалые экономические риски. В мировой практике принято считать: если доля внешнеэкономического оборота одной страны в экспорте другой превышает 18-20 %, то экономика первого для его партнера представляет потенциальную угрозу. Когда в августе 1998 г. в России случился дефолт, к концу того же года наша страна потеряла 40 % объема экспорта, потому что имела преимущественно внешнеэкономический оборот с Россией [8, с. 17]. Похожая тенденция проявилась в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса.

Нельзя не заметить затрагивающее национальные интересы нашей страны формирование Россией новой конфигурации геополитического пространства. Важным этапом данного геостратегического процесса является форсированное строительство новых веток газо- и нефтепроводов в сторону Европы и Азии, а также создание новых крупных транспортных узлов. Причем все строящиеся магистральные нефтепроводы и газопроводы проходят по территории стран-соседей и даже союзников, т.е. имеют прямые выходы в зарубежье. Когда Беларусь предлагает вариант строительства второй нитки нефтепровода «Дружба», что значительно проще и дешевле, Россия отмалчивается.

Названные и другие причины подталкивали Беларусь к поиску новых перспективных вариантов интеграции. В этом плане большое притяжение имел Казахстан и другие среднеазиатские страны, обладающие мощными сырьевыми ресурсами, которые есть в ограниченном количестве или вовсе нет в нашей стране. Вместе с тем это государства, на товарных рынках которых востребована промышленная и сельскохозяйственная продукции Беларуси. Влекло сюда Беларусь и географическое положение данных стран, позволяющее расширять с их территории поиск новых товарных рынков в азиатском регионе. Так, 10 октября 2000 г. в Астане президентами России, Беларуси, Казахстана, Киргизии и Таджикистана был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

В 2007 году на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС было принято решение о завершении формирования таможенного союза к концу 2010 года в составе наиболее «продвинутой» тройки – России, Беларуси, Казахстана. На его основе Таможенный союз получил новое дыхание и, как известно, имеет хорошие шансы на успех.

Чем Таможенный союз привлекает Беларусь? В отличие от других евразийских интеграционных объединений, Таможенный союз вызывает наибольшее доверие. Он имеет профессиональное управление, которым является Комиссия – постоянно действующий наднациональный орган, решения которого обязательны для исполнения национальными органами. Такая структура в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве создана впервые. Комиссия формирует также общую для всех стран таможенную политику.

По мнению многих экспертов, самодостаточным является экономическое пространство с емкостью рынка от 300 млн. потребителей при средней степени обеспеченности природными ресурсами, что позволяет создавать жизнеспособные структуры, отвечающие глобальным критериям.

Ожидаемая реализация интересов Беларуси в этом проекте основывается на том, что промышленный потенциал интегрирующихся стран – 600 млрд. долл. США. Общий объем сельского хозяйства – 112 млрд. долл. США, 12% мирового производства пшеницы и 17% мирового экспорта этой продукции. Совокупный ВВП трех стран – 2 трлн. долл. США, товарооборот – 900 млрд. долл. По расчетам экспертов, Таможенный союз позволит трем странам к 2015 г. получить прирост ВВП свыше 15%.

Общий эффект от Таможенного союза должен составить для России 400 млрд. долл., для Беларуси и Казахстана – более16 млрд. долл., или около 14% нашего ВВП. И это даже без учета того, что в перспективе к тройственному союзу могут присоединиться другие страны постсоветского пространства.

Формирование полноценного Таможенного союза руководство трех стран расценивает как необходимый этап на пути к главной цели – созданию Евразийского экономического пространства (ЕЭП), а затем и Евразийского союза, о чем В.В. Путин заявил в своей статье в «Известиях» [9]. Позиция В.В. Путина поддержана президентами А.Г. Лукашенко [10] и Н.А. Назарбаевым [11].

По сути, Евразийский союз может стать мостом, соединяющим евроатлантический и азиатский ареалы развития: экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. То есть, теоретически смысл его создания направлен на расширение взаимовыгодного сотрудничества между Единым экономическим пространством и Европейским союзом, Китайской Народной Республикой, Японией, Индией…

Н.А. Назарбаев считает, что Евразийский союз должен сформироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение и ставит вопрос о создании общей платежной системы и единой валюты. Три года назад он предложил начать проработку вопроса об учреждении евразийской наднациональной расчетной единицы – ЕНРЕ как первоосновы для сильной региональной резервной валюты. Теоретический оптимизм казахстанского лидера в значительной мере основывается на опыте Евросоюза и жизненной необходимости стран Таможенного союза и их соседей.

Идеи казахстанского лидера заслуживают тщательного изучения и глубокой научной проработки. Ведь создание валютного союза в рамках ЕЭП – это уровень интеграции, близкий к нынешнему состоянию Европейского союза. В этом плане представляется необходимым четко знать все плюсы и минусы валютного союза для Беларуси.

На данном этапе становления Таможенного союза трех государств идеи Н.А. Назарбаева воспринимаются как оптимистический прогноз развития ситуации. Но надо иметь ввиду, что этот прогноз может обрести реальные черты только в следующем случае:

– если три нынешних участника интеграции, составляющие Таможенный союз, сумеют на практике показать жизнеспособность данного объединения;

– если интеграторы откажутся от искусственных форм ускорения процесса объединения, которые нанесли непоправимый ущерб интеграционным проектам СНГ и Союзного государства Беларуси и России;

– если евразийская интеграция будет идти исключительно на добровольной основе, эволюционным путем, вовлекая в свою орбиту национальные интересы постсоветских государств и предоставляя возможности для совместного решения проблем и выравнивания уровней их социально-экономического развития.

Тогда в среде интеграторов вполне может оказаться не три, а гораздо больше стран.

Кстати, и в статье В.В. Путина, и в ответной статье А.Г. Лукашенко говорится о том, что от такой глубокой интеграции прямо дух захватывает. В то же время внимательный исследователь не может не обратить внимание на следующий факт: именно в период осуществления данного интеграционного проекта Россия не ложит вторую нитку на фундамент газопровода «Дружба», который идет по территории Беларуси, а строит

новые газопроводы в обход белорусской территории, хотя это связано со значительным удорожанием работ.

На наш взгляд, определенную противоречивость вносит в интеграционный процесс уже на этом этапе разное видение его из Москвы и Минска. Если российский премьер-министр нигде в своей статье не говорит о суверенитете, то президент Беларуси прямо подчеркивает: «Но краеугольный камень всего того, что мы собираемся построить, – суверенитет наших государств, который не отменяет даже самая тесная интеграция» [10].

Поиск синтеза суверенитета и интеграции непрост для каждого государства, особенно для Беларуси, находящейся на перекрестке Евро-Востока (в первую очередь – России) и Евро-Запада (прежде всего Евросоюза). Учитывая, что односторонняя ориентация республики не соответствует интересам и ценностям ее народа, А.Г. Лукашенко определяет это так: «Мы выбираем не Восток и Запад, или же Восток или Запад, – **мы выбираем Беларусь,** которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [12]. Исходя из этого, в последние годы Минск стал более осторожно и взвешенно подходить к интеграции с Россией, в то же время пытаясь наладить отношения с Евросоюзом и США. Такая позиция воплотилась в участии в инициированном Европейским союзом «Восточном партнерстве».

Одним из серьезных внешних затруднений на пути интеграции и в дальнейшем будет оставаться противодействие западных стран. Ведь политика «Восточное партнерство» в определенной мере является противовесом российскому вектору сотрудничества ряда бывших советских республик. И США, и объединенная Европа подозрительно и настороженно относятся к интеграционным проектам, в которых заинтересована Россия. В этом проявляется их опасение возможного восстановления политического контроля со стороны Российской Федерации над государствами постсоветского пространства, что привело бы к изменению существующей расстановки сил в регионе.

Вместе с тем, проект «Восточного партнерства» является своего рода напоминанием о незавершенности геополитической конфигурации европейского пространства, о возможности новых изменений. Этот проект дает малой стране Беларуси, находящейся в центре Европы, шанс налаживания более тесных контактов с ней. Поэтому Беларуси, имевшей долгие годы одностороннюю экономическую и политическую привязанность к одному государству, выгодно использовать «Восточное партнерство» для участия в других проектах Европейского Союза – хозяйственных, экономических, энергетических, научных, образовательных, социально-культурных. В условиях разумной политики Беларусь способна стать участником более тесной экономической и социально-культурной интеграции государств по всей длине белорусской границы. Обладая определенным геополитическим потенциалом, она может выполнять более заметную роль в объединяющейся Европе.

Беларуси, как молодому и малому государству, важно стремиться к тому, чтобы использовать «Восточное партнерство» для усиления своего влияния и в Евразийском союзе, и в мировом сообществе. В таких условиях расширяются возможности малого государства чаще заявлять на мировой арене о своих интересах и с большим успехом их отстаивать, тесно взаимодействуя с Евразийским и Европейским союзами, содействовать созданию общего экономического пространства Большой Европы.

Представляется, что в перспективе противостояние (конкуренция) двух интеграционных моделей постепенно уступит место поиску путей их сближения и пользования общей выгодой. На первых порах будет осторожный поиск взаимной выгоды, который неизбежно приведет к росту доверия и сближению. При этом чем сильнее и демократичнее будет становиться Россия – главный участник Таможенного союза, тем эффективнее будет идти процесс сближения двух интеграционных моделей – евразийской и европейской. Если Россия в ближайшие 20–30 лет сумеет превратиться из сырьевого

государства в могущественную и развитую по современным меркам страну, а ее экономическая, политическая и партийная системы будут близки и понятны европейским народам, и в ней установится привлекательный образ и уровень жизни граждан, то можно предположить, что в неблизкой перспективе эти две модели путем сближения сольются в одну. На этот процесс также позитивно повлияет ослабевающая мощь Соединенных Штатов Америки, что позволит России приобретать все больший вес на европейском пространстве, а странам-членам Евросоюза – все меньше оглядываться на США.

Литература:

1. Кебич, В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск: Парадокс, 2008. – С. 219.
2. Соглашение ратифицировано // Рэспубліка. – 2008. – 7 лют.
3. Буянов В. Проблемы создания Союзного государства: геополитический аспект // Безопасность Евразии. – 2008. - № 4. – С. 150-151.
4. Почему белорусское молоко и мясо не пускают в Россию? // Комсомольская правда в Белоруссии. – 2008. – 4 ноября. – С.4.
5. Гусев, А. Союзный щит: геополитический аспект // Беларуская думка. – 2010. - № 1. – С. 26.
6. Исаев, А.Б. Геополитические модели современного мироустройства // Геополитика и безопасность. – 2007. - № 1. – С. 46.
7. Соловьев, А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. – М.: АспектПресс, 2000. – С. 321.
8. Под знаком качества // Беларуская думка. – 2010. - № 1. – С. 17.
9. Путин, В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. Путин // Известия [Электронный ресурс]. – 2011. – 3 окт. – Режим доступа: http://www.izvestia.ru/news/502761. - Дата доступа: 14.10.2011.
10. Лукашенко, А.Г. О судьбах нашей интеграции / А.Г. Лукашенко // Известия [Электронный ресурс]. – 2011. – 17 окт. - Режим доступа: http://izvestia.ru/news/504081. - Дата доступа: 18.10.2011.
11. Назарбаев, Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего / Н.А. Назарбаев // Известия [Электронный ресурс]. – 2011. – 25 окт. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/504908. - Дата доступа: 27.10.2011.
12. Лукашенко, А.Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: доклад на совещании с руководителями загранучреждений / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2009. – 23 июля.

РАЗДЕЛ 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМА: НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Можейко М.А.
д.ф.н., профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Беларусь)

1. Модерн постмодерн пост-постмодерн: специфика современная культурной ситуации. История эволюции культуры XX–XXI вв. может быть рассмотрена как фундированная последовательными переходами от одних моделей субъективности к другим и представлена, в целом, такими этапами, как ***модерн***, ***постмодерн*** и ***пост-постмодерн***. Транзитивность социокультурной ситуации, выступившая исходным культурным фоном конституирования модернистской программы в философии и искусстве, инспирировала оформление в них аксиологического акцента на проблеме самовыражения автора: хронологически от программы «выражения субъективных состояний» (Л. Кирхнер) в экспрессионизме через ауто-психоаналитическую экспликацию содержания сновидений в сюрреализме («мое отличие от сумасшедшего состоит в том, что я-то не сумасшедший» С.Дали) до художественной практики самоэкспонирования в концептуальном искусстве (классический вариант С. Дан в «авангарде новой волны», современный Э. Гормли).

В отличие от модернизма, постмодернизм оформляется на базе принципиальной переориентации с фигуры Автора на фигуру Читателя. По формулировке Р. Барта, Автор отнюдь «не тот субъект, по отношению к которому произведение было бы предикатом» [3, с. 387]. В рамках парадигмальной фигуры «смерти Автора» традиция интерпретации текста как реконструкции исходного (авторского) его смысла (вплоть до понимания интерпретации в качестве «биографического анализа» у Г. Миша) сменяется в постмодернизме традицией «означивания» (Ю. Кристева): текст понимается как принципиально аструктурный, т.е. организованный в качестве подвижной «ризомы», подобной «колонне маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое; каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с другим» (Ж. Делез, Ф. Гваттари [5, с. 28]). Это позволяет говорить о радикальной децентрации текста и принципиальной возможности структурировать его вокруг любого семантического узла: такая деконструкция текста есть реальное преодоление его «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма» (Ж. Деррида), открывая путь отказу от идеи соотнесенности семантики текста с внетекстовым референтом «трансцендентальным означаемым» (Ж. Деррида). Текст как нарратив (рассказ, который всегда может быть пересказан по-иному) должен быть не истолкован (парадигма реконструкции смысла), а означен, и именно в этой процедуре конституируется свобода как таковая: «все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать» (Х.-Г. Гадамер [4, с. 140-141]). Текст, понятый как «эхокамера» (Р. Барт), лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл: Читатель выступает в качестве «источника смысла» как такового (Ч.Х. Миллер): становление текстовой семантики, “никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла” [20, с. 12].

Это не значит, однако, что функционально фигура Читателя занимает ту позицию, которая прежде была занята фигурой Автора. Постмодернистская философия констатирует парадигмальный поворот в интерпретации самого феномена субъекта: не

только психологически артикулированный (так называемый “вожделеющий”) субъект фрейдистского типа, но и рациональный субъект типа декартовского уступают место деперсонифицированной презентации культурных смыслов (языка). Субъект характеризуется как “децентрированный”, растворенный в формах языкового порядка (Ж. Лакан); по оценке Ж. Деррида, постнеклассическая философия практически осуществила деструкцию таких фундирующих саму идею субъективсубъективности феноменов, как “самодостаточность и самоналичие”.

Идущая от философского и художественного модернизма (от структурного психоанализа и дадаизма прежде всего) линия анти-психологизма как растворения субъективности в семиотическом пространстве языка находит свое развитие в философии постмодернизма. Свою цель в данной сфере постмодернизм формулирует следующим образом: “взломать одну пока еще столь герметическую преграду, которой удерживает вопрос о письме ... под опекой психоанализа” (Ж. Деррида [6, с. 150]). В контексте общей антипсихологической ориентации постмодернистской философии конституируется фундаментальная парадигма «смерти субъекта». Согласно постмодернистскому видению дискурсивных практик письма и чтения, последние задают семиотическое пространство, в рамках которого “производимое действие” совпадает с “переживаемым воздействием”, а пишущий пребывает “внутри письма”, выступая не в качестве психологически артикулированного субъекта, личности, но лишь как субъект (агенс) действия (Р. Барт). Утрата субъектом психологической артикуляции приводит к тому, что он не только теряет личностные качества и деперсонифицируется (становится “кодом, не-личностью, анонимом”), но и исчезает в целом как явление: “он ничто и никто, ... он становится ... зиянием, пробелом” (Ю. Кристева [17, с. 25]).

Фундаментальной презумпцией постмодернистского понимания означивания текста является, таким образом, его центрация не на фигуре субъекта (классическая герменевтическая и психоаналитическая традиции) и не на объективных гештальтных характеристиках текста (модернистская традиция структурализма), классическая идея интерпретации сменяется в постмодернизме идеей «экспериментации» (Ж. Делез), основанной на видении процедур генерации смысла как принципиально вариативного и плюрального самодвижения текста (Дж.В. Харрари).

Современная культура, будучи, безусловно, культурой постмодернистской, тем не менее демонстрирует такую специфику, которая позволяет зафиксировать своего рода поворот в эволюции самого феномена постмодерна и оценить наличную культурную ситуацию как новый этап в его развитии, который может быть условно назван пост-постмодерном (after-postmodern). И если культуре постмодерна соответствовал деконструктивистский период в развитии философии постмодернизма (который можно было бы назвать своего рода постмодернистской классикой, если бы подобный термин был уместен в постмодернистском контексте), то культуре пост-постмодерна соответствует современная (поздняя) философия постмодернизма пост-постмодернизм или after-postmodernism, существенно смягчающая жестко ригористический отказ деконструктивизма от идеи языковой референции (фигуры «пустого знака», «трансцендентального означаемого», и «означивания»). Что же вызвало к жизни подобную трансформацию постмодернистской философии языка?

2. Феномен «кризиса идентификации» в современной культуре и проблема его преодоления. Если воспользоваться выражением А.П. Чехова, то для культуры классики индивидуальная судьба представляла собой «сюжет для небольшого рассказа» сюжет, при всей своей непритязательности, вполне определенный и неповторимый как в событийном, так и в аксиологическом планах. В классической культуре за определенностью биографии стояла определенность личности, рефлексивно осознающей свое отношение к условиям жизни и опирающейся в своем поведении на определенную систему ценностей.

Современными психологами причем не только теоретиками, но и практиками зафиксирован факт так называемого «кризиса идентификации», когда человек, особенно

молодой, оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к аксиологическим системам, а следовательно, не может зафиксировать самотождественность своего сознания и себя как личности (А. Джироукс, С. Ланкшир, П. Мак-Ларен, М. Петерс и др. [14]).

Этот феномен вызывается к жизни следующими факторами:

1. Прежде всего, современная культура как культура постмодерна характеризуется таким феноменом, как аксиологический ацентризм, т.е. отсутствие иерархично выстроенной в аксиологическом отношении культурной среды, что в философском постмодернизме выражено презумпцией «заката метанарраций». Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, в постмодернистском культурном контексте «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институциями и историческими традициями, теряют свою силу» [8, с. 144-145]. Важнейшей характеристикой такой культурной среды выступает принципиальное отсутствие центра: как в общем аксиологическом (имплицитные ценностные предпочтения и доминирования), так и в специально идеологическом (эксплицитное официально-нормативное санкционирование) смыслах. По оценке Р.Рорти, из актуализирующихся в постмодернистском социуме стратегий «ни одна ... не обладает привилегиями перед другими в смысле лучшего выражения человеческой природы. Ни одна из этих стратегий не является более гуманной, чем другая», они просто плюральны и вариативны [22, с. 37-38].

Культурное пространство постмодерна не просто лишено центра, оно программно ацентрично: как утверждал Л. Фидлер в работе «Пересекайте границы, засыпайте рвы», нет и не может быть ни элитарной, ни массовой культуры как тако таковых, равно как нет и не может быть элитарного и массового читателя [9], и первая публикация статьи, имевшая место в журнале «Playboy», наглядно демонстрировала практическую реализацию прокламируемой стратегии. В этом контексте программная для эпохи постмодерна становится идея микшированности культуры, представляющей собой принципиально несистемную мозаику фрагментов и сколов различных традиций. Фундаментальной характеристикой культурны постмодерна выступает плюрализм, вариативность, своего рода перемешивание в конкретных культурных контекстах как национальных традиций (как пишет Ж.-Ф. Лиотар, «эклектизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald’s, на обед в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге» [19, с. 334-335]), так и традиций идеологических (когда в едином социокультурном контексте оказываются совмещенными такие аксиологические системы, которые, казалось бы, по определению являются несовместимыми: например, российский фашизм или компьютерные неокульты). В этом отношении само понятие «идеологии или ложного сознания» может быть, по мысли Ф. Джеймисона, отнесено к «отвергаемым в современной теории», ибо в последней нет места делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое [7, с. 126]. В этом отношении культура предполагает возможность взаимодействия и диалога различных (не исключая альтернативных) традиций, более того именно такой диалог (коммуникация и кооперация) и осмысливается ею в качестве базового механизма собственного развития, позволяющего реализовать творческий потенциал культурного плюрализма.

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры: в этом плане, культура постмодерна описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр», образуемый переплетением радикально различных, но при этом абсолютно равноправных мировоззренческих парадигм, в рамках взаимодействия которых в свете презумпции «заката метанарраций» [8, с. 157] невозможно выделение универсальных аксиологий. В социально-психологическом плане это во многом означает своего рода разрушение условий возможности целостного восприятии субъектом себя как аутотождественной личности, формирует ситуации, когда человек, особенно молодой, оказывается неспособным четко зафиксировать свою

позицию по отношению к плюральным аксиологиям и, следовательно, собственную персональную самотождественность.

2. «Кризис идентификации» как социальный феномен теснейшим образом связан с кризисом «судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе. Культура постмодерна, как известно, оценивается как культура нарративная, в рамках которой событие как таковое теряет свою онтологическую определенность, размываемую плюральностью рассказов о ней. Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива, или «рассказа», является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р. Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [3, с. 384]. Уже Х. Арендт, отталкиваясь от того факта, что в античной архаике под «героем» понимался свободный участник Троянской войны, о котором мог бы быть рассказан рассказ (история), отмечала: «то, что каждая индивидуальная жизнь между рождением и смертью может в конце концов быть рассказана как история с началом и концом, есть ... доисторическое условие истории (history), великой истории (story) без начала и конца» [2, с. 136]. Что же касается собственно философии постмодернизма, то ориентация на «повествовательные стратегии» в их плюральности оценивается современными авторами (Д.В. Фоккема, Д. Хейман и др.) как основополагающая для современной культуры.

Рассказ в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективно наличного смысла (последний конституируется, по Х.-Г. Гадамеру, лишь в процессуальности наррации как «сказывания»). Рассказ о событии не возводится к исходному, глубинному, якобы объективно наличному смыслу этого события, смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе наррации, т.е., по формулировке М. Постера, «мыслится как лишенный какого бы то ни было онтоло гического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия» [21, с. 136].

Собственно, по формулировке Ф. Джеймисона, нарративная процедура фактически «творит реальность» [16], одновременно постулируя ее относительность, т.е. свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некой вненарративности реальности. История событийности квантуется в нарративах, и вне их плюральности у него нет и не может быть массы покоя как исходного смысла текста: таким образом, нарратив это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Классической сферой возникновения и функционирования нарратива выступает история как теоретическая дисциплина (и в этом философия постмодернизма парадигмально изоморфна концепции нарративной истории: А. Тойнби, П. Рикёр, Дж. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд и др.). В рамках нарративной истории смысл события трактуется не процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. История как теоретическая дисциплина конституируется в постмодернизме в качестве нарратологии: рефлексия над прошлым, по оценке Х. Райта, это всегда рассказ, нарратив, организованный извне, посредством внесенного рассказчиком сюжета, организующего повествование. По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив выступает не столько описанием некоей онтологически артикулированной реальности, сколько «инструкцией» по конституированию последней (подобно тому, как правила игры в теннис лишь создают иллюзию описания процессуальности игры, выступая на самом деле средством «вызвать игроков к существованию»).

Что же означает данная культурная установка для такой формы рассказа, как рассказ о себе, и о такой форме истории, как история жизни биография и автобиография? Для культуры постмодерна индивидуальная судьба это уже не «сюжет для небольшого рассказа», но поле плюрального варьирования релятивных версий нарративной биографии: тексты Р. Музиля «О книгах Роберта Музиля», Р. Барта «Ролан Барт о Ролане

Барте», Антониони «Антониони об Антониони» и мн. др. По оценке современных мета-теоретиков постмодернизма (Х. Уайт, К. Меррей, М. Саруп и др. [23; 23; 26]), типовым способом самоидентификации для субъекта эпохи постмодерна становится способ нарративный. Современные исследователи-психологи (А. Джироукс, С. Ланкшир, П. Мак-Ларен, М. Петерс и др.) констатируют с опорой на серьезные клинические исследования, что конструирование своей «истории» (истории своей жизни) как рассказа ставит под вопрос безусловность аутоидентификации, которая ранее воспринималась как данное [13].

На основе этого Дж. Уард (автор термина «кризис идентификации») констатирует применительно к современной культуре «кризис судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе, онтологически конституированной биографии. С одной стороны, в условиях отказа онтологии как таковой не может быть и онтологически обеспеченной биографии, с другой в контексте презумпции «заката метанарраций» дискурс легитимации как единственно возможный теряет свой смысл и по отношении к индивидуальной жизни. В силу чего ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологически-событийного обеспечения и потому, в сущности, весьма произвольны.

Таким образом, индивидуальная биография превращается из «судьбы» в относительный и биография превращается из «судьбы» в относительный и вариативный «рассказ». Как было показано Р.Бартом во «Фрагментах любовного дискурса», даже максимально значимый с точки зрения идентификации личности элемент этой биографии история любви также относится к феноменам нарративного ряда: в конечном итоге, «любовь есть рассказ. Это моя собственная легенда, моя маленькая “священная история”, которую я сам для себя декламирую, и эта декламация (замороженная, забальзамированная, оторванная от моего опыта) и есть любовный дискурс» [10]. В конечном итоге, «history of love» превращается в организованную по правилам языкового, дискурсивного и нарративного порядков, а потому релятивную «story of love» и, наконец, просто в «love story». Влюбленный и определяется Р. Бартом в этом контексте как тот, кто ориентирован на использование в своих дискурсивных практиках определенных вербальных клише (собственно, содержание всей книги, посвященной аналитике последних, и разворачивается после оборванной двоеточием финальной фразы Введения «So, it is a lover who speaks and who says:…»).

В конечном итоге, важнейшим принципом организации нарративно версифицированной биографии оказывается античный принцип исономии (не более так, чем иначе): ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологически-событийного обеспечения и потому, в сущности, весьма произвольны. Таким образом, в контексте культуры постмодерна феномену автобиографии задается нарративный характер, в силу чего «любая история жизни обычно охватывает несколько историй». С другой же стороны, в силу семиотической артикулированности пространства личностного бытия «рассказы о жизни» («автобиографии»), в свою очередь, реально «изменяют сам ход жизни» (Й. Брокмейер, Р. Харре).

3. Языковые и внеязыковые программы «реконструкции субъективности» в современной философия языка. Констатируя «кризис идентификации» как феномен, универсально характеризующий психологическую сферу эпохи постмодерна, философия постмодернизма формирует специальную программу «воскрешения субъекта», которая ставит своей целью «выявление субъекта» в контексте плюральных языковых практик, задавая философским аналитикам постмодернизма акцент на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивной среде (поздние М. Фуко и Ж. Деррида, П. Смит, Дж. Уард, М. Готдинер и др.). Ж. Деррида, например, предлагает «пересмотреть проблему эффекта субъективности, как он [субъект]. Аналогично, М. Фуко в Послесловии к работе Х.Л. Дрейфуса и П. Рабинова, посвященной исследованию его

творчества (один из последних его текстов), фиксирует в качестве семантико-аксиологического фокуса своего исследовательского интереса выявление тех механизмов, посредством которых человек в контексте различных дискурсивных практик «сам превращает себя в субъекта» [12].

На основе общей стратегии «воскрешения субъекта» постмодернизмом моделируется и прикладная стратегия преодоления «кризиса идентификации», которая существует на сегодняшний день в нескольких версиях, предлагающих различные пути реконструкции субъективности пути как языкового, так и внеязыкового характера. Ко внеязыковым средствам подобной реконструкции апеллирует программа неоимпрингологии. Исходное значение понятия «импрингин» (восприятие детенышем увиденного в первый после рождения момент существа в качестве родителя, за которым он безусловно следует и чей поведенческий образец нерефлексивно воспроизводит) переосмыслено современной социальной педагогикой в расширительном плане, предполагающем онтологическую фундированность (гарантированность вненарративным референтом) любого впечатления, так или иначе влияющего на поведенческую стратегию личности. Оценивая ситуацию «кризиса идентификации», сложившуюся в постмодернистском культурном пространстве, социальная педагогика не только констатирует «нарративную этиологию» этого кризиса, но и постулирует необходимость специального целенаправленного формирования воспитательной установки на «контрнарративные импрингины». И фундаментальная значимость того обстоятельства, чтобы социальный образец и социальная норма были представлены в наличии как таковые, уводит на второй план вопрос об их содержании. Именно последнее обстоятельство позволяет экспертам уже на сегодняшний день оценивать программу неоимпрингологии как не столько конструктивную методика «воскрешения субъекта», сколько как крик отчаяния культуры, разрушившей механизмы социализации индивида в традиции, необходимые для воспроизводства культуры как таковой.

Гораздо более весомым конструктивным потенциалом обладают программы, предлагающие такие методики «воскрешения субъекта», которые, фиксируя внимание на укорененности причин «кризиса идентификации» в сфере разрушения идеи языковой референции, предлагают и языковые стратегии преодоления этого кризиса. Программа неоклассицизма, в основе которой лежит признание того обстоятельства, что «кризис идентификации» вызывается к жизни связи с кризисом объективности («кризисом значений»): как полагает Дж. Уард, именно эта причина, в первую очередь, порождает проблематичность для субъекта самоидентификации как таковой в условиях, когда «зеркало мира», в котором он видел себя, “разбито в осколки”. Эта программа предполагает существенное смягчение критики референциальной концепции знака (отказ от исходной для постмодернизма идеи «пустого знака») и отказ от радикальной элиминации феномена означаемого в качестве детерминанты текстовой семантики.

Указанная установка инспирирует формулировку такой задачи, как «реанимация значения» (Дж. Уард) или «возврат утраченных значений» как в денотативном, так и в аксиологическом (что особенно важно в обсуждаемом контексте) смыслах этого слова [25]. В связи с этим М. Готдинер говорит о желательности и даже необходимости формирования своего рода «культурного классицизма», предполагающего реабилитацию и реанимацию разрушенной стабильности аксиологических систем, которая характеризовала культуру классики [15].

И, наконец (the last, but not the least), коммуникативная программа, смещающая акцент с текстологической реальности на реальность коммуникативную и центрирующуюся, в связи с этим, вокруг феномена Другого. В основе этой программы лежит фундаментальная для нее идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений посредством Другого. Современная культура обозначается Ж.Бодрийяром как культура «экстаза коммуникации» [11]. Показателен в этом отношении аксиологический сдвиг философской традиции,

зафиксированный в динамике названий фундаментальных для соответствующих периодов философской эволюции трудов: от «Бытия и времени» М. Хайдеггера к «Бытию и Другому» Э. Левинаса. Если в классическом постмодернизме Другой интерпретировался как внешнее (социокультурное) содержание структур бессознательного (что фактически было унаследовано от лакановской версии структурного психоанализа, где бессознательное было артикулировано как «голос Другого»), то современный постмодернизм задает концепту «Другой» новую (коммуникационную) интерпретацию, в системе отсчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей. Иными словами, по формулировке пост-постмодернизма, фрагментированный субъект может быть собран только посредством Другого.

Оформление этой программы осуществляется на базе синтеза идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнаменто и философская концепция языковых игр). Прежде все всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у М. Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П. Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л. Бинсвангера, «отношение *Я Ты* вместо *Я Оно*» у М. Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О.Ф. Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П. Тиллиха и т.п.

Так, например, в рамках данной постмодернистской программы чрезвычайно актуальное звучание обретает тезис Ж.-П. Сартра «мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, Для-себя отсылает к Для-другого», подлинное бытие *Я* возможно лишь как «бытие-с-Пьером» или «бытие-с-Анной», т.е. «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» (Ж.-П. Сартр). Способ бытия есть, по Ж.-П. Сартру, «быть увиденным Другим». Аналогично, по Х.-Г. Гадамеру, механизм конструирования *Я* основан на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты». Каждый из коммуникативных партнеров не только «является значащим для другого», но и «обусловлен другим» [4]. Именно поэтому, по словам Э.Левинаса, «каждый, кто говорит “Я”, адресуется к Другому» [18]. В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия *Я* это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры.

В противоположность классической философской традиции, в рамках которой определенность человеческого сознания задавалось его интенцией отношения к объекту (и даже в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду: как писал Х.-Г. Гадамер, «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой» [4, с. 139]), современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому. Фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта. Вектор отношения субъекта к Другому, в постмодернистском его видении, это «метафизическое желание», репрезентированное в грамматическом звательном падеже (Э. Левинас). В сущности, в данном моменте современная культура вновь обращается к традиционной восточной натурфилософии: в частности, в постмодернистской концепции Другого могут быть усмотрены аналогии с древнекитайской концепцией спонтанности «цзы-жань», предполагающей самоопределение сущности посредством резонирования с другими (Другими) сущностями того же рода «лэй». Отсюда реминисценции постмодернистской философии по поводу традиционной восточной философии: программный «антиэллинизм» Ж. Деррида, обращение Ю. Кристевой к философии Китая, универсальный интерес постмодернизма к дзен-буддизму и т.п.).

Постмодернистская трактовка механизма обретения субъектом самости посредством Другого может быть рассмотрена на примере концепции языковых игр К.-О. Апель, где язык понимается не в контексте субъект-объектных процедур праксеологического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе не могут быть сведены к передаче сообщений. Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством (что означало бы соответственно объективистскую или субъективистскую его акцентировку), сколько медиатором понимания в контексте языковых игр. Если трактовка последних Л. Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом, а в понимании Я.Ю. Хинтикки на взаимодействие между *Я* и реальностью как двумя игроками в игре, ставка в которой истинность высказывания то К.-О. Апель трактует языковую игру как субъект-объектное отношение, участники которого являют собой друг для друга текст как вербальный, так и невербальный [1, с. 202-220]. Это задает особую артикуляцию понимания как взаимопонимания. Апелевская версия постмодернистской парадигмы смягчает примат «судьбоносного означающего» (Ж. Лакан) над означаемым, восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики и генетически восходящую к экзегетике презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О. Апеля презентацией содержания коммуникативной программы игрового и коммуникативного партнера. Выступая в качестве текста, последняя не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий коммуникационную игру) плюрализм прочтения, тем не менее, предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла не конституируется как коммуникационный партнер. Ставкой в игре оказывается не истина объектного, но подлинность субъектного.

Результатом коммуникации, согласно данной программе преодоления «кризиса идентификации», выступает вновь обретенное *Я* как *Я*, найденное, по Ж. Делезу, «на дне Другого». В своем единстве обозначенные векторы разворачивания проблемных полей постмодернизма, ориентированные на преодоление «кризиса идентификации» (вектор неоклассицизма и коммуникативный вектор) задают оформление нового этапа эволюции постмодернистской философии своего рода after-postmodernism или пост-постмодернизм, в отличие от постмодернистской классики деконструктивизма.

Литература:

1. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Мн.: Менск, 1997. С. 202-220.
2. Арендт Х. Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V. // Вопросы философии. М., 1998. № 11. С. 131-141.
3. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384-391.
4. Гадамер Х.-Г. Человек и язык // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Мн.: Менск, 1997. С. 130-141.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 9-31.
6. Деррида Ж. Позиции. Киев: Л.Д., 1996. 192 с.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 118-137.
8. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 140-158.
9. Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М., 1991.
10. Barthes R. A Lover's Discourse. Fragments / Translated by Howard R. L., 1979. 234 p.
11. Baudrillard J. Extasy of Communication // Postmodern Culture / Ed. by Foster H. L., 1998. 159 p.
12. Foucault M. Afterword // Dreifus H.L., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond structuralism & hermeneutics. XXIII. Brighton, 1982. P. 221-240.
13. Giroux A.A., Lankshear C., McLaren P., Peters M. Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space. V. I. L. N.Y., 1996. 195 p.
14. Giroux A.A., Lankshear C., McLaren P., Peters M. Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space. V. II. L. N.Y., 1996. 195 p.

15. Gotdiener M. Postmodern Sensioties. Material Culture & the Form of postmodern life. Oxford, 1998. 262 p.
16. Jameson F. The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act. L., 1981. 296 p.
17. Kristeva J. Bakhtin, le mot, le dialogue et roman // Critique. № 239 (Vol. 23). P., 1967. P. 21-49.
18. Lévinas E. Autrement que savoir. P.: Vrin, 1988. 314 p.;
19. Lyotard J.-F. La condition postmodrne: Rapport sur la savoir. P., 1979. 197 p.
20. Miller J.H. Tradition & difference. Review of M.H.Abram's Natural supernatura // Diacritics. Vol. 2. № 2. Baltimore, 1972. P. 9-12.
21. Poster M. The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context. Cambridge, 1996. 136 p.
22. Rorty R. The Introduction // R.Rorty. Contingency, Irony & Solidarity. Cambridge, 1989.
23. Sarup M. Identity, Culture & postmodern World. Edinburg, 1998. 192 p.;
24. Sarup M. An introdutory guide to post-structuralism & postmodernism. N.Y., 1988. 171 p.
25. Ward G. Postmodernism. L. Chicago, 1997. 186 p.
26. Write H. Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth Century. Baltimore L., 1973. 448 p.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ

Костюкевич С.В.
к.с.н., старший научный сотрудник сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Понимание и/или измерение? Социология конституировалась как эмпирическая наука, это шло от установок ее создателей. Тем самым проблема измерительной процедуры – эмпирико-математической процедуры – была введена в круг социологической проблематики. Применительно к социологическому исследованию измерение представлено тестированием и шкалированием, позволившим использование числа и меры. Ориентация на естественнонаучный идеал, а, следовательно, на каноны измерения с целью получения эмпирической информации, вылилась в практику, во многом не совпавшую с той, которая виделась создателям социологии. Нефизическое измерение или измерение в гуманитарных науках, каковой является и социология, оказалось значительно более сложной проблемой, чем представлялось. Временами сложность данной проблемы ставила в тупик, настолько не удовлетворяла исследователей ситуация с измерительными процедурами в социологии. И именно поэтому на протяжении всего существования социологии в ней идет острая полемика двух методологических ориентаций – ориентации на измерение и ориентации на понимание.

Несмотря на непрекращающиеся методологические дебаты, практика прикладной социологии в силу того, что предметом ее изучения являются массовые процессы реальной жизни, о которых необходимо получить эмпирическую информацию, диктует необходимость использования уже наработанных измерительных средств, невзирая на то, что они не безупречны. Критерием принятия тех или иных измерительных средств выступает их практическая полезность или согласие с теоретической концепцией. Полный отказ от эмпирической процедуры измерения привел бы, в конечном итоге, к разрушению основ прикладной социологии, хотя, разумеется, в рамках социологии частичный отказ от данной процедуры присутствовал всегда – в лице тех исследователей, которые ориентируются не на естественнонаучную модель исследовательского процесса, что констатирует тот факт, что в социологии допустимо работать в разных исследовательских традициях.

Измерительные процедуры необходимы, хотя они и не безупречны. Не окружая метод измерения, имеющий общенаучный статус, ореолом некой абсолютной точности (что важно принимать не только в отношении к гуманитарным наукам, но также и к естественным), следует подчеркнуть, что использование измерительных средств обогатило социологию, расширив ее методологический базис и практические приложения.

Социология стала одним из основных поставщиков эмпирической информации о массовых процессах реальной жизни. Получение эмпирико-статистических данных

сделало социологию чрезвычайно действенным средством в процессе анализа и управления общественными процессами. Значимость социологической информации диктует необходимость постоянного совершенствования используемых ею измерительных процедур.

«Коренной гносеологической особенностью измерения как познавательного метода является то, что оно неотделимо от практической деятельности – имеет неустранимую важную операционально-действенную и инструментально-экспериментальную компоненту. Этим оно резко отличается, скажем, от логической дедукции или методологии восхождения от абстрактного к конкретному. К. Берка совершенно справедливо подчеркивает посредническую роль измерений, выступающих в гносеологическом процессе в качестве связующего звена между теорией и практикой, между опытным знанием и его математическим представлением» [2, с. 277]. Следуя за мыслью автора, важно подчеркнуть, что измерение – это сложная процедура, включающая как технолого-практическое оперирование, так и теоретическое конструирование. Такое расширительное понимание измерения, не сводимого только, например, к применению шкал, *допускает принятие такого этапа социологического исследования как «уточнение и интерпретация понятий» в качестве части измерительной процедуры,* той части, где идет теоретический содержательный анализ.

Некоторые авторы выделяют отдельно этап «уточнение и интерпретация понятий» и этап «собственно измерение (шкалирование)» [5]. Однако, они настолько тесно взаимосвязаны между собой и обусловливают друг друга, что могут быть частями единой операции – операционализации понятий, понятой, как «совокупность операций, с помощью которых может быть произведен замер эмпирических признаков» [4, с. 51], т.е. совокупности операций, с помощью которых можно вывести социологическое понятие на уровень измерения. Подчиненность общей цели – измерению социологического понятия с целью получения эмпирической информации для проверки гипотез – делает два этапа единым целым и задает толкование каждого из них в границах этой общей цели.

Измерение невозможно без понимания. Как часть операционализации понятий «интерпретация понятий» - это работа теоретического мышления, результатом которой должно быть обнаружение логико-теоретических связей основных понятий (формулирующих проблему исследования) с эмпирическими индикаторами, для которых будут строиться шкалы. Построение шкал – второй этап, который завершает операционализацию понятий. Таким образом, *операционализация – это по сути своей измерительная процедура объекта нечисловой природы, каковым является социологическое понятие*. Измерительная процедура, понятая в широком смысле, т.е. включающая, помимо собственно измерения (шкалирования), также и теоретический содержательный анализ с целью поиска эмпирических показателей. Как видим, измерение невозможно без понимания. Чем более глубоко и детально понимает социолог жизнь общества, которое он / она изучает и измеряет, тем более грамотно он будет проводить операционализацию понятий и, соответственно, получит более достоверную эмпирическую информацию. Таким образом, не только знание методики построения шкал, но и глубокое знание реальной жизни – залог успеха в работе социолога.

Интерпретация понятий и логика исследования. Иногда процесс интерпретации понятий ограничивают только поиском эмпирических индикаторов. Однако интерпретация должна быть продолжена логическим обоснованием того, что выбранные эмпирические показатели будут измерять именно то явление или процесс, которые являются предметом исследования. Если не акцентировать на этом внимание, то мы рискуем разорвать логическую связь между предметом исследования, интерпретацией понятий и построением шкал. Проблема измеримости – вот что является главным для операционализации понятий. И проводимая интерпретация понятий, и нахождение эмпирических показателей, и построение шкал – все это части измерительной процедуры, направленной на то, чтобы получить эмпирическую информацию для проверки гипотез.

Таким образом, как часть измерительной процедуры «интерпретация понятий» должна быть подчинена логике исследования. Например, для измерения «пола» нужно нахождение разных эмпирических индикаторов для разных исследований: «Для определения гражданского пола достаточно прямого вопроса, для определения пригодности к участию в женских соревнованиях по легкой атлетике – визуального осмотра, для оценки маскулинности-феминности необходимы специальные психологические тесты, а при оценке гормонального статуса – биохимические анализы» [3, с. 124]. Таким образом, одно и то же понятие операционализируется по-разному, отношение между ним и его индикаторами логически обосновывается только в контексте исследования.

Теоретические понятия и эмпирические индикаторы. Проблема существования логической «пропасти» между теоретическими понятиями и операциональными (эмпирическими) индикаторами инициировала несколько подходов к ее решению. Крайняя позиция – это стремление избежать этой пропасти, рекомендуя выводить эмпирические индикаторы из содержания самого понятия. Еще одна позиция – это стремление найти причинную связь между понятием и его индикаторами: «Блейлок предложил в качестве теоретической разработки «причинную модель измерения», в основе которой лежит допущение определенных каузальных отношений между неизмеряемой переменной и ее индикаторами» [3, с. 119]. Причинная связь между понятием и его индикаторами должна быть содержательно обоснована, исходя из теоретических представлений, описывающих процессы реального мира. Итак, связь между понятием и его индикаторами должна базироваться на теоретических представлениях. Это показывает, что выбор эмпирических показателей не должен определяться главным образом соображениями удобства, практичности или очевидности для здравого смысла.

Однако теоретическая связь между понятием и его индикаторами, так называемая каузальная связь, не всегда может быть достаточно глубоко обоснована и может делать работу социолога чрезвычайно трудоемкой. Вот почему все чаще социологи предпочитают между понятием и индикаторами постулировать не причину, а наличие смысла, когда выбор индикаторов задается не столько теорией, сколько логикой исследования. Подобный подход облегчает поиск эмпирических показателей, но лишает исследование глубины теоретической проработки понятий. Однако в этом нет ничего ущербного для многих социологических исследований, которые не претендуют на статус строго научных.

Далеко не все социологические исследования обязаны быть научными в строгом смысле этого термина, т.е. выходить на теоретический уровень. Профессиональные социологи могут проводить исследования, чтобы получать эмпирическую информацию для нужд их практической работы, например, заводской социолог проводит исследование для улучшения морально-психологического климата в коллективе. Его цель – решить проблему в коллективе, сделает ли он при этом открытие и будет ли добыта какая-то научная истина – это возможное следствие, но не обязательное. Профессиональные социологи, работающие не как ученые, а как практики могут руководствоваться тенденцией, которая все более заметна в американской эмпирической социологии, когда эмпирические индикаторы определяются следующим образом: «Конструкты измерения – это эмпирическое представление теоретических концептов…» [3, с. 124]. Представление, которое диктуется смыслом, опытом и логикой исследования, но не претендующее на поиск теоретических связей. Здесь социологи подобны представителям других профессий, типа журналисты, криминалисты и пр., которые также проводят исследования, но собственными методами.

Что касается социологов, работающих в качестве ученых, то, разумеется, статус их исследования другой, и они обязаны выходить на теоретическую проработку связи социологических понятий и их индикаторов. В «Рабочей книге социолога» в качестве

важного элемента операционализации понятий выделяется метод восхождения от абстрактного к конкретному [1, с. 132-134]. Будучи теоретическим способом мышления, метод восхождения от абстрактного к конкретному помогает установить логико-теоретическую связь между понятием и его эмпирическими представлениями. Также в «Рабочей книге социолога» дается определение понятия измерение: «Измерением называется процедура, с помощью которой объекты измерения (относительно свойств и отношений между ними) отображаются на определенную числовую систему с соответствующими отношениями между числами. В практике социологических исследований числовые системы называются шкалами» [1, с. 166]. Подобное определение показывает, что измерительная процедура в данном случае ограничивается построением шкал. Интерпретация понятий выводится за рамки процедуры измерения. Проблема связи теоретических понятий и их эмпирических индикаторов, проблема отношения теоретического к эмпирическому рассматривается как гносеологическая проблема (отношение мысленного к чувственно-воспринимаемому).

Должна ли интерпретация понятий рассматриваться только как гносеологическая проблема? Должен ли эмпирический индикатор быть обязательно чувственно-воспринимаемым? Например, социолог изучает политические ориентации в связи с вероисповеданием. Как операционализировать вероисповедание? Для нужд практического исследования социолог может выбрать те религиозные организации, которые представлены в большинстве на территории страны и, таким образом, использовать шкалу: 1) православный, 2) католик, 3) мусульманин, 4) протестант. Как видим, эмпирические индикаторы здесь не являются чувственно-вопринимаемыми вещами. Для глубокого научного анализа вероисповедание может быть операционализировано иначе, однако, опять речь не идет о чувственно-воспринимаемых вещах. Очевидно, что эмпирический индикатор должен быть онтологичен (реально существующим, отражающим реальную жизнь) и измерим (шкалирован). Быть чувственно-воспринимаемым – условие не обязательное.

Литература:

1. Рабочая книга социолога. – М.: Наука, 1976.
2. Берка К. Измерения. Понятия, теории, проблемы. – М.: Прогресс, 1987.
3. Девятко И.Ф. Вспомогательные теории измерения в американской эмпирической социологии // Социс. – № 9. – 1990. – С. 118-126.
4. Словарь прикладной социологии. – Минск: Университетское, 1984.
5. Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. – М.: Наука, 1987.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Лашук И.В.

к.с.н., заведующая сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В современной трактовке понятия «идентичность» содержится два неодинаковых значения. Считается, что корень слова «идентичность» складывается из двух латинских корней: «iten» («в высшей степени сходный», «тот же самый», «аналогичный») и «ipse» («самость»). Получается, что в термине «идентичность» происходит наложение друг на друга двух смыслов: устойчивость – изменчивость во времени и тожественность самому себе – инаковость. Таким образом, сам термин «идентичность» указывает на диалектичность ее природы, проявляющуюся в многообразии связей между постоянством и изменчивостью идентичности [1]. В социальных науках это понятие начало использоваться лишь в XX веке – сначала в психологии и позднее – в социологии и

антропологии. Появление термина «идентичность» в психологии принято связывать с именем Э. Эриксона. Однако истоки этого понятия современные ученые находят в работах З. Фрейда. В «Толковании сновидений», изданной на рубеже Х1Х-ХХ веков, Фрейд впервые использовал термин «идентификация», под которой он понимал неосознаваемое отождествление субъектом себя с другим субъектом и считал ее механизмом усвоения ребенком образцов поведения значимых других, формирования супер-эго [2]. Сам Э. Эриксон считал родоначальником понятия «идентичность» У. Джемса [3]. Хотя Джемс и не употреблял этого термина и использовал вместо него слово «характер», именно он впервые детально описал острое и захватывающее ощущение тождества и целостности, которое в современной психологии именуется идентичностью.

Среди теоретических предшественников эриксоновской концепции идентичности нельзя не упомянуть также К. Ясперса, идеи которого отражают размышления о взаимоотношениях «Я» и «Ты», зародившихся в ту пору в экзистенциально-ориентированных философско-антропологических исследованиях. Ясперс определил идентичность как один из четырех формальных аспектов самосознания – осознание того, что я остаюсь тем, кем был всегда, и все происходящие в моей жизни события происходит именно со мной, и не с кем другим [4].

И все же, несмотря на обширную предшествующую историю анализа категории «идентичность», статус самостоятельного научного понятия она получила в работах Э. Эриксона. Идентичность по Э. Эриксону – это динамическое образование, претерпевающее изменения на протяжении всей жизни человека. Она обеспечивает возможность видеть свою жизнь в аспекте ее непрерывности, органично переплетая прошлое и будущее и включая их в переживания настоящего, адаптируясь к изменениям жизненной ситуации [3]. Э. Эриксон считал, что идентичность личности объединяет в себе помимо природных задатков, потребностей и способностей, значимые идентификации и постоянные, устойчивые социальные роли [3]. Впоследствии благодаря работам Г. Тэджфела и его последователей социальные аспекты идентичности получили в психологической литературе относительно самостоятельный статус, что породило продолжающуюся и сегодня дискуссию о соотношении личностной и социальной идентичности [5]. Этот вопрос на сегодняшний день не имеет однозначного решения.

Основу социологического понимания «идентичности» составляет концепция символического интеракционизма (Д. Мид, Ч. Кули). Дж. Мид и Ч. Кули не использовали термин «идентичность», оперируя понятием «самость» – *self* (которое по своему содержанию очень близко «идентичности»). Они оба разделяли точку зрения о сложной структуре личности индивида и выделяли два аспекта самости: личный –*I* – спонтанное, внутреннее, субъективное представление индивидом себя; социальный аспект – *me* – обобщенные представления других, которые усваиваются индивидом, т. е. то, как люди видят себя глазами других. Дж. Мид акцентировал внимание на социальных условиях, необходимых для формирования самости. Он доказывал невозможность формирования «самости» без «обобщенного другого» (некая социальная группа, к которой индивид стремится себя отнести). Дж. Мид одним из первых вывел, что социальная идентичность индивида формируется посредством социализации, под влиянием групповых установок, ценностей и стереотипов [6].

Ч. Кули тоже разделял точку зрения о сложной структуре личности индивида, его самости, состоящей из личного и социального аспектов, *I* и *me*, и разработал «теорию зеркального Я», или, как считает С.А. Кравченко, правильнее ее называть «теорией зеркальной (отраженной) самости» (looking-glassself) [7]. Согласно данной теории, социальное отношение принимает форму довольно определенного мысленного образа того, как самость человека, т.е. любая присваиваемая им идея, проявляется в каком-то отдельном сознании, и самоощущение человека определяется отношением к ощущению его самости, приписываемому этому другому сознанию. Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью [8].

Дальнейшее развитие проблематики идентичности связано с некоторым поворотом к аксиологическому, смысложизненному аспекту. Так, Р.Мертон создает теорию референтных групп, где он формулирует важное утверждение "Выросшая на теоретической почве, возделанной Джемсом, Кули и Мидом, а также Хайманом, Шерифом и Ньюкомом, гипотеза утверждает, что в той мере, в какой реальные или будущие члены группы мотивированы связывать себя с данной группой, они имеют тенденцию усваивать те чувства и быть конформными к тем ценностям, которые присущи авторитарной и престижной страте в данной группе. От конформности зависит признание со стороны данной группы, в то же время постепенное признание данной группой индивида усиливает тенденцию к конформности. И ценности этих «значимых других» представляют собой как бы «зеркало», в котором индивид находит представление о себе самом и богатую самооценку» [9].

Показательна в экзистенциальном смысле также «драматургическая социология» И. Гофмана, который рассматривал идентичность в условиях множественности социальных ролей. Гофмана можно считать наследником как интеракционистского направления в социологии, так и американской антропологической традиции, которая во многом опиралась на социологию Э. Дюркгейма. Аналитически в теории Гофмана выделяются три вида идентичности: 1) социальная идентичность типизация личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит; 2) личная идентичность уникальные признаки, сформированные уникальной комбинацией событий в истории жизни; 3) Я-идентичность субъективное ощущение индивидом своеобразия собственной ситуации [10]. Наибольшую функциональную нагрузку несет социальная идентичность, состоящая из множества идентичностей, то есть социальных ролей, «масок», которые составляют содержание и формы человеческого поведения. Эти «маски» часто подчиняют себе сущность, или Я-идентичность человека. Чтобы показать, как человек сохраняет свою индивидуальность (идентичность), Гофман рассматривает феномен «ролевой дистанции». Ролевая дистанция это необходимое условие выживания человека в сложных и жестких институциональных средах. Чтобы показать, что личность представляет собой нечто большее, чем предписано ролью, индивид вынужден дистанцироваться от социальной роли. В этой способности заключен механизм поддержания уникальности и нормальности человеческой личности, позволяющий сохранить сознание своей идентичности как некоего узла, связывающего все остальные роли.

Переворот в интерпретации феномена «идентичность» произошел в связи с появлением социально-конструктивистской социологии знания П.Л. Бергера и Т. Лукмана [11]. Феноменологическая социология знания, сторонниками которой являются авторы книги "Социальное конструирование реальности", ориентирована не столько на изучение специализированных форм знания, вроде науки, а на "повседневное знание", реальность "жизненного мира", предшествующую всем теоретическим системам. Следуя за феноменологами, авторы обращаются к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества. Реальность повседневной жизни не просто полна объективации, она и возможна лишь благодаря им. Общество существует как в объективной, так и в субъективной реальности. Связующим звеном как раз и является идентичность. Идентичность, по мнению представителей данной концепции, является ключевым элементом субъективной реальности. Подобно всякой субъективной реальности, она находится в диалектической взаимосвязи с обществом. Идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или

даже ее переформируя. Общества, обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями.

К основным теоретическим позициям в трактовке идентичности в современном социально-гуманитарном знании относятся следующие:

1. *Эссенциализм.* Эссенциали́зм (от лат. *essentia* сущность) теоретическая и философская установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств. Применительно к проблематике идентичности основной принцип эссенциализма заключается в утверждении изначального существования некоей сущности (эссенции), например, судьбы, предназначения, истины, природы человека и т.п., которые и определяют конкретные идентичности. Эти сущности неизменны, вечны и непреходящи (женщина, мужчина, европеец, китаец и т.д.). Отказ от следования им приводит к социальным проблемам. Фактически, идеалом эссенциализма является остановка социального движения с достижением соответствия социальной жизни изначальной ее сущности (или идее).

2. *Примордиализм*. Примордиализм исходит из того, что черты идентичности (например, этнической или национальной) даны изначально, являются неизменными и традиционными, и вся проблема в том, чтобы каждое новое поколение следовало им. Может иметь место биологический (родство как основа социальности), культурный (прирожденность и естественность конкретной культуры) или же религиозный (концепция “избранного народа”) примордиализм. Особенно наглядно примордиализм проявляется в национализме. На первый взгляд эсенциалистская и примордиалистская концептуализации идентичности схожи. Однако это не так. В первом случае онтологическим является допущение о видовом единстве человечества, а различие идентичностей объясняется культурными факторами. Во втором – эти различия врожденны определенным группам людей и неизменны.

3. *Конструктивизм.* Смысл принципа конструктивизма заключается в том, что поскольку социальный актор по определению автономен и способен творчески интерпретировать культурные ценности и нормы, постольку мир никогда не является целиком закрытым и детерминированным – он всегда открыт для новых интерпретаций и преобразований. Всякая “реальность” есть результат нашей конструктивистской деятельности и интерпретации. Иными словами, конструктивизм отказывается от теоретического схематизма и идеологических спекуляций; для него прежде всего значимы реальная феноменология социальных процессов и инструментальные решения. Современные социологические и психологические теории в основном делают акцент на сконструированности идентичности, которая не рассматривается как нечто устойчивое в силу динамичности современного общества. Несомненно, современные социологи и психологи во многом опираются на концепции Дж. Мида, И. Гофмана, П. Бергера и Т. Лукмана.

Ж. Лакан видит в личности расщепленного субъекта со своими историями, которые могут меняться, перераспределяя структуру субъективности. Он считает, что нет стабильного Я: индивид не целостный субъект, а фрагментированный *«дивид»* [12]. Согласно П. Бурдье, любое явление или предмет деятельности это объекты постоянного конструирования, поскольку представляются нам через слова, которыми описываются [13]. Э. Гидденс в книге «Современность и Я-идентичность» пишет, что люди условиями современности вовлекаются в самостоятельный поиск самих себя [14]. Гидденс смотрит на идентичность в духе Эриксона только в связи со своим социально-историческим окружением, технологией и экономикой эпохи, культурной традицией и господствующими воспитательными практиками и ценностями, однако приходит к иным заключениям. Процессы глобализации мирового сообщества теперь проникают в самое сердце человеческой личности *self*. Я-идентичность теперь предстает как *объект*, который

постоянно рефлексируется, компонуется, переформатируется; переформатируется даже сама способность к рефлексии.

Однако есть работы по социологии идентичности, которые защищают иную точку зрения. Английский ученый, представитель психоаналитической ориентации в социологии, Я. Крейб в работе «Испытывая идентичность» берет за отправную точку понятие *self* и фокусируется на анализе одного из элементов *self опыта*. Опыт, по его мнению, значительно шире идентичности: «Под опытом я понимаю широкий ряд аффектов, имеющих физические и идеациональные компоненты, которые в свою очередь могут быть сознательными или бессознательными, или комбинацией сознательных и бессознательных элементов. Это прекогнитивное и экстракогнитивное знание, без которого мы не можем быть самими собой и существовать в социальном мире» [15, с. 9–10]. Отсюда, идентичность переживается в опыте, образуя целостное психическое пространство, которое помогает преодолеть трудности взаимодействия с внешним миром, совмещая в себе индивидуальные и социальные компоненты *self* (читай: индивидуальную и социальную идентичности).

В постмодернистской социологии идентичность конструируется дискурсивно. С. Холл видит в языке творца социальной жизни. Идентичность предстает как шов между дискурсами, которые «говорят» о нас как о социальных субъектах отдельных дискурсов, и процессами, конструирующими нас как субъектов, о которых можно говорить. Таким образом, идентичности это точки временного прикрепления к субъективным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики, это результат успешной артикуляции, сцепления субъектов в потоке дискурса [16, с. 5–6]. С точки зрения Я. Крейба, мы имеем дело с методологией, которая рассматривает социальное как машину, перемалывающую все, с чем она вступает в контакт. Нельзя видеть в идентичности и опыте исключительно социальные продукты, поскольку «идентичность это наш опыт идентичности» [15, с. 168]. Социологию Крейба интересует не социальное конструирование идентичности, а природа социальных условий, которые поощряют индивидов редуцировать свое психическое пространство к той или иной социальной идентичности.

Итак, в качестве общих положений, разделяемых наиболее известными современными теориями идентичности, выделяются следующие: источник формирования идентичности социальная и культурная среда, межличностное взаимодействие; идентичность предстает как аспект самосознания, осознанности; она рассматривается как интегрированное переживание жизненной ситуации; идентичность часто выступает как воображаемая целостность; идентичность превращается в современном обществе в «рефлексивный проект»; она характеризуется как незавершенный проект в силу культурного плюрализма и сложности современного мира, опосредованного виртуальной коммуникацией [17].

Литература:

1. Рикёр, П**.** Конфликт интерпретаций. / П. Рикер. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит, ст. И. Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. – 624с.
2. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд/ Пер. с немецкого М.Коган, Я.Коган. – М.: «АСТ», 2009. – 640 с.
3. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э.Эриксон /Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. – 416 с.
4. Ясперс, К. Введение в философию/ К.Ясперс/ Пер. с нем. Под ред. Михайлова А.А Минск, Изд-во ЕГУ "Пропилеи", 2000. – 181 с.
5. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тэджфел. М., 1982.-413 с.
6. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Дж. Г. Мид. – РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009.- 290 с
7. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. Учебник для ВУЗов. 2-е издание, переработанное и дополненное / С.Кравченко. – М.: «Экзамен», 2004. – 624 с

8. Кули, Ч.Х.Человеческая природа и социальный порядок / Ч.Х. Кули / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
9. Мертон, Р.К. Референтная группа и социальная структура / Р.К. Мертон. – М.: Институт молодежи. Высшие социологические курсы, 1991. – 258 с.
10. Антонова, Н.В. Проблема личностной идентичности в западной психологии / Н.В. Антонова // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143
11. Бергер, П., Лукман, Т.**Т**Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум» – 1995. – 323 с.
12. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж.Лакан / Пер. с фр. А. К. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», 1995. 192 с
13. Бурдье, П. Физическое и социальное пространства / П. Бурдье // Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
14. Giddens, *A.* Modernity and Self identity: Self and society in late modern age. / *A. Giddens/.* Cambridge: Polity Press, 1991. – 256 p.
15. Craib, I. Experiencing Identity / I. Craib – London: Sage, 1998. – 208 p.
16. Холл, С. История одной кучи песку / С.Холл // Очерки по изучению ребенка / С.Холл – Б. м.: Пучина, 1925. С. 125–141.
17. Симонова, О.А. К формированию социологии идентичности / О.Симонова // Социологический журнал. – 2008.– №3. – С. 45-61.

ТЕМА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Муха В.Н.
к.с.н., доцент кафедры социологии и работы с персоналом социально-гуманитарного факультета, заведующая Центром социологических исследований Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия)

П. Штомпка, характеризуя современный этап развития социологии, отмечал, что рождается «третья социология», социология социальной экзистенции (социального существования), в фокусе внимания которой находится повседневная жизнь [1]. Повседневная жизнь выступает объектом исследования для целого ряда социально-гуманитарных дисциплин, но само понятие «повседневность» до сих пор однозначно не определено. Социологи употребляют как синонимы повседневности описательные характеристики (обычное ежедневное существование, образ жизни), изучают правила взаимодействия в определенном сообществе. Этнографы акцентируют внимание на быте – традиционных формах личной и общественной жизни, повторяющихся, устойчивых, ритмичных, стеотипизированных формах поведения. Историки повседневности – на повторяющемся, «нормальном» и привычном, конструирующем стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения.

История изучения повседневности берет начало в работах представителей феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца, определивших повседневность как сферу человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности, обладающую рядом характеристик, среди которых уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий. Повседневность для А. Шюца выступает как продукт взаимодействия человека с объективным миром: «С самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [2]. Эмпирическое исследование повседневности связано с этнометодологией. Этнометодологи считают, что повседневной жизни свойственна определенная упорядоченность. Повседневность состоит из практических правил, согласно которым люди живут, и следования которым они ожидают от других. Таким

образом, повседневность конституируется определенными предположениями о нормальности происходящих действий.

В дальнейшем проблематика повседневности находит свое отражение в концепциях второй половины века: теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, драматургической социология И. Гофмана, теории отчуждения А. Лефевра, теории габитуса П. Бурдье и др. Интерес к повседневности в современной социальной теории и гуманитарном знании возрождается под знаком «практического поворота» – попыток формирования нового теоретического консенсуса на основе понятия «практики». Теперь повседневность рассматривается в качестве рутинных практик и нерефлексивных действий. Другим направление социологии повседневности становится теория фреймов, в рамках которой анализируется проблема повседневного контекста, наделенного относительно автономным, независимым от конкретных практик существованием [3, с. 26]. В целом, социология повседневности становится новым направлением исследований. Директор Центра исследований повседневной жизни М. Маффесоли трактует повышенное внимание к повседневности как признак крушения великих объяснительных схем прошлого. Социолог ныне – не более чем участник общественной жизни наравне с другими. Познающий субъект оказывается «поставленным на место» через открытие повседневной реальности [3, с. 27]. При этом новая исследовательская стратегия социологии повседневности направлена на преодоление представлений о повседневной жизни как воплощении ординарности, банальности, рутины, повторяемости, привычности.

По мнению Л. Гудкова в рамках современной социологии повседневности специальному рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений жизни общества: зонирование пространства обитания в быту и на работе; хронометраж времени будничного и выходного дней, периода труда и отпуска, а также формы досуга; ролевые функции в разных контактных группах, тактики языкового поведения и специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях; порядок социализации разных общественных групп; порядок сна, его жилищный интерьер и прочие вещественные аксессуары; формы питания, начиная от состава продуктовой корзины до порядка общения сотрапезников и их поведения за едой; ежедневные и праздничные ритуалы, модификации этикета, униформа и мода; статусные значения пользования сложной техникой [3; 5]. Таким образом, предметом социологического исследования становится не социальная реальность, а отношение к ней, формы ее представления в сознании людей.

В целом, социология повседневности на сегодняшний день представляет собой становящуюся дисциплину: ее теоретические ресурсы четко не определены, не сформировался консенсус в отношении центральных категорий. Концепты социологии повседневности – «практика», «повседневное взаимодействие», «порядок интеракции», «социальная ситуация», «фрейм», – не образуют единого понятийного пространства [3; 4]

Среди исследований повседневности последнего времени следует отметить ряд работ выполненных в социально-философском ключе. В частности работа И.П. Поляковой «Повседневность: история и теория (социально-философский аспект)», в которой выявлена структура повседневности, ее гибкий и динамичный характер, роль взаимодействия традиций и новаций в процессе конструирования повседневности, рассмотрено изменение структур повседневности, ее формы и содержания под влиянием технико-информационных новаций в современном обществе [4]. В работе С.Н. Боголюбовой «Повседневность: пространство социальной идентичности» осуществлен социально-философский анализ идентичности в контексте повседневности как пространства, конфигурации социальных отношений, в которых индивиды, группы, институции самоопределяются на основании форм воспроизводства и производства социальности. Повседневность характеризуется как пространство идентификационных интерпретаций, дающих возможность сравнивать жизненные позиции индивидов на

основании их социального опыта и жизненных траекторий, а также институциональных условий их жизнедеятельности [5]. В целом, социально-философское осмысление повседневности заключается в анализе ее онтологических оснований, специфики познания данного феномена, ее ценностных ориентиров и практической значимости этой сферы жизни общества.

В отечественной социологии можно выделить целый ряд работ, в которых тема повседневности является одной из ведущих и исследуется на широком эмпирическом материале. Так Л. Гудков, описывая специфику российской повседневности, опираясь на материалы массовых опросов, проведенных Левада-Центром, что отмечает, российская повседневность представляет собой смешение социальных и культурных значений, нормативных и ценностных представлений, берущих начало в разных пластах времени и в разных институтах. Эта повседневность пронизана постсоветским двоемыслием, в ней символическое присутствие прошлого дополняется мощным воздействием массовой культуры, развлечений, консьюмеризма [6].

В коллективной монографии «Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев» на основании качественной методологии авторы реконструируют идентификационные склонности новых фермеров, жильцов самоуправляемых домов, «челноков», ипотечных заемщиков, фанатов рок-музыки, предпринимателей-благотворителей, забастовщиков и ВИЧ-инфицированных пациентов на основе данных об их поведенческих практиках. Авторы ставили перед собой задачу показать, что идентичность не всегда навязывается внешними структурными ограничениями, а вырабатывается из повседневных жизненных практик и закрепляется в них. На основании наблюдавшихся случаев была предложена идеальная типология акторов – пассивные обыватели, «приватные акторы», активисты [7].

Отдельно следует отметить крупный проект «Российская повседневность в условиях кризиса» под руководством М.К. Горшкова. В ходе исследования был проведен анализ бытовых аспектов повседневной жизнедеятельности россиян, дана оценка роли работы в повседневной жизни людей, выявлены опасения и тревоги, волнующие россиян в условиях кризисной повседневности и др. Проведенное исследование показало, что российская повседневность как устоявшаяся действительность практически не изменилась под воздействием глобального финансового кризиса [8].

Повседневность является сферой социальной реальности, формой её существования, она связана с хозяйственными, экономическими, политическими, правовыми условиями социального взаимодействия субъектов повседневности. Изменение структуры социальных связей и отношений, темпы этих изменений в современном обществе влекут за собой преобразование повседневной жизни, поэтому в современном динамично развивающемся мире интерес социологов к теме повседневности будет только усиливаться.

Литература:

1. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-13.
2. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 130.
3. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 317 с.
4. Полякова И.П. Повседневность: история и теория (социально-философский аспект). Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 171 с.
5. Боголюбова С.Н. Повседневность: пространство социальной идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2010.
6. Гудков Л. Российская повседневность // Вестник общественного мнения. 2007. №2 (88). С. 55-73.
7. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова и др. М.: Логос, 2010, 388 с.
8. Горшков М.Ю. Российская повседневность в условиях кризис. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2009. 139 с.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ИЛИ ЯБЛОКО РАЗДОРА?

Милова Т.Ф.
к.ф.н., доцент, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Института непрерывного образования Белорусского государственного унивеситета (Минск, Беларусь)

Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в существующей системе высшего образования нуждается в серьезных изменениях. В последние годы попытки осовременить этот блок регулярно приводят к увеличению объема информации по дисциплинам, причем рост объема по отдельным дисциплинам не компенсируется уменьшением их числа. Межпредметные связи развиваются слабо и хаотично, знания остаются разобщёнными. Качество подготовки по социально-гуманитарному блоку оценивается безотносительно к потребностям будущей профессии и социальным компонентам мировоззрения. Недостаточная идейная связь с профессиональными потребностями, перегруженность, сложность усвоения вызывают протестное отношение студентов. Частичные реформы в рамках отдельных дисциплин не позволят решить эти проблемы, поэтому назрела необходимость разработать новую концепцию преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузе.

Болонский процесс, который начинался 12 лет назад как региональная европейская инициатива, направленная на создание условий для повышения трудовой мобильности, в настоящее время стал локомотивом и даже символом модернизации высшего образования во всем мире. Россия официально присоединилась к Болонской конвенции, Беларусь планирует сделать это в ближайшее время, однако уже сейчас соответствие целям Болонского процесса воспринимается как один из ключевых критериев актуальности и качества образования. Это можно объяснить объективной значимостью для постсоветского образования основных целей образовательного сотрудничества в Европе; это, в первую очередь, динамичность модернизации образования, определяющая роль в этом процессе работодателей, создание практических механизмов сотрудничества и обменов в образовательном пространстве и, как следствие, обеспечение мобильности подготовленных трудовых ресурсов.

Европа уже в тексте Болонской конвенции, и еще в большей мере в ходе ее реализации, взяла курс на отказ от фундаментального высшего образования в пользу образования практического и даже прагматического. Это, пожалуй, пункт наиболее кардинального расхождения в понимании социально-культурной цели образования европейской и отечественной системами. Соглашаясь с неоспоримой необходимостью обретения высшим образованием практической направленности, и российская, и белорусская высшая школа тем не менее видят возможность достичь ее не вместо, а только лишь на основе достаточно глубоких общетеоретических (фундаментальных) знаний.

Еще одно существенное различие связано с тем, что приобретение базовых социальных компетенций европейское образование связывает со средней школой (гимназией), а отечественное традиционно включает их в содержательный минимум высшего образования. Этим определяется присутствие и принципы организации блока социально-гуманитарных дисциплин в образовательных программах по всем направлениям. До самого последнего времени общее социально-гуманитарное образование продолжает формироваться и реализовываться в соответствии с принципами классической пайдейи: ему свойственны общезначимость скорее, чем личностность, полнота скорее, чем целостность, устойчивость скорее, чем трансформации. С высокой степенью вероятности, сам характер общегуманитарной (социально-гуманитарной) подготовки неизбежно должен измениться и кристаллизоваться в мировоззренческий

акцент, востребованный культурной, социальной и политической самоидентификацией личности, индивидуальными стратегиями самореализации, экзистенциальными смыслами человеческого бытия. Фактически, это та же трансформация фундаментального образования в практическое, только прагматическим назначением его призваны быть не узкопрофессиональные, а общие жизненные установки и технологии деятельности.

Цель социально-гуманитарной подготовки должна соответствовать основным задачам общества, в ней отражаются лучшие мировые достижения образования и культуры. В этих сферах в настоящее время наблюдаются глубокие трансформации. Формируются основы инновационной экономики, технологический прогресс создает новые ресурсы роста, переосмысливаются с экологических позиций принципы взаимодействия с окружающей средой. Очевидны признаки становления информационного общества, на порядок более динамичного, интегрированного, сложноорганизованного. Важнейшую роль в этих процессах призваны играть специалисты с высшим образованием. Образованный человек стал ключевым ресурсом развития.

Как отечественная, так и болонская позиции исходят из того, что образование должно формировать не только профессиональные, но и личностные компетенции. Наиболее важная новация в области целей образования, признанная в обеих системах, - настоятельная социальная потребность развития у человека способности отвечать на внешние вызовы, которые заранее неизвестны – ни ему самому, ни тому, кто его учит, ни обществу в целом. Это качество можно назвать «открытостью образования». Динамика общественных процессов, сложность информационных потоков привели к тому, что способность создавать новое, готовность принимать решения – фактически именно то, что мы называем творческим отношением – из характеристики избыточной, необходимой редко и в исключительных социальных ролях, превратилась в востребованную постоянно и повсеместно, существенную для большинства позиций в современном обществе. Поскольку неизвестны вопросы и вызовы, на которые человеку придется отвечать в жизни, невозможно в ходе образования сообщить ему ответы и готовые технологические решения. Единственный способ повлиять на это – создавать некий «спящий резерв», который обеспечивает способность поиска информации, принятия решения, применения нового подхода. Это означает, что качественное образование в современном обществе не может не быть воспитанием творчества как способности, интегрирующей «открытость» культурной, социальной и профессиональной позиций образованного человека.

В Болонской системе задействуется несколько факторов, на разных уровнях прямо и косвенно обеспечивающих открытость образования. Ключевые в этом отношении: индивидуализация как содержания, так и форм образовательной деятельности, и обеспечение внутренней мобильности за счет нахождения «единицы качества».

Необходимым компонентом любого образования является освоение культурных достижений человечества, формирование субъективного образа мира как целостной природно-культурной реальности, которой принадлежит конкретный субъект. Традиционное решение в этой области – определение некоего корпуса знаний, которые обучаемый должен усвоить. Возможности творческого отношения здесь исчерпываются индивидуализацией путей обучения. Ключевой фактор, который определяет такое образование – социальная детерминация. Общество объективно существующим уровнем культуры определяет тот набор конкретных знаний, наличие которых позволяет идентифицировать человека как образованного. А уполномоченные обществом субъекты (школы, университеты, министерства и т.п.) коллективными усилиями легализуют этот нормативный «корпус знания».

Однако объем и разнообразие современных знаний таковы, что усвоить их все невозможно. Сложность системы достигла столь высокой степени, что последовательное выведение более современного знания из фундаментального так же невозможно. Поэтому задача усвоения знания трансформируется в задачу личной оценки знания, и далее –

принятия индивидуального решения о его включении в собственное мировоззрение. Для этого используются индивидуальный выбор содержания образования и перенос основного акцента на внеаудиторную, самостоятельную работу.

Для того, чтобы новая концепция достигла цели, соответствия современным тенденциям недостаточно. Реализовывать ее будет обширный преподавательский корпус, поэтому важно, чтобы преподаватели ее приняли и чтобы все их возможности были использованы. Не менее важно, чтобы новый подход был позитивно воспринят студентами, отвечал их жизненным устремлениям и довузовской подготовленности.

В преподавании социально-гуманитарного блока необходимо обеспечить формирование социальных компетенций, связь с профессией, междисциплинарные взаимодействия – при условии значительного уменьшения объема информации. Обеспечить это можно выделением наиболее значимых компетенций, которые будут служить общими идейными основаниями, целевыми ориентирами для построения всего содержания блока, включая внутренние взаимосвязи. Такими компетенциями в современных условиях представляются следующие: **инновационное мышление, ответственность, зрелость.**

Инновационное мышление означает не только восприимчивость к новому, но и способность практически его использовать; эффективное получение новых знаний и внедрение их в жизнь и в производство, динамичность, открытость всему ценному, творчески-созидательное отношение к любым задачам. Ответственность – способность принимать взвешенные, конструктивные решения, предвидеть последствия, действовать целесообразно. Зрелость выражается в отказе от социального потребительства, инфантильного расчета на получение благ не важно откуда; это самостоятельность, инициатива.

Консолидация нации на основе названных идей будет эффективной и устойчивой. Развитие общества в экономической, экологической, социально-культурной, политической сферах получит дополнительный импульс. Опора на перечисленные ценности позволяет сформулировать новое понимание социально-гуманитарного блока.

Необходимо отказаться от ориентации на большой объем знаний, а ограничиться преподаванием ограниченного количества базовых теорий, освоение которых позволит студенту решать относящиеся к данной области задачи, формировать и обосновывать позицию, определять необходимую деятельность. Выбор таких «базовых» знаний должен сопровождаться установлением отчетливых связей между ними, которые необходимы для мировоззренческого становления профессионала и могут быть использованы для ответа на еще не известные вызовы. Отбор содержания, формулирование критериев качества образования и оценка результатов должны производиться в соотношении с указанными целевыми компетенциями.

Есть ряд причин, определяющих большое значение, придаваемое новой моделью самостоятельной работе студентов. Во-первых, в самостоятельной работе акцент переносится с репродуктивных видов учебной деятельности на продуктивные. Во-вторых, индивидуализация темпа и содержания работы делают эффективным усилие каждого студента, а не только не существующего «среднего». В-третьих, любые результаты самостоятельной работы субъективно более значимы, чем полученные в готовом виде. В-четвертых, самостоятельная работа естественным путем обеспечивает сплав теоретического и практического навыка. И, наконец, в-пятых, достигается вариативность результатов одновременно с соответствием их заданному уровню сложности. Совокупность этих факторов может быть описана как творческое отношение субъекта к собственному обучению.

Именно трудоемкость, собственное усилие студента стало в понимании Болонской конвенции той «единицей образования», которая позволяет создать и использовать формальные рамки соответствия: между отдельными учебными дисциплинами, вузами, странами. Благодаря европейской системе кредитных пунктов можно уравнять результаты

интенсивного обучения в течение двух лет и десятилетнее накопление знаний в режиме спорадических занятий. Огромную долю это обучение отводит практике (шестая часть пунктов, необходимых для получения степени бакалавра) и продуктивной организации знания: если отечественный студент пишет от двух до четырех курсовых работ за все время обучения в вузе, то европейский – от одной до трех за каждый учебный семестр плюс бакалаврскую (аналог дипломной) работу.

Принципиальная разница между белорусской и европейской концепциями, которая сохраняется в понимании вариативности и индивидуализации образования, связана со стандартизацией. Стандартизировав обучение в системе высшего образования количественно, европейские страны стремятся постоянно повышать автономию вузов в определении его конкретного содержания. Государственные требования к вузам регламентируют: кто должен учить, как учить, как проверять и оценивать, но не существует регламентаций того, чему учить. Более того, академические свободы поддерживаются на всех уровнях, от внутриуниверситетских конкурсов учебных дисциплин до тематики уже упомянутых курсовых работ.

Организация образовательного процесса, параметры образовательной среды, профессорско-преподавательский состав, научно-методическое обеспечение составляют значительную часть образовательных стандартов третьего поколения и в России, и в Беларуси. Однако закрепление совершенно конкретного «корпуса знаний» на уровне государственного стандарта сохраняется. Российское образование, надо отдать должное, все же нашло некоторое решение, сохранив в новейших стандартах только наиболее крупные, существенные для культурной идентификации параметры содержания в виде компетенций. Для российской системы стало уже привычным, что учебные планы утверждаются вузами, что ведущие университеты один за другим уменьшают годовую норму аудиторной преподавательской нагрузки с целью методического обеспечения самостоятельной работы, что так называемые «курсы по выбору» – необходимая часть обучения.

А вот вступивший в силу в сентябре текущего года Кодекс «Об образовании» Республики Беларусь фиксирует и даже развивает дальше систему жесткой регламентации в первую очередь содержания образования, предусматривая существование общеобязательных типовых учебных планов и даже типовых учебных программ и для высшего, и для среднего специального, и для дополнительного образования.

Насколько совместим этот подход с интеграцией в европейское образовательное пространство? Формально – полностью: ничто не мешает приравнивать трудоемкость типовых программ к уникальным. Такой подход приводит к тому, что в Беларуси, например, ни один европейский диплом бакалавра не признается дипломом о высшем образовании, потому что трудоемкость в 180 кредитных пунктов соответствует трем годам обучения, в то время как белорусские стандарты высшего образования предусматривают сроки обучения от четырех до шести лет. Следовательно, формальная совместимость благополучно сопутствует сущностному противоречию. Впрочем, Министерство образования планирует сохранить за собой монополию и на признание соответствия (для целей академической мобильности) не только зарубежных вузов, но и отдельных учебных дисциплин, что уже закреплено утвержденным в июне 2011 г. Положением об аккредитации.

И в белорусском образовании соотношения проблематики и объемов отдельных дисциплин, подчиненные общей цели, должны быть выработаны на основе нахождения общих оснований, тогда не только межпредметные связи обретут реальность, но и иначе структурируется весь знаниево-компетентностный корпус. Значительная часть социально-гуманитарного блока в этих условиях может стать вариативной и изменяться в зависимости от того, квалифицированные специалисты в каких областях работают в конкретном вузе, каковы особенности ситуации в регионе, по какому профилю проходят подготовку студенты. Это становится возможным потому, что все дисциплины работают

на достижение одних и тех же задач, хотя и с использованием разного материала. Все преподавание социально-гуманитарного блока следует сориентировать на практические потребности профессиональной и социальной компетентности специалистов. Это позволит также дополнительно сблизить систему высшего образования в Беларуси с системой, действующей в рамках Болонской конвенции, повысить тем самым конкурентоспособность отечественного образования в мире, поднять на новый уровень экспорт образовательных услуг. Общество нуждается в профессионалах, которые относятся к социальным проблемам ответственно и компетентно. В этих условиях преподавание социально-гуманитарного блока в вузе должно работать на консолидацию нации в целях устойчивого развития общества.

Литература:
1. Кодекс Республики Беларусь «Об образовании».
2. Болонский процесс в вузах Российской Федерации. // [Электронный ресурс] – код доступа: http://mon.gov.ru/obr/pri/4508/ Дата доступа: 09.08.2011
3. Болонский процесс в России. // [Электронный ресурс] – код доступа: http://www.bologna.ntf.ru/ Дата доступа: 09.08.2011
4. Болонский процесс в Беларуси: Аналитические обзоры. // [Электронный ресурс] – код доступа: http://edubelarus.info/index.php?do=static&page=ehea&news_page=6 Дата доступа: 09.08.2011
5. Положение о порядке проведения государственной аккредитации учреждений образования. Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 495 22 июня 2011 г.

ТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СОГЛАСИЯ В ПРАКТИКЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Полонников А.А.
к.п.н., доцент, заместитель директора Центра проблем развития образования Белорусского государственного универсиетета (Минск, Беларусь)

Принято считать, что адресат текста есть нечто ему предзаданное, чему высказывание просто должно соответствовать. Однако с учебным текстом все обстоит не так просто и критический дискурс-анализ его социального действия способен обнаружить специфическую работу сообщения, управляющего восприятием читателя [1, с. 53]. Наше исследование выполнено на материале одного из учебно-методических комплексов, изданных в 2008 году в БГУ, и ориентированном на студентов, готовящих себя к работе в области информации и коммуникации.

В установочной части пособия его адресат представлен как тот, кому свойственно «недопонимание феномена социальной коммуникации», «частичность» полученных прежде знаний, «неоправданное расширение области теории коммуникации». Создаваемая описанием студенческая позиция не только дефицитарна, но и крайне нестабильна, поскольку в представленном виде лишена профессиональной перспективы. Высказывание строится как специфический нарратив, в котором герой-студент с помощью учебного пособия, отводит от себя угрозу будущего [4, с. 22-23]. Эта угроза связана не с внешними для человека причинами, а с его собственным несовершенством. Страх этого несовершенства создает субъективные предпосылки чтения, преобразует витальную структуру идентичности студента в позицию заинтересованного читателя. Учебное пособие к тому же оказывается *именно тем,* что необходимо студенту для восполнения вмененной ему неполноты.

Из чтения вступительной части обучающийся узнает и о том, что работа с учебно-методическим комплексом научит его «применять теории и методы коммуникации для решения разнообразных исследовательских проблем; эффективно коммуницировать в различных коммуникативных пространствах; оптимизировать реальные коммуникативные процессы в сфере масс-медиа и пр.». Мы видим, что для обеспечения собственной

авторитетности тексту недостаточно внешних реквизитов (ссылки на рекомендацию научно-методического совета одного из факультетов БГУ, статусных имен рецензентов, грифа Министерства образования) и поэтому в структуру описания включено педагогическое обещание, выполненное в духе рекламных постеров раннего капитализма. Приписанная тексту валентность, вместе с вмененным страхом будущего, составляют мотивационную основу позиции читателей-студентов и выступают психологической предпосылкой их участия в образовательной игре.

Однако на этом конструирование позиции читателя не завершается. Спасение от угроз будущего, как гласит апокалипсическая традиция, может быть реализовано в двух формах: индивидуальной и коллективной. Какая же из них предлагается студентам в организационной части лекционного курса? Для ответа на поставленный вопрос используем следующий фрагмент учебного пособия:

Социальная … коммуникация – понятие неисчисляемое, поэтому употреблять множественное число здесь неуместно. Правильнее говорить о средствах, видах, способах коммуникации и ее участниках (например, «килограмм сахару», «чашка чаю», «разновидности коммуникации» и т.п.). Использование множественного числа в понятии «коммуникации и их разновидности» аналогично разговорному «два чая», «три кофе» т.п.

Обратим снимание на используемую автором аналогию умопостигаемых и чувственно данных вещей («коммуникация» и «чай»). Чем обосновано такое ассоциирование? Конструктивный смысл этого действия попытаемся обнаружить с помощью известной бихевиоральной схемы вторичного обусловливания. Ассоциирование связывает новый для студентов стимул «коммуникацию» со стимулом «чай», прочно укорененным в опыте обучающихся. Восприятие слов «чай», «кофе», «сахар» апеллирует к соответствующим мнемическим структурам учащихся, вызывая телесную реакцию, подобную удару током, которым И.П. Павлов провоцировал у своих собак слюноотделение. Реакция на действие знакомых слов совершается у всех студентов более или менее идентичным образом, формируя социальную общность на базе психомоторного единства. На эту условно-рефлекторную связь накладывается действие второго раздражителя. У Павлова это был электрический звонок, который после нескольких проб более не нуждался в подкреплении ударом электротока, выступая генерализованным стимулом. В случае пособия стимул «коммуникация» посредством условно-рефлекторной связи актуализирует у всей группы идентичную позицию. Таким образом согласованность положений читателей происходит автоматически, посредством простого переноса значения, обеспечивая согласие и единство образа реальности без соглашения [3, с. 11]. При этом совершенно необязательным оказывается соприсутствие студентов в одной аудитории. Этому способствует объективный статус текста. Условием социального согласия оказывается включенность его потребителей в текстуальную трансмиссию (в устной речи, в письменном тексте или электронном сообщении). Текстуальное сообщество в актах восприятия информации начинает функционировать единообразно.

Согласие, лишенное рационального договора взаимодействующих сторон, является продуктом теневого политического действия текста, скрывающего за планом сообщения свою нацеленность на социальную идентификацию студентов, сближение их читательских позиций и некритическое усвоение предлагаемой преподавателем информации. Понятно, что работа с массой студентов не может не задействовать унифицирующие учебное микросообщество процессы, однако унификация унификации рознь. Подведение под общий знаменатель бихевиоральными приемами, конечно же, эффективнее и экономнее, чем согласование в открытой дискуссии при сопоставлении и анализе различных теоретических подходов, выявлении особенностей категориальных ситуаций и прочих условностей, связанных с использованием термина «коммуникация». Рациональный договор имеет смысл в том случае, когда педагогическая задача сообразуется с формированием у студентов опыта сознательного соучастия в общих

делах, и эта задача входит в структуру формируемой в обучении социальной ориентировки.

Обсуждая теневое политическое действие текста, было бы неверным сводить его к односторонним усилиям педагогической инстанции. Политическое действие не только действие программирующее, но и предполагающее содействие программируемой стороны. Обратимся к уже обнародованному нами списку «коммуникативной дефицитарности» студентов. Мы уже отмечали, что признание учащимися своей теоретической неполноты – важнейшее условие их мотивирования и становления в качестве субъектов восприятия учебных содержаний. Но не только. Преподаватель, вступая в коммуникацию с заинтересованными им студентами, участвует во взаимовыгодном символическом обмене, в ходе которого студенты получают «ассигнации» для расчета на экзамене и определенные гарантии в его благополучном исходе, педагог – делегируемую ему власть, а также индульгенцию на символическое принуждение. Все вместе – осмысленность ставки в коммуникативной игре, именуемой образованием. Результатом такого рода текстуального программирования может стать социальная установка конформистского типа, выступающая «внутренним» препятствием развития инновационных практик образования, связанных с личной инициативой и соперничеством, сознательным выбором партнеров по деловому ассоциированию. Деконструкция политики учебного текста способна противостоять тенденции дискурсивного детерминизма [2, p. 3] и обеспечивать (в конечном итоге) более либеральный порядок образовательных отношений.

Литература:

1. Jabłońska B. Krytyczna analiza dyskursu: refleksje teoretyczno-metodologiczne / B. Jabłońska // Przegląd Socjologii Jakościowej, 2006, Tom II Numer 1. – S. 53-67.
2. Phillips N. What Is Discourse Analysis? / N. Phillips, C. Hardy // Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage. 2002. – P. 1-18.
3. Rancew-Sikora D. Analiza konwersacyjna jako metoda badania rozmów codziennych / D. Rancew-Sikora. Warszawa, 2007.
4. Trzebiński J. Narracyjnie konstruowanie rzeczywistości / J. Trzebiński // Narracja jako sposób rosumienia świata. Pod redakcją Jerzego Trzebińskiego. Gdańsk, 2002. – S. 17-42.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК СЕЛЕКЦИЯ ВОСПРОИЗВОДИМЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Корчалова Н.Д.

начальник отдела Центра проблем развития образования Белорусского государственного унивеситета (Минск, Беларусь)

Рассмотрение проблематики социального знания и перспектив его развития белорусским научным сообществом с необходимостью должно осуществляться с учетом контекста образования. Работы Э. Дюркгейма и его последователей убедительно показали, что образование есть один из основных механизмов социального воспроизводства трансмиссии идей, ценностей, значений, установок, моделей поведения и др., обеспечивающей относительно устойчивое существование локальных сообществ. Опираясь на более широкие социальные контексты, образование (в частности, через свой инструмент педагогику) вносит свой собственный символический вклад в процесс воспроизводства.

Основным атрибутом символического действия образования полагается произвольность воспроизводимых значений и средств воспроизводства: они произвольны постольку, «*поскольку структура и функции этой культуры не могут быть выведены из одного лишь универсального, психического, биологического или духовного принципа, поскольку не существует никакой внутренней связи, которая соединяла бы их с*

«природой вещей» или с «человеческой природой» [2, с. 25]. Нас интересуют средства, с помощью которых осуществляется символическое воздействие в образовании, и в первую очередь тексты.

Значимость образовательных текстов определяется не только тем, что «конкретный текст есть лишь особая форма определенного практического взаимодействия; текст есть форма социальных взаимоотношений, которые сделались видимыми, ощутимыми, материальными» [1, с. 43], то есть могут выступать некой диагностической единицей социальных практик, но и тем, что они служат инструментом производства разделяемых социальных значений и социальных практик.

В этой работе мы обращаемся к анализу типовой программы по курсу «Культурология» для высших учебных заведений РБ [3]. Несмотря на то, что согласно РД РБ 02100.5.227-2006 «Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин» учебная дисциплина «Культурология» утратила свой статус обязательного к изучению предмета и перешла в статус курсов по выбору, учебные программы по данной дисциплине, разработанные и утвержденные в белорусских вузах в последние несколько лет, используют данный документ в качестве опорного.

Мы опишем программу посредством следующих параметров: 1) цели; 2) структура дисциплины; 3) содержание концепта культуры; 4) референтный круг источников.

1. Цели. Определение целей изучения данной дисциплины осуществляется посредством декларирования установления взаимоотношений между человеком и культурой. В их формулировке заложена «двойственная кодировка» этих взаимоотношений, где человек одновременно понимается как пассивный реципиент и активный субъект этих взаимоотношений. Это осуществляется следующей цепью утверждений: а) культурологическое знание есть ключевой элемент в мировоззренческой подготовке молодого человека; б) формирование мировоззрения осуществляется через *социализацию* (обусловленную «четко установленными правилами и нормами») и *осмысление* векторов, задающих целостное «переживание бытия в конкретных социокультурных обстоятельствах», – «выработку ориентиров для самоопределения»; в) мировоззрение человека есть *отражение* системы категорий культуры.

Вторым блоком в целеполагании курса выступает конструирование специфически белорусского культурологического знания, причем белорусская культура полагается как существующая, представляющая собой «глубинные детерминанты социального действия» и понимается как пограничная и «нуждающаяся в осмыслении и изучении».

Конкретизация целей производится через набор задач, охватывающих как получение знаний относительно «современной культурной ситуации в мире», так и изучение специфики белорусской культуры.

2. Структура дисциплины. Структурирование содержания дисциплины производится по нескольким основаниям: историко-философскому (посредством указания на основные исторические философские школы); историческому (основанному на идее К. Маркса об историческом развитии как смены общественно-экономических формаций), историко-научному (обращающему идею поступательного развития от классического к постнеклассическому образцу, разработанную В.С. Степиным и его школой для научного познания, на идею культуры); национально-региональному. В целом основанием для построения содержания курса выступает история философии (обозначение эпох философской мысли и основных течений), причем избирается констатирующий принцип выбора содержания, но не проблематизирующий, что противоречит заявленным ценностям выработки самостоятельной позиции в отношении современной культуры как основания для культуросоразмерного действия в ней.

В структурировании содержания отдельных разделов и тем наблюдается отсутствие единой схемы и возникает впечатление «случайности» включения того или иного учебного материала. Наиболее отчетливо это можно проследить на содержании тем

раздела III «Типология и историческая динамика культуры». В данном разделе представлены темы, чаще всего отсылающие к тому или иному региону в некоторый период времени: «культура древних цивилизаций», «культуры Востока», «античная культура», «культура европейского средневековья», «культура России» и др. Однако при ознакомлении с конкретизацией содержания каждой из тем сложно установить объединяющую их логику и принцип отбора. Фактически отсутствует общая схема анализа каждой из перечисляемых культур, а регламентируемое содержание скорее отражает наиболее популярные в определенных научных и философских кругах вопросы: например, культуры первобытности и древних цивилизаций категоризируются с помощью понятий миф, магия, обряд и ритуал; в отношении культур Востока уже вводится понятие религии; античная культура связывается с рационалистичными категориями – политикой (особым образом атрибутированной), публичным правом, новым типом мышления и др.; в характеристике европейской культуры эпохи нового времени появляется мотив «эволюции городской семьи и семейного быта»; обсуждение культуры XX века предлагается проводить с помощью понятий «неофициальной культуры» и «профанной среды». Наиболее устойчиво появляются лишь темы генезиса и пространственно-временных представлений как феноменов (или конструктов) культуры. Тем самым искусственно может создаваться впечатление о завершенности и ограничении культур, кроме того, те или иные феномены «подвешиваются» к конкретным культурам, как если бы было невозможно (или несущественно для охарактеризования) их обнаружение в ином культурной ореоле.

3. Содержание концепта культуры. Для нашего анализа важным было установить, как производится предметизация культуры в курсе. Возникает впечатление, что невозможно или, по крайней мере, сложно установить то, что понимается под культурой. Чаще всего для обозначения понимания культуры используется принцип парности, т. е. указание на концепт культуры производится за счет ссылки на другой концепт. В программе фигурируют по крайней мере восемь таких пар: культура/история, культура/эстетика, культура/язык, культура/индивид (обсуждаемый через субъективность и естественную природу человека), культура/литература (в том числе мифы), культура/идеология, культура/религия, культура/общество, причем в одних парах производится операция синонимизации (например, культура/эстетика), в других – антонимизации (культура/индивид).

Что не менее важно, содержание концепта культуры осуществляется по принципу списочности (перечисления). Возможно, именно с этим связана трудность обнаружения того «места» в программе, которое обеспечивало бы возможность самоопределения обучающихся по отношению к содержанию культуры или культурологическому знанию как заявленной в курсе задачи.

Что касается работы с феноменом белорусской культуры, то в рамках этой темы доминирующим является исторический способ описания и категоризации, нежели собственно культурологический и даже философский.

4. Референтный круг источников. В списке рекомендуемой литературы в разделе основной по курсу среди 22 источников только один принадлежит перу белорусского автора И.Я. Левяша. Важно то, что автор этого издания является одним из рецензентов самой программы. В списках по отдельным темам и разделам наиболее часто упоминаются фамилии А.Я. Гуревича (4 раза), М.С. Кагана (4 раза), Ю.М. Лотмана (7 раз). В целом же присутствует большой разброс источников. В списке литературы по теме «Белорусская культура в контексте мировой культуры» представлено 14 источников, из них 13 опубликованы в Минске, 8 – на белорусском языке. Однако при поверхностном ознакомлении со списком возникает впечатление, что преимущественно это исторические сочинения, нежели собственно культурологические.

В целом программа неявно утверждает непроблемный характер культуры, ее всегда уже данное существование, независимое от конкретных людей и сообществ, которые

могут только лишь «вписаться» или «не вписаться» в культурный мейнстрим, а также достаточность упоминаемых в программе средств анализа культуры. Что касается белорусских обстоятельств, то передается идея отсутствия самостоятельного культурологического мышления, а белорусская действительность есть «слепое пятно» для культурологической мысли или, иными словами, «некультура».

Литература:
1. Бернстейн, Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстейн. М., 2008.
2. Бурдьё, П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдьё, Ж.-К. Пассрон. М., 2007.
3. Культурология. Учебная программа для высших учебных заведений / Сост. Ю. Ю. Гафарова, М. Р. Жбанков, И. В. Жук, Г. Я. Миненков. Минск, 2000.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Осипова Е.В.
магистр, младший научный сотрудник сектора межкультурного диалога Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Время – материя, из которой состоит жизнь.
Бенджамин Франклин

Время – это то, что было, есть и будет. Время – это, что есть сейчас, в это мгновение, а также то, что безвозвратно утекает. Это то, что ни один из нас не может удержать физически. А вот в духовном плане на ментальном уровне – это один из самых весомых «ингридиентов» личности и общества в целом. Проблема времени обладает особым статусом в жизни человека и является одной из центральных тем философской рефлексии. Вопросы времени интересовали мыслителей различных эпох. Философы и физики первые стали заниматься изучением особенностей временных процессов и осмыслением темпоральных закономерностей. Концепции течения и восприятия времени, его объективного существования и субъективного истолкования на протяжении более двух тысяч лет выдвигали Аристотель, А. Августин, А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, И. Кант, Г. Лейбниц, И. Ньютон и др. Эти концепции сменяли друг друга, однако в XX веке интерес к категории времени резко возрос уже не в философии, а в науке. Р.К. Мертон, П.А. Сорокин, В.П. Яковлев, Ж. Гуревич, К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, А.К. Болотова, Б.И. Цуканов, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Н. Тасси и другие продолжили исследования в области временной перспективы личности (как единицы социальных отношений), уделяя львиную долю проблеме перцептуального времени в социологии и психологии.

Время как категория вечная и существующая как в нашей жизни и в нашем сознании, так и над ними имеет различные подходы к определению в различных науках. В классической физике время – это непрерывная величина, априорная характеристика мира, ничем не определяемая. В качестве основы измерения используется некая, обычно периодическая, последовательность событий, которая, признаётся эталоном некоторого промежутка времени. И. Ньютон: «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью. Все движения могут ускоряться или замедляться, течение же абсолютного времени изменяться не может». Называя время абсолютным, ученый подчеркивает равномерность и последовательность временных процессов.

В философии время рассматривается как необратимое течение (протекающее лишь в одном направлении – из прошлого, через настоящее в будущее) [3, с.27], внутри которого происходят все существующие в бытии процессы, являющиеся фактами. И. Кант

время рассматривает как априорную (доопытную) форму чувственного созерцания. Он говорит, время не есть эмпирическое понятие, выводимое из какого-нибудь опыта, а это форма чувственного созерцания. Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. Время есть априорное формальное условие всех явлений вообще [2, с. 87]. В философии А. Бергсона первоосновой всего является длительность – чистая нематериальная сущность. Время является одной из форм проявления длительности в нашем представлении. Познание времени доступно лишь интуиции. А. Бергсон: «Ведь наша длительность не является сменяющими друг друга моментами: тогда постоянно существовало бы только настоящее, не было бы ни продолжения прошлого в настоящем, ни эволюции, ни конкретной длительности. Длительность – это непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя будущее и разбухающего по мере движения вперед [1, с. 46].

Социальное время (время человеческого бытия) – коллективное перцептуальное время, универсалия культуры, содержание которой лежит в основе концептуального времени, конституирующегося в феномене истории как осознанной процессуальности социальной жизни [3, с. 27]. Социальное время – время, в которое человеческая активность создает общество [6]. Характеризуется возможностью ускорения или замедления в зависимости от частоты событий. Люди, создавая социальное время событиями личной жизни, могут относиться к нему как к надиндивидуальной внешне заданной и неизменной системе координат. Однако они сами определяют последовательность и границы событий, делят их на этапы, что заставляет обращать внимание на подвижность и неоднородность временных связей [9, с. 34].

Понятие социального времени, которое отлично от астрономического, предложили социологи П.А. Сорокин и Р. Мертон, связав его с временем выполнения общественных функций. В статье «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» (1937) они обращают внимание на то, что многие обществоведы исходят из идеи об отсутствии иной системы счисления времени, отличной от календаря [5]. Сорокин и Мертон приводят результаты аналитического исследования представлений о времени в историческом разрезе у народов различных континентов. Ученые отмечают, что различные моменты и периоды жизни оцениваются по-разному, в зависимости от происходящих событий, их значимости и эмоционально-чувственной окраски. Так, племя Чонгли, подчеркивают ученые, измеряет долгие промежутки времени поколениями – время правления одной группы старейшин; количественно эти промежутки могут отличаться, но они все же считаются равными благодаря идентичности качественных аспектов. Э. Жак охарактеризовал социальное время как время «намерений», в отличие от астрономического времени «последования» [6]. Это время намерений и есть «проживаемое время интенций». Т. Хагерстранд описывает социальное время как время, воплощенное в событиях, вещах, условиях [6].

В данной статье социальное время будет рассмотрено через призму индивидуального перцептуального времени, так как каждый из нас составляет ту совокупность индивидов, которую называют обществом. Индуктивный метод в исследовании временной перспективы личности является одним из методов наиболее полно раскрывающих особенности восприятия времени. Вслед за Сорокиным и Мертоном, Жаком и Хагерстрандом, автор данной работы будет рассматривать социальное время с позиции событий, происходящих на жизненном пути.

Особенность социального времени состоит в том, что время и объективно (везде одинаково по своим законам) и индивидуально. Время как физическая величина имеет характеристику скорости, которая соответственна проходимому расстоянию, т.е. длине пространства. Распространяясь на жизненный путь человека, это физическое измерение и его формула означают, что с чем большей скоростью «идет» человек по жизни, тем длиннее его жизненный путь. В этой категории измерение превращения количества в качество не связано с личностью как таковой, а с ее временными способностями [7,

с. 113]. Ученые на протяжении длительного периода вели дискуссию о том, каковы особенности того другого, не физического времени, имеет ли последнее право на существование. Это время помимо основных физических параметров, присущих любому времени, должно обладать какими-то особыми признаками, которые определяли бы его как человеческое время. Разрешить многолетнюю дискуссию, отстоять «человечность» времени помогли психологи: выделив сначала субъективное время, отличное от физического, затем доказали, что «субъективность» – это принадлежность времени субъекту, а не субъективное его истолкование [8, с. 41]. Накопленные в социально-гуманитарных науках сведения, факты постепенно раскрывали временные аспекты психики, механизмы их действия (скорость, ритм, интенсивность). В этой связи скорость рассматривалась, в частности, как скорость управления человеком своими психическими процессами (их произвольное ускорение или замедление), темп – как произвольная психологическая интенсивность, ритм – как психологически заданный и личностно обоснованный режим работы.

Одним из важнейших направлений в исследовании социального времени является его содержательный аспект. Классик русской литературы Антон Павлович Чехов говорил: «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени – ничего не делай». Здесь время личности рассматривается с позиции наполненности и субъективной длительности. Это выражает темп жизни человека, его отношение ко времени как капиталу и так называемому «хранилищу», своеобразному «банку». Следовательно, время социальное выступает и как средство достижения цели и как определенное свидетельство уже достигнутого.

«Только время принадлежит нам» – говорил Сенека. Это свидетельствует о способности человека подчинять время для своих целей и намерений, о способности растягивать или ужимать время, самостоятельно контролируя личное время. Темп жизни современного человека имеет тенденцию к ускорению. В обществе на одного человека, в связи с развитием рыночной экономики, средств коммуникации, появлением высокотехнологичных средств передвижения, зачастую одновременно ложится несколько дел по рабочим и семейным вопросам, а также участие в общественной жизни. Человек включен в систему общественных отношений, которая предполагает выполнение многих обязательств. То, на что раньше у людей уходили недели или даже месяцы – сегодня делается одним щелчком компьютерной мыши или другого технологического достижения нашей цивилизации. В информационную эпоху, где новые знания появляются на планете каждые 30 секунд, обмен информацией и постоянное самосовершенствование является основой борьбы за выживание, так называемого «естественного отбора». Владеешь информацией – сделаешь лучше и быстрее, чем конкурент. В постоянной гонке за звание быть лучшим или, хотя бы, держащимся на уровне «не хуже других», случается, что люди не всегда справляются с обрушивающимся на них потоком дел и обязанностей. Стремясь достичь успеха в различных сферах жизнедеятельности, не установив приоритетов, человек тратит большое количество сил и энергии, не возобновляя их. Времени, отведенного в сутки на их выполнение, им не хватает.

Темп жизни человека не всегда соответствует субъективному физическому и духовному комфорту, а также согласованности всех когнитивных процессов. В последнее время в исследованиях западных ученых, все чаще звучит термин «ургентная аддикция», т.е. зависимость от времени. Сам термин введен Н. Тасси. Под ним понимается «зависимость от состояния постоянной нехватки времени» [8, с. 44]. Также под ургентной аддикцией понимают субъективное ощущение постоянной нехватки времени и страха «не успеть». Данное состояние обусловлено сверхзанятостью, стремлением принимать участие в как можно большем количестве видов деятельности, зачастую с одновременным ускорением, общей гиперстимуляцией. У человека нарастает чувство психологического дискомфорта, возникновение ситуаций бездействия вызывает негативные эмоции, настолько интенсивные, что человек спасается состоянием нехватки времени как избавлением от дискомфорта. Чтобы понять это состояние, можно процитировать

классика немецкой литературы Иоганна Вольфганга Гете, который обратил внимание на зависимость от времени и описал некоторые личностные особенности зависимых от времени личностей еще в конце XVIII века. «Большинство людей, – писал он, – работают большую часть своего времени, чтобы жить, и незначительное свободное время, остающееся у них, настолько тревожит их, что они всеми способами стараются избавиться от него». Гете, отмечает особенность зависимых от времени, искать избавление от свободного времени и неумение его организовывать на благо тела и души. Ургентная аддикция – нехимическая, социальная зависимость, которую при корректировке и ранжировании жизненных приоритетов, грамотном целеполагании можно преодолеть.

Антагонистом зависимости от времени является, выделенное также зарубежными исследователями в последнее десятилетие, поведение, которое называют «прокрастинация». Прокрастинация проявляется в том, что человек, осознавая необходимость выполнения вполне конкретных важных дел (например, своих должностных обязанностей), игнорирует эту необходимость и отвлекает свое внимание на бытовые мелочи или развлечения. Психологи часто определяют прокрастинацию как механизм борьбы с тревогой, связанной с начинанием либо завершением каких-либо дел, принятием решений. Называются три основных критерия, на основании которых поведение человека определяется как прокрастинация: контрпродуктивность, бесполезность, отсрочка [4].

В некоторых дозах прокрастинация является вполне нормальным состоянием, когда не хочется приступать к выполнению дел из-за их негативного восприятия. Это состояние начинает преодолевать границы нормы, когда становится привычным поведением в отношении большинства обязанностей. Все чаще современный человек руководствуется не старой доброй поговоркой «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня», а переиначиной на новый лад: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра… так у тебя будет два свободных дня». Но прокрастинация становится проблемой, когда превращается в «нормальное» рабочее состояние, в котором человек проводит бóльшую часть времени. Такой человек откладывает всё важное «на потом», а когда оказывается, что все сроки уже прошли, либо просто отказывается от запланированного, либо пытается сделать всё отложенное «рывком», за нереально короткий промежуток времени. В результате дела или не выполняются, или выполняются некачественно, с опозданием и не в полном объёме, что приводит к соответствующим отрицательным эффектам в виде неприятностей по службе, упущенных возможностей, финансовых потерь, ухудшения отношений с коллегами и руководством и так далее.

В основе механизма прокрастинации, как отмечают ученые-психологи Гарвардского университета, лежат чувства страха и безразличия. Страх – это неуверенность в своих силах, нежелание быть отвергнутым или наказанным за некачественную или неприятную, по мнению субъекта, работу. А безразличие- это защитная реакция, которая оберегает психику человека от самоистязания. Таким образом, человек пытается растянуть время выполнения нужной работы, занимаясь (наполняет свое время) второстепенными вещами, а иногда и абсолютно бесполезными. Например, пьет кофе, курит, разговаривает с коллегами, наводит порядок на рабочем месте, а не сразу приступает к намеченным делам.

Чтобы победить одолевающую человека прокрастинацию, ученые рекомендуют ставить себе несколько задач, ранжировать дела по степени значимости. Наиболее важную цель прокрастинатор отодвинет вперед во времени исполнения, а будет занимать менее важными, но полезными делами. И так постепенно доберется до далекой цели, которая к этому времени перейдет в раздел менее значимых, т.к. в жизни постоянно появляются новые, главные на определенном этапе жизненного пути человека, цели. Работая над собой по такому плану, человек будет заниматься «структуризированной прокрастинацией» – такое определение предложил профессор философии из Стэнфорда Джон Пери, т.е. прокрастинация, которая поддается управлению.

С точки зрения борьбы с прокрастинацией всё это необходимо для того, чтобы при выполнении любого действия человек хотя бы отдалённо, в перспективе, представлял, для чего (в масштабах всей его жизни) это делается и на что влияет. Человек учится понимать, чего он хочет, чего добивается, что надо для этого сделать, каждое действие наполняется для него конкретным личным смыслом, в результате он реже откладывает по-настоящему важные дела. Взаимосвязаны ли явления прокрастинации и ургентной зависимости? Являются ли они полюсами одного и того же процесса – управления временем, или же это разные понятия и явления? Возникает много вопросов, которые предполагают широкое поле для исследования. Таким образом, время можно определить как необратимое течение внутри которого происходят все существующие в бытии процессы, являющиеся фактами. Социальное время – время, в которое человеческая активность создает общество. Социальное время, с точки зрения принадлежности человеку имеет свойство ускорения или замедления, обратимости и неоднородности, субъективной ценности и наполненности. В течение жизни человек претерпевает личностные изменения, восприятие времени зависит от многих факторов, одним из которых является жизненный опыт. Заканчивая статью, позвольте процитировать классиков, которые только подтверждают вышеупомянутое. Артур Шопенгауэр: «Час ребенка длиннее, чем день старика». Элиас Канетти «Время съеживается. Каждый следующий час короче предыдущего».

Литература:

1. Бергсон, А. Творческая эволюция/ А. Бергсон.- М.:Канон-пресс, 1998.-382с.
2. Кант, И. Критика чистого разума. // Сочинения в 8 т.М.:Чоро, 1994. Т.3.-741с.
3. Краткий философский словарь./ Под ред. А.П. Алексеева. М.:Проспект, 2001.-396с.
4. Прокрастинация – материал из свободной энциклопедии Википедии [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http:// http://ru.wikipedia.org/wiki/Прокрастинация. - Дата доступа: 20.10 2011г.
5. Сорокин, П.А. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П.А. Сорокин, Р.К. Мертон [Электронный ресурс].- 2011. - Режим доступа: http:// http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-06/sorokin_merton.pdf - Дата доступа: 10.10.2011г.
6. Социальное время – материал из свободной энциклопедии Википедии [Электронный ресурс].- 2011. - Режим доступа: http:// http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_время - Дата доступа: 10.10. 2011г.
7. Трубников, Н.И. Проблемы времени в свете философского мировоззрения/ Н.И. Трубников// Вопросы философии.- 1978.- № 2.- с.111 –121.
8. Шибко, О.Л. Саморегуляция произвольной активности лиц с ургентной аддикцией: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05/О.Л. Шибко. – Мн., 2008. – 101с.
9. Яковлев, В.П. Социальное время / В.П. Яковлев. Издательство Ростовского университета, 1980. – 160с.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.Я. ПИСАРЕНКО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Безнюк Д.К.
д.ф.н., профессор кафедры социологии Белорусского государственного унивеситета (Минск, Беларусь)

За последние десятилетия во всех гуманитарных науках актуализируются и активизируются процессы методологической рефлексии.
И.Я. Писаренко, 1996

Иван Яковлевич Писаренко (1.5.1926 – 21.6.1996) пришел в науку в 1969 году (Институт философии и права Академии наук БССР). На кафедре социологии Белорусского государственного университета работал с момента её создания в 1989 году и до своей смерти, которая настигла его на рабочем месте. И.Я. Писаренко вёл активную научную, педагогическую и общественную деятельность: являлся соисполнителем и научным руководителем более 20 научно-исследовательских проектов, в том числе советско-германо-чешского исследования «Образ жизни и планирование социальных

процессов»; принимал активное участие в подготовке первых в Беларуси фундаментальных изданий по социологии – «Словарь по прикладной социологии» и «Социологический словарь»; был членом ревизионной комиссии при Президиуме правления Белорусского отделения Советской социологической Ассоциации; опубликовал более 100 научных работ, включая несколько монографий, одна из которых – «Педагогическая этика» (в соавторстве с супругой В.И. Писаренко) – выдержала три издания (в том числе на болгарском и латвийском языках).

Научные интересы И.Я. Писаренко распространялись на проблемы педагогики, социологию управления, методологию социологии. На протяжении многих лет своей научно-исследовательской практики, по признанию И.Я. Писаренко, он вынашивал идею формирования **единой социологической методологии**, фундировавшей самостоятельный статус социологии и определявшей рационализм и практическую значимость результатов социологических исследований. Эта методология мыслилась как единая платформа для всех уровней и видов социологических исследований, но без претензии на унификацию результатов, схем и логик социологического объяснения. Результаты своих изысканий в этой области И.Я. Писаренко собирался представить в своей докторской диссертации «Социологическая методология как система», до защиты которой он не дожил 5 дней.

Цель данной статьи – реконструировать основные методологические идеи профессора И.Я. Писаренко и проследить их судьбу в истории отечественной социологии.

И.Я. Писаренко констатировал факт методологической несостоятельности отечественной социологии, причиной чего полагал идеологическое давление на функционирование и развитие научной мысли: социология «до середины 80-х годов в официальной «табели о рангах» вообще не признавалась самостоятельной наукой, а считалась лишь придатком марксистско-ленинской философии с соответствующим ее официальному статусу названием «Прикладная социология». Неудивительно поэтому, что общесоциологическая методология полномасштабно не разрабатывалась, не могла разрабатываться…» [1, с. 1].

Социологическая методология, в представлении И.Я. Писаренко, выступает *полиструктурной системой из четырёх взаимосвязанных уровней*:

1. Общесоциологическая методология.
2. Методология специальных социологических теорий.
3. Методологическое обеспечение эмпирических социологических исследований.
4. Методология прикладных социологических исследований.

«Все эти методологические уровни связывают организацию социологического познания в единую систему таким образом, что каждый нижний уровень непосредственно зависим от высшего по субординационному признаку. А в каждом из них выделяются свои подсистемы, которые связаны между собой по координационному признаку. Нарушение этой субординации и координации неизбежно ведет к разлаженности, несогласованности практических познавательных действий, к снижению научного уровня конкретных исследований» [1, с. 11].

В раскрытии содержания выделенных уровней у И.Я. Писаренко доминирует функционалистский подход – он понимает уровни как функциональные элементы сложной методологической системы.

Основными функциями *общесоциологической методологии*, по мнению белорусского ученого, выступают следующие: гносеологическое обеспечение исследования; упорядочение принципов и методов познавательной деятельности, связанной с изучением социальных законов, закономерностей и тенденций; разработка основ взаимодействия компонентов структурно-уровневой и структурно-функциональной организации социологического исследования, а так же основ взаимодействия и взаимодополняемости частей социологической инфраструктуры, ее связи с общесоциологической теорией.

Методология специальных социологических теорий «разрабатывает системные основы этих теорий, структурно-функциональные сферы изучаемых объектов, специальный категориальный аппарат этих теорий, требования адекватного особенностям объекта и предмета этих наук использования общих и особых принципов и методов социологической познавательной деятельности» [1, с. 10].

Основной функцией уровня *методологического обеспечения эмпирических социологических исследований* является формирование системы требований и правил к разработке «эмпирического инструментария», который предназначен для сбора первичной социологической информации, а также разработка конкретных познавательных процедур и технологий.

Методология прикладных социологических исследований «призвана разрабатывать принципы конкретных организационно-методических действий субъектов социологического познания, методы определения эффективности социологических исследований, контроля их качества, рациональные пути внедрения их в практику, методы принятия решений по результатам социологических исследований и т.п.» [1, с. 10]. Этот уровень методологии непосредственно связан с «социологической праксеологией».

По мнению И.Я. Писаренко именно разработка собственной методологии позволяет социологии не только обеспечивать эффективное использование наработанного исследовательского арсенала, но и «повышать ее научный статус, вплоть до реального обретения ею роли наиболее общей нефилософской, позитивной науки об обществе, его функционировании и развитии» [1, с. 11]. Последний пассаж логически выводит на проблему соотношения философской и социологической методологии. И.Я. Писаренко выделяет два подхода (традиционный и нетрадиционный), в рамках которых возможно рассматривать это соотношение. Первый подход предполагает, что методологической основой любой науки является философское учение о применении мировоззренческих принципов, законов и категорий, общих методов в научном познании. Второй подход «заключается в том, что научная методология представляет собой учение о системе принципов, методов познавательной деятельности нескольких уровней различной степени обобщения, включая и нефилософские по своему характеру. На основе этого подхода следует рассматривать и социологическую методологию как самостоятельную отрасль методологического знания» [1, с. 14-15]. Этому способствует и реальная история развития социологии: социология как самостоятельная наука, по мнению И.Я. Писаренко, сформировалась на базе традиционной социальной философии, но в результате кооперации социального познания, с одной стороны, и его специализации и дифференциации, с другой, в ходе своего развития она обрела такой научно-практический статус, который выводит ее из разряда частных наук. Поскольку социология «изучает не только все, что происходит в обществе и общество как целостную систему, но и все социальные институты, все звенья и «клеточки» общественного организма, постольку и социологическая методология является не менее универсальной в области социального познания, чем методология философская во всей познавательной деятельности» [1, с. 16-17]. Переход от оценки статуса и значимости социологической методологии к механизму методологического обеспечения социологических исследований предполагает: во-первых, разведение понятий методологическое знание и методологическое познание и, во-вторых, прояснение типологии возможных социологических исследований.

Методологическое знание понимается И.Я. Писаренко как своеобразный ориентир в познавательной деятельности, осуществляемой в виде различного рода исследований; эти исследования и практика составляют ядро и каркас любой науки. *Методологическое познание* же есть система специальных исследовательских приемов и методов.

Предлагаемая типология социологических исследований предполагает выделение (по ролевому, функциональному признаку) теоретических исследований (преимущественно познавательная функция), методологических (функция интерполяции, преобразования, поиска), эмпирических (интеграционно-аналитическая, информационно-

практическая функция), прикладных (преимущественно практическая функция) и праксеологических исследований (функция оценки и повышения эффективности исследований и внедрения их результатов). Каждый из этих типов исследований нуждается как в общем, так и в специфическом методологическом обеспечении. Содержательно, по мнению И.Я. Писаренко, эти типы социологических исследований сводятся к следующему:

– *теоретические исследования* направлены на поиск и утверждение формирующихся и развивающихся, сменяющихся социологических парадигм, принципиальных положений, обобщающих схем и всего того, что служит для обоснования и развития общесоциологической теории;

– *методологические исследования* в виде многоуровневой системы служат основой для выработки концептуально-логических моделей непосредственных объектно-предметных исследований, повышению эффективности исследований и внутринаучного аппарата;

– *эмпирические исследования* суть фактофиксирующее знание, определение эмпирических зависимостей;

– *прикладные исследования* направлены на изучение социальных явлений и процессов с определенными целями, которые предполагают конкретную практическую деятельность (производственную, управленческую, педагогическую и др.) на основе оценок и диагнозов реальных социальных проблем;

– *праксеологические исследования*, непосредственно примыкающие к прикладным, связаны с комплексом практического применения социологического знания в социальной практике.

Особое внимание И.Я. Писаренко уделил анализу состояния методологического обеспечения трех последних типов исследований и пришел к выводу, что недооценка роли и комплексности социологической методологии снижает (сужает) потенциал этих исследований.

Подробная характеристика значимости, содержания и методологических особенностей разных типов социологических исследований нужна И.Я. Писаренко с одной целью – обоснования статуса социологии как самостоятельной науки: только в рамках базовой науки проводятся такие разнообразные исследования, включая методологические, «которые направлены на изучение структуры, динамики развития научных знаний, на концептуальные и системно-целевые реконструкции знания в соответствии с критериями научно-практической значимости, на анализ основ научных знаний» [1, с. 18]. В этой связи белорусский исследователь сетует, что с подачи классиков советской социологии А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова преобладающим стало представление о методологических исследованиях как о разработке методов сбора, обработки и анализа социологической информации.

Говоря о разработке и адаптации к исследовательским реалиям социологической методологии, И.Я. Писаренко предлагает различать (со всеми условностями) методологический аппарат и методологический инструментарий. Первый в основном одинаков для всех типов социологических исследований, так как представляет собой систему концептуальных схем, принципов, приемов и подходов анализа и синтеза, акцентации и аспектации проблемного поля исследования, стратегий исследования социума. При разработке методологического аппарата, с учетом комплексности социологического знания и его многоуровневости, следует руководствоваться следующими принципами: объективность, историзм, преемственность, последовательность, многомерность, целенаправленность, сочетание объективного и субъективного, теоретического и эмпирического, дифференциации и интеграции знаний, системности и комплексности. Инструментарий же «на любом уровне социологического познания (фундаментальном или прикладном, теоретическом или эмпирическом), преследующем любые цели, должен соответствовать выполнению разрешающей функции и разрабатываться как набор «орудий» исследовательской деятельности. Он должен

отвечать на вопрос *как* следует разрабатывать технику и технологию социологического познания в целом и конкретных социологических исследований, в частности» [1, с. 29]. Сердцевиной последних выступает знание об арсенале методов, которые И.Я. Писаренко делит на два класса: классические и неклассические (такую классификацию он предложил еще в 1970-х годах). К классическим методам относятся: социологическое наблюдение, опросы, социальный эксперимент, изучение и анализ документов. К неклассическим (специфическим) – социальная паспортизация, социологическая аттестация, экспертные оценки, эвристические методы.

В рамках разговора о прикладном значении социологической методологии, крен в методологической рефлексии И.Я. Писаренко дан в сторону конкретных социологических исследований – особое внимание уделено **программе конкретного социологического исследования** как его методологическому и методическому обоснованию: им были внесены новые компоненты в общепринятую схему её разработки (разработка аналитического аппарата, критериального аппарата и др.).

Особого внимания заслуживает попытка И.Я. Писаренко обосновать идею разработки **социологической праксеологии** (социопраксеологии) и предложения по основным направлениям социопраксеологических исследований.

Опираясь на идеи польского социолога К. Котарбинского, которого И.Я. Писаренко считал основателем праксеологии, он предложил ряд исходных положений, отталкиваясь от которых следовало бы работать над методикой и методологией социопраксеологических исследований. Среди таких положений выделим следующие:

– социологическая методология не может быть ограничена лишь сферой социального познания, она должна выходить на уровни социальной практики, особенно в социальном управлении;

– проведение социологических исследований целесообразно не ограничивать узконаучными обобщениями, а ставить их целью синтезирование наиболее важных социально-практических обобщений о методах практического внедрения их результатов, разрабатывать пути их внедрения;

– необходимо развернутое изучение потенциала социологической науки, путей ее влияния на все сферы социальной практики, признание ее научно-практического статуса, повышение эффективности «обратной связи» со всеми сферами науки и практики;

– жизненно необходимо выявление причин низкого уровня социологической и социально-психологической культуры тех социальных групп и слоев общества, от профессиональной деятельности которых зависит решение судьбоносных для народа проблем;

– следует озаботиться синтезированием данных различных наук (теории организаций, теории и практики управления, экономики и статистики, социальной психологии), которые «выводят» на практический опыт, на технику рациональной деятельности, с предостережениями о социальных последствиях невыполнения научных рекомендаций [1, с. 26-27].

«Столпом и утверждением истины» социопраксеологии выступает принцип единства теории и практики, для эффективной реализации которого И.Я. Писаренко предложил основные направления социопраксеологических исследований:

– определение того, какие знания и каким образом формируют (или должны формировать) социальное мышление людей, какие из них настолько проверены и надежны, что могут быть включены в ученую литературу, а какие должны быть адресованы социологам-профессионалам;

– выявление того, в какой форме результаты социологических исследований наиболее адекватно воспринимаются практиками. Управленцами, политиками;

– изучение влияния социологической информации на различные сферы социальной практики;

– выявление причин невостребованности социологических знаний и путей повышения их востребованности;

– разработка принципов и методов представления материалов социологических исследований [1, с. 57-58].

В основе социопраксеологии И.Я. Писаренко явно прослеживается позитивистская установка О. Конта на прикладное значение социологии в усовершенствовании общества.

Структурно, как компонент социологической науки, социопраксеология состоит из пяти компонентов: реалии социальной практики, прикладные социологические исследования, эмпирические социологические исследования. Социологическая диагностика, социологическая прогностика. Первые три работают на практические рекомендации, последние три – практические решения.

Категориальный аппарат (отражающий решаемые задачи) социопраксеологии представляет собой систему трех уровней:

1-ый уровень – социопраксеологическая парадигма, функции социологической праксеологии, социальные диагноз, прогноз, закон, закономерность и тенденция;

2-ой уровень – социальные резервы и эффект, рациональность и эффективность действия (деятельности), аргументация решения, акцентация выполнения решения;

3-ий уровень – научные рекомендация, консультация, решение, публикация, изучение обратной связи.

Отмечая вклад профессора И.Я. Писаренко в развитие отечественной социологии, нельзя обойти сторон проблему развития специальных социологических теорий. Как справедливо отметила белорусский социолог Г.Н. Соколова «И.Я. Писаренко первым в белорусской социологии сформулировал свои соображения относительно необходимости существования специальных социологических теорий, их места в развивающемся социологическом знании в ходе его профессионализации и специализации» [2, с. 34].

Сегодня мы уже не мыслим себе социологическое знание без комплекса отраслевых теорий, которые распространяют социологическую логику на анализ отдельных сфер и процессов социального пространства, однако ситуация формирования и развития социологии в позднесовесткой и постсоветской Беларуси сформировала необходимость акцентации внимания на проблеме существования этого уровня социологической рефлексии. Вновь обратимся к Г.Н. Соколовой: «Начиная с 1980-х годов стали появляться отдельные публикации, в которых освещались взгляды на специальные социологические теории как самостоятельные конкретно-научные дисциплины, на их структуру, соотношение в них эмпирического и теоретического знания. Одной из первых таких публикаций явилась статья И.Я. Писаренко, в которой он рассматривал специальные социологические теории как систему отраслей социологической науки, изучающую особые сферы социального бытия и социальную реализацию форм общественного сознания, их общие и специфические закономерности функционирования и развития. Тем самым делался первый шаг к рассмотрению социальных процессов и явлений на уровне конкретных институтов и систем. Осуществлялась одна из первых попыток к рассмотрению той или иной сферы (политика, труд, мораль и др.), социальной общности (коллектив, семья и др.) или социального процесса (образование, воспитание и др.) как относительно самостоятельной системы с ее общими и специфическими связями, целеобразующими и факторообразующими характеристиками, специфическими условиями происхождения, функционирования и развития» [2, с. 31].

Главной проблемой развития корпуса отраслевой социологии И.Я. Писаренко полагал пробелы в ее методологии: «В структуре социологического знания и познания пока слабым звеном является разработка методологии частных методологических наук, которые принято называть специальными социологическими теориями. В результате тормозится становление и развитие некоторых из них, задерживаясь на уровне накопления эмпирических данных» [1, с. 56].

Одной из наиболее «опекаемых» специальных социологических теорий у И.Я. Писаренко была социология управления. Ее содержание и методологическое обеспечение рассматривается им в полном соответствии с его представлением о структуре

и предназначении социальной теории и социологической методологии, что позволяет белорусскому социологу удивительным образом не скатиться в трактовке предмета и содержания социологии управления к схемам теории менеджмента или чему-то подобному (что характерно, например, для большинства российских учебников с названием «Социология управления»). Ему присуще четкое различение теоретического и прикладного уровня социологических исследований управления, что ведет к обогащению предметного и проблемного поля этой отраслевой теории такими феноменами как социальный механизм управления, социальные технологии, принципы и критерии управляемости, «барьеры и старты» власти, социальное прогнозирование и планирование, тенденции и законы развития социальных систем. В работах И.Я. Писаренко феномен управления действительно приобретает социологическое звучание. В заключение отметим, что многие положения в творческом наследии белорусского социолога профессора И.Я. Писаренко сегодня уже вошли в учебную литературу как несомненное достижение отечественной социологии, как азбучная истина для молодых социологов.

Литература:
1. Писаренко, И.Я. Социологическая методология как система. Диссертация в виде научного доклада доктора социологических наук по спец. 22.00.01 – теория, методология и история социологии / И.Я. Писаренко. – Минск, 1996. – 83 с.
2. Соколова, Г.Н. И.Я. Писаренко и развитие специальных социологических теорий / Г.Н. Соколова // Управление и власть: социологический альманах. Вып. 4. – Минск: РИВШ, 2006. – С. 31-36.

ТЕОРИЯ СОЦИОКОДА М.К. ПЕТРОВА КАК ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУР-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Абушенко В.Л.
к.ф.н., доцент, заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

К вопросу о возможности интерпретации творческого наследия М.К.Петрова как основания современных культур-социологических исследований.

Речь – о Михаиле Константиновиче Петрове (1923–1987) – русском философе, культурологе, социологе, лингвисте, историке идей, авторе художественной повести.

Поражает как масштаб личности, так и объем, а главное глубина сделанного этим человеком. Еще больше – соразмерность времени. Не столько времени, в которое ему выпало жить, хотя и здесь есть многое, о чем надо бы сказать – о его военной биографии разведчика (о чем почти ничего не известно до сих пор), о его противостоянии системе, хотя он не был ни революционером, ни диссидентом (эта часть его биографии более или менее документирована и прописана), о его неприятии разного рода идеологического официоза – достаточно просто посмотреть на характер ссылок в его работах. Речь о соразмерности интеллектуальному времени, попаданию в то, что немцы назвали бы «духом времени».

Однако именно при такой постановке вопроса возникает ряд парадоксов, столкновений столь любимых Петровым миров тезисов и антитезисов, а это требует прояснения.

Сам Михаил Константинович многократно в разных контекстах подчеркивал: неопубликованная работа – не существует для науки, как не существует для нее и непубликующийся автор. Однако все основные его работы опубликованы (и, надо надеяться, будут еще публиковаться – авторский архив, по свидетельству знающих людей, далеко как еще не исчерпан) после смерти автора при изменившейся «сумме обстоятельств» (любимое и часто им употреблявшееся выражение, заимствованное у «раннего» Маркса). При иной «сумме обстоятельств», когда Петров был практически

лишен возможности публиковаться, – свет увидела лишь маленькая толика его статей, рефератов, обзоров, переводов. При этом отсутствие условий для плодотворной работы входит в вопиющее противоречие с предъявляемыми сейчас публикаторами результатами этой работы.

В этом месте и начинают возникать каверзные вопросы. Так было ли такое событие, которое можно было бы маркировать инициалами «М.К.П.» в интеллектуальной истории, а если да – то в какой? Здесь сразу же возникает желание возмутиться уже самой такой постановкой вопроса: «Конечно, да. Кто там еще может сомневаться?» И тем не менее… Если же «сбросить эмоцию», то стоит обратить внимание на два момента.

Во-первых, акцентрируясь на научной публикации как на центральном и итоговом дисциплинарном событии, сам Петров неоднократно связывал ее не только с сетью цитирования, но и с событийностью (если она удавалась) в пространстве научных коммуникаций. Рассматривая же последние, он вводил метафору «коридорных ситуаций», т.е. неформального общения, значение которого трудно переоценить, так же как и активно пользовавшегося им заимствованным из западной социологии понятия «невидимый колледж». Таким образом, идеи самого Петрова не только транслировались через его немногочисленные публикации. При этом публикация статьи «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии», например, сама стала событием интеллектуальной жизни (к сожалению и поводом для репрессий против ее автора). Таким образом, идеи Петрова реально присутствовали в неофициальной (можно, наверное, сказать – в «неофициозной») интеллектуальной жизни.

Во-вторых, перипетии жизненного и творческого пути Петрова теснейшим образом переплетены и презентируют собой судьбу инакомыслящего в условиях доминирования официально поддерживаемой философской (шире – идеологической) доктрины. Причем человека не сломавшегося, не отрекшегося, продолжающего делать «что должно» в условиях колоссального давления «суммы обстоятельств», да что там они – целой социальной системы (шутка ли сказать – «разборки» доходили до уровня ЦК КПСС: куда уж выше-то при советской власти). В этом ключе судьбу Петрова можно рассматривать в категориях «Вызова-Ответа», предложенных А.Дж. Тойнби для анализа цивилизационной динамики, но вполне адекватно проецируемых и на личностный уровень (возможность этого хода уже задействована биографами).

Однако сказанное говорит скорее о «присутствии» в интеллектуальной истории страны, соотносится с «интерьерами» (еще одно из любимых «словечек» М.К. Петрова) ушедшей (?) эпохи. Но как быть с «прописанностью» по определенной дисциплинарности, необходимому для признания присутствия в дисциплинарной истории, сетях цитирования – вопросам, которым сам Петров уделял столь много внимания в своих работах науковедческого характера?

Здесь не обойтись без обращения к тем дисциплинарным контекстам, в которых происходит реконструкция петровского наследия.

Большинство из лично знавших Михаила Константиновича, как и из числа его биографов и пишущих о нем, уверенно кодифицируют его прежде всего как философа. Однако что-то не очень просматриваются аналогичные кодификации у представителей научных сообществ – у тех же лингвистов (может быть в силу тяготения петровских текстов скорее к социолингвистике, чем собственно к лингвистике как таковой?) или культурологов (может быть в силу размытости дисциплинарного статуса и нечеткости самого предмета и, опять же, явной социологичности его текстов?).

Однако весьма «странным» выглядит в этом отношении почти полное игнорирование его текстов в современном русскоязычном социологическом научном сообществе. И это при явной социологичности многих из них, при том, что сам Петров активно использовал определитель «социология», а две из уже опубликованных его основных работ фиксируют (или фиксировали) этот определитель-кодификатор в своем названии. Речь идет о завершенной в 1983 году рукописи (издана в 2006) «Предмет

социологии науки» и написанной в 1974 и изданной в 1991 году работе под названием «Язык, знак, культура». Во втором случае представляется весьма важным, что для несостоявшегося в 1975 году издания рукопись готовилась под названием «Социологический анализ проблем культуры».

Конечно, во многом проблема – в длительном отсутствии полноценного присутствия текстов Петрова в дисциплинарных сетях цитирования. С момента написания последних его работ прошло уже более двадцати лет. Это – при теперешних темпах приращения знания – целая эпоха. Если предположить, что на момент создания тексты были вполне соотносимы с «передним краем» научных исследований в конкретных дисциплинах (а самый критичный их анализ показывает, что дело обстояло именно таким образом), то все равно остается вопрос об их соотносимости с «современным положением дел».

Менее проблематична эта тема для философии – уже в силу самой специфики продуцирования, организации и трансляции этого типа знания, дистанцированного от уровня эмпирической реальности (возможно, это в какой-то мере и объясняет более активное вбирание петровских текстов в корпус именно философского знания). Говоря же о специфике социогуманитарного научного знания сам Петров неоднократно подчеркивал его «таймированность», т.е. привязанность к пространственным и, особенно, временным, а шире – контекстуальным параметрам и условиям его производства, организации и трансляции. В этом отношении сменилась эпоха не только в понимании природы самого знания, но и социальный и культурный мир современного человека стал принципиально иным. Сложились соответствующие дисциплинарные истории, соответствующие «табели о рангах», идет нормальная для социогуманитарного знания конкуренция парадигм.

В этих условиях введение в дисциплинарное пространство нового результата, тем более полученного ранее, – дело весьма непростое, особенно с учетом разного рода статистических закономерностей, действующих в массиве вкладов-результатов и в сети цитирования, что опять же достаточно детально описано самим Петровым. Фактически, ввод ведь уже состоялся с самой публикацией рукописей основных работ Петрова. Но здесь важно все же учитывать несколько моментов, связанных со стратегиями вписывания его идей в «современность».

Первое. Несмотря на то, что опубликованные тексты имеют каждый свою историю, начало которой маркировано датой написания, дальнейшая их судьба во многом связана с тем, что, если не ограничиваться их ролью в заполнении имеющихся лакун, восстановлением исторической «справедливости» и т.п. (что важно и само по себе, но представляет интерес лишь для небольшой части дисциплинарных сообществ), воспринимаются они как фактически новые результаты и воспринимаются на фоне радикально изменившихся социальных практик и представлений о сути и возможностях социокультурного знания.

То есть они реально верифицируются-фальсифицируется под новую проблематику и тематику, соотносятся-сопоставляются с позже них сложившимися парадигмами и возникшими дискурсами. Тем самым не для них («под них») подбираются «предшественники» и «предтечи», чтобы укрепить их позиции в поле борьбы идей, что является достаточно привычной практикой при переписывании дисциплинарных историй, – о чем неоднократно с известной долей иронии писал сам Петров. Наоборот, ситуация как бы переворачивается. В самих петровских идеях обнаруживают «в свернутом виде» или «предвосхищение» более поздних построений или параллелизм им (например, идеи нового институционального или неоинституционального анализа, культурной несовместимости в глобализирующемся мире, неоднозначности последствий научно-технического прогресса и т.д.).

Интересен, но почти не разработан пока и несколько иной возможный ход (он уже достаточно задействован при анализе наследия Г.П. Щедровицкого, например). В текстах Петрова сквозь призму сегодняшнего знания (при этом не лишне помнить об описанных

Петровым эффектах ретроспективы – приписывании автору того, чего у него не было и / или заведомо быть не могло) обнаруживается проблемно-тематический параллелизм иным парадигмальным решениям, по отношению к которым известны и их последующее развитие, и их влияние на развитие знания. Например, с некоторыми идеями и разработками Ю.М. Лотмана (понятия текста, автокоммуникации, «культурного взрыва», семиосферы). Или с концепцией кодов у Р. Барта, или с концепциями дискурсивных формаций, дисциплинарности, власти-знания у М. Фуко.

И в обоих этих разворотах (при всей неизбежной пока поверхностности соотнесений) при всех возможных параллелизмах и пересечениях обнаруживается автономность и «современность» мысли Петрова. Это не может не вселять, пусть и осторожный, определенный оптимизм по поводу возможностей вписывания результатов (вкладов) этой мысли в современную дисциплинарную историю.

Вот в этом месте и возникает необходимость обозначить «второй момент», связанный со стратегиями «вписывания». При этом необходимо вернуться к разговору о дисциплинарности и дисциплинарной истории.

Коль речь идет о вкладе, оформленном достаточно давно, но не попавшем в каналы трансляции, и речь идет о его включении в дисциплинарный массив фактически как нового, возникают вопросы относительно того, а что собственно предъявляется такого, без чего уже сложившаяся с учетом более поздних публикаций (соответственно – тем, проблем, подходов) дисциплинарная история «не может обойтись».

То есть речь должна идти о каком-то принципиально «новом старом» содержании, представляющем интерес для той или иной дисциплины, о том, что не просто вызывает по разным причинам интерес у тех или иных представителей научного сообщества, а может вызвать так называемое «правое» смещение в сетях цитирования – опубликованный текст может стать (тогда и возникает эффект смещения), а может и не стать предметом цитирования и остаться еще одним из многочисленных артефактов в сфере познания. В рассматриваемом случае модельная ситуация, вновь нужно отметить – описанная самим Петровым, остается неполной, так как в «норме» имеет значение и так называемое «левое» смещение – набор отсылок к предшествующим вкладам в самом рассматриваемом тексте. В нашем случае этот набор принципиально неполон (остановлен), так как существует значительный зазор между датами написания и опубликования петровских работ. По понятным причинам, они просто не могли опираться на сделанные после них вклады, ставшие существенными для сложившейся без петровских (в данном случае) работ дисциплинарной истории.

Тем самым они как бы «зависают» в дисциплинарном пространстве, не вписаны в связь «всего со всем», которую и обеспечивает (в том числе) движения вклада по сетям цитирования. Отсюда, видимо, и возникает оправданность реконструкции возможных соотнесений и параллелизмов post factum, о чем выше уже говорилось. Здесь-то и возникает необходимость дисциплинарной кодификации работ Петрова и их верификации-фальсификации по возможному вкладу именно в ту, а не иную дисциплину (как условие повышения вероятности их полноправного включения в «современность», помня при этом об известной автономности функционарования дисциплинарных матриц). Сам Петров приводил примеры из истории развития науки, когда добытые в одной области (скажем – в физике) результаты «публиковались» в другой (скажем – в химии) именно в силу того, что «физики их бы не восприняли», их оказывалось проблематично вписать в качестве полновесного вклада именно в это дисциплинарное пространство. С учетом сказанного, несколько проясняется «молчание» лингвистов или культурологов (хотя здесь и играет значительную роль упомянутые выше непроясненность дисциплинарного статуса и неопределенность предметного поля), но не социологов (о чем необходимо сказать отдельно).

В рассматриваемом аспекте вызывает определенные сомнения возможность «прописки» Петрова по дисциплинарному полю философии. При этом, повторимся, не

вызывает сомнения соразмерность рассматриваемой им проблематики и тематики «современной» ему философии. Более того, в постановке и предлагаемых способах решения он намного «опередил свое время», уж как минимум для русскоязычной традиции. Но при рассмотрении этой коллизии можно обратиться вновь к идеям самого Петрова. Так, специфику философии он во многом видел в «таймированности» постановки ею проблем и предлагаемых способов их решения (социгуманитарное знание «таймировано» у него по предмету).

Представляется, что многое из того, о чем одним из первых заговорил именно Петров, на данный момент достаточно проработано в философских дискурсах и сходные результаты получены без учета его текстов (в силу их малой известности). Некоторые же из поставленных им проблем, за которые ему и были во многом вменены в вину сделанные «ошибки», частью отошли на периферию современных философских дискурсов. Например, локализация возникновения материализма и идеализма – безусловно прорывная идея, сработавшая на деконструкцию не только «советского способа философствования». Однако в рамках современных реалий замыкание на «основной вопрос философии» с его резкими антиномиями, в том числе материализма и идеализма, выглядит уже несколько архаично и находится где-то явно на периферии современных дискуссий. И тем не менее уже отмечалось, что именно и прежде всего философское сообщество принимает реальные шаги по освоению наследия Петрова.

Необходимо отметить и еще один вопрос, связанный с социализацией вкладов, не попавших в дисциплинарный мейнстрим (он также затрагивался Петровым). Речь идет о том, что существенное переписывание дисциплинарных историй, соответственно пересмотр основополагающих текстов и фигур-авторитетов происходит в условиях научных кризисов или научных революций, во всяком случае как минимум необходим «сдвиг» существующих доминирующих парадигм. Оптимальный вариант – институционализация новой конкурентноспособной парадигмы и / или формирование нового научного направления; еще один возможный путь – возникновение трансдисциплинарных научных сообществ. Этот ход, судя по всему, задействован в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону), где в рамках институционализации «политической концептологии» издается под аналогичным названием журнал, в котором регулярно публикуются материалы, связанные с творчеством М.К. Петрова, а в 2007 году была издана книга под названием «Идеи М.К. Петрова и политическая концептология».

Успешные проекты такого рода, несомненно, существуют. Например, в социологии можно сослаться на усилия Т. Лукмана по введению в научный оборот текстов А. Шютца в рамках совместных с П.Л. Бергером усилий по институционализации феноменологической социологии. Или аналогичные (но с гораздо большим временным лагом) усилия учеников Г.Дж. Мида, прежде всего Г. Блумера, сконструировавшего даже самостоятельное социологическое направление – символический интеракционизм, в рамках которого Мид был провозглашен отцом-основателем (хотя сам он и такого термина не знал). В несколько ином ключе (перераспределения ролей в уже сложившейся дисциплинарной иерархии) действовали неовеберианцы (и не только), усилиями которых М. Вебер воспринимается сейчас несомненным классиком социологии. Можно привести и еще один пример, уже из области философии, когда «ученики» (те, кто был обязан «учителю» своим первоначальным самоопределением в науке и философии) «сделали имя» Ф. Брентано (что не означает, что последний не был известен в соответствующем сообществе), причем не прикладывая за редким исключением (в которое попала, например, такая фигура, как первый президент Чехословакии Т.Г. Масарик) особых к тому усилий. В данном случае самодостаточным оказался сам список имен его слушателей – Брентано публиковался крайне редко и мало (Э. Гуссерль, К. Твардовский, А. фон Мейнонг, К. Штумпф, А. Марти и другие).

Близкий ход, но с упором скорее на определенный дисциплинарный кризис, может быть сделан и с позиций социологии. Здесь, правда, предварительно надо ответить на два

вопроса. Во-первых, о какой, собственно, социологии может идти речь? А во-вторых, концептуализируется ли (и если да, то насколько) сделанное М.К. Петровым через рамку социологии? Представляется, что оба вопроса тесно переплетены между собой (и вписываются в обозначенные выше контексты). В поисках ответов на эти вопросы можно, опять же, опереться на разработки самого Петрова.

Петров выстраивал свою концепцию в известном оппонировании функционалистской неоклассической социологии (Р.К. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин), доминировавшей в послевоенные годы. В основании этого оппонирования – неудовлетворительная трактовка проблемы социального, неразработанность вопросов соотношения социального и культурного, разорванность структурно-организационного и практически-деятельностного уровней общественной жизни, вытеснение субъектно-личностного начала за рамки анализа, недостаточный учет «таймированности» (контекстности) проблематики и т.д. Таким образом, Петров так или иначе затрагивал весь круг претензий, вменяемых классической/неоклассической социологии на протяжении всей ее истории, но особенно актуализировавшихся с 60-х годов прошлого века, видя при этом за недостаточностью онтологических представлений ограниченность исследовательской методологии в исследовании тематики социального и гуманитарного плана.

Альтернативные социологической классике / неоклассике концепции восходят к немецкой культур-социологии, начиная с разработок М. Вебера, Г. Зиммеля, феноменологической и вообще интерпретативной социологии, а также к попыткам антропологического разворота всего социального знания. Однако, несмотря на постоянное присутствие этих альтернатив в поле социологических дискурсов, они занимали достаточно периферийное, а частью и маргинализированное положение в дисциплинарной истории социологического (и не только) знания. И только в рамках представлений о постнеклассическом знании (постнеклассической социологии), начало становления которого как раз и приходится где-то на рубеж 60-70-х годов 20-го века ситуация стала радикально меняться, а сформулированные Петровым вопросы, на которые он искал ответы в своей концепции, попали в фокус внутри и междисциплинарных обсуждений. Процесс этот далеко не завершен – можно, наверное, говорить скорее о состоянии некоторого равновесия между обозначенными двумя линиями в понимании сути социологического знания. Здесь же важно отметить, что петровские теоретические анализы и построения оказываются вполне в мейнстриме современных теоретических социологических (и не только) дискурсов, вписываясь именно в линию культур-социологических и культур-антропологических разработок.

Что же касается второго вопроса, то и на него ответ, фактически, предложен. Если какая-либо теория строится с опорой на оппонирование доминирующей, то она явно или неявно предполагает ее фальсификацию, вытеснение или замену собой. Если огрубить и упростить ситуацию, то можно сказать, что концепцию Петрова можно рассматривать как альтернативу функционализму (шире, в его терминологии, – актуализму) неоклассической социологии. В этом аспекте, возвращаясь к ранее обсуждавшейся проблеме дисциплинарной кодификации, она (концепция Петрова) вполне опознается как социологическая (с учетом сделанных выше оговорок). Более того, в этой перспективе она выступает как полностью соотносимая и соизмеримая с существующими на данный момент версиями культур-социологического, если угодно – социокультурного анализа.

К тому же, как представляется, такая фокусировка позволяет достаточно цельно и последовательно простроить основную концептуальную схему М.К. Петрова. И, что следует подчеркнуть, у самого Петрова эта схема с некоторыми вариациями принята в целом ряде его текстов. Сказанное, понятно, никоим образом не исчерпывает всего круга идей Петрова, многие из которых явно лежат в иных дисциплинарных областях и представляют самостоятельную научную ценность. Здесь речь идет лишь о ядерной концептуальной структуре и шансах на вписывание вклада Петрова в существующие

дисциплинарные истории. Опять же представляется, что предлагаемая версия прочтения (без сомнения возможны и другие, например сквозь призму истории идей) обладает свойством универсальности – по отношению к ней иные дисциплинарные дискурсы (тот же историко-философский) могут быть поняты как дополнительно фундирующие эту ядерную концептуальную структуру, вводящие ее развертывание в более широкие исторические и культурные контексты, а также в метатеоретическое поле трансдисциплинарности.

Исходя из сказанного и предлагается «сборка» идей М.К. Петрова сквозь призму определенным образом (в рамках представлений о постнеклассическом знании) понимаемой социологии, а сами его концептуальные разработки предъявляются как полновесная и достаточно полно прописанная культур-социологическая теория (центральными понятиями которой являются понятия человекоразмерности и социокода, что требует отдельного рассмотрения).

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ МАКСА ВЕБЕРА

Комаровский А.В.
магистр, аспирант Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В работах Макса Вебера отсутствуют термины «социология культуры» или, скорее, на немецкий манер, «культурсоциология». До своей преждевременной кончины Вебер не оставил какого-либо эксплицитного проекта культурсоциологии. При этом его брат Альфред Вебер уже в 1920-30-ых гг. разработал собственный проект культурсоциологии, опираясь в значительной степени, но и оппонируя работам своего старшего брата. Значит ли отсутствие терминов-маркеров культурсоциологии, что у Макса Вебера не было своей культурсоциологии? Актуально ли вообще *сегодня* «искать» культурсоциологию в творчестве Вебера? И в какой форме она там «содержится»: должен ли это быть какой-то аналог специальной (отраслевой) социологической теории или какая-то иная форма организации социологического знания?

Мы попытаемся представить эпистемологическое ядро программы культурсоциологии и показать, почему она является *актуальной* версией устройства, производства и употребления социологического знания. Это означает, что мы не пытаемся преодолеть фрагментарность веберовского «наследия» (как если бы имело место единая фигура автора, стоящая за всеми работами, опубликованным под именем Макса Вебера), как это часто пытались делать в истории интерпретации Вебера. Восстановить единство и цельность автора или «труда» Вебера не является целью нашего исследования. Мы продемонстрируем потенциал исследовательской программы культурсоциологии как релевантный ответ на современные эпистемологические вызовы социологическому знанию.

Социология культуры рассматривает культуру на фоне социума, а культурсоциология – социум на фоне культур(ы). Социология культуры (как специальная социологическая теория) выделяет социум как объемлющий фон, признавая за этим феноменом бо́льшее содержание, чем за феноменом культуры (что влечет за собой концептуализации культуры как предметной, «материальной» культуры, «сферы культуры» и т.п.). Культурсоциология в свою очередь ставит культуру на место объемлющего фона и влечет за собой уже другие концептуализации культуры (как атрибут исключительно «человеческого» – деятельное, языковое, знаковое и т.п.), отсылающие к целому вееру гуманитарных дисциплин (в первую очередь, антропологии и философии). Важно отметить, что в культурсоциологии как предмет анализа (социум), так и метод (социология) рассматриваются на фоне культуры, как специфические социо-культурные феномены, будь то социальное знание (повседневное знание для социальной

жизни) или социологическое знание (специально-научное знание о социальной жизни). Таким образом, смена фигуры и фона влечет за собой не только смену предметных содержаний, но и втягивает за собой смену методологических рамок, при которой и «предмет» и «метод» социум и социология оба попадают в рамку культуры (как две различные системы знания).

Сказанное выше означает, что культурсоциология исходно размывает жесткие дисциплинарные рамки, требуя трансдисциплинарных практик конфигурации разнодисциплинарных знаний, соразмерных практическим задачам, стоящим за исследовательским «заказом» (государственных, хозяйственных, гражданских и т.п.). Ключевым предметом этого заказа во время Вебера были уникальные и непрокалькулированные государственные, гражданские, хозяйственные, морально-этические эффекты, порожденные развитием индустриально-капиталистической Германии и Европы. Интеллектуальным ответом на данный вызов и должна была стать социология как интегративная гуманитарная наука, достаточно мощная для *адекватного* опредмечивания и изучения культуры капитализма. Этот знаниевый дефицит эпохи также обнаружен Риммой Шпаковой в сравнительном анализе методологий изучения капитализма у Вернера Зомбарта и Вебера. «Значение глубинных преобразований, которые несет с собой капитализм, революционизирующий всю жизнь людей, их деятельность и миропонимание, можно уяснить, считают авторы, с помощью интеграции всего комплекса гуманитарных наук, по традиции относимых в Германии к наукам о культуре» [1, с. 128].

Таким образом, дисциплинарная размерность веберовской «культурнауки» (так Вебер предпочитал обозначать свою «социологию») уже была несовременна расхожим научным настроениям социологического сообщества и долгое время оставалась несовременной, хотя социология, в большей или меньшей степени, практически не переставала считать Вебера ключевой фигурой собственного возникновения и развития. Не вдаваясь в подробности достаточно противоречивой и сложной истории ассимиляции веберовского наследия, можно лишь отметить, что первые развороты (ядро) веберовской культурсоциологической программы были представлены сравнительно поздно (в 1970-80-ых гг.). Это было возможно лишь с окончательным возвратом социологического знания к своим латентным не- и постклассическим эпистемологическим установкам (заданным преимущественно в немецкой традиции), что породило волну «синхронизации» («ренессанса») с исходно неклассическими установками веберовской исследовательской программы. Таким образом, действительная социология Вебера начала «открываться» и демонстрировать свой потенциал лишь по прошествии более полувека после ее *базового* оформления в работах Вебера.

Вслед за В. Шлюхтером мы говорим о веберианской исследовательской программе, а не о «веберовской парадигме», пытающейся восстановить цельность и единство «замысла» всех трудов Вебера, и не об исследовательской программе Вебера, которая соответствовала интеллектуальному контексту и актуальным для его времени задачам (в своей эмпирической части). «Мы намерены «не просто интерпретировать, но эксплицировать Вебера. «Эксплицировать» значит следовать предложенной Вебером постановке проблем, но не во всем следовать его решениям. Итак, под экспликацией понимается развитие мысли, домысливание, в ретроспективном и перспективном обращении к другим и другому. Скорее речь идет о лучшем решении проблемы при той же ее постановке» [2, с. 25]. Шлюхтер и провел такую экспликацию, определив актуальные конкурентные исследовательские программы, а также те преимущества, которые имеет веберианская программа перед ними.

Шлюхтер указывает на три ключевые конкурентные программы: (радикализированная) системная теория а ля Луман, теория коммуникативного действия а ля Хабермас и теория утилитарного действия а ля теория рационального выбора [2, с. 26]. Собственно саму веберианскую программу автор отождествляет с теорией регулируемого

правилами действия (Theorie des regelgeleiteten Handelns), отличая ее от подобной утилитаристской версии экономистов – подхода следования правилам (выполнения правил), характерного для социологизированных версий homo economicus. Веберианская программа не впадает ни в надындивидуальный, «слепой» системный характер коммуникации у Лумана, ни в версию универсалистски и исключительно консенсуально ориентированной коммуникативной рациональности Хабермаса. «В то время как Луман недостаточно использует потенциал рациональности коммуникации, у Хабермаса прослеживается тенденция к завышению ее потенциала, его модель коммуникации содержит не только рациональность во всей ее полноте, но и притязание на универсальность» [2, с. 45]**.**

Шлюхтер утверждает, что программе Вебера присуще существенное, хотя и не фатальное для ее эпистемологического потенциала ограничение, связанное с часто и неправомерно акцентируемым перекосом в сторону целерациональности, понимаемой как онтологический факт, а не методический прием. Такая склонность интерпретации Вебера связана с тем, что целерациональность была «ориентирована у него еще на параметрическую, а не на стратегическую рациональность» [2, с. 43]. При этом мы знаем, как Вебер сознательно и последовательно демонстрировал относительность господствующего в западной культуре образца рациональности, а потому не можем заподозрить его в какой-то прозападной «культуроцентричности» и идеализировании целе-рациональности, на которую его необходимым образом выводит анализ рационализированной капиталистической культуры, еще не состоявшейся, но для уже Вебера очевидно вызревающей как прообраз мировой культуры (или в чуть менее «жестком» диагнозе Маркса – «мировой истории»). И Вебер сознательно не зауживал рациональность до частного, хотя и значимого ее типа (целе-рациональности), пусть даже в методическом плане она и служила образцом отнесения к рациональностям, присущим хозяйственным, морально-этическим, гражданско-политическим феноменам.

Таким образом, культура присутствует у Вебера на различных уровнях: как (1) методическая организация жизни, программирующая мышление (знание), коммуникацию и действие («стиль жизни»), и как (2) рамочный фильтр по закрытию и открытию одних локальных порядков другим («обобществление»). В структурном аспекте это означает, что культура оснащает индивидов средствами и целями реализации программ действия, достаточно вариативных, но обеспеченных потенциальной значимостью внутри социальных образований различной размерности (семьи, группы друзей, рабочего коллектива, политической партии и т.п.). Признание способности культуры обеспечивать вертикальные и горизонтальные отношения (иерархического и неиерархического типа) между общественными порядками не требует вывода о наличии единого социального тела («общества», «системы» или «структуры»). Ввиду практических последствий такой, далеко не сугубо аналитической процедуры веберианская программа налагает запрет на выделение одного «общества» на материале разных, часто разобщенных и конфликтных, общественных порядков и сил, для которых в действительности не существует общественного Порядка, автоматически примиряющего и интегрирующего их на более высоком уровне. Факт фрагментарности и множественности сосуществующих порядков и негарантированности «единого целого» был причиной неупотребления Вебером столь (политически) опасного термина как общество (что, кстати, было характерно и другому «неклассическому социологу» – Георгу Зиммелю), ставшим, несмотря на этот, опорой классической и неоклассической социологии, и, огрубляя, всей социологии, на протяжении второй трети XX века.

На протяжении последних десятилетий социологи проделали большую работу по «операционализации», визуализации существенной, «материальной» роли культуры. Роли, проявившейся в значительной степени в результате затрудненной или невозможной ассимиляции незападных культур и анклавных социальных порядков внутри западных культур (например, провал мультикультурализма в концептуальном и проектном плане).

Движение к опознаванию фундаментальной роли культуры (ее инклюзивных и эксклюзивных эффектов) за феноменально данной социальной действительностью оправдано как насущная *социокультурная* и *интеллектуальная* задача для понимания все еще поликультурного, нежели межкультурного мира, глобализировавшегося в «легкой версии» на уровне экономического порядка. Все это снова поднимает проблему плюрализма ценностей и культур, уже так ясно намеченного в веберовском, достаточно пессимистичном, диагнозе современной ему культуры. Не в последнюю очередь это вопросы не только ценностного выбора, но и политической решительности, озабоченной благополучием или выживанием определенного типа культуры. В любом случае, нам остается помнить о возможности придать миру *разный* смысл, который для некоторых других смыслов может быть «выстрелом в упор». «Трансцендентальная предпосылка любой науки о культуре состоит не в том, что мы считаем ценной определенную или вообще какую бы то ни было «культуру», а в том, что мы являемся людьми культуры, обладающими способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл» [2, с. 48].

Литература:

1. Шпакова, Р.П. Макс Вебер и Вернер Зомбарт о западноевропейском капитализме / Р.П. Шпакова // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 126-132.
2. В. Шлюхтер. Действие, порядок и культура: основные черты веберианской исследовательской программы // В. Шлюхтер // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. 2. С. 22-50.

РАЗДЕЛ 2.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУСКОГО ОБЩЕСТВА

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Сломский В.
д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Высшей школы финансов и управления (Варшава, Польша)

Под глобализацией понимается происходящее в современном мире преобразование мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, люди, идеи, товары, услуги. В экономическом аспекте глобализация основывается на исчезновении барьеров, затрудняющих торговлю между странами. Это исчезновение барьеров есть развивающийся процесс, который охватывает все большее пространство мира, несмотря на то, что некоторые территории до сих пор остаются не затронутыми им. Конечно, в человеческой истории люди всегда торговали, путешествовали и познавали друг друга, но с развитием технического прогресса эти процессы идут намного более интенсивно и, как показывает само понятие глобализации, охватывают весь мир.

Проблемы, связанные с анализом глобализации, попытками концептуально осмыслить сущность формирующих ее процессов во многом возникают из различий в интерпретации самого этого понятия. Для одних глобализация означает стремление крупных международный концернов к подчинению своим интересам целых обществ и индивидов, тогда как другие видят в ней прежде всего процесс объединения людей разных культур, ставший возможным благодаря современному развитию средств коммуникации. На наш взгляд, главная трудность в понимании сущности глобализации связана с тем, что она является незавершенным процессом, который идет «здесь и сейчас» и именно это объективное обстоятельство ограничивает наши возможности в предвидении того, как она будет протекать в ближайшем и отдаленном будущем.

В контексте задач нашего исследования наиболее приемлемым и наименее противоречивым, с нашей точки зрения, является определение, согласно которому глобализация рассматривается как определенная целостность происходящих в мире процессов, обусловленных развитием новых информационных технологий. Эти технологии открывают перед людьми новые возможности взаимодействия – экономического, информационного, культурного, психологического, которые, по сути, являются скорее инструментами глобализации, чем выражением ее сущности. Вопрос теперь заключается в том, как люди используют эти новые открывшиеся перед ними возможности. С этой – гуманитарной – точки зрения глобализацию можно рассматривать как определенный набор действий, предпринимаемых моральными субъектами при использовании современных средств коммуникации, исходя при этом из предпосылки, что эти действия подчиняются таким же моральным нормам и оценкам, как и любые другие виды поведения. С другой стороны, глобализацию можно рассматривать как совокупность решений и действий, совершаемых моральными субъектами, понимаемыми уже в более широком смысле. Моральной оценке в этом случае подвергаются не отдельные действия (имеется ввиду не поведение отдельной фирмы, страны, политической партии и т.п.), но равнодействующая результатов всех действий, из которых складывается процесс глобализации. В зависимости от принятия определенных философских и этических предпосылок эта равнодействующая может быть оценена положительно или отрицательно. При таком подходе глобализация предстает как процесс спонтанный, не подчиненный никаким формальным регуляторам.

Однако это не означает, что глобализация может быть выведена за пределы ценностных суждений. Более того, отношение к глобализации как раз и определяется системой ценностей, через призму которой она рассматривается, прежде всего – через призму фундаментальных ценностей.

С нашей точки зрения, в идущих сегодня в средствах массовой информации дискуссиях о положительных и отрицательных аспектах глобализации не прояснены в достаточной степени значения тех важных для ее анализа понятий, которыми оперируют и тех областей знания, на которые ссылаются участники этих дискуссий. Прежде всего, следует отдавать себе отчет в том, что говоря о позитивных и негативных последствиях глобализации, мы тем самым уже выносим ценностные суждения, которые имеют в своей основе определенные ценностные критерии, т.е. опираются на определенные системы ценностей. Так, рассматривая потребительский стиль жизни как одно из негативных по следствий глобализации, мы тем самым как будто подразумеваем, что потребление есть явление отрицательное (нечто плохое, нежелательное, неприемлемое). Такая оценка может формироваться либо из принятия определенной системы ценностей, антагонистом которой является потребительство, либо – как этическая позиция – основываться на определенных эмпирических данных (например, ссылке на доказанный факт увеличения числа лиц, зависимых от алкоголя и наркотиков в обществе потребления). Таким образом, очевидно, что и в том, и в другом случае мы так или иначе, прямо или косвенно опираемся на фундаментальные ценности – такие как человеческая жизнь, здоровье и т.п., которые по своей природе являются универсальными.

Аксиологический ракурс рассмотрения темы глобализации неизбежно вовлекает в анализ проблематику ее этического содержания. Так или иначе, проблема ценностных суждений отсылает нас к этическим вопросам, сопровождающим развитие глобализационных процессов.

Независимо от того, трактуем ли мы глобализацию как игру (действия, поведение) субъектов, каждый из которых несет ответственность за последствия своих действий, или рассматриваем ее как спонтанный процесс, который невозможно ни остановить, ни по большому счету контролировать, вероятно, и в отдаленной перспективе, мы должны задать себе вопрос об этических нормах, которые мы (как на личностном, так и на уровне организованных сообществ) должны соблюдать именно в силу необходимости приспособления к происходящим в обществе изменениям, связанным с процессами глобализации. Ибо глобализация является суммирующей разнородных процессов и явлений, которые затрагивают и нас самих – в том смысле, что мы можем оказывать на них определенное воздействие, а из этого следует, что мы несем за это моральную ответственность. С такого рода результатами глобализации, обычно не отдавая себе в этом отчета, мы фактически сталкиваемся каждый день. Ибо когда в этом жизненном потоке мы выносим этические суждения относительно происходящих событий, мы не всегда осознаем, что оцениваем те или иные проявления глобализации.

В непосредственной по сути, хотя и не всегда очевидной связи с темой глобализации, сегодня предстает проблема прав человека, которая внутренне – сущностно – связана с этическими проблемами глобализации, которая может быть рассмотрена через призму ее этических проблем – моральных норм, нравственных оценок, духовных посылов. Говоря о правах человека, следует различать международное право, защищающее общества от негативных последствий глобализации, от права, целью которого является защита и продвижение определенных ценностей и принципов. Права человека относятся как раз к этому второму типу. Понятие прав человека в равной мере принадлежит как к сфере этики, так и к области государственного права, но надо иметь ввиду, что сам тезис, согласно которому человеку принадлежат определенные права в силу того только факта, что он есть человек, не является de facto постулатом теории права – это постулат этики: ибо данное утверждение невозможно обосновать никаким иным способом, кроме ссылки на определенные этические ценности; иначе говоря, такое

доказательство имеет характер этической аргументации, излагаемой с помощью категориального аппарата той или иной системы этических воззрений. В свою очередь в этике понятие прав человека вызывает еще больше споров, разногласий и разночтения. Здесь тоже следует проводить различие между дискуссией о правах человека и дискуссией о человеке, то есть отличать этику от философской антропологии. Собственно этическая аргументация направлена на поиск ответа на вопрос об обязанностях, какие проистекают для нас как индивидов и групп индивидов на основе самого факта существования прав человека; целью же антропологической аргументации является установление (определение) того, какого рода права имеет человек на основе того факта, что он есть человек – и тут мы имеем дело с определенным родом описания человека.

В настоящее время тезис, согласно которому каждому человеку принадлежат определенные неотъемлемые права, не является предметом дискуссии, но это не означает, что он не является предметом философского обсуждения. Предметом дебатов остается вопрос о количестве этих прав и объеме их действия. Так, не вызывает сомнения тезис, что каждый человек имеет право на жизнь, – но полемику вызывает право общества на лишение индивида этого права в определенных ситуациях (смертная казнь); или, скажем, лишение человека права на добровольный отказ от жизни (самоубийство, эвтаназия), а также интерпретация понятия человеческая жизнь (аборты, искусственное оплодотворение, пренатальные исследования). Таким образом, мы видим, что само признание прав человека не разрешает этических проблем в сферах, к которым относятся эти права (жизнь, собственность, свобода и т.д.). Следует заметить, что ни одно из этих прав не имеет абсолютного характера, поскольку в определенных обстоятельствах любое из них может перестать быть обязывающим, то есть перестать быть обязательным. В странах, где признается смертная казнь, не уважается право каждого человека на жизнь, хотя во всех без исключения государствах сегодня подчеркивается право общества на ограничение индивидуальной свободы тех лиц, которые совершают тяжкие преступления.

Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии глобализации на культуру. Одним из проявлений глобализации является перемещение и смешение широко понимаемых философских идей, мировоззрений, религиозных верований, личных идеалов, образцов поведения, стилей жизни и т.д. Обмену идеями естественным ходом вещей способствуют современные возможности познавать другие культуры, а это еще больше усиливает воздействие идей на общества, в которых они никогда ранее не появлялись или не приживались. Иными словами, обмен идеями и духовными ценностями есть одновременно обмен культурными ценностями. Следствием этого обмена становится тот факт, что в общества различных стран приходят идеи, которые в их культурных стереотипах прежде отсутствовали. Тем самым возникает проблема взаимодействия различных культур с их специфическими этическими стандартами и, как нам представляется, их неизбежным – культурным, этическим взаимовлиянием, а, возможно и трансформацией. Сам процесс взаимопроникновения культурных и философских идей не является негативным феноменом, напротив, он может способствовать взаимному обогащению и инспирировать их дальнейшее развитие. Однако факты свидетельствуют о том, что в настоящее время в результате развития этого процесса в мире доминируют западные образцы мышления и стиля жизни, а не гармоничное развитие и взаимное обогащение, идущее от воздействия иных – не тождественных западным – мировоззренческих и культурных ценностей.

Именно поэтому в дискуссиях на тему глобализации много внимания уделяется проблеме деструктивного влияния глобализации на культуру. Культуре, как таковой, ничего не угрожает, но современный мир складывается из многих культур, которые оказывают взаимное влияние друг на друга. Как мы отмечали выше, культура, доминирующая сегодня, это культура западная, тогда как другие культуры, принимая западные образцы, сами в результате этого либо оскудевают, либо совершенно растворяются. Негативное воздействие экономических процессов глобализации на

культуру проявляется также и в том, что в настоящее время законы, которые правят рынком, во все возрастающей степени становятся правилами, регулирующими и все остальные сферы общественной жизни. В этическом аспекте трудно однозначно оценить, является ли это взаимопроникновение культур процессом позитивным или негативным, поскольку такая оценка зависит в равной степени как от принятия определенных аксиологических допущений, так и от определенных собственно культурно-исторических предпосылок. Так, рассматривая любую – каждую культуру как самостоятельную ценность, мы не можем пренебречь тем фактом, например, что многие неевропейские культуры проявляли и проявляют далеко идущую нетерпимость по отношению к индивидам или группам. Исчезновение проявлений нетерпимости под влиянием европейской культуры несомненно, в каком-то смысле, является ограничением моральных норм этих культур, однако, с точки зрения европейской культуры, а тем самым европейской этики, трудно рассматривать этот факт как негативный.

Рассматривая процесс влияния глобализации на культуру, нельзя не видеть того, что современные западные общества уже несколько десятков лет не являются культурными монолитами, но представляют собой сегодня конгломераты культур. Отсюда возникает необходимость в разработке образцов поведения, которые сделали бы возможным сосуществование культурных групп, которые ранее никогда в истории не находились в такой непосредственной близости. Сегодня мы уже не мыслим о мире, как о пространстве, которое европейские страны должны завоевать и цивилизовать, но мы понимаем мир как целостность, которая складывается из равноправных элементов.

Мирное сосуществование индивидов, исповедующих разные религии и опирающихся в своем поведении на различные, иногда противоречащие друг другу системы ценностей, делает проблему толерантности одной из самых актуальных этических и психологических задач глобализирующегося мира. Позиция толерантности проистекает из признания индивидуальной свободы как основополагающей ценности, что означает, что границами свободы индивида всегда выступает свобода другого человека. Быть толерантным – означает понимать и принимать то, что другие люди имеют право самостоятельно выносить решения, касающиеся любых сфер их собственной жизни в тех пределах, в которых их свобода не ущемляет свободу других людей. И подобное понимание толерантности применимо не только к индивидам, но и к сообществам индивидов. Мы говорим о толерантности индивида, если он в своих социальных контактах руководствуется принципом терпимости. Мы говорим об обществе как о толерантном, если одной из важнейших, всеми его членами признаваемых моральных норм является императив быть толерантным (терпимым). И если мы ставим вопрос о том, какими ценностями должно руководствоваться воспитание и образование в глобализирующемся мире, то одной из первых должна быть названа толерантность. Следует подчеркнуть, что изменение отношения общества к явлениям и процессам, вызванным глобализацией, и, прежде всего, к таким, как культурный плюрализм является лишь одним из направлений более широкой программы морального (этического) освоения и социально-психологической адаптации человека и человечества к содержанию и темпам современного общественного развития.

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ГОСУДАРСТВА

Игнатович П.Г.
к.и.н., профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Беларусь)

Национальная культура является важной составляющей общественной жизни. Культурный уровень граждан в значительной степени определяет социально-

экономическое и политическое развитие общества. Это положение обусловливает постоянный интерес к научному осмыслению проблем культуры, взаимодействия культуры с различными социальными институтами, в частности диалектики взаимодействия культуры и государства.

Во взаимоотношениях культуры и общества, культуры и государства весьма важным является вопрос о принципиальной возможности или невозможности управления (точнее регулирования) культурными процессами. Конечно, существующее мнение о том, что культура менее других сфер поддается институциональному упорядочению в силу особой роли творческого начала в культуре, в силу связи с индивидуальной деятельностью художников и мыслителей, писателей и артистов, которая, мол, не укладывается в попытки ее регламентации, имеет право на существование. Этой точки зрения придерживаются прежде всего сами деятели культуры (особенно деятели художественного творчества). Борьба против всякого рода бюрократических или идейных ограничений за свободу художника от всего, что сковывает его творчество, и за доступ широких слоев населения к продуктам художественного и интеллектуального творчества – постоянный факт истории. Вместе с тем известно, что на всех этапах развития культуры существовали различного рода институты, регулирующие, направляющие культурную жизнь, поощряющие или ограничивающие те или иные формы ее проявления.

В развитии культурного процесса возникают коллизии между тенденциями к централизации культурной деятельности со стороны государства и ее демократизацией, которой требуют сами деятели культуры, неправительственные организации. Вмешательство правительственных органов в работу культурных организаций и групп зачастую просто необходимо, так как без правительственной поддержки они не могут выдержать затруднений разного рода (не только финансовых, но и правовых, политических и др.) и часто просто прекращают существование.

Автор данной статьи солидарен с утверждением об объективной обусловленности регулирования культурными процессами. Для организованного общества характерна упорядоченность социальных связей и взаимодействий, во многом обусловленная наличием в нем определенных культуротворческих сил, направляющих жизнь общества по организованному, а не хаотическому пути развития. К ним можно отнести прочные верования, ценности, идеалы, нормы поведения, которые организуют социальные связи и делают возможной общую интерпретацию жизненного опыта.

Роль того или иного социального института на различных этапах исторического развития не оставалась неизменной. На разных этапах общественного развития диалектика взаимодействия культуры и государства наполняется конкретным содержанием. Мировая тенденция последних десятилетий – усиление роли государства в культуре.

Взаимодействие культуры и государства происходит прежде всего через разработку и осуществление государственной культурной политики. Следует подчеркнуть, что культурная политика не есть чисто белорусский или постсоветский феномен. Она характерна, по существу, для всех стран. Другое дело, что каждая страна в разработке и осуществлении культурной политики определяет свои приоритеты и тем не менее широко использует мировой опыт. Этому во многом способствует целый ряд международных организаций, и прежде всего ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, которая ссылаясь на существующие международно-правовые акты о правах человека, и в частности на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., в последние десятилетия разработала и приняла целый ряд нормативных актов, направленных на сохранение, защиту и приумножение культурного наследия.

Следует подчеркнуть важное значение различных международных и Европейских, в том числе и межправительственных, форумов. Одним из них является Межправительственная конференция по использованию культурной политики в целях

развития, проводившаяся в Стокгольме с 30 марта по 2 апреля 1998 года [4]. В 1991 году между Правительством Республики Беларусь и ЮНЕСКО подписан Меморандум, который существенно содействовал сотрудничеству в области образования, науки и культуры. Все это способствовало разработке национальных законодательных основ в области культуры. Политика в области культуры – это система юридическо-правовых, экономических, социально-политических, организационных и других мероприятий, направленных на формирование желательной для общества и удовлетворяющей личность, социальные слои и группы культурной ситуации, которая создает условия для позитивного гармоничного развития культуры и личности, оптимизации социальных отношений в области культуры [2, с. 15]. Культурная политика в нашей стране строится на основе Конституции Республики Беларусь и направлена на обеспечение культурных прав общества в целом и личности в частности, а также на политическое, экономическое и духовное обновление государства [3, с. 6, 13].

Политика белорусского государства в области культуры заключается, прежде всего, в создании экономических и организационно-правовых условий развития культуры, сохранении и обеспечении эффективной деятельности ее предприятий, организаций, учреждений, подготовке и социальной защите работников культуры, деятелей искусства, в стимулировании любительских объединений и самодеятельного народного творчества. Государственные органы во взаимодействии с общественными организациями должны обеспечить развитие культуры и нести ответственность за духовное, моральное, эстетическое воспитание граждан – отмечается в Законе о культуре. Они должны усовершенствовать систему социальных, организационно-правовых и экономических гарантий ее развития, создавать необходимые условия для приобщения граждан к национальному и мировому культурному наследию, необходимо формировать систему предприятий и учреждений, создавать гарантии и стимулы художественного творчества, сохранять традиционную культуру (фольклор, народные промыслы и ремесла), использовать достижения культуры.

Основные направления культурной политики нашего государства были сформулированы в ряде законодательных актов. Первым документом, который определил общие контуры политики государства в области культуры, был Закон Белорусской Советской Социалистической Республике «О культуре в Белорусской ССР» (1991 г.). Его принятие является свидетельством внимания со стороны государства к проблемам культуры. В связи с переменами, происходящими в стране в этот закон были внесены определенные изменения и дополнения. Сегодня он существует в редакции 2004 года [1]. В последующие годы был принят целый комплекс законов. Среди них: «Об охране историко-культурного наследия» (1992г.), «Об авторском праве и смежных правах» (1998г.), «О музеях и музейном фонде Республики Беларусь» (1996г.), «О творческих союзах и творческих работниках» (1999г.), «О народном творчестве, народных промыслах (ремеслах) в Республике Беларусь» (1999г.) и др. Законодательство Республики Беларусь о культуре регулирует общественные отношения по установлению организационно-правовых и экономических гарантий создания, сохранения, распространения и популяризации произведений материальной и духовной культуры, по сохранению и передаче культурных традиций, по охране исторических и культурных ценностей. Динамичное взаимодействие культуры и государства, научно обоснованная стратегия в деле развития белорусской национальной культуры содействует вхождению Беларуси в мировое культурное пространство.

Литература:

1. Закон Республики Беларусь «О культуре» от 4 июня 1991 г. с изм. и доп. 18 мая 2004 г. № 282-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 87. С. 7-20.

2. Ігнатовіч П.Р. Культурная палітыка Рэспублікі Беларусь на этапе трансфармацыі грамадства /Культура Беларусі: стан і перспектывы развіцця: Зборнік артыкулаў/ Пад рэд. Я.Д. Грыгаровіч, П.Р. Ігнатовіча. – Минск, 2001. - 251 с.)

3. Конституция Республики Беларусь. - Мн., 2007.
4. Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. Сборник материалов. Составители: Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. - М.: Издательство "Либерия", 2002. - 240 с.

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Хижняк Л.М.
д.с.н., профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

Тенденции регионального развития привлекают внимание ученых, существует также большая эмпирическая база анализа региональных проблем и методические разработки по вопросам состояния человеческого развития в регионах [1-2]. Однако нерешенным вопросом на постсоветском пространстве остается разработка и реализация такой стратегии регионального развития, которая позволила не только поднять уровень социально-экономического развития отдельного региона, но и способствовала бы консолидации социума.

Стоит вспомнить тех ученых, благодаря трудам которых стратегический подход к развитию организационных образований различного уровня утвердился в управленческой мысли и в управленческой практике. Речь прежде всего идет о представителях социотехнического (Р. Дабина), эмпирического (П. Друкер, А. Лендлер мл.) и ситуационного подходов (Дж. Томпсон), теории ресурсной зависимости (Дж. Пфеффер, Дж. Салончик), представителей астонскои группы (Дж. Чайлд) и др. Стратегия ориентирует управленческую элиту региона, как и любой организованной общности, на «... сознательную, рациональную и активную позицию, которая предусматривает выработку эффективной долгосрочной политики ...» [3, с. 181]. Эффективное управление региональным развитием предполагает коллективную ответственность и включенность различных категорий населения в региональные преобразования, формирование у них региональной идентичности без предвзятого отношения к этому процессу из-за опасения негативных проявлений регионализации. Речь идет о человеческом развитии как рядовых граждан, так и кадров управления, особенно об их компетентности и состоянии сознания. Например, относительно стратегического мышления кадров управления оправданным остается известный тезис, согласно которому надоо «мыслить глобально, а действовать локально», то есть добиваться результата, учитывая эндогенный фактор в локальных действиях, которые сейчас сами являются частью глобального мира. Наконец, преодолевать риски в процессе реализации стратегии регионального развития можно путем перехода к интегрированной социально-экономической политике, которая является следствием признания взаимозависимости экономических и социальных процессов и играет консолидирующую роль. Трудно не согласиться с мнением о том, что «двусторонние связи между экономикой и социальной сферой проявляются в сравнении произведенных затрат с достигнутыми результатами, оптимизации соотношения прибыли и затрат путем сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов при условии соблюдения определенных социальных ограничений. Такой подход позволяет выбирать эффективные экономические и социальные стратегии ...» [4, с. 73].

Сущность стратегии развития региона – наращивать его потенциал (демографический, человеческий, промышленный, культурный, научно-технический и др.) и средствами управления обеспечить его реализацию, эффективное использование ресурсов и социальную консолидацию. Принципы, на которых может базироваться данная стратегия, могут быть такими: сохранение самобытности региона; сочетание самоорганизационных процессов и целенаправленного управленческого воздействия на

региональное развитие; демократизация управления региональным развитием; сочетание экономического роста и социального качества жизни населения.

Для прогнозируемого устойчивого развития локального территориального образования (региона), снижения социальных рисков целесообразно предусмотреть следующие меры:

1. Включать как компенсаторные механизмы (повышение эффективности системы социальной защиты населения региона, предотвращение негативных проявлений протестного поведения населения и др.), так и механизмы развития (повышение качества региональной управленческой элиты, уровня доверия населения к местной и региональной власти и др.).

2. Создать условия для наращивания и использования самоорганизационного потенциала населения, повышения социальной адаптации различных групп к новым экономическим, политическим, экологическим, социальным условиям жизни (создание благоприятных условий для организации малого и среднего бизнеса, для трудоустройства социально уязвимых групп – людей с ограниченными физическими возможностями, пенсионеров и др.).

3. Наращивать и использовать конкурентные преимущества региона через обеспечение информацией субъектов регионального развития; профессиональное развитие людских ресурсов, создание сетей обмена знаниями и технологиями, создание инфраструктуры поддержки деловой активности субъектов, формирование научно обоснованной модели управления регионом; социализацию региональной политики.

4. Через институт PR воплощать идею двустороннего характера и гармоничных связей региона (территориальных общин) с группами общественности как для поддержания динамичного и устойчивого социально-экономического равновесия, так и для инновационно-структурных преобразований. Использовать общественное мнение в диалоге власти и населения путем проведения общественных слушаний, референдумов по актуальным вопросам жизнеобеспечения и развития территориальных общин.

5. Задействовать методы, направленные на повышение эффективности социального взаимодействия между органами региональной власти, местного самоуправления и населением (работа с информацией, содержащейся в региональных и местных новостях; взаимодействие со СМИ, использование трибуны региональной и муниципальной газеты; проведение массовых мероприятий и акций; использование Интернет-технологий в работе с населением и др.).

6. Повышать качество социальных услуг, предоставляемых населению (с определением потребностей отдельных категорий жителей региона, особенно социально уязвимых групп).

7. Преодолевать (уменьшать) социально-экономические неравенства, которые провоцируют конфликтность в регионе: равномерное развитие рыночной и социальной инфраструктуры в городах, селах региона; доступность медицинской, психологической и юридической помощи (консультации) для жителей региона независимо от их пола, возраста, рода занятий, уровня дохода, типа поселения, в котором они живут; доступность культурного достояния региона для его жителей; расширение образовательных возможностей различных групп населения; реализация социальных программ, направленных на повышение социальной защиты наиболее уязвимых групп населения (муниципальное жилье; поддержка лиц с особыми потребностями и функциональными ограничениями; приемные семьи для сирот; патронаж одиноких пожилых людей; противодействие различным формам насилия и др.).

8. Использовать лучший европейский и мировой опыт управления региональным развитием (при этом избегать негативов копировального эксперимента). Известно, что в странах Западной Европы применяются более 200 видов различных инструментов поддержки местного развития, направленных на раскрытие конкурентных преимуществ отдельных территорий и их устойчивое социальное развитие. Особое место среди этих

инструментов занимают агентства регионального развития (АРР), которые стали своеобразным институциональным феноменом еще в 80-90-х гг. Своеобразие их заключается в том, что они выполняют функцию посредника между намерениями общин и стратегическими намерениями местных и региональных властей по развитию отдельных территорий.

9. Формировать положительный имидж региона (последний является важным конкурентным ресурсом), что требует задействования социального знания в планировании, организации, контроле и предсказуемости социальных рисков реализации стратегии.

10. Обеспечить научное сопровождение реализации стратегии устойчивого регионального развития через проведение постоянного социального мониторинга развития региона. Социальный мониторинг как инструмент социального взаимодействия между властью и населением важен по нескольким соображениям, а именно: а) как средство идентификации социальных проблем, выявления остроты этих проблем и заинтересованных в их решении участников, б) для идентификации тех, кто нуждается в социальной защите; конкретных видов социальной помощи (клиентов социальных служб), в) для консолидации населения территориальной общности и формирования ядра активистов со стороны общественности, способных участвовать в решении социальных и экономических проблем, в подготовке, принятии и реализации региональных (локальных) социально-экономических проектов.

При этом «задача состоит не в повышении территориальной гомогенности человеческого сообщества (в том числе поведенческой), а в достижении оптимального сочетания территориальных форм поведения, гармонизации и гуманизации территориальных коммуникаций, переводе их в плоскость органической солидарности» [5, с. 91]. Такая управленческая задача региональной власти успешно решается лишь при условии, что ее реализация базируется на знании о социальных процесах в локальном территориальном образовании.

Литература:

1. Дробенко Г.О. Стратегічне планування розвитку територіальних громад: Методичний посібник / Дробенко Г.О., Брусак Р.Л., Свірський Ю.І. – Львів : Сполом, 2001. – 120 с.
2. Методологія та методика визначення інтегральних соціальних показників / Відп. ред. Ю.І. Саєнко. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. – 372 с.
3. Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь / В.В. Щербина. – М. : ИНФРА, 2000. – 264 с.
4. Соціологічний вимір соціально-економічних процесів в Україні / [Балакірєва О. М.. Головенько В.А.. Левін Р. Я. та ін.] ; за ред. О. М. Балакірєвої ; НАН України ; Ін-т екон. та прогнозув. – К., 2009. – 320 с.
5. Завалишин А. Ю. Территориальное поведение: опыт теоретико-методологического анализа / А. Ю. Завалишин, И. П. Рязанцев // Социс. – 2005. – № 10. – С. 83-92.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ-СПУТНИКОВ В БЕЛАРУСИ

Никулина Ю.В.
к.ф.н., доцент, заместитель заведующего кафедрой теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Географическое расположение и роль городов-спутников в социально-экономическом развитии страны во многом зависит от численности населения региона, социально-экономической и демографической ситуации в прошлом, настоящем и будущем. Важное значение при формировании городов-спутников играет и государственная градостроительная политика. Сегодня в Республике Беларусь действует Программа развития городов-спутников Минска, утвержденная в 2010 г. Ее актуальность обусловлена тем, что в Минске проживает 19,3 % всего населения республики, в том числе 26% городского. При этом численность городского населения в Минской области за

последние годы уменьшилась на 2,8 %. Одновременно с этим в столице существенно возросло число нуждающихся в улучшении жилищных условий. Несмотря на ежегодное увеличение обеспеченности населения жильем в расчете на одного жителя, в Минске этот показатель остается самым низким по республике. В этой связи крайне необходимо эффективное планирование оптимального роста численности населения.

Генеральным планом г. Минска до 2030 года и на более отдаленную перспективу предусмотрено, что жилищное строительство и решение жилищных проблем минчан в последующем будут решаться не за счет городских территорий, которых в городе на сегодняшний день уже практически не осталось свободными, а за счет территорий пригородной зоны г. Минска. Одним из таких стратегических решений является строительство в пригороде Минска городов-спутников. В качестве городов-спутников Минска в госпрограмму включены: промышленные − Дзержинск, Жодино, Фаниполь; агропромышленные − Смолевичи, Столбцы, Узда, Руденск; туристско-рекреационные − Заславль, Логойск. Для успешной реализации данного проекта необходимо ответить на ряд важных вопросов. Какими должны быть города-спутники, чтобы привлечь столичных жителей? Что нужно сделать для того, чтобы минчане сами захотели ехать жить в пригород? С целью изучения потенциального спроса столичных жителей на жилье, размещаемое в городах-спутниках г. Минска в мае 2011 г. Минским научно-исследовательским институтом социально-экономических проблем было проведено эмпирическое социологическое исследование.

Как показал анализ полученных в ходе опроса данных, несмотря на выявление некоторых зависимостей, отсутствуют четкие маркеры, по которым можно однозначно определить целевые социально-демографические группы минчан, готовых к переселению в города-спутники. Положительно относятся к переезду в город-спутник, если при этом они получат возможность быстрее решить свою жилищную проблему, около одной трети респондентов из всех выделенных групп (30,4%). Вместе с тем, при проведении исследования выявлено много субъективных факторов. Неслучайно при ответах на вопросы о предполагаемом переезде подавляющее большинство опрошенных указывают, что «все будет зависеть от конкретных условий».

Очевидно, что учесть абсолютно все интересы столичных жителей не представляется возможным. Есть такие категории граждан, для которых жизнь в центре − мечта и радость всей жизни. Вряд ли города-спутники будут представлять для них интерес. Вместе с тем, как показывает проведенное исследование, спрос на жилье в городах-спутниках будет. Учитывая, что в столице в будущем не планируется такое масштабное возведение жилой недвижимости, а среди нуждающихся порядка 280 тыс. семей, можно предположить, что города-спутники будут актуальным вариантом потому, что это хорошая возможность быстрого строительства. В связи с этим есть уверенность, что города-спутники будут востребованы столичными жителями. Перспективным направлением жилищного строительства в городах-спутниках, по оценкам респондентов, является строительство индивидуальных домов, также привлекательными являются высокие потребительские качества возводимой многоквартирной жилой застройки (кирпичные дома, возможность перепланирования, хорошие коммуникации, сервис и тд.).

Однако следует подчеркнуть, что решение жилищной проблемы минчан является далеко не единственным фактором успешного развития городов-спутников. Люди не готовы лишиться столичного образа жизни, понизить ее качество. Поэтому перспектива ослабления связей с Минском, возможное понижение уровня доходов и качества жизни многих пугает. Неразвитость социальной инфраструктуры в городах-спутниках вызывает опасения у 31,6% опрошенных, более низкое, по сравнению со столицей качество жизни беспокоит одну пятую часть респондентов (21,3%). Минчане опасаются, что термин «города-спутники» станет всего лишь новым названием для дальних районов Минска, спальных или производственных.

Очевидно, что для того, чтобы привлечь в города-спутники социально активные категории населения в них должны быть созданы условия жизни, приближенные к столичным. Вместе с тем, «столичные условия» может обеспечить только серьезная инфраструктура − магазины, больницы, поликлиники, школы, рестораны и кафе, транспорт. О необходимости ее развития говорят и участники опроса. Поэтому, для привлечения большего числа социально активных граждан, жилые районы в городах-спутниках должны строиться по стандартам столицы.

Программой развития городов-спутников предусмотрено, что между всеми населенными пунктами необходимо модернизировать дорожную инфраструктуру, чтобы расширить возможности и комфорт трудовой миграции. Такая необходимость полностью подтверждается данными проведенного исследования. Неразвитость транспортной инфраструктуры в пригородной зоне занимает первое место в числе факторов, вызывающих наибольшие опасения минчан, в случае приобретения недвижимости в городе-спутнике. Почти половина опрошенных ставит условием своего потенциального переезда в пригород возможность в максимально короткое время добираться до Минска. Причем для участников опроса актуальна доступность практически всех видов транспорта – и возможность добраться до столицы на собственном автомобиле, и наличие новейших видов транспорта (городской электрички, скоростного трамвая), и хорошее сообщение маршрутных транспортных средств.

Переселение из Минска в города-спутники, а также вынос предприятий сопряжены с вопросами трудоустройства. В связи с выносом предприятий будет необходима трудовая миграция. Планами развития городов-спутников предусмотрено, что приток трудовых ресурсов будет стимулировать создание там новых предприятий. Поэтому первичный уровень занятости будет обеспечен. Это немаловажное обстоятельство, поскольку, как показывают данные проведенного исследования, возможные проблемы трудоустройства на новом месте жительства беспокоят около трети респондентов (30,3 %). Высказывают готовность работать в городе-спутнике в случае переезда порядка 50 % опрошенных.

Вместе с тем, для респондентов крайне важным является фактор оплаты труда. Только 10,4% готовы работать поближе к месту жительства, несмотря на возможную потерю в зарплате. Половина участников исследования говорят о том, что пойдут работать в городе-спутнике, только в том случае, если зарплата будет существенно выше, чем в столице. Около одной пятой опрошенных заявили, что будут продолжать ездить на работу в Минск в любом случае. В связи с этим, для полноценного развития столичного региона требуется создание в городах-спутниках таких рабочих мест, которые обеспечат людям достойный уровень оплаты труда.

Таким образом, проведённый анализ показал, что спрос на жилье, размещаемое в городах-спутниках, будет. Основными факторами, влияющими на готовность столичных жителей переехать в пригородную зону, являются развитость транспортной инфраструктуры, стоимость жилья и степень удаленности населенных пунктов от Минска. Немаловажным условием для приобретения недвижимости в городах-спутниках являются более льготные, по сравнению со столицей условия кредитования. Привлекательными факторами могут стать высокие потребительские качества возводимого жилья, его относительно небольшая стоимость, социальный престиж населенного пункта. В связи с этим, недопустимо превращение городов-спутников в спальные или производственные пригороды Минска. При планировании и строительстве жилья решаться должны одновременно проблемы обеспечения жилплощадью, рабочими местами, объектами культуры и быта будущих переселенцев.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Андрющенко А.И.
к.ф.н., доцент кафедры социологии управления и социальной работы социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

Трансформация социально-экономических отношений без подстраховочных механизмов в Украине сопровождается негативными социальными последствиями во всех сферах жизнедеятельности общества. Качественные глубинные изменения требуют разработки и внедрения инновационных механизмов снижения социальных рисков, оптимизации управления. Неэффективное управление социальными процессами привело к беспрецедентному социальному расслоению, массовому распространению бедности, формированию ее субкультуры. Украина за последние 20 лет по индексу человеческого развития переместилась из первой десятки во вторую сотню по рейтингу стран мирового сообщества. Соотношение доходов богатых и бедных слоев населения составляет по официальной статистике 1:30, в то время как в развитых странах 1:3, 1:5. При этом она последовательно проводит политику трансформации трудовой и социальной сфер по западному образцу. В связи с отказом от патерналистских принципов государства внедряет социальные программы, прошедшие успешную апробацию на западе, без учета экономических, социокультурных, ментальных особенностей украинского общества. В результате фиксируется падение НВП, рост инфляции, низкий уровень заработной платы, не достигающий прожиточного минимума, увеличение численности населения, которое находится за чертой бедности. Происходит интенсивная поляризация общества по уровню материального благосостояния. Бедность в Украине становится одной из острейших проблем. Все это в совокупности блокирует не только экономические преобразования, но и создает угрозу социальной безопасности.

По данным социального мониторинга, проводимого социологами Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина, за годы становления рыночных отношений численность нижнего слоя населения возросла с 5,7 % до 85 %, средних сократилась с 75% до 11%, высших – с 19,3 % до 2,8 %. Эти данные совпадают с результатами других исследовательских центров Украины.

Трансформационный период в украинском обществе сопровождается усилением социальной напряженности, расширением ее социальной базы. Нынешняя ситуация характеризуется тем, что государство утратило способность обеспечивать оптимальный баланс между удовлетворением потребностей различных социальных групп, общества в целом. Отсутствие оптимальных механизмов согласования интересов как на уровне отдельных индивидов, социальных групп и классов, так и согласованности с общенациональными интересами, аномия общества, возникшая в результате разрушения ценностно-нормативной системы, влияет, с одной стороны, на уровень социальной напряженности, с другой – затрудняет консолидацию общества в силу беспрецедентности его расслоения.

В настоящее время властная элита ведет активный поиск национальной идеи, способной объединить разнородные социальные группы, отличающиеся доступом к социальным ресурсам. Переход к рыночным отношениям невозможен без утверждения принципов социального партнерства, паритета, предполагающего равенство сторон в диалоговом взаимодействии объективно не равных социальных субъектов, выравнивание их позиций путем отработки правового поля, законодательных механизмов. В нынешних условиях актуализируется потребность не только властных элит, но и гражданского общества в отработанных социальных механизмах достижения консенсуса в реальной

практике, консолидации общества в целях его цивилизованного развития, обеспечения социальной безопасности.

Однако, как свидетельствует социальная практика, частичные изменения, не оптимальные социальные программы не могут изменить негативные тенденции, устойчивость которых превращает их в закономерности. «Латание дыр» в такой ситуации принципиально ничего не меняет. Необходим поиск инновационных механизмов, которые бы соответствовали вызовам времени. Лишь в этом случае могут возникнуть реальные возможности изменить ситуацию, остановить снижение уровня и качества жизни широких слоев населения.

Ученые, властная элита, бизнес, представители гражданского общества обращаются к опыту развитых зарубежных стран, которые на протяжении столетий отрабатывали механизмы согласования интересов наиболее дистанцированных социальных групп, разрабатывали социальные технологии снижения социальных рисков, достижения консенсуса, что обеспечивает консолидацию общества.

На протяжении последних десятилетий в Украине идет разработка и внедрение диалоговых технологий взаимодействия основных социальных субъектов. Система социального партнерства, несмотря на присущие ей недостатки, помогла привлечь внимание к необходимости разрешения острых социальных проблем цивилизованными способами, путем достижения консенсуса, использования коллективно-договорной системы. В январе 2006 года эта модель была трансформирована в систему социального диалога широкого формата, что вывело ее за рамки социально-трудовых отношений в более широкое поле взаимодействия социальных субъектов социальных и экономических отношений. Координационным органом этой системы стал социально-экономический совет, функционирующий на национальном, региональном, местном уровнях, что обеспечивает участие в решении актуальных социальных и экономических проблем представителей трех секторов – государства, бизнеса и гражданского общества.

В постсоветских странах, в частности, России, Беларуси, Украине идет работа по использованию еще одного инновационного механизма – внедрение системы социального аудита. Однако, если теоретические концепции социально диалога более- менее разработаны, то в отношении понятия социального аудита делаются первые шаги. Поскольку термин «аудит» является экономической категорией, то и разработкой его теории занимаются экономисты в рамках своих экономических концепций. Поэтому в научных публикациях, исследованиях понятие «социальный аудит» рассматривается как распространение экономического аудита (бухгалтерского, финансового) на социальную сферу разного уровня – национального, регионального, местного, предприятия, учреждения и т.п. Он сводится к контролю за расходом финансовых инвестиций целевого назначения, направленного на развитие социальной сферы, ее инфраструктуры. С нашей точки зрения, такой подход не является научно обоснованным, корректным.

Дело в том, что социальная сфера функционирует по своим специфическим законам, имеет свои, присущие ей закономерности. В отличие от экономической сферы, она имеет социальные регуляторы, эффективность которых нельзя измерить экономическими показателями. Однако наличия информации об объемах инвестирования развития социальной сферы для оценки ее состояния и прогнозирования развития недостаточно. Показатели ее развития представляют сложную систему, которая охватывает совокупность как объективных, так и субъективных характеристик в их качественном измерении.

Сегодня актуализируется проблема разработки социологической концепции социального аудита, основное содержание которого определяет понятие «социальное», как его сущностная характеристика. Анализ «социального» в социологической трактовке позволяет раскрыть специфику социального взаимодействия субъектов, занимающих разные статусные позиции в социальной иерархии (представители государства, бизнеса, гражданского общества), имеющие разный статус и доступ к социальным ресурсам.

Социальный аудит как механизм оптимизации управления взаимодействием социальных субъектов направлен на согласование, гармонизацию их интересов, что способствует консолидации общества в достижении социально значимых целей, повышении его стабильности, устойчивого развития, социальной безопасности.

Еще одним инновационным механизмом является социальная логистика как универсальный инструмент, технология повышения эффективности управления социальными процессами, социально-экономической сферой в целом. Логистические методы в социальном управлении обеспечивают достижение социальных целей – повышения уровня и качества жизни широких слоев населения, что способствует преодолению беспрецедентного расслоения общества, его конфронтации, консолидации [1-4].

Таким образом, среди инновационных механизмов, обеспечивающих преодоление социальных неравенств в постсоветских странах, нами выделены система социального диалога, социальный аудит и социальная логистика, использование которых позволяет оптимизировать управление социальной и экономической сферой. Эти социальные механизмы позволяют снизить негативные последствия социально-экономических трансформаций, повысить уровень и качество жизни широких слоев населения, снизить уровень социального неравенства, что будет способствовать консолидации общества.

Литература:

1. Мате Э., Тиксье Д. Логистика. – СПб.: Нева; – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003.
2. Миротин Л.Б., Тышбаев Ы.Э. Системный анализ в логистике. – М.: Экзамен, 2002.
3. Семененко А.И., Сергеев В.И. Логистика. Основы теории. – СПб.: Союз, 2001.
4. Стаханов В.Н., Украинцев В.Б. Теоретические основы логистики. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Дубовик Е.А.
преподаватель кафедры политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь)

Социальное партнерство – цивилизованная форма регулирования социально-трудовых отношений между наемными работниками и нанимателями при посредничестве государства путем заключения коллективных договоров и соглашений. В более широком значении социальное партнерство – это сотрудничество различных социальных групп и слоев для достижения общих целей. Социальное партнерство является идеологией гражданского общества с социально ориентированной рыночной экономикой, оно выступает альтернативой всякой диктатуре, призвано обеспечить баланс реализации интересов социальных групп и слоев, политическую стабильность. Его отличает переговорный характер разрешения противоречий между работодателями и наемными работниками, участие трудящихся в управлении производством, установление эффективных мер социальной защиты населения. Идеология социального партнерства закреплена в законодательстве многих государств, находит широкое отражение в документах Международной организации труда.

Переход Республики Беларусь к рыночной экономике потребовал нового подхода к политике в области регулирования социально-трудовых отношений. В этих условиях осуществлен выбор идеологии и политики социального партнерства во взаимоотношениях между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами. В декабре 1992 г. понятие «социальное партнерство» введено в белорусское законодательство. В ст. 1 закона одной из задач законодательства о труде называлось «развитие социального партнерства между работниками и

нанимателями» [1]. Принципиальные основы социального партнерства закреплены в статье 14 принятой 15 марта 1994 г. Конституции Республики Беларусь, где отмечено, что отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами осуществляются на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон. Важным шагом в развитии правовой и организационной основы партнерских отношений стал Указ Президента Республики Беларусь от 15 июля 1995 г. № 278 «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» [2, с. 651-652]. В мае – июне 1999 г. подписаны Указы Главы государства «О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам» и «О Республиканском трудовом арбитраже» [2, с. 666-675]. С января 2000 г. вступил в действие Трудовой кодекс Республики Беларусь, раздел IV которого содержит 48 статей, связанных с социальным партнерством, заключением коллективных договоров и соглашений.

Приоритетным, базовым аспектом социального партнерства является социальный, а важнейшей сферой его функционирования – социально-трудовая сфера. Поэтому социально-трудовое партнерство, направленное на проведение рациональной социальной политики в сфере труда, выступает важнейшим элементом социального партнерства в широком смысле как конструктивного взаимодействия представителей трех секторов общества – государства, бизнеса и некоммерческих организаций при решении социально-экономических проблем. Несущей конструкцией партнерских отношений является система разработки, заключения и реализации коллективных договоров и соглашений. Основной формой социального партнерства на национальном уровне выступает заключение Генерального соглашения между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов (в настоящее время действует заключенное в декабре 2010 г. Генеральное соглашение на 2011-2013 гг.). Кроме того, заключено шесть областных и одно г. Минска, 53 республиканских отраслевых тарифных, 70 областных тарифных, 320 районных, городских тарифных и 92 местных соглашений. Коллективно-договорным регулированием трудовых отношений охвачено 96,9% работников предприятий и учреждений [3]. Институциональными органами системы социального партнерства являются созданные на паритетных основах Национальный совет по трудовым и социальным вопросам и аналогичные советы в областях и районах, а также Республиканский трудовой арбитраж.

поскольку основной целью социального партнерства является обеспечение устойчивого эволюционного развития общества, важно определение условий, при которых такое развитие возможно. Эти условия были рассмотрены еще в 1920-х годах видным социологом П.А. Сорокиным. Он установил, что устойчивость общественной системы зависит от двух основных параметров: уровня жизни большинства населения и степени дифференциации доходов. Чем ниже уровень жизни и чем больше различия между богатыми и бедными, тем популярнее призывы к свержению власти и переделу собственности с соответствующими практическими действиями [4, с. 249]. В Республике Беларусь не допущено существенное имущественное расслоение общества, на протяжении последних лет разрыв в соотношении доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения составлял 5-6 раз, тогда как в мировой практике критическим значением этого показателя считается 10–12 раз. Коэффициент Джини составлял в Беларуси в 1995 г. 0,261, а в 2009г. – 0,268, т.е. неравенство в республике за полтора десятилетия увеличилось незначительно [5, с. 115]. Способствует этому и социальное партнерство между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профсоюзами, представляющее собой один из способов цивилизованного урегулирования возникающих в обществе противоречий.

В последнее время для обозначения устойчивого, жизнеспособного государства употребляется термин «эффективное государство», однако конкретные индикаторы данного социального феномена не указываются. На наш взгляд, к числу основных

индикаторов становления эффективного государства, наряду с социально ориентированной рыночной экономикой, обеспечением национальной безопасности, приоритетным развитием национальной системы образования, науки и культуры, следует отнести социальное партнерство, выступающее в качестве его социальной основы.

В период финансово-экономического кризиса роль социально-трудового партнерства особо возрастает. В условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры у нанимателей может возникнуть стремление свернуть производство, сократить персонал, уменьшить социальные гарантии. Профсоюзы должны защищать интересы наемных работников, не допускать массовых увольнений. Но решать возникшие социально-экономические проблемы надо не путем организации забастовок и митингов, а путем коллективных переговоров, достижения компромиссов. Ведь социально-трудовые конфликты подрывают экономику и социальную сферу страны, отрицательно сказываются на финансовом положении трудящихся и профсоюзов. Система социального партнерства и его механизмы в современных условиях дают возможность решать спорные вопросы за столом переговоров, путем достижения взаимного согласия. Социально-трудовое партнерство играет стабилизирующую роль, способствует устойчивости, социально-экономической и политической стабильности белорусского общества.

Вместе с тем в развитии социального партнерства остается немало проблем, особенно в сфере малого бизнеса. Повышение эффективности системы трипартизма в защите трудовых и иных социально-экономических прав и интересов работников во многом зависит от консолидации усилий, солидарности и единства действий всех субъектов социального партнерства, от способности объективно оценивать ситуацию и принимать не только согласованное, но и квалифицированное решение, от расширения сферы действия коллективных договоров и соглашений, повышения ответственности всех участников социально-партнерских соглашений за выполнение принятых обязательств. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, принятие закона Республики Беларусь о социальном партнерстве (диалоге). Формированию культуры социального диалога способствовало бы преподавание в вузах спецкурса «Основы социального партнерства».

Литература:

1. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – №4. – с. 36.
2. Сборник действующих нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь: 1994-2000. – Минск: Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2001.
3. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений /Федерация профсоюзов Беларуси [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: // http: // www.fpb.by /ru /menu_left /social_part. – Дата доступа: 12.10. 2011.
4. Сорокин, П.А. Голод и идеология общества / П.А. Сорокин // Квинтэссенция. Философский альманах. – М., 1990. – С. 371-413.
5. Жвитиашвили, А.Ш. Россия и Белоруссия: некоторые аспекты сравнения / А.Ш. Жвитиашвили //Россия и современный мир. – 2011. – №2. – С. 110-121.

ЦЕННОСТНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Данилова Е.А.
к.с.н., доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

В последние годы все чаще и чаще перед современными государствами в разных частях земного шара встают вопросы о поиске идентичности и возможности консолидации общества. Исследователи отмечают, что чем многонациональным, поликонфессиональным, многокультурным является население страны, тем сложнее

найти общие принципы консолидации данного социума. В Республике Беларусь проживают не только белорусы (более 80% населения), но и многие другие народности (более 100) являются жителями страны – русские, украинцы, поляки, евреи, армяне, татары, азербайджанцы, цыгане, литовцы, латыши и т.д.

В глобальном пространстве, когда расширяются не только информационные границы, но и социокультурные, что проявляется в постепенной утрате доминирования прежнего уклада жизни, уступая место множественности моделей сосуществования, важно определить общее, найти точки соприкосновения, способные примирить интересы сегментированных групп, одна из которых – молодежь (18-30 лет). Такой консолидирующей основой может выступать ценностная преемственность, поскольку базовые ценности – «основные жизненные смыслы, которыми индивиды, включенные в различные формы социальной активности, руководствуются в своей повседневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения» [2, с. 12].

Механизм включения молодежи в общественную жизнь является необходимым для изучения, поскольку в процессе социализации происходит формирование базовых ценностей, мировоззрения, гражданской позиции, социального статуса личности посредством передачи позитивного социального опыта предшествующих поколений. И от того, воспримет ли молодежь эти жизненные приоритеты или выберет иные, зависит будущее направление развития всего социума.

К важнейшим социальным институтам, регулирующим процессы социальной преемственности, способствующей передаче от поколения к поколению не только материальных, но и духовных ценностей, относится семья. Ее ценность* является доминирующей для белорусов всех возрастов на протяжении почти двух десятилетий. Несмотря на то, что само содержание данного приоритета меняется, статистические данные свидетельствуют о негативных тенденциях в брачно-семейной сфере, сожительство, развод, неполная семья уже стали обычными социальными явлениями в современном обществе, большинство белорусов по-прежнему отмечают высокую значимость любви и верности, понимания и доверия в семье. Моделей семейной жизни существует великое множество, тем не менее, в качестве эталона большинство белорусов рассматривают полную семью, основанную на взаимопомощи и гармоничных отношениях, эмоциональной и материальной поддержке ее членов, общем ведении домашнего хозяйства, взаимной любви и уважении супругов, родителей и детей.

Живя бок о бок с представителями разных этносов на протяжении столетий, белорусы, как правило, характеризуются как трудолюбивые, поэтому не удивительно, что работа всегда занимала лидирующую позицию в иерархии ценностных приоритетов населения Беларуси. Кроме того, для молодежи значимость данной ценности увеличивается, поскольку именно трудовая деятельность позволяет человеку реализовать свой потенциал, раскрыть свои таланты, а также обеспечить определенный материальный достаток. И если в 1990 г. население Беларуси оценивало ценность работы выше, чем молодые люди, то в 2008 г. наблюдается сближение позиций по данному вопросу. В современных социально-экономических условиях на первую позицию в иерархии мотивов выбора места работы молодые люди по-прежнему ставят высокую заработную плату, при этом примерно треть юношей и девушек считает унизительным получать деньги, которые не заработал. Возросла значимость перспективной работы, на которой можно чего-то достичь. Немаловажными, по-прежнему, остаются удобный режим работы и большой

* Рассматриваются данные опросов, проводимых в Беларуси по национальной репрезентативной выборке. Первое исследование осуществлялось в рамках проекта «Исследование мировых ценностей» (The World Values Survey) Институтом социологии НАН Беларуси в 1990 г. Второе и третье социологические исследования – в рамках проекта «Исследование европейских ценностей» (The European Values Study) Центром социологических и политических исследований БГУ в 2000 и 2008 гг. (с участием автора).

отпуск. Современная молодежь постепенно приходит к осознанию того, что они сами строят свою жизнь, свой уровень дохода, и если что-то не получается, то в этом виноваты, прежде всего, они сами.

Религия является еще одним важным институтом социальной преемственности. Тенденция роста ценности религии для всего населения характерна и для молодых людей, однако она не столь значительна. В переходный период, когда люди нуждаются во взаимопонимании, диалоге, психологической защите, религия, выполняя мировоззренческую, регулятивную, компенсаторную, интегрирующую функции, является той силой, которая помогает молодому поколению социализироваться, приобщиться к культурно-историческому миру своих предков, почувствовать свою сопричастность к духовному наследию общества. Следовательно, религия, прежде всего для молодежи является скорее своеобразной культурной традицией, связывающей несколько поколений, выражающейся в духовном единстве людей.

Таким образом, в целом иерархия базовых ценностей является примерно одинаковой для всех возрастных групп, что свидетельствует о преемственном характере базовых ценностей молодежи, но в то же время есть различия в их содержательной наполняемости, открывающей молодому поколению новые ориентации и социальные инновации. Тем не менее, ценностная преемственность как тенденция социального развития общества необходима для его консолидации, способствующей передаче положительных аксиологических приоритетов последующим поколениям.

Литература:
1. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005-2010 гг.) / Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов [и др.]. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2011. – 271 с.
2. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
3. Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
4. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман, А.Н. Данилов [и др.]. – Мн.: БГУ, 2009. – 231 с.

ТЕХНОГЕННЫЕ АВАРИИ НА ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТАХ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Хурс М.Н.
к.с.н., доцент, заведующий отделом социологического обеспечения инновационных программ Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Вся история человеческого развития проникнута системным, постоянным поиском новых, более продуктивных способов организации общественного бытия по всем важнейшим аспектам жизнеобеспечения: производственному, бытовому и социальному, которые, как известно, теснейшим образом взаимообусловлены и взаимозависимы. Важнейшую роль в этом процессе играет технико-технологическое обновление производственной сферы, где эти вопросы сущностно значимы не только для ее развития, но и являются базовым условием достижения целеполагания на перспективу в экономической и социальной. При этом, технико-технологические новшества двойственны по своей природе: с одной стороны, они революционизируют производственную базу общественного развития, способствуют его ускорению: с другой – создают риски весьма серьезных по своим негативным социально-экономическим последствиям, техногенных аварий и катастроф. Наиболее характерным примером справедливости вышесказанного является анализ проблем развития национальных отраслей энергетики и, в особенности, задействования в этом процессе атомной

энергетики. Беларусь в этих вопросах имеет свою, весьма существенную, специфику. С одной стороны – ограниченность собственных энергоресурсов и практически полная монозависимость от их импорта из России. Какие здесь могут возникать проблемы наглядно показала ситуация с их поставкой за последние годы.

С другой стороны, в Беларуси, как ни в одной другой стране мира, ситуация с энергообеспечением осложняется последствиями аварии на ЧАЭС не только в социально-экономическом смысле, но и в плане общественной психологии. Беларусь пострадала от аварии на ЧАЭС больше, чем Украина, Россия и все другие страны вместе взятые, к тому же по этой причине мы не успели завершить строительство атомной электростанции под Минском, вместо которой на ее площадке сегодня работает на порядок менее мощная тепловая электростанция. Для сравнения отметим, что первый блок Запорожской АЭС в Украине был введен в действие еще до аварии, а именно в 1984 году, в первые послечернобыльские годы (до 1989) было построено еще четыре, шестой блок вошел в строй в 1995 году. Сегодня это самая мощная в Европе и третья в мире атомная электростанция с установленной мощностью 6 тыс. МВт, что составляет 3/4 мощностей всей белорусской энергосистемы. Известно, что, несмотря на наличие у части населения западных областей постчернобыльского синдрома, Россия не только не закрыла ни одной из своих действующих АЭС, но и продолжает строить новые, а Украина лишь по настоянию ЕС вывела из эксплуатации первый и второй блоки на ЧАЭС.

Нужно учитывать, что за прошедшие 25 лет после аварии на ЧАЭС, ни на одном из действующих реакторов РМБК (чернобыльского типа) не было никаких отклонений от установленных технических параметров, не говоря уже о поломках и каких-либо авариях. Это косвенным образом подтверждает, что причиной той самой страшной по последствиям катастрофы стали не конструктивные недоработки, а человеческий фактор в процессе их эксплуатации, в том числе и необоснованное и преступно безответственное решение о проведение эксперимента – ненужного и неподготовленного. Об этом не упоминают противники строительства АЭС, и данный факт практически не доведен до абсолютного большинства населения.

Конечно же, чернобыльская авария оказала серьезное воздействие на общественной мнение во всем мире, породила антиатомные настроения – требования закрытия АЭС, прекращения разработок и нового их строительства. Но, в конечном счете, это не вылилось во всеобщие фобии, а превратилось в ходе широких дискуссий в конструктивные решения относительно обеспечения более высокого уровня качества всех компонентов ядерной энергетики, усиление контроля и повышения ответственности разработчиков, строителей и эксплуатационников АЭС. Существенный вклад в негативное восприятие частью нашего населения атомной энергетики внесли отечественные СМИ, переориентировавшие объективную и полную информацию о сути ядерной энергетики на материалы о сугубо негативных последствиях аварии на ЧАЭС.

Авария на японской АЭС «Фукусима-1» также оказала серьезное негативное воздействие на мировое общественное мнение по проблемам использования атомной энергетики и, конечно, не могла остаться незамеченной в Беларуси. Однако, как будет показано дальше, в естественной реакции нашего населения на японскую аварию присутствуют два важных момента. Во-первых, она не привела к радикальному изменению общественного мнения относительно необходимости использования атомной энергетики и строительства АЭС, пересмотру поведенческой мотивации и ценностных ориентаций большинства населения. Во-вторых, простые люди с удивлением, если не сказать больше, восприняли очередную политическую игру в некоторых странах Европы, прежде всего в Германии, где партии «Зеленых» удалось добиться от правительства А. Меркель обещания постепенно отказаться от использования атомной энергетики.

Правда, реальная ситуация в этом вопросе свидетельствует, что, с приходом к власти, они, как правило, забывают свою предвыборную риторику и их позиция отрицания, в том числе и необходимости использования атомной энергетики,

диаметрально изменяется. Вообще, сиюминутные эмоциональные оценки случившегося, поспешные выводы из последних трагических событий на АЭС в Японии неоправданны и опасны. О том сколь неоднозначна эта ситуация можно судить по интервью после аварии на АЭС «Фукусима-1» японского физика-теоретика и писателя Мичио Каку, проживающего ныне в США. Он говорит: «В Америке вообще полстраны получает энергию от старых реакторов. Со времен катастрофы на «Три-майл-Айленде» не было ни одного государственного заказа на разработку нового атомного реактора» [2, 86]. Да, это так, потому что выйдя из Великой депрессии после Второй мировой войны, страна отказалась от «Нового курса» Рузвельта и передала все отрасли народного хозяйства, промышленности, за малым исключением, в руки частных компаний: от авто- и самолетостроения до производства ракет, вооружения и атомных электростанций. Как и в Японии, в США АЭС – собственность частных компаний-операторов. Отсюда следует, что они же и должны разрабатывать новые реакторы, финансируя эту работу из прибыли, получаемой от продажи электроэнергии.

Зато он не сомневается, что «Грядет большая общественная дискуссия относительно того, является ли атомная энергетика лучшим выбором из всех возможных». Дискуссии безусловно полезны, но при непременном условии их конструктивности, основанной на объективных и реалистичных оценках. В размышлениях автора на эту тему обнаруживается ряд существенных противоречий. Так, он дает объективную оценку: «Япония полностью зависит от атомной энергетики», т.е. безусловно признает, что у нее нет иного выбора, ее использование, как и ранее остается безальтернативным. Но на вопрос, какие же у нас есть альтернативы атомной энергетике, он предлагает обратиться к так называемой «темной энергии». Это антигравитационная энергия, которая есть везде. Но, по его же словам, ее очень мало, и наука пока не придумала механизма или способа извлечения энергии из пустоты. Обрадует такой вывод его соотечественников и мировое сообщество или они примут его за очередное прожектерство в духе средневековых алхимиков с их «философским камнем» – ответ очевиден. Пожалуй, это мысли больше писателя-фантаста, а не ученого. «Ну, допустим, продолжает он уже как физик-теоретик, реактор «Фукусимы» был бы новым. Пускай это был бы самый современный реактор в мире. Выдержал бы он землетрясение силой в 9 баллов? Ответ: Скорее всего нет.» Здесь ученый явно не в ладах с логикой или не владеет реальной ситуацией, ведь и реакторы и здание японской АЭС вполне выдержали испытания. И если бы эпицентр землетрясения был на суше и волны пошли бы от берега в океан, все было бы в порядке, – реакторы не пришлось бы даже останавливать. Между тем, М. Каку отмечает: «Цунами вывело из строя подстанцию, пошел перегрев, поползло давление, взорвался газ». Конечно, землетрясения точно предсказывать пока наука не может, но защитить от большой волны подстанции третья экономика мира, для которой цунами столь же обычный фактор, как для Сибири зимние снегопады и морозы, было вполне посильной задачей. Китаец наверное возразил бы ему, сказав: «Постройте вокруг своих АЭС стену, как наша, соответствующей высоты и толщиной 12 метров и никакие цунами ее не свалят». Однако, как показывает практика, никакая частная компания этого делать не будет. Такое сооружение может построить только государство. В этом и состоит коренная причина аварии на японской АЭС. Атомная энергетика здесь ни причем. От того, что терпят крушения поезда, корабли, самолеты, попадают в аварии автомобили, что кухонным ножом и топором совершаются тысячи преступлений, никому не приходит в голову выбросить все это и чем-нибудь заменить. Очевидно, что «выбросить или заменить» означает общественный регресс или путь «назад в пещеру».

Анализ ситуации в мировой атомной энергетике показывает, что абсолютное большинство случаев аварий и катастроф на атомных объектах являются следствием несоблюдения необходимых базовых условий по обеспечению безопасности, как в процессе строительства, так и при их эксплуатации. За примерами далеко ходить не нужно. Сэкономили на строительстве «шахт» безопасности реакторов, пошли на

непросчитанный и безответственный эксперимент – получили катастрофу Чернобыля. Не выполнили рекомендации российских ученых по обеспечению безопасности атомных станций с учетом уроков Чернобыля – получили катастрофу на «Фукусима-1». Думаем, что этих уроков будет человечеству уже достаточно и оно, сделав соответствующие выводы и приняв должные меры, не допустит их повторения.

Практика многократно подтвердила, что снятию синдромов и фобий населения в вопросах использования атомной энергетики способствует надлежащее социологическое обеспечение процесса строительства и эксплуатации АЭС, создание и постоянное совершенствование системы информирования, обеспечивающей его достоверной, полной и объективной информацией о позитивах и негативах ядерной энергетики, причинах и последствиях аварий на ее объектах и принимаемых мерах по их недопущению.

Институт социологии НАН Беларуси по заказу Министерства энергетики, начиная с 2005 года, проводит социологический мониторинг общественного мнения по широкому кругу вопросов, касающихся как удовлетворенности населения работой энергетиков, его оценок достигнутого уровня энергоэффективности и энергобезопасности, так и перспектив развития топливно-энергетического комплекса как основной системообразующей и жизнеобеспечивающей отрасли страны. Как показывает мировая практика, оценка населением эффективности работы национальной энергетической отрасли является своеобразным «барометром» социальной погоды в обществе, во многом определяет степень его доверия к государству. В этом плане, работа руководства отрасли по налаживанию надежной обратной связи с населением, представляется актуальным, необходимым и своевременным шагом.

Начиная с 2008 года центральной проблемой изучения общественного мнения в рамках данного мониторинга, становится выяснение мнений и оценок населения по вопросам использования атомной энергетики и строительству в республике АЭС. Несмотря на зафиксированное результатами исследования 2011 года определенное негативное влияние на общественное мнение по проблеме использования атомной энергетики и строительству АЭС, произошедшей накануне опроса серьезной техногенной аварии на японской АЭС «Фукусима-1», в общественном сознании страны произошли еще более позитивные качественные изменения по данной проблеме: число сторонников ее использовании выросло с 28,3% в 2005 году до 59,4% в 2011; число противников уменьшилось, соответственно, с 46,7 до 24,7%. Большинство населения (66,7%) считает, что со строительством АЭС ситуация в отрасли улучшится, 46,5% уверены, что с ее вводом повысится конкурентоспособность белорусских товаров и услуг.

Вместе с тем, результаты мониторинга свидетельствуют, что в информационном обеспечении процесса использования атомной энергетики по-прежнему существует ряд нерешенных вопросов. Несмотря на возрастающий интерес населения к атомной энергетике, полнота и качество его информирования по этому вопросу существенно отстает от реальных потребностей: 15% респондентов считают, что информация по данной проблеме практически отсутствует; 55,2% – что информация есть, но ее очень мало и только 15,2% из них считают, что информации по данной теме достаточно.

По-прежнему сохраняется отмеченный еще в Отчете о НИР за 2008 год эффект «информационных ножниц», когда смотрят и читают одни источники, а доверяют в большей степени другим.

Результаты мониторинга показывают, что население страны активно поддерживает усилия руководства отрасли по ее инновационному обновлению, принимаемые правительством меры по повышению энергоэффективности, экономии ресурсов, снижению энергоемкости белорусских товаров и услуг, достижению необходимого уровня энергобезопасности и экономической независимости как базового условия суверенитета республики, но мотивация и условия личного участия в этой работе руководителей и специалистов производственной сферы товаров и услуг и различных категорий населения до настоящего времени не изучены. В ходе проведения мониторинга

нашло окончательное подтверждение факта позитивного перелома общественного сознания относительно необходимости использования в республике атомной энергетики. Граждане страны все больше осознают, что постчернобыльская дилемма «радиационная безопасность или АЭС» изначально являлась ложной, и во все возрастающей степени выражают поддержку строительству собственной АЭС.

Весьма сущностным позитивом данного мониторинга является то обстоятельство, что в ходе его проведения отработан эффективный механизм социологического обеспечения процесса развития одной из важнейших системообразующих отраслей страны, который вполне пригоден для его аналогичного использования в практике других жизнеобеспечивающих отраслей, решения региональных проблем, а также, при разработке и реализации государственных социально-экономических программ. Как нам представляется, практическое использование его результатов будет способствовать повышению имиджа социологической науки и ее востребованности практикой.

Литература:
1. Изучить динамику общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и восприятие населением строительства АЭС: отчет о НИР (заключ.) / ГНУ "Ин-т социологии НАН Беларуси"; рук. темы М.Н. Хурс. - Мн., 2011. - № ГР 20112044 от 15.07.2011 г.
2. Российский научно-практический журнал «Большой», июль 2011г., с. 86.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЕВЫМ РАЗВИТИЕМ

Мартищенкова Е.В.
аспирантка Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В современных условиях глобализации и новых вызовов сохранению государственного суверенитета и независимости становится актуальной проблема адекватного ответа им со стороны озабоченных будущим стран. Сутью поиска ответов являются глубокие системные трансформации во всех сферах и, в первую очередь, в жизнеобеспечивающих отраслях. Эти трансформации предметно и глубоко задевают наиболее жизненно важные интересы населения, что выдвигает на первый план необходимость постоянного совершенствования системы управления экономическими и социальными процессами в этих отраслях. В этом плане поиск и выработка все более продуктивных механизмов повышения эффективности своей деятельности становится первоочередной заботой управленцев.

Практика показывает, что одним из наиболее эффективных инструментов совершенствования управления зарекомендовал себя социологический мониторинг общественного мнения по наиболее актуальным проблемам социально-экономического развития.

Его результаты самозначимы, позволяют ранжировать по значимости социальные показатели, отслеживать региональную и по социальным категориям динамику процессов, установить надежную обратную связь с населением. Общественное мнение в плане взаимодействия с властью в различной научной литературе рассматривается как феномен, оказывающий определяющее влияние на все сферы общественного развития. Следовательно, можно сказать, что мера включенности результатов данного мониторинга в практические решения органов государственного управления на различных уровнях является показателем открытости общества, наличия в нем важнейших для граждан прав и свобод, одним из критериев демократичности политического устройства того или иного государства.

В этой связи и в нашей республике существенно возрастают требования общества к системному повышению уровня функционирования государственного управления. В этой

связи еще большую востребованность приобретает – социологическая наука, которая должна стать прочным фундаментом, базовым условием совершенствования управления с учетом новых, все более усложняющихся задач.

Эти задачи предполагают постоянный поиск новых способов их решения. Понятно, что результаты любого, даже разового, социологического исследования значимой проблемы общественного развития или даже ее отдельного аспекта что-то подскажут управленцу, придадут ему больше уверенности при принятии решения. Вместе с тем, практика убедительно доказала, что максимально полезной для решения многих проблем социально-экономического развития государства социологическая наука сможет стать, если будет задействована комплексно, в мониторинговом режиме.

Социологический мониторинг, будучи действенным инструментом социальной диагностики и прогнозирования любой сферы деятельности народного хозяйства, позволяет в заданных пространственных границах и временных интервалах регулярно получать оперативную управленческую информацию. Несомненное преимущество мониторинга заключается в его способности систематически наращивать и интегрировать необходимые данные по широкому кругу стандартных социальных показателей и создавать на этой основе постоянно обновляющиеся информационные банки. Мониторинг представляет собой живую, динамичную, открытую систему, способную к непрерывному обновлению и развитию. Его функциональные возможности обусловлены реальными потребностями информационно-аналитического сопровождения управленческого процесса. Именно этим обстоятельством объясняется возрастающая популярность этого метода в практике социологического анализа.

Подтверждением вышесказанному в полной мере могут послужить результаты проводимого Институтом социологии по заказу Министерства энергетики Республики Беларусь с 2005 года социологического мониторинга процесса развития отрасли. Одной из задач данного мониторинга было изучение динамики отношений населения к ядерной энергетике и строительству в Беларуси собственной АЭС. В 2005 году было выявлено, что сторонниками развития ядерной энергетики в нашей стране являются всего лишь 28,3% опрошенных, а противниками этого – 46,7%. Также была выявлена причинно-следственная связь данной ситуации с объемами и качеством проводимой информационно-разъяснительной работы с населением по проблемам использования атомной энергетики. Реализуя рекомендации по результатам этого исследования руководством и специалистами Минэнерго, СМИ, местными органами власти были предприняты определенные шаги в области совершенствования системы информирования населения по проблемам использования атомной энергетики и строительства в республике АЭС. И как результат, произошло качественное изменение массового сознания и выражающего его общественного мнения по данной проблеме. Число положительных ответов на вопрос, должна ли Беларусь развивать собственную ядерную энергетику, выросло в 2011 году по сравнению с 2005 годом более чем вдвое: с 28,3 до 59,4 %; в то\же время, уменьшилось число отрицательных ответов – с 46,7 до 24,7%, соответственно.

Без учета общественного мнения управленцам сложно правильно оценить эффективность проводимых мероприятий в области хозяйственного, государственного и культурного строительства. Особое значение приобретает задача максимально широкого вовлечения населения в решение проблем социально-экономического развития. Важно безошибочно определить настроение граждан, их действительные потребности.

С помощью социологии можно изучать широкий круг проблем, начиная от исследования ценностных ориентаций и поведенческой мотивации населения, мнения общественности о кандидате на выборную должность и заканчивая опросами населения по поводу эффективности работы народного хозяйства страны, ее отдельных отраслей или конкретной организации.

Существенную пользу управленческой практике приносят так называемые «проблемные исследования». Они рассчитаны на получение ответа на вопрос "почему?".

Исследования этого типа также целесообразно проводить в мониторинговом режиме, поскольку, в большинстве случаев для получения ответов на вопросы «Почему сложилась та или иная ситуация?», «В чем суть и истоки проблемы?», «Какие произошли изменения после принятия каких - либо мер для решения определенной проблемы?» и другое, требуется знание -- динамики социальных процессов.

Практика показывает, что эффективность управления отраслевым развитием обусловлена не только наличием высококвалифицированного кадрового потенциала или материальных ресурсов, но и надежным, системным, оперативным научно-информационным обеспечением процессов управления.

Практическая значимость результатов изучения общественного мнения, заставляют управленцев на всех уровнях уделять внимание их использованию по конкретным аспектам своей деятельности. При этом следует отметить, что в настоящее время в системе управления еще не выработано единых требований и подходов, приемлемых и действенных методов учета результатов социологических исследований. Однако первые и весьма результативные шаги в этом направлении в нашей республике уже сделаны.

Системное использование социологической науки в процессе разработки и принятия решений на различных уровнях государственного управления, в том числе и отраслевого, позволяет максимально исключить возможные ошибки, снизить цену риска, экономические, политические и социальные издержки. Через системную, постоянную и предметную обратную связь корректировать любое социально и экономически значимое управленческое воздействие с целью повышения его эффективности.

Литература:

1. Изучить динамику общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и восприятие населением строительства АЭС: отчет о НИР (заключ.) / ГНУ "Ин-т социологии НАН Беларуси"; рук. темы М.Н. Хурс. - Мн., 2011. - № ГР 20112044 от 15.07.2011 г.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СУБЪЕКТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Смирнов В.Э.

младший научный сотрудник сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Рассуждения о модернизации в России, в частности в рамках Международной конференции «Социальное измерение модернизации», во многом фокусируются на вопросе о субъекте модернизации [2]. К сожалению, подходы к данному вопросу скорее политологичны, чем социологичны. На мой взгляд, чрезвычайно актуален вопрос о возможности модернизации в России (и на всем постсоветском пространстве), поставленный на социологическом языке, так как именно на нем можно говорить о тех социальных силах, которые эту модернизацию могли бы проводить.

Не останавливаясь на классических определениях модернизации, сфокусируемся на деятельном ее аспекте, выраженном в освоении новых социальных практик. Когда миллионы крестьянских детей в 30-40-х годах освоили ролевые модели и соответствующие практики рабочего или инженера на индустриальном предприятии, студента в ВУЗе, а затем научного сотрудника в НИИ, управленца администратора – это была модернизация. Встает вопрос: почему люди бросают свой привычный способ деятельности, привычные роли в рамках традиционных социальных институтов и начинают проигрывать другие роли, начинают действовать иначе в рамках других, новых социальных институтов? Ведь люди в массе своей вовсе не любят осваивать новые социальные модели, новые практики, ибо в отличие от старых, привычных, новые, как правило, далеко не отлажены. Системы взаимных ожиданий не согласованы, что приводит к постоянным эксцессам, непониманию и проблемам. Нормальная система

взаимосвязанных норм и ролей, которая воплощается в социальном институте, основана на удовлетворении взаимных ожиданий – это как танец, где участвуют несколько человек. Каждый знает, что в следующий момент сделают его партнеры по танцу, и, соответственно, планирует свои па. В результате они не сталкиваются, не оттаптывают друг другу ноги, а, наоборот, в нужный момент оказываются именно в той позиции относительно других танцоров, в которой надо. Со стороны это красиво – люди танцуют. Но вот заставь тех же танцоров танцевать неизвестный им танец, кратко описанный парой слов, и результат будет несколько иной – оттоптанные ноги и синяки на боках. И это будет до тех пор, пока со временем новый танец не будет освоен, действия танцоров не согласуются и все опять не пойдет гладко.

В жизни это выглядит куда серьезней. Новые рыночные социальные практики, которые осваивались в 90-е, вместо синяков и оттоптанных ног приносили по дюжине трупов за ночь. Целые аллейки неудачливых танцоров демонстрируют нам особенности процессов попытки модернизации на городских кладбищах. А сколько людей остались живы, но потеряли здоровье, имущество, жилье, семью и место в жизни?

Это – первая причина, по которой люди вовсе не желают «модернизироваться». Слишком рискованное и неприятное дело. Даже более неприятное, чем рискованное, ибо очень неприятно действовать в системе, в которой ты не знаешь, чего ожидать от любого твоего действия и реакции других: или комплиментарной, или наоборот, враждебной и агрессивной.

Вторая же причина заключается в том, что осваивать новые практики попросту очень тяжело. Ребенок и подросток социализируется (т.е. осваивает роли, нормы, ценности и практики) как бы само собой, сравнительно легко, ибо пишет он строки почти на «tabula rasa». Куда тяжелее взрослому человеку, у которого любая новая запись накладывается на уже исписанную книгу.

Итак, по вполне понятным причинам психически здоровые люди не желают модернизироваться, не желают осваивать новые социальные практики. Однако ведь осваивают, стараются, получают синяки и шишки, но осваивают. Так почему они это делают?

Отвечая на этот вопрос отечественные либералы-романтики поэтично излагают идеи об особых людях, настроенных на модернизацию, которым «свойственен оптимизм, склонность к новому, доступность к обновлению, к использованию новых социальных практик» [3], или, как иногда пишут, это те, кто в состоянии осваивать новые социальные практики. Осваивать могут только а) самостоятельные, б) образованные, подготовленные, «включенные в контекст» люди».

Эти рассуждения о «людях, желающих странного», самостоятельных и образованных вполне в духе интеллигентской мифологии ab incunabulis (от колыбели, с самого начала).

Интеллигентных романтиков остается только пожалеть, ибо история модернизаций, раз за разом демонстрирует полную несостоятельность подобных мечтаний. Эти самостоятельные, свободные и образованные интеллигенты при каждой модернизации превращаются в перегной под ногами тех, кто на самом деле смог успешно социализироваться в новых условиях, как превратились в перегной те массы технической и гуманитарной интеллигенции, что заполняли стадионы в конце 80-х, со слезами на глазах слушая юмористов и сатириков, обсмеивающих существующие в то время образ жизни и общественный строй.

Но вернемся к вопросу, почему все же модернизации происходят, почему люди берутся за освоение новых социальных практик? Только ответив на этот вопрос мы сможем говорить о субъекте модернизации (если она вообще возможна).

Зададимся вопросом, к чему стремятся люди в процессе своей социальной деятельности? Именно социальной, ибо понятно, что есть базовые нужды вроде не умереть с голоду и не замерзнуть зимой, но сейчас не об этом.

Люди стремятся к тому, чтобы поднять свой статус в рамках того или иного социального института, а то, как правило, и многих. Человек всегда участвует, или, вернее сказать, исполняет роли во множестве социальных институтов, ибо любая социально-упорядоченная деятельность есть социальный институт (формальный или неформальный). Во всех этих институтах он имеет тот или иной статус. В значимых для человека институтах (видах деятельности) он пытается всемерно поднимать свой статус.

Однако статусы в разных институтах далеко неравнозначны в общественном мнении, и только общественная система ценностей им выставляет рейтинг, что сказывается и на вознаграждении. Например, возьмем два вида деятельности и два института. Военная авиация и деятельность – пилот истребителя, или система бухгалтерского учета и обслуживания и деятельность – бухгалтер. И в той и в другой человек может добиться высоких статусов. Стать ассом, первоклассным пилотом из первой десятки или стать главбухом крупного предприятия, а то и финансовым директором. В советские времена общественная система ценностей скорее поставила бы выше нашего суперасса, а не затрапезного главбуха. Сегодня система ценностей изменилась, и куда нашему ассу до главбуха (фин. директора) какой-нибудь крупной столичной корпорации.

Но вернемся к модернизации и ее субъектам. Представим себе человека, который в рамках некоего института исполняет определенную роль, и исполняет качественно, выкладывается, как говорят, по полной, но высокого статуса не достигает, а даже если и достигает, то этот статус высок именно в рамках этого института, а с точки зрения общественной оценки – так себе! Тот же пилот-асс, который жилы рвал, учился, совершенствовал мастерство, а толку? Ни формального признания в виде всеобщего уважения и почтения, ни материального поощрения, сравнимого с тем, что получает тот же главбух. Та же проблема у обычного рабочего, который добился высокой классности, не пьяница, а все равно в общественном мнении нелепый «совковый лузер», не вписавшийся в новую рыночную экономику.

Так вот, на мой взгляд, только эти люди и могут быть субъектами модернизации. Если им предложить новые практики, новые ролевые модели, которые позволят им решительно поднять свой статус, новую систему ценностей, в которой уже достигнутые статусы в рамках конкретных институтов приобретут более высокое значение в системе общественных рейтингов, то эти люди пойдут на риски и труд. А отсюда следствие: элиты, а именно те, кто преуспел в рамках существующей системы, ни на какую модернизацию не пойдут. Она им не интересна, ибо они в рамках уже существующих институтов и своих ролей добились высоких статусов и «всякие» модернизации могут только пошатнуть их положение. Впрочем, и тут есть исключение. Элитные группировки, положение которых находится под угрозой, могут быть заинтересованы в изменениях, чтобы, как минимум, сохранить свой статус.

Нужно заметить, что речь идет не об отдельных людях, а о социальных группах и классах, которым ничего «не светит» при существующем социальном порядке. Это не только рабочие, но мелкие и средние предприниматели, которым в новой системе в принципе нет места там, где идет «большой распил». Это ученые, учителя, военные. В общем, казалось бы, база для модернизации у нас огромна, и модернизация должна была начаться еще вчера. Так в чем же дело?

Дело в том, что новые социальные практики должны быть предложены. И эти практики должны быть реальны, то есть исполнение новых ролей реально должно вознаграждаться повышением статуса. А вот таких новых практик никто не предлагает.

Предложить могут определенные элитные группировки, которые либо также не удовлетворены имеющимся статусом, либо статус которых находится под угрозой. Это - модернизация сверху. Например, можно припомнить эпоху Петра Великого. Высшая аристократия была вполне довольна своим статусом. Недоволен им был сам царь, ибо статусом он мерялся с другими владыками, и статус этот оказался низковат. Царь нашел

субъекта модернизации, а именно массу нетитулованного поместного дворянства (проблемы которого так и не были решены в достаточной степени в послесмутные времена), предложил этому социальному слою новые практики и новые пути к статусному росту с соответствующим вознаграждением.

Таким образом, новые социальные практики осваивают те, кому с одной стороны, существующие ролевые модели (существующие практики) не позволяют достичь общественно признанных легитимных целей, а с другой, кому предложены новые ролевые модели, которые как раз позволят достигать этих целей. Более того, они должны быть предложены не в виде благих призывов, а в виде реально вознаграждаемого поведения. Сколько бы ни внушали, как хорошо не брать откаты и не давать взятки, если реально такое поведение не ведет к росту статуса в процессе нового ролевого поведения, если нет вознаграждения – новая практика не утвердится. И речь идет не об отдельных гражданах, «людях долгого взгляда», «энтузиастов», коих у нас, по мнению ректора Высшей школы экономики Я. Кузьминова, всего 6%, или «свободно мыслящих», «готовых к инновациям потребителей модернизации», как полагает И.Задорин [1]. Речь идет о социальных группах и слоях, поставленных в условия, когда только посредством новых социальных практик у них появляется возможность повышать свои статусные позиции, ибо существующая система социальной практики не оставляет им шансов.

Поэтому главная проблема, – вопрос о том, кто сформирует посыл, сформулирует новые практики, ролевые модели и предложит их массам, т.е. вопрос об инициаторе модернизации. Говорить о модернизации можно много и красиво, но беда в том, что в основном элиты в России на сегодняшний день полностью удовлетворены наличной структурой господствующих ценностей, институтов и ролевых моделей. Они достигли своего высокого статуса именно в рамках существующей структуры, и внедрение новых социальных практик может лишь поколебать их социальное положение. Так что можно согласиться с В. Ивантером, что «забалтывание» модернизации – вполне реальная перспектива сегодня [4]. Однако высокий статус этой проблематики уже продолжительное время сигнализирует о том, что все же существуют элитные группировки, заинтересованные в модернизационных изменениях.

И тут условием является разрешение еще более сложной проблемы, а именно наличия в обществе общепризнанных целей и ценностей. А есть ли они у нас? Есть ли, например, в России общественный консенсус – «к чему стремиться по жизни», если приличная часть населения в принципе отчуждена от возможностей не то что повышать статус в новой постсоветской системе координат, но даже попросту действовать в этом направлении. Они – либо носители старой советской системы ценностей и целей, либо находятся в состоянии аномии. Следствием этого становится то, что любые новые социальные практики, предлагающие им рост в чуждой им системе статусов, к чуждым им целям и ценностям, не будут восприниматься. И другой аспект. Возможно ли в рамках современной постсоветской системы координат вообще предложить модернизационные практики? Ибо не всякие новые практики, не всякие новые ролевые модели можно назвать модернизационным. Не будут ли новые ролевые модели, еще лучше вознаграждаемые в рамках существующих институтов и системы целей и ценностей еще более разрушительными для социума, т.е. антимодернизационными. Может ли социальная система, построенная на «большом хапке» 90-х с соответствующими ценностями, нормами и господствующими практиками предложить новые, модернизационные модели социального поведения, не отказавшись от самой своей сути, от того, что и составляет сегодня «Новую» Россию? Это сомнительно.

Литература:

1. Модернизация в социзмерении // Информационный сайт «Актуальные комментарии» [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://actualcomment.ru/theme/1511/. – Дата доступа: 02.11.2011.

2. Гаман-Голутвина, О. Надо определить субъекты модернизации / О. Гаман-Голутвина // Единая Россия. Официальный сайт партии [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://old.er.ru/text.shtml?15/8584,110315. – Дата доступа: 02.11.2011.
3. Задорин, И. Модернизация невозможна без приобретателей нового / И. Задорин // Единая Россия. Официальный сайт партии [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://90.156.137.32/text.shtml?15/8626,110315. – Дата доступа: 02.11.2011.
4. Ивантер, В.В. Нет сумасшедших, вкладывающих деньги в падающее производство / В.В. Ивантер // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.ecfor.ru/index.php?pid=interview/20110125. – Дата доступа: 02.11.2011.

КОММУНИКАЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ – ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Мельник Н.Н.
аспирантка кафедры социологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Увеличение информационной нагрузки, размывание пространства во всемирной паутине, новые тенденции в управлении выдвигают на первый план такие приоритеты социальной реальности как коммуникация и креативность. Данные приоритеты включены в социальную реальность белорусского общества. Приоритеты современного белорусского общества – коммуникация и креативность – раскрываются в современных теориях социального действия: в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и в теории креативности действия Х. Йоаса.

Понятие коммуникации у Ю. Хабермаса описывается как процесс решения, основной целью которого является поиск согласия, компромисса для предстоящего действия. При этом трактовка действия, его мотивации Ю. Хабермас связывает с понятием системы. Данное понятие системы строится на идеях Т. Парсонса. Понятие системы помогает, по утверждению Ю. Хабермаса, в анализе и трактовке функционирования социальных систем и организаций, состоящих из группы индивидов. Однако, Ю. Хабермас приходит к выводу, что действие индивида не тождественно действию группы индивидов. Кроме этого, Ю. Хабермас разрабатывает понятие «интеракция». «Под «интеракцией», или «взаимодействием» понимались разные способы совместной деятельности людей, основанной на различных видах коммуникативных связей» [1].

Анализ процесса коммуникации у Ю. Хабермаса ведется в тесной взаимосвязи с анализом парадигмы языка. Тем самым, он раздвигает категориальные рамки и нормативные основания своей социальной теории, превращая ее в общую теорию коммуникативного действия. «Если мы допускаем, что человеческая общность сохраняет себя посредством социально координированной активности ее членов, и что эта координация устанавливается благодаря коммуникации (а в определенных сферах жизни благодаря коммуникации, направленной на достижение согласия), то воспроизводство общности также требует удовлетворения условиям рациональности, присущей коммуникативному действию» [2, с. 397].

В концепции Ю. Хабермаса коммуникативная модель действия не равна простой коммуникации. В этом ключе язык представляет собой средство коммуникации для взаимного понимания. При этом акторы, преследующие свои цели, координируют свои действия и достигают понимания друг с другом в процессе коммуникации. «Концепции социального действия различаются по тому, как они определяют эту координацию целеориентированных действий различных участников: как взаимосвязь эгоцентрических вычислений полезности, как социально интегрирующегося консенсуса по поводу норм и ценностей, усвоенных благодаря культурной традиции и социализации, или как достижение понимания в ходе процесса согласования интерпретации» [2, с. 101]. Акты

достижения понимания между акторами и координация их действий не исчерпывают рамки самого коммуникативного действия. Коммуникативное действие включает достижение понимания, координацию совместных действий, но также включает еще целый спектр процессов, основанных на коммуникации.

«Современное общество не избавлено от необходимости решать практические задачи» [1]. На это направлено и белорусское общество. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса может применяться в сфере управления. «Главные усилия должны быть направлены на то, чтобы восстановить утрачивающие свое значение демократические процессы обсуждения практических вопросов, – в этом смысле можно говорить о необходимости политизации масс, о направлении их сознания к системе отношений коммуникативного действия» [1].

Теория коммуникативного действия и трактовка понятия коммуникации Ю. Хабермаса позволяет применять его наработки в сфере управления. Позиция Х. Йоаса представляется сходной. Х. Йоас, немец по происхождению ныне профессор Фрайбургского и Чикагского университетов, привносит в немецкую социологию идеи американского прагматизма с духом демократического подхода к действиям индивидов.

Создавая свою теорию, Х. Йоас ставит перед собой несколько задач. Прежде всего, он пытается «понять человеческие действия в их креативности» [3, с. 112]. При этом он задается вопросом не только о частном действии индивида, но и об исторических общностях, к которым применим термин «креативность». Понятие креативности распространяется им на сферы науки, истории. Второй важной задачей для него является выяснение возможности понимания общества (социальной реальности) сквозь призму понятия креативности действия.

Описание того, как индивид действует, как создает, и какова роль креативности в его повседневной жизни дают возможность объяснить изменения социальной реальности. Более детальное изучение понятия креативности может способствовать поиску новых решений в стимулировании труда индивидов и применению данной теории в сфере управления.

Теория креативности действия Х. Йоаса, сложилась под идейным влиянием понятия «действие», разработанного в американском прагматизме «конца XIX – начала XX столетия, – Уильямом Джеймсом, Джоном Дьюи, Джорджем Гербертом Мидом и др.» [3, с. 112]. Демократичность идей У. Джеймса, Дж. Дьюи, Дж. Г. Мида – вот главное, что привлекает Х. Йоаса в их трактовках.

В теории креативности действия Х. Йоаса субъект действия ставится в заданные извне условия, при которых он должен произвести нетипичное и нешаблонное действие для выхода из данных условий, а попросту найти нетривиальное решение поставленного перед ним вопроса.

При этом Х. Йоас разрабатывает концепцию ситуационной креативности, согласно которой творческое действие разворачивается в случайной, эмерджентно возникающей ситуации. Х. Йоас утверждает, что недостаточно отмечать только лишь зависимость человеческого действия от случайностей ситуации, необходимо учитывать, что ситуация конституирует действие. Учет контекстуальной закрепленности действия и детерминации его ситуацией позволяют ему утверждать, что деятели являются изобретателями новых возможностей мысли и действия.

Таким образом, Х. Йоас на идеях, почерпнутых из немецкой традиции и привнесенных им идеях из американского прагматизма, выстраивает свою теорию креативности действия, которая позволяет перейти от трактовки сугубо индивидуальных действий индивида к анализу социальной реальности, возникающей на основе этих действий. Вопрос о креативности определяется, как возможность решать возникающие извне проблемы и тем самым находить выход из любой ситуации с помощью своих способностей.

В рамках теории креативности действия могут быть описаны не только форс-мажорные обстоятельства, но и повседневная деятельность среднестатистического индивида, который решает задачу своей жизни каждый час, день, год. Значимость теории Х. Йоаса определяется еще и тем, что при жизни автора она включена в немецкую традицию и «получила дальнейшее развитие в теории реляционной прагматики М. Эмирбайера и Э. Мише» [4].

Литература:

1. Фарман, Т. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / Т. Фарман // 2004. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/farman_socialno/02.aspx. – Дата доступа: 23.11.2010.

2. Habermas, J. Theory of communicative action: 2 V. / J. Habermas. – Boston: Beacon Press, 1984. – Volume 1: Reason and the rationalization of society. – 466 p.

3. Йоас, Х. Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире / Х. Йоас // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 112–122.

4. Пенькова, М.Р. Проблема креативности социального действия в современной социологической теории / М.Р. Пенькова // Россия и социальные изменения в современном мире. Сборник статей аспирантов, Ломоносовские чтения 2004, Т. 1. – Режим доступа: http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4------0-0l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-10&a=d&c=lomon&cl=CL1&d=HASH936463c7ece8e05186d09a.1.12. – Дата доступа: 23.11.2010.

РАЗДЕЛ 3.
СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

20 ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ» ВЫЗОВЫ И ПОИСК АДЕКВАТНЫХ «ОТВЕТОВ» НА НИХ

Шахаман З.Б.
к.и.н., доцент, декан факультета заочного обучения Костанайского государственного педагогического института (Костанай, Казахстан)

В 2011 г. Казахстан, как и Беларусь, празднует 20 лет своей независимости, продолжая традиции государственности. Истоки ее восходят еще к XV в. – времени образования Казахского ханства и правления ханов Жанибека и Керея. По территории республика входит в «десятку» крупнейших государств мира, богата полиметаллами, имеет залежи нефти и запасы черной икры, полностью обеспечивает себя зерном и производит на экспорт наиболее ценные твердые сорта пшеницы. Внешнеполитические успехи Казахстана несомненны, об этом свидетельствует события даже последних двух лет: председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 г., председательство в ОИК в 2011 г., проведение в республике VII зимних Азиатских игр в январе 2011 г., VII экономического форума исламских стран в июне 2011 г., I Саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств в октябре 2011 г. Как было провозглашено на саммите тюркоязычных стран в Стамбуле, Казахстан в 2012 г. станет столицей тюркского мира. IV Съезд лидеров мировых и традиционных религий планируется провести так же в Астане 30-31 мая 2012г.

Конечно, эти успехи могли быть достигнуты только в условиях внутриполитической стабильности казахстанского общества, улучшении качества жизни населения, обретшего большую уверенность в настоящем и завтрашнем дне. Президент РК Нурсултан Назарбаев отметил в своем выступлении на IV курултае казахов в Астане, что ВВП на душу населения с 700 долларов в 1994 г. вырос до 9000 долларов в 2010 г, то есть в 12 раз [1]. Но этому предшествовал период разрухи, стагнации, дезориентации общества. Развал СССР, изменение статуса Казахстана, экономический кризис 1990-х годов, современная ситуация четко обозначили новые «вызовы» эпохи. К ним, на наш взгляд, относятся:

1. необходимость бескровной смены элит в условиях общества с неизжитыми трайбалистскими традициями (партократийная геронтологическая элита должна была уступить место новым молодым элитам – политическим и экономическим);
2. изменение социальной структуры общества, падение уровня жизни людей, необходимость формирования «среднего класса» как несущей конструкции нового общества и преодоления негативных последствий рурализации;
3. изменение общественного сознания вследствие краха прежних идеологических ценностей, самого понятия «советский народ» поставило задачу поиска и официального утверждения консолидирующей многонациональное общество идеи;
4. изменение демографического потенциала Казахстана (вследствие миграционной убыли в 1990-е гг.) и этнодемографической структуры населения в сторону увеличения представителей тюркских групп (вследствие их высокой рождаемости, а так же миграционной прибыли за счет казахов-репатриантов), повлекло за собой изменение языковой ситуации и острую потребность в школах с казахским языком обучения; нужна была реформа образования;
5. проблема резких различий уровня жизни населения по регионам и в разрезе «село-город», социальные противоречия и конфликты, остро поставившие вопрос о необходимости выработки новой модели социальной политики и защиты рабочих-казахстанцев от произвола иностранных компаний;

6. проблема возрождения и развития национальной культуры как условия устойчивого развития в реалиях сильной позиции русского языка и основанного на нем пласта культуры и коммуникации как наследия миграционной и языковой политики советского руководства;

7. поддержание мира и согласия в поликонфессиональном обществе в условиях наступления религиозного радикализма и экстремизма;

8. требует своего срочного осмысления феномен участившихся в последние годы суицидов в среде детей и подростков (в 2009 г. число суицидов среди детей 15-17 лет составляло – 24,5 на 100 тыс. соответствующего населения [3]).

Ключевой проблемой переходного периода являлось объективное ухудшение экономической и социальной ситуации во время начального периода преобразований. В условиях абсолютного спада производства и пустой казны модель социально-ориентированного государства была нереальной. Экономические реформы были жесткими, социальные последствия – тяжелыми. Это обусловило депрессивные настроения общества, поставленного перед фактом жить «по законам джунглей» и тоскующего по социалистической «уверенности в завтрашнем дне».

Президент Нурсултан Назарбаев находится у руля власти с 1989 г. и является архитектором всех реформ. За этот период в Казахстане друг друга сменили восемь премьер-министров (чаще менялись только министры образования) – Серик Караманов, Сергей Терещенко, Акежан Кажегельдин, Касымжомарт Токаев, Нурлан Балгимбаев, Имангали Тасмагамбетов, Даниал Ахметов, сейчас Карим Масимов. У каждого из них была своя задача. Только с 1992 г. начали формироваться Золотой и Алмазный фонд молодой республики.

Заслугой Нурсултана Назарбаева является то, что после распада СССР он смог обеспечить бескровную смену элит в многонациональном казахстанском обществе, в то же время удачно избежав подогреваемых в то время сепаратистских настроений на Севере республики, где абсолютное большинство на рубеже 1980-1990-х гг. составляли славяне. Ему удалось из молодого партийного функционера 1980-х гг. вырасти в реального лидера нации. Младоказахи из его окружения оказались в массе своей молодыми людьми с прекрасным европейским образованием и, нередко, из интернациональных семей.

Поиск консолидирующей многонациональное общество идеи был вопросом крайне актуальным в эпоху краха прежней идеологии. Единой религии не существовало, выход был найден в трудах евразийцев. Впервые о необходимости евразийской консолидации Н.Назарбаев заговорил в 1994г. на встрече со студентами МГУ, в последующие годы он приложил конкретные усилия для формирования Таможенного союза и ЕврАзЭС. И как следующий этап развития идеи – новый проект – Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана, которое начнет свое существование с января 2012 г. стартует. Как заявил российский премьер-министр Владимир Путин: «Мы не останавливаемся на этом и ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции - к Евразийскому союзу» [2].

Справедливости ради следует отметить, что практически на все «вызовы» правительство попыталось дать адекватные ответы. Были проведены и продолжаются реформы экономики, образования, здравоохранения, пенсионная реформа, разработаны поэтапные государственные программы по сохранению и популяризации историко-культурного наследия, регионального развития, миграционная политика превратила Казахстан в государство-рецепиент. С 1991 г. в Казахстан переселилось более 200 тысяч семей оралманов (казахов-репатриантов), за счет чего численность казахов в республике увеличилась почти на миллион человек [3]. Это внушительная цифра, если учесть, что численность населения Казахстана по Переписи 2009 г. составила немногим более 16 млн. человек, а численность казахов – чуть более 10 млн. человек [4]. Так исторически сложилось, что треть казахов проживала как ирридента, диаспора или просто дисперсно за пределами исторической родины, и сегодня каждый десятый казах в Республике

Казахстан – репатриант. Улучшилась ситуация с рождаемостью, теперь другая проблема – в достаточной мере обеспечить имеющийся контингент детей детскими дошкольными учреждениями и школами. Охват детей дошкольными учреждениями сегодня пока, к сожалению, ниже, чем 20 лет назад.

Все государственные программы, реализуемые с тем или иным успехом в последние годы, опираются не в последнюю очередь и на результаты прикладных социологических исследований. Социологи часто сетуют, что социология вместо того, чтобы выходить на новый методологический уровень, обновлять инструментарий продолжает выполнять обслуживающие функции, давая относительно надежные прогнозы лишь в узких (отраслевых и региональных) рамках и в краткосрочные периоды [5].

На I конгрессе социологов Казахстана в 2002 г. отмечалось, что после распада СССР социологи Казахстана лишились таких институциональных образований, как Институт социологии, специализированный журнал, факультет социологии и др. Появившийся в системе НАН Казахстана Институт социологии и политологии вскоре по финансовым причинам был закрыт. Но, тем не менее, даже тогда социологические исследования в стране проводили около двух десятков социологических служб и подразделений (не считая региональных). Это Институт философии и политологии МОН РК, Агентство социальных и маркетинговых исследований «Бриф Центральная Азия», Казахстанский институт социально-экономической информации и прогнозирования, Департамент внутренней политики МКИОС, Центр социологических и маркетинговых исследований «Bisam Central Asia», Казахстанский институт стратегических исследований, ЦЕССИ – Казахстан, Экспертный институт «Логос», КОМКОН-2 Евразия, Центр изучения общественного мнения, Институт социальных исследований и другие. [6]. На конгрессе оформилась Ассоциация социологов Казахстана, приняты были Устав и Программа действий ассоциации. Президентом ассоциации стал д.с.н. Марат Тажин – политический тяжеловес (в настоящее время Секретарь Совета безопасности, в разное время был советником президента РК, председателем Комитета национальной безопасности РК).

В 2002 г. была создана Казахстанская ассоциация профессиональных исследователей общественного мнения и рынка (КАПИОР), в которую входят BISAM Central Asia (создана в 1997 г.), BRIF research group (Агентство социальных и маркетинговых исследований БРИФ, создано в 1991 г.), Центр Изучения Общественного Мнения (ЦИОМ, с 1988 г.), Sange research center (Центр исследований Сандж, с 1993 г.), LSA System (с 2005 г.). Наряду с этим объединением социсследования проводит Ассоциация социологов и политологов (АСиП, с 1995 г.), исследовательское агентство Даму (с 2005 г.) и др.

Справедливости ради следует отметить, что Ассоциация социологов является наиболее активной и эффективной среди казахстанских обществоведов. Проводился мониторинг межнациональных отношений, социального самочувствия, общественных настроений ценностных ориентиров различных групп населения, гражданской идентичности, жизненного уровня граждан, религиозной обстановки и т.д. Сами социологи признают, что «по масштабам и оборотам индустрии маркетинговых и прикладных исследований Казахстан занимает 3 место после России и Украины» [7]. Однако в то же время профессиональные социологи весьма строги к себе и своей профессиональной деятельности. Например, в ходе экспертной оценки состояния социологии в Казахстане, инициированного ОФ «Центр этнополитических и гуманитарных исследований» (Президент Газиз Телебаев), проведенном весной 2008г. по электронной почте, выяснилось следующее. Из 35 экспертов – руководителей и сотрудников известных в Казахстане социологических фирм, маркетинговых центров, преподавателей ведущих вузов – чуть более половины оценили уровень развития социологии в Казахстане на «3» балла (по пятибалльной шкале). Особенно критично были настроены руководители социологических фирм: 62,5% из них поставили оценки «1» и

«2». А вот руководители и сотрудники маркетинговых агентств (83,3%) и преподаватели социологии в вузах (66,3%) больший акцент сделали на оценке «3». Никто не выставил «5» баллов.

Эксперты назвали 5 серьезных проблем, мешающих развитию социологии в республике: отсутствие высококвалифицированных специалистов по разным отраслям теоретической и практической социологии (отметили 22%); отсутствие институциональных условий развития (16%); низкий уровень выпускников социологического профиля, их нежелание работать по специальности (15%); узость казахстанского рынка социологических услуг (15%); разобщенность социологических служб и институтов (12%) [8].

Как правило, проведение социсследований инициирует заказчик, и результат зачастую не лишен субъективизма в пользу ожидаемых результатов. Направленность исследований зависит во многом и от политической конъюнктуры. Слоганы и стратегические ориентиры сегодняшнего дня в свете ежегодных Посланий Президента народу Казахстана – «глобализация», «умная экономика», «научно-инновационное развитие», «социальная модернизация», «региональная интеграция», «толерантность и межнациональное и межконфессиональное согласие». В этом направлении и продвигаются прикладные социологические исследования в Казахстане. Актуальная проблема социальной модернизации была обсуждена на IV конгрессе социологов Казахстана, который состоялся в июне 2011г. в Астане. В работе конгресса участвовали так же специалисты из Беларуси, Кыргызстана, России, Турции, Украины.

В рамках конгресса прошел Форум молодых социологов и Ассоциация социологов Казахстана вручила ежегодные премии наиболее одаренным студентам вузов, обучающимся по специальности «Социология».

В своем докладе на данном конгрессе Президент «Bisam Central Asia»* Леонид Гуревич отметил, что в условиях, когда в мировом социологическом сообществе настойчиво заговорили о «мультимодернизме» и начата невиданная тотальная теоретико-методологическая ревизия, сопровождаемая беспрецедентной критикой универсализма и европоцентризма социологических теорий, перед казахстанской социологией появился шанс «вырваться из рамок провинциализма, локальной и функциональной ограниченности» [9]. И в качестве конкурентных ниш национальной школы теоретической и прикладной социологии Л. Гуревич указывает 3 направления: проверка на местном материале адекватности социологических теорий и инструментов; определение глобальной или ареальной значимости локальных явлений; систематические региональные и страновые сравнения.

В качестве «огромной научной целины» в докладе названа была проблема изучения неформальных отношений как социального механизма, имеющий тот или иной уровень региональной или страновой типизации, и отмечалось, что уникальная модель межэтнических отношений в Казахстане так же могла бы быть инициирована отечественными учеными как объект для изучения в контексте обогащения и критики социальных теорий. Но с оговоркой – речь идет не просто об изучении опыта, а более глубоком проникновении в суть явления с выходом на социологическую типизацию.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что теоретико-методологические поиски подталкивают казахстанскую социологию «высвободиться» из догматизированных учений, имевшая место тенденция отказа от социокультурных достижений прежнего сходит на нет, наблюдается восстановление основ для нового этапа социокультурного развития, на основе прикладных социологических исследований

* BISAM Central Asia - это одна из крупнейших в Казахстане исследовательских организаций с полным спектром услуг. Компания BISAM Central Asia была создана группой опытных казахстанских исследователей совместно с известной турецкой исследовательской компанией Bilesim International в феврале 1997 года. В сентябре 2001 года перешла в статус казахстанского предприятия и приняла название BISAM Central Asia. Подробнее на сайте: http://www.bisam.kz

находятся более или менее адекватные ответы на новые «вызовы» эпохи. В целом, Казахстан, как постсоветское государство, в настоящее время имеет шанс на основе возрождающейся экономики и национального культурного наследия предоставить своим гражданам все достижения мировой цивилизации.

Литература:
1. Выступление Президента Республики казахстан Н.А. Назарбаева на IV курултае казахов в Астане (на каз.яз.). 25.05.2011ж. - http://www.akorda.kz/kz/speeches/summit_conference_sittings_meetings/vystuplenie_prezidenta_respubliki_kazahstan_nanazarba
2. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня. – Известия. – 3 октября 2011.
3. Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Казакстан» на 2011 – 2015 годы, утвержденная Указом президента РК от 29.11.2010 № 1113. – с. 25.
4. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник /Под ред. А.Смаилова/ Астана, 2010 - 297 с.
5. Гуревич Л. Способна ли казахстанская социология выйти за рамки провинциальной эмпирики? (Доклад на IV конгрессе социологов Казахстана) http://www.bisam.kz/articles/empirika.html
6. Телебаев Г. Первый конгресс социологов. Казахстана. - http://www.kitaphana.kz/ru/downloads/referats/179-sociologia/1722-pervyi-kongress-sociologov-kazahstana.html
7. Гуревич Л. Способна ли казахстанская социология выйти за рамки провинциальной эмпирики? Доклад на IV конгрессе социологов Казахстана) http://www.bisam.kz/articles/empirika.html
8. О развитии социологии в Казахстане:мнение экспертов (экспертное исследование). http://kazsocium.kz/?p=368 23.06.2010
9. Гуревич Л. Способна ли казахстанская социология выйти за рамки провинциальной эмпирики? Доклад на IV конгрессе социологов Казахстана) http://www.bisam.kz/articles/empirika.html

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Урбан М.М.
к.с.н., доцент кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)
Кирилюк И.П.
научный сотрудник Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Стремительно меняющиеся условия существования в мире вынуждают государства быть готовым к современным вызовам и угрозам. Политика макевиаллизма «разделяй и властвуй» со стороны сил, претендующих на мировое господство, принимает беспрецедентные формы военного вмешательства в дела суверенных государств и расправы с неугодными режимами, грубо попирая нормы права и морали.

В этой связи разработка объединительных стратегий и мобилизация всех возможных интеграционных ресурсов встает перед государством в качестве актуальнейшей научно-практической задачи как на межгосударственном (практикуемый Европейский союз), так и внутригосударственном уровне (приумножение социального капитала). Именно совокупный социальный капитал призван стать мощным объединительным ресурсом, способным противостоять разрушительным тенденциям, обеспечить мир, стабильность, консолидацию и жизнеспособность социума.

Социальный капитал – средство достижения групповой солидарности. К этому общему выводу о природе и сущности социального капитала приводит компаративный анализ его концепций, разработанный в социологическом дискурсе такими известными учеными, как П. Бурдье, Дж. Големан, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, несмотря на несходство, а порой и противоречие методологических подходов и отсутствие единых методик эмпирического измерения (нет единого мнения по поводу того, что изменение качества

социальных отношений предшествует экономическому развитию, рассматривается и противоположный подход).

Мы полностью разделяем точку зрения белорусского ученого С.А. Шавеля, который подверг критике методологический подход Ф. Фукуямы, делающего акцент на принятие групповых неформальных ценностей и норм «…вместо того, чтобы выделить общественно одобряемые и нравственно оправданные ценности и нормы» [Шавель, С.А. Общественная миссия социологии /С.А. Шавель. – Минск: Беларуская навука. 2010. – 404 с., с. 373].

Социальный капитал мы представляем его как разноуровневую по горизонтали и по вертикали надындивидуальную реальность духовно-нравственного порядка, предполагающую интериоризацию правовых и нравственных норм и ценностей, принятых в государстве и социуме, регулирующих общественные отношения и социальные связи на основе взаимного доверия, толерантности, уважения прав друг друга, эмпатии, чувстве защищенности и безопасности, доверия к социальным институтам, добровольного участия в общественных формированиях. Легитимный порядок является базовым компонентом социального капитала, а, следовательно, правосознание (гражданско-правовое, нравственно-правовое) представляется важнейшим показателем его состояния.

Ядром гражданско-правового сознания является уважение к государственным институтам и солидарность с законами государства, их соблюдение и активное применение, а в случае несогласия с законом – использование способов его изменения, не выходящих за рамки правового поля.

Значительное представление об уровне и современном состоянии гражданско-правового и нравственно-правового сознания учащейся молодежи дают данные опроса учащихся общеобразовательных учебных заведений и СПТУ закрытого типа, т.е. законопослушной молодежи и несовершеннолетних правонарушителей (в 2009-2010 гг. было опрошено 450 учащихся школ и гимназий и 170 воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа).

Из данных опроса выявлено, что когнитивную составляющую нравственно-правового сознания респондентов нельзя признать удовлетворительной. Лишь 29,5% учащихся общеобразовательных школ и 51,0% малолетних правонарушителей (20,7% – мальчики) оценили свои знания основных положение действующей Конституции Республики Беларусь как хорошие. Несколько лучше обстоит дело со знанием законодательных актов, которые закрепляют права детей: в основном знакомы с содержанием Международной Конвенции о правах ребенка 52,3% учащихся и 69,4% несовершеннолетних правонарушителей; с Законом Республики Беларусь о правах ребенка – 42,9% и 30,6%, соответственно.

Учащиеся хорошо осведомлены о возрасте, с которого может наступить уголовная ответственность для несовершеннолетнего: 70,2% учащихся школ и 89,8% правонарушителей отметили, что такая ответственность может наступить с 14-летнего возраста. Тот факт, что у малолетних правонарушителей уровень правовых знаний зачастую выше, чем у законопослушных школьников (в отдельных случаях он примерно одинаковый), подтверждает: само по себе знание закона не является решающим фактором формирования антикриминальной или криминальной установки.

Традиционным для социологии правосознания всех групп населения, в том числе молодежи при изучении уровня уважения закона и солидарности с ним, является включение в социологические анкеты вопроса с пословицами: «Предположим, что в кругу твоих друзей завязался спор о роли Закона в жизни, каждый выразил свое мнение пословицей. Обведи кружком номера тех пословиц, с которыми ты согласился бы» (табл. 1).

Как видно из ответов, ригористическое отношение к закону, т.е. направленность на безусловное его соблюдение, вербально проявило подавляющее большинство учащихся. Явный правовой нигилизм характерен для сравнительно небольшого количества

респондентов: 32,2% школьников и 14,3% учащихся СПТУ. Мальчики-правонарушители в гораздо меньшей степени доверяют Закону: только 37,9% видят в Законе защиту. Изучение мотивов соблюдения законов показало, что больше всего боятся совершать правонарушения из-за угрызения собственной совести законопослушные дети (42,7%) и всего лишь 22,4% (13,8% мальчиков и 35,0% девочек) – правонарушители.

Таблица 1 Распределение данных об уровне уважения к закону и солидарности с ним

Пословицы	Школьники	Правонарушители
1. «Закон есть Закон, его надо соблюдать»	69,2	83,7
2. «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло»	9,8	10,2
3. «Где есть Закон, там есть защита»	42,4	61,2
4. «Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет»	19,4	4,1
5. «Закон что столб: перешагнуть нельзя, а обойти можно»	13,6	4,1
6. Нет ответа	1,0	3,4

О высоком уровне правосознания свидетельствует и такой мотив соблюдения закона: преступление – большой грех перед Богом и ближним. Такой мотив в ответах назвали 23,7% обычных школьников и 32,7% (20,7% мальчиков и 50,0% девочек) учащихся СПТУ. Мотив, воплощающий всеобщее «золотое правило» нравственности и толерантности, которое гласит: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступили с тобой, – в ответах указали 41,2% учащихся школ и 49,0% учащихся СПТУ. Такая мотивация соблюдения норм права является благоприятной для воспитательной и реабилитационно-восстановительной работы.

Несомненный интерес представляют ответы подростков на вопрос: «Приходилось ли тебе участвовать в пресечении правонарушений (хулиганство, хищения и иное), совершаемых другими лицами?»: «Да» – 67,3% несовершеннолетних правонарушителей и лишь 13,4% учащихся общеобразовательных школ и гимназий. Почти половина самих несовершеннолетних правонарушителей проявляют высокую активность в правоохранительной деятельности. Для активизации правового воспитания следует вовлекать подростков в различные общественные правоохранительные формирования несовершеннолетних («Юные друзья милиции», «Юные инспектора движения», «Юные спасатели-пожарники»).

Таблица 2. Показатели участия подростов в делах милосердия, %

Индикаторы дел милосердия	Да, участвовал		Нет, но хотел бы участвовать		Не участвовал и не хочу участвовать		Нет ответа	
	шк.	уч. СПТУ	шк.	уч. СПТУ	шк.	уч. СПТУ	шк.	уч. СПТУ
1. Сбор вещей для малоимущих	59,1	44,9	23,0	28,6	14,6	20,4	3,3	6,1
2. Сбор книг, детских игрушек для детей из детских домов	77,8	22,4	13,1	46,9	7,1	20,4	2,0	10,2
3. Уход за больным, престарелым, ветераном войны	26,0	51,0	41,9	24,5	26,0	18,4	6,1	6,1

Для формирования нравственного потенциала личности важно активное участие в делах милосердия. Опрошенные подростки не только участвуют, но и хотели бы помогать нуждающимся. В таблице 2 приведены данные ответов на вопрос: «Ты сам участвовал в делах милосердия?»

Самого пристального и серьезного внимания заслуживают ответы респондентов, направленные на выявление в структуре правосознания криминальных установок. Учитывая, что 36,7% (51,7% мальчиков и 15,0% девочек) подростков, совершивших правонарушение, выказали готовность при определенных обстоятельствах совершить хулиганские поступки и 24,5% могли бы обмануть кого-либо с целью получения выгоды, следует сделать вывод, что многие из малолетних преступников не вступили на путь исправления и требуют усиленных воспитательно-восстановительных профилактических мер. Беспокоит, что учащиеся общеобразовательных школ, не совершавших преступлений, допускают при определенных обстоятельствах возможность их совершения: хулиганских поступков – 21,7%, телесных повреждений – 16,2%, обмана кого-либо с целью получения выгоды – 16,0%, оскорбления и оклеветания кого-либо – 17,5%. Это – группа риска, требующая специального выявления, социально-педагогического наблюдения и контроля, а также воспитательно-коррекционного воздействия со стороны семьи, педагогов, психологов.

Расхождение между абстрактным уважением к закону и готовность при определенных обстоятельствах совершить то или иное правонарушение, связанное с особенностями возраста, является свидетельством неустойчивого нравственного потенциала развивающейся личности. О необходимости введения нравственного кодекса, где были бы сформулированы моральные идеалы, говорится на многих педагогических форумах. Согласно данным исследований, традиционные нравственные идеалы, в основе которых лежат общехристианские нормы и ценности и на которые призвано ориентироваться нравственное воспитание, находят отклик у опрошенных подростков. На вопросы о согласии с тем, что в основе воспитания должны лежать христианские идеалы и нравственные заповеди, были получены утвердительные ответы 77,6% школьников и 55,2% учащихся СПТУ. При этом отметили, что знакомы с содержанием 10-и библейских заповедей 41,9% школьников и 20,7% несовершеннолетних правонарушителей. Большинство сумели в открытом вопросе назвать основные заповеди.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что среди учащихся преобладает позитивное отношение к закону (правовой ригоризм, правовой конформизм). Сравнительно незначительная часть респондентов проявила негативное отношение к праву (правовой нигилизм, правовой скептицизм).

Состояние фрагментов нравственно-правового сознания опрошенного контингента учащихся с точки зрения проявления уважения к социально-правовым институтам, готовности соблюдать легитимный порядок в обществе, т.е. базовых составляющих социального капитала можно считать удовлетворительным.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Тарасов С.В.

к.ф.н., старший научный сотрудник сектора социологии права и социальных девиаций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Глобальный финансово-экономический кризис лихорадит финансовые рынки и экономику ведущих стран мира. В сложнейшем финансовом и экономическом положении находятся Греция, Португалия, Испания и другие страны Евросоюза, что угрожает

стабильности еврозоны. Однако еще более сильное влияние глобальный кризис оказывает на развивающиеся страны и страны с переходной моделью экономики, которые испытывают серьезные трудности в модернизации производства, поддержании финансовой и экономической стабильности. Социально-экономическая ситуация в Беларуси, несмотря на экономический рост, складывалась в последние годы не вполне благополучно. Высокая инфляция, растущие цены на основные продукты питания, товары первой необходимости, лекарства, оплату коммунальных услуг, здравоохранения, образования, приобретение жилья и др. негативно отражались на доходах и потреблении, материальном уровне жизни основной массы населения, его социальных ожиданиях и установках.

Низкая доля частной собственности, вмешательство государство в сферу экономических отношений, низкий уровень модернизации и конкурентоспособности предприятий, дефицит иностранных инвестиций, высокие цены на энергоносители и сырье и др. факторы негативно влияют на социально-экономическое развитие и уровень жизни населения. В отличие от стран с рыночной экономикой, в Беларуси сохраняется государственная модель экономики, широко используется регулирование экономики и цен, ограничивается экономическая свобода, процветает монополизм и др. Растущий износ основных фондов, старые социально-экономические отношения, низкая производительность труда, высокая энергоемкость производства способствуют усилению экономического отставания Беларуси от соседних государств. В настоящее время уровень жизни населения, размеры заработной платы и пенсий, социальная защита и др. в республике – существенно ниже, чем в странах Балтии, Польши и России. Этот разрыв без реформирования политических и социально-экономических отношений будет постоянно увеличиваться.

Долгие годы основным фактором устойчивого социально-экономического развития республики была финансовая и экономическая помощь России, что давало основание политикам и журналистам говорить об эффективной белоруской модели социально ориентированной экономики, основанной на государственной собственности и административных рычагах управления. Однако переход России к торговле энергоресурсами и сырьем по близким к мировым ценам имел для республики серьезные экономические последствия. Только за последние два года внешний долг республики увеличился практически вдвое. Многие ориентированные на российский рынок промышленные и агропромышленные предприятия республики при переходе на мировые цены стали терять свою конкурентоспособность. Такое развитие экономической ситуации не замедлило сказаться на состоянии социальной сферы. В республике были существенным образом пересмотрены льготы нуждающимся слоям населения, осуществлен тотальный переход на контрактную систему трудовых отношений, сокращена продолжительность отпусков различных категорий рабочих и служащих, урезано бюджетное финансирование учреждений образования и др. Стали таять валютные запасы и быстро увеличиваться внешний год. Эти процессы нашли отражение в общественных настроениях и социальных ожиданиях населения.

За годы суверенитета в республике сложился образ жизни, характерными чертами которого являются невысокие материальные и духовные потребности населения, вынужденное ограничение потребления, экономия, минимальные социальные гарантии, льготы и др. Причем, основная масса населения воспринимает свое материальное и социально-экономическое положение как нормальное и до последнего времени считала себя людьми со средним достатком.

Материальное положение, уровень заработной платы, пенсий, социальных пособий, доступность различным социальным слоям населения учреждений здравоохранения, образования, культуры и др. зависят от приоритетов и эффективности развития экономики. Растущее отставание Беларуси от соседних государств по важнейшим параметрам социально-экономического развития (уровню жизни, доходам,

потреблению, накоплению, наличию средств на отдых в ближнем и дальнем зарубежье и др.) свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в развитии экономики. Рост уровня жизни могут обеспечить структурные реформы, модернизация промышленных и сельскохозяйственных предприятий на базе современных западных технологий, что позволит повысить их конкурентоспособность на рынках, создать новые рабочие места, переобучить управленческий персонал и рабочих, изменить культуру труда, мотивацию и экономическое поведение.

Превращение исполнительной вертикали в основную ветвь власти в республике негативно отражается на развитии общества, лишая его возможности социального контроля над институтами государства и должностными лицами. Многих чиновников в органах власти и управления, торговле, банковской системе и др., не устаивает либерализация экономики, которая повлечет за собой развитие конкуренции, формирование рыночных механизмов ценообразования и саморегулирования, появление слоя экономически состоятельных людей. Переход к открытой модели экономики вызовет радикальный пересмотр социальных ценностей, изменения экономического сознания и поведения людей, их жизненных установок и ориентаций.

Тем временем в республике в латентной форме протекают процессы социального расслоения, усиливается социальное и правовое неравенство, о чем свидетельствует образ жизни государственных чиновников, размеры движимого и недвижимого имущества которых (загородные дома, квартиры повышенной комфортности и др.) не соответствуют заработной плате и декларируемым ими доходам. В Беларуси, как и в других постсоветских странах, коррупция превратилась в основной источник обогащения государственной бюрократии и усиления социального неравенства. В условиях ограниченных экономических возможностей и невысокого материального достатка большинства населения, коррупция подрывает доверие населения к институтам и представителям государственной власти, деформирует правовое сознание и поведение граждан.

Социологические данные (апрель 2011 года) свидетельствуют о наличии целого комплекса социальных проблем, которые в течение многих лет вызывают острую озабоченность населения. Так, по сравнению с данными социологического исследования (ноября 2010 года), с 51,2% до 56,7% увеличилось количество респондентов, которые были обеспокоены ростом цен на продукты и товары первой необходимости. С 27% до 36,8% увеличилось количество людей, озабоченных тарифами на коммунальные услуги, с 38,7% до 40,5% – уровнем заработной платы. Инфляция вызывала озабоченность – 29,5%. При этом количество респондентов, которых волновала жилищная проблемой, уменьшилось с 35,3% до 27,8%. Так, с 38% до 27,5% уменьшилось количество респондентов, которых беспокоили качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств. С 10,2% до 12,9% увеличилось количество респондентов, опасавшихся потерять работу. Количество озабоченных уровнем пенсионного обеспечения практически не изменилось и составило 19,1% против 20,9%. Ответы респондентов свидетельствуют об ухудшении экономической ситуации и неудовлетворенности различными социальными проблемами. Наиболее острыми из них являются рост цен на продукты питания и первой необходимости, коммунальные услуги, высокая инфляция, низкий уровень зарплаты и пенсий, качество медицинского обслуживания и доступность лекарств и др.

Говоря о жизненной ситуации, 7,8% респондентов назвали ее более чем нормальной, 38,9% – не такой уж плохой, 39,2% – отметили, что жить трудно, но можно терпеть, 5,2% – назвали свое положение бедственным, которое терпеть уже невозможно, 8,9% – затруднись ответить или не ответили. Таким образом, несмотря на наличие экономических трудностей, большинство людей считают свою жизненную ситуацию вполне нормальной, и только немногим более 5% – невыносимой.

В республике отмечается невысокий уровень доверия населения к органам власти, общественным организациям, средствам массовой информации, представителям

политических партий, профсоюзам, оппозиции и др. Из сферы публичной деятельности политика превратилась в сферу деятельности привилегированных лиц, что способствует усилению противоречий между интересами государства и общества. Белорусское общество утратило легитимные механизмы влияния на процесс принятия важнейших политических и социально-экономических решений. Отсутствие общественного контроля над институтами власти и должностными лицами создает условия для злоупотребления властью и нарушения ими гражданских, экономических и социальных прав и свобод граждан. Население участвует в политическом процессе только во время избирательных кампаний. Руководители же всех уровней государственного, регионального и местного управления, как и другие должностные лица, не избираются и не зависят от волеизъявления населения. Это способствует бюрократизации государственных учреждений и структур, формальному выполнению ими своих основных функций, волоките, невнимательному отношению к проблемам населения. Монополия государства в сфере информационной деятельности, превращение государственных СМИ в основной канал официальной информации, табу на критику высокопоставленных должностных лиц и др. усиливают закрытость власти, создают почву для роста коррупции, пренебрежению чиновниками интересами и мнением людей, их правами и свободами. Это чревато постепенным отчуждением основной массы населения от государства и его институтов, ростом недоверия к важнейшим ветвям власти с последующей утратой ими своего авторитета.

Несмотря на неучастие в политике, население проявляет живой интерес к политическим событиям. Согласно данным исследования, 35,8% респондентов интересуются политическими событиями, 32,1% – скорее интересуются, 19,8% – скорее не интересуются, 11,2% – не интересуются. Более 65% опрошенных назвали основной формой участия в общественно-политической жизни отслеживание политических событий в СМИ. Членами политической партии или организации являются 1,3% опрошенных, в общественно-политическом движении участвуют – 1,7% принимают участие в политических акциях – менее 1%, проводят агитационную работу среди товарищей – 1%, участвуют в политических дискуссиях, диспутах и др. – 1,2% – респондентов. Таким образом, участие населения в общественно-политической жизни в республике заключается в наблюдении за политическими событиями по СМИ и только более 6% населения проявляют политическую активность. Эти данные свидетельствуют о политической индифферентности населения, которая вызвана аморфным состоянием и разобщенностью общества. В республике отсутствуют общественно-политические условия для формирования влиятельных политических партий, общественных организации, независимых профсоюзов, СМИ, неформальных объединений, групп интересов, негосударственных организаций.

Важным условием формирования гражданского общества является доступ населения к информации. По мнению 89% респондентов, основным источником информации в республике является телевидение. Это наиболее удобный, оперативный и эмоционально воздействующий на человека источник информации, не требующий серьезных финансовых затрат. Далее следуют периодические печатные издания – 42,6%, интернет –36,8%, радио – 36,2%, родственники, друзья – 31%, официальная информационная деятельность по месту работу – 7,5%. При этом для респондентов в возрасте до 29 лет основным источником информации является интернет. Им пользуются 82,5% респондентов в возрасте до 20 лет и 66% – в возрасте до 29 лет. Старшие половозрастные группы отдают предпочтение газетам и радио. Так, получают информацию по радио 53,3% опрошенных в возрасте 60-69 лет и 58,8% опрошенных в возрасте до 70 лет. Соответственно информацию из периодической печати получают 53% и 41,6% из названых групп. Преимущество пользователей интернета заключается в том, что они в кратчайшие сроки могут получить разностороннюю информацию по важнейшим вопросам, тогда как читатели газет довольствуются информацией,

отражающей точку зрения учредителя или владельца издания. Аудитория пользователей интернетом в республике ограничена. Более 45% респондентов интернетом не пользуются. Ежедневно интернетом пользуются 26,9% респондентов, не реже 1-2 раз в неделю – 12%, не реже 1-2 раз в месяц – 5,5%, реже одного раза в месяц – 9,8%. Таким образом, важнейшую информацию по вопросам политического и социально-экономического развития основная масса населения получает из государственных СМИ. Это накладывает отпечаток на особенности восприятия, осмысления и интерпретацию населением текущих событий, на их политическое сознание и культуру.

Доверие населения к государственным, общественным, религиозным и др. организациям во многом определяется имиджем и их ролью в жизни людей. Согласно социологическим данным, 60,5% ответивших доверяют православной церкви, 41,9% – армии; 41,1% органам государственной безопасности, 40,8% – судебным органам; 37,5% – Конституционному суду; 34,5% – государственным СМИ; 32,7% – администрации своего предприятия, 31% – местным органам власти; 30,3% – Совету министров; 28,9% – Национальному собранию; 34,6% – администрации своего предприятия; 23,8% – официальным профсоюзам. Рейтинг доверия населения к независимым профсоюзам и политическим партиям является еще более низким и составляет соответственно 12,7% и 9%. Основная масса респондентов не сталкивается непосредственно с деятельностью государственных органов исполнительной, законодательной и судебной власти, также как и с православной церковью. Доверие и степень эффективности государственных, общественных, религиозных и др. организаций представляет собой субъективную оценку респондентами их деятельности на основе личного опыта, мнения знакомых, информации в СМИ и общественного мнения. Например, уровень доверия населения к администрации предприятий, профсоюзам, политическим партиями и др. структурам более низкий, чем к государственным учреждениям. Многие опрошенные не считают государственные и общественные учреждения эффективными органами решения правовых, социально-экономических, бытовых проблем, что свидетельствует об углубляющемся разрыве между государством и обществом.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мартинович Н.В.
ведущий специалист по кадрам Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Независимости Республики Беларусь двадцать лет. За это время произошло достаточно много события, повлиявших на развитие белорусского общества, его политической системы. А от политической системы во многом зависит, как будет развиваться государство, насколько будет демократичным общество, как будут жить люди, какие перспективы у молодежи, насколько радостная и обеспеченная будет старость у стариков. Поэтому вопросам модернизации политической системы уделяется большое внимание как со стороны многих исследователей, так и действующих политиков белорусского государства.

В современной научной литературе имеется достаточно много определений дефиниции «политическая система». За рабочее в данном исследовании примем определение, предложенное известным белорусским политиком и ученым ***Игорем Котляровым***: «***Политическая система*** – это система взаимодействующих социально-классовых, экономических, национальных и других институтов и организаций, с помощью которых осуществляется власть и управление обществом, и политических отношений, ролей, процессов, связей, существующих в социуме, подчиненных политическим, социальным, юридическим, идеологическим и культурным нормам и

принципам, историческим традициям, ценностным установкам и ориентирам, и направленных на реализацию властных отношений» [1, с. 111].

В современной истории независимого белорусского государства можно выделить, по крайней мере, четыре важнейших этапа модернизации политической системы белорусского общества, качественно различающихся по своему характеру, направленности, методам осуществления и конечным результатам. Под ***политической модернизацией*** мы будем понимать целенаправленное формирование и развитие политических структур и институтов белорусского государства, политической системы в целом.

Первый этап модернизации политической системы белорусского общества начинается с середины 1990 года Исходным пунктом начала формирования принципиально новой политической системы независимого белорусского государства с определенной долей условности можно назвать 27 июля 1990 года. В этот день Верховный Совет БССР принял Декларацию «***О государственном суверенитете Белорусской ССР***». В ней было провозглашено верховенство Конституции и законов Беларуси на всей территории республики. Данная декларация стала качественно новым этапом в строительстве независимого белорусского государства. От имени белорусского народа парламент провозгласил «полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях».

Беларусь вступила в новый этап своего развития. В конце 1991 года республика вышла из состава Союза ССР, денонсировала Договор 1922 года об образовании СССР, вступила в Содружество Независимых Государств, которое пришло на смену бывшему Советскому Союзу. Верховный Совет Республики Беларусь 10 декабря 1991 года ратифицировал эти документы. Но это было время «деклараций о намерениях», но не было конкретных политических и управленческих действий по созданию ноых политических структур белорусского государства.

Второй этап политической модернизации начался в Беларуси в декабре 1991 года. Именно тогда начались предприниматься конкретные меры по формированию властных структур белорусского государства, сложилась белорусская многопартийность. Однако национальная элита увлеклась дележом «хлебных» мест во властных структурах и практически ничего не делала для решения многочисленных проблем. Дефицит доступных для населения товаров и продуктов, отсутствие необходимых средств для удовлетворения элементарных потребностей жителей страны, недостаток средств на социальные нужды, отсутствие системы необходимых законов и нормативных актов, потеря морально-нравственных ценностей, распространение в массовом сознании культа вседозволенности и насилия, пробелы в системе образования и воспитания существенно повлияли на общественное сознание общества. В конце 1992 года около 95 % населения белорусского государства утверждали, что в ближайшее время в стране произойдет социальный взрыв [3; 4].

Кроме того, совершенно неожиданно для многих политических акторов появилась еще одна проблема. До августа 1991 года в основе политической системы белорусского общества находилась Коммунистическая партия Белоруссии. Она выполняла многие управленческие функция, принимала важнейшие политические и управленческие решения, занималась подбором и расстановкой кадров, воспитанием подрастающего поколения. После августовских событий 1991 года ее деятельность была приостановлена. В республике было провозглашено разделение властей. Однако замены компартии как своеобразной государственной структуре не нашлось, эффективного разделения властей не получилось. Одна ветвь власти постоянно вмешивалась в сферу компетенции других властей, что приводило к эффективности деятельности всех управляющих структур [3; 4].

Резкое падение жизненного уровня жизни людей, растущие преступность и безработица, расслоение белорусского общества на бедных и богатых, инфляция и утрата перспективы в жизни, уничтожение прежних ценностей и идеалов привело к резкому снижению рейтинга всех без исключения властных структур белорусского государства. На конец 1993 года только 1,0% населения признавал деятельность Верховного Совета Республики Беларусь эффективной, в то время как малоэффективной – 34,3%, неэффективной – 55,0% [2, с. 157]. Это стало одной из причин того, что более половины населения страны были в конце 1993 года убеждены, что Верховный Совет должен немедленно уйти в отставку [2, с. 158].

Назрела насущная потребность резкой модернизации политической системы белорусского общества. Одним из возможных выходов из политического кризиса было введения в стране института президентства. Сильная власть гипотетически могла решить многочисленные политические, экономические и социальные проблемы, обеспечить стабилизацию белорусского общества, безусловное выполнение законодательства, повышение благосостояния людей. Существенная самостоятельность президентской власти по отношению к представительным органам должна была обеспечить эффективность всей системы государственного управления, остановить падение Беларуси в пропасть. Кроме того, каждая из политических элит белорусского государства стремилась завоевать этот пост, тем самым усилить свою власть.

Третий этап политической модернизации белорусского общества начался 15 марта 1994 года. Верховный Совет Республики Беларусь ввел институт Президентства Республики Беларусь. По Конституции Республики Беларусь 1994 года, Президент Республики Беларусь стал главой исполнительной власти. Впервые в Основном Законе страны было сформулировано четкое положение о трех ветвях власти и разделении их полномочий, что радикально изменило всю систему властных отношений.

Первым президентом Республики Беларусь был избран молодой политик, депутат Верховного Совета Республики Беларусь XII созыва Александр Лукашенко, который резко повысил свой рейтинг, благодаря активной деятельности на посту руководителя временной антикоррупционной комиссии парламента.

После выборов А. Лукашенко начал проводить целенаправленную работу по совершенствованию всей политической системы в целом, властных структур, в частности. В стране стала формироваться национальная белорусская политическая система, ориентированная на собственный промышленно-интеллектуальный потенциал, технологии и оборудование, на постоянную пропаганду национальных ценностей и традиций. Резко вырос и рейтинг Главы государства.

Однако в 1996 году в стране разразился серьезный политический кризис «верхов», который мог закончиться глубочайшей дестабилизацией социально-политической ситуации, актами гражданского неповиновения, а, возможно, и гражданской войной. Нужно было принимать срочные меры по существенному изменению политической системы белорусского общества.

Глава национального государства для решения противоречий между исполнительной и законодательной властями предложил внести в Конституцию страны изменения, которые существенно меняли политическую систему. Президент страны получал полномочия главы государства, премьер-министр становился главой исполнительной власти. Оппозиция предложила свой вариант конституционных изменений. В результате Всебелорусского референдума, проведенного 24 ноября 1996 года, 70,4 % принявших в нем участие граждан страны высказались за президентский вариант изменений Конституции Республики Беларусь.

После референдума начался ***четвертый этап*** перманентной политической модернизации белорусского государства. В стране была создана политическая система, представляющая собой оригинальную модель решения политических противоречий на путях построения правового государства и гражданского общества, сильной,

процветающей и независимой Беларуси. По мере становления новой политической системы белорусского общества ставились новые, более серьезные задачи, которые требовали принятия определенных законодательных актов и управленческих решений. Политическая система белорусского общества постоянно совершенствовалась.

Литература:
1. Гребень, В.А. Политология. Структурно-логическая модель / В.А. Гребень, И.В Котляров // Минск: изд – тво МИУ – 2007. – 462 с.
2. Котляров, И.В. Государственное управление и политическое лидерство. Социально-политический анализ / И.В. Котляров, А.И. Веруш – Минск: Беларуская навука, 2010. – 270 с.
3. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров // Мн. – МИУ. – 2004. – Т.1 – С. 286. Т.2 – С. 284.
4. Котляров, И.В. Социология политических партий / И.В. Котляров. – Минск: Беларуская навука. – 2011. – 388 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рыбчак С.В.
научный сотрудник сектора политической социологии и государственного управления Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В условиях существования в стране не сформировавшегося гражданского общества, при явной институциональной слабости репрезентирующих его интересы структур и их маргинальном статусе в политической системе суверенной Республики Беларусь, фактически единственно возможным для большинства общества вариантом выхода из кризиса был только один. Обоснованно можно предположить, что реформирование системы государственной власти в 1996г. в сторону установления президентской республики в Беларуси явилось выполнением в реальной социальной практике компенсаторной функции власти, которой общество делигировало в момент усиления деструктивных социальных процессов ряд дополнительных полномочий на осуществление действенной политики по выходу из кризиса. Таким образом, возвращение к традиционной модели взаимоотношений индивида и общества, с одной стороны, и государства, с другой, явилось рациональным выбором подавляющей части населения и гарантировало определенную степень стабильности и предсказуемости на переходный период. Данный выбор актуализировал определенный социально-экономический и политический курс руководства страны и объективно позволил минимизировать неизбежные издержки переходного периода, что подтверждается ниже приведенными данными социологических исследований.

По данным социологического мониторинга, проведенным Институтом социологии НАН Беларуси в 2011г., за дальнейшее усиление авторитарных тенденций в социально-экономической и политической жизни страны выступает сравнительно небольшое количество респондентов. Наоборот, характерной тенденцией является постоянное, хотя и медленное, снижение сторонников авторитарного варианта долговременного развития Беларуси, о чем свидетельствует приведенная таблица.

Итак, можно заметить, что те респонденты, которые выбрали вариант: «Потерял веру в государство и политиков, надеюсь только на себя», являются той социальной группой, учитывая репрезентативность выборки, носителем гражданских ориентаций политической культуры. Достоверность интерпретации в данном ракурсе достигается тем, что в исследовательское поле попали установки, а не идеологемы или рейтинги политических акторов. Как представляется, белорусское общество делигировало в момент

усиления деструктивных социальных процессов властным институтам ряд дополнительных полномочий на осуществление политики по выходу из кризиса.

Однако, по мере своего дальнейшего развития сформировавшееся в стране гражданское общество будет предъявлять политической системе все более завышенные притязания как на расширение степени собственного участия в управлении страной, так и на повышение эффективности функционирования всего государственного аппарата. В данном случае в лице тех, кто способен взять на себя социальную ответственность за ее развитие, а таких 32,6% и тех, кто связывает свои перспективы с главой государства и властными структурами – 27,4%.

Как представляется, удовлетворить данным притязания государственная бюрократия в силу присущей сложившейся в стране системы управления ригидности, что эмпирически подтверждается стабильно низкими рейтингами большинства властных институтов, объективно будет не в состоянии. Прежде всего, потому, что основной акцент постоянно возникающих требований и притязании, как со стороны отдельных акторов, так и структур гражданского общества, будет сделан на решение множества локальных социально-экономических проблем, а не ограниченного числа общенациональных политических.

В данном случае необходимо проанализировать существенный дисбаланс в рейтингах общественного доверия по отношению к основным социально-политическим институтам, наблюдаемым практически на всем протяжении независимого существования страны. В качестве основы для необходимого анализ взяты социологические данные, которые были получены в 2011 г. Институтом социологии НАН Беларуси, в рамках мониторинга социально-экономической и политической ситуации в республике. Итак, на вопрос анкеты о доверии к основным социально-политическим институтам ответы респондентов распределились следующим образом.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что основные социально-политические институты страны, за одним важным исключением – институт главы государства, практически не пользуются доверием в обществе. Низкая степень доверия, прежде всего, к основным государственным институтам является проявлением подданническим патриархальных ориентаций, доминирующих в политической культуре современного белорусского социума. В результате этого оказывается крайне затруднена рационализация политического дискурса, ибо характерная для них ригидность и самодостаточность практически исключают какую-либо саморефлексию. В данном случае парадокс заключается в том, что при стабильно высокой степени доверия главе государства, население устойчиво демонстрирует недоверие к тем государственным институтам, деятельность которых целиком и полностью зависит от него, что является характерологической чертой любого политического режима данного типа. Этот дисбаланс имеет как когнитивный, так и аффективный характер.

Кардинальные изменения при установлении «суперпрезидентского» режима природы системы государственного управления, особенно местных органов власти, приводят к изменению критериев оценки обществом основных социально-политических институтов. Вместо отношения к государственным институтам как политическим, с их функциональным акцентом на самоуправление, общество закономерно начинает их воспринимать как исключительно бюрократические инстанции, выполняющие сугубо административные функции, отношение к которым в белорусском обществе, что исторически обусловлено, традиционно негативно.

В свете того факта, что доверяет милиции только 13,6% населения, можно предположить, что подавляющее большинство общества воспринимает ее не как правоохранительные органы, стоящие на защите гражданских прав и свобод индивидов, а как охранительную систему, предназначенную, в первую очередь, для защиты интересов властных структур государства. В результате социальные реалии сегодняшнего дня актуализируют сформировавшуюся в процессе исторического бытия белорусского народа,

негативную установку по отношению к правоохранительной системе страны. Эта тенденция элиминирует в результате практически все позитивные моменты, которые, разумеется, присутствуют в работе белорусской правоохранительной системы в целом, и милиции, в частности. Негативная установка на правоохранительную систему, исторически сформировавшаяся в политической культуре белорусского общества, в результате конституирует отрицательную установку на правовые нормы и институты в целом, что способствует генерированию антисоциальных ориентаций частью населения страны.

Политическая система, прежде всего институционализирующие ее правовые нормы, в политической культуре Беларуси не являются самоценностью. Это способствует константному генерированию конфликтности между различными политическими акторами по вопросу государственного устройства, конституционного права, избирательного законодательства, принципов нормотворчества и т.д. Таким образом, политическая целесообразность и административная эффективность, выступающие критериями оценки правовых и политических институтов, только подрывают их легитимность, о чем можно судить по социологическим данным, показывающим невысокую степень доверия со стороны общества к ним. Кроме того, они формируют устойчивый социальный скептицизм в отношении действенности и необходимости кардинальных реформ в сфере государственного управления. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, правовые установки населения страны очень далеки от идеала правового государства и демократического гражданского общества.

Характерной чертой правовой и политической культуры белорусского общества является крайне низкий легализм конституционных основ государства, выступающей в качестве основной предпосылки построения правового государства и демократического общества. Тот факт, что правовая регуляция социальных процессов в белорусском обществе преимущественно осуществляется посредством подзаконных актов и через каналы неформальных социальных связей, основанных на корпоративных принципах, свидетельствует об актуализированных общественным сознанием традиционалистских ценностях и нормах. Традиционалистские ценности и ценности постиндустриального общества мало сопрягаются друг с другом, что открывает возможность для конфликтного развития социальных процессов, действенная правовая регуляция которых, судя по нижеприведенным социологическим данным, очень затруднена.

Согласно результатам опроса 2011 г., только 4,2% респондентов было полностью уверено в том, что в обществе реально существует и действует система правовых регуляторов социальной жизни, эффективно защищающих права и свободы граждан и 26,2% опрошенных склонялись к тому мнению, что это скорее так. Право и развитая система юридических норм являются необходимыми предпосылками становления гражданской культуры и формирования демократичного гражданского общества. Без институционального закрепления посредством четко определенных и однозначно интерпретируемых юридических норм и правил «политической игры» цивилизованный политический процесс невозможен.

Тот факт, что, согласно результатам этого же опроса, 30,6% опрошенных ответили, что их права и свободы незащищены, а 37,4% – затруднились ответить на этот вопрос, свидетельствует о том, что необходимые правовые предпосылки в стране для формирования развитого гражданского общества в достаточной мере еще не сформировались. Однако типологизировать тех респондентов, заявивших о том, что их права не защищены, как носителей правовой и политической культуры невысокого уровня, актуализирующих фактом социального недовольства собственные патриархальные и этатистические ориентации, вряд ли возможно.

Опасность нарастания социальной напряженности, которая может быть вызвана как причинами объективного, так и субъективного характера, толкает большую часть общества, что обусловлено доминирующими ориентациями политической культуры, к

варианту авторитарной предсказуемой стабилизации. При этом санкцию на проведение такой политики закономерно получает глава государства, наиболее легитимный в политической культуре общества институт. Однако политика авторитарной стабилизации общественного развития имеет определенные ограничения, так как имплицитно предполагает высокий уровень эффективности антикризисного курса, проводимого властью самостоятельно, без опоры на общество, которое фактически не может в данном случае предоставить властным институтам какую-либо серьезную поддержку.

В результате возникает определенный парадокс: санкция главе государства со стороны общества на проведение политики авторитарной стабилизации объективно носит ценностно-рациональный и традиционный характер, а оценка социумом результатов и характера проведения данной политики – инструментальный, целерациональный характер. В итоге режим «сильной руки», в значительной степени конституированный на основе инструментальной, целерациональной, а не ценностно-рациональной или традиционной легитимности, на период, необходимый для выхода из кризисного состояния, с течением времени объективно теряет собственную легитимность в обществе.

Практическая обоснованность данного тезиса подтверждается данными, полученным в ходе проведения в 2011 г. Институтом социологии НАН Беларуси социологического мониторинга социально-экономической и политической ситуации в обществе. Результаты мониторинга важны тем, что репрезентируют оценку населением страны степени эффективности курса, проводимого президентом и правительством страны в важнейших сферах социальной жизни.

Несложно заметить, что динамика тех показателей, которые выступают индикаторами подданическо-активистского типа политической культуры уверенно идет на спад. Автоматического одобрения деятельности властных институтов обществом в сферах, непосредственно затрагивающих интересы каждого конкретного человека уже не наблюдается. Современное белорусское общество внимательно отслеживает и оценивает деятельность власти сквозь призму своих интересов.

Таким образом, фактически в постмодернистскую эпоху происходит актуализация исторического наследия традиционалистского социума – принципа управленческого аристократизма, константы персонального состава правящей элиты, замыкающейся в своем узком кругу. В результате происходит отчуждение важнейших политических институтов от общества, которых оно лишает права выступать от своего имени. Прежде всего, это в наибольшей степени касается органов самоуправления и парламента. Об этой тенденции свидетельствуют социологические данные, которые фиксируют крайне невысокую степенно доверия к этим институтам.

Разрешение этой проблемы возможно только в ходе действенной ресоциализации индивидов, акцентированной на демократических ценностях и стандартах. Это проблема технологического плана, решение которой находится в компетенции соответствующих государственных институтов, в первую очередь, национальной системы образования. Кроме того, определенное отношение к ней имеют политические партии и общественные организации и движения, программные установки которых не противоречат демократическим ценностям развитого гражданского общества. Только комплексный подход к делу политической социализации граждан страны максимального количества заинтересованных в том политических акторов может способствовать приданию динамизма, как процессу демократизации, так и становлению в стране развитого гражданского общества. Как представляется, это наименее затратный и технологически простой вариант, поэтому наиболее приемлемый для современного белорусского общества.

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Окунева Т.В.
научный сотрудник Комиссии по опросам общественного мнения при НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Современное гражданское общество – это важный социальный феномен с общественными структурами, независимыми от государства, развитыми политическими, социальными, правовыми, экономическими, культурными, и другими отношениями между основными социальными субъектами и государством, общество граждан и организаций высокого правового, социального, экономического и морального статуса, вступивших в развитые правовые отношения с государством. Методология социологического анализа гражданского общества охватывает все стороны человеческой жизни, среди которых особое место занимают процессы властных отношений и справедливости, свободы и равенства, демократии и частной собственности.

Постоянно возникает вопрос: что такое гражданское общество? На этот счет существуют самые различные точки зрения. В их основу положены несколько важнейших функциональных, ценностных и методологических подходов понимания гражданского общества. Предлагаю следующее авторское определение: ***гражданское общество – это общество, в котором происходит переход некоторых основных властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям, способным создать необходимые условия для реализации прав и свобод граждан, самоорганизации личности, реализации ее законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданской самодеятельности и правового сознания***.

В данной работе гражданское общество рассматривается как ***кибернетическая модель,*** имеющая «входы», «выходы» и «обратную связь». ***«Входы»*** – внешние по отношению к модели процессы и явления, тем или иным образом воздействующие на нее. На «входы» поступают импульсы в форме требований и пожеланий граждан, решения тех или иных проблем. ***«Выходы»*** – конкретные управленческие решения, законы и нормативные акты, принимаемые после обработки внешних раздражений, отношение населения к данным актам и органам, их принимающим. «***Обратная связь***» – система взаимодействий между властными структурами и социальными субъектами. Чтобы совокупность различных блоков или подсистем стала системой, необходимо интегративное качество, которое составляют ***властные функции, правовое сознание и гражданская культура.*** В каждой из подсистем имеются ***системообразующие элементы,*** целенаправленное воздействие на которые приведет к изменению качественного состояния как относительно самостоятельных блоков, так и самой системы – гражданского общества в целом [2; 4; 5; 6] .

Гражданское общество как самодостаточная социологическая кибернетическая модель имеет сложную структуру. Его можно условно подразделить на несколько важнейших блоков.

Экономический блок. В этом блоке основными структурными элементами являются добровольные объединения граждан в области хозяйственной деятельности, созданные по инициативе людей. Основа гражданского общества составляет рыночная экономика, которая представляет открытую систему, имеющую многочисленные связи с другими элементами гражданского общества. Системообразующим элементом в данном блоке, целенаправленное воздействие на который дает желаемые конечные результаты, является ***частная собственность***. Социологические исследования, постоянно проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, показывают, что жители Беларуси достаточно «холодно» относятся к частной собственности на землю и средства производства. Причем интерес к ней постоянно падает. Так, например, частную

собственность на землю поддерживает лишь 21,2 % населения страны. В июне 2010 года на этот вопрос положительно ответили 36,6 % респондентов. На вопрос «Готовы ли вы взять такую землю в частную собственность?» положительно ответили 11,52 процента респондентов. На вопрос: «Если не готовы, то почему?», 32,53 % ответили – не хочу заниматься сельским хозяйством [1].

Социальный блок. Гражданское общество как система представляет собой не только экономические, но и социальные отношения, с помощью которых решаются многочисленные социальные проблемы. В данный блок входят трудовые и учебные коллективы, семья, церковь и т.д. Системообразующим элементом в данном блоке является ***средний класс.***

Политический блок**.** Третий структурный блок – организация, складывающаяся на основе политических отношений. Политической основой гражданского общества является существование различных политических взглядов. Это обеспечивает, прежде всего, ***многопартийность.*** Политические партии выражают интересы различных социальных групп и от их имени участвуют в принятии политических решений. Системообразующим элементом в данном блоке, целенаправленное воздействие на который дает желаемые результаты, является ***многопартийность*** [3].

В начале 90-х годов прошлого столетия Республика Беларусь перешла к реальной многопартийной системе, которая в настоящее время находится в состоянии жесточайшей бифуркации. Политические партии Беларуси в гражданском обществе по самым разным причинам не выполняют свои функции. Рейтинг их популярности около двух процентов, что в пределах возможной социологической ошибки. Белорусские политические партии не принимают активного участия в решении важнейших общественных проблем, не влияют на политическую ситуацию в стране, не имеют интересных, харизматических лидеров. Как результат, люди их не знают и не поддерживают.

Правовой блок. Одной из важнейших задач гражданского общества является обеспечение прав и свобод граждан, социальной защиты и справедливости. Гражданское общество может существовать только там, где государство в целом и каждый гражданин в отдельности находятся в одинаковом положении перед законом и полностью соблюдают его. Системообразующими элементами в данном блоке, целенаправленное воздействие на которые дает желаемые результаты, являются ***неправительственные структуры, общественные организации, советы*** различных уровней, сформированные на основе ***высоких правовых норм и правового сознания***.

Как показывают социологические исследования, и здесь имеются определенные проблемы. Наиболее развитые государства постепенно переходят от экономики знаний к экономике инноваций. В нашей стране до сих пор не принят закон «О государственной поддержке и государственных гарантиях инновационной деятельности». Данный законопроект еще десять лет назад был разработан группой ученых под руководством профессора И.В. Котлярова, дважды был принят белорусским парламентом, но после возвращения Президентом страны парламенту до сих пор не доработан депутатами [4].

Духовный блок. Его основой является человек с высоким уровнем гражданской культуры, которая, прежде всего, проявляется в ответственности за принимаемые управленческие решения. Системообразующим элементом в данном блоке является ***гражданская культура.***

Коммуникативный блок**.** В гражданском обществе происходит постоянный обмен информацией и систематический диалог между государством, различными общественными структурами и социальными субъектами, целенаправленное информационное воздействие на них. Такой тип отношений описывается дефинициями «***полный интерсубъективный дискурс***» или ***паритетный диалог***. Системообразующим элементом в данном блоке являются ***средства массовой информации***, прежде всего, электронные.

Представляют интерес социологические замеры некоторых параметров ***«входов»*** и ***«выходов»*** кибернетической модели гражданского общества. Одним из социологических требований является решения волнующих населения проблем. В «пятерку тревожности» входят цены на продукты и товары первой необходимости; состояние здоровья, уровень оплаты труда, тарифы на коммунальные услуги, рост пьянства и алкоголизма населения. На выходе находится рейтинг властных структур белорусского общества. По мере решения важнейших проблем, особенно наиболее тревожных, растет авторитет власти, и наоборот. Социологический анализ гражданского общества, его сущности, структуры, принципов помогает решению существующих проблем, движению общества в правильном направлении, повышению качества жизни людей и развитию демократии .

Литература:

1. Котляров, И.В. Гражданское общество как философская проблема / И.В. Котляров. – Национальная философия в контексте современных глобальных процессов. Мате-риалы международной научной конференции. Минск, 16-17 декабр\ 2011 года. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 205- 212.
2. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ. – 2004. – Т.1 – 286 с. Т.2 – 284 с.
3. Котляров, И.В. Социология политических партий / И.В. Котляров. – Минск: Беларуская навука. – 2011. – 388 с.
4. Котляров, И.В. Управление совершенствованием гражданского общества: нормативный аспект / И.В. Котляров, Т.В. Хузеева. // Экономика и управление. – 2006. – №4. – С. 66-73.
5. Котляров, И.В. Формирование гражданского общества в Республике Беларусь: методологический и правовой аспекты / И.В. Котляров, Т.В. Хузеева. // Труды Минского института управления. – 2008 – №2. – С. 125 – 141.
6. Хузеева, Т.В. Гражданское общество в правовом измерении / Т.В. Хузеева // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – №4. – С. 146 – 166.

ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ

Павловская О.А.
к.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Свобода совести является одной из ведущих ценностей демократического общества. Исторически признание принципа свободы совести способствовало проявлению и распространению религиозной терпимости, ослаблению этно-религиозных конфликтов, развитию процесса эмансипации личности.

Республика Беларусь, став политически суверенной державой и провозгласив приверженность демократическим ценностям, избрала путь последовательной реализации принципа свободы совести. Принятые в Республике Беларусь законодательные акты в должной мере соответствуют нормам международного права в области прав человека. В Конституции Республики Беларусь, в статье 31 говорится: «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [1]. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (2002 г.) обеспечивает и гарантирует права граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, защиту их прав независимо от религиозной принадлежности, подтверждает принцип равенства религий и вероисповеданий перед законом, устанавливает правовые нормы, регулирующие отношения между государством и религиозными организациями.

Реализация права на свободу совести имеет приоритетное значение в процессе становления и функционирования гражданского общества. Гражданское общество представляет собой особую форму совместной жизни людей, в рамках которой каждый человек имеет определенный социально-экономический статус (право частной собственности, финансово-имущественное состояние, социально-профессиональную принадлежность и пр.), обладает совокупностью политических прав и свобод, выступает в качестве суверенного частного лица, имеющего право на личную жизнь, возможности для своего духовно-нравственного развития, что в результате обеспечивает взаимодействие членов общества в реализации их общих интересов, определенный уровень самоорганизации общественной жизни, специфическое морально-психологическое состояние, защиту от внешних и внутренних угроз.

В теоретических конструкциях гражданского общества чаще всего приоритет отдается экономическим и тесно связанным с ними политическим факторам. Однако следует подчеркнуть, что весьма существенное значение имеют и факторы духовно-культурного плана. В этой связи с теоретико-методологической точки зрения представляет интерес позиция выдающего немецкого философа И. Канта.

Достижение особого гражданского состояния, соответствующего объективному ходу общественного развития, по Канту, непосредственно связано, в экономическом плане с «все более решительным упразднением ограничения личности в ее деятельности», в духовном плане с «все большим расширением всеобщей свободы вероисповедания» [2, с. 20]. Последнее, в свою очередь, предоставляет человеку реальные возможности ощутить и проявить силу своих рациональных способностей, постепенно освобождаясь от различного рода заблуждений, предрассудков, иллюзий. Такая позиция позволяет оценить «как великое благо» *просвещение*, в ходе которого человек обретает «способность пользоваться собственным умом», получает реальные возможности для своего самостоятельного духовного развития, что, по словам Канта, способствует переходу человека от состояния несовершеннолетия к совершеннолетию своего духа. При этом Кант особо подчеркивает теснейшую связь развития рациональных способностей человека с совершенствованием его нравственной природы: вместе с просвещением появляется «и некая неизбежно возникающая душевная заинтересованность просвещенного человека в добром, которое он постигает полностью» [2, с. 20].

Собственно говоря, опираясь на философские размышления Канта по проблеме взаимосвязи образования гражданского общества и решения вопроса о предоставлении свободы совести, следует сказать, что современное общество, хотя и значительно продвинулось в своем научно-техническом развитии, в плане же полноценного и эффективного обретения своего «духовного совершеннолетия» имеет весьма незначительные результаты. Особенно это ощутимо в условиях активизации религиозной жизни, когда религиозные ценности, конфессиональная жизнь начинают трактоваться как панацея от всех бед, возникающих в духовно-нравственной жизни современного человека и общества. Усиление религиозного фактора в современном обществе не может не сказаться на интеллектуальном состоянии населения. Как отмечает академик НАН Беларуси А. Рубинов, «прививаемая религией привычка слепо верить в те или иные догмы, не подвергая их критическому анализу, приводит к тому, что люди становятся легковнушаемыми. Они столь же охотно могут поверить не только в классические религиозные учения, но и в деструктивные идеи неокультов, и в магию, и в волшебство, в заклинания и вообще в любые фантастические идеи, которые им будут внушены… Чрезмерное влияние религии понижает интеллектуальный, образовательный и творческий потенциал общества» [3].

Важнейшим «катализатором» процессов морального оздоровления и духовного возрождения общества должна и может быть совесть человека (как в религиозном, так и в светском понимании). В этой связи вновь вспомним великого Канта. Совесть представляет собой «изначальные интеллектуальные и моральные задатки человека».

«Она следует за ним, как его тень, когда он намерен ускользнуть от нее. Он может с помощью наслаждений и развлечений заглушать или усыплять себя, но он не может избежать того, чтобы время от времени не прийти в себя или очнуться, и тогда он тотчас слышит грозный ее голос. При всей крайней развращенности он может, пожалуй, дойти до того, чтобы никогда не обращаться к ее голосу, но он не может не *слышать* его" [4, с. 460].

Уникальность совести как морального феномена заключается в том, что она, ее «голос» есть первый шаг человека на пути к самому себе, открытию и постижению своей человеческой сущности, актуализации своих духовных сил. Голос совести по существу приводит в движение весь процесс нравственного совершенствования личности. Самосовершенствование есть путь человека к самому себе, тяжелый труд его души, выращивание, культивирование в самом себе все того, что называют «собственно человеческим». Этот процесс напрямую связан с открывающимися возможностями для проявления внутренней свободы человека, с реализацией его права на моральный выбор, а также с повышением уровня его личной культуры, гуманитарной образованности и нравственной воспитанности.

На социально-политическом уровне самосовершенствование личности непосредственно связано с освоением демократических ценностей, предоставлением определенных прав и свобод человеку. И именно право на свободу совести имеет в ряду демократических ценностей первостепенное значение. Оно, по словам И. Канта, является самым первым и самым решающим шагом, т.к. человек будет «в состоянии надежно и хорошо пользоваться собственным рассудком в делах религии без руководства со стороны кого-то другого» [2, с. 33]. Право на свободу совести открывает реальные возможности для человека не только в плане определения своего отношения к религии, но и для осознанного и добровольного выбора своего пути к нравственному совершенствованию: будь то в светской, будь то в религиозной форме. Личность, стремящаяся к своему самосовершенствованию, последовательно обретающая в процессе своей жизнедеятельности нравственную зрелость, является благотворным источником развития межличностных, социально-групповых, общественных отношений. На уровне гражданского общества такая личность способна привести в движение важный механизм обратной связи: от конкретного человека к различным ассоциациям граждан и далее к гражданскому сообществу в целом.

Таким образом, в процессе формирования современного гражданского общества весьма отчетливо заявляют о себе факторы духовно-нравственного характера. Среди них приоритетное положение отводится совести как важнейшему механизму саморегуляции жизнедеятельности личности, в процессе функционирования которого нравственные ценности последовательно раскрывают свой реальный жизненный потенциал, способствуют духовному обогащению человека, превращению его в действительного субъекта прежде всего своей личной жизни, а на основании этого и жизни своего ближайшего окружения и далее – общества в целом.

Литература:

1. Конституция Республики Беларусь. – Мн: ИООО «Право и экономика», 2003.
2. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М.: «Мысль», 1966. – Т. 6.
3. Рубинов, А. Наука и общество /А. Рубинов // Беларусь Сегодня, № 233 от 12.12.2006 г.
4. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – Издание второе, стереотипное. Публикуется по изданию: И. Кант. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1963-1966 (Т. 4, ч. 1,2). – СПб: «Наука», 2005.

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВ

Станкевич Н.А.
младший научный сотрудник сектора статистики и анализа миграционных процессов Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Социокультурные трансформации, предполагающие взаимодействие и взаимное влияние традиций и инноваций, представляют собой еще более сложный и многомерный процесс, если они разворачиваются в условиях глобальных процессов перемен, которыми характеризуется так называемые переходные или транзитивные общества. Как видно из самого названия, социумы переходного типа движутся от одного типа социального, экономического, политического и культурного устройства к другому.

Неоднозначность экономических, политических, культурных результатов социального реформирования в различных странах актуализирует такую специфическую задачу политико-идеологического дискурса как определение и обоснование оптимального режима введения социально-экономических, управленческих, технологических инноваций, необходимо реализующихся в определенной социокультурной среде. Следует подчеркнуть, что современная эффективно работающая политическая идеология занимается определением порогов восприимчивости того или иного социума к инновациям, выявлением потенциала устойчивости социальных систем, находящихся в режиме реформирования. Если уровень интенсивности инновационной деятельности ниже некоего минимального порога, то это ведет к застою, стагнации, «пробуксовыванию» социальной динамики. При превышении максимально допустимых значений «инновационной нагрузки» социум не успевает адаптироватьяс к ним, выработать механизм их введения в контекст устоявшихся норм своего функционирования, что приведет к росту социальной напряженности, деформации привычных форм деятельности и коммуникаций, нарастанию аномии, снижению уровня социальной управляемости и устойчивости развития социума, к инициированию процессов его дезинтеграции и фрагментации.

В качестве специфической задачи современной идеологии выступает стимулирование процессов самоорганизации общества, его активности в достижении нового порядка при одновременной акцентированной демаркации границ флуктуаций социума, сохранении своего рода «защитного слоя» культуры, ядра антропо-социо-культурной системы.

Характер социокультурной динамики переходных обществ, задействовавшей в сложном синергетическом взаимодействии множество экономических, политических, культурных факторов, предъявляет новые требования к самому качеству политико-идеологического дискурса, способам и методам социального управления. Речь идет о снижении эффективности методов жесткого директивного программирования, предполагающего детальную проработку планов социально-экономического развития и – соответственно – возрастающей эффективности стратегического планирования, при котором определяются генеральные цели деятельности, ресурсы, выделяемые для их достижения, главное направление развертывания активности. Так, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы предусматривает «постоянное снижение роли государственных органов в прямом управлении деятельностью организаций» и смещение акцентов на «косвенные и индикативные инструменты государственного регулирования», переход к «стратегическому планированию, формированию и реализации отраслевых инновационных стратегий и государственной научно-технической политики» [1]

Ряд особенностей политико-идеологического дискурса проистекает, по нашему мнению, из особого качества современного общества, квалифицированного как «общество риска» (Э. Гидденс, У. Бек).

У. Бек связывает возникновение «общества риска» с «возможностью уничтожения всей жизни на планете в результате принятия определенных решений. Это отличает нашу эпоху не только от ранней стадии индустриальной революции, но и от всех прочих культур и общественных форм, как бы ни расходились они, и ни противоречили друг другу в деталях » [2, с. 165]. «Общественное производство богатств сопровождается, по мнению исследователя, растущим производством рисков, охватывающих все новые сферы человеческой деятельности. Новым фактором единства социума становится страх перед неопределенной опасностью, когда риски пронизывают собой все общественное пространство, не признавая сословных, профессиональных, социально-классовых, этнических различий. Появляются новые противоречия между теми, кто производит риски, извлекает из них выгоду, и теми, кто подвержен рискам, потребляет их» [2, с. 56].

Один из важнейших факторов производства рисков – размывание границ политики, смещение сферы политической воли и принятия решений в область субполитики. В проекте индустриального общества «отношения общественного изменения и политического управления изначально мыслятся… по модели «раздвоенного гражданина». Этот последний, с одной стороны, как citoyen (гражданин) осознает свои демократические права на всех аренах политической воли, а с другой стороны, как bourgeois (обыватель) отстаивает в сфере труда и экономики свои личные интересы. Соответственно происходит вычленение политико-административной и технико-экономической системы. Аксиальный принцип политической сферы есть участие граждан в институтах представительной демократии (партиях, парламентах и т.д.). Процесс принятия решений, а вместе с ним осуществление власти следуют максимам законности и принципу: власть и господство могут осуществляться только с согласия подвластных” [2, с. 279].

Такого рода автономизация политики размывается, однако, при переходе к современному, постмодерновому обществу: «Технологическое инновации умножают коллективное и индивидуальное благосостояние. А такие повышения жизненного уровня всегда оправдывают и негативные эффекты (деквалификацию, риски высвобождения, внедрения и занятости, угрозы здоровью, разрушение природы). Даже разногласия касательно «социальных последствий» не препятствуют осуществлению технико-экономических новшеств, которое, по сути, остается неподвластно политической легитимации и даже обладает пробивной силой, фактически невосприимчивой к критике. Прогресс заменяет голосование. Более того, прогресс заменяет все вопросы, это своего рода заблаговременное согласие с целями и следствиями, которые остаются неизвестны и анонимны» [2, с. 279]. Расхожее мнение о тождестве технического прогресса и прогресса социального имеет своим неявным основанием допущение: «техническое развитие продуцирует очевидные потребительные стоимости, которые в виде облегчений условий труда, улучшений жизни, подъёма уровня жизни и т.д. буквально ощутимы для каждого» [2, с. 303].

Представляется, что зафиксированная У. Беком проблема взаимодействия политики и субполитики должна быть освоена в контексте современного политико-идеологического дискурса, а поиски пути её решения – способствовать оптимизации практики социального управления. Перспективное направление осмысления поставленных вопросов заключается, по нашему мнению, в инициировании создания и развития новых форм парламентского контроля за технико-технологической сферой, междисциплинарных групп профессиональных экспертов, вовлечении представителей гражданского общества в процессы технологического планирования и приятия политических решений относительно целей, направлений, механизмов технико-экономического развития. На национально-государственном уровне особенности политико-идеологического дискурса следует связать с осмыслением проблем социально-экономического, культурного развития конкретного государства, отражающих специфику его функционирования в определенный исторический период, обнаруживающих себя в

качестве факторов возможной дестабилизации социума и требующих выработки программ их решения. Речь идет, в первую очередь, о вызовах национальной безопасности, понимаемой как «состояние защищённости национальных интересов от внутренних и внешних угроз» [3]. Выделим наиболее важные из них, опираясь на «Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь», принятую 9 ноября 2010 г. Реализуя модель социально ориентированного рыночного хозяйства, белорусская экономика является, тем не менее, одной из наиболее затратных в европейском регионе. Конкурентоспособность отечественных товаров на внутреннем и внешнем рынках снижается ввиду высокой степени зависимости от импорта энергоресурсов, износа основных фондов и, как следствие, их высокой себестоимости.

Научно-технологическая сфера страны характеризуется процессами интенсификации формирования инновационной системы. Однако при видимом росте эффективности научно-технических и инновационных разработок, их переориентации на практические потребности экономической и социальной сфер следует констатировать недостаточную наукоёмкость внутреннего продукта, низкую долю инновационной продукции в системе промышленного производства.

Отличаясь высоким уровнем развития человеческого потенциала, обнаруживая ряд положительных тенденций социального развития (низкий уровень безработицы, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, минимальный уровень расслоения общества по имущественному признаку и социальной напряжённости, позитивные сдвиги в решении демографических проблем), страна всё ещё уступает по ряду показателей качества жизни ведущим государствам мира.

Развивая демократические принципы свободы слова, права граждан на получение и использование информации, создавая условия для развития СМИ и национального сегмента глобальной сети Интернет, страна отстаёт от развитых стран по уровню информатизации: «В условиях открытости информационного пространства страны и конкуренции со стороны иностранного информационного продукта недостаточными остаются качество и популярность белорусского национального контента» [3].

Увеличивается степень антропогенного воздействия на окружающую среду, меры по сохранению биологического и ландшафтного разнообразия недостаточно эффективны.

При достаточной степени военной безопасности страны, обеспечиваемой, прежде всего, с опорой на политико-дипломатические, информационные и другие невоенные методы – обращают на себя внимание в полной мере не преодолённые тенденции, «связанные с моральным и физическим старением вооружения и военной техники, ухудшением состояния военной инфраструктуры, снижением престиже военной службы» [3].

Вырабатываемые государством программы, ориентируясь на фундаментальные интересы страны, отражённые в её идеологии, ранжируют соответствующие вызовы национальной безопасности по степени важности, выстраивают систему приоритетов деятельности социальных институтов с целью эффективного их преодоления, устранения возникающих в ходе развития социума дисфункций, придают позитивные импульсы социальной динамике, способствуют повышению уровня её устойчивости.

Литература:

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://law.sb.by/1002/. – Дата доступа: 10.10.11

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. - Москва: Прогресс-Традиция, 2000.- 384 с.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31000575. - Дата доступа: 10.10.11

НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СТРУКТУРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

Хамутовская С.В.
к.с.н., старший научный сотрудник сектора политической социологии и государственного управления Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Электоральная культура является составной частью политической культуры и в целом культуры любого общества, включая белорусское. В условиях становления и развития демократической политической системы существенное значение имеет то, насколько люди, обладающие избирательным правом, вовлечены в политическую систему, как они осознают свое место и роль в ней, каковы их взгляды, чувства и предпочтения относительно различных политических структур, лидеров, инициатив, как формируются те или иные политические ориентации, как они изменяются в условиях трансформации и т.п. Это вызывает необходимость изучения проблемы электоральной культуры, выступающей в данном случае в виде одной из характеристик электората Беларуси как основного источника власти.

Одним из важных элементов в структуре электоральной культуры, отражающим чувственно-эмоциональный аспект электорального выбора, является нормативно-ценностный. Именно эмоционально окрашенное восприятие позволяет гражданам применять специфические схемы упрощения политической действительности в процессе формирования собственного мнения по различным политическим вопросам. Данный элемент может измеряться при помощи таких эмпирически верифицируемых, получаемых социологическими методами, показателей как: 1) отношение граждан к политике; 2) проявление доверия/недоверия к политическим деятелям и институтам; 3) понимание людьми своей роли в политическом и избирательном процессах и связанных с ней задач, значимости политического участия; 4) осознание необходимости соблюдать установленные в государстве правила и нормы в политической области жизнедеятельности и подвергаться соответствующим санкциям в случае их нарушения; 5) оценка гражданами последствий своих действий в качестве электората для себя и для общества.

Отношение граждан, обладающих избирательным правом, к политике формируется, как правило, субъективно по шкале типа «хорошо – плохо (для меня лично)», на основе чего в дальнейшем вырабатывается оценка того или иного политического события, актора: нравится или не нравится новый закон, симпатичен или нет тот или иной политик, партия, организация, движение и тому подобное. Например, по результатам опроса общественного мнения, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук (НАН) Беларуси в октябре-ноябре 2010 года (республиканская выборка составила 1501 человек), выяснилось, что почти треть населения Беларуси – 36,9% – обращались для решения их проблем к представителям местной власти. При этом 3,8% опрошенных были полностью уверены, а 20,3% скорее уверены в том, что таким образом они добьются решения проблемы. Не уверенными в получении необходимой помощи оказались 21,3% респондентов и скорее не уверенными 30,9%.

В результате подобного отношения электората к работе местных властей осенью 2010 года примерно треть населения Беларуси признали эффективной деятельность Совета министров Республики Беларусь, местных органов власти, немногим более одной четвертой респондентов – деятельность Национального собрания Республики Беларусь. Затруднились дать ответ на данный вопрос в среднем от 40% до 57% респондентов, что говорит о том, что у населения Беларуси недостаточно знаний о деятельности и конкретных результатах работы Правительства, местных властей и Парламента. Однако,

почти половина опрошенных выразили уверенность в том, что работа Совета министров (61,1%), Национального собрания Республики Беларусь (44,9%), местных органов власти (42,7%) способствует сохранению стабильности в стране.

По результатам республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2010 года выяснилось, что в указанный период времени, в целом, наибольшим доверием населения Беларуси пользовались: Президент (58,9%), православная церковь (58,8%), армия (46,6%), милиция (46,1%), судебные органы (45,0%), органы госбезопасности (44,3%), Конституционный суд Республики Беларусь (44,1%).

Национальному собранию Республики Беларусь доверяли 37,1% электората, Совету министров Республики Беларусь – 37,5%, местным органам власти – 39,5%, что соответственно на 1,3, 0,6 и 5,2% больше, по сравнению с аналогичным периодом 2009 года (так, согласно данным республиканского мониторинга общественного мнения Института социологии НАН Беларуси (репрезентативная выборка – 2086 человек), в 2009 году местным органам власти Беларуси доверяло 34,3% населения, Национальному собранию – 35,8%, Совету министров Республики Беларусь – 36,9%). Необходимо отметить, что важную роль в повышении доверия и оценок деятельности местных органов власти, парламента и правительства сыграла активно осуществляющаяся в последние 3-4 года политика государства, направленная на дебюрократизацию деятельности различных управленческих структур.

Кроме того, на 4,1% возросло доверие электората политическим партиям Беларуси. Так в 2009 году им доверяли 9,6% населения, а в 2010 – 13,7%. Невысокое доверие, а также оценки населением роли политических партий в укреплении стабильности, прежде всего, связаны с тем, что, как и раньше, большинство партий в 2010 году представляли собой немногочисленные группы людей, сплотившихся вокруг того или иного политического лидера. Практически все они не были способны серьезно влиять на публичную власть.

Уровень доверия электората тем или иным государственным органам и политическим институтам, его отношение к выборам, в определенной степени отражает понимание избирателями их собственной роли в политическом и избирательном процессах и связанных с ней задач, значимости политического участия. К примеру, накануне выборов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, в апреле-июне 2008 года (по данным исследования 2008 года Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, репрезентативная республиканская выборка – 1994 человека), половина населения страны – 50,3% – отметили, что они воспринимают выборы как гражданский долг и реализацию собственных политических прав. Примерно четверть взрослого населения – 22,8% – были убеждены, что от выборов зависит возможность изменений к лучшему в жизни государства; 15,9 % – верили, что с помощью данной процедуры можно повлиять на кадровый состав властных структур, выбрать самых достойных кандидатов; 14,1% считали, что выборы – это возможность принять участие в жизни страны; 9,0% собирались голосовать, просто чтобы выборы состоялись, так как второй тур, на их взгляд, – дополнительная трата средств; 4,2% граждан участвовать в выборах вынуждали обстоятельства [1, с. 97]. В целом видно, что чуть более половины электората Беларуси воспринимали выборы как своего рода ценность, а также как возможность оказывать влияние на управление страной.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что выделенные показатели для измерения нормативно-ценностного элемента электоральной культуры населения Беларуси, могут достаточно успешно обеспечиваться социологическими методами, в частности такими, как опросы и мониторинги общественного мнения, в ходе которых становится возможным выявление субъективных обоснованных отношений и оценок индивидами тех или иных политических процессов,

явлений, институтов, а также дальнейшая объективизация и упорядочение полученных данных. При этом, последние отражают не только проблемы, существующие в конкретных областях жизнедеятельности, включая политическую, но и определенный социальный и политический опыт населения Беларуси, что, в свою очередь, может рассматриваться как один из важнейших первичных источников информации для проведения исследования структуры и особенностей электоральной культуры населения Беларуси, прогнозирования тенденций ее развития и изменения.

Литература:
1. Парламентские выборы, 2008 / И.А. Карпухина [и др.]; под ред. О.В. Пролесковского, Л.Е. Криштаповича; Инф.-аналит. центр при Админ. Президента Респ. Беларусь. – Минск: ИАЦ, 2008. – 138 с.

ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКЗИТ-ПОЛЛОВ (БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ)

Злотников А.А.
к.с.н., доцент кафедры философии и социологии Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого (Гомель, Беларусь)

Первый экзит-полл (exit-poll) был проведен Уорреном Митофски более сорока лет назад, в 1967 году, в США, в Кентукки. Избирательные участки выбирались случайным образом с учетом количества зарегистрированных на них избирателей. Участок с двумя тысячами потенциальных избирателей имел вдвое большую вероятность войти в выборку, чем с одной тысячей. В целом можно сказать, что отобранные участки представляли всех избирателей.

Интервьюеры встречали избирателей у выхода с участка и просили их заполнить анкету. В зависимости от того, какое количество избирателей с каждого участка следовало опросить, вопросы задавались каждому третьему, пятому или десятому избирателю. Заполненную анкету респондент опускал в специальную урну. Первые опросы были короткими, но позже количество вопросов в них постепенно увеличивалось.

В соответствии с графиком интервьюеры высылали собранную информацию в центр обработки, так что после закрытия участков можно было быстро получить картину голосования по штату. При этом Митофски звонил в вошедшие в выборку избирательные участки и сравнивал их результаты подсчетов с теми, что получались у него при анализе ответов проголосовавших избирателей. Если все сходилось, он мог объявить имя победителя.

В 1968 году состоялись президентские выборы в США, exit-poll был проведен в 20 штатах, опросный документ фиксировал не только то, за кого голосовали избиратели, но их пол и расу. Многое обрабатывалось вручную интервьюерами и передавалось по телефону, тогда еще не было возможности ввести все в компьютер за один вечер. Имя победителя определялось после сравнения результатов exit-poll и подсчета голосов в отобранных избирательных участках.

Конкуренция за то, чтобы первыми назвать имя победителя президентских выборов, была очень высокой. Поэтому Митофски в период подготовки опроса пытался понять, чему отдать предпочтение: скорости или правильности, то есть верному определению имени победителя? За годы работы Митофски было многое сделано для совершенствования процедуры построения выборки и проведения интервью, к тому же он научился выдерживать паузу, многократно проверяя свои выводы.

В настоящее время осуществление подобного рода проектов, является в определенной степени, показателем уровня политической культуры и демократизации общества, особенно если говорить о странах бывшего социалистического лагеря. Это в полной мере можно отнести и к Республике Беларусь, где 19 декабря 2010 года во время

выборов Президента опрашивали избирателей на выходах с участков интервьюеры аналитического центра «ЭкооМ», Республиканского союза общественных объединений «Белорусский комитет молодежных организаций» и компании «TNS-Украина». Первые две структуры уже проводили подобные опросы – на референдуме 2004 года и на президентских выборах 2006 года. Тогда результаты их экзит-полов фактически совпали с официальными результатами выборов, объявленными Центризбиркомом. *Впервые* в истории страны был проведен экзит-пол и иностранной компанией – «TNS Украина». «TNS Украина» входит в группу маркетинговых компаний TNS со штаб-квартирой в Лондоне. TNS работает в 70 странах и по годовому обороту лидирует в Европе среди исследовательских компаний. В состав «TNS Украина» входит первое в истории постсоветской Украины агентство маркетинговых и социально-политических исследований SOCIS, являющееся полноправным членом международной маркетинговой ассоциации «Gallup International Association». Опыт проведения экзит-полов и в целом участия в крупных политических кампаниях у украинских социологов большой. У себя в Украине, а также в других постсоветских странах и государствах Восточной Европы «TNS-Украина» участвовала более чем в 20 электоральных кампаниях. Первый экзит-пол компанией был проведен еще в 1998 году. Все это позволило применить богатый проведения подобный исследований и в Беларуси.

Интервьюировали избирателей на выходах с участков 900 временно привлеченных сотрудников из числа студентов белорусских вузов. Интервьюеры прошли специальное обучение. Опрос был проведен на 300 избирательных участках по всей стране, в том числе на 58 участках в Минске. На одном участке одновременно работали три интервьюера. На каждом участке было опрошено 35-40 человек, таким образом, всего в экзит-поле было задействовано более 10 тысяч избирателей по всей стране. Опрос проводился только за пределами участка, после голосования. Правила отбора респондентов предполагали определенный «шаг», т.е. опрашивался либо каждый 21-ый в городах с населением более 200 тысяч, либо каждый 13-ый в городах с населением менее 200 тысяч, либо каждый 6-ой в сельской местности. Причем следовало равномерно опрашивать людей в течение всего времени голосования, т.е. с 8.00 до 19.00. Завершение опроса за час до окончания голосования объяснялось необходимостью передать данные и произвести окончательные подсчеты. Если респондент отказывался отвечать на первый вопрос (как он проголосовал), то интервью заканчивалось и фиксировался отказ на отдельном «листе фиксации отказов». Соответственно, производилась замена отказавшегося респондента, поскольку отказ не считается результативным интервью. Выполнение этих и других правил позволило получить достоверные данные об итогах голосования, что было отмечено независимыми международными экспертами.

РАЗДЕЛ 4.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ПРОБЛЕМЫ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Кобяк О.В.
к.с.н., доцент, заместитель директора по научной работе МНИИСЭП (Минск, Беларусь)

В периоды экономических спадов, которые закономерно обусловливают снижение уровня и качества жизни населения, неизменно актуализируется проблема усиления трудовой мотивации работников и повышения производительности их труда. На современном этапе развития Республики Беларусь поиск способов повышения мотивации работников к активным формам и видам экономического поведения предполагает выяснение при помощи социологических инструментов основных, глубинных движущих сил, которые стоят за непосредственными побуждениями людей к действиям, то есть – выявление базовых социальных интересов [1, с. 271–272].

Эмпирической основой настоящего исследования явились результаты республиканского социологического мониторинга «Общественное мнение», проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в ноябре 2010 года (по репрезентативной для Беларуси выборке методом анкетирования было опрошено 2095 человек). Анализ полученных данных свидетельствуют о том, что в общественном сознании жителей Беларуси доминируют интересы, связанные с сохранением и развитием собственного домохозяйства. Главный вектор социальных интересов направлен на семью (70,9% выборов), детей (70,6%), крепкое здоровье, как условие благополучия (51,0%), и любовь как гарант душевного покоя и комфорта (40,3%). Среди вариантов ответа, которые набрали менее 10% выборов: возможность получать любые удовольствия, развлекаться; карьера, высокое положение в обществе; долг перед Родиной; богатство, большие деньги; секс; свобода как независимость поступков, суждений; творчество; власть; общественное признание, известность, репутация.

Для выявления генеральных векторов в палитре социальных интересов нами была осуществлена процедура факторного анализа, которая позволяет снизить размерность пространства исследуемых признаков*. В результате произведенных расчетов мы получили восемь факторов, объясняющих основные, личностно обусловленные причины и движущие силы жизненной активности респондентов.

Первый фактор объединяет переменные, связанные с реализацией профессиональных интересов социальных субъектов. Это: интересная работа, профессия; знания, познание мира, людей, образование; творчество. Социальную группу, представители которой отличаются подобным образом мышления, условно назовем *«Профессионалы»*.

Второй фактор включает социально востребованные для жителей Беларуси переменные, связанные с созданием и развитием собственного домохозяйства. Это: семья и дети. Респондентов, чей образ мышления определяется действием данного фактора, назовем *«Семьянины»*.

Третий фактор содержит переменные, связанные с реализацией субъектами, главным образом, властных интересов путем использования каналов вертикальной социальной мобильности и стремления к получению широких полномочий. Это: власть;

* Факторный анализ проведен при помощи программного пакета обработки статистической информации SPSS 13. Выделенные факторы объясняют 49,7% суммарной дисперсии.

богатство, большие деньги; карьера, высокое положение в обществе. Субъектов, подверженных влиянию этого фактора, определим как *«Политиков»*.

Четвертый фактор объединяет высокодуховные и социально-ориентированные компоненты общественного сознания. Это: долг перед Родиной; помощь людям; вера. Группу респондентов, представители которой отличаются таким образом мышления, назовем *«Патриоты»*.

Пятый фактор включает переменные, связанные с интересами субъектов в области социальных отношений и сфере удовольствий. Это: секс; любовь; дружба; возможность получать любые удовольствия, развлекаться. Респондентов, чей образ мышления определяется действием данного фактора, назовем *«Гедонисты»*.

Шестой фактор содержит переменные, связанные с сохранением душевного и физического здоровья. Это: здоровье; душевный покой, комфорт. Группу респондентов, представители которой отличаются подобным образом мышления, назовем *«Самосохранители»*.

Седьмой фактор объединяет переменные, связанные с возможностями для реализации персональных интересов субъектов в области саморазвития. Это: самоуважение; самореализация; свобода как независимость поступков, суждений. Субъектов, подпадающих под влияние этого фактора, определим как *«Индивидуалисты»*.

Восьмой фактор включает переменные, связанные с удовлетворением экономических и публичных интересов субъектов. Это: материально обеспеченная жизнь; общественное признание, известность, репутация. Респондентов, чей образ мышления определяется действием данного фактора, назовем *«Артисты»*.

Выявленные в палитре социальных интересов генеральные векторы (факторы) определяют образ мышления социальных субъектов и особенности их мотивации. Для определения реальных носителей социальных интересов из общего массива респондентов мы выделили восемь групп. Каждая группа вычленялась по факту выбора респондентами всех переменных, входящих в тот или иной фактор (от 2 до 4 – в зависимости от конкретного фактора). Одним из надежных эмпирических показателей полноты реализации социальных интересов представителями выделенных групп является степень их удовлетворенности своей работой. Этот показатель принципиально важен, поскольку предыдущие авторские социологические исследования свидетельствуют о высокой значимости работы в организации жизнедеятельности граждан Беларуси. Для сравнения разных групп по данному показателю мы рассчитали среднегрупповые индексы удовлетворенности (с диапазоном вариации значений от 1 до 5) [2, с. 25]. Были получены следующие значения (в порядке их снижения): Профессионалы (3,73); Гедонисты (3,63); Патриоты (3,52); Семьянины (3,43); Самосохранители (3,33); Артисты (3,31); Индивидуалисты (3,20); Политики (3,17).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в наибольшей степени удовлетворены работой носители профессиональных и коммуникативных интересов. А в наименьшей степени испытывают удовлетворенность своей работой субъекты с выраженными экономическими и статусными интересами. Вместе с тем, последние отличаются весьма активным экономическим поведением. Чтобы оценить степень этой активности мы разработали соответствующий показатель [3, с. 157], значения которого варьируют в диапазоне от –1 до +1, рассчитали их для каждой из выделенных групп, а затем конвертировали полученные значения показателя в шкалу от 1 до 5, так же, как и у использованного выше индекса удовлетворенности. Были получены следующие значения (в порядке их снижения): Гедонисты (4,09); Политики (3,75); Индивидуалисты (3,48); Семьянины (3,40); Профессионалы (3,33); Артисты (3,33); Самосохранители (3,23); Патриоты (3,18).

Если рассматривать уровень активности экономического поведения как предпосылку, а степень удовлетворенности работой как результат предпринимаемых субъектом действий, то рейтинговая разница в позициях выделенных групп по

показателям активности и удовлетворенности будет свидетельствовать о мере результативности действий, совершаемых носителями различных социальных интересов (в их субъективном восприятии). Для Патриотов величина этого показателя составит +5, для Профессионалов: +4, Самосохранителей: +2, Семьянинов и Артистов – 0 (рейтинговые позиции совпадают), для Гедонистов: –1, Индивидуалов: –4, Политиков: –6.

Проведенный социологический анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы: *Во-первых,* чем сильнее у социальных субъектов выражены экономические интересы и статусные устремления, тем выше у них уровень активности экономического поведения. Эта активность, по меньшей мере, проявляется на уровне сохранения и развития домохозяйства. *Во-вторых,* чем выше показатель активности экономического поведения, тем в большей мере социальные субъекты сталкиваются с социальным риском неудовлетворенности работой. Эта ситуация свидетельствует о наличии институциональных ограничений, которые препятствуют полноценному развертыванию личностного потенциала работников. На обогащение спектра этих возможностей нацелены мероприятия, проводимые в 2011 году в рамках официально объявленного в Беларуси Года предприимчивости.

Литература:
1. Шавель, С.А. Общественная миссия социологии / С.А. Шавель. – Минск: Беларуская навука, 2010.
2. Соколова, Г.Н. Экономическая социология / Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк // Социология: Методология отраслевых и оперативных исследований: учеб. пособие для студентов социолог. спец. БГУ / Под ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Елсукова. – Минск: БГУ, 2005.
3. Кобяк, О.В. Социальные стереотипы о качестве жизни и их влияние на экономический образ мышления граждан Беларуси / О.В. Кобяк. – Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. – 2011. – № 941.

БЛАГОСОСТОЯНИЕ БЕЛОРУСОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Таранова Е.В.
к.с.н., старший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Уровень и качество жизни – научные категории, в рамках которых исследуются обеспеченность и удовлетворенность населения возможностями и условиями жизнедеятельности с точки зрения уровня доходов, потребления, жилищных условий, условий труда и отдыха, экономической активности, медицинского обслуживания, доступности образования, пенсионного обеспечения и т.д. Причем отдельные компоненты уровня и качества жизни могут быть изучены как по данным статистических наблюдений, так и по данным социологических исследований.

Основа благосостояния в обществе – это, прежде всего, сложившийся в стране уровень доходов и расходов населения.

Анализ статистических данных. По данным Белстата изменение уровня ***доходов*** белорусских граждан имело положительную динамику вплоть до 2011 года. Так, если в 2000 году среднедушевые доходы превышали бюджет прожиточного минимума (БПМ) в 1,5 раза, но были ниже уровня минимального потребительского бюджета (99,6% от МПБ) [1; 42], то в 2011 году (январь-август) денежные доходы превысили бюджет прожиточного минимума в 3 раза (314,7% от БПМ), а минимальный потребительский бюджет – в 2 раза (203,5% от МПБ) [2]. Кроме того, доля населения с доходами ниже БПМ (малообеспеченные) снизилась к началу 2011 г. по сравнению с 2000 г. в 8 раз (с 41,9% до 5,2%). Вместе с тем, последние официальные статистические данные показывают отрицательное изменение реальной заработной платы и пенсий в 2011 году (август) по сравнению с аналогичным периодом 2010 года, которое составило 96,1% и 90,0% для

зарплат и пенсий соответственно [2]. Таким образом, в Беларуси стала наблюдаться пока не значительная, согласно статистическим данным, но отрицательная динамика уровня реальных доходов населения.

В целом, социально-экономическая политика в Беларуси за последние 10 лет смогла обеспечить улучшение благосостояния белорусского населения, в том числе его малообеспеченных слоев, за счет повышения заработной платы работающих граждан, а также за счет перераспределения доходов посредством социальных трансфертов (пенсий и пособий), с целью выравнивания экономического положения различных слоев общества. Так для 20% наименее обеспеченной части белорусского общества значимым источником денежных доходов, наряду с заработной платой, выступают социальные трансферты, доля которых в структуре доходов в 2010 г. составляла почти 1/3 [3, с. 33]. В целом структура доходов населения Беларуси в 2011 г. представлена следующими статьями и их удельным весом: оплата труда (65,3%), доходы от предпринимательской деятельности (11,3%), трансферты населению (19,8%), доходы от собственности (2,2%), прочие доходы (1,4%).

По показателям уровня доходов квинтильных групп (4,0) и коэффициенту Джини (0,265) в 2010 году неравенство белорусского населения можно охарактеризовать как умеренное, близкое к европейским странам. Так, структура квинтильных групп и коэффициент Джини (2010 г.) в Норвегии были равны 3,9 и 0,258 соответственно, в Германии – 4,3 и 0,283, в Швеции – 4,0 и 0,250. В то время как в Российской Федерации эти показатели составили – 8,2 (уровень доходов в квинтилях) и 0,423 (коэффициент Джини) [4]. Стоит также отметить, что структура квинтильных групп в Беларуси (по материалам выборочных обследований домашних хозяйств) практически не претерпевала изменений на протяжении более чем 10-ти последних лет. В 2010 году в низшей квинтильной группе (с наименьшими ресурсами) доля доходов составила 9,4 %, во второй – 13,9 %, в третьей – 17,5 %, в четвертой – 22,5 %, в высшей (с наибольшими ресурсами) – 36,7 % [5, с. 77].

Структура ***расходов*** белорусских семей, как показатель материального благосостояния, характеризуется снижением доли потребительских расходов с 89,6% в 2000 г. до 76,4% в 2010 г. и, соответственно, увеличением доли расходов на вклады и сбережения с 2,4% до 9,5%, а также расходов на строительство и покупку недвижимости с 0,8% до 4,2% в общей структуре расходов населения [5, с. 36]. Что касается расходов домашних хозяйств на покупку продуктов питания то здесь также можно говорить о положительной динамике. Если в 2000 году 33,7% белорусов тратили на продукты питания более 70% семейного бюджета, то в 2010 г. таких семей осталось только 2%. Для 24,2% белорусов расходы на продукты питания составили от 50 до 70% (10 лет назад таких семей было 44,8%). Более половины белорусских семей (53,6%) тратят на продукты питания от 30 до 50% семейного бюджета (в 2000 г. – 19,6% семей). До 30% семейного бюджета уходит на покупку продуктов питания у 1/5 белорусских домохозяйств (в 2000 г. таких семей было только 1,9%) [5; 50]. Следует отметить, что в структуре минимального потребительского бюджета (утвержденного на период с 1 ноября 2011 г. по 31 января 2012 г.) нормативная доля расходов на покупку продуктов питания составляет 58,4% [6].

Анализ социологических данных. Субъективные оценки респондентами своего благосостояния являются, по сути, экспертными оценками, которые характеризуют массовые представления граждан об уровне доходов своих семей. По результатам Республиканского социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, регулярно собирается информация о подобных представлениях населения и их динамике. Анализ социологических данных в контексте оценок респондентами материального положения своих семей показывает, что в период с 2002 по 2011 гг. доля тех белорусов, кто оценивает материальное положение своей семьи как «скорее плохое» и «плохое» снизилась в 1,5 и 2 раза соответственно; несколько увеличилась доля тех, кто определяет материальное положение как «среднее» – с 50,6 до 62,5% и «хорошее» – с 4,9 до 6,7%. Вместе с тем, следует отметить, что в 2011 году по сравнению с 2010 годом

несколько снизился удельный вес тех, кто оценивал материальное положение как «хорошее» и «скорее хорошее» с 7,3% и 8,2% до 6,7% и 6,8% соответственно. Более половины респондентов (62,5%) еще весной характеризовали материальное положение своих семей как «среднее» (в 2010 г. – 63,4%); 1/5 часть опрошенных белорусов оценили свое материальное положение как «скорее плохое» и «плохо».

Уровень материальной обеспеченности остается основным критерием идентификации себя с тем или иным социальным слоем. Так по результатам социологического опроса в 2011 году, людьми среднего достатка считают себя 60,5% опрошенных белорусов, богатыми – 0,4% респондентов, обеспеченными людьми – 4,0%, бедными – 21,4%, нищими – 1,6%. Затруднились ответить на вопрос «Кем Вы себя считаете?» – 12,1% респондентов. В 2003 году 41,1% белорусов отнесли себя к людям среднего достатка, 38,2% – к людям с достатком ниже среднего, 1,9% – к людям с достатком выше среднего, 13,1 – к бедным, 0,3% – к богатым; затруднились ответить – 5,4% отвечавших на данный вопрос.

Благосостояние различных слоев общества выражается не только в уровне получаемых доходов, но и в уровне расходов, т.е. доступе к социально-экономическим возможностям в различных сферах жизни – потреблении, образовании, отдыхе и т.д. Так, при ответе на вопрос о том, на что хватает белорусам получаемых доходов, основной статьей остаются продукты питания (73,8% – в 2003 г., 83,3% -– в 2010 г. и 91,2% в 2011 г.), второй по частоте выбора является такая обязательная статья расходов, как кварплата и платежи за коммунальные услуги (78,2%, 80,5% и 81,6% в 2003, 2010 и 2011 гг. соответственно). На третьем месте – расходы на хозяйственно-бытовые товары (51,2%, 68,6% и 68,1%). На четвертом – оплата лечения и медикаментов (39,7%, 56,0% и 59,9%). На пятом – оплата бытовых услуг (38,2%, 51,9% и 52,0%). И только затем идет статья расходов на одежду и обувь (37,2% – 2003 г., 55,4% – 2010 г. и 42,5% – 2011 г.). Таким образом, несмотря на то, что расходы на одежду и обувь согласно структуре потребительского бюджета стоят на втором месте после продуктов питания (18,0% от МПБ), белорусы могут позволить их приобретение только после оплаты коммунальных и бытовых услуг, оплаты лечения и медикаментов, приобретения хозяйственно-бытовых товаров. Стоит также отметить, что в 2011 году по сравнению с 2010 годом снизилась доля тех респондентов, которые отмечали, что им хватает средств на приобретение одежды и обуви (с 55,4% до 42,5%); на приобретение товаров долговременного пользования (с 18,3% до 6,7%); на отдых и путешествия (с 10,5% до 3,7%).

Изучение динамики распределения ответов на вопрос о том, как изменилось материальное положение белорусов и их семей по сравнению с прошлым годом, показало близкие значения (для 2003 и 2011 гг.) по ответам «немного улучшилось» (14,6% и 14,3% в 2003 и 2011 гг. соответственно), «немного ухудшилось» (21,6% и 22,8%) и «существенно ухудшилось» (9,4% и 9,1%). По сравнению с 2010 годом мы наблюдаем снижение доли положительных и увеличение доли отрицательных ответов по данному вопросу. Вместе с тем, последние социологические данные 2011 года показали, что доля белорусов, которые при оценке своей жизненной ситуации в целом, считают что «все более чем нормально» по сравнению с 2002 годом увеличилась почти в 2,5 раза (с 3,2% в 2002 г. до 7,8% в 2011 г.); «все не так плохо и можно жить» – в 1,5 раза (с 26,4% до 39,1%). Доля тех, кто отметил, что «жить трудно, но можно терпеть» – уменьшилась в 1,5 раза (с 57,4% до 39,3%); «положение бедственное и терпеть уже невозможно» – уменьшилась в 1,5 раза (с 8,4% до 5,2%); затруднились оценить свою жизненную ситуацию 8,5% респондентов.

Таким образом, анализ статистических и социологических данных о динамике доходов и изменении структуры потребления в белорусском обществе показал, с одной стороны, положительную динамику благосостояния населения за последние 10 лет. Однако в настоящее время наблюдается не значительная, согласно статистическим данным, но отрицательная динамика уровня реальных доходов населения. Стоит

отметить, что мы пока не располагаем данными об изменении оценок белорусским населением своего благосостояния в условиях современного экономического кризиса.

Литература:
1. Денежные доходы и расходы населения Республики Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 53 с.
2. Доходы и расходы населения / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2011_9/14.pdf. – Дата доступа: 10.11.2011.
3. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-июне 2011 г. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main1.php. – Дата доступа: 10.11.2011.
4. Доклад о развитии человека 2011 «Устойчивость и капитал: лучшее будущее для всех». – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/download/. – Дата доступа: 03.11.2011.
5. Социально-экономического положение домашних хозяйств Республики Беларусь: Стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2011.
6. Минимальный потребительский бюджет / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/socnorm/norm2. – Дата доступа 05.11.2011.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Сечко Н.Н.
к.с.н., старший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Исходя из концепции социальных показателей, следует рассматривать *уровень жизни* как социально-экономическую категорию, выражающую обеспеченность населения потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений [1]. Уровень жизни населения является обобщающим показателем эффективности социально-экономической политики государства, поэтому одной из основных задач социальной политики Беларуси является сокращение уровня малообеспеченности населения – удельного веса граждан, имеющих доход ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ). За период с 2000 по 2011 год слой малообеспеченных уменьшился в 8 раз (с 41,9% до 5,2%). Согласно данным республиканского социологического мониторинга Институтом социологии НАН Беларуси на начало 2011 года 13,4% респондентов оценили материальное положение своей семьи как «хорошее и скорее хорошее», 62,5% дали средние оценки. При этом стоит отметить, что белорусские граждане под понятием «средний уровень жизни» сегодня подразумевают наличие в собственности квартиры (в сельской местности – дома), легкового автомобиля и участка земли. Средний уровень жизни белорусов подразумевает также наличие полноценного питания (78,9 %) и время от времени – посещение театров, кино, концертов (45,7 %), использование платных медицинских услуг (45,1 %), посещение кафе, ресторанов (32,3 %), сауны, бассейна, спортивного комплекса (22,0 %) и белорусских курортов (20,5 %). За последние три года белорусу со средним уровнем жизни удалось сделать ремонт в квартире (доме) – 41,2 % и приобрести товары длительного пользования (технику, мебель) – 44,0 %, каждый пятый житель страны смог сделать накопления, улучшить свое материальное положение, обеспечить образование детям и приобрести автомобиль.

Потребительская уверенность населения является важным индикатором социально-экономического развития страны и уровня жизни населения. Поэтому в ходе республиканского социологического мониторинга Институтом социологии изучается потребительская уверенность и потребительское поведение населения. Анкета

мониторинга включает вопросы о субъективном мнении респондента об общей экономической ситуации и личном материальном положении, а так же о ситуации на рынках товаров (услуг) и сбережениях. Ответы респондентов распределяются по следующим вариантам: определенно положительные или определенно отрицательные (очень хорошее, очень благоприятное/очень плохое, совсем неблагоприятное); скорее положительные или скорее отрицательные (хорошее, скорее благоприятное/плохое, скорее неблагоприятное); нейтральные (среднее, "плюсов" и "минусов" одинаково).

Частные индексы рассчитываются на основе сведения баланса оценок респондентов (в процентах) по соответствующему вопросу анкеты. Баланс оценок представляет собой разность между суммой долей (в %) определенно положительных и скорее положительных ответов и суммой долей (в %) определенно отрицательных и скорее отрицательных ответов. Нейтральные ответы не принимаются во внимание. Обобщающий (композитный) индекс – индекс потребительской уверенности – рассчитывается как среднее арифметическое значение пяти частных индексов: произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения (1-2), произошедших и ожидаемых изменений экономической ситуации в Беларуси (3-4), благоприятности условий для крупных покупок (5). Полученная в результате обследования потребительских ожиданий населения информация может быть использована для анализа поведенческой модели населения на потребительском рынке, а также для прогнозирования изменений потребительской активности и уровня жизни населения.

Если говорить в целом об оценке населением социально-экономической ситуации в Беларуси, то на начало 2011 года как «хорошую и скорее хорошую» ее оценивали 13,2% населения, средние оценки дал практически каждый второй опрошенный – 45,5%, как «скорее плохую и плохую» ее оценили 26,4% (табл. 1).

Таблица 1. Оценка белорусским населением социально-экономического положения в стране, %

Варианты ответов	Годы									
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Хорошее, скорее хорошее	4,2	7,8	8,6	17,7	24,3	16,3	17,0	9,3	15,8	13,2
Среднее	27,5	35,9	51,2	51,6	49,9	50,9	53,0	48,9	48,6	45,5
Скорее плохое, плохое	54,8	41,3	23,6	17,6	11,9	18,0	17,1	24,4	21,9	26,4
Затруднились ответить	13,6	15,1	16,7	13,0	14,0	14,8	13,0	17,3	13,6	15,0
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Оценки населением произошедших за год изменений в социально-экономической ситуации более контрастны и критичны: в 2011 году доля тех, кто отметил ухудшение в 2,5 раза превысила долю позитивно оценивающих происходящие изменения (табл. 2).

Таблица 2. Оценка белорусским населением произошедших за год изменений в социально-экономической ситуации в Беларуси, %

Варианты ответов	Годы									
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Улучшилась	7,9	13,0	28,2	41,4	45,9	26,5	25,7	11,5	18,9	14,9
Не изменилась	25,1	34,9	36,2	29,7	28,0	30,0	36,5	23,1	27,5	22,9
Ухудшилась	50,4	32,3	15,1	10,5	6,7	21,2	19,9	37,9	28,9	41,4
Затруднились ответить	16,7	19,7	20,5	18,4	19,4	22,3	18,0	27,5	24,8	20,8
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

С учетом происходящих в мировой экономике изменений, которые не могут не отражаться на ситуации в Беларуси, следует отметить, что начиная с мирового финансово-экономического кризиса 2008 года индексы оценок социально-экономической ситуации и произошедших в ней изменений, даваемые населением Беларуси, снизились (рис. 1).

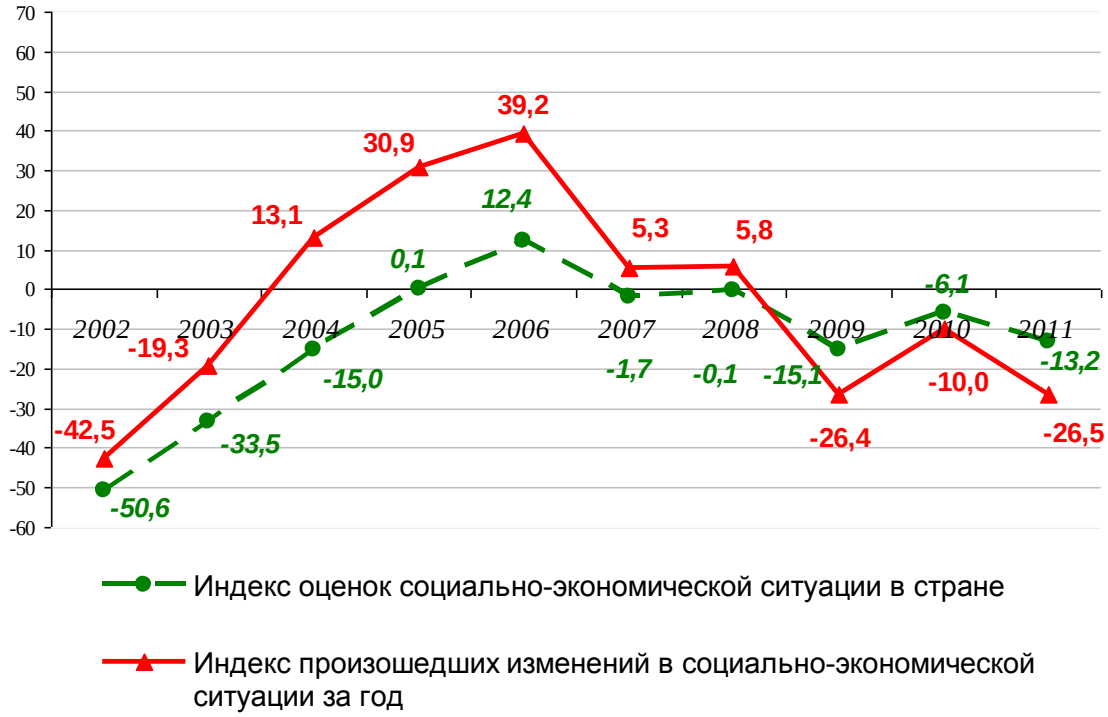

Рисунок 1. Индексы оценок социально-экономической ситуации населением Беларуси

Вторым важным индикатором потребительского доверия и поведения выступают оценки личного материального положения. Материальное положение своих семей белорусы оценивают довольно высоко, и здесь влияние мировых кризисных явлений на начало 2011 года не было столь критичным: 13,4% респондентов оценили материальное положение своей семьи как «хорошее и скорее хорошее», 62,5% дали средние оценки, и 20,5% – поставили негативные оценки (табл. 3).

Таблица 3. Оценка белорусским населением материального положения их семей, %

Варианты ответов	Годы									
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Хорошее, скорее хорошее	11,4	7,3	8,9	13,3	16,9	14,3	17,4	12,3	16,6	13,4
Среднее	50,6	53,1	54,8	59,5	62,9	60,8	60,7	57,7	57,5	62,5
Скорее плохое, плохое	34,2	36,5	32,3	24,0	16,8	21,7	19,1	26,2	22,0	20,5
Затруднились ответить	3,8	3,0	3,9	3,3	3,4	3,2	2,8	3,9	3,9	3,5
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Динамика материального положения белорусов за последние годы была позитивной: около 1/5 населения отмечали происходящие улучшения своего благосостояния и практически каждому второму (47,1%) удавалось поддерживать достигнутый уровень жизни (табл. 4).

Таблица 4. Оценка белорусским населением изменений личного материального положения за прошедший год, %

Варианты ответов	Годы									
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Улучшилось	10,9	15,9	25,9	27,6	35,3	25,8	27,4	14,8	17,8	17,2
Не изменилось	44,0	50,5	46,5	48,6	46,3	47,1	47,5	41,0	42,8	47,1
Ухудшилось	36,6	29,4	22,0	19,8	13,8	22,7	21,5	39,8	33,3	31,9
Затруднились ответить	8,6	4,2	5,7	4,0	4,6	4,4	3,6	4,5	6,0	3,7
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

В целом, начиная с 2002 года, в Беларуси происходил рост индексов личного материального положения семей. Мировой финансовый кризис 2008 года обусловил снижение показателей, на протяжении 2010 года меры правительства и состояние белорусской экономики еще позволяли поддерживать уровень жизни семей в нашей стране (рис. 2), что обеспечивало достаточно активное потребительское поведение населения.

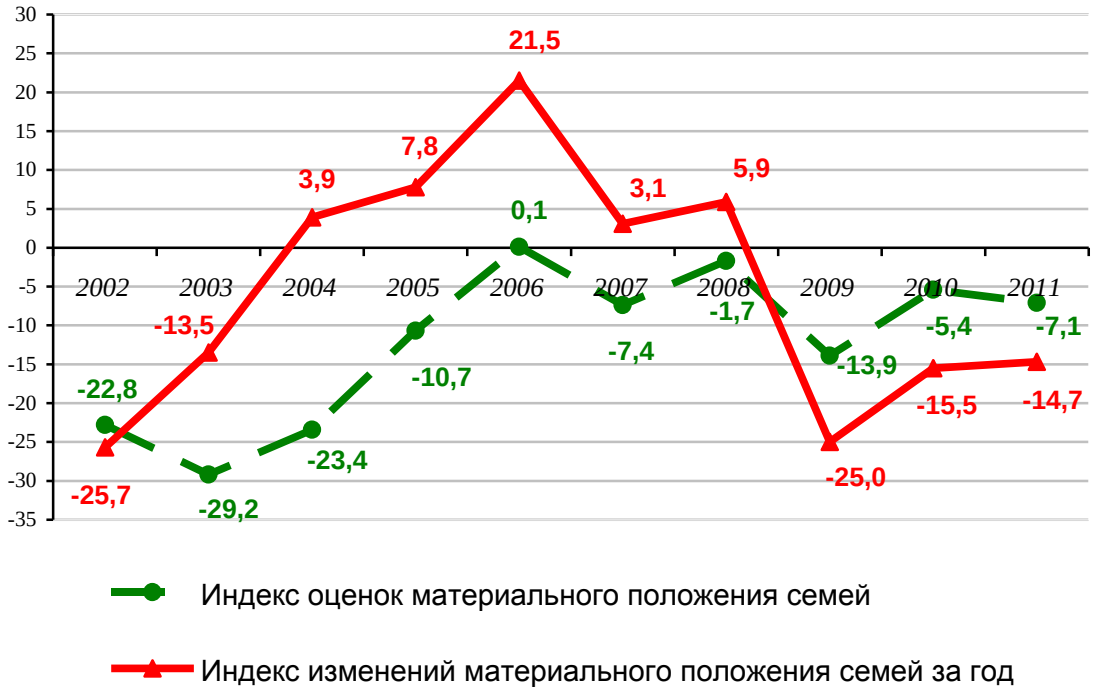

Рисунок 2. Индексы оценок личного материального положения белорусских семей

Однако, как показывают данные проводимых мониторингов, на протяжении ряда лет одной из наиболее актуальных и волнующих проблем для белорусских семей являются цены на продукты и товары первой необходимости. В 2002 году напряженность по данной проблеме достигала пика – практически для 95% белорусских семей это была «больная тема», по мере стабилизации ситуации в стране к 2006 году данная проблема волновала уже только каждую вторую семью (50%), а в нынешней ситуации ее актуальность вновь начала возрастать, что видно и на рисунке 3.

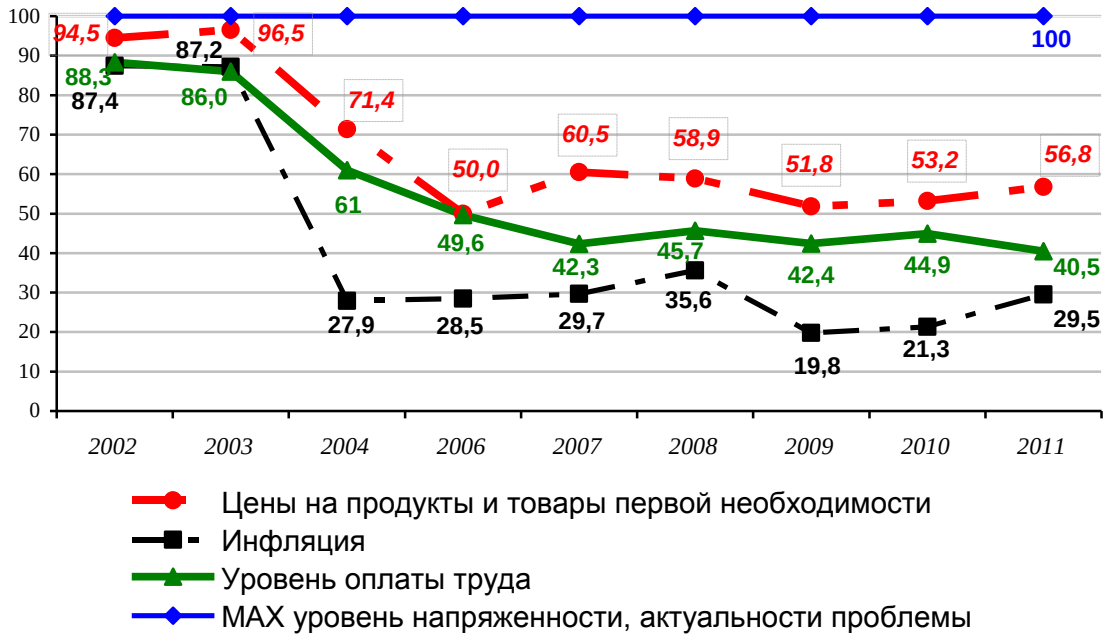

Рисунок 3. Проблемы, волнующие белорусское население, %

По данным Белстата и социологических мониторингов изменение уровня *жизни* белорусских граждан имело положительную динамику вплоть до 2011 года. Однако официальные статистические данные показывают отрицательное изменение реальной заработной платы и пенсий в 2011 году (август) по сравнению с аналогичным периодом 2010 года, которое составило 96,1% и 90,0% для зарплат и пенсий, соответственно [2]. Девальвация и введение единого курса белорусского рубля значительно снизили покупательную способность белорусских граждан. Проведенный анализ выявил, что в Беларуси в современной ситуации происходит снижение всех основных компонентов индекса потребительской уверенности, что обусловит изменения потребительского поведения населения. Население начинает задумываться, что и как потреблять, а цены на продукты и товары первой необходимости, стоимость минимальной потребительской корзины стоит на первых ранговых позициях среди волнующих население проблем.

Литература:

1. Сечко Н.Н. Уровень и качество жизни как предпосылки перехода к постиндустриальному обществу / Н.Н. Сечко / Г.Н. Соколова, Н.Н. Сечко, Е.В. Таранова // Социология. – 2010. – № 4. – С. 41–52.
2. Доходы и расходы населения / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2011_9/14.pdf.

ПРОБЛЕМЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Канаш Т.В.
к.с.н., адьюнкт кафедры социологии и междисциплинарных исследований Института философии и социологии Академии специальной педагогики имени М. Гжегожевской (Варшава, Польша)

Удовлетворенность жизнью как один из индикаторов развития общества. Разрабатывая социально-экономические и политические направления развития страны необходимо учитывать ряд объективных показателей. Однако, социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью населения является комплементарным фактором, определяющим уровень цивилизационного развития. Во всем мире проводятся

исследования общественного мнения по проблемам уровня и качества жизни, выявляющие как восприятие жизни в целом, так и удовлетворенность определенными сферами: семьей, здоровьем, доходом, экологией, безопасностью и др.
В международных сравнительных исследованиях удовлетворенность жизнью измеряется с помощью шкалы «лестница Кантрила». Данная методика выявляет уровень удовлетворенности респондентов их жизнью в целом в виде оценки по шкале от 0 до 10, где 0 – это абсолютно неудовлетворен, 10 – полностью удовлетворен. Как показывает график, средняя удовлетворенность жизнью в целом в Польше чуть ниже 6 пунктов, тогда как среднее для ОЭСР составило несколько выше 6,5 пунктов (рис. 1).

Рисунок 1. Удовлетворенность жизнью в Польше и странах ОЭСР

Дополнительным источником информации и измерения благосостояния стран ОЭСР являются интернет-опросы. С 2009 года Организация экономического сотрудничества и развития рассчитывает индекс благополучия наций для 34 стран-участниц. Пользователи Интернета на специальной странице сайта могут оценить самостоятельно уровень и качество жизни в своей стране на основе собственных представлений о «лучшей жизни» [1]. В ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете благополучие страны?» используются следующие индикаторы: жилище, доход, работа, общественная жизнь, образование, окружающая среда, качество управления страной, здравоохранение, удовлетворенность жизнью, безопасность, баланс между работой и личной жизнью. По данным на 27 августа 2011 года Польша заняла 25 место по общему индексу благополучия. Для сравнения: первое место заняла Австралия, а последнее – Турция. Для Польши более высокие оценки получены по индикатору безопасности (9,1), образованию (7,1) и общественной жизни (7,1), а ниже всего оценен уровень дохода (0,8), здравоохранение (3,3) и удовлетворенность жизнью (3,5). Баланс между работой и личной

жизнью составил 6,6. Удовлетворенность жизнью в интернет-опросе почти в два раза ниже, чем в репрезентативных массовых опросах.

Принимая во внимание позицию Польши по уровню удовлетворенности жизни среди стран ОЭСР, возникает вопрос: на самом ли деле в польском обществе так низко оценивается удовлетворенность жизнью в целом? В 1988 году в Польской Народной Республике количество людей, удовлетворенных жизнью, было самым низким в истории страны. Значительное улучшение социального самочувствия населения произошло в 1999 году, спустя 10 лет после реформ [2]. Следующий пик роста удовлетворенностью жизнью наблюдается в 2007 году. В 2009 г., по сравнению с серединой 90-х, на 17 % выросло число удовлетворенных жизнью респондентов и в два раза сократилась численность населения, неудовлетворенного своей жизнью [3, с. 3].

В «Общественном диагнозе»* в 2011 году более 80% исследуемых сообщило, что довольны своей жизнью. Важными были названы такие ценности как здоровье, удачный брак, дети, работа и деньги [4]. Интересно, что самые довольные жизнью люди живут в Гдыни, Слупске, Жешове, а наименее удовлетворены жители Радомя и Сосновца [4]. Гдыня и Слупск – это северные города на Балтийском море, принадлежащие Поморскому воеводству, Жешув, административный центр Подкарпатского воеводства, находится на юго-востоке Польши, Радом – город в центре страны, входящий в состав Мазовецкого воеводства в 100 км от Варшавы, Сосновец расположен на юге страны в Силезском воеводстве.

Меньше всего поляки довольны своим уровнем дохода и финансовым положением (40% «неудовлетворенных», 33% «средне удовлетворенных», 26% «удовлетворенных»). Это также касается жизненных перспектив (40% «удовлетворенных», 32% «средне удовлетворенных», 18% «неудовлетворенных») [3, с. 6]. Вместе с тем, наблюдается тенденция роста численности опрошенных респондентов, удовлетворенных уровнем дохода (с 9% в 1994 г. до 25% в 2010 г.).

Удовлетворенность жизнью и социальные настроения. В исследованиях о социальном самочувствии поляков [5] изучается радость по поводу того, что что-то в жизни удалось, есть чувство уверенности, что все складывается хорошо. Респондент может отметить особый интерес к чему-либо, чувство гордости за собственные достижения, а также беспокойство, раздражение, уныние, усталость, чувство явного пренебрежения со стороны властей, ощущение беспомощности, злости, депрессии, мысли о самоубийстве. Анализ получаемых данных вывил, что возраст и материальное положение являются основными факторами, определяющими социальное самочувствия респондентов. Более сильную депривацию ощущают люди старших возрастных групп (65 лет и более) и те, кто проживают в неблагоприятных материальных условиях. Респонденты, оценившие свое материальное положение как «плохое», часто чувствовали раздражение (66%) и уныние (56%), беспомощность (51%) и пренебрежение со стороны властей (46%), злость (40%), несчастье (38%), и даже мысли о самоубийстве (8%) [5, с. 3]. При сравнении психологического состояния и самочувствия поляков в 2009 и 1990 гг. отмечено явное улучшение настроений и самочувствия (чувство, что «в жизни что-то удалось» выросло с 32% в 1990 г. до 56% в 2010 г.), однако процент респондентов декларирующих чувство явного пренебрежения со стороны властей остался практически на том же уровне (28% в 1990 г. и 27% в 2010 г.) [5, с. 5, 8].

Культура недовольства: миф и реальность. Психологи изучают культуру недовольства польского народа [6, 7, 8]. Недовольство касается общественной сферы: цен, доходов, ситуации в стране и др. В целом польская культура описывается как та, в которой доминирует норма выглядеть несчастным. Другими словами, даже когда человек

* «Общественный диагноз» – мониторинг условий и качества жизни населения, проводимый с 2000 г. исследовательской группой Совет Социального Мониторинга при Высшей школе финансов и управления под руководством профессора Януша Чапинского. Diagnoza Społeczna. 2009. Warunki i jakość życia Polaków. Red. Janusz Czapiński, Tadeusz Panek. Warszawa: Rada Monitoringu Społecznego. http://www.diagnoza.com/

счастлив, не принято это афишировать. Свои успехи можно передать через недовольство. Социологи отмечают, что культура недовольства характерна для старших возрастов и для людей, работающих в бюджетной сфере. Исследователи выдвигают гипотезу, согласно которой всякая коллективистская культура характеризуется определенной нормой недовольства. С одной стороны, норма жаловаться имеет ряд важных функций: самопрезентации, социальной идентификации, катарсиса, эготизма [7]. С другой стороны, культура недовольства (как и культура недоверия) может препятствовать цивилизационному развитию.

Возникает вопрос: если две трети поляков в общем довольны своей жизнью, то как это связано с культурой недовольства? Ответ на этот вопрос дает Януш Чапински [8], разграничивая две разновидности оптимизма: экспансивный и оборонительный. Для польского народа характерен, прежде всего, оборонительный оптимизм: надежда на избежание неудачи, а не вера в успех. А оборонительный оптимизм не угрожает желанию жить. Следует отметить, что в социологических мониторингах негативные оценки и недовольство по поводу уровня и качества жизни сосредоточены, преимущественно, в общественной сфере, а большая часть польского населения очень довольны своей частной жизнью: семьей, друзьями, родными. Более того, культура недовольства относится скорее к повседневной жизни человека. На макроуровне люди стремятся выглядеть более счастливыми.

В обыденном мышлении и в СМИ широко распространен стереотип несчастливого поляка, вечно недовольного своей жизнью. Однако, как показывают исследования, в общем на макроуровне, польский народ достаточно доволен жизнью. Особенно это касается молодежи и людей среднего возраста, проживающих в больших городах, людей с высшим образованием, занимающихся интеллектуальным трудом, верующих, имеющих друзей и благополучную семью. Неудовлетворенность жизнью польского населения ограничивается определенными жизненными сферами: политикой и общественной жизнью. В целом тревожной тенденцией является увеличение численности населения (независимо от социально-демографических характеристик), испытывающих чувство пренебрежения к ним со стороны властей.

Литература:

1. OECD. 2011. Your better life index (http://oecd.org/betterlifeindex).
2. CBOS. Polacy o swoim zadowoleniu z życia, szczęściu i pechu w latach 1988-2007. Warszawa. 2008.
3. CBOS. Polacy o swoim szczęściu i pechu oraz zadowoleniu z życia. Warszawa. 2011.
4. Grochal R. Polacy zadowoleni mimo kryzysu. // Gazeta Wyborcza (http://wyborcza.pl/1,75478,9944099,Jest_dobrze_mimo_kryzysu.html). 2011-07-14.
5. CBOS. Samopoczucie Polaków w roku 2010. Warszawa. 2011.
6. Wojciszke B., Baryła W. Kultura narzekania, czyli o psychicznych pułapkach ekspresji niezadowolenia. // M. Drogosz (red.). Jak Polacy przegrywają, jak Polacy wygrywają. Gdańsk: GWP. 2005.
7. Doliński D. O tym, co pozytywnego może wynikać z narzekania. // M. Drogosz (red.). Jak Polacy przegrywają, jak Polacy wygrywają. Gdańsk: GWP. 2005.
8. Czapiński J. Optymiści i pesymiści. Polskie paradoksy. // M. Drogosz (red.). Jak Polacy przegrywają, jak Polacy wygrywają. Gdańsk: GWP. 2005.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

Зразикова В.М.

младший научный сотрудник сектора математической обработки и анализа социологической информации Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Качество жизни – сложное понятие, связанное не только с уровнем благосостояния и удовлетворения материальных потребностей людей. Понятие "качество жизни" многомерно и при его оценке могут использоваться такие показатели как источники

доходов населения, динамика демографических процессов в семье, уровень образования, здоровье, продовольствие и питание, состояние жилища, развитие инфраструктуры, ресурсы и состояние природной среды, культура, социальные связи, семейные ценности, политическая и социальная стабильность, участие в общественной жизни. Обобщенно качество жизни рассматривается как показатель благосостояния человека, связанный со степенью удовлетворения всей совокупности его потребностей.

В настоящее время не существует однозначного толкования понятий «социальное самочувствие» и «качество жизни», как нет и их однозначной операционализации через систему индикаторов и показателей. И то, и другое понятие в научной литературе определяется как объективно-субъективная характеристика. Однако, по нашему мнению «качество жизни» – это объективный показатель, а «социальное самочувствие» – это субъективный показатель, который может оценивать сам респондент. Существует большое количество методик измерения социального самочувствия, которые различаются формулировками вопросов, задаваемых респондентам, а также процедурами обработки полученных ответов.

Показателями социального самочувствия являются: удовлетворенность жизнью, самооценка материального положения, оценка экономической ситуации в стране и личных перспектив. Эти критерии традиционно и достаточно успешно используются в социологических исследованиях. Как известно, эмоции оказывают влияние на каждого человека, определяя часто его социальное поведение. По результатам исследования психологов, белорусы – одни из самых несчастливых людей в мире: третье место с конца в рейтинге «счастливости». Хуже показатели только у России и Болгарии. А по исследованиям экономистов, Беларусь в 2011 году вообще оказалась самой несчастной из-за сверхвысокой инфляции. Если все счастливые люди похожи друг на друга, то несчастливы они по-своему. Существует универсальная формула счастья, выведенная психологами. Более счастливы люди семейные, с активными религиозными убеждениями, имеющие хорошие взаимоотношения с окружающими. А вот показатели «несчастливости» у каждого свои.

Хорошо известно, что удовлетворенность жизнью – это показатель, характеризующий скорее социально-психологическое состояние общества и его отдельных групп и слоев, не всегда напрямую связанный с реальным положением дел в той или иной стране, уровнем жизни ее населения. Тем не менее, данные, характеризующие материальное положение, свидетельствуют, что между оценками этого положения и удовлетворенностью жизнью все же просматривается достаточно высокий уровень корреляции. Удовлетворенность жизнью и благополучие человека – феномены тесно связанные между собой. Благополучие личности складывается из ряда показателей:
1. Социальное благополучие – это удовлетворенность личности своим социальным статусом. 2. Духовное благополучие – ощущение причастности к духовной культуре общества, наличие веры (в Бога, в себя, в друзей, окружающих людей, в судьбу, в будущее и т.д.). 3. Физическое благополучие – хорошее физическое самочувствие, ощущение здоровья и т.д. 4. Материальное благополучие – удовлетворенность материальной стороной жизни (наличие у человека жилья, хорошего питания, отдыха и т.д.), стабильность материального достатка. 5. Психологическое благополучие – внутреннее равновесие.

Все эти компоненты тесно связаны между собой и влияют друг на друга. Связь между уровнем дохода и субъективным благополучием личности (удовлетворенностью собственной жизнью, счастьем) в настоящее время, является объектом исследования многих социальных наук – экономики, психологии, социологии, философии. Одной из первых работ, посвященных данной теме, стало исследование Брэдберна, который выявил прямую зависимость положительных эмоций и уровня дохода, но при этом с отрицательными эмоциями связь оказалась незначительной. Вест, Рид и Гилденгорин, в одном из исследований выявили, что люди с высокими доходами реже испытывают

состояние депрессии, однако данный факт авторы объяснили различиями в состоянии здоровья, трудоспособности и степени социальной изоляции у работающих и неработающих респондентов. Похожие результаты были получены Лэчменом и Уивером, которые установили, что люди, имеющие низкие доходы сильнее страдают от депрессии и чаще жалуются на недомогания.

В литературе также обсуждается вопрос: являются ли финансовые потребности человека показателем его духовной зрелости (или испорченности), или же деньги являются необходимым атрибутом жизни, который никак не связан с морально-психологическими характеристиками личности?

Обзор мировых исследований, посвященных влиянию денег на сознание и поведение людей, дает О.С. Дейнека в учебнике психологии. Предпосылки развития психологии денег на уровне личности можно найти в классических школах психологии: в психоанализе, бихевиористской теории научения, в теории развития Пиаже, в работах когнитивистской ориентации. Психоанализ рассматривал деньги как следствие подсознательных процессов накопления, начинающихся еще в раннем детстве. Бихевиористские теории касались того, как деньги становятся условным подкреплением. В рамках двух других упомянутых подходов предпринимались попытки поиска более частных закономерностей и механизмов отражения денег: когнитивисты пытались выявить мыслительные механизмы денежного поведения, а другие течения «в психологии делали акцент на стадиях развития восприятия денег и отношения к ним».

Значимость эмоциональной компоненты в ощущении удовлетворенностью жизнью очень высока. Высокий уровень доходов отнюдь не означает, что его обладатель имеет счастливую и наполненную жизнь, расхожая фраза "богатые тоже плачут" наглядно это демонстрируют.

Зарубежные исследователи попытались выявить взаимосвязь здоровья личности с его финансовыми возможностями. После проведения целого ряда исследований они получили следующие результаты. Блэкстер (1990), проведя исследования, установила что, бедняки не только субъективно оценивают свое здоровье как плохое, но и объективно состояние здоровья бедной части населения намного хуже, чем у обеспеченных. Лэчмен и Уивер (1998) так же выявили, что более бедные люди оценивают состояние своего здоровья как неважное. Такие показатели обусловлены, как считают исследователи, экономическими факторами. У менее обеспеченных людей хуже питание, отопление, атмосфера, среда проживания. Таким образом, влияние финансового благополучия на физическое и психическое здоровье личности очевидно.

В последнее время экономисты все больше используют количественные методы для исследования уровня счастья. Важно отметить, что под счастьем многие исследователи понимают субъективную оценку удовлетворенности жизнью (как правило, по шкале от 1 до 10). Анализируя результаты многих социологических исследований, проводимых по данному вопросу в разных странах, Сергей Гуриев (ректор Российской экономической школы) выделяет 3 основных результата.

- Гипотеза о том, что все люди разные, у всех свои ожидания и мечты, поэтому и отличается уровень счастья, который зависит от того, оправдываются ли ожидания и сбываются ли мечты, – не подтвердилась. На больших выборках эти различия сглаживаются. Исчезают различия в ожиданиях.
- В начале 1970 г. Ричард Истерлин обнаружил так называемый «парадокс Истерлина». Он показал, что уровень удовлетворенности жизнью растет с доходом только у тех, кто имеет низкий доход. Когда доход достигает среднедушевого дохода в развитых странах, дальнейшее увеличение дохода практически не приводит к росту счастья. А богатых странах счастье зависит уже не от абсолютного, а от относительного дохода. Например, богатые американцы более счастливы, чем бедные, но если доход каждого американца увеличится пропорционально, то уровень счастья не увеличится.

- Уровень счастья зависит от возраста. Причем как показали исследования в развитых странах после 40 лет люди становятся счастливее, а в странах с переходной экономикой (Россия. Беларусь, Украина и т.д.) уровень счастья неуклонно падает. Это можно объяснить тем, что в рыночной экономике советский плановый опыт оказался неприменим, надо было переучиваться, но способность к обучению с возрастом снижается, да и отдача инвестиций в человеческий капитал меньше. («Я слишком стар и не успел вспрыгнуть на подножку уходящего поезда», – такой ответ респондента процитировала Е. Журавская в качестве иллюстрации данного тезиса).

Как говорилось ранее в социологических исследованиях в качестве основного индикатора социального самочувствия индивидов, как правило, принимают общую удовлетворенность своей жизнью. Рассмотрим данные, полученные в ходе исследований, проводимых Институтом социологии в режиме мониторинга начиная с 2003 по апрель 2011 года. Респондентам был задан вопрос «Как Вы оцениваете свою теперешнюю ситуацию в целом?». На основе полученных данных выстраивался индекс общего самочувствия общества. При этом варианту ответа «Все более чем нормально» присваивался код «+2», «Все не так плохо и можно жить» – «+1», «Жить трудно, но можно терпеть» – «-1», «Положение бедственное, терпеть уже невозможно» – «-2» «Затрудняюсь ответить» – «0». Т.е. индекс может принимать значения от +2 (в случае если все респонденты выбрали вариант «все более чем нормально») до -2 (в случае если все респонденты выбрали вариант «Положение бедственное, терпеть уже невозможно»). Аналогичным образом рассчитывался индекс ожиданий («Изменится к лучшему» – +2, «Останется без изменения» – +1, «Изменится к худшему» – -2, «Затрудняюсь ответить» – 0). Результаты представлены на рисунке 1.

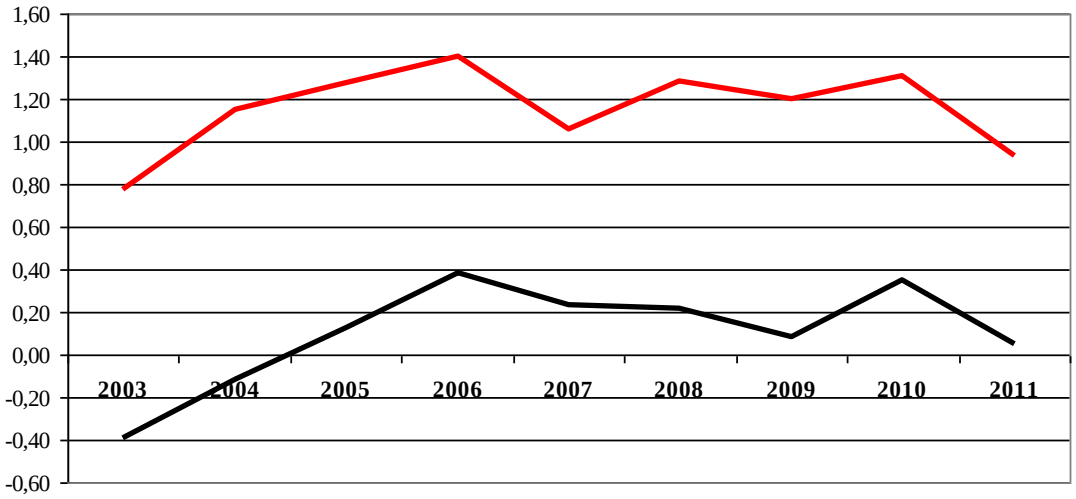

Рисунок 1. Динамика индексов общего самочувствия общества (черная кривая) и ожиданий (красная кривая)

Как видно из графика кривая ожидания тесно связана с кривой общего самочувствия. То есть, можно предположить, что человек проецирует на будущее свое текущее состояние.

Какие же проблемы волнуют белорусское общество? Для того, чтобы ответить на этот вопрос респондентам было предложено выбрать из списка те проблемы, которое его наиболее волнуют. Как и ожидалось, на первое место вышли материальные проблемы (т.е. материальное благополучие). Так, 56,7% респондентов обеспокоены ценами на продукты и товары первой необходимости, 40,5% – недовольны уровнем оплаты труда, 36,9% – тарифами на коммунальные услуги. На втором месте для белорусов – физическое благополучие. Состоянием своего здоровья обеспокоены 45,4% опрошенных. Причем, с возрастом доля респондентов, озабоченных своим здоровьем увеличивается (16-29 лет –

36,7%, 30-49 лет – 37,9%, 50-59 лет – 52,6%, 60 лет и старше – 63,9%). Важно отметить, что 27,5% белорусов волнует проблема качества и доступности медицинского обслуживания и лекарств.

Но проблемы существуют всегда. Поэтому важно не только какие они и насколько серьезные, но и то, как человек справляется с ними. Т.е. если есть кто-то или что-то помогающее в разрешении сложной жизненной ситуации, то, вполне возможно, что это проблема не сильно повлияет на самочувствие человека. Так кто или что помогает белорусам справляться с возникающими проблемами? На первое место выходят социальные показатели, т.е. 26,5% опрошенных считают, что друзья и семья помогают справиться со всеми сложными жизненными ситуациями, 28,8% – с большинством. На второе место выходит материальное благополучие – 20,7% опрошенных считают, что деньги могут помочь во всех трудных ситуациях, а 34,1% – в большинстве возникших проблемах. Немаловажным в решении проблем для населения Беларуси оказался жизненный опыт самих респондентов (19,7% считают, что жизненный опыт может помочь во всех сложных ситуациях, а 33,8% – в большинстве). Необходимо также отметить тот факт, что значительная часть населения Беларуси не связывают решение своих социальных и экономических проблем с государством, начальством или законом, а пытаются решать проблемы собственными силами.

Анализ данных того рода имеет очень важное значение для современного общества. Изучение социального самочувствия общества, позволяет своевременно и целенаправленно управляющему звену реагировать на проблемы и запросы общества, так как человек, неудовлетворенный своим положением и тем более не видящий перспектив его улучшения, склонен к радикализации своего поведения.

Литература:
1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. 271 с.
2. Дейнека, О.С. Экономическая психология / Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С. -Петерб. ун-та, 2000. 160 с.
3. Гуриев, С. Количественные исследования счастья / http://e-lub.net/annuals/hap.htm.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ БЕЛОРУССКИМИ ЖЕНЩИНАМИ (НА ПРИМЕРЕ Г. МИНСКА)

Андрос И.А.
к.с.н., старший научный сотрудник сектора социологии здоровья и человеческого развития Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В зарубежных странах женщины составляют значительную долю среди предпринимателей, поэтому для определения направлений государственной политики в области стимулирования предпринимательской деятельности они рассматриваются государственными органами управления как самостоятельная группа. В Республике Беларусь согласно статистическим данным по состоянию на 1 апреля 2011 года на учете состоит 89156 субъектов малого (т.е. юридических лиц) и 2370 субъектов среднего предпринимательства. Численность индивидуальных предпринимателей – 235457 человек. Удельный вес поступлений платежей в бюджет от субъектов малого и среднего предпринимательства за первый квартал 2011 года составил 27,2%, в том числе от юридических лиц – 16,4%, от субъектов среднего предпринимательства – 7,9%, от индивидуальных предпринимателей – 2,8% [1]. Однако в этих показателях до сих пор отсутствует статистическая отчетность по женскому предпринимательству. Актуальность проблемы женского бизнеса в Беларуси заключается в том, что существующие условия социально-экономического и социокультурного характера значительно ограничивают потенциальные возможности белорусских женщин проявлять предприимчивость, инициативность, находчивость в целях получения прибыли или иной выгоды. Цель статьи

– выявить эмпирическую зависимость в формировании качества предприимчивости у представителей гендерных групп населения Республики Беларусь.

Выражение «деловая женщина» в наши дни звучит очень привлекательно. Однако необходимо дать четкое разграничение двух, на наш взгляд, различных по смысловой нагрузке и, следовательно, прикладному аспекту понятий: «женщины в бизнесе» и «женское предпринимательство». Первое определение более широко охватывает положение женщин в предпринимательстве – будь то женщина-руководитель или женщина-наемный работник. Сегодня белорусские предпринимательницы – это, в основном, бывшие преподаватели, воспитатели, продавцы, рядовые и инженерно-технические работники на промышленных предприятиях, работают в предпринимательском секторе на традиционно наемных должностях. Основная сфера их деятельности – торгово-закупочная. Лишь немногие занимаются коммерческо-посреднической, производством продукции и финансово-кредитной деятельностью, где необходимы специализированные знания. Таким образом, женское предпринимательство у нас пока не носит массового характера. Однако за последние три года среди предпринимателей произошло значительное увеличение количества женщин пред- и пенсионного возраста, что привело к очередному изменению половозрастной структуры субъектов малого бизнеса.

Только 12-15% организаций частной формы собственности, согласно результатам проводимых различных исследований и, исходя из практики развития малого бизнеса, в нашей республике принадлежат женщинам. Это, главным образом, женщины, являющиеся совладельцами, учредителями и занятые индивидуальной трудовой деятельностью. Такие представительницы слабого пола прошли «школу социализма», поэтому в полной мере несут груз ответственности не только в предпринимательской деятельности, но и в управлении семейными делами. Отметим, что главный мотив занятия предпринимательством у женщин тот же, что и у мужчин и связан с материальными причинами: желание создать себе и своей семье достойные условия жизни. Кроме того, это вынужденная мера, так как отсутствует возможность трудоустроиться. Желание стать богатой, а также реализовать свои планы в организации бизнеса и наличие «свободных» денег, позволивших начать собственное дело, не являются основополагающими факторами в решении женщин заняться малым бизнесом (впрочем, как и у мужчин). В целом предпринимательская активность у белорусских бизнесменов продолжает проявляться в вынужденной форме, а не как желание просто занять себя или обогатиться [2].

Эмпирической базой настоящего исследования явились результаты социологического опроса населения г. Минска, который был проведен Минским научно-исследовательским институтом социально-экономических проблем по заказу Минского горисполкома в марте 2011 года*. Численность женщин среди респондентов составила 613 человек (или 47,9%), мужчин – 563 человека (или 52,1%). В скобках указан валидный процент. На вопрос «Знаете ли Вы, что 2011 год в Беларуси объявлен «Годом предприимчивости»?» положительный ответ дали 548 респондентов или 46,6% от общего количества опрошенных, из которых доля женщин – 46,5% (255 человек). Об Указе Президента Республики Беларусь № 43 от 3 февраля 2011 года «Об объявлении 2011 года Годом предприимчивости» знает чуть меньше половины опрошенных горожан. То, что доли выразивших желание заняться предпринимательской деятельностью среди женщин и мужчин оказались практически одинаковы (соответственно, 22,8% и 23,1%), а также доли незаинтересованных открывать собственное дело почти совпали (женщины – 51,3% и мужчины – 49,4%), свидетельствует о солидарности противоположных полов в выборе стратегий экономического поведения, по крайней мере, теоретически.

* В ходе исследования методом анкетирования опрошено 1193 человека во всех административных районах города Минска, среди представителей различных социально-демографических групп населения. Частотный и факторный анализ распределения ответов респондентов проведен автором в программе SPSS 17.

Тем не менее, распределение ответов респондентов по полу на вопрос «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?» опровергает предшествующий умозрительный вывод. Среди тех, кто старается повысить уровень дохода – это найти дополнительные источники, подработки или другую более оплачиваемую работу – женщин в 3 раза меньше, чем мужчин (34,2%). Зато среди стремящихся привести в соответствие свои расходы с текущим уровнем доходов, рационально использовать имеющиеся средства женщин в 2 раза больше (66,7%). Вынужденно снижают уровень своих потребностей в питании, одежде, отдыхе и т.д. 54,2% женщин и 45,8% мужчин. Отсутствие необходимости самостоятельно решать материальные проблемы в 2 раза чаще указывала сильная половина человечества. Таким образом, снижение размера материальных доходов воспринимается острее женской частью населения, которое выбирает пассивные адаптационные решения социально-экономических проблем.

Вопрос о самооценке предприимчивости респондентами в зависимости от гендерной принадлежности был проанализирован с помощью программы SPSS. Результаты предварительного анализа выявили наличие зависимости между переменными «Пол» и «Самооценка степени предприимчивости», что позволило исследовать эту зависимость детально. Так, предположение, что женщины считают себя менее предприимчивыми, чем мужчины, подтвердилось. При этом, в нашем случае процентные распределения в гендерном аспекте имели значительные различия. Полагаем, предприимчивость у белорусских женщин ассоциируется только с предпринимательской деятельностью. Поэтому в условиях декларирования гендерного равенства женская предприимчивость часто воспринимается как вызов мужскому доминированию. Проблема, которую американский психолог Матина Хорнер (англ. Matina Souretis Horny) в конце 1960-х годов определила как «страх лидерства или страх успеха» (англ. fear of success), характерна для большинства отечественных женщин.

В проведенном исследовании опрашиваемые граждане выбирали качества, по их мнению, характерные для предприимчивого человека. Факторный анализ качеств, характерных, по мнению женщин и по мнению мужчин, для предприимчивого человека показали, что в представлении о предприимчивом человеке у мужчин очевидно преобладание «жестких» волевых качеств – это умение завязывать полезные знакомства, прагматичность, расчетливость, целеустремленность. Женщины предпочитают «мягкие» индикаторы предприимчивости – это высокий уровень интеллекта, крепкое здоровье, образованность и эрудицию [3]. Заметим, что современный предприниматель в сознании предпринимательниц представляется мужчиной-руководителем, компетентным и властным! Между тем, западные и отечественные социологические исследования в области предпринимательства свидетельствуют: по основным критериям предпринимательских качеств (например, взаимоотношения с людьми, находчивость, быстрая адаптированность, интенсивность работы) мужчины проигрывают женщинам. Женщины старательны, проявляют большую ответственность, четко представляют цели своих фирм, охотно используют советы коллег, менее склоны к панике на начальных стадиях работы предприятия. На современном этапе пока именно эти характеристики, а не только-только «зарождающийся» профессионализм в социально-профессиональной группе отечественных предпринимателей, определяют в первую очередь успех бизнесмена.

Современной белорусской женщине необходимо осознать личные сильные стороны, масштаб и специфику своих возможностей. Возможно, большинство белорусских женщин не считают себя предприимчивыми в силу сложившихся в общественном сознании стереотипов о том, что предприимчивый человек – это предприниматель, который задает жесткие правила игры в бизнесе. Однако следует учитывать, что в условиях постиндустриального общества получают распространение такие инновационные виды услуг как профессиональные и гуманитарные (образование,

здравоохранение, социальные службы). В этих направлениях женщина (как и женщина-предприниматель) становится особо востребованной благодаря не только своим профессиональным, но и социально-психологическим «женским» качествам: способность вызывать доверие у клиентов, развитая интуиция, повышенная наблюдательность, положительная комплиментарность. Эту тенденцию белорусские женщины тонко уловили, выделив образованность и эрудицию. Поверить в свои силы и возможности белорускам поможет пример женщин, которые сумели найти равновесие между социальным успехом и гармоничной личной жизнью. А высокий уровень интеллекта, образованность и эрудиция могут быть заложены в основу женского предпринимательского потенциала, который можно будет эффективно использовать при гармонизации социальных отношений в сфере малого бизнеса нашей страны.

Литература:
1. Интернет-портал Open.by Количество субъектов малого предпринимательства в Беларуси увеличилось за три месяца почти на одиннадцать процентов [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://news.open.by/economics/52056. – Дата доступа: 30.05.2011.
2. Андрос, И.А. Феномен білоруського підприємництва в соціокультурному вимірі (Феномен белорусского предпринимательства в социокультурном измерении) / И.А. Андрос // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб.наук.праць. – Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – Випуск 16. – С. 362–366.
3. Андрос, И.А. Феномен предприимчивости в оценках белорусских женщин: многомерный социологический анализ / И.А. Андрос // Весці БДПУ. – 2011. – № 3. – С. 48–52.

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА

Дубовик А.К.
к.и.н., доцент кафедры политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь)

В современной отечественной социально-экономической литературе широко используется термин «социальные механизмы». В социологической науке преобладает точка зрения, что предметом экономической социологии является социальный механизм развития экономики. Данный термин введен в научный оборот в 60-е гг. XX века американским социологом Н. Смелзером. Ведущий белорусский ученый в области экономической социологии Г.Н. Соколова предложила трансформировать данную категорию в «социальный механизм регулирования экономических отношений», под которым ею понимается «устойчивая структура типов экономического поведения социальных субъектов, а также взаимодействия этих субъектов между собой по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг» [1, с. 85-86, 281].

Специфика экономико-социологического подхода к изучению занятости молодежи состоит в том, что первостепенное значение придается исследованию социальных механизмов регулирования молодежного рынка труда. Г.Н. Соколовой выделяются социальные механизмы регулирования занятости: профессионального обучения и переобучения, гибких форм труда и рабочего времени, территориальных и отраслевых перемещений и др. [1, с. 287–292]. Государственными органами Беларуси используются разнообразные социальные механизмы для максимальной профессиональной самореализации молодого поколения: профессиональная подготовка и переподготовка, организация рабочих мест для молодежи, поддержка предпринимательства как формы самозанятости населения и т.д.

Существенное место среди социальных механизмов регулирования рынка труда занимает обучение и переобучение (в определенном смысле – механизм

профессиональной мобильности). Он достаточно эффективен в отношении всех групп молодежи. Ежегодно государственной службой занятости (ГСЗ) направляется на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации 15-17 тыс. безработных в возрасте 16–29 лет. Среди прошедших его более 50% обучены профессии, специальности впервые [2]. Целесообразна разработка общенациональных, региональных, отраслевых и межотраслевых программ подготовки специалистов по инновационно ориентированным специальностям. Назрела необходимость перехода высшего образования от парадигмы «Образование на всю жизнь» к парадигме «Образование на протяжении всей жизни». Немало специалистов, подготовленных «на всю жизнь», не могут найти себе место на рынке труда, им не хватает карьерной гибкости, знаний рыночной экономики. В условиях финансово-экономического кризиса необходимы превентивные меры по обеспечению опережающего обучения работников, находящихся под риском увольнения вследствие уменьшения емкости рынка, структурной перестройки экономики, с целью обеспечения оптимального трудоустройства высвобождаемых специалистов.

Молодежь – наиболее мобильная, энергичная часть рабочей силы. Она быстро реагирует на меняющиеся условия, отслеживает инновации и способна интегрировать их. Именно молодежь должна стать движущей силой инновационной экономики в Беларуси. Однако существует противоречие между объективной потребностью в управлении трудовой мобильностью молодежи и недостаточной степенью разработанности механизмов ее регулирования. Основными механизмами регулирования трудовой мобильности являются: институциональные; организационные, предполагающие воздействие на процессы социальной мобильности молодежи со стороны предприятий, учреждений, общественных организаций; личностные, включающие в себя совокупность психофизиологических, морально-волевых, коммуникативных, интеллектуальных и других характеристик личности молодого человека, помогающих добиться успеха в жизни или способствующих восходящей социальной мобильности. В качестве факторов восходящей трудовой мобильности молодежи выступают: высокий образовательный уровень, определенный набор личностных характеристик (настойчивость, целеустремленность, коммуникабельность, гибкость, готовность к переменам), помощь со стороны семьи, государственных учреждений и общественных организаций, экономическая и политическая стабильность в обществе.

Важное значение имеет начало трудовой карьеры. Поэтому неоднозначна проблема существующего в Беларуси государственного распределения. С одной стороны, оно позволяет обеспечить молодых людей первым местом работы, а регионы, где имеется дефицит кадров, молодыми специалистами. Кроме того, необходимо учитывать и слишком быстрый рост числа жителей Минска, где уже проживает пятая часть населения страны. С другой стороны, обязательное распределение порождает иждивенчество у части выпускников вузов (пусть вуз ищет мне место работы) или хозяйственных кадров, которые не заботятся о создании должных условий для труда молодых специалистов (уедут, отработав положенный срок, одни специалисты – пришлют других). Представляет интерес отношение самих студентов к проблеме государственного распределения молодых специалистов. С 45% в 2004 г. до 28,7% в 2008 г. снизился удельный вес опрошенных студентов 5 курса БНТУ, которые высказались за необходимость сохранения персонального распределения выпускников по окончании учебного заведения. Количество выступающих против увеличилось с 42% до 57,1%. Убеждены, что смогут при свободном распределении без проблем устроиться на работу по полученной профессии (специальности) 75% респондентов, совсем не уверены – 18,2%. Надеется на помощь вуза в трудоустройстве только 7,3%, на государственное распределение – 19,8% опрошенных. Наиболее приемлемой формой трудоустройства выпускников должно быть подписание добровольных договоров с работодателями на взаимно приемлемых условиях.

Сегодня в Беларуси часть студентов старших курсов совмещают учебу со связанной с ней работой (в технических вузах эта тенденция особенно проявляется во время дипломного проектирования). Данная ситуация обоюдовыгодна. С одной стороны, студенты приобретают практические навыки работы, получают зарплату, а наиболее успешные из них – гарантийное письмо и первое рабочее место. С другой стороны, организация получает работника, который ко времени окончания вуза и прихода на работу становится специалистом с начальным опытом работы и более высокой производительностью труда по сравнению с теми людьми, которые не работали до получения диплома.

Положительным явлением, отвечающим интересам молодежи и общества, является также участие молодых людей во временной занятости в свободное от учебы время и во время летних каникул. Практически в данном случае речь идет о начальных этапах адаптации к трудовой деятельности, о выработке навыков трудового поведения в рыночной среде. Поэтому органами по труду, занятости и социальной защите активно проводится работа по организации временной занятости молодежи. В 2008 г. ГСЗ было заключено 710 договоров с различными организациями для трудоустройства молодежи в свободное от учебы время, трудоустроено почти 42 тыс. учащихся и студентов, из которых почти 80% – учащиеся 8-11 классов [3, с. 64]. Эффективной формой работы, позволяющей молодежи совместить отдых и трудовую деятельность, является студотрядовское и волонтерское движение.

Достаточно привлекательна для молодежи организация собственного бизнеса как механизм включения в трудовую деятельность. По данным социологических исследований, молодежь в наибольшей степени, чем другие возрастные группы, ориентирована на предпринимательскую деятельность [4, с. 32]. Поэтому важным элементом политики молодежной занятости является создание благоприятных условий для регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица. Целесообразно разработать специальную программу по содействию в организации предпринимательской деятельности молодежи. Перед вузами встают новые задачи – передача студентам необходимого для предпринимателей объема знаний, навыков и умений; формирование у них способности к инновациям и «интеллектуальному предпринимательству»; стимулирование развития предпринимательских инициатив у выпускаемых специалистов. Решение этих задач предполагает принципиальное изменение всей системы высшего образования и организационной структуры вузов – превращение их в проектно-ориентированные, инновационные университеты. Следует подумать и о разработке механизмов, направленных на повышение привлекательности общественных работ для молодежи, а также стимулирующих территориальную мобильность молодежи, их переезд на работу в трудодефицитные регионы, в частности в сельскую местность. Реализация этих мер позволит снизить молодежную безработицу и с наименьшими потерями пройти кризисный период.

Литература:

1.Соколова, Г.Н. Экономическая социология: Учеб. для вузов / Г.Н. Соколова. – Минск: Выш. школа, 1998. – 368 с.

2. Дубовик, А.К. Рынок труда молодежи в Республике Беларусь: проблемы теории и практики. / А.К. Дубовик // Вестник БНТУ. – 2010. – №5. – С. 67-72.

3. Щемелева, Ж.А. Трудоустройство молодежи: статистика и практика / Ж.А. Щемелева // Отдел кадров. – 2009. – №6. – С. 61-65.

4. Сячко, Н.М. Інавацыйная ўспрымальнасць беларускай моладзі / Н.М. Сячко // Весці БДПУ. Серыя 2. – 2010. – №3. – С. 30-34.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: КОНЦЕПЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Самойлюк В.Н.
директор СООО «Никольстиль» (Брест, Беларусь)

Феномен социальной ответственности субъектов экономической деятельности как научная проблема и накопленный опыт ее реализации имеют определенную историю. Начало дискуссий по данной теме было положено в первой половине 1950-х гг., когда в качестве пионерской публикации выступила работа американского ученого Г.Боуена «Социальная ответственность бизнесмена» (1953 г.). В последующем эта проблематика была достаточно актуальна в исследованиях западных ученых: в 1970-е гг. она характеризовалась усилением разнообразий дефиниций социальной ответственности, в 80-90-е годы – сохранением базовых дефиниций и подходов при определенной их трансформации и замещении в альтернативных тематических рамках [1, с. 14].

Что касается экономики социалистического типа, то ее хозяйствующие субъекты имманентно были социально ответственными, на практике «отвечая» за ЖКХ, больницы, школы, тепло - энергоснабжение, физическую культуры, спорт, детские сады и другие субъекты и мероприятия, предусмотренные перспективными планами социально-экономического развития (ПСЭР) предприятия.

Различные аспекты экономического хозяйствующих субъектов в условиях переходного периода исследовали такие белорусские ученые как Д.И. Алехин, Е.М. Бабосов, А.А. Борисов, Г.М. Евелькин, В.А. Клименко, О.В. Кобяк, И.И. Куропятник, Е.Е. Кучко, Н.Е. Лихачев, П.Г. Никитенко, Л.Г. Новикова, А.В. Рубанов, В.И. Русецкая, А.А. Слонимский, Н.Г. Соколова, А.Н. Тур, С.А. Шавель, В.Н. Шимов и др.

В сложных социально-экономических условиях обращение государства, общества и академических кругов к теме социальной ответственности бизнеса напрямую связывается с задачами выхода из экономической рецессии и обеспечения устойчивого инновационного социально-экономического развития Беларуси. По словам руководства страны, «социальная ответственность бизнеса – это не лозунг, это должно быть руководством к действию» [2].

Вместе с тем, в силу вполне определенных причин именно в период кризиса и выхода из него способность бизнеса к осуществлению им социальных функций существенно снижается. Это определяется рядом факторов, как объективных, так и субъективных.

Во-первых, неблагоприятное финансово-экономическое положение многих бизнес-организаций приводит, что называется «по умолчанию», к сворачиванию их собственниками социальных программ. Во-вторых, вместо конкуренции нанимателей за привлечение высококвалифицированных кадров наблюдается конкуренция работников за право занять (сохранить) рабочее место. При этом имеется в виду, что общий уровень конкурентоспособности работников персонала объективно снижается, на фоне чего работодатель может привлечь и удержать кадры высокой квалификации, не неся избыточных затрат. В-третьих, бизнес-структуры как организации негосударственного сектора, имеют большую самостоятельность в формировании кадровой и социальной политики, что, нередко чревато нарушениями трудового законодательства. Кроме того, можно также констатировать усиление авторитарных подходов к управлению предприятиями, которое признается оправданным, независимо от его противоречивого влияния на внутрикорпоративную атмосферу.

Авторская гипотеза заключается в том, что в этих условиях существенным фактором активизации социальной ответственности бизнеса выступают *социальные сети*. Концептуально под социально ответственной деятельностью понимаются такие аспекты деятельности экономических субъектов, которые каким-либо образом (прямым или

косвенным) связаны с социумом и людьми. При этом важное значение имеют следующие обстоятельства; во-первых, признание того, что суть социальной ответственности состоит в удовлетворении интересов групп влияния; во-вторых, условием реализации социальной ответственности бизнеса является экономически эффективная деятельность, соответствующая интересам самого бизнеса, общества и государства.

Предпринятые в Республике Беларусь меры по либерализации условий осуществления экономической деятельности (упрощение процедуры регистрации бизнеса, сокращение перечня «пострегистрационных» процедур, совершенствование упрощенной системы налогообложения, меры в области имущественной поддержки предпринимателей, реализующих инвестиционные проекты в малых городах и сельской местности) привели к существенному улучшению деловой среды и заметному росту частного сектора экономики Беларуси.

Улучшение условий предпринимательской деятельности обеспечило не только увеличение числа субъектов малого бизнеса, но также наметило структурные изменения в этом секторе экономики, имеющие вполне определенные социальные последствия. Среди таковых: существенные подвижки в организационно-правовой структуре сектора малого предпринимательства (на фоне высоких темпов роста количества малых предприятий наблюдается замедление темпов роста числа индивидуальных предпринимателей); темпы роста малого бизнеса в регионах значительно выше, чем в Минске и областных центрах (то есть имеет место тенденция регионализации малого предпринимательства) [3, с. 5-6].

На превращение частного бизнеса в действенный фактор развития отечественной экономики нацелена Директива Президента Республики Беларусь № 4 – системный документ, предусматривающий не только меры по снятию проблемных вопросов реализации деловой активности населения, но и (самое главное!) определяющий роль и место предпринимательства в экономической системе общества, а также политику государства в отношении его поддержки. Направления поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: финансовая поддержка; имущественная поддержка; информационная поддержка; иные формы.

Социальные сети в настоящее время находятся на пике своей популярности, и Беларусь в этом не исключение. Социальные сети и связанные с ними коммуникативные технологии качественно изменяют форму и функционирование бизнес-организации, ее структуру, систему управления, направление информационных потоков и способ передачи информации, создают новую организационную и корпоративную культуру предпринимательства. В этих условиях представляет серьезную актуальность и научный интерес социологический анализ социальных аспектов взаимосвязи бизнеса (предпринимательской деятельности) и социальных сетей как специфических общественных явлений, а также исследование процесса формирования и функционирования социально-ответственного бизнеса под воздействием последних.

Опыт показывает, что достаточно мощный социальный потенциал неформальных связей и отношений, содержащийся в социальных сетях, будучи в полной мере реализованным по отношению к бизнес-организации, способствует: 1) созданию ее позитивного имиджа; 2) улучшению деловой репутации; 3) формированию стабильной деловой среды; 4) росту инвестиционной привлекательности; 5) снижению нефинансовых рисков; 6) росту капитализации компании в долгосрочной перспективе. При этом следует иметь в виду, что влияние эффективно действующих социальных сетей не является автоматическим следствием неэффективности формальных институтов. В современных условиях важнейшей тенденцией развития бизнеса является социализация, под которой понимается, во-первых, его активная включенность в решение приоритетных социальных задач развития предприятия, региона и общества в целом, во-вторых, четко обозначенные социально ориентированные инвестиции предприятий в совершенствование внутренней и внешней среды обитания, в корпоративные социальные программы; и, в-третьих, различные формы благотворительной и спонсорской деятельности. Можно говорить о

том, что социально ответственным является тот бизнес, который, эффективно решая свои коммерческие задачи, сочетает экономический успех с движением к социальному благополучию и экологической безопасности. Из этого следует, что национальные приоритеты развития общества и задачи эффективного ведения бизнеса стратегически не просто совместимы, но прямо связаны друг с другом.

Литература:
1. Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции / Ю.Ф.Благов; Высшая школа менеджмента СПбУ. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010. – 272с.
2. «План есть. Его надо выполнять»: выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на совещании по вопросам социально- экономического развития 30 августа 2011 г. – «Республика». – 2011. – 31 августа.
3. Зиновский В.И. Императив времени. – «Экономика Беларуси». – 2011. - №2. – С.6-10.

КОРПОРАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Мушта А.А.
к.ф.н., доцент, советник председателя республиканского государственно-общественного объединения «Белорусское физкультурно-спортивное общество «Динамо»
Самойлюк В.Н.
директор СООО «Никольстиль» (Брест, Беларусь)

Мировой финансовый кризис разрушил многие позитивные социально-экономические достижения и поставил актуальные теоретические и практические задачи в сфере экономики, социальной политики и социологии, связанные с изучением сложившейся реальности и формированием новой парадигмы управления, поддержкой заслуживающих внимания инноваций.

Что касается Беларуси, то ее выход из экономической рецессии и обеспечение устойчивого инновационного социально-экономического развития предполагают достижение определенных ориентиров и реализацию связанных с этим стратегий – социальной; технологической; деловой активности; всеобъемлющей информатизации.

Популярность и доступность интернет-технологий и социальных web-сетей способствуют появлению перспективных возможностей и способов коммуникации, формируют новую технологически насыщенную среду для информационного и бизнес-взаимодействия.

По данным Gemius – международного исследовательского агентства исследований в Интернете – на май 2011 года, общая аудитория социальных сетей из Беларуси составляла 1 млн. 790 тыс. человек и охватывала 48% белорусской интернет-аудитории. Белорусская аудитория в социальных сетях представлена следующим образом: Odnoklassniki.ru – 1 млн. 035 тысяч человек, Мой мир Mail.ru – 976 тысяч, Livejournal.com – 606 тысяч. При этом некоторые люди зарегистрированы одновременно в нескольких социальных сетях. По прогнозам экспертов, в 2011-2014 гг. белорусская аудитория социальных сетей будет прирастать в среднем на 25-27% ежегодно.

Одним из наиболее массовых потребителей ресурсов информационного пространства является бизнес, позиции которого значимы и в качестве поставщика информации производителя информационных продуктов, услуг. Наряду с этим можно утверждать, что белорусский бизнес в силу ряда объективных и субъективных причин все еще не в полной мере оценивает место информационной составляющей в своей деятельности, роль информации как товара и ресурса развития предприятия.

Как нам представляется, web-сети являются не только важнейшим инструментом развития бизнеса, но и площадкой социального диалога между государством, обществом и

предпринимателями, который вписывается в систему социального партнерства и социальной ответственности, основанных на добровольных, равноправных и взаимовыгодных отношениях.

Что же такое корпоративные сети? В англоязычной литературе этот вид сетей чаще называется «enterprise-wide networks» (буквально – сеть масштаба предприятия). На постсоветском пространстве термин «корпоративные сети» стал расхожим. Во-первых, он отражает величину и масштаб сети (корпорация – крупное, большое предприятие), во-вторых, несет в себе объединительный смысл, подчеркивая, что корпоративная сеть – это сеть, получившаяся в результате объединения нескольких, как правило, разнородных сетей. Наконец, корпоративности присущи единство и общность, и в этом смысле неоднородные компоненты корпоративных сетей должны функционировать в согласованном режиме.

Социальные сети в корпоративном формате в первую очередь выступают инструментом внутренних коммуникаций, предназначенным для эффективного взаимодействия персонала, сокращения времени на поиск контактов, предотвращения потерь документов; быстрого обучения новых сотрудников, их мотивации к самообучению; контроля за «эмоциональным фоном» коллектива и своевременного предупреждения конфликтов.

Вместе с тем, в настоящее время они используются и в более широком контексте, а именно: 1) для оперативного распространения общественно значимой информации; 2) налаживания прямого диалога с аудиторией, получения быстрых откликов, сбора предложений, а также для «тестирования» новых идей на большой фокус-группе; 3) формирования лояльного сообщества.

В качества примера можно привести Enterprise 2.0 – технологию создания социальной сети как модели корпоративного управления, наделяющую компании, их рассредоточенных работников и распределенных сетей партнеров конкурентным преимуществом за счет контекстного, быстрого и упрощенного обмена информацией.

Примером использованию принципов Web 2.0 для реализации социально-ориентированных технологий является разработанное компанией IBM программное обеспечение IBM Lotus Connections, позволяющее сотрудникам компании использовать капитал социальных сетей для более эффективной работы. Lotus Connections представляет собой комплекс из пяти интегрированных онлайновых инструментов, с помощью которых можно создавать сетевые сообщества в корпорациях, способствующих развитию социально-ориентированных технологий как внутри предприятия, так и за его пределами (Profiles адресный справочник для нахождения экспертов по различным вопросам; Communities способ совместной работы и обмена информацией; Blogs способ представления контента пользователя с возможностью получать отклики; Dogear средство сохранения закладок и их совместного использования; Activities единый центр для организации и ведения работ).

Корпоративные сети – один из факторов повышения корпоративной социальной ответственности. Под нею понимается совокупность эффективных бизнес-стратегий, связанных с задачами развития и прямой деятельностью компании, соблюдением баланса интересов акционеров, работников, потребителей товаров и услуг, партнеров по бизнесу, местных сообществ и властных структур, построением добросовестных отношений со всеми заинтересованными сторонами. Этим понятием охватывается широкий диапазон действий компании в экономической, социальной, экологической и физкультурно-спортивной областях.

В этом смысле корпоративные сети – не просто «модная» тенденция, а важный инструмент поддержания хорошей репутации компании, формирования ее позитивного имиджа, способ привлечения внимания заинтересованных лиц, изучения общественного мнения и корректного влияния на него, а также фактор привлечения инвестиций.

К числу основных недостатков корпоративных социальных сетей относят то, что их создание, поддержание и развитие требует немалых издержек. Многие компании сознательно блокируют доступ к социальным сетям и различным мессенджерам на компьютерах сотрудников, поскольку слишком большие потери рабочего времени и велики риски утечки конфиденциальной информации.

Таким образом, для того, чтобы социальные сети работали на пользу бизнеса, а не наоборот, этим процессом необходимо эффективно и корректно управлять, выстраивая сеть инновационного характера и содержания с надежной защитой от рисков и угроз и четко обозначенными выгодами для бизнеса, общества и страны.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛЯЦИИ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ)

Палховская Е.Б.
магистр, аспирантка Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Рассматривая *экономическое поведение* как *социальный феномен*, необходимо выделить следующие основные положения. *Во-первых*, экономическое поведение представляет собой форму социального поведения, взаимодействия хозяйствующих субъектов, связанных между собой системой взаимных ожиданий относительно результатов деятельности. *Во-вторых*, экономическое поведение социально обусловлено, поскольку внедрено в систему социальных отношений. *В-третьих*, экономическое поведение, как правило, ориентировано на максимизацию выгоды и минимизацию издержек. *В-четвертых*, процессы формирования экономического поведения работника основываются на сочетании объективных условий (таких как условия труда в отрасли и на предприятии) и субъективных предпосылок (потребностей, экономических интересов, мотивов, ценностных ориентаций работников).

В данном исследовании, экономическое поведение выступает в качестве опосредующего звена между объективными условиями и субъективными предпосылками и трудовой мобильностью. В экономическом поведении проявляются экономические интересы и мотивы индивида, сформированные под влиянием тех или иных объективных условий, а трудовая мобильность предстает как результат перебора экономических альтернатив с целью нахождения оптимального места работы. *Трудовую мобильность* можно рассматривать как функцию, т.е. зависимую величину, изменяющуюся по мере изменения другой величины – *экономического поведения*. Последнее выступает, с одной стороны, проявлением *способности работника к перемещениям* исходя из его социально-демографических, социально-профессиональных и личностных характеристик, с другой стороны, отражением *состояния рыночной среды*, способствующей или препятствующей этим перемещениям.

Рассмотрим трудовую мобильность как функцию экономического поведения на примере работников электроэнергетической отрасли промышленности Беларуси. В результате проведенного в ноябре-феврале 2010-2011 гг. Институтом социологии НАН Беларуси социологического исследования*, объектом которого выступили работники

* Объектом исследования выступили работники, занятые на Могилевской ТЭЦ-2, Минской ТЭЦ-3 и Минской ТЭЦ-4. Объем выборки – 510 человек. Типичность выбранных предприятий для отрасли обоснована по *финансовым, производственным и трудовым показателям*. Выборка сформирована квотно-пропорциональным методом, позволяющим построить выборочную совокупность как модель, воспроизводящую структуру генеральной совокупности в виде пропорций работников по «полу», «профессиональному статусу» и «образованию». Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, не превышает +/– 5 %, что позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность – работников электроэнергетической

электроэнергетической отрасли промышленности, выяснилось, что работники отрасли проявляют значительную (до 40 %) неудовлетворенность различными аспектами социально-экономических и технико-организационных условий труда, что обусловливает их желание переменить место работы. Кроме того, на предприятиях отрасли действуют формальные и неформальные правила отбора кандидатов для продвижения по карьерной лестнице, а также задается приемлемая скорость продвижения персонала, т.е. определяются требования к тому, сколько времени работник должен проработать на одной должности, чтобы претендовать на повышение. В результате, с одной стороны, предприятия отрасли имеют высококвалифицированных специалистов; с другой стороны, из-за невозможности удовлетворить свои профессиональные амбиции на данных предприятиях специалисты и квалифицированные рабочие чаще других категорий респондентов активно ищут новую работу за пределами предприятия. Учитывая, что отрасль не является трудоизбыточной, перед руководством предприятий встает вопрос удержания высококвалифицированных работников.

Эмпирический анализ результатов исследования позволил определить направление трудовой мобильности работников в зависимости от типа экономического поведения (*профессионального, инструментального, избегательного)*. Работники с *профессиональным типом* экономического поведения проявляют б**о**льшую уверенность в возможности восходящей квалификационной (70,0 %) и должностной (46,2 %) мобильности, реже меняют место работы (14,9 %) или профессию (7,7 %). Такие работники проявляют свою трудовую активность не вне, а внутри предприятия, что выражается в интенсивной восходящей должностной мобильности (у 44,7 % работников повысился должностной статус за последние 5 лет). Работники с *инструментальным типом* экономического поведения проявляют меньшую уверенность в возможности восходящей квалификационной (54,0 %) или должностной (21,1 %) мобильности на предприятии, чаще говорят об отсутствии изменений в должностном статусе за последние 5 лет (69,0 %), что не мешает им проявлять высокую трудовую активность вне предприятия: менять место работы (25,8 %) или профессию (15,8 %), быть вовлеченными во вторичную занятость (29,8 %). Работники с *избегательным типом* экономического поведения чаще тяготеют к нисходящей должностной мобильности (у 14,3 % респондентов должностной статус понизился за последние 5 лет, это в 7 раз чаще, чем у работников с профессиональным типом экономического поведения), отрицают возможность повышения должностного статуса на предприятии (42,9 %), чаще проявляют неудовлетворенность работой (57,2 %), в большей степени ориентированы на уход с предприятия (28,6 % респондентов активно ищут новую работу, еще столько же думают о перемене места работы). Таким работникам не свойственна трудовая активность вне предприятия: они реже вовлечены во вторичную занятость (13,5 %), проявляют невысокую готовность к обучению (26,3 %), повышению квалификации или профессиональной мобильности. Одним из декларируемых мотивов работника с избегательным типом экономического поведения является высокий заработок, однако в отличие от работника с инструментальным типом, готового прикладывать активные усилия ради достижения своей цели, они не готовы к проявлению активности и стремятся минимизировать свои усилия и сократить потребности.

Отметим, что в зависимости от типа экономического поведения, работники обследованных предприятий по-разному ранжируют причины, побуждающие их переменить место работы. По результатам проведенного факторного анализа* причин

отрасли. Научный руководитель исследования – доктор философских наук, профессор Г.Н. Соколова. Исполнители – аспирант Е.Б. Палховская и магистрант А.В. Мартинкевич.

* Факторный анализ проведен при помощи программного пакета обработки статистической информации SPSS 13. При выделении факторов был использован метод главных компонент. Задача вращения факторов решена по методу варимакса с нормализацией Кайзера. Вращение осуществлено за 8 итераций. Выделенные факторы объясняют 75,4 % суммарной дисперсии.

перемены места работы, можно отметить, что работники с *профессиональным* и *инструментальным* типом экономического поведения обращают большее внимание на *социально-экономические условия труда*. При этом респонденты с *инструментальным* типом экономического поведения большее значение придают заработной плате и регулярности ее выплат, а респонденты с *профессиональным* типом экономического поведения – возможности профессиональной самореализации и карьерному росту. Работники с *избегательным* типом экономического поведения большее внимание уделяют социально-трудовым и технико-организационным условиям труда: удобному графику работы, отсутствию чрезмерных физических нагрузок, отсутствию конфликтов в коллективе. Выявляется возможность управления трудовой мобильностью через те или иные типы экономического поведения посредством улучшения условий труда на предприятии. По результатам проведенного анализа руководству обследованных предприятий предложен комплекс мероприятий, направленных на повышение удовлетворенности работников своей работой. Главной целью разработанных мероприятий является планомерное и систематическое улучшение технико-организационных, социально-экономических, социально-производственных и социально-психологических условий труда, а также проведение регулярных «замеров» оценок работниками условий организации труда и отдыха, общественного питания, медицинского обслуживания; трудовой мотивации, межличностных отношений.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ПРЕСТИЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Баханов А.Г.
магистр, аспирант Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Потребление товаров и услуг представляет собой определенный акт действия, который основывается на мотивах и стимулах индивида. Каждый индивид в процессе своей жизнедеятельности потребляет те или иные товары и услуги, которые служат для удовлетворения его потребностей. Все слои общества заняты в процессе производства и потребления. Совершается определенный цикл, понимаемый как «производство-потребление». Со временем, когда происходит накопление ресурсов (социальных, экономических), товары, пользующиеся массовым спросом, не приносят удовольствия от приобретения. Так как товар становится доступен почти всем слоям населения, то он уже не может характеризовать статус самого обладателя данного товара. Исходя из этого, происходит трата накопленных денежных средств на предметы потребления, которые обладают в большей степени символической ценностью. В данном случае, мы можем говорить о демонстративном потреблении. Данный термин «демонстративное потребление» был предложен Т. Вебленом. В своей работе «Теория праздного класса» в 1899 году, он отмечал – «Жить напоказ является средством для достижения уважения» [2, с. 113]. «Когда происходит накопление денежных средств, выстраивается определенная структура и функции праздного класса, тогда начинается расслоение в обществе. Возникает более или менее сложная система рангов и ступеней» [2, с. 114]. Чтобы повысить свой статус в своем социальном окружении, индивид приобретает «престижные» вещи, которые символизируют окружающим праздность, с помощью предметов которые не доступны другим индивидом в социальном классе. В данном случае, сам индивид может и не обладать денежным накоплением для дальнейшего поддержания своего социально-экономического статуса, а только для демонстрации его перед окружающими. Престиж вещи или услуги определяется исходя из моды, цены и признания в обществе. Иерархическое положение вещей, обусловливается только признанием референтной группой особого статуса данного товара. Следует отметить, что стиль жизни индивида также влияет на его ценностные установки и потребление.

Следовательно, индивиду не требуется занимать высокое социальное положение в обществе, а можно приобрести товар или пользоваться услугой, которая является престижной. Поэтому целесообразно обозначить такое потребление как престижное.

Престижное потребление – это потребление товаров и услуг, доступ к которым ограничен в силу дефицита, высокой цены или институциальных установлений, и используемых субъектом не столько утилитарно, сколько в качестве символов особого положения и стиля жизни. Тем самым, выделяются определенные институциональные границы и специфика престижного потребления. Те товары и услуги, которые доступны всем или большинству, не могут быть предметами престижного потребления. Когда товар ограничен по количеству и имеет высокую цену, тогда его потребителями могут быть только обеспеченные люди [4, с. 125]. В современной социологической теории понятие «праздный класс», концептуализировалось и употребляется в смыслообразующей форме как «высший класс». В стратифицированном обществе, индивиды, достигшие высокого экономического положения, определяются как высший слой общества. Высший класс, стараясь отделиться от бедных слоев населения постоянно должен «поддерживать» дистанцию, которая является основанием для различия в обществе. На протяжении определенного времени, богатые стараются обладать новыми предметами роскоши, которые будут недоступны другим слоям населения. Ж. Бодрийяр пишет: «С развитием инновационных предприятий, новые предметы потребления становятся доступны в зависимости от избирательной инновации наверху. Стоит отметить, что практические инновационные стратегии, взаимосвязаны с дистанцируемостью и различием с самим субъектом» [1, с. 89]. Следует полагать, что выбор многих современных инноваций происходит по определенному критерию. Избранные предметы, как только получают одобрение со стороны высшего класса, становятся популярными и дорогими. Поэтому первые телевизоры, персональные компьютеры, мобильные телефоны могли позволить себе только очень состоятельные люди. Со временем, большинство товаров, которые были недоступны другим слоям населения, трансформируются в предметы массового потребления. Этому способствует развитие современных технологий, создание конкурирующих компаний и расширение производств. Таким образом, высший класс «вносит» в общество инновационный атрибут, и лишь на определенный период времени дистанцируется. Ж. Бодрийяр пишет: «Как только инновация распространяется, требуется опять различие и дистанция. Именно сверху, в качестве реакции на утраченные прежние различительные знаки, осуществляется инновация, для того чтобы восстановить дистанцию» [1, 89]. Например, высший класс первым начал внедрять ткани, кожаную обувь, пластик, водопровод, керамику, автомобили и др., которые были доступны аристократии. Желание дистанцироваться от окружающих слоев населения, являлось сильнейшим стимулом к поиску и приобретению новых вещей или услуг. Следовательно, потребности и стремления, связанные с усилением социальной роли и статуса, влияют на индустриальную систему. Следует заметить, что товары, которые были доступны высшим слоям населения, стали распространяться на другие слои населения. Например, многие товары повседневности, были когда-то доступны только богатому классу. В Европе первые упоминания о сахаре относятся к XIV веку. Уже в XV в. в Италии он утвердился в качестве роскошной сладости, которую могли позволить только богатые люди. В. Зомбарт пишет: «Благодаря сахару с начала XVII в. в Европе входит в обычай потребление какао, кофе и чая: они становятся любимыми напитками прежде всего в аристократических кругах, в частности при дворе. Кофе, к примеру, начал пользоваться спросом во Франции лишь после того, как Людовик XIV отведал его, принимая посольство султана Мухаммеда IV в 1670 г., после чего и ввел его употребление в придворных кругах» [3, с. 140].

Однако, существует часть определенных товаров, таких как: картины, драгоценности, коллекционные ценности, ретро автомобили и др., которые так и останутся роскошью, пока существует понятие ценности и ценностных установок. Хотелось бы сказать, что престижное потребление с его двойственной структурой,

требует более глубокого анализа не только как праздности, но и как «стимулятора» инновационного поиска отечественными производителями товаров и услуг, которые должны быть конкурентоспособными по критерию – цена-качество.

Литература:
1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр, пер. Е.А. Самарской; послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М. : Республика, 2006. – 269 с.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен ; пер. С.Г. Сорокиной; под общ. ред. В.В. Мотылёвой – М. : Прогресс, 1994. – 368 с.
3. Зомбарт, В. Собрание сочинений в 3 томах / В. Зомбарт, пер. Д.В. Кузницына – СПб. : Владимир Даль, 2008. – Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. – 480 с.
4. Шавель, С.А. Потребление и стабильность общества / С.А. Шавель отв. ред. [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 314 с.

ПАРТНЕРСТВО ВЛАСТИ И БИЗНЕСА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Сельванович А.А.
аспирантка кафедры социологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

О необходимости развития государственно-частного партнерства как механизма конструктивного взаимодействия власти и бизнеса в самых разных сферах жизни в Беларуси говорят уже давно. По мнению экспертов, плоды такого партнерства будут особенно значимыми в экономико-социальных отношениях, транспортной, инженерной, энергетической, коммунальной и иных инфраструктурах, науке и культуре. Такое взаимодействие государства с частным бизнесом сегодня – ключевой компонент инновационного преобразования общества. «В белорусском законодательстве уже содержатся основные принципы партнерства бизнеса и государства – это конституционные соглашения, инвестиционные договоры, – напоминает заместитель министра экономики Андрей Тур. – Кроме того, в стране созданы совместные предприятия и свободные экономические зоны, банки финансируют государственные программы, но при этом в Беларуси пока отсутствует институциональная основа для партнерства государства и частного бизнеса» [1, с. 4].

В настоящее время в Беларуси началось обсуждение проекта Закона «О государственно-частном партнерстве». Впервые о необходимости форсировать принятие Закона «О государственно-частном партнерстве» заговорили в минувшем году. Как тогда отметили в Минэкономики, такой законопроект позволил бы закрепить позицию государства о необходимости и приоритетности взаимовыгодных отношений между регулятором и частным сектором экономики, а также объединил бы все ключевые моменты, связанные с реализацией такого партнерства. Фактически ничего нового в таких решениях не было – во многих странах мира сегодня работают подобные законодательные акты, которые четко определили цели, задачи, принципы, сферы применения партнерства государства и власти, а также ответственность сторон, полномочия госорганов, порядок решения споров и другие вопросы.

Нынешний законопроект, который Министерство экономики представило на суд общественности для обсуждения и возможного внесения корректировок и редакционных правок, был разработан сотрудниками ведомства и научно-исследовательского экономического института. «Предполагается, что закон создаст условия для развития государственно-частного партнерства в Беларуси, поспособствует привлечению частных инвестиций в экономику страны, обеспечению эффективности использования имущества, находящегося в собственности государства, содействию эффективному использованию ресурсов государственного и частного партнеров для удовлетворения общественных

потребностей, а также повышению качества товаров, работ, услуг, предоставляемых населению», – отметили в пресс-службе ведомства. В законопроекте определены цели, задачи, принципы, сферы применения партнерства, полномочия государственных органов, ответственность сторон, порядок решения споров и другие аспекты.

Как замечает председатель Минского столичного союза предпринимателей и работодателей (МССПиР) Владимир Карягин, редакция нового закона «еще немного сырая с точки зрения приоритетов и глоссария». «Но это уже тот проект, который можно обсуждать, вносить в него предложения, дополнения, что бизнес сейчас и делает, – поясняет Владимир Карягин. – Представители региональных предпринимательских организаций и Республиканской конфедерации предпринимательства активно в этом принимают участие. Закон необходим как четкое прописывание механизма взаимодействия бизнеса и государства».

Примечательно, что обсуждение законопроекта происходит не при закрытых дверях. Фактически выставление его на общий суд – это не что иное, как наглядная демонстрация того, как выполняется Директива главы государства № 4. Этот документ впервые в новейшей истории поставил задачу введения в практику работы республиканских органов госуправления обязательного общественного обсуждения проектов актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности. Ожидается, что белорусский Закон «О государственно-частном партнерстве» уже осенью 2011 года будет вынесен на обсуждение в Палату представителей Национального собрания. А вот заработать в полную силу он сможет не раньше 2012 года [1, с. 4].

В настоящее время весьма актуальным и важным является развитие малого и среднего предпринимательства как одного из условий скорейшего завершения рыночной трансформации отечественной экономики. Среди населения растет понимание значимости предпринимателей. Большая доля рядовых граждан видят в частном бизнесе ту силу, которая способна оздоровить общество, полагают, что предпринимательство помогает полнее реализовать свои способности; представляет те услуги, которые государственный сектор дать не способен; насыщает рынок потребительскими товарами, снижая дефицит. Предпринимательский слой накопил достаточный адаптационный потенциал, чтобы продумать и реализовать стратегии экономической деятельности, адекватные новым социально-экономическим условиям [3, с. 28]. В Беларуси появился статистически значимый социальный слой, представители которого сумели использовать стратегии адаптации для достижения устойчивого и достаточно высокого уровня жизни.

Существуют убедительные политические, экономические социальные другие причины, в силу которых обусловливается содействие развитию малых и средних предприятий. Стремясь выжить в конкурентной борьбе, малые фирмы чаще склонны идти на риск и осуществлять новые проекты, инвестируя собственные деньги в разработку и внедрение технологических, технических и организационных новшеств. Развитие малого и среднего предпринимательства означает мобилизацию материальных, финансовых и природных ресурсов, которые иначе остались бы невостребованными, а также более эффективное их использование. Как подчеркивают многие исследователи, опираясь на эмпирические данные, МСП демонстрируют способность малых фирм адаптироваться к местным условиям как части их стратегии выживания и роста. На сегодняшний день новый экономический активный слой – малый и средний бизнес – способен разделить с государством бремя социальной ответственности. Малое и среднее предпринимательство, являясь одним из основных агентов экономических и социальных преобразований в современном обществе, не может и не должно уходить в сторону от решения социальных проблем. Ему самому становится выгодно участвовать в проектах, улучшающих условия труда и быта своих работников. Малое и среднее предпринимательство является важнейшим механизмом обеспечения занятости и самозанятости населения. В период изменения отраслевой структуры малое предпринимательство способствует через

создание новых предприятий становлению новой структуры с хозяйственным механизмом, адекватным рыночной экономике. На современном этапе малое и среднее предпринимательство решает задачу сохранения уровня занятости и повышения эффективности собственной работы за счет привлечения людей предприимчивых, социально активных, имеющих возможность реализовать свои способности и обеспечить достойный уровень жизни семьи.

Важным фактором, обусловливающим высокую социальную значимость малого и среднего предпринимательства, является тот факт, что по своему характеру малое предпринимательство основывается на учете местных потребностей, интересов, работая на локальные рынки, опирается на исторические и многовековые культурные традиции страны, многообразие существующих культур и приближает по характеру отношений внутри предприятия к семейным. За счет меньшего масштаба малые и средние предприятия оказываются более гибкими к изменяющимся экономическим условиям и в большей степени способны реагировать на колебания потребительского спроса [3, с. 28].

За последние годы в стране проделана значительная работа по либерализации условий осуществления экономической деятельности, устранению излишнего вмешательства государственных органов в деятельность субъектов хозяйствования, упразднению необоснованных административных барьеров для развития бизнеса. Среди важных приоритетов социально-экономического развития государства на текущую пятилетку, определенных IV Всебелорусским народным собранием, впервые названы такие как предпринимательство и инициатива. Важную роль в решении этой задачи сыграли ряд документов, принятых в последнее время. Среди них: указ Президента Республики Беларусь от 21 мая 2009 года №255 «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства», Закон Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства», подписанный 1 июля 2010 года.

В Республике принята и осуществляется Государственная программа поддержки малого предпринимательства на 2010-2012 гг. 31 декабря 2010 года была принята Директива Президента Республики Беларусь №4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», которая явилась важной идеологической платформой для создания в стране благоприятного делового климата. Среди основных требований данного документа можно отметить следующие: отмена налога на услуги; отмена местного налога на развитие территорий; придание составу затрат рекомендательного характера; отмена нормирования расходов по содержанию служебных легковых автомобилей; отмена нормирования представительских расходов; изменение порядка формирования инновационных фондов; введение нормы добровольного перехода на ежеквартальные сроки уплаты НДС; переход на рекомендательный характер применения Единой тарифной сетки для предприятий с долей государственной собственности менее 50%; отмена государственного регулирования цен для всех субъектов хозяйствования, кроме монополистов и социально значимых товаров; отмена практики присвоения наценочной категории и предельной наценки объектам общественного питания; переход на систему добровольной оценки классности объектов общественного питания и гостиниц; сокращение количества лицензируемых видов деятельности и многое другое [2].

В ряду других документов следует назвать Указ № 241 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь от 18 марта 1998 г. № 136 и от 21 мая 2009 г. № 255» от 10 июня 2011 года. Документ направлен на совершенствование порядка оказания государственной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляемой в рамках программ государственной поддержки малого предпринимательства. Указом предоставлено право оказывать государственную финансовую поддержку субъектам малого предпринимательства наряду с банками и Белорусским фондом финансовой поддержки предпринимателей также и городским, районным исполкомам и (или) местным администрациям по решению облисполкомов,

Минского горисполкома [2]. Принятие этих и других документов направлено на реализацию обозначенного выше приоритета и подтверждает реальную заинтересованность государства в становлении и развитии масштабного конкурентоспособного предпринимательского сектора экономики путем проведения углубленных реформ, направленных на стимулирование, всестороннюю поддержку предпринимательской инициативы. Государством предусмотрен комплекс мер по устранению имеющихся проблем на пути развития предпринимательской деятельности и созданию безбарьерной деловой среды.

Литература:
1. Бенько А. Ты – мне, я - тебе. // Республика. – 2011. - № 110 (5273). – С. 4-5.
2. Директива № 4 от 31 декабря 2010 г. "О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь" [Электронный ресурс]/ Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: http://president.gov.by/press107177.html#doc
3. Кадол Н.Ф. Социальные тенденции малого предпринимательства в современном обществе. Психология и социология в бизнесе: актуальные проблемы современности. – Мн:, 2005. – С. 27-30.

ФЕНОМЕН ИНФОРСМЕНТА КОНТРАКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАБОТНИКА И РАБОТОДАТЕЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Мартинкевич А.В.
студент отделения социологии Белорусского государственного университета (Минск)

Категория «инфорсмент» берет начало от английского термина «force», что означает принуждать. Применительно к заявленной теме принуждение касается именно работодателя, который в силу различных обстоятельств начинает нарушать права работника, зафиксированные в различных нормативно-правовых документах (к примеру, в Трудовом кодексе РБ), т.е. работник, используя различные средства, буквально заставляет работодателя соблюдать его права. Сущность инфорсмента заключается в изначальном неравенстве работника и работодателя (по уровню социального, материального, символического и иного капитала). Виды инфорсмента – это и есть своеобразные средства принуждения. К ним относятся: *формальный инфорсмент*. Данный вид инфорсмента предполагает обращение работника к официальным посредникам при защите его трудовых прав (Государственная инспекция труда, суды общей юрисдикции, профсоюзы). Также работник может выступать пассивной стороной, в случаях, если указанные посредники самостоятельно проводят проверки руководителя на предмет нарушения норм трудового законодательства. *Неформальный инфорсмент*. Данный вид инфорсмента предполагает обращение работника к неофициальным посредникам при защите его трудовых прав (к политикам, СМИ и др.). *Самоинфорсмент*. Данный вид инфорсмента предполагает самостоятельные действия работника *в рамках норм трудового* законодательства и без обращения к посредникам инфорсмента. *Самозащита*. Данный вид инфорсмента предполагает самостоятельные действия работника *вне норм* трудового законодательства и без обращения к посредникам инфорсмента.

В настоящее время существует множество международных организаций, конструирующих различные индексы, которые позволяют производить различные международные сопоставления. Среди них: 1. Организация экономического содружества (ОЭСР) 2. Международная финансовая корпорация (МФК). В ОЭСР Республика Беларусь не представлена, поэтому статистика, рассчитанная для нашей страны по методике данной организации, отсутствует. Но Республика Беларусь представлена в МФК. У данной организации, в свою очередь, есть раздел, ориентированный на оценку эффективности принудительных мер по соблюдению условий контракта. Этот показатель включает три индикатора: 1. *процедуры* (подача иска, процесс его рассмотрения в суде, вынесение судебного решения в обеспечение его выполнения) 2. *срок* (время на разрешение спора) 3.

судебные издержки (государственная пошлина за судебные услуги, плата за юридические услуги). В 2011 году рейтинг Республики Беларусь составил 12 место (1-е место у Люксембурга, у России – 18 место). Анализ данной статистики показывает, что для принуждения работодателя к соблюдению условий трудового контракта в Беларуси в 2011 году надо пройти 28 процедур (в странах Восточной Европы и Центральной Азии – 37,1, в странах ОЭСР – 30,6). На прохождение этих процедур надо потратить 225 дней. Это более чем в два раза меньше, чем в Восточной Европе (402,2 дня). Страны ОЭСР по данному показателю также имеют худший результат (517,5 дней). Стоимость процедуры взыскания составляет 23,04% его размера (в странах Европы и Центральной Азии эта цифра равняется 26,7%, в странах ОЭСР – 19,2%) [1]. При этом система принуждения к исполнению контракта в Беларуси находится на более высоком уровне, нежели в России. За исключением судебных издержек, Беларусь имеет более высокие показатели, чем Россия.

В практике правоприменения особую роль также играет профсоюзные организации, призванные защищать трудовые права работников. Но сегодня ряд экспертов достаточно низко оценивают деятельность профсоюзных организаций. Так, согласно *экономисту исследовательского центра ИПМ Чубрику А.С.*, «деятельность независимых организаций на рынке труда – как наемных работников (профсоюзы), так и нанимателей (объединения работодателей) – практически незаметна» [2, с. 53]. «Несмотря на то, что в профсоюзах состоит свыше 90% работников, система коллективных переговоров состоит из нескольких уровней, где нет четкой иерархии, а скорее имеется целый ряд соглашений, в чем-то перекрывающих друг друга, но с возможностью принятия более или менее автономных решений на уровне предприятия» [2, с. 54].

Особый интерес представляют социологические исследования в области инфорсмента. Так, в 2011 году под научным руководством профессора Г.Н. Соколовой было проведено социологическое исследование «Проблемы эффективного управления трудовыми коллективами на предприятиях электроэнергетической отрасли промышленности Республики Беларусь». В исследовании, сформированном по квотно-пропорциональной выборке, опрошено 510 человек. Ошибка выборки составила +/–5%. Один из разделов данного исследования ориентировался на изучение проблемы правоприменения (инфорсмента). По результатам данного исследования выявлено: наиболее часто выбираемым способом защиты трудовых прав является самозащита с использованием индивидуальных методов защиты, таких как переговоры с работодателем (59,2%) и отказ от выполнения работы (32%). Если говорить о мнении респондентов об эффективности деятельности институтов-посредников в защите трудовых прав работников, то здесь наблюдается следующая картина: лишь 15% респондентов считают, что профсоюз эффективен в данном вопросе, 35,3% – суд, 23,1% – ГИТ. 25,4% опрошенных не верят в эффективность ни одной из вышеназванных организаций. Следует отметить, что именно профсоюз является самым «близким» по отношению к работнику и рабочему коллективу институтом-посредником, призванным регулировать правоотношения между работником (работниками) и работодателем (работодателями). Суд же является «крайней мерой», когда конфликтные отношения между субъектами трудовых прав достигли «крайней точки» и не могут быть решены никаким другим способом. Но в силу различных обстоятельств (к примеру, высокая государственная пошлина на судебные услуги, плата за юридическое сопровождение дела) суд как «внешний инструмент» воздействия не всегда выступает оптимальным способом разрешения конфликтной ситуации. Ввиду этого важно повышать эффективность деятельности профсоюзных организаций как «внутренних инструментов» воздействия на работодателя в случае трудового конфликта.

Таким образом, феномен инфорсмента имеет социально-правовую природу и постоянно присутствует в социально-правовой сфере общества. Если институциональная среда, как совокупность взаимосвязано действующих институтов, характеризуется своей

неэффективностью, то в силу вступают личные инициативы «жертв» трудовых отношений – работников организаций, что воплощается в реализации практик неформального инфорсмента, самоинфорсмента и самозащиты. В свою очередь, если различные административные структуры не уделят этой проблеме должного внимания, то это может привести к различным социальным метаморфозам и возможному усилению социальной напряженности в обществе.

Литература:

1. Doing business [Электронный ресурс]/ Обеспечение исполнения контрактов. Всемирный банк, 2011. – Режим доступа: http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/belarus#enforcing-contracts. – Дата доступа: 21.01.2011.

2. Рынок труда в Беларуси: общий обзор: отчет о НИР (заключ.) / ИПМ-CASE; рук. темы М. Валевский. – Минск, 2009. – 38 с. - № ГР 16571180254.

РАЗДЕЛ 5.
СЕМЬЯ, ЗДОРОВЬЕ, ПРОФЕССИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Доброхлеб В.Г.
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва, Россия)

Процесс демографического старения населения стал непреложным фактом общественной жизни развитых стран мира и привел к возникновению новых социальных проблем. В экономически развитых странах с конца 60-х годов прошлого века сложился новый социально-демографический слой – «молодые старики», которых относят к так называемому «третьему возрасту». Еще в 1974 году американские геронтологи Бернис Нейгартен и Этель Шанас писали о «молодых стариках» (the Young Old) и «старых стариках» (the Old Old) [1]. Английский демограф Питер Ласлетт предложил рассматривать жизненный цикл современного человека, состоящим из четырех стадий. Две последние – «третий возраст» и «четвертый возраст» – соответствуют «the Young Old» и «the Old Old» [2]. За рубежом в исследованиях с конца 1980-х гг. начали выделять быстро растущую группу «самых старых» – тех, кому за 80 лет, а с 1990-х годов – группу столетних долгожителей. Традиционный образ «немощного старика» относится к группе «старых стариков», большая часть которых из-за проблем со здоровьем постоянно нуждается в функциональной поддержке и отходит от общественных дел. В интерпретации Питера Ласлетта, «третий возраст» – это продукт успешного экономического и демографического развития, щедрой социальной политики. «Молодые старики» – это люди, которые формально, по календарному возрасту могут быть отнесены к пожилым или даже старым. Но по состоянию здоровья, своим знаниям, умениям, навыкам, желанию и способности продолжать профессиональную деятельность они – мудрые взрослые. Российский исследователь Н.И. Шаталова считает, что приобретение опыта совместной деятельности в коллективе, способности принимать решения, умение нести ответственность связаны с активизацией делового потенциала, который с возрастом накапливается [3]. «Третий возраст» означает появление новой стадии в жизненном цикле человека, в дополнение к традиционной классификации: «детство–взрослость–старость». В этой схеме старость – «четвертый возраст». М. Денисенко в статье «Тихая революция» отмечает, что возрастной слой «молодых стариков» в большинстве развитых стран начал формироваться в 1940–1960-х годах [4].

Ресурсный потенциал старшего поколения – это качественные характеристики индивида, значимые для него лично и дающие возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества. Для расширения социальных трансакций существенным элементом является оценка ресурсного потенциала старшего поколения. В проведенных автором исследованиях [5] было показано, что определенная доля старших возрастных когорт сохраняет ресурсный потенциал, имеющий многокомпонентную структуру, основными элементами которой является хорошее здоровье, высокий уровень образования и потребность продолжать трудовую деятельность, участвовать в общественных процессах. В России по экспертным оценкам начал складываться слой представителей «третьего возраста». Он пока не велик и составляет примерно 20 % от числа работающих представителей старшего поколения.

Старение, происходящее под совокупным воздействием как социальных, так и биологических факторов, известный отечественный ученый Б.Ц. Урланис назвал социальным, так как именно условия жизни и среда определяют в первую очередь характер, степень и особенности старения.

Социальное старение он предложил подразделять на два вида: нормальное и патологическое. Нормальное социальное старение – закономерный результат расходования запаса жизненных сил, постепенной амортизации человеческого организма. Патологическое старение становится заметным с ранних лет. Его причина – главным образом перенесенные заболевания или травмы, которые возникают в результате влияния определенных социальных условий и физической среды и ослабляют силы сопротивления человеческого организма. Патологическое социальное старение весьма широко распространено и является основным источником преждевременной смерти. Оно означает ненормальный, преждевременный износ организма под влиянием груза перенесенных заболеваний и травм, накопленного действия патологических факторов. С этих позиций мы можем рассмотреть демографическое старение в Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в первое десятилетие текущего века в нашей стране период экономического роста в 2008 году сменился рецессией. Исследователи подчеркивают, что ее глубина была наибольшей среди экономически развитых стран и достигала 10% ВВП. В этот период проводимая государством демографическая политика, направленная на повышение рождаемости и снижение смертности, начала давать положительные результаты. Это получило отражение в увеличении доли россиян, которые доживают до пожилого возраста, который по определению ООН начинается с 60 лет.

В начале века вероятность дожить до пенсионного возраста имели 54,2 % мужчин. К 2009 году, не смотря на экономический кризис, этот показатель у них увеличился до 61,2 %. Шансы достичь пожилого возраста россиянок выросли с 82,5 % до 85,0 %. Показатели дожития среди достигших шестидесятилетия мужчин в первом десятилетии 21 века выросли на 1,17 года, у их ровесниц увеличение составило 1,47 года.

Однако эти показатели, несмотря на их позитивную динамику, не должны нас успокаивать, так как они значительно хуже не только данных по экономически развитым странам, но и по странам БРИК.

Ожидаемая продолжительность, как здоровой жизни, так и ее общая величина самая низкая у мужчин из России. При сравнении женских когорт, россиянки как по ОПЖ, так и продолжительности здоровой жизни опережают лишь Индию, отставая от Бразилии и Китая. Еще более печально выглядит наша страна в сравнении с Германией и Норвегией.

В сравнении с мировым населением по ОПЖ при рождении наши показатели для мужчин в 2008 году ниже медианного значения на 6, а от максимальных показателей наше отставание достигает 19 лет. По женским когортам при совпадении наших показателей с медианными, отставание от максимальных составило 14 лет. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни для российских мужчин ниже средних мировых на 3 года, медианных – на 5 лет, максимальных – на 11 лет. Для россиянок показатель несколько выше медианного (на 1 один год), но хуже максимального на 13 лет [6, с. 56].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие характерные черты процесса демографического старения в России:

- низкая вероятность для массовых слоев населения дожить до пожилого возраста;
- высокая демографическая гендерная асимметрия (при этом российские женщины имеют более низкие показатели, как общей продолжительности жизни в сравнении не только с экономически развитыми странами, но и со странами БРИК);
- крайне невысокие показатели ожидаемой продолжительности здоровой жизни.

Именно эти особенности позволяют охарактеризовать демографическое старение в нашей стране как процесс патологического социального старении населения.

Именно патологическое социальное старение населения, а не демографическое старение в целом является серьезным препятствием экономического роста и экономической модернизации России. В настоящее время в нашей стране мы с меньшими успехами (или с более низкой эффективностью, чем в экономически развитых странах, не смотря на некоторое улучшение ситуации) можем влиять на процесс смертности. В связи с этим необходимо напомнить высказывание лауреата Нобелевской премии в области экономики Саймона Кузнеца о том, что «неспособность человечества сохранить жизнь и контролировать смерть... несовместима с современным экономическим ростом» [7, с. 133].

Переход к экономике знаний требует нравственных высококвалифицированных здоровых работников, что в условиях стареющего общества возможно при создании институтов, способствующих активному долголетию. Модернизацию невозможно осуществить в условиях, когда 64 % россиян считают выход на пенсию трудным временем [8]. Необходимо предпринять реальные шаги к решению первой задачи Стратегии ЕЭК ООН по Вопросам Старения: учитывать фактор старения во всех политических сферах, с этой целью гармонизировать общества и экономики с демографическими изменениями для формирования социума для всех возрастов.

Литература:

1. Neugarten B. L., Age groups in American Society and the Rise of the Young Old. Political Consequences of Aging, Annals of the American Academy of Social and Political Science. 1974. Vol. 415.
2. Kertzer D. and Leaflet P., (eds), Aging in the Past Demography, Society, and Old Age. Berkeley, 1995.
3. Шаталова, Н.И. Трудовой потенциал работника: проблемы, функционирование и развитие / Н.И. Шаталова. – Екатеринбург: УрГЭУ, 1998. – 85-86 с.
4. Денисенко, М. Тихая революция / М. Денисенко // Отечественные записки. – 2005. – №3. – С. 16–31.
5. Доброхлеб, В.Г. Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России / В.Г. Доброхлеб. – Ярославль: Лад, 2004. С. 78-80.
6. Мировая статистика здравоохранения 2010 года, с.56. – Режим доступа: http://www.who.int/whosis/whostat/2010/ru/index.html. – Дата доступа: 11.03.2011.
7. Кузнец С. Демографические аспекты современного экономического роста. Обзорный доклад для темы А.10 «Демографические аспекты экономического роста» на 2 Всемирной конференции по народонаселении, Белград, 1965. Цит. по Сб. Население и экономика / Под ред. А.Г.Волкова и А.Я.Кваши. – М.: Статистика, 1970. – с. 133.
8. МОСКВА, 13 октября 2010 г., Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, чем является для россиян выход на пенсию. Режим доступа: www.wciom.ru. – Дата доступа 11.03.2011.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОСТИ

Шабунова А.А.
к.э.н., доцент, зав. отделом исследования уровня и образа жизни ИСЭРТ РАН (Вологда, Россия)

Исследование научных основ устойчивости социально-экономических систем показывает, что устойчивое развитие в широком понимании трактуется как гармонизация, сбалансированное развитие экономической, социальной и экологической подсистем [22]. В основе концептуального положения устойчивое развитие лежит принцип «воспроизводства человеческих прав», согласно которому доступ к ресурсам и возможности сбалансированного развития должны быть обеспечены не только для нынешних, но и будущих поколений. Устойчивость включает проблемы справедливого распределения возможностей развития внутри каждого поколения, не принося чьи-либо интересы, потребности и возможности в жертву каким-либо другим.

Как показывает мировая практика, обеспечение устойчивого развития экономики не представляется возможным без преумножения человеческого капитала. Его значение в условиях модернизации всех сторон общественной жизни неуклонно возрастает. По

оценке Всемирного банка [1], в развитых странах 64% в структуре национального богатства принадлежит человеческому капиталу, 16% – физическому, и только 20% – сырьевому фактору. В России же, наоборот, 72% занимает сырьевой капитал, по 14% – физический и человеческий капитал. В связи с этим человеческий капитал отнесен к числу ключевых факторов перехода к инновационному типу развития экономики, обозначенному в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [11]. В свете этого развитие человеческого капитала должно быть соотнесено с такими целями, как свобода выбора образа жизни и основных жизненных благ; долгая здоровая и активная жизнь; непрерывное образование в течение всей жизни; возможности получения ресурсов, необходимых для достойного уровня, высокого качества жизни и гармоничного развития.

Одним из комплексных показателей состояния и развития человеческого капитала территории является *Индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП; табл. 1).

Таблица 1. ИРЧП и его составляющие Российской Федерации и Вологодской области, 1990 – 2009 гг.

Территория	Год	Душевой ВРП в долларах, ППС	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	ИРЧП	Рейтинг в мире / РФ
Российская Федерация (в 1990 г. – СССР)	1990	4905	70,6	н. д.	0,873	33
	1996	4230	65,9	69,1	0,780	71
	1998	6508	67,0	71,4	0,766	62
	2000	6747	65,3	75,0	0,763	60
	2005	11861	65,3	73,4	0,792	67
	2008	16092	67,9	75,0	0,825	65
	2009	14930	68,7	75,0	0,826	н. д.
Вологодская область	1996	4302	65,4	70,2	0,782	22
	1998	7422	66,7	69,0	0,769	19
	2000	8460	65,9	71,9	0,775	7
	2005	15762	63,1	71,5	0,792	11
	2008	16096	66,9	71,2	0,814	16
	2009	12401	67,3	71,2	0,802	н. д.
Справочно: ИРЧП СССР в 1987 г. – 0,920 (26 место в мире).						

Источники: Human Development Indicators 1992: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1992_en_indicators1.pdf; ООН, Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.undp.ru; ИРЧП РФ и Вологодской области 2009 г. – рассчитаны на основе данных департамента экономики Правительства Вологодской области и источника: Россия и страны мира. 2010: стат.сб. / Росстат. - М., 2010. – С. 96.

Мировой финансовый кризис 2008 – 2009 гг. значительно замедлил темпы роста ИРЧП в стране, а в Вологодской области произошло существенное снижение его уровня (с 0,814 до 0,802), поскольку при некотором повышении показателя ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) заметно снизился среднедушевой доход. А в целом именно высокий уровень доходов (относительно других субъектов РФ) определял хорошую рейтинговую позицию региона по ИРЧП.

Снижение численности населения. Важнейшей проблемой обеспечения устойчивого развития в Российской Федерации и Вологодской области является сокращение численности населения. Это не только демографическая, но и экономическая и геополитическая проблема. За период с 1992 по 2009 г. население в России уменьшилось на 4,3%, естественная убыль составила 13 млн. человек. Сокращение наблюдалось в основном в азиатской части Российской Федерации (-11,3%). В европейской части страны отмечено незначительное (-2,6 %) снижение численности населения, преимущественно в

период с 2002 по 2009 г. Сокращение численности будет продолжаться и далее: по нашим расчетам, население области к 2020 г. уменьшится примерно на 18 %.

В сельской местности население сокращается более быстрыми темпами, формируя еще одну негативную тенденцию – *демографическое обеднение села*. За период с 1992 по 2009 г. снижение численности населения СЗФО составило 12% (городского и сельского - 11 и 13% соответственно). В Вологодской области общее уменьшение населения составило 10 % за этот же период; городского – почти 6 %, сельского – 19 %. При этом естественная убыль жителей села в Вологодской области в 2009 г. достигла 75 % общего снижения, в остальном оно произошло за счет миграционного оттока.

Старение населения. В прямой зависимости с естественным воспроизводством и миграцией находится формирование возрастной структуры населения, ухудшение которой происходило параллельно с процессами депопуляции. Демографы с тревогой отмечают, что впервые в истории России удельный вес населения пожилых возрастов превысил удельный вес детей. В 56 регионах страны на долю детей и подростков приходится менее 1/5 части жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, в 1990 г. – 3).

Согласно классификации ООН население государства считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше в числе жителей превышает 7 %; на начало 2009 г. 10 % россиян находились в вышеуказанных возрастах. В Вологодской области удельный вес «старого» населения вдвое превышал предельный уровень, установленный ВОЗ.

На фоне демографического кризиса неуклонно ухудшается здоровье населения. Комплексно проблемы нездоровья отражаются в значениях ОПЖ. Ее уровень в России на 10 – 14 лет ниже, чем в развитых странах.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в России снизилась с 69,2 в 1990 г. до 64,9 года в 2003 г., однако увеличилась к 2009 г. – до 68,7 года. Продолжительность жизни мужчин в 1961 г. была 63,8 г. в 2009 г. – 62, 8 г., т.е. отставание от СССР по данному показателю составляет более чем 50 лет. Разрыв в показателях продолжительности предстоящей жизни женщин и мужчин – 13 лет. В трудоспособном возрасте умирает каждый десятый мужчина. Большинство смертей обусловлено низким уровнем здоровья.

Старение населения, снижение численности молодых когорт, ухудшение их здоровья ведет к *сокращению населения в трудоспособном возрасте*, основного носителя трудового потенциала российского общества. Это также можно рассматривать как угрозу для устойчивого развития территорий. Согласно прогнозу Росстата, к 2030 г. численность населения трудоспособного возраста в стране снизится почти на 12%. По расчетам, выполненным в ИСЭРТ РАН, снижение этой категории населения в Вологодской области уже к 2020 г. составит 18% [23].

Дефицит рабочей силы, который не столь заметен в условиях кризисных экономических явлений, в перспективе потребует компенсации путем либо увеличения производительности труда, либо миграции рабочей силы из других регионов РФ и из-за рубежа. При неизменном уровне занятости населения трудоспособного возраста (76%) для поддержания темпов прироста ВРП (5% в год) потребуется увеличение производительности труда в среднем на 7% в год [23].

Количественное сокращение трудовых ресурсов усугубляется *снижением их качества*. Мониторинговые измерения качественного состояния трудового потенциала населения региона[*] показывают, что за период с 1997 по 2011 г. снизилось значение индексов когнитивного и творческого потенциалов, качеств, остро необходимых при переходе к инновационному развитию[†]. Индекс творческого потенциала – самый низкий среди

[*] Данные мониторинговые исследования проводятся в Вологодской области Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1997 г. (N= 1500 чел. в трудоспособном возрасте в гг Вологде, Череповце и 8 районах области).

[†] Система компонентов качества трудового потенциала представлена в виде «дерева» свойств, вершиной которого является наиболее общее свойство – социальная дееспособность. Согласно методике, на базе

восьми базовых индексов качества трудового потенциала (табл. 2). Это обусловлено малой долей жителей региона, активно занимающихся творческой деятельностью: «постоянно что-нибудь изобретают, пишут, сочиняют и т.д.» около 8% жителей региона, 45% - «никогда ничего не предпринимают» [21].

Таблица 2. Оценка качества трудового потенциала населения Вологодской области

Состав показателей	Значение индекса по годам			Изменение индекса в 2011 г. по сравнению с 2009 г.	Линия тренда 1997 – 2011 гг.
	1997	2009	2011		
Нравственный уровень	0,775	0,757	0,765	▲ рост	убывающая
Психическое здоровье	0,699	0,739	0,759	▲ рост	возрастающая
Коммуникабельность	0,733	0,736	0,743	▲ рост	возрастающая
Физическое здоровье	0,682	0,728	0,728	нет изменений	возрастающая
Культурный уровень	0,609	0,674	0,651	▼ спад	возрастающая
Потребность в достижении	0,612	0,643	0,647	▲ рост	возрастающая
Когнитивный потенциал	0,630	0,614	0,626	▲ рост	убывающая
Творческий потенциал	0,593	0,572	0,589	▲ рост	убывающая
Дееспособность (интегральный показатель качества трудового потенциала)	0,655	0,674	0,676	▲ рост	возрастающая

Когнитивный (знаниевый) потенциал, по данным мониторинга, также снижается. Основными причинами сложившейся ситуации являются снижение базового уровня основного общего образования и нарушение преемственности в развитии профессиональных знаний и навыков. Итоги Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA)* показывают, что результаты российских учащихся ниже, чем у их сверстников в странах ОЭСР. Понижению интеллектуальных характеристик трудового потенциала российских территорий способствует и так называемая «утечка умов». По оценкам исследователей, «масштабы этого процесса за 25 последних лет составили около 1 млн. человек» [18].

Современное состояние интеллектуального потенциала, важнейшая составляющая человеческого капитала, создает риски для перехода к инновационному развитию. С одной стороны, отечественная экономика насыщена трудовыми ресурсами с высшим профессиональным образованием†, с другой стороны, как показывают исследования, используются они неэффективно и не выполняют функции «локомотива» инновационного прогресса.

мониторинга измеряются такие структурные компоненты трудового потенциала, как физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении. Интегральный индекс индивидуального качества, так же как и частные индексы, не может приобретать нулевого или отрицательного значения (как не может быть, к примеру, нулевого здоровья). Это всегда некоторая положительная величина больше нулевого значения. Максимальное значение равно единице.

* Целью исследований PISA является оценка способности 15-летних учащихся использовать приобретенные в школе знания для применения широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений – читательская, математическая и естественнонаучная грамотность. Источник: Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся: PISA-2006. – М.: Центр оценки качества образования ИСМО РАО, 2007. – С. 33, 50, 81.

† По общему охвату населения образованием разных уровней Россия занимает ведущее место в мире – доля россиян с образованием не ниже среднего профессионального составляет 55%, что в два раза превышает средние показатели по странам ОЭСР.

Не меньшее, а даже большее влияние на качество населения и устойчивое развитие территорий оказывают *глубина и масштабы социального неравенства*, формирующегося в результате реализации системы перераспределительных отношений [4].

В настоящее время в России и ее регионах наблюдается высокая степень неравенства населения по доходам: коэффициент фондов в течение трех последних лет находится на уровне 17 единиц, притом что в европейских государствах этот показатель обычно составляет 5 – 10 раз.

Однако уровень российского коэффициента фондов, по оценкам экспертов, формален, так как рассчитан на основе лишь величины официально зарегистрированных доходов. Реальный коэффициент фондов в России составляет более 30 раз, а в Москве – около 60-ти.

По оценкам Росстата получается, что свыше 30% всех доходов, которые имеются в стране достаётся менее чем 10% населения. А самым бедным достается меньше 2% этих доходов [13]. То есть даже по официальным меркам неравенство является очень большим. Лицо российской бедности формируется в основном работающим населением. Изменить это положение возможно за счёт перераспределения сверхдоходов так называемой «элиты».

Важным фактором сохранения устойчивости территорий является эффективное функционирование учреждений социальной инфраструктуры и обеспечение равного доступа к их услугам для большинства населения. Для современной России характерно *снижение доступности качественных услуг образования и здравоохранения*.

Меры по реформированию и модернизации здравоохранения, активно предпринимаемые в Российской Федерации с 2004 г., были и остаются в большей степени ориентированными на рационализацию использования выделенных ресурсов при оказании медицинской помощи и в меньшей – на повышение ее доступности и качества. Преобразования сопровождаются сокращением созданных ранее коечных фондов, преодолением сложившихся в структуре медицинской помощи диспропорций. Обратной стороной этих изменений становится ограничение доступности и качества медицинской помощи, оказываемой населению, дальнейшее ухудшение его здоровья.

При общем высоком уровне обеспеченности медицинскими кадрами в стране наблюдается их дефицит (30 – 40%) на уровне первичного звена. Кроме того, характерно территориальное неравенство в обеспеченности населения медицинским персоналом в разрезе город/село. В сельской местности обеспеченность врачебными кадрами почти в 4 раза ниже, чем в среднем по РФ, а средним медицинским персоналом – в 2 раза. Наиболее существенной причиной недостатка специалистов в отрасли является низкий уровень заработной платы. Несмотря на значительный рост оплаты труда медицинских работников (с 2000 по 2008 г. увеличилась в 10 раз), ее уровень в 1,3 раза ниже, чем по экономике в целом. В то же время заработная плата врачей в странах ЕС, например в Германии, в 3 – 5 раз превышает заработную плату рабочих и в 2 раза – служащих.

Подобная ситуация характерна и для сферы образования, где уровень государственных расходов не может рассматриваться как обеспечивающий инновационное развитие отрасли. По уровню финансирования образования Россия (2010 г. – 4,2% от ВВП) отстает от развитых стран более чем на 10 лет. Доля расходов на образование в совокупном объеме ВВП составляла во Франции в 2006 г. – 5,6% (в 1999 г. – 5,8), в Финляндии – соответственно 6,1% (6,01); в Швеции – 7,02% (7,4); в России – 3,9% (2,9)[*].

Многочисленные исследования констатируют, что в современных условиях сфера образования не является привлекательной с точки зрения профессиональной деятельности. Данные социологического опроса педагогов школ Вологодской области *(общий объем выборочной совокупности – 394 чел. Опрос осуществлялся среди*

[*] http://www.statinfo.biz/Data.aspx?act=6492&lang=1

преподавателей общеобразовательных школ г. Вологды, г. Череповца и 8 районов Вологодской области (Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского и Шекснинского). При составлении выборки учтены пропорции между учителями, имеющими различный стаж работы) показали, что 97% педагогов не хотят, чтобы их дети стали преемниками их профессии. Это очень серьезный сигнал, свидетельствующий о том, что учителя не верят в возможность реального возрождения престижности статуса учительства в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Низкий социальный статус профессии педагога в обществе является реальным тормозом для модернизации отечественной системы образования. И по меньшей мере странным выглядит исключение из закона (п. 29 статьи 16 ФЗ от 22.08.2004 № 122) положения о том, что средняя заработная плата педагогов не может быть ниже средней заработной платы по промышленности, на фоне заверений о необходимости повышения уровня жизни педагогических работников. Пока же заработная плата в отрасли существенно ниже среднего уровня по экономике страны и отдельных ее регионов. В то же время опыт развитых стран, например Финляндии, доказывает, что рывок к качественному образованию стал возможным, в частности, благодаря повышению социального статуса учителя [15].

Из-за отсутствия соответствующего финансирования материально-техническая база подавляющего большинства медицинских и образовательных учреждений остается слабой. Обеспеченность учреждений современным оборудованием крайне низка.

В заключение отметим, что, характеризуя устойчивость территории, нельзя не учитывать, что её определяют не только экономическая ситуация и производственный потенциал, технологии и инфраструктура, но и в очень большой степени состояние и динамика народонаселения, его количественные и качественные характеристики, экономическая активность, интеллектуальный потенциал. Однако проведенный нами анализ показывает, что тенденции развития человеческого капитала ведут к снижению устойчивости регионов СЗФО, о чем свидетельствуют:

– убыль населения;
– низкий уровень ожидаемой продолжительности предстоящей жизни;
– старение населения;
– рост экономической нагрузки на трудоспособное население;
– значительное неравенство населения по доходам;
– снижение доступности качественных услуг образования и здравоохранения.

В то же время от качества и структуры населения зависят перспективы перехода России к постиндустриальной стадии развития. Следовательно, при формировании региональной политики развитие человеческого капитала должно рассматриваться как фактор укрепления устойчивости территории.

Литература:

1. World Development Report 1997. The State in a Changing World [World Bank]. – N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1997, June. – 226 p.
2. Аганбегян, А.Г. О реформе здравоохранения / А.Г. Аганбегян – Режим доступа: http://2020strategy.ru/g11/doc
3. Андреев, Е.М., Демографическая история России: 1927 – 1959 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. - М., 1998. - С. 158.
4. Величковский, Б.Т. Реформы и здоровье населения страны. Пути преодоления негативных последствий / Б.Т. Величковский. – М.: РГМУ, 2001. – 36 с.
5. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: Учеб. для вузов. 5-е изд., доп./ Б.М. Генкин. – М.: Норма, 2003. 416 с.
6. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации: 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. – М., 2010. – 156 с.
7. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека: пер. с англ.; ПРООН. – М: Весь Мир, 2010. – С. 143.

8. Докторович А. Воспроизводство человеческого потенциала – ресурса модернизации России [Электронный ресурс] / А. Докторович – Режим доступа: http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-07-26/vosproizvodstvo-chelovecheskogo-potentsiala-resursa-modernizatsii-rossii.html
9. Ильин В.А., Гулин К.А., Ускова Т.В.Стратегические резервы роста производительности труда в региональной экономике / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – № 1. – С. 24-38.
10. Капелюшников Р. Эволюция человеческого капитала в России / Капелюшников Р. // Отечественные записки.– 2007. – № 3.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
12. Кузьмин, А.И. Основы демографии: курс лекций / А.И. Кузьмин
13. Костылева, Л.В. Социально_экономическое неравенство населения региона / Л.В. Костылева. – Вологда: Институт социально экономического развития территорий РАН, 2009. –143 с
14. Маршалл, А. Принципы политической экономии: пер. с англ. / А. Маршалл. Т. 1.– М.: Прогресс, 1983. – С. 246.
15. Музырчук В.Ю. Основные противоречия государственной политики в сфере образования / В.Ю. Музырчук // Образование и общество. – Орел: Труд, – 2001.– № 3 (68).– С.4–10.
16. Прохоров, Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет / Б.Б. Прохоров // Человек. – 2002. – №3. – С. 41-55.
17. Проблемы регионального развития: 2009–2012 [Текст] / В.А. Ильин, К.А. Гулин, М.Ф. Сычев [и др.]; под ред. В.А. Ильина. –Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2009. – С. 112.
18. Римашевская, Н.М. Пути повышения качества трудового потенциала в современной России / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – № 1. – 2011. – С.25-30.
19. Сбережение народа / под ред. Н.М. Римашевской; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 18.
20. Стратегия демографического развития России / под ред. В. Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. - М., 2005. - С.66.
21. Трудовой потенциал региона: заключительный отчёт о НИР / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 117 с. – № госрегистрации 02201051756.
22. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона / Т.В. Ускова. – Вологда, ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
23. Шабунова, А.А. Вологодская область: перспективы демографического развития территории / А.А. Шабунова, А.О. Богатырев – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 28 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОТВЕТ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лапина С.В.
д.с.н., профессор, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Исторически связанные с феминизмом и методологически основанные на специфических социологических принципах (социальная структура и динамика анализируются с позиций социальных признаков пола), гендерные исследования диалектически соединили в себе макросоциологические принципы (формирование и функционирование в социокультурной практике гендерных стереотипов является неотъемлемой чертой социальной тотальности) и микросоциологические (в гендерных исследованиях человек, находящийся в центре внимания, рассматривается как существо, действующее в соответствии с социальными характеристиками пола).

Гендерные исследования явились логическим продолжением феминистских подходов, которые постепенно трансформировались, переходя от радикального феминизма к утверждениям о том, что патриархальные отношения приводят к угнетению не только женщин, но и мужчин, так как все люди, независимо от пола: и мужчины и женщины – вынуждены соответствовать социальным ролям, навязанным им патриархальным обществом. И такое вынужденное соответствие наносит вред развитию человека как личности, независимо от его (её) пола.

Сегодня, в XXI веке – в широком теоретическом плане гендерный подход можно представить как идеологию свободы личности от родового, гендерного давления. В теоретико-методологическом плане гендерные исследования в современной научной практике являются отдельной отраслью научного знания, динамичной и развивающейся. Ее отличительные особенности выражаются в ориентациях на внедрение гендерной методологии в просвещение и образование, в развитии гендерной экспертизы законодательства, обосновании и разработке стратегий развития социальной активности женщин, преодолении дискриминации по половому признаку. Таким образом, следует отметить, что кроме теоретико-методологических поисков, гендерные исследования связаны с поиском действенных ответов на актуальные вызовы социальной практики.

В число такого рода вызовов входят демографические проблемы современности. Пожалуй, именно в этой сфере, связанной с особенностями воспроизводства, функционирования и развития народонаселения как биосоциальной общности, гендерные исследования со своими специфическими методологическими основаниями могут внести реальный вклад в теорию общественного развития и помочь политикам сформулировать адекватные ответы на вызовы современного общества.

Что касается демографических вызовов, то они, сложившись в планетарном масштабе, в различных регионах земного шара, разных странах и даже внутри отдельных стран носят чрезвычайно разнообразный, даже полярный характер. Основными из современных глобальных демографических проблем является «демографический взрыв», связанный с неконтролируемым ростом населения в Азии, Индокитае, Африке и Латинской Америке, и одновременно демографический кризис, выражающийся в старении населения и депопуляции, затронувший практически все страны Европы и Россию.

Среди демографов нет единого мнения как о причинах этих явлений, так и об их последствиях. В концептуальном разнообразии исследовательских подходов в этой области ближе всего для понимания на уровне политиков и практиков является теория демографического перехода, которая концентрирует свои интенции не только на выявлении причин демографических вызовов, но и настаивает на необходимости использования теоретических построений в практике регулирования демографических процессов на разных уровнях.

Можно по-разному относиться к периодизации демографического перехода, различно трактовать явления, сопровождающие трансформации в репродуктивном поведении современных людей, но тот факт, что к середине XX века в мире отчетливо проявились тенденции, начало которым в Европе положила эпоха Нового времени, трудно оспаривать. Изменение динамики показателей естественного движения населения, думается, не следует обозначать как «изменение способа воспроизводства населения». Такие определения выглядят, в лучшем случае, как метафора. Показатели естественного движения населения (рождаемость, смертность, брачность, разводимость) не изменились принципиально. Модифицировались их количественные и в определенной степени качественные параметры, имеющие сугубо социальную природу. Так, социальные роли родителей даже с развитием экстракорпорального оплодотворения, суррогатного материнства и развитием новых форм семейно-брачных отношений, включая создание однополых семей, наполнены вполне реальным содержанием, как в условиях демографического взрыва, так и демографического кризиса.

Гипотеза же о втором демографическом переходе пока не сопровождается убедительной аргументацией. Изменение форм семейно-брачных отношений, трансформация классических функций семьи, что позволило в определенной степени говорить о кризисе семьи как социального института в современном обществе, сопровождало демографический переход на всех его этапах, а не проявилось лишь сегодня. Более того, исследования последнего десятилетия, в т.ч. – исследования белорусских ученых, показывают, что, несмотря на так называемый кризис семьи в

глобальном масштабе, в числе ценностей и молодежи, и лиц старшего возраста, семья остается одной из ведущих [1; 2; 3].

В исследованиях, проведенных научными сотрудниками Академии управления среди студентов белорусских вузов и молодых ученых, было также подтверждено, что ценность семьи имеет практически равное значение, как для мужчин, так и для женщин. В ходе анкетных опросов студентов и экспертных оценок, полученных среди молодежных лидеров, был подтвержден тот факт, что семья остается ведущей ценностью для современной белорусской молодежи. При этом было выявлено, что эта ценность имеет практически равное значение для всех членов семьи. По результатам исследования были сделаны следующие выводы: в первую очередь семья необходима для детей (96,3 %); семья нужна для женщины: да – 88,3 %; нет – 4,6 %, остальные – затруднились в ответах; семья нужна для мужчины: да – 72,8 %; нет – 12,6 %; остальные – затрудняются ответить.

Если предположить, что молодые люди, получающие высшее образование в вузах, ориентированы преимущественно на профессиональное становление, на профессиональный успех и карьерный рост, то можно сделать вывод, что нынешнее поколение студенческой молодежи настроено эгалитарно и в отношении «встраивания» семейных обязанностей в свою жизнедеятельность.

Эта позиция несколько расходится с той, которая бытовала совсем недавно, во второй половине XX века, с трудом расставшегося с патриархальными традициями. Так, еще в 1969 г. первая женщина-космонавт В.В. Николаева-Терешкова в своей работе «Женщина и труд» отмечала, что женщины должны разделить свою жизнь на три фазы: собственное образование, воспитание детей и профессиональную деятельность. В первой фазе девушка получает образование и профессию. Вторая фаза начинается с выхода замуж и кончается тогда, когда подрастут дети. В возрасте 35-40 лет наступает третья фаза, в это время женщина включается в общественный труд вне дома [4].

Применительно к современному этапу развития общества с его социально-политическими, экономическими и социокультурными параметрами такое фазовое деление не совсем актуально и требует корректировки. Так, первая фаза, которая связана с получением образования и формированием профессионального самоопределения будет варьироваться: для женщин – до 24,2 лет, для мужчин – до 26,4. Как показывает опыт, в эти возрастные промежутки происходит наслаивание нескольких направлений жизнедеятельности: для многих парней и девушек этот период связан не только с учебой, но и с активностью в трудовой сфере.

Вторая фаза – с момента заключения брака и до того периода, когда дети подрастут, может быть определена для женщин возрастом от 24 до 36-37 лет, для мужчин – от 26 до 38 лет (если считать, что самый трудоемкий период воспитания детей – это их «взращивание» до 6-7лет).

Последняя фаза, предполагающая самый высокий уровень активности в жизни каждого человека, его профессионального становления, развития и самореализации в конечном итоге занимает самый короткий промежуток (с учетом возрастной границы активного трудоспособного возраста): женщины – до 55, мужчины – до 60 лет. И такого рода периодизация не представляется адекватной жизненным стратегиям современного человека – мужчины и женщины. Такой подход в целом не является социально продуктивным, хотя и направлен на элиминацию классической дилеммы, стоящей перед современным человеком, особенно женщиной: семья или работа.

Конфликт между гендерными ролями, реализуемыми в семье, сегодня обусловлен, с одной стороны, возрастающим значением профессиональной деятельности в жизни женщины, а с другой стороны, наличием в культуре современных обществ двух противоположных жизненных стратегий, преимущественно «мужской», связанной с реализацией в профессии и публичной сфере, и преимущественно «женской», ориентированной на семью и частную жизнь [5].

При этом анализ полученных данных позволил сформулировать вывод о том, что этот конфликт имеет разное разрешение с гендерных позиций: как оказалось, более успешными в професссиональной сфере являются женатые мужчины в сравнении с холостыми или разведенными. С учетом фазового разделения социально активного возрастного периода, можно сделать вывод о том, что, чем раньше мужчина создает семью, тем более продолжительной является третья фаза и тем более благоприятными становятся условия для реализации мужчины как профессионала, его карьерного роста и общественного признания.

Что касается женщин, то в современном обществе, их профессиональная успешность имеет очень сложные корреляции с семейным статусом. Это происходит на фоне продолжающихся сохраняться гендерных различиях, отображающихся в так называемых жизненных стратегиях «успешной женщины» и «успешного мужчины».

В ходе указанного исследования были построены такие жизненные стратегии.

1. Успешная женщина. Это женщина (девушка) с высоким уровнем образования, высоким уровнем интеллекта, занимающая достойное место в профессиональной сфере и ориентированная одновременно на самореализацию в семье, что требует определенных усилий по созданию оптимальных условий для счастливой семейной жизни всех ее членов. Семья для женщины является приоритетной сферой самореализации.

2. Успешный мужчина. Мужчина (молодой человек) целеустремленный, работоспособный, имеющий достойную работу, позволяющую не только удовлетворять существующие материальные потребности (формирует финансовую независимость), но также дает возможность для карьерного роста, профессиональной самореализации. Это человек, занимающий весомое положение в социальной структуре общества и имеющий положительный имидж. Основной опорой и поддержкой в этой роли выступает семья (возможно, семья с детьми), как «надежный тыл». Мужчина социально активен, направлен вовне. Семья для мужчины выступает в качестве средства достижения намеченных целей, как один из атрибутов положительного имиджа в условиях современного общества.

Полученная картина «успешности женщин и мужчин» дополняется статистическими данными. Согласно материалам статистических отчетов Республики Беларусь, можно проследить расхождения в карьерном росте мужчин и женщин. Среди мужчин гораздо больше руководителей высшего звена, больше мужчин среди ведущих политиков, ученых, занимающих высокие статусные позиции в сфере науки. И это на фоне другой картины: в общем числе экономически активного населения Беларуси (4594,4) мужчин меньше (2172,7), чем женщин (2421,7); мужчин больше среди рабочих, занятых преимущественно физическим, в т.ч., неквалифицированным трудом, а женщин больше среди специалистов и служащих (табл. 1) [6].

Таблица 1. Распределение численности работников по категориям персонала на конец 2008 года

Категории персонала	Распределение по полу (абсолютное выражение и %)				Распределение по полу, %	
	Женщины		Мужчины		Женщины	Мужчины
Рабочие	1047551	49,2	1351567	72,7	43,7	56,3
Служащие	1081480	50,8	506926	27,3	68,1	31,9
из них:						
Руководители	179230	8,4	206040	11,1	46,5	53,5
Специалисты	789058	37,1	274 658	14,8	74,2	25,8
Другие служащие	113192	5,3	26227	1,4	81,2	18,8

Как свидетельствуют статистические данные, мужчин больше среди работников, имеющих ученые степени кандидатов и докторов наук, в то время как среди обучающихся в аспирантуре больше лиц женского пола (таблицы 2, 3). Правда, среди обучающихся в докторантуре мужчин уже изначально больше, чем женщин.

Таблица 2. Численность аспирантов и докторантов (2009 г.)*

Распределение по полу (абсолютное выражение)		Распределение по пол, %	
Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Аспирантов:			
2671	1900	58,4	41,6
Докторантов:			
46	64	41,8	58,2

**Источник:* данные Министерства образования Республики Беларусь

Таблица 3. Количество защищенных диссертаций в 2008-2009 гг. *

Распределение по полу (абсолютное выражение)	2008		2009	
	Доктор наук	Кандидат наук	Доктор наук	Кандидат наук
Женщины	14	284	11	171
Мужчины	39	284	20	184

* *Источник:* данные ВАК Республики Беларусь

Как показывают статистические данные, имея практически равные возможности и перспективы на первоначальном этапе своей профессиональной самореализации, а по некоторым показателям и превосходящие (экономическая активность, уровень образования и др.), многие женщины остаются «в тени» входе профессиональной самореализации. Посвящая значительную часть своего времени созданию и сохранению семьи, рождению и воспитанию детей (по приведенной выше классификации – увеличивается продолжительность второй фазы и сокращается третья фаза), женщина зачастую не успевает добиться тех профессиональных результатов, которых могла бы достичь при равных условиях с мужчинами.

Такая ситуация в значительной степени объясняется ролевым конфликтом, который у женщин носит более острый характер, и который не может быть решен только за счет внутрисемейных и личностных ресурсов. Без специально организованной социальной политики, направленной на поддержку женщин, имеющих и воспитывающих детей, особенно тех, кто уже продемонстрировал свой высокий социальный и профессиональный потенциал, решить многие социальные проблемы, в том числе и демографические, не представляется возможным.

По результатам исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, можно сделать вывод, что для юношей семья является фактором стимулирующим, способствующим их максимальной самореализации, включая профессиональную успешность. Для девушек влияние семьи на социально-профессиональную успешность, скорее, носит сдерживающий характер. Причем сдерживающее влияние в большей степени связано с супружеской семьей, и в меньшей – с родительской. Налицо противоречие между важнейшими социальными ролями, выполняемыми современными женщинами и мужчинами: семейными и профессиональными. И первые, и вторые имеют высокую степень значимости, как для личности, так и для общества в целом. Проводимая в белорусском обществе семейная политика призвана снять напряжение в данной сфере. Однако, как показывает опыт, проблема еще далека от своего решения. Об этом свидетельствуют низкие показатели рождаемости, не обеспечивающие даже простое воспроизводство населения, для чего надо, чтобы каждая женщина имела хотя бы 2,1 ребенка (в современной Беларуси на каждую женщину приходится в среднем 1,4 ребенка).

Очевидно, что подходить к поиску ответов на сложившиеся демографические вызовы огульно, без учета гендерной специфики, сложившейся в современном обществе, непродуктивно. Влияние семьи на выполнение современными мужчинами и женщинами социальных ролей имеет явно выраженную гендерную специфику, что очень важно в выявлении факторов, направленных на решение демографических проблем в современном белорусском обществе. Низкая рождаемость, старение населения, высокая смертность среди мужчин, слабый рост продолжительности активного возраста мужчин и женщин – и как итог – сокращение численности населения Беларуси – это краткий список проблем, которые являются объектами пристального внимания демографов, экономистов, социологов, работников системы здравоохранения и действующих политиков. Практически поставлены вопросы о сохранении белорусской нации. Эти демографические вызовы требуют незамедлительных ответов. И в их поиске должны быть активно задействованы гендерные исследования, как в виде получаемых результатов, так и в качестве актуальной социальной практики.

Практико-ориентированные гендерные исследования – это разновидность социальной активности, вовлекающая в свою орбиту не только узкий круг «посвященных», но и широкую общественность, знания которой об актуальных проблемах общественного развития могут стать предпосылкой развития ее активности в направлении поиска ответов на поставленные вопросы и в конечном итоге – их решение.

Литература:

1. Студенческая молодежь Беларуси в мире современной культуры / «Мой свет» № 1 // С.В. Лапина [науч.ред.], Грибов Г.М., Смоликова Т.М. – Брест: БрГТУ, 2004. - 98 с.
2. Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы в условиях глобализации и интеграции / С.В. Лапина [науч.ред.], Г.М. Грибов и др. Сборник научных трудов. – Брест: БрГТУ, 2007. – 232 с.
3. Лапина, С.В. Структура, динамика ценностных ориентаций студентов Беларуси Польши (компаративный анализ) / С.В. Лапина, Г.М. Грибов // Filozoficzno-kulturowe i prawno-gospodarcze aspekty procesow integracyjnych w Europie srodkowo-wschodniej. – Bialystok, 2007. – 13 с.
4. Николаева-Терешкова, В.В. Женщина и труд / В.В. Николаева – Терешкова /Комитет советских женщин. – М., 1969.- 37 с.
5. Здравомыслова, О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О.М. Здравомыслова. – Москва: ЕдиториалУРСС, 2003. – 150с.
6. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь / статистический сборник; Е.И. Кухаревич [и др.]. - Минск, 2010.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Мельников А.П.
к.ф.н., доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Одним из актуальных социальных «вызовов» на постсоветском пространстве в наши дни выступает проблема социальной справедливости в условиях рыночных отношений. Эта проблема почти всегда связывается с понятиями равенства и неравенства, при этом разными исследователями в них вкладывается разный смысл.

Значительный интерес представляет концепция социальной справедливости американского исследователя Дж. Ролза, автора книги «Теория справедливости» [1]. Ролз сформулировал два принципа справедливости. Согласно первому из них, каждый человек имеет право на свободу, совместимую со свободой других людей. В соответствии со вторым принципом существующие проявления социального неравенства в сфере власти и богатства справедливы лишь тогда, когда они приносят пользу всему обществу и в первую очередь самым незащищённым его слоям.

Каким образом члены общества могут придти к принятию указанных принципов? Отвечая на этот вопрос Дж. Ролз выдвигает концепцию так называемого исходного положения, которая определяет базисную структуру, позволяющую осуществить второй принцип при соблюдении приоритета первого. Предполагается, что возможно некое исходное положение, в котором все члены общества наделены в равной степени всеми экономическими благами и в то же время свободны в выборе основных принципов дальнейшего устройства общества. Дисбаланс богатства и бедности, контраст всевластия и бесправия поддаются нейтрализации практикой филантропической и правозащитной деятельности. В результате торжествует социальная справедливость.

Развитием теории Дж. Ролза является концепция социальной справедливости лауреата Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Дж.Ю. Стиглица, который переносит акцент проблемы на равенство возможностей. Правда, это равенство следует отличать от либерального принципа равенства, сводящего социальное равенство к юридически провозглашённому, но экономически не гарантированному равенству возможностей индивидов в стихии рыночных отношений. Эта либеральная трактовка противоречит концепциям социального государства. Такое равенство возможностей – основная причина перетекания богатств от бедных к богатым, хотя при этом любой бедняк имеет некоторый шанс (весьма небольшой) стать богатым [2, с. 349].

В отличие от Дж. Ролза, понимающего первый принцип справедливости как абсолютный приоритет свобод перед возможностями, Дж.Ю. Стиглиц рассматривает свободы как права граждан в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека ООН. Он выступает за включение в перечень прав человека, наряду с ограничениями на деятельность государства, права требовать от властных структур, чтобы они приняли на себя определенные обязательства, имеющие для человека базовую ценность сами по себе, с точки зрения развития и использования потенциала человеческой личности, т.е. того, что мы называем социальными гарантиями: здравоохранение, реальное участие в управлении государством, пенсионное обеспечение по инвалидности и в старости. Это предполагает наряду с ограничениями деятельности государства в определённых обстоятельствах, необходимость расширения его деятельности в области социальных гарантий и обеспечения общенациональной социальной стабильности [3].

Наконец, ещё один подход к проблеме социальной справедливости – рыночный. Рыночная концепция считает справедливым распределение доходов, основанное на свободной игре рыночных цен, конкурентном механизме спроса и предложения. Распределение ресурсов и доходов определяют, регулируют законы рынка. Говоря по-другому, результаты конкурентных рыночных процессов справедливы в том, что они вознаграждают тех, кто более способный и трудолюбивый; справедлива такая величина дохода, которая соответствует эффекту от вложения труда и капитала в производство. Всё регулируется рыночными механизмами.

Экономическая деятельность человека, её результаты, их общественная оценка на рынке – вот основа социальной справедливости, а вовсе не альтруистическая благотворительность и абстрактное равноправное распределение. Кто эффективнее работает и действует на рынке, тот соответственно и больше получает доходов.

Однако известно, что ещё Дж.М. Кейнс критиковал идею так называемой «невидимой руки» рынка, согласно которой рынок путём конкуренции автоматически обеспечивает полную занятость, а каждый фактор производства справедливо вознаграждается в точном соответствии с его вкладом в полученный результат. Стихия рынка ведёт к безработице и несправедливому распределению богатства и доходов [4]. Дж. М. Кейнс объяснял это тем, что важнейшие процессы в экономике характеризуются фундаментальной неопределённостью. В результате рыночная экономика наталкивается на пределы саморегуляции. Дж.Ю. Стиглиц по этому поводу выразился так: «Я не настолько глуп, чтобы поверить, что рынок сам по себе решит все социальные проблемы. Неравенство, безработица, загрязнение окружающей среды непреодолимы без активного

участия государства» [5]. Следовательно, без регулирования на общенациональном уровне не обойтись.

Как следует из изложенного, все рассмотренные подходы к трактовке социальной справедливости в условиях рыночных отношений оказываются достаточно дискуссионными и противоречивыми по отношению друг к другу и ни один из них не предоставляет бесспорных, универсальных аргументов в свою пользу. Столь разнородное обоснование моделей социальной справедливости наводит на мысль, что единственным способом устранения подобного положения является создание некоторой гибридной парадигмы, которая содержала бы сильные стороны всех моделей. Однако сделать это непросто.

В условиях рыночных отношений важной задачей властных институтов в проведении в жизнь принципа социальной справедливости должно быть обеспечение людям равенства возможностей, чтобы каждый в меру своих сил и способностей мог реализовать себя. Вместе с тем социальная справедливость в условиях рынка должна включать и другой важный компонент – государственную защиту социально уязвимых слоёв населения (больных, сирот и т.д.), т.е. государственные гарантии для тех, кто по объективным причинам выпадает из равноконкурентных условий и не способен обеспечить себе сам достойную жизнь.

Однако, чтобы избежать иждивенческих настроений, при любых социальных гарантиях «общество не обязано обеспечивать благополучие лентяев, тунеядцев и т.п. Никто не обязан быть щедрым и великодушным. Что касается индивидов, менее способных, но трудолюбивых и пытающихся честно бороться «за место под солнцем», то таким людям можно и нужно всячески помогать развивать свои способности или оказывать другого рода помощь» [6, с. 100].

Таким образом, в самом общем плане социальную справедливость можно определить как меру соответствия между трудом и вознаграждением за него, как приемлемую степень неравенства в распределении доходов, которая способствует совершенствованию общественных отношений, социальному прогрессу в целом.

Литература:

1. Ролз, Дж. Теория справедливости (пер. с анг.) /Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 535с.
2. Стиглиц, Дж. Ю. Ревущие девяностые: семена развала (пер. с анг.) / Дж. Ю.Стиглиц. – М.: Современная экономика и право. – 2005. – 421с.
3. Стиглиц, Дж. Ю. Экономика государственного сектора (пер. с анг.) /Дж.Ю. Стиглиц. – М.: МГУ: ИНФРА. – М., 1997. – 720с.
4. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег (пер. с анг.) /Дж.М.Кейнс. – М.: Гелиос ОРВ, 2002. – 352с.
5. Богомолов, О.Г. Экономическая глобализация: критический анализ: (к выходу книги лауреата Нобелевской премии, профессора Джозефа Стиглица – Joseph E. Stiglitz, Globalization and its Discontents, 2002) / О.Г. Богомолов // Decanat. com. [Электронный ресурс. – 2009. – Режим доступа: http://decanat.com/show-worc.htm?id=542. – Дата доступа: 12. 03. 2011.
6. Исмаилов, Н.О. Справедливость как мера равенства / Н.О.Исмаилов // Социология власти. – 2009. – № 8. – С. 95 – 103.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ОКАЗАНИИ НАСЕЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Лихачёва С.Н.

к.с.н., доцент, заведующая кафедрой политологии и социологии Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь)

Государство является основным субъектом социальной политики, которая представляет собой деятельность, направленную на управление социальным развитием общества, обеспечение удовлетворения материальных и духовных потребностей его

членов и регулирование процессов социальной дифференциации. Важными потребностями являются поддержка человека в старости, болезни, в случае потери источников существования, гарантированное медицинское обслуживание, среднее образование и многие другие. Однако очень серьезным фактором, обусловливающим рост общественных социальных расходов, является особая демографическая ситуация в большинстве экономически развитых стран (в том числе в Республике Беларусь), вызванная массовым старением населения и урбанизацией. Поэтому государство вынуждено от распределительного принципа в поддержке своих граждан переходить к адресной помощи нуждающимся в ней.

Сфера услуг – это совокупность отраслей, которые оказывают существенное влияние на качественные характеристики работника, на уровень его образования, культуры, на состояние здоровья, способствуют повышению деловой активности человека, развитию всех его творческих способностей. Часть этой сферы – бытовая – была в первую очередь затронута факторами рыночной экономики, для нее характерна многоукладность, создание новых организационно-экономических хозяйствующих единиц с применением маркетинга и менеджмента. В целом сервис относят к социально-ориентированному сектору экономики, обеспечивающему удовлетворение потребностей населения в услугах образования, здравоохранения, культуры и т.д.

Потребности человека многообразны и имеют многоуровневый характер. Большая часть из них носит социальные формы удовлетворения через институты и организации, которые предоставляют набор социальных услуг. Традиционно в нашей стране закрепился ведомственный подход к оказанию таких услуг населению: социальное обслуживание обеспечивают органы социальной защиты, здравоохранение – медицина, обучение и воспитание – система образования, досуг – учреждения культуры и т.д. В значительной степени они относятся к государственным учреждениям, финансируются из бюджета, работают по четко разработанным инструкциям, программам, планам. Также в них можно отметить наличие квалифицированных специалистов и методик решения вопросов обращающихся граждан.

Одновременно, можно выделить и ряд сложностей, мешающих как гражданам, так и самим организациям. Во-первых, социальная сфера достаточно затратная в материальном плане и кадровом обеспечении, и отдача от нее, например, повышение рождаемости, сокращение пьянства в семьях, улучшение здоровья населения, обнаруживает себя спустя несколько лет или десятилетий. Во-вторых, препятствием может стать ведомственный характер оказания социальных услуг, когда проблема не может быть решена в одном месте. В такой ситуации оказываются дети-инвалиды, которых не всегда готова принять обычная школа, или люди, пострадавшие от домашнего насилия. В-третьих, потребителя услуг нередко не устраивает излишний бюрократизм, формализм в разрешении его проблемы. Одним из оптимальных вариантов использования «плюсов» и преодоления «минусов» может быть распространение такой организационной формы оказания социальных услуг как государственный социальный заказ.

Государственный социальный заказ представляет собой делегирование государством полномочий по социальному обслуживанию (предоставлению социальных услуг) иным субъектам с компенсацией расходов (стоимости) услуг. При этом создается институциональная основа нового типа социальной политики – социального партнерства, т.е. сотрудничества государства, граждан и бизнеса в решении социальных проблем общества. Государственный социальный заказ рассматривается не только в узком смысле, как государственный заказ на определенный вид услуг, предоставляемый некоммерческими организациями на конкурсной основе и финансируемый из государственного бюджета. Социальная ответственность государства реализуется и в других формах социального заказа (посредством предоставления грантов, налоговых и имущественных льгот некоммерческим организациям, социальных ваучеров населению, налоговых льгот на пожертвования граждан и предприятий в благотворительные фонды и

т.д.) От прямого управления процессом оказания социальных услуг государство переходит к косвенным, экономическим, методам его регулирования. Создаются условия для проявления социальной ответственности бизнеса и общества, используются рыночные механизмы для удешевления социальных услуг и повышения их качества. Усиливается координирующая и контрольная роль государства в создаваемой системе социального партнерства [1, с. 8].

Само по себе понятие государственного социального заказа не является абсолютно новым. Например, государство заказывает системе образования подготовку определенного количества специалистов, выделяя на это бюджетные деньги. Но принципиальным отличием является то, что этот заказ государство делает, по сути, само себе и его выполнение практически исключает какие-либо варианты в формах, расходовании средств, учете пожеланий потребителей и т.д. Изучение мнения населения, руководителей территориальных центров социального обслуживания населения и представителей общественных организаций свидетельствует о наличии устойчивого спроса и предложения на социальные услуги, однако осведомленность о системе государственного социального заказа низкая и у специалистов, и у общественников, а у населения вообще отсутствует [2, с. 54].

Одной из форм реализации государственного заказа в оказании социальных услуг населению является разработка и осуществление проектов. По определению российского социолога Ж.Т. Тощенко: «социальное проектирование – это специфическая деятельность, связанная с научно обоснованным определением вариантов развития новых социальных процессов и явлений и с целенаправленным коренным изменением конкретных социальных институтов» [3, с. 319]. Важнейшей чертой проектирования является инновационность, наличие какой-то идеи, а также привязанность к конкретному месту, времени, ресурсам. При этом проекты могут осуществляться как в масштабах всего общества, так и быть небольшими по охвату объектов, участников и даже исходить от отдельной личности. Это отмечается, в частности, Ю. Хабермасом. В обществе растет сознание морально-политической автономии: а это значит, что и мы сами оказались перед задачей принимать решения о том, что нормально и что нет, основываясь на собственных критериях (т.е. не имея возможности опереться на традицию, религию, авторитет вождя и т.д.). Человек создает «полностью индивидуальный жизненный проект», чтобы оставаться самим собой в изменчивой реальности. В этих условиях «объединенным в общество индивидам остается только возможность рискованного самоуправления посредством в высшей степени абстрактной тождественности Я» [4, с. 88].

Как показали результаты социологического опроса по теме: «Социально-экономические особенности и перспективы развития услуг для населения Могилевской области», проведенного УКП «Могилевский институт региональных социально-политических исследований» весной 2011 г., позитивная картина в крупных городах заметно отличается от той, что сложилась в небольших населенных пунктах, деревнях. Оказание услуг в данном случае не очень выгодно и даже убыточно, поэтому требует новых, нестандартных форм решения социальных проблем населения. Только 9,4% жителей сел полностью устраивает сфера услуг в их местности. Каждый такой населенный пункт отдельным домом быта, больницей и т.д. обеспечить нереально, тем более что и потребности могут возникать у людей незапланированно, но решать их все равно необходимо. Частный бизнес могут привлечь льготы, однако рентабельность здесь не будет высокой, что останавливает бизнесменов. Поэтому важны разнообразные организационные формы при поддержке государства.

Литература:

1. Социальный заказ как инструмент социальной политики. Обзор зарубежного опыта / Авторы-составители : М.А.Щёткина [и др.]. – Мн. : Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь, 2009.

2. Щёткина, М.А. Система социального обслуживания населения: оценка общественного мнения / М.А. Щёткина // Проблемы управления. – 2010. - № 3 (36). – С. 49-56.

3. Тощенко, Ж.Т. Социология : учебное пособие / Ж.Т.Тощенко. – М. : Прометей, 1994.
4. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью / Ю.Хабермас. – М. : АО «KAMI» ; Издат. центр «Academia», 1995.

ЗАИМСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Назарова Д.В.
младший научный сотрудник сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Социальные инновации мы определяем как новые формы и правила социального взаимодействия людей. В обществе они могут быть инициированы сверху в виде распоряжений, указов и т.д., а также возникать стихийно и впоследствии закрепляться, распространятся и институционализироваться. При этом инновационность определяется далеко не фактором уникальности ранее никогда и никем не применяемых форм организации социального пространства в различных сферах общественной и повседневной жизни людей. Критерием социальных инноваций выступает новизна системы, структуры, элементов, механизмов социального взаимодействия с учетом жизненного опыта людей (социальных и демографических групп, профессиональных коллективов и т.д.), которые его реализуют на практике. Для примера можно назвать внедрение контрактной системы найма работников. Специфически присущие такой системе социально-трудовые отношения будут выступать социальной инноваций для всех тех граждан, которые ранее по такой системе найма не работали.

В программах и планах правительства Беларуси инновациям уделяется огромное значение. В них видится возможность дальнейшего успешного развития и в экономике, и во всех сферах общества. Однако, если заимствование технических новинок, эффективных технологий и т.д. – как это делает Китай, широкими темпами развивая экономику – приносит неоспоримую пользу, то с заимствованием социальных инноваций все не так просто. Сравнивая уровень жизни развитых стран, организационную и социальную структуру успешных предприятий нам кажется, что если этот опыт применить у нас – будет такой же позитивный эффект и такой же оптимальный результат. Подобные стереотипы распространены не только среди населения, но даже в научных кругах. Особую актуальность в настоящее кризисное для Беларуси время представляет идея приватизации и массовой распродажи государственных активов предприятий. Считается почти за аксиому, что частное предпринимательство на порядок эффективнее государственного предпринимательства.

Вместе с тем, финансовые и экономические кризисы, прокатившиеся в последние годы по всему миру, так или иначе затронули почти все государства, в том числе с ярко выраженной частно-капиталистической экономикой. Финансовые аналитики большинства стран, стремясь как можно быстрее вывести страны из кризиса, предлагают лишь один безальтернативный вариант жесточайшей экономии – резкое сокращение бюджетных выплат на социальную сферу. Общественность реагирует забастовками и протестными акциями, еще более парализующими экономику. Ради одномоментного вливания в государственный бюджет необходимых сумм, самым распространенным рецептом становится распродажа государственного имущества. На таком сценарии для Беларуси настаивают и кредиторы из России и МВФ и проч. Однако насколько дальновидными и экономически оправданными будут шаги в этом направлении? Почему только частная собственность может служить гарантом эффективного экономического развития? В истории много примеров, когда экономические проблемы наоборот решались национализацией и даже экспроприацией. Есть ли этим моделям решения экономических проблем какие-либо научные доказательства, и не являются ли эти «доказательства» лишь политически ангажированными стереотипами?

Пример кризиса в США показывает совсем не либеральное направление выхода из него. При экономическом кризисе первыми начинают страдать как раз мелкий, средний и даже крупный бизнес, и только потом уже те предприятия, которые находятся в государственной собственности. В условиях кризиса у них различны реальные возможности: концентрации и аккумулирования капитала на наиболее важных проектах, социально-экономического планирования на долгосрочную перспективу и т.д. Как раз крупнейший частный бизнес, выехавший из страны в поисках дешевых рабочих рук ради своей прибыли, лишает американцев рабочих мест и возможности зарабатывать, увеличивая тем самым и бюджетные выплаты на социальную защиту и социальное развитие. В Италии с треском проваливается на республиканском всенародном референдуме (12-13 июня 2011 г.) идея Берлускони и итальянского правительства о приватизации отрасли водоснабжения. Недоверие частным компания по эксплуатации АЭС, по данным Евробарометра в 2007 году, в ЕС на порядок выше, чем государственным АЭС [1]. Японские частные фирмы, зная о сейсмически небезопасной территории своей страны, близости океана и периодических цунами, в свое время, все равно построили АЭС не в глуби островов, а в зоне пирсов. Ради большей прибыли при строительстве и эксплуатации и т.д. Все эти примеры ценны тем, что реально отражают представление населения о системе частной собственности в определенных сферах экономики. При этом показательно то, что европейцы или американцы на основе своего жизненного опыта имеют непосредственную возможность адекватно оценить преимущества и недостатки частной собственности на производстве с точки зрения и потребителей, и работников таких предприятий.

Во всем мире происходит переоценка примата частной собственности над государственной в определенных сферах. Вместе с тем, желая догнать развитые страны по уровню экономического развития, многие страны бывшего СССР перенимают либеральные взгляды и стереотипы, пытаясь механически встроить их в социальные реалии своих стран. В СМИ происходит активное лоббирование идей либеральной экономики в ущерб реальным преимуществам идей и достижениям при государственной форме собственности в области предпринимательства. Показательным провалом реализации данных стереотипов в этом отношении выглядит реформа ЖКХ в России. Сотрудники управляющих фирм, наделенные свободой в ценовом определении своих услуг, ведут себя совсем иначе, нежели их немецкие прототипы. И вместо того, чтобы стать прибыльной или хотя бы безубыточной для бюджета страны сферой, за все это время вводят ее в еще большую экономическую несостоятельность. При этом провоцируется социальная напряженность и не всегда соблюдаются элементарные гарантии потребителей ЖК услуг.

Мы не ставим целью показать преимущества тех или иных форм организации социального пространства. Проблема стоит в отказе от принятия готовых «рецептов», навязанных стереотипов, механическом заимствовании и внедрении социальных инноваций. При таком копировании не учитывается важнейшая основа того или иного социального взаимодействия – ценности, менталитет, специфика культур, жизненный опыт, сопутствующие нюансы (законодательная база и проч.). В этой связи интересна такая социологическая работа Ф. Фукуямы, как «Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия» [2]. Не придерживаясь каких-либо стереотипов, он методом case-study шаг за шагом систематизирует особенности социальной организации предприятий и эффективности различных методов использования социального капитала (доверие) в различных культурах и обществах. На основе анализа реальных ситуаций он приходит к выводу и особенно подчеркивает невозможность слепого переноса социально-организационных механизмов в силу различия менталитета и культур.

Безусловно, надо изучать мировой опыт в области социальных инноваций, предлагать людям для ознакомления, возможно даже локально проводить эксперименты. (Показателен в этом опыт Германии: прежде чем принимается решение на

государственном уровне, проводятся многолетние исследования). Но окончательное решение по внедрению тех или иных социальных инноваций в массовом порядке, через изменение законодательства, проводить только с учетом апробированности их на практике, в наших же реалиях.

Литература:
1. Special EB 271: Europeans and Nuclear Safety. («Европейцы и ядерная безопасность» - Доклад Евробарометра о результатах сравнительных полевых исследований во всех 27 странах-членах ЕС)/ – 2007 г. – [Электронный ресурс] – режим доступа http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_271_en.pdf - 08.10.2011.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия / Ф. Фукуяма // Неприкосновенный запас. – 2001. – №2 (16). / [Электронный ресурс] – режим доступа http://magazines.russ.ru/nz/2001/2/fook-pr.html - 08.10.2011.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: О ПРОГРАММЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шухатович В.Р.
к.с.н., заведующая сектором социологии здоровья и человеческого развития Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Актуальность. За последние двадцать лет после распада Советского Союза сфера здравоохранения Республики Беларусь претерпела существенные изменения: были созданы новые структурные подразделения, функции которых ранее выполняло союзное министерство, новые направления медицинской помощи, расширился и усложнился круг решаемых задач и их стратегическая нацеленность. Страна, несмотря на трудности переходного периода, огромные потери от аварии на ЧАЭС и затраты на ликвидацию ее последствий, в полной мере сохранила все механизмы жизнеобеспечения и прежде всего систему охраны здоровья.

По показателям функционирования система охраны здоровья Республики Беларусь, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, занимает лидирующие позиции среди стран СНГ. Показатель младенческой смертности за последние десять лет в республике снизился в два с половиной раза и достиг уровня наиболее развитых в экономическом отношении стран. Благодаря модернизации отрасли повысилась доступность для населения современных методов диагностики и лечения заболеваний, лекарственного обеспечения. Наблюдается динамичный рост экспорта услуг здравоохранения. Налажено активное взаимодействие с Всемирной организацией здравоохранения – укореняются новые современные формы медицинской помощи и санитарно-просветительской работы, реализуются инновационные пилотные проекты.

Вместе с тем по ряду вопросов, касающихся дальнейшего реформирования отрасли существуют различные, иногда противоположные точки зрения. Это касается необходимости перехода к системе обязательного медицинского страхования. В то время как преимущества страховой модели медицины очевидны, опыт ее построения в странах-соседях выявил значительные риски, связанные с уменьшением доступности услуг для населения и снижением финансирования здравоохранения.

Сохранив преимущество советской системы охраны здоровья, белорусское здравоохранение унаследовало и его недостатки – прежде всего, затратное преимущественное финансирование стационарной помощи, по сравнению с первичной. Ситуация постепенно улучшается – уменьшается коечный фонд, внедряются стационарозамещающие технологии, однако проблема сохраняет свою актуальность.

Слабо работает принцип субсидиарности, направленный, с одной стороны, на стимулирование здорового образа жизни, с другой, – ответственности человека за свое

благосостояние в целом. Имеется потребность в развитии культуры здоровья и мотивации самосохранительного поведения населения.

Обращение к методологии становится особенно настоятельным тогда, когда прежние, устоявшиеся методы, принципы и формы деятельности оказываются недостаточно эффективными и не вполне соответствуют изменившимся условиям и потребностям общества. В определенном смысле в такой ситуации находится в последнее время система здравоохранения Республики Беларусь. Трудность состоит в том, что прямое заимствование нововведений не представляется возможным.

Изменяется модель отношений «врач-пациент» – от патерналистской к модели сотрудничества.

Все это свидетельствует о несомненной актуальности методологического обоснования дальнейшего развития здравоохранения. Для конструктивного обсуждения методологических оснований здравоохранения необходим солидный социологический материал: во-первых, данные эмпирических исследований (об удовлетворенности, социальных ожиданиях в сфере здравоохранения); во-вторых, аналитическая информация из истории науки, теории социологии.

Социологический анализ инновационных решений в сфере здравоохранения позволит выявить реальные последствия изменений для различных групп населения, степень удовлетворенности услугами здравоохранения, ожиданий конкретных групп и категорий населения относительно необходимости усовершенствования тех или иных сторон его деятельности и возможностей в повышении потенциала здоровья белорусов.

Концептуальная схема исследования. Под социальными инновациями понимаются управленческие изменения, направленные на разрешение возникающих затруднений в реализации ожиданий населения по тем или иным социальным вопросам в каждом конкретном районе. В широком смысле под социальными инновациями понимают все, что по своим последствиям вызывает качественные преобразования общества и его институтов, в том числе демографические, политические, экономические и др.; в узком – это изменения в социальной сфере, в социальных отношениях, социальной инфраструктуре и т.д. [1].

Система здравоохранения рассматривается как отрасль социальной сферы. Из общего массива социальных нововведений выделены те, которые направлены на изменение сущностных сторон социальных отношений – повышение качества и доступности медицинской помощи, улучшение социальной коммуникации, формирование отношений доверия на межличностном (врач-пациент) и институциональном уровне, расширение и защиту прав пациента. Это, прежде всего, новые законы, касающиеся функционирования сферы здравоохранения Республики Беларусь. Социальные инновации в сфере здравоохранения проанализированы в соотнесении с социальными целями системы охраны здоровья и принципами социальной политики государства.

Поскольку деятельность здравоохранения связана с воспроизводством реальной повседневной жизни людей, развитием и самоосуществлением социальных субъектов, основные ее измерения следующие: 1) социально-экономические, психо-эмоциональные, экологические условия сохранения здоровья; 2) уровень медицинского обслуживания населения; 3) доступность безопасных и благоприятных для здоровья людей форм жизнедеятельности; 4) гражданские права и гарантии на получение медицинской помощи и проживание в безопасной для здоровья среде обитания; 5) возможность выбора медицинских услуг и благоприятных для здоровья форм поведения и способов жизнедеятельности; 6) материальные и социокультурные основы развития потенциала здоровья человека в соответствии с его социальным статусом и статусом здоровья; 7) способы регулирования, социального контроля здравоохранения и медицины: 8) степень ответственности социальных субъектов за сохранение здоровья; 9) пути снижения социального неравенства в вопросах охраны здоровья и медицинского обслуживания; 10)

социальные интересы, потребности, ожидания, мотивы и стимулы социальных субъектов в сфере здравоохранения.

Цель и задачи исследования. *Целью исследования* является концептуальное обоснование инновационного развития сферы здравоохранения, как наиболее значимой составляющей системы жизнеобеспечение населения и роста человеческого капитала, в контексте социальных ожиданий населения относительно уровня оказываемых услуг.

Задачи исследования:

1) методологическое обоснование критериев выделения социальных инноваций в сфере здравоохранения из всего массива нововведений;

2) социологический анализ инновационных решений в сфере здравоохранения, рассмотренных в соотнесении с принципами социальной политики в области охраны здоровья: справедливости, равенства (доступности), эффективности, согласования интересов.

3) социологический анализ удовлетворенности услугами сферы здравоохранения и ожиданий разных групп и категорий населения относительно необходимости и направлений усовершенствования тех или иных сторон ее деятельности;

4) разработка методик изучения самооценок здоровья как качества, востребованного в инновационной экономике;

5) мнение населения о перспективах развития системы охраны здоровья;

6) изучение профессионального призвания врачей в контексте повышения трудовой мотивации и формирования отношений доверия между врачом и пациентом;

7) Разработка научно обоснованных рекомендаций, направленных на повышение качества управления инновационным развитием сферы здравоохранения.

Эмпирическое исследование, включая опрос населения Республики Беларусь по национальной репрезентативной выборке, проведен в октябре-ноябре 2011 года Институтом социологии НАН Беларуси в рамках ГПНИ «История, культура, общество, государство» подпрограмма «Социокультурное развитие белорусского общества в современных условиях («Социология»)» на 2011–2015 гг. в соответствии с заданием 3.1.02 «Инновационное развитие отраслей социальной сферы» (научный руководитель – д.с.н. Шавель С.А.). Исследование на всех этапах – от разработки основных положений рабочей программы и инструментария до подготовки аналитических отчетов – осуществляется автором при согласовании с Государственным учреждением «Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения».

Литература:

1. Шавель, С.А. Социальные инновации в жизни общества / С.А.Шавель // Наука и инновации. – 2007. – № 4 (50). – С. 10-12.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УХУДШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ)

Морев М.В.

к.э.н., научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Одной из наиболее острых проблем российского общества является высокая смертность населения, прежде всего от внешних причин, в число которых входят убийства, самоубийства, отравления, травмы, дорожно-транспортные происшествия и другие несчастные случаи. Большие потери в результате их распространения стали особенностью российской статистики, они приобрели длительный и устойчивый характер

в большинстве регионов России [1, с. 65-89]. Суицид в настоящее время является ведущей причиной смерти среди лиц молодого и среднего возраста, в особенности мужского пола. В возрастной группе 15 – 35 лет в Европейском регионе самоубийства занимают второе место после дорожно-транспортных происшествий [2].

Следует также отметить, что смертность от самоубийств является индикатором, отражающим общий уровень социального здоровья и психического микроклимата в стране. Его репрезентативность обусловливается тем, что суициды детерминируются факторами самой различной направленности (социально-экономической, психологической, медицинской и т.д.).

Проблеме суицидального поведения в настоящее время уделяется все большее внимание. Однако в большинстве случаев исследователи обращаются к ее демографическому или психологическому аспекту. Между тем смертность населения от самоубийств имеет существенные социальные последствия, одним из которых является высокий уровень социально-экономического ущерба.

Оценивая актуальность данной проблемы в России, Всемирная организация здравоохранения признала нашу страну находящейся в состоянии вялотекущей чрезвычайной ситуации [3]. По данным ВОЗ Российская Федерация на протяжении последних 20 лет ежегодно входит в пятерку стран, имеющих наиболее высокий уровень смертности населения от самоубийств (в 1990 г. Россия находилась на 6 месте; табл. 1).

Таблица 1. Ранжирование стран – лидеров по уровню смертности от самоубийств (число умерших на 100 тыс. населения; объем выборки – 53 страны)*

1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.
1. Венгрия (38,1)	1. Литва (47,9)	1. Литва (46,7)	1. Литва (37,0)	1. Литва (31,5)
2. Финляндия (29,1)	**2. Россия (41,6)**	**2. Россия (37,8)**	**2. Россия (29,8)**	2. Казахстан (24,5)
3. Словения (28,0)	3. Эстония (40,9)	3. Беларусь (34,2)	3. Беларусь (29,0)	**3. Россия (24,1)**
4. Эстония (27,6)	4. Латвия (40,7)	4. Казахстан (32,7)	4. Казахстан (26,8)	4. Венгрия (21,8)
5. Литва (27,2)	5. Казахстан (33,3)	5. Латвия (30,7)	5. Венгрия (23,2)	5. Латвия (20,7)

**Источник:* Европейская база данных ВОЗ «Здоровье для всех» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfadb/shell_ru.html

Несмотря на позитивную тенденцию снижения, наблюдающуюся с начала 2000-х гг., среднероссийский показатель смертности от самоубийств с 1990-го превышает предельно-критическое значение, установленное Всемирной организацией здравоохранения (20 случаев на 100 тыс. населения; рис. 1). Для сравнения, в странах Европейского региона среднее число случаев самоубийств составляет 17,5 на 100 тыс. населения [4].

Рисунок 1. Соотношение уровня самоубийств в Российской Федерации и предельно-критического значения суицидов по данным ВОЗ (умерших на 100 тыс. нас.)

Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: www.gks.ru

Внешние причины, к которым относятся суициды, занимают 3-е по распространенности место в структуре смертности населения Российской Федерации. В 59 субъектах России уровень смертности населения от самоубийств превышает предельно-критическое значение, установленное Всемирной организацией здравоохранения. В рамках класса «Несчастные случаи, травмы и отравления» на самоубийства приходится максимальное количество погибших (табл. 2).

Таблица 2. Структура смертности населения Российской Федерации в 2010 г.

Класс причин смертности	Число случаев		
	умерло чел.	на 100 тыс. нас.	в % от всех причин смертности
Структура общей смертности			
Все причины	2028516	1422	100
болезни системы кровообращения	1151917	798	56,8
новообразования	293171	205	14,5
внешние причины	**216867**	**144**	**10,7**
болезни органов пищеварения	91995	64	4,5
болезни органов дыхания	74808	52	3,7
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	33609	23	1,7
Структура смертности от внешних причин воздействия			
Причины смертности	Число случаев		
	умерло чел.	на 100 тыс. нас.	в % от внешних причин
Внешние причины	216867	144	100
самоубийства	**33480**	**23**	**15,4**
все виды транспортных несчастных случаев	28558	20	13,2
убийства	18951	13	8,7
случайные отравления алкоголем	19132	10	8,8

* Ранжировано по значению показателя в %.

** *Источник:* Федеральная служба государственной статистики (www.gks.ru)

В последние годы частота суицидов среди лиц в возрасте от 10 до 14 лет, колеблется в пределах от 3до 4 случаев на 100 тысяч, а среди подростков 15-19 лет - 19-20

случаев. В мире же средний показатель по этой возрастной категории в 2,7 раза ниже, чем в России. По данным на 2009 г. наиболее суицидально активной возрастной категорией являются люди 20 – 39 лет (34 случая на 100 тыс. нас.), в группе от 40 до 59 лет уровень самоубийств составляет 31 случай на 100 тыс. нас., среди людей старше 60 лет – 29 случаев, в возрасте 5 – 19 лет – 9 случаев. Таким образом, проблема суицидального поведения широко распространена среди лиц трудоспособного возраста. В молодежной среде, к которой по определению ЮНИСЕФ относятся люди от 15 до 24 лет, средний уровень суицидов по стране составил 25,4 случая на 100 тыс. населения. В сравнении с другими причинами смертности класса «Несчастные случаи, травмы и отравления», суициды превалируют среди мужчин, а также людей старше 20 лет (табл. 3). Эта особенность наиболее ярко проявляется на сельских территориях.

Таблица 3. Сравнительный анализ внешних причин смертности в различных социальных категориях (РФ, 2009 г., умерших на 100 тыс. нас.)

Категории населения	Самоубийства	Убийства	ДТП	Алкогольные отравления
Мужчины	**47,3**	24,4	33,6	25,0
Женщины	8,5	7,0	10,6	6,5
5 – 19 лет	8,8	2,9	10,2	0,1
20 – 39 лет	**34,0**	19,2	29,3	11,0
40 – 59 лет	**31,0**	21,2	22,3	30,3
60 лет и старше	**28,9**	11,1	19,2	13,9
Город	**20,9**	13,9	18,7	13,5
Село	**41,6**	18,3	28,1	19,3

* выделены категории населения, в которых уровень смертности от самоубийств выше, чем от других причин класса «Несчастные случаи, травмы и отравления».

Следует также отметить, что собственно самоубийства представляют лишь «верхушку айсберга» проблемы суицидального поведения. Согласно формуле экспертов ВОЗ, на “n” завершенных самоубийств приходится 10 – 20n парасуицидов, 8n близких и родственников суицидента (которые входят в группу повышенного суицидального риска), 100n людей, помышляющих о самоубийстве или осуществляющих аутодеструктивные действия на подсознательном уровне. Таким образом, на 33480 самоубийств, официально зарегистрированных в Российской Федерации в 2010 г., приходится, по расчетам, 0,4 % жителей, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, 0,2 % населения из числа ближайшего окружения суицидента и 2,4% человек, имеющих “внутренний суицидальный дискурс”. В целом же в проблему суицидального поведения может быть включено до 4,2 млн. человек, что составляет 2,9 % населения страны.

По данным на 2009 г. 50 % самоубийств было совершено людьми в возрасте до 40 лет, при этом максимальное число суицидов приходилось на возрастную группу 25 – 29 лет (4231 ед.). Другими словами, суицидальное поведение широко распространено среди наиболее молодых, трудоспособных категорий населения, что вызывает необходимость рассмотрения не только психологического и демографического аспектов данной проблемы, но и анализа ее как фактора, обуславливающего существенный социально-экономический ущерб вследствие потерь продуктивных лет жизни.

В связи с повышенным уровнем самоубийств в Российской Федерации и Вологодской области (особенно среди лиц трудоспособного возраста) актуальным вопросом является оценка социально-экономического ущерба вследствие смертности населения по данной причине.

Определение и расчет экономических потерь, вызываемых снижением количественных и качественных показателей образовательного и трудового потенциала в результате заболеваемости, инвалидности, преждевременной смертности, имеют важное

значение как для разработки политики в области здравоохранения, так и для определения ресурсов, необходимых для снижения этих потерь [5, с. 13].

Для расчета бремени самоубийств нами была использована концепция глобального бремени болезней (ГББ; Global Burden of Disease Study), которая была предложена Мюррэем (Murray) и Лопесом (Lopez) и впервые была реализована в одноименном проекте в 1992 г. Всемирной организацией здравоохранения по инициативе Всемирного банка [6]. Специалистами ВОЗ был сделан вывод о том, что данная методика «выявила истинную значимость длительного недооцененного воздействия проблем психического здоровья вследствие нетрудоспособности» [7].

Методика предполагает вычисление индекса DALY, представляющий собой меру потерь здоровья, которая состоит из суммы двух величин: лет жизни населения, проживающего на рассматриваемой территории, потерянных вследствие преждевременной смертности (YLL); и лет жизни населения, потерянных вследствие нарушений здоровья, не приводящих к смертельному исходу (YLD).

$$DALY = YLL + YLD$$

Для расчета потерь продуктивных лет жизни вследствие самоубийств нами использовался показатель YLL (Years of Life Lost, потерянные годы жизни из-за преждевременной смертности) [8]. При этом в отсутствии информации о точном возрасте человека на момент совершения суицида, было сделано статистическое допущение, что на данный момент он имел средний возраст в группе (12 лет в группе от 10 до 14 лет, 17 лет в группе от 15 до 19 лет и т.д.).

YLL = N x L, где N – число смертельных случаев

L – средняя продолжительность жизни в возрасте смерти (в годах). В нашем случае за этот показатель был принят возраст выхода на пенсию (54 полных года до выхода на пенсию для женщин и 60 лет – для мужчин).

Согласно полученным данным потери ВРП вследствие смертности населения от самоубийств значительно превышают ущерб от других причин класса «Несчастные случаи, травмы и отравления» и сравнимы с потерями от наиболее распространенных причин смерти – злокачественные новообразования и ишемическая болезнь сердца (табл. 4).

Таблица 4. Социально-экономический ущерб вследствие ПГПЖ

Территория	Ишемическая болезнь сердца		Злокачественные новообразования		Случайные отравления алкоголем		Транспортные несчастные случаи		Убийства		Самоубийства	
	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП	ПГПЖ (лет)	в % к ВРП
Россия	675369	0,476	640249	0,451	229896	0,162	580350	0,409	350586	0,247	645061	0,455
ЦФО	187113	0,504	168050	0,453	61539	0,166	152162	0,410	65648	0,177	91481	0,246
СЗФО	74434	0,553	61369	0,456	25733	0,191	50081	0,372	30551	0,227	52146	0,388
ЮФО	79529	0,580	96143	0,701	9947	0,073	92461	0,674	32822	0,239	56146	0,409
ПФО	138840	0,461	133546	0,443	59304	0,197	126396	0,419	66308	0,220	178842	0,593
УФО	45753	0,373	54493	0,444	17131	0,140	44651	0,364	37306	0,304	71078	0,579
СФО	101681	0,520	95556	0,489	46761	0,239	89008	0,455	85959	0,440	150431	0,769
ДФО	48019	0,744	31092	0,482	9481	0,147	25591	0,397	31992	0,496	46047	0,714

По потерям ВРП вследствие суицидов лидирующие места в стране занимают Чукотский автономный округ (2,7%), Республика Алтай и Забайкальский край (по 1,6%).

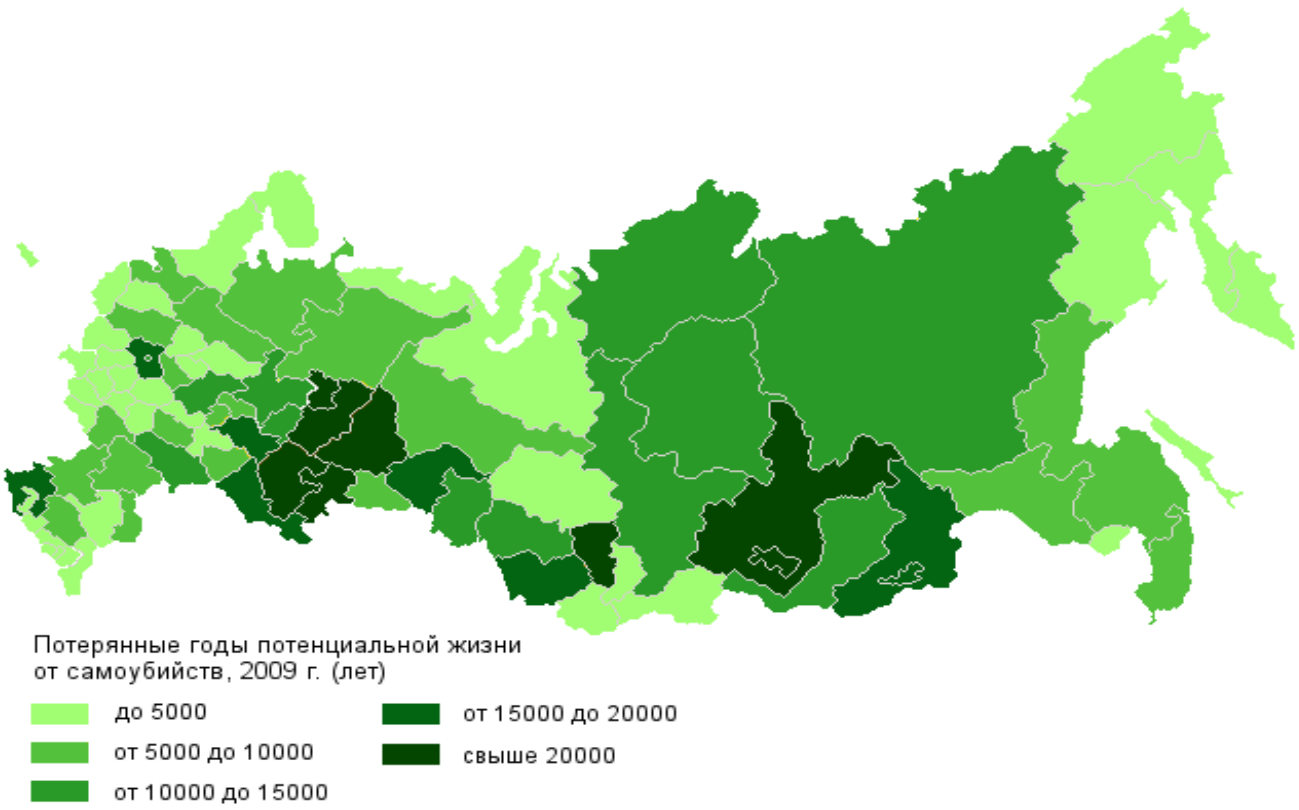

Рисунок 2. Распределение регионов Российской Федерации по уровню потерь ПГПЖ вследствие самоубийств (2009 г.)

В сравнении с другими причинами смертности при самоубийствах максимальные потери ПГПЖ имеют место в наиболее ранних возрастных категориях (20 – 29 лет). В целом на данную группу приходится до 37 % всех потерь ПГПЖ. Аналогичная ситуация наблюдается только в отношении транспортных несчастных случаев (табл. 5). Наибольшие потери от убийств происходят в группе от 25 до 35 лет, от алкогольных отравлений – 30 - 39 лет, от новообразований и ишемической болезни сердца – 45 - 55 лет.

Таблица 5. Динамика ПГПЖ в различных возрастных группах населения Российской Федерации

Причина смерти	**Возрастные группы**										
	5 - 9	**10 - 14**	**15 - 19**	**20 - 24**	**25 - 29**	**30 - 34**	**35 - 39**	**40 - 44**	**45 - 49**	**50 - 54**	**55 - 59**
Ишемическая болезнь сердца	**47**	**42**	**3146**	**10276**	**25922**	**48541**	**72757**	**109537**	**175137**	**169830**	**60134**
Злокачественные новообразования	**12715**	**10881**	**20656**	**28413**	**40380**	**53263**	**63737**	**84667**	**132767**	**125041**	**44832**
Случайные отравления алкоголем	**0**	**136**	**2077**	**12534**	**29580**	**42136**	**42833**	**36123**	**37503**	**21740**	**4758**
Транспортные несчастные случаи	**13342**	**16119**	**68327**	**138348**	**113427**	**82378**	**52997**	**37639**	**29036**	**13881**	**2634**
Убийства	**2631**	**2408**	**21944**	**53928**	**64600**	**65788**	**52168**	**35366**	**28861**	**13749**	**2578**
Самоубийства	**515**	**10613**	**71571**	**135401**	**133027**	**105111**	**71107**	**48737**	**41590**	**22823**	**4566**

Среди молодежи (возрастная группа от 15 до 24 лет) размер ПГПЖ от самоубийств составляет 206972 лет, что выше, чем потери вследствие всех рассматриваемых причин смертности. В целом на детей и подростков (до 24 лет) приходится 34 % всех потерь

ПГПЖ от самоубийств. Для сравнения, аналогичный показатель от ишемической болезни сердца составляет 2 %, от новообразований – 15 %, от алкогольных отравлений – 7 %, от транспортных несчастных случаев – 43 %. Таким образом, самоубийства, наряду с дорожно-транспортными происшествиями, являются теми причинами смертности, которые несут наибольший социально-экономический ущерб вследствие широкого распространения среди людей молодого возраста.

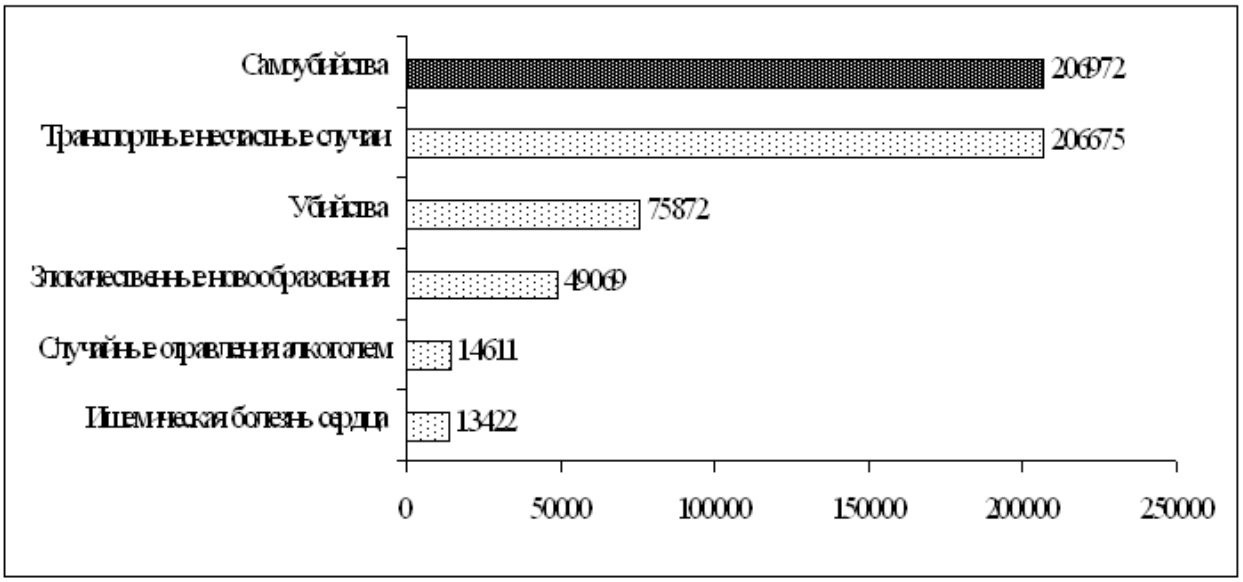

Рисунок 3. Потери ПГПЖ в возрастной группе от 15 до 24 лет (лет)

Среди мужчин по потерям ПГПЖ самоубийства уступают только ишемической болезни сердца, что связано, прежде всего, с высокой смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний. Среди женского населения суициды, несмотря на значительно меньшую распространенность, несут наиболее существенные социально-экономические потери, по сравнению с другими причинами смертности (табл. 6).

Таблица 6. Потери ПГПЖ и ВРП среди мужчин и женщин на территории Российской Федерации (2009 г.)

Причина смерти	Мужчины			Женщины		
	ПГПЖ (в годах)	Ущерб ВРП (млрд. руб.)	Ущерб ВРП (в %)	ПГПЖ (в годах)	Ущерб ВРП (млрд. руб.)	Ущерб ВРП (в %)
Ишемическая болезнь	608686	137,568	0,429	66683	15,071	0,047
Злокачественные новообразования	416882	94,218	0,294	223367	50,483	0,157
Случайные отравления алкоголем	198411	44,842	0,140	31485	7,116	0,022
Транспортные несчастные случаи	468194	105,815	0,330	112156	25,348	0,079
Убийства	285510	64,527	0,201	65076	14,708	0,046
Самоубийства	571575	129,180	0,403	73486	16,608	0,052

Совокупные потери продуктивной жизни вследствие смертности населения от самоубийств по Российской Федерации составляют 645,1 тыс. лет (рис. 4). Из них на долю мужчин приходится 89 %. Причина такого распределения обусловлена двумя факторами:

1. Во-первых, в силу своего характера и типа поведения мужчины традиционно чаще, чем женщины, прибегают к такому поступку как суицид. Эта особенность проявляется во всех возрастных группах, а также отмечается в различных исследованиях, проводимых в разное время. К примеру, мужчины реже, чем женщины, обращаются за

помощью к специалистам в случае возникновения проблем психологического характера; в случае попытки суицида избирают способ с максимальной вероятностью летального исхода (повешенье, самострел).

2. Во-вторых, высокий уровень потерь продуктивной жизни вследствие самоубийств среди мужской части населения связан с резким ростом числа суицидов в молодом возрасте (от 10 до 29 лет). На долю только этой возрастной категории приходится более половины (54 %) бремени суицидов среди мужчин.

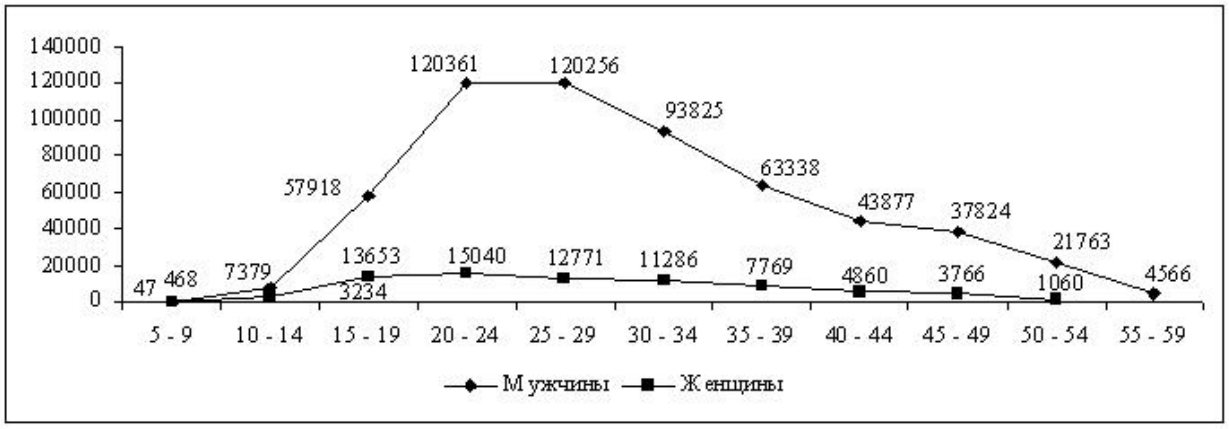

Рисунок 4. Потери продуктивной жизни от самоубийств на территории Российской Федерации (в годах)

Таким образом, самоубийства являются одной из наиболее затратных в экономическом смысле причин смертности населения. При этом необходимо учитывать, что представленные расчеты касаются только случаев суицида с летальным исходом. Реальные масштабы социально-экономического ущерба, связанного с проблемой суицидального поведения, значительно шире, поскольку включают в себя затраты на лечение и реабилитацию парасуицидентов, а также экономические потери, связанные с оценкой «бремени семьи» суицидента. Кроме того, часть дорожно-транспортных происшествий, алкогольных и прочих отравлений, а также повреждений с неопределенными намерениями является результатом суицидальных тенденций. Такие случаи не отражаются официальной статистикой, поэтому установить их долю невозможно, однако очевидно, что они вносят свои коррективы и в структуру экономических потерь.

Проблема суицидального поведения в настоящее время актуальна во многих странах мира и большинство из них предпринимают шаги по ее решению на федеральном уровне. Высокий уровень смертности от самоубийств в России связан с тем, что население регулярно сталкивается с социально-экономическими кризисами, ситуациями духовной и политической нестабильности. В этих условиях общество теряет возможности адаптации к меняющимся условиям жизни и это отражается на психологическом самочувствии людей.

Как показали результаты исследования, снижение суицидальной активности населения будет иметь существенный экономический и демографический эффект. Среди субъектов Российской Федерации инициативы по созданию системы профилактики суицидального поведения встречаются достаточно часто, однако для достижения максимальной эффективности они должны быть поддержаны на федеральном уровне. Первым шагом в этом направлении должно стать принятие Концепции профилактики самоубийств на федеральном и региональном уровне, что обеспечит скоординированность действий всех заинтересованных ведомств, общественных и религиозных организаций.

Литература:

1. Валиахметов, Р.М. Опыт социологического исследования проблемы суицида / Р.М. Валиахметов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии / Аналитический центр Юрия Левады (Левада-

Центр). Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр). – 2010. – № 1(103). – С. 65-89.
2. Охрана психического здоровья: проблемы и пути их решения / Отчет о Европейской конференции ВОЗ на уровне министров / Документационный центр ВОЗ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://whodc.mednet.ru/ru/psihicheskoe-zdorove-i-psihicheskie-rasstroystva/.
3. Национальная психолого-психиатрическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vocabulary.ru/.
4. Гулин, К.А. Фалалеева О.И., Ослопова Ю.Е. Проблемы психического здоровья населения / К.А. Гулин, О.И. Фалалеева, Ю.Е. Ослопова. – Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2003. – 71 с.
5. Карцевский, А.В. Формирование региональной системы управления здравоохранением в условиях рынка (на примере Нижегородской области) / А.В.Карцевский: Дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. – Н.Новгород, 1996. – С. 13.
6. Пряткина, О.П. Современные индикаторы здоровья населения / О.П.Пряткина // Медицинские новости. – 2000. – №10 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=3054.
7. Пряткина, О.П. Современные индикаторы здоровья населения / О.П.Пряткина // Медицинские новости. – 2000. – №10 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=3054.
8. Методика измерения DALY на сайте ВОЗ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/metrics_daly/en/.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лимаренко А.П.
к.ф.н., доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета
Прилепко Е.М.
научный сотрудник кафедры социологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Исследования современного состояния института семьи и брака в Республике Беларусь позволяют сделать ряд выводов об актуальных проблемах развития семейно-брачных отношений в современной белорусской семье. На наш взгляд проблемное поле исследований института семьи и брака в РБ будет определяться следующими социальными процессами. Институт семьи и брака в РБ трансформируется скорее в рамках парадигмы многообразия современности, чем в соответствии с классической концепцией второго демографического перехода. Ряд изменений соответствует основным тенденциям развития семейно-брачных отношений в европейских странах, другие не соответствуют. Трансформация института семьи и брака в РБ, хотя и происходит в рамках европейской модели, отличается рядом существенных национальных особенностей. В отличие от многих европейских стран в РБ еще высок потенциал «жизнеустойчивости» традиционной семьи и традиционного брака. Брак, семья и дети, родственные отношения в повседневной жизни белорусов занимают более высокие рейтинговые позиции в системе базовых ценностей, чем в западных странах.

Подобный тип трансформации института семьи и брака можно определить как «постсоветский», «постсоциалистический», отличительным признаком которого является то, что семья и брак в РБ еще долго будут одновременно обладать достаточно выраженными признаками консервативно-патриархального, детоцентристского и супружеского типов семьи.

В настоящее время можно говорить о многообразии моделей семьи в современной Беларуси. Анализ статистической и социальной информации свидетельствует о все большем распространении в РБ новых, так называемых нетрадиционных или альтернативных форм семьи и брака. В первую очередь это касается такой формы семейно-брачных отношений как «гражданский» или «незарегистрированный брак» (сожительство). По результатам переписи 2009 г. до 8,0 % населения определяют статус

своих семейно-брачных отношений как «незарегистрированный брак». В какой-то степени нетрадиционной по отношению к нуклеарной семье (мать, отец и дети) является и семья, состоящая из одного родителя и детей (материнская, неполная семья). На 2006/2007 год практически каждая четвертая семья в РБ являлась неполной и на 96,0 % состояла из матери и детей. Опросы выявили наличие таких форм партнерских союзов как гостевые браки (раздельное проживание), пробные браки, супружество, в котором семейная пара проживает отдельно по факту и не поддерживает семейных отношений, но формально находится в браке (до 1,0 %). Более частым явлением в семейной жизни стали профессиональное или социальное родительство (патронатные, приемные и опекунские семьи). Появилось гомосексуальное партнерство.

Зафиксирована тенденция роста терпимости общественного мнения в РБ к нетрадиционным формам семейных, брачных и сексуальных отношений. В основном это пока еще касается положительных оценок сожительства мужчины и женщины. Но уже более 10,0 % населения РБ лояльны, т.е. не отвергают и не осуждают «зарегистрированные однополые браки», «свободное сожительство нескольких мужчин и женщин». В то же время только 17,0 % белорусских граждан согласны с мнением, что брак – это пережиток (во Франции – 35,0 %, России – 21,0 %). В РБ всего лишь 6,0 % населения считают, что для нормального роста и развития ребенка не обязательно участие в воспитании обоих родителей (для сравнения в Финляндии эту точку зрения поддерживают 41,0 % населения, в Великобритании – 37,0 %). Социальные последствия распространения новых типов семейно-брачных отношений и новой «семейной ментальности» пока не ясны. Можно, например, предположить, что в РБ рост внебрачных рождений будут частично компенсировать низкий уровень рождаемости в зарегистрированных браках, как это уже происходит во многих странах Евросоюза. В отличие от южноевропейских стран система гендерных ролей в РБ не столь ригидна и поэтому у нас меньше социокультурных препятствий для роста внебрачной рождаемости.

К тому же значительную часть разного рода неформальных брачных союзов и партнерств в РБ можно оценить как «вынужденную внебрачность», а вовсе не как следствие переориентации на «постмодернистские ценности» (ценности индивидуальной свободы, самореализации, автономность частной жизни и др.). Для Беларуси характерно своеобразное сочетание «открытости» по отношению к современным западным стандартам семейно-брачных отношений и сохранение ряда традиционных семейных практик (более высокий коэффициент брачности, более ранние браки и др.).

Определенные изменения произошли и во внутрисемейных отношениях. Выявлена тенденция постепенного превращения белорусской семьи из детоцентристской в супружескую, более эгалитарную семью с двумя центрами (супруги и дети), что особенно характерно для незарегистрированных браков. Социологические опросы свидетельствуют о том, что подавляющее большинство (до 70,0 %) респондентов считают, что у родителей кроме заботы о детях, должна быть и своя жизнь, которую вовсе не надо приносить никому в жертву, каждый третий поддерживает установку, что женщина имеет право свободно выбирать, иметь детей или нет. Наметившиеся изменения во внутрисемейных отношениях, переопределение гендерных ролей по инициативе самих брачных и семейных партнеров свидетельствуют об ослаблении институционального контроля над семьей (деинституализация семьи и брака) и усиление значимости семьи как малой социальной группы. Одним из следствий этого процесса является ориентация на малодетность. Малодетность является не просто адаптивной реакцией на социально-экономическую ситуацию, это часть новой семейной культуры, следствие новых внутрисемейных отношений, новая устойчивая социокультурная норма диспозиционной регуляции репродуктивного поведения населения РБ. Социальные и экономические последствия этих социокультурных изменений являются, на наш взгляд, центральной проблемой не только для социологии семьи, но и для всей белорусской социологии.

Среди других актуальных проблем развития института семьи следует выделить: ориентацию населения на малодетность; распространенность поведенческих установок на решение проблем в семье через бракоразводные процедуры и фактические уходы из семьи; массовое использование в качестве регулятора количества детей в семье абортов (в среднем на 100 родов приходится 130 абортов); расширение ареала новых типов семейно-брачных отношений; распространенность социального сиротства; насилие в семье; отсутствие или неэффективность механизмов и инструментов передачи позитивных стереотипов семейного поведения. Социальная атмосфера в семье и ее стабильность базируются уже не на системе прочных и ясных традиций и регламентации поведения, а на системе моральных оценок, диалога, на групповой и индивидуальной интерпретации внутрисемейных ситуаций. К сожалению продуктивная коммуникация в семье все чаще затрудняется нарастающими различиями в определениях и переопределениях повседневных семейно-бытовых ситуаций. Стереотипы семейного поведения, представления о распределении внутрисемейных ролей формируются уже не столько под влиянием родительских семей и традиции, сколько под влиянием современной массовой культуры. Образы любви, брака и семьи, распространяемые современными литературой, журналами, кино и в целом массовой культурой, часто негативно влияют на репродуктивные установки и стабильность семьи.

Таким образом, снижение рождаемости является долговременной тенденцией в развитии белорусского общества. На уровне общества ее социальная дисфункциональность очевидна. Однако на уровне конкретной семьи, личности малодетность воспринимается как комформная норма. Целый ряд условий малодетности, по всей вероятности, необратим: устойчивая трудовая занятость женщин, высокая стоимость для общества и семьи содержания и воспитания ребенка, зависимость социального статуса от собственных профессиональных успехов и т.п. В то же время наблюдаемые в РБ изменения института семьи и брака нельзя рассматривать как прямолинейное движение в направлении западноевропейских типов демографического и семейного поведения. Более того, они не являются «переходом» от одной наиболее распространенной модели семьи к другой, столь же распространенной. Наблюдаются лишь определенные, хотя и значительные, сдвиги в распространенности тех или иных типов демографического поведения и типов семей. В РБ еще долго будет сохраняться большая, чем в Западной Европе вариативность брачно-семейных отношений и, следовательно, определенные возможности для роста детности в белорусских семьях.

РОЛЬ СЕМЬИ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОБЩЕСТВА

Первачук А.А.
доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

По мере выхода страны из социально-экономического кризиса, стабилизации экономики и социальных процессов со всей остротой встает проблема духовно-нравственного оздоровления общества. В сложных и противоречивых условиях системной трансформации общественных отношений объективно возрастает значимость таких базовых ценностей личности как патриотизм, труд, совесть, честь, достоинство, любовь, ответственность. В обществе дефицит специфических социальных чувств: соучастия, взаимопомощи, сострадания, милосердия, уважения, солидарности. Социологи считают, что ключевые проблемы страны лежат не в сфере экономики, а в проблеме духовного возрождения общества. Люди устают от социального цинизма, проявляющегося в эгоизме, равнодушии и безразличии к согражданам. Смещение жизненных приоритетов в сторону

рынка, породившее эгоцентрические тенденции личности, неминуемо будут уступать место ценностям более высокого социального порядка, таким как доброжелательность, добросовестность, открытость.

Первым и важнейшим социальным институтом, оказывающим огромное влияние на социализацию личности, является семья. Семья играет особую роль в консолидации нашего общества на основе моральных и духовно-нравственных ценностей. В семье происходит становление личности, формируется характер, усваиваются этические правила, понимание добра и зла, развивается чувство ответственности. Укрепление традиционных основ семейной жизни с их твердыми духовными традициями, высокими нравственными ориентирами и устойчивыми моральными ценностями является приоритетным в социальной политике государства. Во-первых, в семьях проживает подавляющее большинство населения Беларуси, во-вторых, в семье концентрируются экономические и моральные проблемы общества, в-третьих, семья выполняет исключительные по своей значимости для общества функции по рождению и воспитанию, социализации детей, в-четвертых, семья берет на себя основную часть забот о престарелых и инвалидах. От эффективности функционирования института семьи зависят не только демографическая ситуация в стране и обеспеченность человеческими ресурсами всех сфер хозяйства, но также и духовно-нравственное состояние общества.

Семья имеет большие преимущества в социализации личности по сравнению с другими социальными институтами, группами, благодаря особой нравственно-эмоциональной психологической атмосфере любви, заботы, уважения, чуткости. Дети, воспитывающиеся вне семьи, имеют более низкий уровень эмоционального и интеллектуального развития. У них заторможена способность любить ближнего, способность к сочувствию и сопереживанию. Первые пять лет в жизни ребенка особенно важны, так как именно на эти годы приходятся «сенситивные пики» развития, закладываются основы личности: память, интеллект, речь, мышление, эмоции, характер, познавательная активность. Семья осуществляет социализацию в самый ответственный период жизни, обеспечивает индивидуальный подход к развитию ребенка, вовремя выявляет его способности, интересы, потребности. В этом возрасте ребенок усваивает нормы поведения, которые закладываются в его «Сверх-Я». В связи с этим в стране обеспечивается приоритет семейных форм устройства на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В семьях опекунов, приемных родителей, детских домах семейного типа, детских деревнях воспитываются 18,5 тыс. детей-сирот из почти 25,2 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В Республике Беларусь принципы государственной семейной политики трактуют статус семьи как один из основных объектов социальных гарантий и льгот, государственной поддержки, ориентированной на выполнение ее функций по воспитанию детей и обеспечению условий для их полноценного физического и духовного развития. Основная цель в области поддержки семьи как естественной среды развития детей – обеспечить экономическими, социальными, правовыми и административными мерами право детей на жизнь в семье, поддержку возможностей семьи по воспитанию, содержанию детей, улучшение семейного образа жизни.

Эффективный воспитательный ресурс заключен в экономической функции семьи. Опыт семейного подряда, участие семей в кооперативной деятельности, развитие семейного предпринимательства не только вносят заметный вклад в производство материальных благ и в улучшение благосостояния семьи, но и расширяют ее воспитательный потенциал.

Влияние экономической функции на взаимоотношения в самом семейном коллективе может быть двояким: справедливое распределение домашних обязанностей в семье между супругами, старшим и младшим поколениями, как правило, благоприятствуют укреплению супружеских отношений, нравственному и трудовому воспитанию детей. При несправедливом распределении домашних обязанностей в семье,

когда они взваливаются в основном на женщину, а мужчина выступает в роли «патриарха», дети в роли потребителей, микроклимат в такой семьей, безусловно, будет неблагоприятным для успешной первичной социализации личности.

Функция досуга ориентирована на оптимизацию организации свободного семейного времени, на удовлетворение потребностей членов семьи в общении, повышении уровня культуры, улучшении состояния здоровья, восстановлении сил. Свободное время – одна из важнейших социальных ценностей, незаменимое средство восстановления физических и духовных сил человека, всестороннего развития личности. В счастливых семьях происходит взаимообогащение интересов супругов и их детей, досуг носит преимущественно развивающий характер, он включает в себя чтение, слушание музыки, посещение театров, концертных залов, музеев, экскурсии, занятия спортом и т. п. К сожалению, многие семьи в силу занятости родителей не всегда могут активно отдыхать.

Социологи придавали и придают большое значение коммуникативной функции семьи. Компоненты этой функции: посредничество семьи в контакте своих членов со средствами массовой информации, литературой и искусством, влияние семьи на многообразные связи своих членов с окружающей средой и на характер ее восприятия. Если семья уделяет выполнению данной функции достаточно внимания, то это заметно усиливает ее воспитательный потенциал.

Негативное влияние на семью как социальный институт оказывает растущее число разводов. Отрицательные последствия разводов сказываются на воспитании детей, отмечаются случаи их психических заболеваний, разрушаются кровнородственные связи, часто родители перестают быть авторитетом и образцом для подражания у своих детей.

В Национальной программе демографической безопасности на 2010–2015 гг. в сфере социальной поддержки семей содержатся конкретные задачи по укреплению нравственных основ семьи и повышению ее престижа, обеспечению равенства прав и ответственности мужчин и женщин в воспитании детей, а также по улучшению подготовки подрастающего поколения к вступлению в брак и семейной жизни.

Проводимое кафедрой экономической социологии социологическое исследование среди студентов БГЭУ по выявлению степени сформированности у студентов качеств семьянина, выявлению представлений молодежи об образе счастливой семейной жизни, отношения студентов к родителям и семье, со всей очевидностью продемонстрировало, что опыт семейной жизни складывается у молодых людей в родительской семье и, следовательно, оказывает влияние на формирование их представлений о семье. Из предложенных студентам 19 жизненных ценностей 63,5 % выбрали любовь, а счастливую семейную жизнь – 61,4 %.

Почти все опрошенные студенты отметили роль семьи в формировании их жизненных установок. Среди первостепенных качеств, развитие которых у детей обязательно должно поощряться дома, по мнению молодежи, являются, главным образом, трудолюбие, чувство ответственности, терпимость и уважение к другим людям.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бабосова Е.С.
к.с.н., старший научный сотрудник сектора культурных инноваций Институт социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В условиях глубиной социальной трансформации, переживаемой современным белорусским обществом, все более возрастающее значение для определения основного направления его дальнейшего развития имеет молодежь. Великий белорусский просветитель и общественный деятель Симеон Полоцкий писал, что «… юность подобна молодому дереву, ибо, куда кто хочет, туда может наклонить тонкое дерево; так и век юношеский: к чему его повернешь, легко будет наклонен; так человек… до смерти хранит нрав, воспринятый в юности» [1, с. 344]. Эта яркая цитата акцентирует внимание на необходимости исследования ценностных ориентаций молодых людей.

Своеобразие молодежи как социальной группы обусловлены как ее возрастными особенностями, так и ее реальным положением в социальной системе общества. Роль и значение молодежи в реализации в реализации различных вариантов социально-экономического, политического и культурного развития страны определяется спецификой положения, занимаемого этой группой в обществе – именно она является одним из важнейших объектов государственных интересов и одним из главных факторов обеспечения инновационного развития страны. В связи с этим все большую актуальность приобретает изучение ценностных ориентаций молодых людей – необходимо понять, что для них является важным, каковы их взгляды и убеждения.

Ценности представляют собой важный компонент социальной системы, наделяемый особым значением в индивидуальном и общественном сознании и представляющий собой обобщенные представления людей о целях и нормах поведения, воплощающий исторический опыт и концентрированно выражающий смысл культуры отдельного народа и всего человечества. Ценности являются скорее общими, а не личностными показателями, они становятся общепринятыми для определенной общности людей – этнической, территориальной, профессиональной, хотя одновременно несут на себе и личностно окрашенную выраженность.

Принципиальная особенность объектов и действий, наделяемых ценностью, заключается во взаимосвязи с существующей системой культуры и с социальной структурой общества. «Поскольку ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, – как отмечал известный социолог Т. Парсонс, – постольку они оказываются общепринятыми. Даже если они у индивида идиосинкразичны, то все же благодаря своему происхождению они определяются в связи с принятой культурной традицией: их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции» [2, с. 469].

Рассматривая ценностные ориентации современной молодежи, необходимо отметить, что в последние 30-40 лет они претерпели серьезные изменения. Результаты социологических исследований, которые проводились американскими (Р. Инглхарт, Ч. Моррис), норвежскими (О. Кнутсен), российскими (В.А. Андреенков, Ф.В. Цымлов) социологами, проводимые в конце XX века, свидетельствуют о том, что в системе ценностных ориентаций молодежи постепенно происходит выработка иных приоритетов по сравнению с когортами предшествующих поколений. По мнению многих современных исследователей, большое влияние на видоизменение ценностных ориентаций молодежи в сфере культурно-досуговой деятельности оказывают процессы глобализации. Такие процессы несут с собой невиданную ранее степень культурной мобильности индивидов и групп, активную межкультурную коммуникацию и массовые миграции. Это приводит к тому, что одни виды культурной и досуговой деятельности молодежи перестают быть

популярными и распространенными (техническое творчество, художественные и народные промыслы), другие претерпевают существенные изменения своего содержания (дискотека, чтение). Кроме того, возникают абсолютно новые виды деятельности, не имевшие ранее места в сфере досуга (Интернет).

Интересные данные были получены в ходе исследования по теме «Организация досуга и культурные предпочтения в студенческой среде», разработанного и проведенного сотрудниками Института социологии НАН Беларуси и студентами БГУКИ, проходящими производственную практику в этом институте, в апреле 2011 г. Выборка респондентов составила 310 человек и была сформирована методом случайного отбора. В исследовании участвовали студенты всех курсов 12 различных вузов Республики Беларусь. Целью исследования явилось изучение ценностных ориентаций современного белорусского студенчества в сфере культурно-досуговой деятельности (музыка, литература, кино, танец). Чаще всего свободное время молодые люди проводят, встречаясь с друзьями и прогуливаясь – так поступают практически две трети респондентов (59 % опрошенных). Вторым по популярности вариантом проведения свободного времени является домашний отдых, его предпочитают 49 % респондентов. В качестве третьей наиболее распространенной досуговой стратегии выступает посещение театров, кинотеатров, концертов популярных артистов, которые посещают 45 % опрошенных. Для того чтобы увеличить свои доходы и покрыть текущие расходы, многие студенты пытаются совмещать учебу с работой. Так, более трети молоды людей (35 % опрошенных) подрабатывают. В связи с тем, что молодежь предпочитает больше времени проводить за экраном телевизора или компьютера в качестве положительного можно отметить тот факт, что 17 % опрошенных регулярно в свободное время посещают читальные залы библиотек.

На сегодняшний день главную конкуренцию книгам составляет Интернет. Глобальная компьютерная сеть привлекает молодых людей не только как удобный и почти всегда и везде доступный источник разнообразной информации, но, прежде всего, как среда общения, сфера игровой и созидательной деятельности. Интернет предоставляет новые возможности в сфере культуры и позволяет сформировать альтернативные традиционным увлечения и хобби, занимающие важное место в сфере активного досуга молодежи. Так, по данным мониторинга, проведенного Институтом социологии в 2011 г., предпочитают получать информацию из сети Интернет более трети (32 % опрошенных молодых людей) респондентов в возрасте до 20 лет и 27 % в возрасте от 20 до 29 лет. Что касается количества времени, затраченного на использование сети Интернет, то более двух третей респондентов (67 % опрошенных молодых людей) в возрасте до 20 лет и 54 % в возрасте от 20 до 29 лет пользуются услугами сети практически ежедневно.

Таким образом, необходимо отметить происходящие изменения в сфере культурно-досуговой деятельности молодежи, что обусловлено появлением и расширением влияния глобальной компьютерной сети. Широкое распространение получила компьютерная мультипликация (в качестве примера может послужить Масяня – популярная героиня компьютерной мультипликации), компьютерная живопись (в частности, фракталы – составление узоров, которые получаются в соответствии с определенными правилами с использованием специальных компьютерных программ). Все большую популярность приобретает увлечение компьютерной графикой и компьютерным дизайном (подобные молодежные увлечения начинают включать в различные международные соревнования, примером могут послужить Дельфийские игры, объединяющие все виды искусств и представляющие собой эффективный инструмент сохранения и развития культурного наследия, поиска и поддержки юных талантов). Большой интерес представляет собой компьютерная живопись, осуществляемая на компьютере посредством специального программного обеспечения (в настоящее время реальностью становятся выставки таких картин – как в виртуальном пространстве, так и в жизни).

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод о происходящих трансформациях ценностных ориентаций молодежи в сфере культурно-досуговой деятельности – некоторые ее виды теряют популярность, другие видоизменяются, а также появляются абсолютно новые виды, не существовавшие ранее. Существенную роль на формирование таких ценностных ориентаций оказывает распространение информационных технологий и, в частности, сеть Интернет.

Литература:
1. Полоцкий, С. Вечеря душевная / С.Полоцкий // Антология педагогической мысли Древней Руси / С.Ф. Егоров [и др.] ; под ред. С.Ф. Егорова. - М., 1985. – 367 с.
2. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культуры, личность и место социальных систем / Т.Парсонс // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 263 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ

Резанова Е.В.
сотрудник НИИ теории и практики госуправления Академии Управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Проблематика социального капитала вошла в последнее время в круг основных интересов как западного, так и отечественного социологического сообщества. Практическая сторона исследования социального капитала приобретает особую актуальность применительно к молодежи – социально-демографической группе, которая занимает важное место в общественно-политической и экономической жизни общества. Молодежь, по сравнению с другими социальными группами общества, имеет наибольший потенциал социальной активности и наибольшую жизненную перспективу. Вследствие того, что сознание молодых людей еще не столь догматизировано, не столь загружено стереотипами, предрассудками и ошибками, как у старших, оно более открыто для внешней информации. Российские исследователи пришли к выводу, что формирование социального капитала молодежи является важным фактором оздоровления общества, поскольку, чем более вовлеченным оказывается молодой человек в социальную жизнь, чем в большее количество сфер деятельности он включается, тем меньше он находит вокруг себя чужих, и тем более он открыт для социального взаимодействия [1].

Понятие социального капитала получило целостное рассмотрение в работах П.Бурдье, который определяет социальный капитал как дифференцирующий и конструирующий фактор социального поведения и взаимодействия; Дж. Коулмена, который исследует социальный капитал через формирование обязанностей и ожиданий, доверия и норм, а также через создание добровольных ассоциаций; Р. Патнема, характеризующего социальный капитал как ресурс, относящийся к связям между людьми; Ф.Фукуямы, акцентирующего внимание на формировании доверия в обществе посредством таких культурных механизмов, как религия и традиция. В последние годы теория социального капитала оказалась в центре внимания российских, белорусских и украинских социологов. Так, украинские авторы (В.П. Степаненко, О.В. Демкив и др.) занимаются изучением теоретико-методологических оснований социального капитала. Российские ученые В.В. Радаев, И.Е. Дискин, В.Л. Римский, А.Т. Коньков изучают не только теорию и методологию исследования социального капитала, но и его влияние на экономическое развитие страны. Другие российские исследователи П.Н. Шихирев и Т.А. Нестик обращаются к изучению социального капитала в контексте деятельности организаций и рассматривают данный феномен как важный фактор их развития.

Социальный капитал молодежи можно определить как социальные сети различных категорий молодежи, основанные на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, ценностях и доверии, которые развиваются в семье, в кругу друзей, в общественных организациях и объединениях, во время учебы и работы, и предоставляют определенные выгоды в виде эмоциональной, материальной и информационной поддержки, а также способствуют самореализации и самоопределению молодого поколения.

С целью теоретического, а в последующем и эмпирического исследования социального капитала молодежи, построим теоретическую модель социального капитала, которая отражает структуру социального капитала, возможные источники его развития, а также эмпирические индикаторы, позволяющие измерять уровень социального капитала той или иной категории молодежи. В качестве примера рассмотрим работающую молодежь, поскольку структура социального капитала данной категории молодежи является более сложной, отражающей как индивидуальный социальный капитал молодых людей, который они накапливают в повседневной жизни, преимущественно во время досуга, так и организационный социальный капитал, который они развивают в процессе трудовой деятельности и в результате развития взаимоотношений с коллегами и руководством.

Основными структурными элементами индивидуального социального капитала молодежи являются: *социальные сети* – множество индивидов и определенное на нем множество отношений, являющихся, в свою очередь совокупностью связей определенного типа между индивидами; *социальная поддержка* – непосредственная отдача от социальных сетей, выражающаяся в различного рода помощи, которую оказывает социальное окружение индивиду (информационной, эмоциональной, аффилиативной, инструментальной) [2]; *межличностные правила и нормы поведения,* которые начинают формироваться в кругу семьи и ближайшем социальном окружении; *особое личное доверие* – это доверие, выражаемое индивидом, прежде всего к своему внутреннему кругу, к узкой строго очерченной группе людей, включающей членов семьи и родственников; *доверие людям вообще,* которое основано на предположении индивида, что окружающие его люди разделяют такие же фундаментальные ценности и принципы морали, что и он [3].

Основными факторами развития индивидуального социального капитала работающей молодежи являются семья и общественные добровольные объединения. *Семья*, по мнению Дж. Коулмена, является основой социального капитала. Социальные сети начинают формироваться в кругу семьи в процессе социализации, когда индивидом усваиваются определенные нормы и правила поведения, формируются личные убеждения, ценности и стереотипы, развивается социальная активность [4]. Важную роль *общественных организаций и объединений* в развитии социального капитала подчеркивали Дж. Коулмен, П. Пакстон, Р. Патнем и др. По мнению Дж. Коулмена, добровольные организации отличаются, прежде всего, общей целью и неформальностью структуры. Ориентация на достижение взаимных и специфических целей является основным признаком социальной организации. Взаимоотношения в таких организациях формируются на основе личностных характеристик и строятся на основе престижа и доверия.

Основными структурными элементами организационного социального капитала являются социальные сети и доверие в организации. *Социальные сети в организации* – это связи между людьми, которые знают друг друга и оказывают друг другу помощь независимо от должностного статуса, места работы и профессии. По уровню направленности социальные сети в организации могут быть горизонтальными и вертикальными. Вертикальные сети соединяют иерархические уровни в организации и ее частях. Горизонтальные сети – это связи между двумя или более равными по положению в иерархии или статусу частями или членами организации.

Доверие в организации – «оптимистическое ожидание человека, группы или фирмы, находящихся в условиях уязвимости и зависимости от другого человека, другой группы или фирмы в ситуации совместной деятельности или экономического обмена с целью способствовать, в конечном счете, взаимовыгодному сотрудничеству сторон» [5]. Т.А.Нестик выделяет рациональное и эмоциональное доверие по характеру взаимоотношений между сотрудниками. *Рациональное доверие* – это уверенность в том, что коллега, руководитель или подчиненный способен выполнить взятые на себя обязательства. *Эмоциональное доверие* – доверие, которое основано на оценке общности ценностей и мотивов: доброжелательности, открытости для успешного решения проблем, мотивированности на достижение общей цели, порядочности.

Факторы, влияющие на развитие социальных сетей организации и формирование доверия как внутри коллектива, так и за пределами организации многообразны и многочисленны: корпоративное управление, организационная культура и т.д.

Важной частью теоретической модели социального капитала работающей молодежи является система индикаторов, которая позволяет эмпирически изучить социальный капитал данной категории молодежи и выявить особенности развития основных ее структурных элементов. При этом индикаторами индивидуального социального капитала работающей молодежи являются следующие: насыщенность социальных сетей (наличие широкого круга знакомых и друзей, с которыми общается молодой человек); разветвленность социальных сетей (наличие связей с различными категориями людей, с людьми, имеющими высокое положение в обществе); показатель вовлеченности в сети повседневных контактов и институциональные сети (частота встреч с друзьями и знакомыми, с людьми из различных общественных организаций); виды оказываемой помощи людьми социального окружения (простая, ресурсная, инструментальная помощь, а также помощь в доступе к должностным лицам); доверие (особое личное доверие и обобщенное доверие). Индикаторами организационного социального капитала работающей молодежи являются следующие: горизонтальные сети (частота обращения к своим коллегам за помощью, возможность открыто обсуждать профессиональные проблемы); доверие на горизонтальном уровне: эмоциональное доверие и рациональное доверие; вертикальные сети (возможность открытого общения с руководителем, быстрое разрешение конфликтов); вертикальное доверие (делегирование полномочий, выражающееся в возможности молодого человека выполнять важные поручения своего руководителя).

С целью изучения социального капитала работающей молодежи в малых городах лабораторией социологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь в 2008-2009 гг. было проведено социологическое исследование среди работающей молодежи в малых городах *методом группового анкетного опроса по месту работы.* В каждом городе случайным образом были выбраны государственные учреждения, на которых работают молодые люди, имеющие высшее и специальное образование. Общий объем выборки составил 509 человек.

Все показатели индивидуального и организационного социального капитала работающей молодежи изучались следующим образом: респондентам предлагалось высказать свое мнение относительно двух полярных высказываний, отражающих определенную характеристику социальных сетей (индивидуальных или сетей в организации) и доверия.

В результате исследования индивидуального социального капитала работающей молодежи выяснилось, что индивидуальные социальные сети данной категории молодежи являются достаточно насыщенными, поскольку большинство молодых людей (65,8 %) предпочитает общение с друзьями и родственниками, имеет широкий круг знакомых. Однако разветвленность социальных сетей не достаточно развита, поскольку всего 37,9 % молодых людей констатировали тот факт, что их знакомые принадлежат к разным социальным кругам, и при этом четверть респондентов заявила, что положение их

знакомых в обществе такое же, как у них. Активность в развитии своих социальных сетей также не достаточно развита – только треть всех молодых людей занимают активную жизненную позицию, развивают свои институциональные сети.

Особое личное доверие изучалось посредством вопроса относительного того, на чью помощь молодые люди рассчитывают в трудных жизненных ситуациях. Помимо того, что подавляющее большинство молодых людей рассчитывает на себя (79,5 %), многие из них (72,1 %) рассчитывают на родителей и родственников; 45,8 % на друзей и знакомых.

Кроме того, в ходе исследования выяснилось, содействуют ли социальные сети и доверие облегчению решения различных проблем, и кто из социального окружения работающей молодежи в малых городах в этом участвует. Оказалось, что близкие родственники больше всех оказывают молодым людям материальную помощь (78,45 %), помощь продуктами и вещами (74,1 %), помощь по уходу за ребенком (67,8 %) и психологическую поддержку (46,2 %), т.е. ресурсную и эмоциональную поддержку. Друзья оказывают наибольшую помощь, по сравнению с другими членами социального окружения, в решении транспортного вопроса (51,3 %), т.е. инструментальную помощь, а также наряду с близкими – психологическую помощь и поддержку (28,1 %). Коллеги по работе оказывают наибольшую помощь, по сравнению с другими членами социального окружения, в профессиональных консультациях (26,1 %), т.е. информационную. Знакомые оказывают наибольшую помощь, по сравнению с другими членами социального окружения, содействуя в доступе к должностным лицам и представителям власти (17,5 %). Что касается вопросов трудоустройства, то для решения данной проблемы работающая молодежь в малых городах в равной степени использует родственные сети (20,7 %), дружеские сети (19,3 %), связи со своими знакомыми (19,4 %), т.е. разветвленность социальных сетей здесь имеет наибольшее значение.

В результате исследования организационного социального капитала работающей молодежи выяснилось, горизонтальные сети данной категории молодежи развиты достаточно хорошо, поскольку большинство молодых людей (70,1 %) регулярно обращаются за помощью к своим коллегам, и те, в свою очередь, отвечают им взаимностью. То, что опытные сотрудники могут скрывать информацию, также отрицает большинство молодых людей (63,2 %). Работающая молодежь ощущает реальную поддержку со стороны коллег в решении личных и профессиональных проблем.

Эмоциональное доверие в коллективах, в которых работают молодые люди, находится на высоком уровне, поскольку между подавляющим большинством работающей молодежи (84,1 %) и их сотрудниками сложились доброжелательные отношения, отсутствует враждебность и напряженность. Также большинство молодых людей (52,5 %) констатировали тот факт, что сотрудники сопереживают личным проблемам и помогают в их решении. Кроме того, подавляющее большинство (70,7 %) согласилось с тем, что их устраивают сложившиеся внутренние правила и нормы поведения в коллективе. Что касается рационального доверия, то уверенность большинства работающей молодежи (63,7 %) в компетентности и профессионализме своих коллег позволяет утверждать, что этот вид доверия также развит достаточно хорошо.

На развитие организационного социального капитала работающей молодежи большое влияние оказывают отношения, которые сложились у молодых людей с руководством. В нашем исследовании большинство работающей молодежи (54,6 %) согласилось с тем, что руководитель делегирует им часть своих обязанностей и дает важные поручения, касающиеся работы всей компании. На процесс делегирования полномочий со стороны руководства может оказывать влияние множество различных факторов, одним из которых является уровень образования: на доверие со стороны руководства указало 59,5 % молодых людей, окончивших высшее учебное заведение и 49,5 % молодых людей, окончивших ПТУ, ССУЗ. Таким образом, руководители чаще

делегируют свои полномочия специалистам с высшим образованием, нежели молодым людям, имеющим специальное образование.

На сегодняшнем этапе развития белорусского общества государство проводит целостную молодежную политику, главной целью которой является выявление и реализация интересов и потребностей молодежи, регулирование отношений между молодежью и обществом. Однако для наиболее успешной реализации молодежной политики необходим всесторонний анализ социальных сетей и особенностей построения доверительных отношений молодых людей со своим окружением, а также факторов социальной активности молодежи. Поэтому дальнейшее изучение социального капитала молодежи с увеличением объема выборки будет иметь большое значение, поскольку социальный капитал облегчает становление молодого человека в социально-экономических, политико-правовых и организационных условиях, способствует реализации творческого потенциала молодого поколения в интересах развития всего общества.

Литература:

1. Солдатова, Г.В. Формирование социального капитала молодежи как фактор оздоровления российского общества / Г.В.Солдатова, Т.А.Нестик, Е.В.Филилеева // Здоровье нации – основа процветания России: материалы науч.– практич. мероприятий V всероссийского форума, Москва, 2009г.: в 4 т. / Москва, 2009. – Т.4. – С. 150.
2. Сивуха, С.В. Социальная сеть общественных организаций как форма социального капитала / С.В. Сивуха // Социология. – 2003. -№ 4.– С. 58
3. Рукавишников, В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения. / В.О.Рукавишников // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 23
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж.Коулмен // Общественные науки и современность. – 2001. - №3. – С. 126
5. Шихирев, П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П.Н. Шихирев // Общественные науки и современность. – 2003. – №2. – С. 20

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА БЕЗРАБОТНЫХ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Лукашова О.Г.
научный сотрудник сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Создание эффективной системы социальной защиты безработных, направленной на смягчение последствий безработицы и оказание содействия в реализации их права на труд, является одним из приоритетных направлений социальной политики, проводимой в Беларуси. Реализуемая государством политика в сфере регулирования процессов на рынке труда позволила существенно снизить показатели официально регистрируемой безработицы, уровень которой по отношению к численности экономически активного населения (4 705,1 тыс. чел.) составил 0,7 % (или 33 105 чел.) на конец 2010 года [1, с. 109, 130]. Сравнение аналогичных показателей, характеризующих ситуацию на рынке труда в других государствах, показывает, что это один из самых низких уровней безработицы не только на постсоветском пространстве, но и в странах ЕС. Данные международных сравнений свидетельствуют о том, что лишь в Казахстане был зафиксирован более низкий уровень безработицы – 0,4 % (2010 г.). В других странах СНГ этот показатель несколько выше, к примеру, в Азербайджане – 0,9 %, в России 2,1 %, в Украине 2,7 %, в Молдове 3,1 %, в Армении 6,8 %. Для сравнения, в Германии уровень официально зарегистрированной безработицы в 2009 г. составил 7,5 %, в Польше 10,2 %, в Литве 13,7 %, в Эстонии 13,8 %, в Испании 18,0 % [1, с. 628].

Приоритетной задачей социальной политики правительства Беларуси по сдерживанию безработицы, явилось стремление поддерживать ее официальный уровень на пороге естественного значения. Но снижение показателей официальной безработицы в значительной степени обусловлено организационными мерами, которыми располагает регистрационный принцип определения и учета безработных, принятый в Беларуси, а также реализацией административных мер по сдерживанию процесса высвобождения избыточной рабочей силы на предприятиях и в организациях. Такая направленность социальной политики привела к росту незарегистрированной и усилению скрытой безработицы в стране. По данным разных источников, уровень безработицы в республике, рассчитанный по методике МОТ, колеблется в пределах 7-10 % по отношению к экономически активному населению.

Безработица как явление характеризуется текучестью, подвижностью, постоянным изменением состава безработных, выходящих на рынок труда с предложением своей рабочей силы. Для более полной картины состояния безработицы в Беларуси, приведем показатели обращаемости населения за поддержкой в органы по труду, занятости и социальной защите населения в течение годового периода времени. Так, в 2010 году на биржу труда обратилось 328 721 человек, из числа которых 62,6 % (или 205 826 человек) были признаны безработными [1, с. 137]. Состояние безработицы, рассматриваемое как процесс, характеризуется определенной длительностью. Как следствие, период трудоустройства для представителей различных групп безработных не одинаков. Так, в 2010 году, средняя продолжительность безработицы для мужчин, являющихся более конкурентоспособными, составила 3,3 месяца. Средние показатели безработного состояния женщин характеризуются более длинным временным периодом. Средняя продолжительность женской безработицы составила 4,5 месяца [1, с. 139].

Деятельность государственных органов в сфере обеспечения занятости населения Беларуси предусматривает выполнение принятых гарантий белорусского государства в отношении безработных. Так, государство гарантирует безработным бесплатную профессиональную ориентацию, профессиональное обучение и переобучение с учетом общественных потребностей и склонностей безработных, оказание им психологической поддержки. Социальная помощь безработным заключается в выплате пособий по безработице, стипендий в период профессионального бучения (по направлению службы занятости), в оказании материальной помощи. Важными направлениями деятельности государства являются содействие в организации предпринимательской деятельности и переселение безработных с предоставлением работы и компенсацией материальных затрат в связи с переездом в другую местность. Государство гарантирует поддержку безработных, предоставляя им возможность участвовать в оплачиваемых общественных работах и пр. Инновацией в этом направлении деятельности является взятая государством обязанность по трудоустройству родителей, которые обязаны возмещать расходы, затраченные государством на содержание их детей, находящихся на государственном обеспечении. Реализуется эта мера посредством направления родителей по решению суда в органы государственной службы занятости населения, и их последующего трудоустройства путем бронирования рабочих мест для этой категории граждан.

Социальная политика белорусского государства, направленная на обеспечение занятости трудоспособного населения, особое внимание уделяет тем категориям населения, которые в силу состояния здоровья, возрастных или социально-статусных особенностей не способны на равных условиях конкурировать на рынке рабочей силы и особо нуждаются в социальной защите. В соответствии с белорусским законодательством, к таковым относятся: инвалиды; родители в многодетных и неполных семьях; родители, воспитывающие ребенка-инвалида; лица, освобожденные из мест лишения свободы; лица предпенсионного возраста; лица, впервые ищущие работу в возрасте до 21 года; лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; граждане, уволенные с военной службы, из органов внутренних дел, органов финансовых расследований КГК,

подразделений МЧС в связи с окончанием срочной службы или по другим уважительным причинам без права на пенсию; отселенные и выехавшие из зон отчуждения после катастрофы на Чернобыльской АЭС; ветераны боевых действий на территории других государств; иные граждане. Названные категории граждан нуждаются в дополнительных гарантиях занятости, что и обеспечивается такими средствами, как бронирование рабочих мест, создание дополнительных рабочих мест на предприятиях и в организациях различных форм собственности, создание специализированных организаций (включая организации для труда инвалидов) и пр. Важным направлением деятельности в обеспечении занятости уязвимых категорий населения является бесплатное предоставление услуг по профессиональной ориентации, организация обучения и переобучения по востребованным на рынке труда профессиям. Особое внимание уделяется повышению трудового потенциала женщин, как менее защищенной категории безработных. Так, первоочередное право на профессиональное обучение получают безработные матери, которые не работали в связи с уходом за ребенком в возрасте до трех лет. Следует отметить, что местные исполнительные и распорядительные органы за счет собственных средств могут предоставлять дополнительные гарантии гражданам, особо нуждающимся в социальной защите.

Перспективными направлениями социальной поддержки безработных является оказание помощи работодателям в создании новых рабочих мест (при участии фонда содействия занятости); превентивная переподготовка работников, подлежащих сокращению в процессе оптимизации кадровой численности предприятий. Получило распространение такое направление социальной поддержки, как переселение безработных с предоставлением жилья. В республике переселение безработных осуществляется преимущественно из села в село. Реализации этого механизма защиты от безработицы способствовала такая инновация, как строительство агрогородков, которые содействовали концентрации сельской рабочей силы на стабильно работающих агропредприятиях.

Усиление эффективности таких мер социальной поддержки, как бронирование рабочих мест, профессиональное обучение и переобучение, юридическое консультирование, профессионально-ориентационная работа, проведение специализированных ярмарок вакансий, стимулирование самозанятости, поддержка (финансовая, юридическая, обучающая) в открытии собственного дела, оказание психологической помощи и пр., способны создать основу для интеграции безработных в национальный рынок труда. Социальная защита безработных, как направление социальной политики государства, приобретает особое значение в условиях финансово-экономического кризиса, следствием которого является снижение жизненного уровня широких слоев населения. Увеличение занятости трудоспособного населения призвано способствовать повышению его реальных доходов и снижению масштабов бедности. Снижение безработицы, как зарегистрированной (официальной), так и не зарегистрированной, является одним из важнейших социальных приоритетов обеспечения социальной безопасности в стране.

Литература:

1.Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2011.

КАРЬЕРНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Лихачева О.Н.
магистр, младший научный сотрудник сектора культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Каждый молодой человек имеет потребность в самореализации, составлении планов профессионального развития и карьерного продвижения, желает быть признанным членами своей семьи, друзьями и руководством. Карьера рассматривается современными юношами и девушками как одна из главных ценностей общества. Понятие карьеры означает «продвижение человека по ступеням производственной, имущественной, социальной, административной или иной иерархии» [4, с. 132]. В оксфордском словаре карьера понимается как «систематическая последовательность профессиональных ролей, через которые индивиды передвигаются по периодам трудовой жизни, предполагающая возрастающий престиж и другие заслуги, хотя не исключающая нисходящую профессиональную и социальную мобильность» [7, с. 55].

Понятие карьеры в социологии начало изучаться такими социологами как Освальд Холл и Эверет Хагес в Чикаго в 1940-х, а затем усовершенствовано социологами в рамках традиции символического интеррakционизма, что сделало его применимым в областях вне традиционной занятости, например, девиантная карьера (deviance career). Так, Ховард Бекер использовал данный концепт в стадиях «начинающего курильщика марихуаны», когда курильщики учились технике, и, в конце концов, учились наслаждаться таким опытом. Точно так же, Ирвинг Гоффман изучал «моральную карьеру» (moral career). Он подчеркивал, что ценность понятия карьеры можно считать двусторонним, где один аспект связан с внутренними целями, которые являются близкими человеку, например, самоидентичность; а другая сторона связана с официальным статусом, юридическими основаниями и стилем жизни, и является частью социальной институциональной системы, принимаемой обществом. Моральная карьера (moral career) – идентифицируемые последствия процессов последовательно изменяющихся идентичностей личности (особенно девиантной идентичности) и ее нравственного статуса. Например, стадии моральной карьеры душевнобольного: сначала "нормальный", затем пациент и наконец экс-пациент [6]. В этом процессе вся биография человека может быть пересмотрена в свете "моральных" оценок человека.

Социологи выделяют два вида карьеры: профессиональную и внутриорганизационную. Профессиональная карьера характеризуется тем, что конкретный работник в процессе своей профессиональной деятельности проходит различные стадии развития: обучение, поступление на работу, профессиональный рост, поддержка индивидуальных профессиональных способностей, наконец, уход на пенсию. Эти стадии конкретный работник может пройти последовательно в разных организациях.

Внутриорганизационная карьера охватывает смену стадий развития работника в рамках одной организации. Такой вид карьеры реализуется в трех основных направлениях: вертикальное – подъем на более высокую ступень структурной иерархии; горизонтальное – предполагает перемещение либо в другую функциональную область деятельности, либо выполнение определенной служебной роли на ступени, не имеющей жесткого формального закрепления в организационной структуре (например, выполнение роли руководителя временной целевой группы, программы); центростремительное – движение к ядру, руководству организации. Например, приглашение работника на недоступные ему ранее встречи, совещания как формального, так и неформального характера.

Каждый молодой человек, начиная самостоятельную жизнь, уже имеет определенные представления о той или иной профессии и проецирует их на свои способности и возможности, исходя из этого выбирает себе учебное заведение. Так,

важной составляющей понятия карьеры является «паспорт профессиональной карьеры» [3, с. 110]. Он представляет собой индивидуальный портфель официальных документов, отражающих знания, умения и навыки студента, которые могут быть востребованы на рынке труда. Паспорт позволяет более эффективно провести профессиональный отбор, подобрать место работы, наиболее соответствующее профессиональным компетенциям выпускника, в конечном итоге это способствует повышению производительности труда, уменьшению затрат на переподготовку, снижению текучести кадров.

И для юношей, и для девушек получение хорошего профессионального образования является непременным условием жизненного успеха и достижения материального благополучия. Это их инвестиция для достижения статусных позиций на рынке труда. Для девушек диплом об образовании также несет дополнительные социальные гарантии, порой оказывается важным ресурсом для конкуренции на «брачном рынке». С другой стороны, полученное образование обеспечивает девушкам гарантию экономической независимости и возможность самостоятельного содержать себя, детей [5].

В молодежной среде понятия «успех» и «успешность» часто подменяются понятиями удачи, везения, имеющими ситуативный характер; отождествляются с такими атрибутами успеха как деньги, власть, популярность, призывая тем самым к потребительскому отношению к жизни, ожиданию счастливого случая [2]. Однако для большинства современной молодежи достичь успеха в жизни трудно: из-за ограниченных возможностей получения образования и работы в малых городах и сельской местности, из-за нехватки материальных средств, в меньшей степени из-за невысокого статусного уровня семьи. Соответственно, образование, работа, доходы и социальное положение становятся ближайшими целями и средствами достижения успеха.

В настоящее время много говорится о расчетливости молодых, стремлении из всего получить выгоду. Этому способствует усиливающееся социальное расслоение в этой группе, ибо возникает необходимость борьбы за «место под солнцем». Исследование, проведенное Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 2010 году, позволило выявить ценностно-профессиональные установки молодых специалистов (табл. 1)*. Выборка составила 622 студента выпускных курсов вузов и ссузов, 385 молодых специалистов, а также 110 человек их работодателей. Согласно результатам опроса, на вопрос *“Какая из жизненных позиций Вам более близка?”* наибольшее число респондентов готовы добиваться своего любой ценой, причем таких целеустремленных больше среди юношей (58,2 %). Примерно в 2 раза меньше тех, кто настроен честно трудиться, как бы ни менялась общественная жизнь (21,7 %). При этом, рассуждая о первом месте работы, студенты ставят высокий заработок на первое место (72,0 %), карьеру выбрали 67,4 % респондентов.

Таблица 1. Ценностно-профессиональные установки молодых специалистов, %

Ценностно-профессиональные установки	%
Высокая заработная плата	72,0
Возможности карьерного роста	67,4
Хорошие условия труда	48,9
Приобретение практических навыков	29,1
Хороший микроклимат в коллективе	26,8
Решение жилищного вопроса	24,8
Работа по специальности	13,5
Работа не должна утомлять	9,2

* Молодые специалисты на рынке труда Могилевской области: проблемы подготовки, трудовой деятельности и социальной защищенности / МИРСПИ. - Могилев, 2010г. - №ГР20102297

Желания молодежи вполне понятны: успешная карьера в престижной организации ассоциируется сегодня со стабильностью жизни, уверенностью в завтрашнем дне и с привилегированным положением. Деньги и карьера – цели большинства студентов выпускных курсов.

Молодые специалисты традиционно характеризуются высокой мотивацией к достижению определенных карьерных высот. Они стремятся получить быстрый и значительный результат. Мнение молодых специалистов о перспективе карьерного роста в своей организации представлены в таблице 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас перспективы карьерного роста в организации, в которой Вы сейчас работаете?»,%

Варианты ответов	**Всего**	**Мужчины**	**Женщины**	**Крупные города**	**Райцентры**	**Села**
Возможности для карьерного роста есть	64,2	71,0	60,6	59,7	68,5	68,6
Есть, но только у избранных	10,9	7,6	12,6	16,8	5,6	4,7
Возможности карьерного роста нет	8,6	6,9	9,4	7,9	9,3	9,3
Мне не нужен карьерный рост	6,2	4,6	7,1	4,7	8,3	7,0
Не знаю о такой возможности	8,1	6,9	8,7	8,9	7,4	7,0
Затруднились ответить	2,1	3,1	1,6	2,1	0,9	3,5

Потенциально у каждого молодого специалиста имеется возможность карьерного роста, однако не все видят для этого наличие условий в своей организации или не проявляют стремления и интереса к управленческим должностям. На карьеру в большей степени настроены юноши и эту перспективу они на своем предприятии или учреждении обнаружили быстро. Также больше возможностей в райцентрах и сельской местности. С тем, что престижные места только для «избранных», сталкиваются в большей степени девушки и работающие в крупных городах, где конкуренция выше.

Одним из основных факторов, оказывающих влияние на служебный рост женщин, является то часто разделяемое мужчинами представление, что для женщин работа якобы отступает на второй план перед детьми. В итоге, женщины, достигшие экономического преуспевания, вынуждены приспосабливаться к окружающему миру, в котором они не чувствуют себя “своими” [1, с. 128]. Большинство девушек, которые работают в райцентрах и селах, не хотят строить карьеру. Примерно каждый десятый вообще или не интересовался, или не сформировал никакого мнения на этот счет. Опрос руководителей организаций показал, что они видят возможности карьерного роста для 92,7 % молодых специалистов. Более того, теперь, когда образование стало общедоступным, всякий человек, обладающий талантом, может проложить себе путь на самый верх социальной и экономической лестницы.

В современных обществах иметь работу значит поддерживать самоуважение. Труд является, как правило, основным образующим элементом психологического состояния человека и цикла его повседневных занятий [1, с. 130]. Отождествление “работы” с оплачиваемой занятостью придает ей специфическую ограниченность. Если кто-то затрачивает необыкновенные усилия на свое увлечение, например, на прекрасный сад, имея интерес, совершенно не связанный с материальным вознаграждением, то почему бы не считать это работой? А, следовательно, и карьерой?

Выбор профессионального пути определяется социальным положением семьи и местом ее проживания. «Кто побогаче, чувствуют себя комфортно, кто победнее, стараются добиться чего-то в жизни» [5]. Многие молодые специалисты, направляемые

учебным заведением на работу в сельскую местность, не видят там перспектив профессионального роста. Молодежь в массовом порядке стремится покинуть село и перебраться в город. Одним из мотивов является низкий уровень оплаты труда. Необходимо учитывать, что заработная плата выполняет двойственную функцию – материальную и социально-психологическую. Уровень оплаты труда демонстрирует престиж профессии, конкретного вида деятельности, выступает критерием оценки труда и значимости положения человека среди других людей.

Таким образом, в молодежной среде ориентация на карьерный рост достаточно распространена, треть не имеют таких устремлений. Однако современное юношество в карьере видит, прежде всего, возможность более высокой оплаты труда, а ценности морального плана отодвинуты на второй план. Можно констатировать, что современная молодежь более прагматична, более «приземлена» чем старшие поколения.

Литература:
1. Гидденс, Э. Социология [Электронный ресурс] / Э. Гидденс. – 2005. – Режим доступа: vipbook.info/nauka-i-ucheba/sociology.htm. – Дата доступа: 14.10.2011.
2. Курдукова, Н.А. Концепция Я-успешности как элемент кадровой политики [Электронный ресурс] / Н.А. Курдукова. – Режим доступа: www.vshu.ru/files//letters237/kurdukova.doc. - Дата дступа: 29.09.2011.
3. Полоневич, Т.Б. Адаптация выпускника вуза к условиям рынка труда: проблема конкурентноспособности / Т.Б. Полоневич // Социология. – 2011. - №2. – С. 105-112.
4. Трофимова, М.И. Карьера / М.И. Трофимова // Социологическая Энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Мн., 2003. – С. 132.
5. Шеденова, Н.У. Трудовые и семейные ориентации молодежи: гендерные особенности [Электронный ресурс] / Н.У. Шеденова. – Режим доступа: www.genderstudies.info/social/s31.php. - Дата доступа: 29.09.2011.
6. Goffman, E. Stigma [Electronic resource] / E. Goffman. – 1963. – Mode of access: http://ervinggoffmanstigma.com. – Date of access: 17.10.2011.
7. Marshall, G. A Dictionary of Sociology / G. Marshall. – Oxford University Press, 1998. – 712p.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СУММАРНОГО КОЭФФИЦИЕНТА РОЖДАЕМОСТИ КАК НОРМАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Денисов А.Ю.
магистрант Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2007-2010 годы (далее, Программе 2007-2010) [1] в качестве одной из задач провозглашено увеличение суммарного коэффициента рождаемости (далее, СКР) до уровня 1,4-1,5 детей на одну женщину. Так как цель Программы 2007-2010 была достигнута (1,494), то уже в Программе 2011-2015 [2] заявлены плановые показатели 1,55–1,65 детей на одну женщину. Однако более глубокий анализ достигнутых результатов заставляет задуматься, насколько вообще корректен практикующийся плановый пятилетний подход к вопросу о рождаемости.

Эффект Программы 2007-2010 по увеличению значения СКР неоднозначен. Дело в том, что рост СКР начался в 2005 году, т.е. еще до начала действия этой Программы, когда за период 2005-2006 гг. рождаемость увеличилась с 1,252 до 1,335 ребенка на одну женщину [3, с. 273]. Это свидетельствует о том, что общая социально-экономическая стабилизация в Беларуси за этот период была не менее, а может и более значимым фактором повышения рождаемости, нежели демографическая политика государства.

Если же Программа и имела значимый эффект стимуляции рождаемости, то он был почти полностью локализован в сельской местности. Так, СКР городского населения за период действия Программы 2007-2010 изменился незначительно (с 1,328 до 1,383) [3, с. 274], в отличие от сельского населения, у которого наблюдался существенный рост значения этого показателя (с 1,867 до 2,112) [3, с. 273]. Однако 2,112 – это уровень

простого замещения родительских поколений. Потому следует высказать определенные сомнения в том, что сельское население продолжит столь же динамично увеличивать рождаемость выше достигнутого уровня, компенсируя низкую рождаемость в городах. Но даже если это произойдет, то стоит учитывать деурализацию и отрицательное сальдо миграции между городами и сельскими населенными пунктами, что означает неизбежное значительное снижение вклада сельской местности в общий СКР в средне- и долгосрочной перспективе. Следовательно, при планировании будущей демографической политики стоит продумать не только меры повышения общего СКР, но, в первую очередь, повышения СКР городского населения, что является нетривиальной задачей. Дело в том, что СКР городских жителей впервые опустился ниже простого воспроизводства поколений еще в конце 1960-х гг. и даже масштабная демографическая политика СССР середины 1980-х смогла лишь несколько затормозить эту тенденцию, но не обратить ее вспять.

Стоит сделать также методологическое замечание с важными следствиями по корректировке статистико-демографического сопровождения проводимой демографической политики. Не совсем корректно ориентироваться на текущие значения СКР как индикатор истинных успехов/неуспехов в демографической политике повышения рождаемости, как происходит на данный момент. Дело в том, что СКР, в данном случае, рассчитывается по условным, а не реальным когортам. А потому, если вдруг увеличение финансирования пронаталистских мер, заявленное в Программе 2011-2015, даст значимый эффект (а в этом есть определенные сомнения, изложению которых следует посвятить отдельную публикацию), то в текущем моменте станет весьма затруднительным отличать смещение календаря рождений (т.е. смещение сроков запланированных рождений к моменту начала действия поощрительных мер рождения ребенка) от действительного увеличения рождаемости. Однако, как показывает историческая демография, именно смещение календаря рождений – наиболее вероятный вариант развития событий. На первых порах это порождает иллюзию успешности используемых мер проводимой политики. Но после начала снижения СКР становится очевидной несостоятельность оценок эффективности проведенных мер, а значит и малый эффект вложенных денежных средств. Ровно по той же причине (расчет по условным когортам) неизбежны временные колебания значений этого показателя в условиях социально-экономической нестабильности, имеющие своим итогом эффект отложенной рождаемости. А это значит, что краткосрочные колебания сами по себе не могут свидетельствовать ни об эффективности мер, ни об их неэффективности (что не исключает возможность делать предположения о характере таких колебаний). Это оборачивается против планового подхода в рамках пятилеток, а значит, влечет за собой два последствия.

Первое, крайне затруднительно по исходу пятилетки сказать, насколько качественными были изменения в рождаемости. Отсюда, представляется, что разумнее вывести «Подпрограмму стимуляции рождаемости и укрепление семьи», действовавшую в рамках Программы 2007-2010, в отдельный блок со своими временными рамками. Насколько их стоит увеличить – вопрос дискуссионный, но, вероятно, не менее чем на 5-10 лет. Тогда устойчивость достигнутых значений (или устойчивость тренда) повозрастных коэффициентов рождаемости позволит гораздо увереннее оценивать результативность используемых мер демографической политики, а значит и отдачу вложенных государством ресурсов.

Второе, необходимо пересмотреть принципы демографического прогнозирования. Так, в главе 4 Программы 2011-2015 прописано: «В результате реализации указанных мероприятий в 2015 году будет достигнуто … увеличение суммарного коэффициента рождаемости (число детей, которых могла бы родить одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15 – 49 лет) до 1,55 – 1,65, в том числе в 2011 году – 1,50, 2012 – 1,51, 2013 – 1,52, 2014 – 1,53, в 2015 году – 1,55 – 1,65». Однако ни одна научная модель демографического прогноза, по вышеназванным причинам, не позволяет осуществлять

обоснованное прогнозирование с такой точностью. Отсюда становится необходимым отказ от погодовых прогнозов значений СКР. Корректность прогноза должна базироваться на (1) более долгосрочном прогнозировании; (2) расчете общего СКР не самого по себе, а как интегрального показателя значений городской и сельской СКР, где наблюдается два значительно отличающихся режима воспроизводства населения; (3) такие прогнозы должны составляться не только при участии профессиональных статистиков, но и демографов, возможно, социологов. Очевидно, на данный момент таковая поддержка при прогнозировании оказывается в недостаточной степени. В итоге, подобные прогнозы являются в большей степени пожеланиями.

Литература:
1. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007 – 2011 годы [утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 135, 26 марта 2006 г.] // Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома [электронный ресурс] – Режим доступа: http://old.minsk.gov.by/cgi-bin/org_ps.pl?k_org=3551&mode=doc&doc=3551_5. – Дата доступа: 20.10.2010
2. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы [утверждена Указ Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 357] // Министерство труда и социальной защиты населения [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/min_progs/prog22. – Дата доступа: 25.08.2011
3. Население Республики Беларусь. Статистический сборник 2011 / предс.ред.коллегии Е.И.Кангро// Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 472 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СИСТЕМЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ БЕЛАРУСИ

Барановский Н.А.
д.с.н., заведующий сектором социологии права и социальных девиаций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В настоящее время современная система ювенальной юстиции в Беларусь находится на стадии становления и разработки проекта теоретико-прикладной Концепции «О ювенальной юстиции Республики Беларусь». Национальное криминологическое исследование эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, проведенное в 2011 году Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь совместно с Институтом социологии НАН Беларуси под эгидой ЮНИСЕФ в Беларуси, показало, что *действующая в стране система профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями* в теоретико-концептуальном, организационно-управленческом, функциональном, информационно-статистическом, научно-методическом, кадровом и, главное, социально-результативном планах *имеет много недостатков, пробелов и противоречий, а также не в полной мере соответствует международным принципам современной ювенальной юстиции.* По данным социологического опроса практических работников 31,0 % экспертов не удовлетворены эффективностью профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями (полностью удовлетворены только 7,5 %, частично удовлетворены 61,5 %). О небольшой эффективности системы ювенальной юстиции свидетельствует высокий уровень рецидивной преступности несовершеннолетних (по статданным за 2010 г. – 23,8 %, среди осужденных несовершеннолетних 17,5% ранее совершали преступления и были осуждены, а 31 % находились на профилактическом учете в инспекции по делам несовершеннолетних).

Большинство экспертов полагают, за период после принятия Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (2003 г.) в стране значительно улучшились формы (55,5 %), качество (59,4 %) и результативность (49,4 %), профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями (при этом пятая часть экспертов отмечают отсутствие каких-либо изменений в эффективности профилактической работы). Эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, по мнению экспертов, препятствуют следующие факторы: большой объем работы у сотрудников, непосредственно занимающихся профилактикой (48,3 %), формализм в работе (26,2 %), несовершенство нормативно-правовой базы (23,5 %), недостаток прав и полномочий субъектов профилактики (18,9 %), бюрократические трудности (17,7 %), отсутствие специального органа управления системой профилактики правонарушений несовершеннолетних (17,0 %), небольшая численность сотрудников субъектов профилактики (16,4 %), отсутствие возможностей оказывать реальную помощь подросткам и их семьям (16,1 %), ведомственная разобщенность (13,3 %),слабая профессиональная подготовка кадров (12,5 %), текучесть кадров (12,0 %).

Исследование показало, что в генезисе и детерминации правонарушений несовершеннолетних *доминирует криминогенное влияние факторов микро-социального уровня* (семейное воспитание и обстановка в семье – индекс влияния 2,53; окружение подростка вне дома (2,32); распространенность среди молодежи пьянства и наркомании (2,27); безнаказанность правонарушителей (2,01); условия и организация досуга детей и подростков по месту жительства (1,84); работа по предупреждению правонарушений (1,73); воспитательная работа в учреждениях образования (1,68); правовая неграмотность подростков (1,66); распространенность преступности и криминальная субкультура (1,66); работа по социальной реабилитации правонарушителей (1,55); отсутствие специальной системы правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей (1,54). *На втором месте – криминогенные факторы, связанные с особенностями личности и образа жизни несовершеннолетних правонарушителей* – особенности поведения и образа жизни подростка (2,32); нравственно-психологические качества (2,17); возрастные особенности (1,88); врожденные особенности личности (1,88); правовая неграмотность (1,66). *На третьем месте – социально-ситуативные криминогенные факторы,* связанные с обстоятельствами проблемных и конфликтных жизненных ситуаций жизнедеятельности и воспитания несовершеннолетней молодежи (1,87). *На четвертом месте - криминогенные факторы общего социального характера* - СМИ, кино и видеопродукция (1,92); несовершенство законодательства, практики ответственности и наказания (1,69); кризис и противоречивость системы духовных ценностей в обществе (1,60); социально-экономическая ситуация в стране и регионе (1,53); большое материальное расслоение в обществе и социальная несправедливость (1,44); безработица (1,38); недостаточное развитие молодежных общественных организаций (1,25).

В зависимости от доминирования социальных, личностных и личностно-социально интеракционных факторов выделены следующие **типы генезиса и детерминации правонарушений несовершеннолетних:** ***деструктивного личностно-социального интеракционного взаимодействия*** – этот тип обусловлен конфликтным или другим деструктивным взаимодействием деформированной личности и антиобщественного образа жизни несовершеннолетнего правонарушителя с дезорганизованной социальной средой и другими людьми *либо* деструктивного взаимодействия позитивной личности несовершеннолетнего правонарушителя с дезорганизованной и неразвитой социальной средой (по эмпирическим данным – ***32 %***); ***ситуативный*** – в системе детерминант правонарушений несовершеннолетних ведущая роль принадлежит обстоятельствам проблемной или конфликтной социальной жизненной ситуации (***25 %***); ***личностно-криминальный*** – в системе детерминант доминируют негативные качества и свойства личности правонарушителя, а также антиобщественные отклонения в образе жизни,

которые во взаимодействии с обстоятельствами социальной среды детерминируют противоправное поведение (***22 %***); ***социальный*** – доминирующее значение в генезисе правонарушений несовершеннолетних принадлежит социальным факторам макро- и микро- уровней (***16 %***); ***личностно-виктимный*** – в системе детерминант правонарушений несовершеннолетних доминируют особенности личности и образа жизни жертвы правонарушений, которые обусловливают совершение противоправных деяний (***5 %***).

Таким образом, в генезисе правонарушений несовершеннолетних *преобладает деструктивный личностно-социально интеракционный тип детерминации, при одновременном значительном представительстве ситуативного, личностно-криминального и социального типов детерминации правонарушений.* Следовательно, в ранней и посткриминальной профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями основное внимание следует уделять оздоровлению и развитию микро-социальной среды жизни и воспитания несовершеннолетних правонарушителей и молодежи из групп криминального риска, нейтрализации межличностных конфликтов и противоречий, а также гармоничному социальному, духовному и физическому развитию их личности и образа жизни.

На основании анализа результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее оптимальной и социально эффективной в современном белорусском обществе является ***комплексная предупредительно-восстановительная модель*** ювенальной антидевиантной политики – создание благоприятных социальных условий для социокультурного развития и законопослушного поведения несовершеннолетних, системная интеграция социальной, специальной и индивидуальной профилактики, примирительно-восстановительного ювенального правосудия и деятельности по коррекции личности и образа жизни, социальной адаптации и реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей. Абсолютный приоритет данных направлений деятельности *должен оптимально сочетаться* с гуманной и справедливой нравственно-правовой ответственностью несовершеннолетних за правонарушения, которая обеспечивала бы достижение целей индивидуальной и общей превенции правонарушений, возмещение причиненного ущерба и способствовала социальной справедливости.

Таким образом, можно предложить следующую ***теоретическую модель современной ювенальной антидевиантной политики,*** которая включает *структурные подсистемы:*

1. ***Предупреждение правонарушений несовершеннолетних (***правовые основы ее деятельности необходимо закрепить в специальном *Законе о предупреждении правонарушений несовершеннолетних);*

2. ***Внесудебное рассмотрение и реагирование*** на административные правонарушения и преступления несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжкие преступления, включая превентивный учет и контроль данной категории несовершеннолетних правонарушителей (необходима разработка и принятие специального *Закона о внесудебном рассмотрении, реагировании и превентивном контроле несовершеннолетних правонарушителей;*

3. ***Ювенальная юстиция*** – выявление, специализированные расследование, судебное рассмотрение, реагирование и отбывание наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления несовершеннолетних, включая посткриминальный учет и контроль (система ювенального расследования, правосудия и исполнения наказаний должна быть урегулирована в специальном *Законе о ювенальной юстиции);*

4. ***Социальная адаптация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей*** после привлечения их к ответственности и отбывания наказания (требуется разработка и принятие специального *Закона о социальной адаптации и реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей).*

Подсистема «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних» – это регулируемая специальным законом система субъектов, форм и мер социальной, криминологической, виктимологической, примирительно-восстановительной, судебной, исполнительно-наказательной и социально-реинтеграционной деятельности, направленной на: а) защиту прав и создание условий для социального и культурного развития и законопослушного поведения детей, находящихся в социально неблагополучной жизненной ситуации, которые совершили правонарушение, входят в группы криминального риска или являются жертвами правонарушений; б) выявление, нейтрализация и устранение социальных, личностных и личностно-социально интеракционных факторов, причин и условий, детерминирующих противоправное поведение и виктимизацию несовершеннолетних; в) снижение уровня риска совершения правонарушений и потенциальных негативных социальных последствий; г) предотвращение и пресечение правонарушений; д) примирение с потерпевшим и компенсацию причиненного ущерба; ж) ответственность и наказание; з) профилактический учет и контроль поведения несовершеннолетних правонарушителей; е) социальную, культурно-нравственную и правовую коррекцию личности, образа жизни и ближайшего социального окружения с целью оптимальной нравственно-правовой социализации и интеграции несовершеннолетних правонарушителей в общество, снижения уровня, изменения структуры и минимизации негативных последствий правонарушений, укрепления правопорядка.

Подсистема «Внесудебное рассмотрение и реагирование на административные правонарушения и преступления несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжкие преступления» – это деятельность специализированных государственных органов и общественных организаций, направленная на: 1) внесудебное рассмотрение и реагирование на административные правонарушения и преступления несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжкие преступления; 2) превентивный учет и контроль несовершеннолетних правонарушителей данной категории.

Подсистема «Ювенальная юстиция» – это деятельность специализированных ювенальных правоохранительных государственных органов, включающая процедуры дознания, предварительного расследования, судопроизводства, исполнения наказания, посткриминального превентивного учета и контроля, прокурорского надзора, защиты прав и законных интересов, оказания адвокатской помощи несовершеннолетним, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а также деятельность по защите прав и законных интересов жертв этих преступлений.

Подсистема «Социальная адаптация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей» – это комплексная социальная, профессиональная, культурно-образовательная, нравственно-воспитательная, медицинская, социально-психологическая и другая деятельность специализированных государственных органов и общественных организаций, направленная на: 1) выявление, диагностику и исправление, а также физическое и культурно-нравственное оздоровление, социальную адаптацию и реинтеграцию несовершеннолетних правонарушителей после привлечения к ответственности; 2) культурно-нравственное оздоровление их ближайшего социального окружения в семье, школе, работе и досуге; 3) защиту прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей с целью создания условий для предупреждения повторных правонарушений и последующего всестороннего и гармоничного социального и культурного развития.

Интеграция социальной, криминологической, правоприменительной, виктимологической и социально-реабилитационной предупредительной деятельности общих, специальных и вспомогательных субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних, должна реализовываться на следующих ***уровнях социальности:***

- *социально-институциональный* (макро- и микро-социальный) – во всех сферах общественных отношений и среди различных социальных институтов, общностей и групп, с которыми взаимодействуют правонарушители;

- с*итуативный* - связанный с характером и обстоятельствами конкретной жизненной ситуации совершения правонарушений;

- *личностно-криминальный* – в отношении системы личностных качеств и свойств, поведения и образа жизни правонарушителей;

- *личностно-виктимный* – в отношении системы личностных качеств и свойств, поведения и образа жизни жертв правонарушений;

- *личностно-социально интеракционный* – в отношении характера и содержания взаимодействия правонарушителей и окружающей социальной среды (другими людьми, социальными группами, общностями, институтами и социумом в целом).

Можно предложить следующие научно-практические рекомендации по совершенствованию предупреждения правонарушений несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции:

- помимо современного законодательства о предупреждении правонарушений несовершеннолетних и ювенальной юстиции необходимо разработать пакет ведомственных подзаконных нормативных актов, регламентирующих работу всех субъектов предупреждения правонарушений несовершеннолетних, а также научно-практических методик проведения профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями отдельных категорий;

- организовать и провести в двух-трех регионах страны социальный эксперимент по апробированию инновационной модели комплексной предупредительно-восстановительной системы ювенальной юстиции со всей ее социально-правовой инфраструктурой, взяв за основу опыт профилактики правонарушений несовершеннолетних Швеции и других скандинавских стран;

- особое внимание уделить совершенствованию предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, работе с группами криминально-девиантного риска, с неблагополучной социальной средой воспитания и жизни, подростками, возвратившимися из специальных учебно (лечебно)-воспитательных учреждений и воспитательных колоний;

- расширить практику выведения из официальной системы ювенального правосудия несовершеннолетних, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности или менее тяжкие преступления, организовав систему внесудебного рассмотрения уголовных и административных дел этой категории;

- расширить перечень показателей и унифицировать систему статистического учета правонарушений несовершеннолетних, личности правонарушителей, социальных последствий и жертв правонарушений, а также научно-информационную базу и обмен информацией между субъектами профилактической работы;

- организовать изучение углубленных курсов криминологии, социальной психологии, педагогики и социальной работы студентами юридических и педагогических вузов страны и в учреждениях повышения квалификации работников, вовлеченных в систему ювенальной юстиции;

- на национальном уровне и в областях организовать систему криминологического мониторинга правонарушений и других социальных девиаций среди несовершеннолетних, причин и условий правонарушений, а также эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Полагаем, что данные мероприятия являются чрезвычайно актуальными и социально значимыми для формирования современной системы ювенальной юстиции в стране. Их реализация уменьшит уровень правонарушений несовершеннолетних и будет способствовать оздоровлению нравственно-психологической атмосферы в обществе и укреплению правопорядка.

КОРРУПЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

Лапина И.А.
к.ю.н., доцент кафедры административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Коррупционные проявления на протяжении всей истории сопутствовали человечеству. Упоминания о случаях подкупа служащих, чиновников, судей и др. можно найти и в Библии, и в древних летописях, и в государственных актах, датированных разными веками. В «Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» (Египет, XXI в. до н.э.) предлагаются меры предупреждения коррупции: «Возвышай своих вельмож, чтобы они поступали по твоим законам. Непристрастен тот, кто богат в своем доме, он владыка вещей и не нуждается» [1, с. 17–21].

Одна из первых попыток определения коррупции и мер противодействия этому явлению была предпринята в Римской империи. Там на законодательном уровне было введено в качестве наказуемого деяние, обозначаемое термином "коррупция", состоявшее в подкупе лица, облеченного публичной властью. Коррупция от лат. corruption – подкуп, порча, растление. В качестве глобальной социальной проблемы коррупция была осознана значительно позднее. Лишь в 1979 г. в рамках ООН был проведен международный круглый стол, посвященный борьбе с всевозможными коррупционными проявлениями. Итогом стала дефиниция, где коррупция определялась как «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [2, с. 4].

Сложившаяся к тому времени ситуация в мире, связанная с расследованием «громких» дел об организованной преступности, мафиозных структурах, позволила правоохранительным органам сделать выводы о причастности к деятельности таких структур чиновников, государственных служащих различного ранга. Действие под прикрытием этих людей, собственно, и делало возможным существование организованных сообществ. Причем с их стороны всегда присутствовали корыстная заинтересованность и прямой умысел. Однако коррупция связана не только с организованной преступностью, но является частью преступности вообще, подразумевая существование коррумпированности и потенциально возможной подкупности чиновников в системе властно-бюрократических структур любого общества. Ее модификации, как показывает следственная и судебная практика, чрезвычайно разнообразны.

С социально-экономической точки зрения, коррупция представляет собой систему незаконных отношений, основанных на возмездных принципах вплоть до полного отрицания каких-либо морально-этических норм. Это система отношений, при которой все продается и покупается [3, с. 7–8]. С юридических позиций, это – общественно-опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц [4, с. 256]. Эти позиции дополняют друг друга, подчеркивая, что особенность коррупционного поведения, которое может наблюдаться в ряде самых различных ситуаций, состоит в нелегальном (или несанкционированном) характере передачи денег (или какого-либо эквивалента) от одного лица к другому [5, с. 10]. При этом заметим, одно из этих лиц (получающее вознаграждение) должно обладать властно-распорядительными полномочиями.

Таким образом, коррупция обладает свойством распространяться в сфере государственного управления, особенно там, где закон и служебные обязанности лица допускают принятие одного из нескольких вариантов решений. Вариативность в деятельности управленца создает потенциальную угрозу законности, с одной стороны, но,

с другой – именно она и позволяет принимать адекватные и конкретные решения (индивидуальные акты), учитывающие все особенности обратившегося в государственный орган субъекта. Поэтому в настоящее время один из способов предупреждения коррупции, и эта мера есть в Конвенции ООН против коррупции, – это усиление прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений [6, с. 13].

Следующим признаком коррупции является общественная опасность. Любое противозаконное действие уже опасно, потому и наказуемо. Поскольку если закон устанавливает и гарантирует определенный набор прав и свобод, то действие вопреки ему эти права нарушает. Но в случае коррупционного правонарушения негативные последствия усугубляются потенциально возможной заменой в будущем правовых норм и правил интересами отдельного лица или группы лиц (недобросовестных чиновников, их родных и знакомых, например). В связи с этим, во всех государствах мира существует ответственность (в большинстве случаев - уголовная) за коррупционные деяния, которые, как правило, относятся к категории тяжких и влекут за собой более суровые меры ответственности. В качестве профилактических мероприятий, в этом случае, используются информирование служащих о составах коррупционных правонарушений и мерах наказания, а также ротация кадров в организациях и учреждениях, которая не позволяет сформироваться слишком «тесным» социальным связям, перерастающим в зависимости. Такой своеобразный «team building» наоборот.

И последний из наиболее важных социально-правовых признаков коррупции, это – повышенная латентность. Естественно, что правонарушитель практически всегда заинтересован в сокрытии своих действий. Что же касается коррупционных сделок, то все их участники заинтересованы в сохранении тайны. Ведь помимо желаемого результата, и ответственность наступает как для «берущей», так и «дающей» взятку стороны. Противостоять этому позволяет проведение мероприятий информационного характера, повышение уровня публичности и гласности в деятельности государственных органов.

Анализ этих признаков позволил сформировать на уровне национального законодательства определение коррупции в качестве умышленного использования государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное лицо совершило действие или воздержалось от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей [7, с. 1].

Однако для эффективного противодействия коррупции недостаточно законодательного регулирования этого процесса. Ведь коррупцию можно представить в виде модели проблемной ситуации, связанной с необходимостью преодоления бюрократических барьеров или обхода административных процедур противозаконным путем, с целью удовлетворения личных интересов, при условии использования служебных полномочий должностного лица либо приравненного к нему, действующего за вознаграждение в любой форме (кроме установленной законодательством заработной платы). Для результативной борьбы с этим опасным явлением необходим комплекс адекватных социально-правовых мер, направленных не только на выявление коррупционных правонарушений, их раскрытие и привлечение виновных к ответственности, но и формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым коррупционным проявлениям, что является одним из важных факторов обеспечения социальной безопасности граждан.

Литература:
1. История древнего востока. Тексты и документы: Учебное пособие. / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – 660 с.
2. Петрович, А.И. Коррупция: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.И. Петрович, Н.О. Бобровская. – Минск: ЧИУП, 2009. – 48 с.
3. Пешко, Д.А. Механизм формирования коррумпированных структур / Д.А.Пешко, В.А.Дадалко. – Минск: Науч. центр маркетинговых исследований ПКК «Армита», 1994. – 107 с.
4. Додонов, В.Н. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.
5. Левин, М.И. Лекции по экономике коррупции / М.И. Левин, Е.А. Левина, Е.В. Покатович – М.: Издат. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 340 с.
6. Конвенция ООН против коррупции / ООН: Управление по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2004. – 72 с.
7. Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 20.07.2006 г. / Национальный реестр правовых актов от 26.07.2006 г. N 2/1262. – Электронный интернет-ресурс www.pravo.by. – Режим доступа: 25.10.11 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Воднева А.К.
к.ф.н., заведующая отделом Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)
Лукашова О.Г.
научный сотрудник сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Правовая культура является неотъемлемым компонентом культуры общества в целом, и наряду с политической, нравственной, художественной, религиозной, профессиональной и другими видами культуры, характеризует сознание и поведение (деятельность) людей в конкретных сферах общественной жизни. Правовую культуру можно рассматривать как совокупность правовых явлений вообще и при таком подходе в нее принято включать правовое сознание; законодательство (правовые предписания); юридические учреждения и организации (суды, органы правоохранения, органы исполнения наказаний, нотариат, адвокатуру и др.); юридическую практику (правовое поведение граждан и их общественных объединений; деятельность государственных органов). В научной литературе также распространен более узкий подход к правовой культуре, при котором ее рассматривают как определенный уровень развития индивидуального, группового, общественного правосознания. Правовая культура личности охватывает характерную для нее совокупность правовых знаний, убеждений и установок; разделяемые личностью правовые ценности и ориентации; освоение личностью правовых норм и образцов юридически значимых действий; активную общественно-правовую деятельность и т.д. На общественном уровне правовая культура отражает иерархию правовых ценностей, признаваемых конкретным обществом, характеризует уровень развития законодательства, юридической науки, юридической практики, характеризует состояние законности и правопорядка в обществе и пр. Вопросы формирования правовой культуры населения, отдельных социальных групп и личностей актуализируются в период масштабных экономических, социальных, политических преобразований.

Проблемы в формировании правовой культуры населения в определенной степени обусловлены высокой динамичностью процессов становления современного законодательства Республики Беларусь. Это затрудняет восприятие гражданами страны вносимых изменений в правовое регулирование различных сфер их жизнедеятельности,

* Материал подготовлен при финансовой поддержке БРФФИ (грант Г11ОБ-097)

замедляет адаптацию к новым правовым условиям тех лиц, которые отличаются низким уровнем правовых знаний. Среди населения распространяются настроения недоверия, безразличия, растет непонимание регулирующей роли права в жизни общества, наблюдается рост числа правонарушений. В условиях динамичной трансформации недостатки в формировании правовой культуры различных групп населения особенно заметны. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие систематических и глубоких правовых знаний, что характеризует недостатки в практике формирования когнитивного компонента правового сознания населения. Низкая эффективность правового воспитания по формированию ценностно-правовых ориентаций граждан, их социально-правовой активности также проявляется в неразвитости поведенческо-волевого компонента правового сознания.

Формирование правовой составляющей сознания особо значимо для молодежных когорт общества в процессе их социализации. Общество и государство заинтересованы в высоком уровне развития правовой культуры молодежи и населения в целом, как регуляторе общественных отношений, сдерживающем развитие девиантных проявлений в поведении индивидов и социальных групп. Необходимость совершенствования нравственно-правового воспитания граждан на современном этапе развития белорусского общества, преодоления правового нигилизма в сознании части населения, актуализируется в свете задач по концентрации усилий на «воспитании из молодых людей ответственных и законопослушных граждан, которые бы не просто поддерживали политику государства, но и принимали активное участие в ее реализации» [1].

Одним из важнейших направлений деятельности по формированию высокого уровня правовой культуры молодежи, является целенаправленная деятельность по ее правовому информированию. Обладание достоверными знаниями о действующем праве, а также верные представления о способах его реализации в конкретных правоотношениях, в которые вступает индивид в процессе своей жизнедеятельности, свидетельствуют о высоком уровне правовой информированности личности. В Беларуси в этом направлении деятельности органами государственного управления проделана значительная работа. Белорусское государство гарантирует своим гражданам право на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации. В соответствии с белорусским законодательством, государственные органы и иные государственные организации в пределах своей компетенции призваны обеспечить совместно с Национальным центром правовой информации (НЦПИ) формирование единого информационно-правового пространства Республики Беларусь. Достигается это посредством внедрения и использования в их деятельности эталонного банка данных правовой информации, иных государственных информационно-правовых ресурсов, информационных технологий и информационных телекоммуникационных систем, функционирующих на основе общих принципов, а также участия в их развитии и совершенствовании [2]. В Беларуси правовая информация распространяется как в печатной форме (в виде периодических и непериодических печатных изданий); в форме электронных изданий; в электронной форме – в виде баз и банков данных, иных информационно-правовых ресурсов, в том числе размещаемых в глобальной компьютерной сети Интернет [2]. Огромное значение в содействии повышению уровня правовой культуры населения придается деятельности публичных центров правовой информации (ПЦПИ), которые созданы Министерством культуры совместно с Национальным центром правовой информации на базе государственной публичной библиотеки. Являясь пунктами свободного доступа граждан к эталонной правовой информации, ПЦПИ призваны обеспечить содействие гражданам в получении правовых знаний, совершенствование навыков правомерного поведения, формирование уважительного отношения к праву. Применяя различные формы работы с посетителями (предоставление информации, организацию консультирования профессиональных юристов, организацию лекций, проведение интерактивных семинаров

по правовой тематике и пр.), ПЦПИ включены в активную деятельность по повышению уровня правовой культуры населения страны.

Задача повышения уровня правовой культуры белорусской молодежи должна находиться в тесной взаимосвязи с политикой в сфере образования, проводимой на всех уровнях и направленной на создание системы, соответствующей запросам личности, общества и государства в получении глубоких и всесторонних правовых знаний. Это положение нашло подтверждение в Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011 – 2015 годы, утвержденной Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 24.05.2011 года №16, где отражена необходимость проведения в учреждениях образования активной работы по гражданско-патриотическому, правовому воспитанию молодежи, повышению уровня правовой культуры обучающихся [3]. Среди мероприятий, предусмотренных Программой, особое внимание придается разработке и реализации учебных программ факультативных занятий, направленных на формирование правовой культуры учащихся; организации студенческих правовых олимпиад, смотров правовых знаний; молодежных клубов правовой и воспитательно-профилактической направленности и т.д.

Повышение уровня правовой культуры населения и особенно молодежи, должно быть с необходимостью увязано с воссозданием системы духовно-нравственных, социально-этических, правовых ценностей общества, которые обеспечивают социализацию индивида в русле общечеловеческих ценностей, уважения и соблюдения правовых норм белорусского законодательства; обуславливают становление социально-активной личности, формирование ее гражданской позиции.

Литература:
1. Школа – учебник жизни. Выступление Президента А.Г. Лукашенко на совещании педагогического актива. СБ. Беларусь сегодня. № 164(23804), 30.08.2011.
2. Положение о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь. Утверждено Указом Президента Республики Беларусь 20.12.2010 № 712.
3. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011 - 2015 годы / Утверждена Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 24.05.2011 №16 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 06.09.2011, N 99, 8/24085.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕВИАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРИСТРАСТИЙ

Кавецкий С.Т.
доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)

Двадцать лет развития суверенной Республики Бларусь – это время системной трансформации. В этот период проявляется широкий спектр девиации, то есть отклонения от существующих в обществе норм, что характерно для аномического развития. Только за 2009 год «14,5 тыс. человек умерло неестественной смертью: 2474 самоубийства, 2407случайных отравлений алкоголем, 1485 погибли от преступных посягательств, 1185 – дорожно-траспортные происшествия, 1110 – на пожарах, 1104 – на воде»[3, с. 1]

«Во всем мире произошло гигантское накопление эмпирических сведений о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др. Развитие девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных научных направлений внутри девиантологии. Диверсификация – нормальный путь развития науки (вспомним физику, биологию и др.)»[1, с. 71]. Заявила о себе криминология – социология преступности,

которая и прежде была наиболее развитой наукой девиантологического цикла. Оформилась суицидология – социология суицида. Собственно, начало было положено хорошо известным классическим трудом Э. Дюркгейма "Самоубийство. Социологический этюд" (1897). Менее известна работа П. Сорокина "Самоубийство, как общественное явление" (1913). Сексология как медико-психологическая дисциплина активно дополняется социологическим подходом. И хотя сексология в целом – наука о «нормальном» поведении, все большее место в ней начинают занимать исследования сексуальных «отклонений». За последнее десятилетие появились такие направления (подсистемы) девиантологии как военная, пенитенциарная, экономическая.

«Диверсификация девиантологии сопровождается ее интеграцией с другими науками и их взаимовлиянием. Так, объяснение генезиса девиантности и ее отдельных проявлений невозможно без анализа структурных изменений общества, исследования роли социально-экономического неравенства и процессов включения / исключения, как девиантогенных факторов. Отметим только, что идеи К. Маркса, А. Кетле, Ф. Турати, Р. Мертона, Я. Тэйлора о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиантных проявлений подтверждаются современными эмпирическими исследованиями. Социологический анализ девиантности и ее разновидностей как социальных феноменов на поведенческом уровне дополняется психологией девиантного поведения» [1, с. 71]. Особый интерес современных социальных наук, как на уровне теоретическом, так и практическом, вызывает феномен так называемого аддиктивного (зависимого) поведения. Постепенно складывается аддиктология – социология зависимостей (алкогольной, наркотической, игорной, компьютерной). Поскольку аддикции – больное место большинства современных стран, постольку широко распространены их исследования: как национальные, так и международные. Если в отношении социальных проблем пьянства/наркотизма имеются многочисленные разработки, то социологическое исследование игровой и компьютерной зависимостей только начинается.

Аддиктивное поведение определяется как поведение, связанное с психологической или физиологической зависимостью от употребления какого-либо вещества или специфической активности, с целью изменения психического состояния. И, если различного рода химические зависимости – наркомания, алкоголизм – достаточно хорошо изучены современной наукой и медициной, то так называемые нехимические зависимости привлекли внимание социальных наук сравнительно недавно. (Исключение составляет только игровая зависимость, которая большинством специалистов уже давно приравнивается к наркомании). На наш взгляд, проблема теоретического осмысления феномена осложняется несколькими факторами, а именно, тем, что конкретных форм и видов зависимостей с каждым днём становится всё больше (количественный аспект), что создаёт определённые трудности в их классификации и тем, что не всегда сегодня можно с уверенностью сказать, что то или иное явление патологично по своей природе (смысловой аспект). Последнее относиться, в первую очередь, к зафиксированному сравнительно недавно феномену сетевой или Интернет-зависимости.

«Классификация нехимических поведенческих пристрастий на сегодняшний день имеет примерно следующий вид:

Непосредственно нехимические пристрастия:

- ✓ Азартные игры (гемблинг);
- ✓ Зависимость от Интернета;
- ✓ Аддикция отношений: сексуальная, любовная;
- ✓ Аддикция к трате денег;
- ✓ Трудоголизм;
- ✓ «Состояние перманентной войны»;
- ✓ Синдром Тоада, или зависимость от «весёлого автовождения».
- ✓ Аддикция к еде;

✓ Аддикция к физическому самосовершенствованию.

Даже из приведённого перечня встречающихся сегодня проблем можно сделать вывод, что зависимое поведение имеет не только базу для юридического и педагогического осмысления, что самоочевидно, но также ставит серьёзные проблемы для осмысления перед психологами, культурологами и социологам» [2, с. 94].

Анализ научной литературы показывает, что любая форма аддиктивного поведения в конечном счете может быть исследована как на социальном, так и на психологическом уровнях анализа.

Таким образом, высокий уровень девиации и соответственно аномичности общества требует ее предотвращения или снижения, с этой целью специально созданные для этого социальные институты осуществляют социальный контроль. Основные средства социального контроля заключаются в следующем:

1. Социализация, обеспечивающая восприятие, усвоение и выполнение индивидом принятых в обществе социальных норм.

2. Воспитание – процесс систематического и целенаправленного воздействия на социальное развитие личности в целях формирования у нее потребности и привычки соблюдать господствующие в обществе нормы.

3. Групповое давление, свойственное любой социальной группе и выражающееся в том, что каждый индивид, входящий в группу, должен выполнять определенный набор исходящих от нее требований, предписаний и т.п., соответствующих принятым в ней нормам.

4. Принуждение – применение определенных санкций (угроза, наказание и т.п.), понуждающих индивиды и их группы выполнять предписываемые обществом (общностью) нормы и правила поведения и наказывающих виновных в нарушении этих норм.

Методами социального контроля, применяемыми в целях предотвращения девиации, снижения ее уровня и наставления на путь истинный девиантов, наиболее часто употребляемыми являются:

1. «Изоляция, т.е. отлучение девианта от других людей (например, заключение в тюрьму).

2. Обособление – ограничение контактов девианта с другими людьми, но не его изоляция от общества (например, подписка о невыезде, домашний арест, помещение в психиатрическую больницу).

3. Ресоциализация, т.е. подготовка девиантов к нормальной жизни и к исполнению присущих им социальных ролей в обществе (например, группы «анонимных алкоголиков» осуществляют реабилитацию лиц, страдающих пьянством).

При этом отметим, что государство должно регулировать отношения не только силовыми методами и тем самым поддерживать высокий уровень аномичности и девиации. Современное демократическое общество «должно дышать полной грудью».

Литература:

1. Гилинский, Я.И. Социология девиантности / Я.И. Гилинский // Социс-2009-N8 - С. 70-76.
2. Ботух, Л.М. Нехимические поведенческие пристрастия / Л.М. Ботух // Социология: традиции и современность: сб. материалов междунар. науч.-теорет. конф. посвященной 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма, редкол.: Е.В. Скакун, С.Т. Кавецкий. - Брест: БрГУ имени А.С. Пушкина. 2008. - с. 93-96
3. Белгазета – 24 октября 2011 года - С. 1.

РАЗДЕЛ 6.
СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Смирнова Р.А.
д.ф.н., заведующая отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Эффективность реализации социально-экономической политики государства определяется тем, насколько надежно действует обратная связь с регионами, а также с возможностью постоянного отслеживания и анализа реальных ситуаций в этой сфере методами современной науки. Кроме того, изучение общественного мнения субъектов хозяйствования, работников местной власти, населения регионов о состоянии, возможностях и перспективах развития социально-территориальных образований, анализ ценностей и норм, которые определяют способы активности людей, мотивацию к труду, социальные ожидания и намерения являются основой для более глубокого изучения выявленных экономистами, экологами и управленцами проблем, определения социальных рисков и точек развития, на которые необходимо обратить внимание при планировании развития региона.

Как показывают данные социологических опросов, в стране сохраняется устойчивая дифференциация некоторых регионов не только по природно-ресурсному и социально-экономическому, но и человеческому потенциалу (трудовая, инновационная активность, мотивация к труду, социальное самочувствие, уровень образования, здоровья, миграционное, демографическое и экономическое поведение в целом и др.).

Недоучет социокультурной дифференциации сельских регионов Беларуси, внутрирегиональной разбалансированности социальных функций большинства регионов (интеграции, жизнеобеспечения, дифференциации и регулирования), невнимание к структуре этих функций и качеству их осуществления со стороны местных властей приводит, как правило, к преобладанию упрощенных, стандартизированных подходов к решению проблем регионального развития. Тем более, что государство сталкивается с проблемой, когда, с одной стороны, необходимо выравнивание стандартов жизни населения различных регионов, с другой, сохранение социокультурной дифференциации, разнообразие стилей жизни. Все это говорит о необходимости адресной региональной политики государственной власти на основе научных данных о сельском регионе как территориальном сообществе во взаимосвязи его культурных и социальных параметров.

В этой связи поиск эффективных мер по предотвращению возможных последствий несбалансированного развития регионов и обеспечению скоординированности, равномерности и соразмерности в функционировании сельских территорий представляется значимым вектором исследования. Описание социокультурных особенностей этих регионов требует обращения к данным социологических исследований. Массовый опрос населения позволяет определить превалирующие в сознании населения ценности и нормы поведения (выявить существующее ценностное ядро, определяющие образцы и стандарты поведения), а глубинное экспертное интервью с представителями общественных организаций, властных структур, средств массовой информации региона, специалистами в области изучения общественных процессов позволит проследить, какие проблемы стоят перед регионом, возможности и перспективы развития, способность регионального сообщества реализовать его.

Социологический опрос, проведенный отделом социологии регионального развития института социологии НАН Беларуси в мае 2011 г. (всего опрошено 1768

респондентов – 1405 жителей сельских населенных пунктов и 363 жителей малых городов из всех регионов страны согласно выборке), показал, что, несмотря на относительную схожесть регионов, из них достаточно четко выделяются два: Витебская и Минская как менее благополучная в одном отношении и более развитая в других отношениях области.

Социологический подход в исследовании данных регионов выразился в выявлении основных аспектов их функционирования, а также сравнении с другими регионами страны, определяющих их социальные портреты. Основополагающим из них являются уровень жизни и экономическое поведение селян.

Опрос сельского населения показал, что уровень жизни сельчан довольно низок. Несмотря на то, что 61,6% респондентов утверждают, что их материальное положение можно оценить как среднее (10,2% – как хорошее, а 24% – как плохое) думается, что эта оценка слишком преувеличена. Так, у 5,3% респондентов доход на одного человека в семье составляет до 200 тыс. руб., а 25% – от 200 до 400 тыс.руб., 33% – от 400 до 600 тыс. руб., 22% – от 600 до 800 тыс.руб., и только 13,9% имеют от 800 тыс. руб. и выше. Денег хватает в основном на питание. Уже покупка одежды и обуви почти у половины (47,3%) респондентов вызывает затруднение – им необходимо время, чтобы собрать на это деньги. Покупка товаров долговременного пользования не под силу уже 73% респондентам – им также необходимо долго копить деньги, а 38% – никогда не могут себе позволить отдых и путешествия, к тому же 36,7% респондентов даже не думают об этом, так как к них даже нет такой статьи затрат. При нехватке денег 47,3% респондентов в основном берут взаймы, 51,2% – терпеливо ждут зарплаты, экономя на еде и одежде. Только 10,3% респондентов признались, что средств им всегда хватает. В качестве вспомоществования в этом отношении выступает продажа сельхозпродуктов из своего подворья (21,7%), дополнительная работа.

Нужно сказать, что данные, полученные в апреле, не отражают того падения уровня реальной заработной платы, которое особенно остро проявилось в сентябре – ноябре этого года. В отличие от горожан сельские жители не имеют такого рынка труда, который бы позволил им с помощью подработок и смены профессии поддержать докризисный уровень материального благосостояния. Недостаточно развита на селе рыночная инфраструктура для реализации продукции из ЛПХ. Компенсации и единовременные выплаты государства пока не могут изменить ситуацию. В связи с этим возникает задача перед местными и районными властями создать условия для реализации селянами самопомощи через различные формы и способы повышения дохода.

Однако не все сельские жители и не во всех регионах действуют одинаково, отличаясь, в первую очередь, разным типом экономического поведения и социального самочувствия. Экономическое поведение характеризует всю совокупность действий для получения средств удовлетворения потребностей, включающую в себя действия (владения, пользования, распоряжения и др.) по отношению к коллективному, государственному и личному имуществу, труд как источник материальных средств, куплю-продажу товаров и услуг, доходы и расходы, потребление и др. Все эти действия направлены на достижение возможностей удовлетворять свои материальные и духовные потребности материальными средствами.

Именно различие возможностей получения средств для удовлетворения потребностей определяет специфику экономического поведения, сельского труда, образа жизни, культуры, политического сознания и отношения к традициям.

В социологическом опросе населения сельских территорий среди респондентов из Витебской области оказалось 88,7% работающих и 10,9% неработающих сельских жителей. Из числа опрошенных 56,6% респондентов работают в сельскохозяйственном производстве и 31,2% вне сферы сельскохозяйственного производства. Большинство селян (77,4%) работают либо в СПК, либо в другой организации общественного производства, при этом 67,9% из них работают в том же селе, где и живут, 19,9% - в другом населенном пункте. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что почти все

трудоспособные респонденты работают в сфере общественного производства, ценность интересной работы, профессии потеряла то мотивирующее значение, которое наблюдалось в советский период: всего 19,9% респондентов из сельской местности Витебской области видят в работе, профессии жизненную ценность (в Минской области – 23,2%, по стране в целом 22,2%). Эта тенденция четко проявилась в ответах на вопрос: «Если бы Вы были материально обеспечены, то продолжали бы работать на вашем предприятии, СПК, в Вашей организации?». Оказалось, что в Витебской области ответили «нет» более трети респондентов - 36,6% (для сравнения: в Минской области – 26,8%, в Брестской – 28,3%, в Гомельской – 23,8%, в Гродненской – 31,5% и в Могилевской – 30,7%). То есть труд в общественном производстве на селе в данном регионе постепенно теряет свое мотивирующее значение.

Тем не менее, источниками доходов в основном у всех сельских жителей являются работа в общественном производстве, потребление (плюс продажа) продукции из собственного подворья и доход от сбора и продажи даров леса. Занятые фермерством (2,7%) и бизнесом, не связанным с агросферой (5%) крайне редки среди селян.

По уровню материального благосостояния селяне Витебской области отличаются от остальных тем, что среди них находится большое количество оценивающих материальное положение семьи как плохое (30,3%), в то время как в других областях их не более 20%. В Витебской области, к тому же, самое малое число оценивающих его как хорошее – 3,2% (в Брестской области – 8,7%, в Гомельской – 7,1%, в Гродненской – 15,9%, Минской области – 12,2% и в Могилевской – 13,4%). Среди витебских селян больше, чем в других областях, тех, кто при нехватке денег ориентирован не на активные поиски дополнительного заработка (подработки, продажа продукции ЛПХ и др.), а на то, чтобы брать взаймы (56,1%), жить за счет «отоварки» в хозяйстве, на предприятии – 16,7% (в Брестской области – 5,8%, в Гомельской – 9,2%, в Гродненской – 3,3%, Минской области – 1,8% и в Могилевской – 5,5%), терпеливо ждать зарплаты (57,9%). Средств всегда хватает только у 5,9% витебских селян (в Брестской области – 10%, в Гомельской – 6,7%, в Гродненской – 11,4%, Минской области – 13,2% и в Могилевской – 14,7%).

Если говорить о потребительском поведении, то средства идут в основном на питание (92,3% в Витебской и 92,7% в Минской областях). Покупка одежды, обуви вызывает у селян затруднения: 51,1% респондентам-селянам Витебской области необходимо время, чтобы собрать на это деньги (40,9% – Минской области). Для покупки товаров длительного пользования собирать деньги приходится уже 73,8% селянам Витебской и 69,1% – Минской области. Хватает денег на платное профессиональное обучение детей в каждой из этих областей только 6,8% респондентов.

Хотя большинство респондентов хотели бы больше работать и больше зарабатывать (75,6% в Витебской и 80,9% в Минской областях), основная масса респондентов предпочитают жить пусть и беднее, зато с гарантированным уровнем зарплаты, без риска (в Витебской области таких 70,1%, в Минской – 74,1%). Опрос показал, что людей, способных ради богатства рисковать, в белорусских селах не так много (28,5% в Витебской области и 22,7% – в Минской). В решении материальных проблем сельские жители в основном руководствуются принципом: быть не хуже других, жить как все (в Витебской области 72,4%, в Минской – 73,6%, по стране в целом 75%). Однако респонденты понимают, что для того, чтобы жить не хуже других, необходимо по меньшей мере сохранить работу. К сожалению 49,8% опрошенных селян Витебской и 36,8% Минской областей не чувствуют себя защищенными от потери работы.

В этой связи встает вопрос о **личной готовности респондентов к решению проблем трудоустройства** и повышения дохода в экстраординарной ситуации (переезд, потеря работы, материальные проблемы, и др.).

На основе данных опросов общественного мнения сельских жителей, были выявлены варианты различных способов и мер по повышению уровня благосостояния, отражающие потребности и возможности самих сельчан. Основой информации в исследовании стали

ответы респондентов на вопрос: «Согласились бы Вы для повышения своего благосостояния на некоторые изменения в привычном для Вас образе жизни, если эти изменения будут связаны…?». Предпочитаемые респондентами варианты ответов являются социологической основой для принятия конкретных управленческих решений (таблица 1).

Таблица 1. Варианты предпочитаемых респондентами видов деятельности для повышения уровня благосостояния их семей, в %*

Согласны с:	по Витебской области	по Минской области	по стране в целом
переобучением, дополнительным обучением	43,4	39,6	45,2
необходимостью работать более интенсивно, сверхурочно	56,1	58,0	56,9
усилением трудовой дисциплины на предприятии, в организации	64,2	55,5	55,6
увеличением личной ответственности за результаты труда	73,7	66,8	65,6
переходом на работу, не связанную с аграрной сферой (для сельских жителей) или в другую отрасль	38,5	47,2	43,7
переездом в другое село, агрогородок	19,9	22,2	21,0
переездом в районный центр	25,4	30,0	25,8
работой за границей	10,9	7,7	11,8

** в сумме больше 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа*

Как свидетельствуют данные, наибольшее число респондентов указали позицию, направленную на укрепление личной ответственности за результаты труда. Этот выбор респондентов свидетельствует о том, что, несмотря на расхожий стереотип о пассивности и безответственности селян в сфере общественного производства, чувство хозяина и личной ответственности продолжает оставаться ценностью и нормой крестьянской жизни. Кроме того, он означает, что система учета индивидуального трудового вклада и его вознаграждения в современных агропредприятиях далека от совершенства. Недооценка или, напротив, переоценка некоторых видов деятельности и трудового вклада, элементы уравниловки, усредненных зарплат приводят к потере мотивации и иждивенчеству отдельных работников. В этой связи крайне необходима, особенно в Витебской области, разработка новой современной системы учета труда или совершенствование старой и, соответственно, вознаграждения сельхозработников. Второй по предпочтительности оказалась позиция, связанная с необходимостью работать более интенсивно, сверхурочно. Количество ответивших свидетельствует, с одной стороны, о высоком трудовом потенциале сельских жителей, потребности в более напряженном рабочем дне, с другой, о недоиспользовании рабочей силы, а по существу, о неполной занятости сельчан в сфере общественного производства. А так как исторически (с советских времен) сложилось так, что основным источником дохода сельчан стала работа в общественном секторе, то недоиспользование рабочей силы привело, с одной стороны, к низким зарплатам, с другой, к невозможности иметь совместительство и другие подработки, кроме ЛПХ.

С этим связано желание более половины респондентов (особенно Витебской области) усиления на предприятии трудовой дисциплины. По мнению сельчан, именно нарушение трудовой дисциплины, несовершенство организации труда привели к невозможности полного использования трудового потенциала работника и, соответственно, к недооценке его личного вклада как критерия величины дохода.

Немногим менее половины (43,4%) трудоспособных опрошенных селян Витебщины для увеличения дохода согласились бы на переобучение, или повышение

квалификации. Получение другой должности или профессии, более высокой и доходной, является одним из наиболее доступных способов улучшения благосостояния сельчан. Создание в райцентрах и агрогородках специальных Центров по обучению и переобучению селян (во многих районах они уже созданы), широкая информационно-просветительская деятельность об этих Центрах, способны, на наш взгляд, удовлетворить существующую потребность в сельском сообществе.

Достаточно высокий процент селян Минщины ответивших о готовности перейти на работу, не связанную с аграрной сферой, наводит на мысль о том, что, во-первых, в пристоличных сельских территориях существуют более широкие возможности рынка труда; во-вторых, респонденты не видят в сельхозпроизводстве перспектив ни в отношении работы, ни в сфере доходов; в-третьих, несмотря на то, что в агросфере задействованы всего лишь 13% сельского населения, данное количество работников, видимо, переизбыточно. О чем свидетельствует потребность респондентов в более интенсивном труде и крепкой дисциплине на производстве. Эти выводы могут и должны быть учтены в целях диверсификации труда как в самом сельхозпроизводстве, так и в разных отраслях, филиалах предприятий, размещенных в сельской местности (перенос цехов, фабрик и заводов страны в сельские регионы).

Кроме трудовой деятельности **экономическое поведение населения регионов характеризуют предпринимательская и инновационная активность, а также отношение к собственности**. Предпринимательская деятельность среди селян Витебской области находится в зачаточном состоянии: только 5,9% хотели бы заняться ею, а конкретно фермерством хотели бы заняться всего лишь 1,4% ответивших (в других областях 4-6%). Объясняют респонденты свое нежелание высокими налогами (23,1%); предпочтением коллективных форм трудовой деятельности (17,2%), отсутствием денежных средств (27,1%), отсутствием необходимой информации (10%), в то время как в других областях число не достигает 5%, а также экономической нестабильностью в стране (33,9%). В других областях данную причину указывают реже: в Брестской области – 24,9%, в Гомельской – 19,2%, в Гродненской – 31%, Минской области – 17,3% и в Могилевской – 18,5%.

Изучение отношения селян к собственности на сельхозугодия, несмотря на актуальность, свидетельствует о непроясненности и противоречивости знаний, представлений и, соответственно, общественного мнения по данному вопросу. Во-первых, нужно отметить общее нежелание основной массы опрошенных становиться собственниками земли сельхозназначения: 43,9% витебских селян считают, что земля им не нужна, так как они не смогут ее качественно обрабатывать (в Минской – 52,7%, в целом по стране 43,6%). Еще 13,1% респондентов, если бы и взяли, то не более 10 га (в Минской – 7,3%, по стране в целом – 9,5%). Только 4,6% респондентов взяли бы до 100 га (В Минской области – 2,3%). Нужно отметить, что тех, кто взял бы земли до 10 га, в Витебской области больше в два раза, чем в других областях, но зато вдвое меньше тех, кто хотел бы взять земельных угодий от 10 до 100 га.

Из всех областей выделяются Витебская и Минская области меньшим количеством сторонников частной собственности на землю: 13,1% и 12,7% соответственно (в Гомельской – 25,4%, в Гродненской – 20%, в Могилевской – 17,6%, в Брестской области – 14,9%). Оставить проблему собственности на землю такой, какой она является сейчас, хотели бы 30,7% селян Брестской области, 33,9% - Витебской, 25% - Гомельской, 38,8% - Гродненской, 22,7% - Минской и 27,7% Могилевской областей. На прямой вопрос является ли респондент сторонником частной собственности на землю респонденты ответили следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответы на вопрос: «Являетесь ли Вы сторонником частной собственности на землю?», %

Варианты ответа	Витебская область	Минская область	В целом по стране
Да	14,0	19,5	20,4
Нет	29,0	26,8	29,0
Нет ответа	2,7	6,4	4,1
Не знаю, не думал	54,3	47,3	46,5

Таким образом, можно сделать вывод, что сельские жители Витебской области ниже, чем Минской (и в целом по стране) оценивают материальное положение своей семьи. Среди витебских селян больше, чем в других областях, тех, кто при нехватке денег ориентирован не на активные поиски дополнительного заработка (подработки, продажа продукции ЛПХ и др.), а на то, чтобы брать взаймы, жить за счет «отоварки» в хозяйстве, на предприятии, терпеливо ждать зарплаты.

Сравнительный анализ полученных данных с результатами проведенных ранее исследований позволяет заключить, что ценность интересной работы, профессии утрачивает свое мотивирующее значение. В большей степени данная тенденция характерна для Витебского региона.

Несмотря на расхожий стереотип о пассивности и безответственности селян в сфере общественного производства, чувство хозяина и личной ответственности продолжает оставаться ценностью и нормой крестьянской жизни. Готовность сельчан работать на предприятии более интенсивно, сверхурочно, усиливать трудовую дисциплину и личную ответственность за результаты своего труда (в большей степени такие ответы характерны для сельчан Витебской области) свидетельствует, с одной стороны, о высоком трудовом потенциале сельских жителей, с другой, – о недоиспользовании рабочей силы, а по существу, о неполной занятости сельчан в сфере общественного производства. А так как исторически (с советских времен) сложилось так, что основным источником дохода сельчан стала работа в общественном секторе, то недоиспользование рабочей силы привело, с одной стороны, к низким зарплатам, с другой, к невозможности иметь совместительство и другие подработки, кроме ЛПХ. Кроме того, это означает, что система учета индивидуального трудового вклада и его вознаграждения в современных агропредприятиях далека от совершенства. Недооценка или, напротив, переоценка некоторых видов деятельности и трудового вклада, элементы уравниловки, усредненных зарплат приводят к потере мотивации и иждивенчеству отдельных работников. В этой связи крайне необходима, особенно в Витебской области, разработка новой современной системы учета труда или совершенствование старой и, соответственно, вознаграждения сельхозработников.

Достаточно высокий процент селян Минщины ответивших о готовности перейти на работу, не связанную с аграрной сферой, наводит на мысль о том, что, во-первых, в пристоличных сельских территориях существуют более широкие возможности рынка труда; во-вторых, респонденты не видят в сельхозпроизводстве перспектив ни в отношении работы, ни в сфере доходов; в-третьих, несмотря на то, что в агросфере задействованы всего лишь 13% сельского населения, данное количество работников, видимо, переизбыточно. О чем свидетельствует потребность респондентов в более интенсивном труде и крепкой дисциплине на производстве. Эти выводы могут и должны быть учтены в целях диверсификации труда как в самом сельхозпроизводстве, так и в разных отраслях, филиалах предприятий, размещенных в сельской местности (перенос цехов, фабрик и заводов страны в сельские регионы).

Изучение отношения селян к собственности на сельхозугодия, несмотря на актуальность, свидетельствует о непроясненности и противоречивости знаний, представлений и, соответственно, общественного мнения. Во-первых, нужно отметить общее нежелание основной массы опрошенных становиться собственниками земли

сельхозназначения. Наименьшим количеством сторонников частной собственности на землю отличаются Витебская и Минская области.

Наличие в опросе около 50% тех, кто не смог дать определенного ответа «за» частную собственность он или «против», свидетельствует о слабой информированности респондентов, запутанности и противоречивости их знания и мнения о проблеме приватизации и частной собственности на земельные угодья.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО СЕЛА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Лихачёв Н.Е.

д.с.н., доцент, директор УКП «Могилевского института региональных социально-политических исследований» (Могилев, Беларусь)

В понятии «интерес» выражается отношение человека или социальной общности к жизненным ценностям, направленным на удовлетворение потребностей. Интерес (от лат. interest – имеет значение) есть стремление индивида, группы, социальной общности получить определенную пользу от своих действий или от взаимодействия с другими субъектами общественных отношений. Это постоянно действующий мотив социального поведения, регулирующий не только повседневную жизнь, но также ее цели и перспективы. Направленность интересов зависит от социальной роли и статусного положения индивида, группы, территориальной или этнической общности. Желание реализовать личные или групповые интересы обусловливает мировоззренческую позицию и поведенческие установки людей, является ускорителем социального прогресса, позволяет получать материальные и духовные блага.

Комплекс интересов – это область общественных отношений, в процессе которых люди вступают во взаимодействие между собой, а также с социальными институтами и управленческими структурами. Главным содержанием этих отношений является воспроизводство человека и создание условий для реализации его творческого потенциала. В ходе исполнения интересов находят разрешение такие проблемы, как самосохранение человека, потребность в межличностных отношениях, воплощение системы нравственных норм и традиций в жизнь.

Аграрная отрасль Республики Беларусь, как динамичная система, получила мощный стимул развития в результате реализации государственной программы «Возрождение и развитие села на 2005-2010 годы». В жизнь было воплощено немало проектов по модернизации агропроизводства и сопутствующей социальной инфраструктуры села. Но при этом необходимо учитывать и специфику современной сельской действительности, где складывается непростое социально-экономическое положение ряда сельских поселений и самих жителей. Во-первых, строительство агрогородков дало возможность обеспечить благоустроенным жильем и развитой социальной инфраструктурой значительную часть сельского населения. Но не меньшее количество сельских жителей продолжают проживать в небольших деревнях, где коммунально-бытовые и иные услуги минимальны. Во-вторых, новые технические и технологические достижения, внедряемые в агропроизводство, сокращают численность занятых. Происходит рост скрытой безработицы, так как освободившихся сельчан не регистрируют, а переводят в категорию самозанятых на индивидуальном подворье. В-третьих, современные миграционные процессы, особенно выезд молодежи из села, приводят к его демографическому угасанию, старению населения, снижению репродуктивного потенциала, сокращению уровней брачности и рождаемости. Круг этих проблем определяет актуальность частных и групповых интересов и объединяет их. Поэтому, несмотря на разнообразие социальных интересов сельских поселений и их

жителей, главный из них можно представить как необходимость создания благоприятных условий для социального воспроизводства населения в локальном территориальном образовании.

Структура социальных интересов села достаточно сложна и охватывает широкий круг потребностей производственного, материально-бытового и духовно-культурного характера. С некоторой долей условности эти интересы можно подразделить на: *а) территориально-поселенческие; б) коллективно-поселенческие; в) индивидуально-поселенческие.* Рассмотрим степень реализации каждого из названных блоков.

Территориально-поселенческие интересы представляют собой определенную направленность деятельности и желаний населения, проживающего на локальной территории и стремящегося удовлетворить свои потребности, а также территорию с имеющимися на ней земельными, водными, лесными и иными природными ресурсами, использование которых должно обеспечить соответствующее качество жизни. Территориально-поселенческая проблематика весьма обширна, но основное ее содержание следует свести к возможностям сохранения села как поселенческой общности. Интенсивная урбанизация середины XX и начала XXI столетий привела к опасной черте обезлюдивания многих сельских поселений Беларуси и исчезновению их как мест постоянного проживания. Только за последние десять лет (2000-2010 гг.) на территории страны прекратили свое существование и исчезли с географической карты 703 т.н. «неперспективных» деревни и было ликвидировано 117 сельисполкомов [1]. Нынешние темпы сокращения численности деревень приводят к ускоренной деградации окружающей природной среды и исчезновению уникального пласта цивилизации – сельской культуры.

Абсурдность современной ситуации очевидна – сверхконцентрация жителей городов уничтожает в них естественную среду, ухудшает здоровье человека, наносит вред экологии, а малая населенность сельской местности приводит к ее одичанию, деградации жизнеспособности сельской природы. В конечном счете, непрерывно растущая диспропорция в размещении населения и использовании земли, как национального богатства, предопределяет кризис обитаемой среды, что впоследствии отразится на бюджете страны и станет дополнительным бременем для налогоплательщиков. Этот кризис уже наглядно себя проявляет в отношении землепользования. Статистика свидетельствует – в 2000 году в Беларуси использовалось 9175 тыс. гектаров земли сельскохозяйственного назначения, а в 2010 году – 2076 тыс. гектаров [2].

Территориально-поселенческие интересы включают в себя и коллективно-поселенческие, которые, отражая запросы локальной сельской общности, мотивированы условиями сохранения и развития ее трудового потенциала. Село может быть жизнеспособной социальной структурой при условии наличия жителей, активно занимающихся общественным или лично-семейным производством материальных благ, обеспечивающих демографическое воспроизводство населения, создающего условия для его экономического благополучия. Коллективно-поселенческие интересы также многоплановы, но основную их направленность можно свести к стремлению сельчан реализовать свой трудовой потенциал за достойную оплату, т.е. выступать на рынке аграрного труда основным агентом трудовых отношений. Социальная функция рынка труда заключается в обеспечении соединения рабочей силы со средствами производства, удовлетворяя тем самым потребность сельчан в трудовой деятельности и получении средств существования.

Коллективно-поселенческие интересы представляют собой общую заинтересованность жителей села в реализации потребностей. Их система достаточно многоаспектна, но в самом обобщенном виде принято подразделять на биологические и социальные. Первые определяют, прежде всего, биологическое воспроизводство и бытие человека, вторые – его включенность в социальные связи и отношения. В реальной жизни они тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Провести четкую грань между ними затруднительно, ибо личные жизненные проблемы в значительной степени

определяются как ситуацией в микросоциуме, на уровне семьи или поселения, так и сложившимся механизмом реализации социальной политики в масштабах государства. Качество человеческого потенциала села зависит от обеспеченности сельских жителей объектами социальной инфраструктуры, уровня их благосостояния, комфортности жилищного фонда, развитости учреждений образования, культуры, здравоохранения, транспортного сообщения.

Индивидуально-поселенческие интересы выступают как комплекс жизненно необходимых потребностей, реализующихся в местном территориальном пространстве и в непосредственном социальном окружении. Они представляют собой единство условий самосохранения и самовоспроизводства сельского социума через реализацию каждым индивидом своих устремлений. Индивидуально-поселенческие интересы, по сути дела, являются базовыми и для территориальных, и коллективных, ибо не решив личностных проблем, человек не будет включаться в другие социальные отношения. Структура индивидуально-поселенческих интересов также многоаспектна, но их можно подразделить по следующим направлениям: а) материально-бытовые; б) семейно-соседские; в) собственнические. Принимая во внимание некоторую условность подобного деления, отметим, что их совокупность дает достаточно полное представление о социальной мотивации личности при определении направленности своей жизнедеятельности.

Нужды людей в сельских поселенческих образованиях обретают конкретное воплощение в процессе совместного проживания. Единство их интересов образуется, во-первых, на объединенном использовании земли и природных ресурсов, а также производственного потенциала местности; во-вторых, на имеющейся общей коммунально-бытовой и социальной инфраструктуре; в-третьих, на регулировании межличностных и коллективных отношений в ходе трудовой деятельности и на уровне соседства. Основополагающим критерием подходов к степени приемлемости условий выступает принцип целесообразности и полезности в организации жизненной среды по месту проживания.

Литература:
1. Статистический ежегодник 2010. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – С. 26; Статистический ежегодник 2000. – Минск. : Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 1999. – С. 38.
2. Статистический ежегодник 2010. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – С. 46; Статистический ежегодник 2000. – Минск : Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 1999. – С. 356.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ СУЩНОСТИ И РОЛИ КРЕСТЬЯНСТВА

Рыжанков М.Ф.
к.э.н., доцент, зав. кафедрой Менеджмента и маркетинга БГАТУ (Минск, Беларусь)

Следует заметить, что системное исследование крестьянства вплоть до начала XIX в. практически отсутствовало. Как самостоятельная отрасль общественной науки со своей особой теорией, методами и предметом крестьяноведение сложилось лишь во второй половине XIX в. При этом в нее вошли, часто весьма обширные, разделы многих дисциплин и наук – экономики и социологии, юриспруденции и истории, этнографии и антропологии, политических наук и языкознания, агрономии и организации производства. В нее вписались также произведения искусства, литературы и поэзии. Синтез оказался возможен и нужен, так как их объект – крестьянин, его семья и его хозяйство, а также его «мир» – село и взаимодействующая с этим миром природа.

Начав с выяснения жизнедеятельности, социальных связей, культуры и роли крестьянства в развитии общества на путях цивилизации, наука пришла к признанию наличия крестьянских обществ на определенных стадиях исторического процесса, которые, как оказалось, в разных регионах мира не совпадают во времени. Нельзя забывать, что на всех этапах исторического развития крестьянство создавало основу богатства богатых, было базой культурной жизни образованных, а их число определяло власть властителей.

Крестьянская экономика являлась и поныне является составной частью мировой экономики. Исследование крестьян и крестьянских сообществ, закономерностей их собственного развития и способности к самосохранению и выживанию определило проблематику крестьяноведения. Пришло понимание необходимости исследования крестьянства и форм его выживания как массовой части населения Земли и его далеко не одинаковых судеб в условиях стремительно развивающегося мира. В настоящее время все большее внимание привлекает мысль о смешанных формах, а также о комплексном и параллельном существовании и развитии различных социальных форм, движение которых отнюдь не обязательно идет по одному «магистральному» пути истории. По-новому ставится вопрос о сельских и семейных отношениях в обществах.

На начальных стадиях становления и развития крестьяноведения заметное место занимала русская наука. У ее истоков стоят такие ученые, как А. Энгельгардт, А. Васильчиков, А. Ефименко, В. Воронцов, Ф. Щербина, А. Чупров, Н. Черников, Н. Каблуков, А. Кауфман и др., создавшие русскую крестьяноведческую литературу, сохранившую свое значение и в наше время.

В их работах содержится богатый материал, раскрывающий феномен крестьянства, его особую жизненную стойкость и способность во имя выживания адаптироваться к любым, даже самым сложным внутренним и внешним условиям.

В этом плане особый интерес представляют 12 писем «из деревни» Александра Энгельгардта, где ярко повествуется о деревенской реальности конца XIX в. с ее острейшими противоречиями, проблемами, бедами и потаенными надеждами. Письма А. Энгельгардта вскрывали социально-экономические реальности того времени без оглядки на установки чиновников, без страха разрушения устоявшихся представлений и стереотипов. Это проявлялось в обнаружении и показе действительных социальных качеств и устремлений крестьянства. Так, о крестьянских заботах он писал, «что решительно ни о чем другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе. Нам ни до чего другого дела нет».

Не скрывал А. Энгельгардт и своих выводов о том, что крестьяне в вопросе о собственности самые крайние собственники, и ни один крестьянин не поступится ни одной копейкой, ни одним клочком сена. В качестве следствий такого поведения крестьян автор писем указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах, на их обособленность в действиях, и порой нежелание соединиться в хозяйстве ради общего дела. И все же А. Энгельгардт был убежден, что будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые будут сами обрабатывать свою землю и вести хозяйство не единолично, каждый по себе, а сообща.

К началу XX в. уже появились научные работы и был собран значительный эмпирический материал по крестьянскому вопросу, обозначилась необходимость в глубоком осмыслении и обобщении накопленных наблюдений, появилась возможность создания научных концепций, выработки практических рекомендаций. За эту работу взялся Александр Васильевич Чаянов.

На достигнутой базе он создал научно-методологические основы исследования семейной крестьянской экономики и возглавил крестьяноведческую школу в России, в которую вошли такие крупные ученые, как Н. Макаров, А. Челинцев, Н. Кондратьев, А. Хрящева, А. Фортунатов, А. Рыбников, А. Минин. Их работы сказали свое слово не

только о российской деревне, ее состоянии и возможностях развития, но и о теории крестьяноведения, предопределившие ее нынешний уровень. Эта школа стала мировым лидером в исследовании крестьянства и удерживала это лидерство на протяжении первой четверти XX в. С тех пор теория крестьянского хозяйства навсегда осталась связанной с именем А. Чаянова, она не утратила своей актуальности и в наши дни.

Теоретическая работа А. Чаянова по моделированию социально-экономических систем включала и крестьянскую экономику, и государственную аграрную политику в России до 1929 г., и аналитические исследования «закрытых обществ». Это позволило ему в середине 20-х гг. прошлого века в своей «теории некапиталистических экономических систем» представить теоретическую концепцию, которая вобрала восемь возможных аналитических моделей экономики, включая характеристики таких базовых компонентов, как зарплата, рента, неэкономические ограничения и т.д., а также логику связей между ними и внутри каждой системы.

Представленная А. Чаяновым крестьянская экономика являлась одной из полноправных исторических систем наряду с капитализмом, рабством, крепостным хозяйством, социализмом и др. Хотя для него эти системы не представляли исторической цепи необходимых и последовательных стадий, и это имело центральное значение. Он считал, что они могут появляться рядом, вступать в симбиотические отношения и существовать параллельно. Отсюда модель крестьянской семейной экономики, основой которой являлся двор и в которой экономические факторы и показатели соотносились с демографическими, социальными и экзистенциальными факторами, виделась А. Чаянову как действенная в разных других эпохах и социальных условиях.

А. Чаянову принадлежит большая заслуга и в создании «организационно-производственной школы», которая сформировалась еще перед первой мировой войной, но наибольшее свое развитие получила в годы новой экономической политики. Сторонники А. Чаянова всерьез занялись разработкой конкретных предложений по повышению эффективности крестьянского хозяйства. В центре их внимания были, в частности, такие вопросы, как районирование и специализация сельскохозяйственного производства, оптимизация размеров трудовых крестьянских хозяйств, их снабжение и сбыт произведенной продукции, бюджетные обследования крестьянских хозяйств, кредитные отношения на селе. Особое место в работе «организационно-производственной школы», в первую очередь ее лидера, А. Чаянова, заняло изучение проблемы развития сельской кооперации. Он различал две стороны кооперации – организационно-хозяйственную, или экономическую, и социальную. Характеризуя первую ее сторону, ученый отмечал, что кооперация «никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними, и только перед ними» [1]. В своей социальной ипостаси крестьянская кооперация выступает защитницей крестьян, призванной помочь им успешно противостоять любым попыткам посягательства на их интересы, предпринимаемым иными классами и социальными группами общества.

Весьма продуктивна и следующая мысль А. Чаянова, касающаяся данной проблемы: «крестьянская кооперация… представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовать их совместно с соседями на степень той крупной формы производства, часто используя наемный труд» [1].

Вообще, с развитием кооперации А. Чаянов напрямую связывал будущее сельского хозяйства: «Только опираясь на союзное, кооперативное начало обобществленного хозяйства, крестьянство может на своих полях и в стойлах использовать все завоевания

агрономической науки и на том месте, где растет теперь один колос, действительно вырастить два, может сбросить со своих плеч бремя ростовщиков и скупщиков и твердыми шагами пойти в лучшее будущее. Тогда перед нами вырастает новая, невидимая далее форма земледелия, построенная на принципе обобществления, современной техники и научной организации производства. Это будущее заставляет нас видеть… будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему земледелия…» [2].

И, надо сказать, первые годы новой экономической политики – касательно сельского хозяйства – проходили именно в таком русле. В этот период кооперация стремительно развивалась как вширь, так и вглубь. Она охватывала более 40 различных видов деятельности. Удельный вес крестьянских хозяйств, вовлеченных в различные виды кооперативов, к концу 1929 г. достиг 68,4%. Костяк сельскохозяйственной кооперации составила система связанных с банком кредитных товариществ, взявших на себя финансирование крестьянских хозяйств, а также масштабных мероприятий, осуществляемых различного рода производственными товариществами, включая мелиоративные хозяйства. Весьма высок был удельный вес кооперации и в торговле: в 1928–1929 гг. в ее руках оказалось около половины оптового и две трети розничного товарооборота. Все более активно начала вторгаться кооперация и во внешнеторговую деятельность. Велика роль тогдашней кооперации и в снабжении населения.

Идеи А. Чаянова и его школы получили дальнейшее развитие и оказались востребованными в нынешних условиях. Так, известный исследователь крестьянства К. Полани, например, вслед за А. Чаяновым показал, что рынок не существует вне сети социальных отношений. Контекст политических и социальных институтов, среди которых государство занимает центральное место, дает жизнь образцам экономического рационального поведения для разных обществ и эпох, среди которых рыночные отношения представляют собой только одну из многих возможностей поведения.

Такой подход позволил К. Полани установить три различных, но равно рациональных и эффективных способа обмена благами: формализованный обмен подарками, государственные сборы/перераспределение и рынок.

Среди важнейших теоретических предтечей и основателей современного анализа крестьянской экономики стоит Дж. Скотт. В своих работах он применил к сельскому хозяйству важный термин – «моральная экономика» и представил анализ рационального экономического поведения, погруженного в социальную структуру. Его анализ весьма отличен от тех, которые можно извлечь из учебников по рыночной экономике и максимизации прибыли.

В поле научных интересов Дж. Скотта и такая проблема, как скрытые, или так называемые обыденные формы сопротивления крестьян, о которых он поведал в своей статье «Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян». Это, в частности, нерадение в выполнении работ, симуляция, фальшивое, для виду, согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, злословие, нападение исподтишка, анонимные угрозы и т.д. В этом проявилась своеобразная «власть слабых», стремящихся приспособиться к окружающей среде, отвести от себя угрозу, защитить себя и свою семью при ограниченных возможностях и выжить.

Примечательно, что указанные выше обыденные формы сопротивления крестьян в той или иной мере применялись практически во все времена и повсеместно, как в доиндустриальную, так и в индустриальную эпоху развития человечества, и в развитых, и в развивающихся странах.

Весомый вклад в развитие теории и методологии исследования крестьянской экономики (неформальной / эксполярной) вносит крупный западный ученый, профессор Манчестерского университета Т. Шанин (Великобритания). Его усилиями впервые за 80 лет после А. Чаянова воссоздана научная школа крестьяноведения. Отдельному

исследованию крестьянского вопроса посвящены его наиболее крупные работы-монографии «Неудобный класс», «Великий незнакомец» и двухтомник «Россия на рубеже веков». В течение ряда лет он руководил масштабным фундаментальным научным исследованием постсоветского пространства, проводя полевые исследования по регионам России и стран СНГ.

По инициативе Т. Шанина в начале 1990-х гг. в Москве был создан Центр крестьяноведения и аграрных реформ. Это позволило приобщить к активной творческой работе по исследованию крестьянской экономики таких российских ученых, как В. Данилов, А. Гордон, В. Радаев, С. Никольский, Е. Серова, Т. Реброва, О. Фадеева, В. Виноградский, А. Никулин, Г. Ястребинская, Е. Ковалев, И. Штейнберг, а также белорусских ученых, в числе которых и автор данной статьи. Большой вклад в развитие крестьяноведческой науки вносит известный белорусский ученый доктор философских наук, профессор, Р.А. Смирнова. В минувшем году под ее редакцией вышла монография «Человеческий потенциал белорусского села», где глубоко и всесторонне проанализированы результаты комплексного социологического исследования социальных проблем села. Благодаря усилиям ученых в экономической науке значительно расширено исследовательское поле деятельности и создан банк данных по крестьянскому вопросу, ведется большая аналитическая работа: издаются монографии, проводятся научные конференции, диспуты, симпозиумы.

Из проведенных исследований вытекает, что семейная крестьянская экономика весьма многогранна, ее невозможно уместить в чисто экономические характеристики. Так, одной из ее черт является этика поведения – этика в смысле услуг, оказываемых адресно, где адресат – не работник по контракту, приказу или для получения материальных благ – адресат есть, кто он есть.

Вторая черта семейной структуры выражается в поколенческом разделении труда, третья – в динамике экономических решений, определяемых стадиями подрастания детей – «демографических циклах», о которых говорил в свое время А. Чаянов. Четвертая черта заключается в некапиталистической природе хозяйства крестьян, в двойственной природе крестьянина как хозяина и работника. Следует заметить, что в III томе «Капитала» К. Маркс отметил особую мотивацию крестьянского хозяйства, указав, что сельскохозяйственное производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли.

«Неформальные экономики» или структуры – возможно, более подходящий термин для того, чтобы суть проблем, «растворенных» не только в экономических структурах, получила значимые характеристики, а именно – операциональные характеристики, т.е. отражение того, как они видятся «изнутри», как – «снизу», а не только на уровне государства или национальной экономики. Такой подход обеспечит центральное место изучению семейных стратегий и социальных инструментов выживания тех, кто вовлечен в так называемую «неформальную» деятельность из-за нахождения вне рамок фундаментальных экономических структур или, скорее, вне их поддержки и внимания.

Концепция стратегий семейной экономики подразумевает, что, объединяя ресурсы, работая как в формальной, так и в неформальной экономике, самостоятельно обустраивая свой быт, основываясь на самообеспечении и умелом использовании социальных сетей, семьи избегают ловушек нищеты, попав в которые, трудно вырваться, так как культура нищеты склонна к самовоспроизводству. Они становятся социальными факторами, которые работают вместе с другими, чтобы добиться хоть чего-то от существующей системы.

Семейная (неформальная) экономика и семейные стратегии соотносятся между собой вполне определенным образом. В семейной экономике задействованы неконтрактные, но, тем не менее, к чему-то обязывающие отношения, и родство нередко лежит в основе связей подобного рода. Семьи часто находят в неформальной (семейной)

экономике ту гибкость и доступность, которой не обладает формальная экономика. Кроме того, неформальная экономика и семейные стратегии представляют собой, по сути, территориальное явление. Они укоренены в местных нравах, традициях, обычаях, верованиях, понятиях, практиках и взаимоотношениях.

Хорошо показаны эти стороны межличностных отношений в крестьянской среде в статье Я. Лёсика «Быт, права, звычаі». В ней он отмечает, что глава белорусской крестьянской семьи ничем особенно не отличался от остальных ее членов, и что, хотя он и управлял всеми мужскими работами в хозяйстве, все основные вопросы работы и жизни крестьянской семьи решались на семейном совете, который обычно проходил спокойно и рассудительно. Замечания и пожелания каждого члена семьи непременно выслушивались и принимались к сведению. Не были особенно ущемлены в своих правах в белорусских крестьянских семьях даже женщины. К примеру, главная хозяйка, в роли которой, как правило, выступала жена главы семьи, была полноправной управляющей женскими делами в поле и дома. И все это нисколько не мешало нормальным крестьянским семьям постоянно поддерживать у себя строгий порядок, без которого им просто было не выжить.

Трудолюбие и жизненная стойкость преобладающей части крестьянства, основанные на осознании настоятельной необходимости добросовестной и упорной работы на земле во имя выживания семьи, явились главной предпосылкой живучести крестьянского хозяйства, раз за разом опровергавшей всякие предрекания его неизбежной скорой гибели под ударами нарастающего мирового научно-технического и социально-экономического прогресса.

Следует заметить, что в ближайшей перспективе крестьянские (фермерские) хозяйства в Республике Беларусь хотя и не станут основной формой организации сельскохозяйственного производства, но их роль и значение в развитии аграрного сектора экономики будут возрастать. Это положительно скажется на улучшении использования ресурсного потенциала агропромышленного комплекса, на повышении эффективности его функционирования в целом.

Естественно, речь не идет о каком-то массовом возрождении индивидуальных крестьянских хозяйств, тем более в их прежнем виде. Жизнь, как известно, не стоит на месте, все в ней течет и изменяется. Изменяются и крестьянские хозяйства, их место во всей национальной экономике и роль в решении экономических, социальных и иных проблем, встающих перед нашим обществом и государством. Сохраняется лишь естественная, жизненная потребность человека в труде на земле. И одна из главных обязанностей государства – предоставить каждому реальную возможность для удовлетворения этой его потребности.

Возрождающееся крестьяноведение, прежде всего, призвано ответить на многие вопросы, поставленные современным развитием села. Нуждается в дальнейшем исследовании широкий спектр проблем, связанных с производственной деятельностью современного крестьянина, его экономикой, культурой и бытом, его взаимоотношением с природой, городом и властью, с вопросами бытия и воспроизводства на селе крестьянского рода.

Одновременно важными являются понимание феномена крестьянства и рефлексивная оценка жизнедеятельности крестьян в контексте социальных и экономических проблем, которые возникают в наши дни.

Литература:

1. Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М.: Книгосоюз, 1921. – С. 17 - 20.

2. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М.: 1925. – с. 78-79.

ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Купцова И.Г.
ведущий научный сотрудник Могилевского института региональных социально-политических исследований (Могилев, Беларусь)

Понятие «жизненная установка» указывает на сформированную в процессе жизненного опыта предрасположенность субъекта к действию или бездействию в определённых жизненных ситуациях на основе оценки их значимости, что обеспечивает его готовность к целенаправленной деятельности. Будучи направленной на внешне локализованные объекты и отражаясь в сознании субъекта психологическим состоянием, жизненные установки функционируют одновременно как элемент структуры личности (факт психологического переживания отношения к значимому объекту) и как элемент социальной структуры (ввиду социальной детерминации отношений и действий субъекта).

Важность изучения и анализа жизненных установок обусловлена их связью с определённой степенью готовности к деятельности в отношении той или иной потребности (или объекта) в складывающейся ситуации. Тем самым установка увязывает прошлый опыт личности, т.к. формируется в процессе его проживания, с настоящим, выступая предпосылкой активности в отношении актуального объекта. Вместе с тем установки следует рассматривать как диспозицию, готовность к определённому поведению в конкретной ситуации, в этом смысле они выступают своеобразной формой связи между индивидом и обществом, являясь одновременно и элементом психической структуры личности, и элементом системы социальных ценностей общества.

Основываясь на материалах социологического исследования «Состояние и перспективы развития сельских территорий и малых деревень в Могилевской области», проведенного УКП «Могилёвский институт региональных социально-политических исследований» в 2011 году*, в данном докладе представлен обзор наиболее значимых жизненных установок сельчан.

В суверенном белорусском государстве осознана и высоко оценивается значимость села в поддержании культурного, социально-производственного, экономического и территориально-поселенческого баланса страны, в связи с чем еще в 90-е гг. XX века на высоком государственном уровне был разработан ряд мер по искоренению негативных тенденций и укреплению позитивных начинаний в сфере АПК. Немало мер предпринято в направлении создания в селе условий, близких к городским, и удержания здесь населения. Сравнивая современную сельскую жизнь с той, которой она была 20 лет назад, 51,0% сельчан говорят о ее улучшении; 14,7% полагают, что она осталась без изменений; 28,5% – что ухудшилась. Поэтому важно определить предпочтения сельского населения о том, в каком типе сельских поселений они хотели бы жить. Распределение ответов жителей села представлено на диаграмме (рис. 1).

* Состояние и перспективы развития сельских территорий и малых деревень в Могилевской области: Отчет о НИР / Могилевский институт региональных социально-политических исследований; научн. рук. Н.Е. Лихачев, отв. исполнитель И.Г. Купцова. – Могилёв, 2011 – 98 с. – № ГР 20112940 в Государственном реестре НИОК(Т)Р БелИСА. Метод – опрос жителей различных типов сельских поселений области.

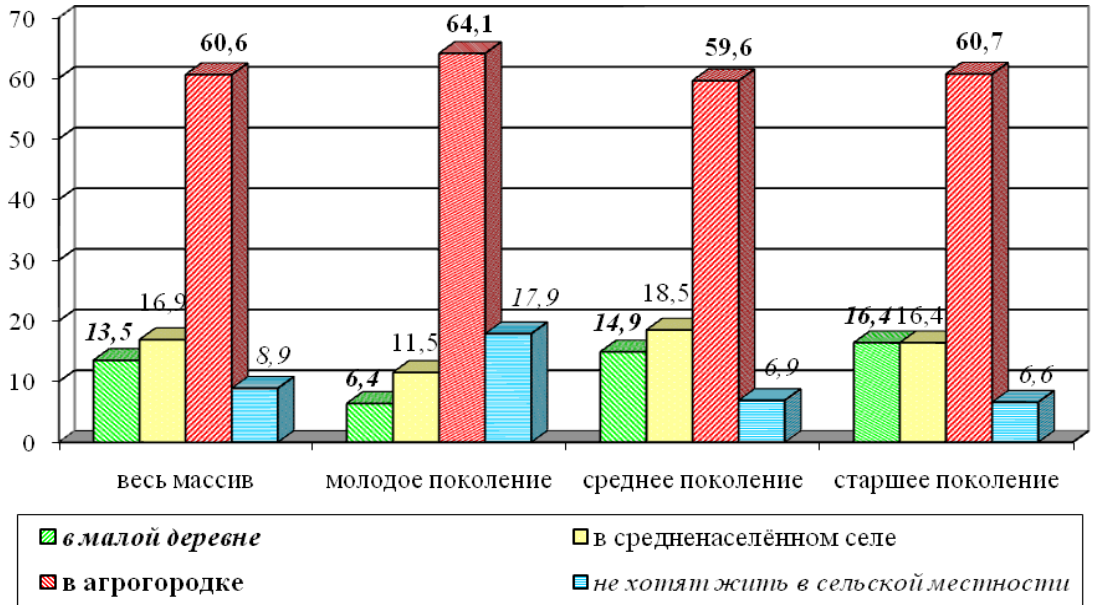

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов разных возрастных групп на вопрос: «В каком типе сельских поселений Вы предпочли бы жить», %

Анализ ответов сельчан свидетельствует о том, что у каждого нового поколения все реже проявляется желание жить в малой деревне. Это подтверждается и тем фактом, что уже сейчас население малых деревень составляют преимущественно люди старшего и пожилого возраста, поэтому они чаще представителей других возрастных групп выражают свое предпочтение жить в малой деревне. Здесь их корни и они уже не готовы менять место своего постоянного проживания. Интерес представляют ответы сельчан, проживающих в разных типах сельских поселений. Их ответы представлены в таблице (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов, проживающих в различных типах сельских поселений, на вопрос: «В каком типе сельских поселений Вы предпочли бы жить?», %

Подвыборки сельского населения в зависимости от типа поселения	В малой деревне	В средне-населенном селе	В агрогородке	Не хотят жить в сельской местности
Население малых деревень	45,6	15,7	21,0	17,5
Население средненаселенных сел	13,4	38,1	40,2	8,2
Население агрогородков	6,5	9,3	77,5	6,5

Анализ данных, представленных в таблице, свидетельствует о том, что сельчане предпочитают оставаться жить в тех населенных пунктах, в которых они живут и сейчас. Прослеживается также и то, что жители малых деревень чаще указывают на желание жить в сельской местности, чем жители средненаселеннх сел и агрогородков. Малые («вымирающие») деревни уже сейчас требуют внимания и выработки оптимальных моделей их дальнейшего развития. Развитие же это невозможно и бессмысленно без привлечения сюда населения либо по линии прироста населения на постоянное проживание, либо в роли дачников, причем для возрождения дач загородного усадебного типа, а не стихийных дач в так называемом «огородно-сарайном» варианте («шесть соток»).

Важной задачей является удержание в селе местного населения. Демографический потенциал села представлен юными поколениями, поэтому необходимо изучить их

миграционные настроения и нацеленность на дальнейшее проживание в сельской местности. В значительной мере эти установки формируются уже в раннем возрасте, и определяющее значение имеет позиция родителей по этому вопросу, пример их жизни*. Только 10,4% жителей села считают, что по такому принципиальному вопросу их дети должны принимать решение самостоятельно. В других случаях чаще всего сельчане ориентируют или намерены ориентировать своих детей на переезд в крупный город (48,1%) или в райцентр (14,1%), т.е. на проживание не в сельской местности. Таким образом, в совокупности такого мнения придерживается большинство сельчан (62,2%). Ориентируют своих детей на проживание в средненаселенном селе или малой деревне 11,4% жителей села, на проживание в агрогородке – 16,9%, а менее трети сельчан (28,3%) хотят, чтобы их дети жили в сельской местности (рис. 2).

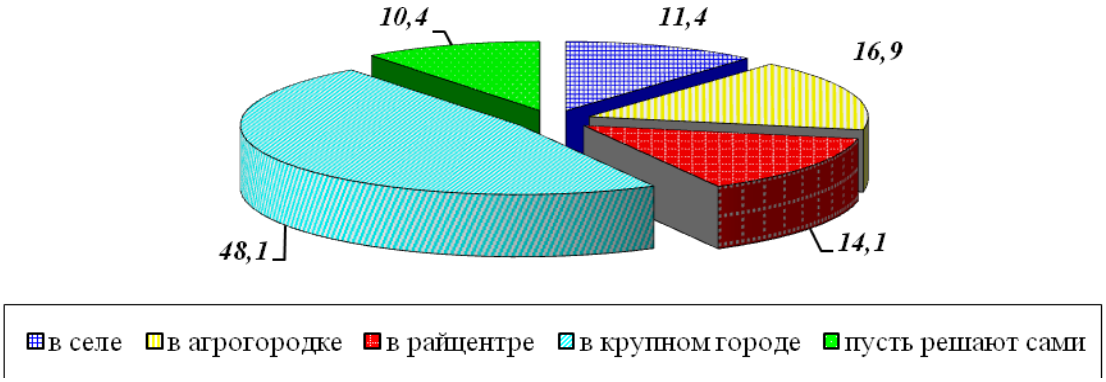

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На какое место жительства Вы ориентируете (будете ориентировать) своих детей (внуков)?», %†

Как свидетельствуют социологические данные, значительная часть населения, проживающего в сельской местности, не желает, чтобы их дети вслед за родителями продолжали жить в селе и ориентируют их на переезд в город. Окончательный выбор, конечно, подрастающее поколение сделает самостоятельно, но если уже сейчас не разработать и не приступить к реализации системы мер по удержанию и привлечению в село населения и улучшению демографической ситуации в нем, то в конечном итоге в большинстве случаев выбор окажется не в пользу села. Подойдем к анализу дифференцированно и сравним ответы сельчан разных поколений (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На какое место жительства Вы ориентируете (будете ориентировать) своих детей (внуков)?», %

Варианты ответа	Весь массив	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
На проживание в селе	11,4	6,4	12,9	11,1
На проживание в агрогородке	16,9	16,7	18,1	11,1
На переезд в райцентр	14,1	14,1	14,8	11,1
На переезд в крупный город	48,1	53,8	45,4	53,7
Пусть решают сами	10,4	9,0	10,0	14,8

* Принимая во внимание то, что в исследовании участвовали лица, достигшие совершеннолетия, то в процессе интервью вопрос задавался в косвенной форме: «На какое место жительство Вы ориентируете или будете ориентировать своих детей (внуков)?» Кроме того, что этот вопрос позволяет получить представление о том, каковы предпочтения родителей относительного будущего места проживания своих детей, он также открывает возможности глубинного анализа установок самих сельчан, сформированных в процессе их жизненного опыта, соотнесения его с наличествующей ситуацией и, как итог, выработки ориентиров относительно своего будущего, сквозь призму которых транслируется опыт и задается основа формирования установок подрастающего поколения.

† Из анализа исключены ответы сельчан старшего возраста, у которых нет детей.

По мнению сельчан среднего и старшего возраста, одной из главных причин того, что люди продолжают жить в селе является вошедший в обыкновение устоявшийся образ жизни. У молодого поколения в большей мере преобладает точка зрения об определяющей роли спокойного ритма сельской жизни, приближенности и большей степени соприкосновения с природной средой, а также меньшего, нежели в городе, уровня денежных расходов, а не просто привычки жить в селе. Городская среда привлекает население более широкими возможностями, в первую очередь, в сфере трудоустройства. В городе более высок уровень разделения труда и выше уровень развития специализации производств, шире представлена сфера оказания услуг. В сферу сельского хозяйства нередко люди трудоустраиваются не по призванию, а ввиду отсутствия выбора. Это обуславливает мотивационный вакуум. Сельскохозяйственное производство обладает значительной спецификой, что обуславливает его неравномерность и тяжелые условия труда. Качественное и четкое исполнение труда здесь требует призвания работников, их высокой трудовой мотивации. Таким образом, анализ и учет жизненных установок сельчан важен при разработке и совершенствовании моделей дальнейшего развития села. В настоящее время жизненные установки сельчан имеют тенденцию к снижению связанности с проживанием в сельской местности.

ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Кузьменко Т.В.
к.с.н., старший научный сотрудник сектора социологии села Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В условиях перехода к рыночным отношениям в сельском хозяйстве особый интерес представляют устойчивые формы хозяйствования, которые в сложных экономических ситуациях способны сохранять и даже увеличивать объемы производства. К ним с полным основанием можно отнести личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Не обладая такими значительными ресурсами как крупные хозяйства и занимая лишь десятую часть сельскохозяйственных земель (в 2010 г. в землепользовании 756,7 тыс. личных подсобных хозяйств граждан находилось 11,2% сельскохозяйственных земель) [1, с. 56], ЛПХ вносят существенный вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны и производят около 30% валовой продукции. Признание роли индивидуального сектора сельскохозяйственного производства в экономике обусловливает необходимость анализа основных тенденций и проблем его развития в изменяющихся рыночных условиях.

Результаты статистических обследований фиксируют снижение показателей деятельности личных подсобных хозяйств за последние пять лет. Уменьшилось число землепользователей, занятых ведением подсобных хозяйств (в 2011 г. на 26,6% по отношению к 2005 г.), а также площадь сельскохозяйственных земель, занимаемых ЛПХ (на 22,8%) [2, с. 66]. Данные статистики позволяют зафиксировать устойчивое уменьшение посевных площадей в хозяйствах населения (в 2011 г. на 28,3% по отношению к 2005 г.), сокращение поголовья крупного рогатого скота (на 50,6%) и свиней (на 11%) [2, с. 75, 150]. Сократился и удельный вес хозяйств населения в производстве сельхозпродукции (с 37,6% в 2005 г. до 29,6% в 2009 г., хотя в 2010 наблюдается некоторый рост данного показателя – до 34,5%) [2, с. 45].

Снижение показателей деятельности индивидуального сектора сельскохозяйственного производства представляет собой объективный и закономерный процесс, обусловленный сокращением численности сельского населения (за период с 2005 по 2011 гг. число сельских жителей уменьшилось на 13,7% [3, с. 57]), развитием

крупнотоварного сектора аграрной экономики, перемещением источников получения доходов из сферы неформальной экономики в сферу общественного производства, ростом денежных доходов населения и увеличением трудовой нагрузки на рабочем месте, а также улучшением бытовых условий жизни сельчан и постепенном сближении элементов сельского и городского образа жизни.

Уменьшение доли производимой продукции в личных подсобных хозяйствах происходит параллельно с устойчивым ростом объемов производства в сельскохозяйственных организациях (за период с 2005 по 2009 гг. удельный вес сельскохозяйственных организаций в валовой продукции сельского хозяйства вырос на 8%, хотя в 2010 г. наблюдается снижение данного показателя на 5,1% по отношению к предыдущему году) [2, с. 45]. Рост объемов производства сельскохозяйственных организаций, повышение рентабельности и конкурентоспособности достигается за счет внедрения инновационных технологий, модернизации производства, в то время как производительность хозяйств населения, использующих преимущественно ручной труд и примитивные технологии, остается достаточно низкой.

Достижение экономической эффективности хозяйств населения и переход к товарному производству подразумевает значительно большие их объемы. Так, в ходе республиканского опроса сельского населения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2007 г. (опрошено 1005 человек), 46,2% респондентов утверждали, что для успешного ведения подсобного хозяйства необходим участок более 5 га, 11,5% – от 2 до 5 га и только 3,9% ограничились бы площадью до 1 га земли. Вместе с тем, сельчане не готовы к расширению масштабов своих хозяйств. Среди основных причин – слабая техническая оснащенность, отсутствие материальных и денежных средств. В 2011 году (республиканский опрос сельского населения проведен Институтом социологии НАН Беларуси в мае 2011 г., опрошено 1405 жителей агрогородков и сел) на вопрос: «Если бы Вы захотели стать сейчас собственником сельхозугодий, сколько гектар было бы для Вас достаточно?» наиболее распространенным ответом было утверждение «Мне земля не нужна, так как не смогу качественно ее обрабатывать» (43,6% респондентов дали такой ответ, еще 39,4% затруднились с ответом). Лишь десятая часть жителей села (12,2%) имеет необходимую технику для обработки земли. В основном же владельцы подсобных хозяйств пользуются услугами частных лиц (30,9%), прибегают к помощи родственников (26,7%), сельхозпредприятия (21,7%) или обрабатывают свои участки собственными силами вручную (23,5%). А на вопрос: «Хватает ли Вам средств на ведение личного подсобного хозяйства?» четверть опрошенных сельчан (26,2%) ответила, что им необходимо время, чтобы собрать деньги на приобретение семян, кормов, удобрений, необходимого сельхозинвентаря, только у половины (49,3%) хватает средств для этих целей.

Сравнительный анализ результатов социологических опросов показывает, что за последние 5 лет возросла роль таких факторов, влияющих на стремление жителей агрогородков и сел расширить личные подсобные хозяйства, как:

– повышение цен на сельхозпродукцию (с 19,6% в 2007 г. до 47,6% в 2011 г.);

– возможность покупки семян, кормов, удобрений по доступным ценам (с 19,8% в 2007 г. до 33,1% в 2011 г.);

– увеличение рабочих рук в семье (с 13,3% в 2007 г. до 33,9% в 2011 г.);

– наличие свободного времени (с 12,8% в 2007 г. до 41,2% в 2011 г.);

– наличие надежного покупателя (с 7,1% в 2007 г. до 18,1% в 2011 г.);

– увеличение помощи сельхозпредприятия в обработке участка, предоставлении семян, кормов, удобрений (с 5,4% в 2007 г. до 24,3% в 2011 г.).

Повышение значимости перечисленных факторов является свидетельством назревания целого ряда проблем в индивидуальном секторе аграрной экономики – низких закупочных цен на продукцию хозяйств населения, роста стоимости кормов, семян, удобрений, отсутствия налаженной системы закупок, слабой технической оснащенности.

Развитие хозяйств населения во многом связано с использованием ресурсов и средств производства, принадлежащих сельхозпредприятиям (корма по более дешевым ценам, техника и т.п.). Существенное увеличение числа сельчан, для которых увеличение помощи сельхозпредприятия является важным условием расширения своих подсобных хозяйств, свидетельствует о том, что владельцы ЛПХ нуждаются в такой помощи. Однако если раньше коллективные хозяйства оказывали сельчанам всестороннюю поддержку, часто на безвозмездной основе, то в условиях рынка симбиоз «ЛПХ – колхоз» претерпел значительные изменения. Сегодня далеко не все сельхозпредприятия заинтересованы и имеют возможность помогать сельским жителям в обработке земельных наделов, закупке кормов, семян, удобрений и т.п. Опрос показал, что постоянно получают помощь со стороны сельхозпредприятий 15,6% владельцев личных подсобных хозяйств, иногда – 35,7%.

В целях совершенствования производственного обслуживания ЛПХ в 2006–2010 гг. планировалось создание Центров развития и поддержки личных подсобных хозяйств населения, коммунально-бытовых структур (с консультационными пунктами и пунктами проката сельскохозяйственной техники, гужевых и других средств) для оказания услуг по возделыванию сельскохозяйственных культур и уборке урожая, заготовке кормов, обеспечению топливом, реализации выращенной продукции. Однако, как показывают данные исследований, деятельность этих организаций оказывается невостребованной: лишь 2% опрошенных в 2011 г. сельчан пользовались услугами Центров развития и поддержки личных подсобных хозяйств, а треть (32,5%) не знают об их существовании. Это свидетельствует, с одной стороны, о недостаточной информированности населения о деятельности таких структур, а с другой – об их неэффективности. Лишь 4,1% рассматривают содействие центров развития ЛПХ в качестве существенного условия для увеличения производства продукции в собственном подворье.

Небольшие масштабы производства и слабая техническая и технологическая оснащенность определяют производственно-потребительский тип большинства современных ЛПХ. Примерно для половины сельчан (47,2%) одним из постоянных источников дохода является потребление продукции своего хозяйства, причем данный показатель значительно увеличился за последние годы (в 2007 г. – 27,9%). А вот устойчивое мелкотоварное производство в своих подсобных хозяйствах ведет значительно меньшая часть сельчан: продажа продуктов собственного производства служит постоянным источником дохода для 15,6%, еще треть (33,7%) продают продукцию со своего подворья время от времени. Социальная направленность экономических преобразований, осуществляемых на протяжении последних лет, способствовала росту реальных денежных доходов населения и преодолению проблемы безработицы. Для большинства трудоспособных жителей белорусского села сегодня основным источником доходов является работа в общественном секторе. Работающие жители села не видят острой необходимости в расширении ЛПХ и его переходе к мелкотоварному производству. Тем не менее, число тех, кто считает, что современному жителю села (агрогородка) необходимо иметь подсобное хозяйство, трудиться на своем подворье, за последние 5 лет возросло с 70,5% в 2007 г. до 89,4% в 2011 г. Это во многом обусловлено актуализацией вопросов продовольственной безопасности и усилением кризисных явлений в экономике. В тяжелой жизненной ситуации потребление и продажа произведенных в своем хозяйстве продуктов питания становится дополнительным ресурсом для преодоления материальных трудностей и повышения доходов сельчан. Так, почти половина опрошенных (45,8%) убеждена, что в случае потери работы, невыплат или снижения зарплаты ЛПХ может стать средством выживания для их семей.

Этот факт, а также анализ статистических данных, фиксирующих обратную зависимость доли продукции ЛПХ общем объеме сельхозпродукции от уровня доходов населения (в 1995–1996 гг., когда уровень денежных доходов населения достигал самых низких значений, удельный вес ЛПХ в валовой продукции сельского хозяйства составлял

почти половину [4, с. 147, 390]), позволяют предположить повышение роли ЛПХ и трансформацию значительной их части в крестьянские хозяйства в случае становления реальных рыночных отношений в аграрном секторе. Деятельность предприятия в условиях рынка предполагает стремление к достижению экономической эффективности (часто оставляя без внимания социальную составляющую), автоматизацию производства, использование современных производственных технологий, что неизбежно влечет изменения в кадровой политике: сокращение значительного числа лишних работников и преимущество наиболее активной части работников, молодежи. По оценкам экономистов, для нормального функционирования среднего сельхозпредприятия достаточно трети от числа имеющихся на селе рабочих рук. В такой ситуации ведение личного подсобного хозяйства является для сельских жителей наиболее приемлемым и испытанным способом замещения и компенсации материальных и денежных благ, альтернативной формой занятости и получения дохода.

Многолетний опыт функционирования личных подсобных хозяйств свидетельствует о том, что даже в сложных экономических ситуациях они могут развиваться, увеличивать объемы производства и быть своего рода резервом развития сельского хозяйства. В то же время, основная часть личных подсобных хозяйств обладает ограниченными возможностями автономного развития. Поэтому основные направления дальнейшего развития хозяйств населения должны быть связаны с повышением закупочных цен на продукцию ЛПХ и модернизацией системы сбыта произведенной ими сельхозпродукции, обеспечением кормами, семенами, удобрениями по доступным ценам, а также средствами малой механизации, предоставлением доступных кредитов на развитие подсобных хозяйств. Важнейшим условием реализации этих мер является расширение и совершенствование интеграционных связей ЛПХ с сельскохозяйственными и другими предприятиями агропромышленного комплекса. Меры по поддержке и развитию личных подсобных хозяйств населения должны носить комплексный социально-экономический характер и учитывать особенности и перспективы развития сельских территорий каждого конкретного региона, его ресурсной, производственной и социальной базы.

Литература:

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь, 2010: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол. В.С. Метеж [и др.]. – Минск: РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2010. – 269 с.
2. Сельское хозяйство Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, редкол. И.А. Костевич [и др.]. – Минск: РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2011. – 283 с.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2011. – 634 с.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2003: стат. сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2003. – 607 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА

Павлова А.В.
старший научный сотрудник Могилевского института региональных социально-политических исследований (Могилев, Беларусь)

Жизнь в сельской местности во многом определяется природно-климатическими особенностями территории, на которой проживают граждане. Структура бюджета времени сельчанина зависит не только от условий и характера трудовой деятельности, но

и времени года и времени суток. Соответственно выделение времени на досуг всецело зависит от режима дня сельского жителя. Досуг определяется как «система различных видов человеческой деятельности, ориентированная на реализацию разнообразных потребностей людей и осуществляемая в свободное время». В шкале ценностей сельских семей Могилевской области важными являются: семейное счастье 59,6%, рождение и забота о детях 38,3% – это то, без чего семья не семья. Важное место в семьях отводят здоровью 36,2% и материальному благополучию 35,1%. А вот наличие интересной работы 10,6%, образования 13,8%, карьера 8,5% и досуг 6,4% менее важны для современных сельских жителей. Можно отметить и то, что фактор территориальности также влияет на формирование представлений о ценностях современной жизни и степени их важности для индивида. Проблема интересного досуга на порядок чаще тревожит жителей крупных городов, чем жителей глубинки. О нескучном времяпровождении обеспокоены 14,1% горожан, 8,2% жителей районных центров и всего 6,4% сельчан.

В последнее время досуг рассматривается социологами в двух формах: пассивной и активной. Данный интерес к досуговой деятельности обусловлен ее влиянием на систему ценностей личности. Досуговая деятельность может выступать как один из механизмов социализации, особенно если она выражена в активной деятельности самого индивида. В рамках этого интересным будет рассмотреть как сельчане чаще проводят свое свободное время и соотнести это с финансовыми возможностями личности, а также с предложениями по проведению досуга, представленными на селе.

Большинство жителей сельской местности предпочитает пассивную форма проведения свободного времени (просмотр телепередач, прослушивание музыки, общение с семье) – (таблица 1). Как правило, основные способы проведения досуга у жителей села не предполагают финансовых затрат. Во многом это определяется и теми материальными возможностями, которыми обладают сельчане. Отвечая на вопрос, о своем материальном положении 61,8% отнесли себя к среднеобеспеченным гражданам, каждый третий (33,3%) считают себя малообеспеченными, а 4,6% бедными людьми.

Таблица 1. Мнение сельских жителей разных возрастных групп о наиболее популярных способах проведения досуга, %.

	В целом по выборке	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Смотрю телевизор, видео	54,1	39,7	52,7	78,7
Общаюсь с семьёй	41,3	34,6	43,6	39,3
Читаю газеты, литературу	25,8	9,0	24,4	54,1
Общаюсь с друзьями	20,0	32,1	16,0	23,0
Хожу на рыбалку, охоту	17,4	21,8	17,5	11,5
Слушаю радио, музыку	13,0	25,6	8,0	19,7
Совершаю прогулки на природе	10,9	9,0	7,3	29,5
Занимаюсь хобби	7,5	5,1	7,3	11,5
Компьютерные игры, Интернет	4,8	12,8	3,3	1,6
Занимаюсь спортом	4,6	11,5	3,3	1,6
Занимаюсь художественной самодеятельно	1,0	1,3	0,4	3,3

Как оказалось, наиболее популярным способом отдохнуть является просмотр телевизионных передач (54,1%). Наиболее предпочтителен такой вид отдыха для представителей старшего поколения, чем для молодежи. Гендерный анализ показал, что женщины (60,4%) чаще, чем мужчины (48,4%) засиживаются у телеэкранов. Это наиболее экономичный вид отдыха, тем более не требующий активной деятельности самого

индивида. Можно отметить, что исследования, проводимые могилевскими социологами на протяжении многих лет, позволяют констатировать, именно телевидение является основным информационным каналом среди населения, в селе его охват составляет 91,2%. Объяснить эту популярность довольно легко – это наиболее оперативный и «зрелищный» канал массово-коммуникационного и массово-информационного воздействия. Телевизионная информация легко доступна для понимания и восприятия практически любой аудиторией благодаря сопровождающей информацию картинкой. Что существенно облегчает процесс усвоения данной информации потребителем телевизионного продукта. В будние дни большая часть населения области (55,3%) проводит у телеэкрана от двух до трех часов. 16,7%. Немного меньшее количество человек сельских жителей проводят у телевизора не более одного часа в день (16,7%) и от четырех до шести часов (18,4%). Каждый десятый житель области (12,3%) проводит у телеэкранов более 6 часов. В выходные дни телевизионная аудитория значительно увеличивается. Так на просмотр телевизионных программ и видео около часа в день тратят – 2,6%; от двух до трех часов – 36,0%; от четырех до шести часов – 35,1%; более шести часов – 28,1%.

Общению с семьей в свободное время уделяют внимание. Женщины (48,7%) несколько чаще мужчин (34,6%) проводят так свое свободное время. Такой пассивный вид отдыха, как чтение газет и литературы привлекает каждого четвертого сельского жителя (25,8%). Такой вид досуга в шесть раз популярнее среди старшего поколения (54,1%), по сравнению с молодежью (9,0%). Кроме того, такой вид интеллектуального отдыха в два раза чаще мужчин (14,3%) предпочитают женщины (38,6%).

Общение с друзьями – как вид отдыха, интересно для каждого пятого сельского жителя. Слушают радио и музыку в свободное время актуально для молодежи и людей старшего возраста. Каждый десятый молодой житель села тратит время на компьютерные игры и Интернет.

Что же касается более активных видов досуговой деятельности, то они гораздо менее популярны среди населения. Исключением может считаться только рыбалка и охота, которая популярна у каждого третьего мужчины (30,9%) на селе, преимущественно молодого возраста. Совершать прогулки на природе интересно для каждого третьего (29,5%) пожилого деревенского жителя. Хобби имеет только 7,5% сельских жителей. Спорт практически совсем не популярен у жителей села как вариант свободного время провождения. При этом в гендерном разрезе мужчины (7,4%) более спортивны, нежели женщины (1,5%). Молодежь также чаще придерживается спортивного образа жизни, в сравнении с другими возрастными группами.

Организация и проведения досуга в сельской местности во многом зависят от тех возможностей, которые организованы в селе. Так, 83,1% опрошенных сельчан указывают на наличие дома культуры (клуба), который, как правили, и является центром культурной жизни села. 73,7% отметили, что есть стационарная библиотека. О кружках по интересам в своей сельской местности знают 8,5% опрошенных. Такой невысокий процент указывает на то, что такая форма организованного времяпрепровождения не сильно распространена в сельской местности. Причинами может быть как недостаточное количество разнообразия предложений в этом направлении, так и отсутствие широкой информации о них у общественности. Что же касается основных недостатков в работе учреждений культуры, то жители села неудовлетворенны такими показателями как:

Ограниченные материальные и финансовые ресурсы	24,7%
Слабая материально-техническая база	19,6%
Недостаточное развитие культуры	14,9%
Недостаток высококвалифицированных специалистов	11,9%

Следует отметить, что в принципе некоторая часть населения готова более активно и разнообразно проводить сове свободное время, но при условии ее организации специализированными учреждениями. Принять участие в организованных экскурсионных программах готовы 72,5% сельчан. При этом важным барьером участия сельского жителя

в таком мероприятии может оказаться его финансовая стоимость. На вопрос «Какую сумму денег вы готовы потратить на одну экскурсию по Беларуси?» были получены следующие варианты ответов:

До 50 тыс. руб.	38,9%
До 75 тыс. руб.	7,3%
До 100 тыс. руб.	27,5%
До 150 тыс. руб.	8,3%
Свыше 150 тыс. руб.	10,4%

Каждый пятый житель села (23,8%) не против посещения музеев. Приблизительно такое же число (23,3%) высказали потенциальное пожелание знакомства с белорусскими традициями и обрядами в процессе проведения различных торжественных церемоний в организации культуры. Принять участие в художественной самодеятельности готовы 11,4%.

Одной из популярных сфер, где можно прости свободное время является спорт. Жители сельской местности в ходе исследования отметили те недостатки, которые характерны для системы физической культуры и спорта.

Слабая материально-техническая база	16,0%
Недостаток спортивных сооружений	12,9%
Недостаток высококвалифицированных специалистов	7,7%
Высокая плата за занятия в секциях	6,2%
Высокая стоимость проката спортинвентаря	3,6%

Досуговая деятельность сельского населения не отличается широким разнообразием, особенно это характерно для активных видов отдыха. Среди основных причин можно отметить как пассивность самого населения и их невысокий уровень материальных доходов, так и недостатки в работе учреждений культуры и спорта и физической культуры по организации таких мероприятий.

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Балакирева Т.С.
младший научный сотрудник сектора социологии села Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Решающим фактором в развитии человеческого потенциала регионов в последнее десятилетие стала продолжающаяся урбанизация и связанные с ней миграционные потоки село-город. Под урбанизацией понимают исторически обусловленный процесс повышения роли городов в жизни общества, постепенное преобразование его в преимущественно городское по характеру труда, образу жизни и культуре населения. В Беларуси доля горожан составляет 75,1%. Хотя население страны сокращается (с 9 млн. 697,5 тыс. в 2005 г. до 9 млн.481,2 тыс. человек в 2011 г.), число горожан стабильно увеличивается. Эта тенденция характерна для всех областей Беларуси (рис. 1) [1, с. 58-61].

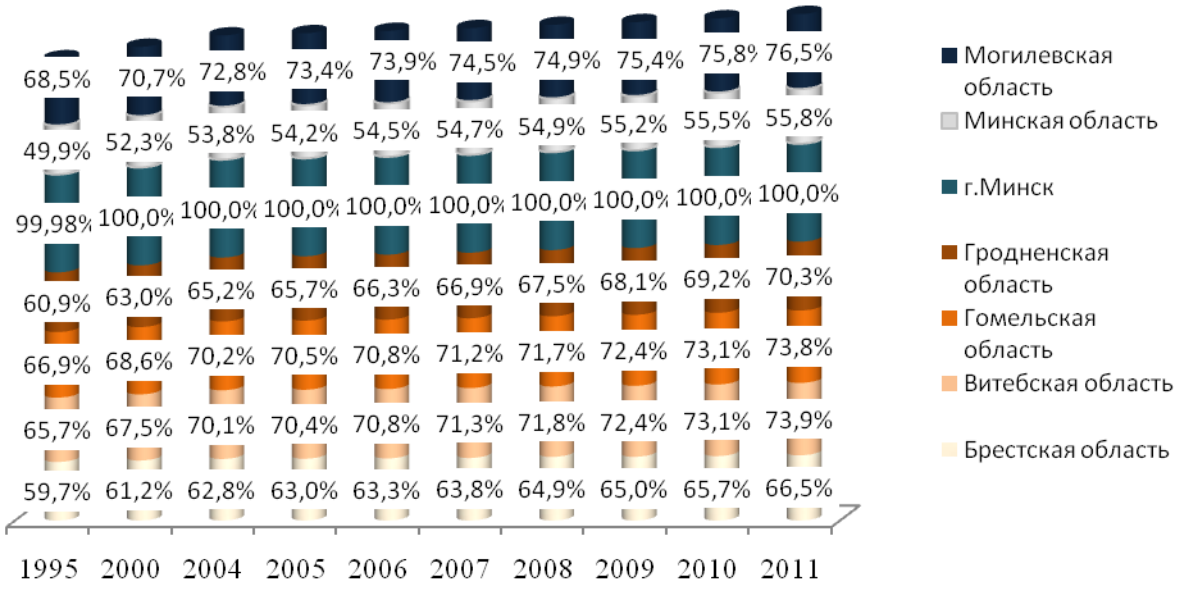

Рисунок 1. Динамика роста городского населения республики

Стремительные темпы урбанизации порождают множество проблем. Одной из них является миграция сельского населения. Наибольший уровень миграционных настроений проявляется у сельской молодежи, ориентированной на приобретение более высокого образовательного и социально-трудового статуса, адекватного ее потребностям, интересам, ценностным ориентациям. Большая часть сельской молодежи (31,4%) в возрасте 16-29 лет ориентируется преимущественно на урбанистические настроения и только 2% не исключают возможности уехать в другое село, агрогородок. Поскольку трудовые ресурсы села формируются за счет подрастающей молодежи, то их урбанистические настроения могут оказать негативное последствие и привести к истощению кадрового потенциала села, к значительным территориальным диспропорциям в трудообеспеченности.

Территориальные различия в трудообеспеченности повышают значение миграции в распределении и перераспределении трудовых ресурсов. Эта проблема носит общегосударственный характер, а также требует согласованных действий со стороны местных властей. Главными факторами, обусловливающими миграционные намерения сельской молодежи, являются территориально-отраслевые различия в уровне материального благосостояния, условий труда и быта. Чем больше различия в этих условиях между регионами, тем более интенсивным является соответствующий поток миграции и меньше количество встречных передвижений от лучших к худшим условиям жизни.

Сравнительный анализ миграционных намерений респондентов за 2009–2011 гг. показал, что за этот период наблюдается спад ее активности. В том числе миграционные потоки сократились по направлениям «село-город» на 14,5%, «село-село» – 3,7%, село-заграница – 23,3%. При этом наблюдается спад миграционной активности во всех возрастных группах. По данным социологического опроса сельских жителей, проведенного в мае 2011 г. число потенциальных мигрантов составляет 18%.

Можно предположить, что произошедшие в последние годы позитивные изменения в производственной и социальной инфраструктурах сельских поселений снизили миграционную активность сельчан и оказывают заметное стабилизирующее действие. Кроме того, постоянный отток сельского населения в города привел к исчерпанию

демографического потенциала села и, соответственно, снижению объемов миграции из села в город. Так, согласно статистическим данным, на начало 2011 г. доля сельской молодежи в возрасте 14-30 лет составляет 18,6%, в то время как городской – 81,4% [2, с. 42-43].

Данные опроса показали, что миграционные намерения респондентов различаются в зависимости от региона проживания (рис. 2).

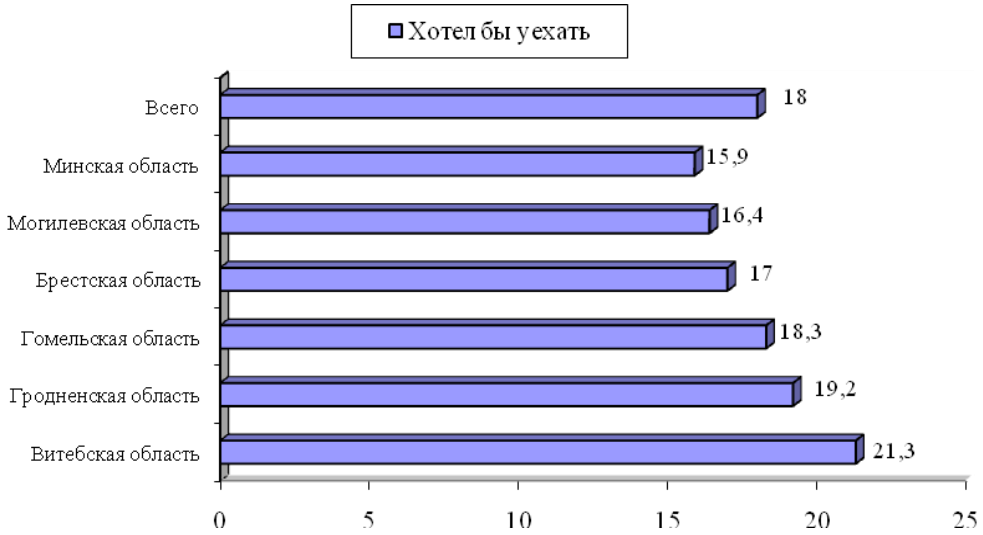

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт?», %

Анализ миграционных настроений потенциальных мигрантов в разрезе регионов показал, что больше всего их отмечено в Витебской (21,3%) и меньше в Минской (15,9%) областях, при этом основным направлением миграционных потоков является город (районный либо областной). У респондентов центрального региона лидирует в рейтинге миграционных предпочтений Минск либо другой областной центр (8,2%), у респондентов Витебщины – районный центр (5,9%) и любой другой город – 5,9% (рис. 3).

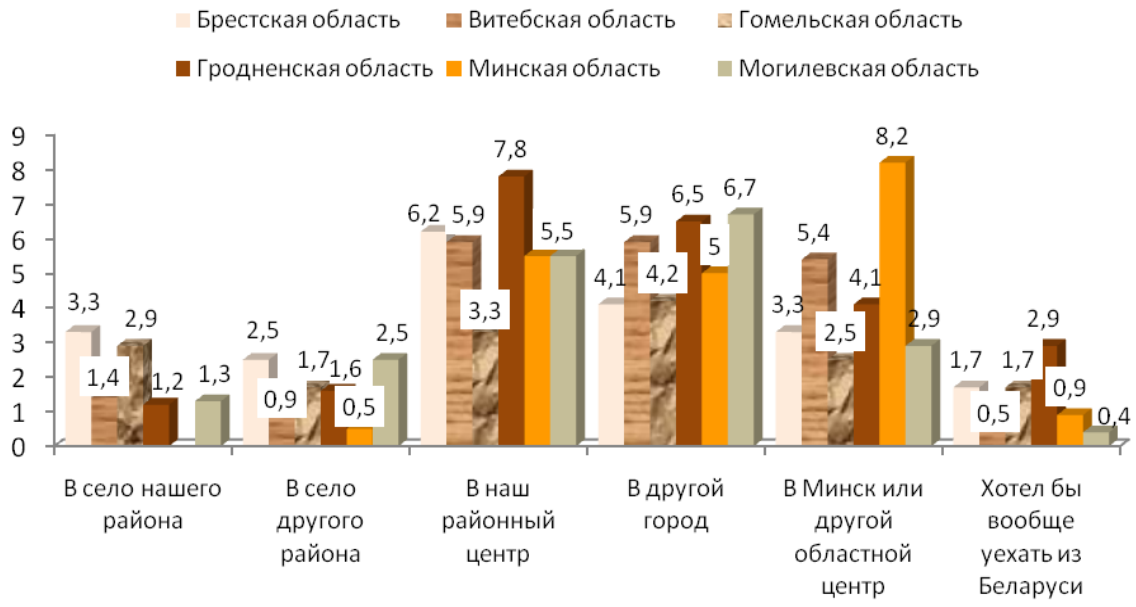

Рисунок 3. Предпочтительное место вселения у потенциальных мигрантов, %

Данные графика свидетельствуют о низкой миграционной активности сельчан в пределах сельской местности. Это негативно сказывается на развитии агропромышленного комплекса, поскольку развитие рыночных отношений в аграрной сфере требует мобильности рабочей силы между регионами, населенными пунктами и внутри них с целью перераспределения и селекции населения. Смысл перераспределительной функции состоит в повышении эффективности производства. Селективная функция позволяет более полно использовать профессиональные навыки и специальную подготовку работников, направлять квалифицированную рабочую силу туда, где в ней есть потребность, а также способствует изменению социального положения работников. Главную роль в формировании отрицательного сальдо миграции сельского населения играют в основном крупные города и райцентры.

Поскольку наибольшей подвижностью в общих миграционных потоках отличаются мигранты молодого возраста, то в ходе социологического исследования были выявлены основные причины, побуждающие сельскую молодежь к проективному миграционному поведению. Анализ ответов респондентов показал, что лидером в ряду причин является «низкий размер оплаты труда» (71,2%). Наиболее ярко она выражена у респондентов Витебской области (81,9%); ниже, чем в других регионах республики, этот показатель у респондентов Минской области (62,7%). Как выяснилось, тяжелый физический труд также подталкивает сельскую молодежь к миграции (44,8%). Причем следует отметить, что данная проблема волнует больше респондентов Витебской области (56,1%). Молодежь также обеспокоена малым выбором профессий (59,5%), так как после окончания учебы молодые люди не всегда могут найти подходящую работу в своем населенном пункте. Проблема заключается в том, что при выборе профессии сельская молодежь опирается на ее престижность и популярность, а после окончания вуза с трудом находит работу по специальности, тем более в сельской местности.

Важную роль среди побудительных мотивов миграции у 23,2% сельской молодежи, играет стремление продолжить обучение. Этому способствует развитие системы образования, направленное на дальнейшее повышение ее уровня и качества в целях удовлетворения потребностей общества и государства в высококвалифицированных специалистах. При этом респонденты центрального региона в большей степени ориентированы на продолжение обучения (30,9%), нежели респонденты других регионов республики. Помимо проблем, связанных с трудом и потребностью в образовании, причиной миграции сельской молодежи, выступает желание улучшить социально-бытовые условия жизни, олицетворением которых является город (15,1%). Действительно, городская градообразующая сфера лучше обеспечивает обслуживание жителей, чем сельская. В городе обычно выше качество предоставляемых услуг для полноценного потребления, образования, отдыха и развития, они более разнообразны и доступны. Наличие развитой социальной инфраструктуры во многом усиливает притягательность городского образа жизни. Таким образом, миграционная активность сельского населения за последние годы действительно несколько уменьшилась, что выразилось в некоторой стабилизации их численности. Однако низкая внутрисельская мобильность приводит к нехватке трудовых ресурсов в трудонедостаточных районах республики. Миграционные намерения сельских жителей носят в большей степени урбанистический характер и зависят от региона. Наибольшей подвижностью в общих миграционных потоках отличаются мигранты молодого возраста. Высокая миграционная подвижность молодого поколения объясняется, прежде всего, желанием продолжить образование, получить квалификацию, найти высокооплачиваемую работу.

Литература:

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2011. – 634 с.

2. Население Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол. Е.И. Кухаревич [и др.]. – Минск: РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2011. – 473 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ: ВЗГЛЯД СЕЛЬЧАН

Титова Е.Н.
преподаватель Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь)

Власть на селе представлена органами местного управления и самоуправления, деятельность которых регулируется законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Местные органы власти должны являться самым эффективным механизмом реализации государственной политики на местах, поскольку они максимально приближены к простому человеку, его нуждам и призваны решать «житейские» вопросы (выполнение государственных социальных стандартов, благоустройство территории, организация на соответствующей территории газоснабжения, электроснабжения, снабжение граждан топливом, создание условий для обеспечения граждан жилыми помещениями, услугами связи, торговли, бытового обслуживания, оказание помощи личным подсобным хозяйствам и т.д.) [1, с. 2].

Но, являясь близкими сельчанам в территориальном пространстве, достаточно ли местные органы власти близки к ним в социальном пространстве? По данным социологического исследования, проведенного Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) в 2011 году при участии автора, превалирующее большинство сельских жителей (67,6 %) от местных властей не получает никакой помощи. Нельзя не отметить, что в большей степени сетуют на отсутствие помощи со стороны сельского исполнительного комитета пенсионеры (78,7 %), в то время как они должны получать ее в первую очередь. К примеру, помощь в обработке приусадебного участка получает почти каждый пятый молодой (не достигший тридцатилетнего рубежа) житель села и только каждый двенадцатый пенсионер. Однако молодым людям физически легче справиться с данной работой, нежели престарелому человеку, соответственно последний и помощь должен получать значительнее. Несмотря на то, что 67,6 % сельчан не получают никакой помощи от сельских исполнительных комитетов, тем не менее, около 2/3 убеждено, что местным органам власти необходимо сосредоточить внимание в первую очередь на улучшении условий жизни населения (табл. 1). Для сельских тружеников – это основная функция органов местного управления.

Таблица 1. На Ваш взгляд, на каких направлениях должна быть в первую очередь сосредоточена деятельность местных органов власти?

Варианты ответов	Всего (%)
Улучшение условий жизни населения	65,2
Создание новых рабочих мест	37,4
Социальная поддержка населения	28,0
Строительство жилья	21,0
Помощь личным подсобным хозяйствам	18,6
Развитие социальной инфраструктуры	16,2
Улучшение работы транспорта	11,4
Помощь безработным	10,4
Организация сельхозпроизводства	7,5
Помощь фермерам, кооперативным хозяйствам	5,3
Борьба с воровством	0,2

Но, нельзя не отметить, сегодня сельчане несколько реже наделяют местные органы власти данной функцией, нежели в 2008 году (72,5 %), что может свидетельствовать о поступательном переносе ответственности за свою жизнедеятельность с последних на самих себя [2, с. 84-86].

Функциональные обязанности местных органов власти, которыми они должны быть наделены с точки зрения сельчан, условно можно разделить на три группы:

– главные (создание новых рабочих мест, социальная поддержка населения, строительство жилья. Более четверти респондентов указали, что местные органы власти должны, в первую очередь, заниматься социальной поддержкой населения. И, надо принять во внимание, что, в первую очередь, государственная социальная поддержка, по мнению сельчан, должна быть адресована жителям села, попавшим в трудную жизненную ситуацию (37 %). Сельчане считают, что менее всего заслуживают поддержки малообеспеченные семьи (18,6 %), поскольку в понимании респондентов, малообеспеченные жители села – это тунеядцы, не желающие трудиться ни в СПК, ни на собственном подворье, зачастую злоупотребляющие спиртными напитками.

– средней важности (помощь личным подсобным хозяйствам, развитие социальной инфраструктуры, улучшение работы транспорта). В последние годы увеличивается доля сельскохозяйственной продукции, получаемой в личных подсобных хозяйствах, что является свидетельством непосредственного участия сельчан в обеспечении продовольственной безопасности страны [3, с. 169]. Однако, жители села не считают помощь личным подсобным хозяйствам важной функциональной обязанностью местных органов власти. Аналогичное мнение у сельчан и по поводу развития социальной инфраструктуры.

– малозначительные (помощь безработным, организация сельхозпроизводства, помощь фермерам, кооперативным хозяйствам, борьба с воровством). Сельчане убеждены, что в компетенцию местных органов власти помощь фермерским хозяйствам должна входить в последнюю очередь. Вероятно, это связано с восприятием фермеров в качестве неких «чуждых элементов», индивидуалистов, которые должны помогать себе сами. Однако, людей, которые берутся работать на земле без принуждения, способных к риску и активной деятельности, напротив, следует всячески поддерживать.

Также, не заслуживающей внимание органов местной власти отмечена такая проблема как «помощь безработным». Видимо, для сельчан это вообще не проблема, поскольку в селе, как правило, не работает только тот, кто не хочет. Соответственно, логика рассуждений сельчан следующая: если житель села не желает трудиться, соответственно он не нуждается в материальной помощи.

Респондентам было предложено выразить свое отношение к некоторым институтам власти (районный исполнительный комитет, сельский исполнительный комитет, районный совет депутатов) (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к работе органов местного управления и самоуправления?», %

	Положительное	Отрицательное	Трудно сказать
Райисполком	35,7	13,5	50,7
Районный совет депутатов	27,5	14,0	58,5
сельсовет	37,2	15,9	46,9

Из трех предложенных в анкете вариантов определения отношения к работе указанных институтов власти наибольшую распространенность приобрел ответ «трудно сказать». Около половины сельчан не может однозначно охарактеризовать свою позицию относительно деятельности указанных органов. Степень негативного отношения практически одинакова ко всем оцениваемым органам и варьируется в пределах 13,5 % - 15,9 %. Приблизительно равное количество респондентов, около трети, положительно

оценивает деятельность райисполкома и сельсовета Наименьшую положительную оценку заслужила деятельность районного совета депутатов.

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что у сельчан не сформировано четкого общественного мнения относительно деятельности местных органов управления и самоуправления. Вероятно, это связано, во-первых, с недостаточной информированностью сельских жителей о деятельности местных органов власти; во-вторых, с невыполнением последними своих функциональных обязанностей в надлежащей мере [4, с. 128]. Таким образом, в настоящее время не происходит активного взаимодействия местных органов власти с сельчанами, о чем свидетельствует отсутствие либо скудость помощи последним, невнятное отношение жителей села к указанным институтам власти и т.п. Все это препятствует результативности преобразований в аграрном секторе Беларуси. Для решения вышеперечисленных проблем, на наш взгляд, требуется реализовать ряд мер: 1. Необходимо четко прописать функциональные обязанности местных органов управления и самоуправления. 2. Представляется важным разработать меры по повышению информированности сельского населения о функциональных обязанностях районных исполнительных комитетов, сельских исполнительных комитетов, районных Советов депутатов. 3. Определить четкие критерии эффективности работы органов местного управления и самоуправления, одним из которых должен стать – «оказание конкретной помощи сельским жителям». 4. Необходимо регулярно проводить исследование «проблемных полей» сельских районов, а выявленные проблемы – должны не просто фиксироваться, а рассматриваться как задачи для выполнения местными органами власти.

Литература:

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108 – 3 // Народная газета. – 2010. – 19 января. – С. 2-3.
2. Титова, Е.Н. Взаимодействие местных органов власти и сельчан: проблема социальной адаптации к новым социально-экономическим условиям на селе / Е.Н. Титова //Труд. Профсоюзы. Общество. – 2010. – №2. – С. 82-88.
3. Лихачев, Н.Е. Белорусское село в социальном измерении: Монография / Н.Е. Лихачев. – Минск: А.Н. Вараксин, 2007. – 304 с.
4. Соколова, Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы / Г.Н. Соколова. – Минск: Белорус. наука, 2010. – 460 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И УСТАНОВКИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ (ПО ДАННЫМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Балбуцкая М.А.

младший научный сотрудник сектора социологии села Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Республику Беларусь характеризует сложная демографическая ситуация. Происходит сокращение общей численности населения Беларуси, а также осуществляется смена типа населения по способу расселения - городского и сельского. В период с 1995 по 2011 гг. численность населения Республики Беларусь сократилась на 729,2 тыс. человек (с 10210,4 тыс. чел. до 9481,2 тыс. чел.), а процентное соотношение сельского населения к общей численности населения снизилось соответственно с 32,1% до 24,9% [1, с. 57]. При численности населения РБ на начало 2011 года – 9481,2 тыс. чел., естественная убыль населения составила 29,1 тыс. чел. [1, с. 29]. Показатель естественной убыли составляет 3 на 1000 человек населения [1, с. 56]. Демографические проблемы стоят особенно остро в сельской местности. За тридцать лет естественная убыль сельского населения возросла более чем в 6 раз – с 2 на 1000 человек населения в 1980 году до 13,6 в 2010 году [1, с. 75]. Движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные черты,

имеет объективную и субъективную природу. Статистические методы позволяют выявить какими объективными факторами обусловлены изменения демографической ситуации. С помощью социологических методов становится возможным исследование субъективных факторов. Одной из задач данной работы является анализ демографического поведения, а также факторов детерминирующих реализацию репродуктивных установок сельского населения Беларуси.

Демографическое поведение, - пишет Л.П. Шахотько, – «сложный результат взаимодействия физиологических и психологических характеристик индивида, условий его жизнедеятельности, а также духовных норм и ценностей окружающих его социальных групп и общества в целом» [2, с. 256]. Модели демографического поведения усваиваются в процессе социализации и могут лишь корректироваться в силу резкого изменения социально-экономической ситуации (например, изменения условий жизнедеятельности, норм и ценностей, влекущих изменение уровня потребности в детях). Область исследования демографического поведения составляет, в том числе, репродуктивное поведение. В настоящее время рождаемое количество детей не обеспечивает простого воспроизводства населения. При сохранении наблюдающихся тенденций, к концу XXI века в Беларуси будет проживать около 3-х млн. человек [3, с. 121]. Существует непосредственная угроза демографической безопасности страны. Решение данной проблемы предполагает стимулирование изменений в демографическом поведении населения.

В основе демографического поведения лежат установки, означающие готовность личности к определенному результату избранной модели поведения. Установки делят на благоприятные и неблагоприятные, в зависимости от того насколько они удовлетворяют потребностям общества и отвечают социальным нормативам (характеристике оптимального состояния социального процесса). Рассматривая наиболее благоприятные установки, М.Ю. Сурмач отмечает, что идеальной установкой по критерию тип создания семьи является брак, для характера воспроизводства – 3 детей, для исхода первой беременности – роды, для времени рождения первого ребёнка – до 2 лет брака, для интергенетического интервала – 2-4 года [4, с. 145].

Распространение модели многодетной семьи (в Республике Беларусь к многодетной семье относят семью, в которой 3 и более детей [5, с. 34]), формирование и подкрепление в обществе ценности многодетности является фактором демографической безопасности страны. Многодетность предполагает определённую модель репродуктивного поведения. Здесь следует учитывать два момента. С одной стороны, репродуктивное поведение обусловлено нормативно-ценностной системой личности, определяющей саму потребность в детях (в том числе, количество детей в семье, число сыновей и дочерей, сроки рождения и проч.). С другой – большое значение имеет оценка личностью своей реальной жизненной ситуации (например, жилищные условия, материальное положение, уверенность в будущем, возраст, здоровье и т.д.).

Сложившаяся демографическая ситуация в Беларуси свидетельствует о преобладании среди населения неблагоприятных репродуктивных установок. На них было обращено внимание при анализе данных исследования, проведённого в мае 2011 года Отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси (руководитель – д.ф.н. Р.А. Смирнова). Общий объем республиканской репрезентативной выборки по исследованию составил 1768 человек в возрасте от 15 лет и старше. Опрашивались жители сёл и малых городов.

Из общего объема выборки извлечена подвыборка сельских жителей. Данная подвыборка составляет 1405 человек в возрасте от 15 лет и старше, из них 42,6% - мужчины, 57,4% - женщины. Имеющие одного ребёнка среди опрошенных сельских жителей составляют 19,1%. В большинстве случаев (53,6%) респонденты указывают, что имеют двоих детей. Респонденты, которые имеют троих детей, составляют 21,3%. Кумулятивный процент респондентов, имеющих четверых и более детей равняется 6.

В ходе анализа идеальной репродуктивной установки, которую отражает вопрос анкеты «Сколько детей Вы хотели бы иметь в Вашей семье?», выявлено, что 6 детей – это максимальное число. Доля респондентов, которые хотели бы иметь одного ребёнка – 10,5%. Значительная часть опрошенных сельских жителей (58,7%) хотели бы иметь двоих детей. Каждый четвёртый из опрошенных (25,8%) хотел бы иметь троих детей. Доля тех, кто хотел бы иметь четверых и более детей незначительна и составляет 5,1% от общего числа опрошенных. В целом, ориентированы на многодетность в семье около 1/3 респондентов. Репродуктивная установка на малодетность практически в два раза ниже показателя реального репродуктивного поведения сельских жителей. Дальнейший анализ выделенных из подвыборки в зависимости от числа детей в семье групп замужних сельских женщин в возрасте до 49 лет позволил обнаружить следующее: те замужние фертильного возраста женщины, которые имеют двоих детей, в 15,3% случаев хотели бы иметь в семье троих и более детей, те которые имеют одного ребёнка – в 11,3%. Проведённый анализ выявил рассогласование между объективными и субъективными факторами деторождения, т.е. между репродуктивным поведением и идеальной репродуктивной установкой сельских жителей. Рассогласование между указанными факторами определяет характер демографических проблем и, в частности, нарушение воспроизводства традиции многодетности.

Проверка предположения о существовании связи между репродуктивным поведением и идеальной репродуктивной установкой сельских жителей на подвыборке в целом позволила выявить значимую положительную корреляцию (r=0,651, p=0,000). Если значения одной переменной (желаемое число детей в семье) возрастают, то значения другой (реальное число детей в семье) имеют *тенденцию* к возрастанию. В группе замужних женщин фертильного возраста корреляция между репродуктивным поведением и идеальной репродуктивной установкой значимая положительная (r=0,605, p=0,000).

Среди сельских жителей, у которых в семье двое детей, 30,3% опрошенных отмечают, что в родительской семье было двое детей, 64,4% - трое и более детей. Среди тех, у кого в собственной семье трое детей, 30% респондентов указывают, что в родительской семье было также трое детей, 46,7% - четверо и более детей. Отдельного внимания заслуживают малодетные семьи. Сельские жители, у которых один ребёнок в семье, в случаев 93,2% выросли и воспитывались в семье, где у родителей двое и более детей (в том числе трое и более в 55,5% случаев). Проверка предположения о существовании связи между числом детей в родительской семье с одной стороны и репродуктивным поведением и идеальной репродуктивной установкой сельских жителей с другой позволила выявить в обоих случаях слабую положительную корреляцию (r=0,211, p=0,000 и r=0,149, p=0,000 соответственно). Существуют факторы, которые влияют на реализацию репродуктивных установок многодетности. К таким факторам относятся возраст, состояние здоровья, семейное положение, материальное положение, жилищные условия, уверенность в будущем, помощь в присмотре за детьми, отношения в семье, вредные привычки мужа/жены, наличие детей.

Анализ данных по подвыборке сельских жителей позволил выявить, что причиной, по которой не планируют рождение детей в ближайшем будущем, для 37,3% опрошенных является наличие у них детей, большего числа которых им не нужно. Также причинами, по которым не планируют рождение детей в ближайшем будущем, чаще всего выступают возраст и состояние здоровья (56,7%), недостаточный уровень доходов (18,4%), отсутствие уверенности в будущем (11,8%). Для анализа демографического поведения и репродуктивных установок особое значение имеет группа замужних сельских женщин в возрасте до 49 лет, имеющих двоих детей, но желающих иметь троих и более. Для этой группы причинами, по которым рождение детей не планируется в ближайшем будущем, чаще всего выступают возраст и состояние здоровья (61,1%), отсутствие уверенности в будущем (38,9%), недостаточный уровень доходов (33,3%). Таким образом, социальные факторы, связанные с деятельностью общества, уровнем развития экономики, оказывают

существенное влияние на реализацию репродуктивных установок многодетности женщин данной группы. В посёлках, где живут респонденты, есть многодетные семьи. К многодетным семьям 9,1% опрошенных сельчан относятся безразлично, 77,4% - положительно. Социальный норматив многодетности имеет немало сторонников среди сельчан, однако в реальности сельчане в большей степени ориентированы на модель среднедетной семьи. Сведение к минимуму влияния факторов, препятствующих реализации идеальных репродуктивных установок, позволит увеличить число семей с тремя и более детьми.

Литература:

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2011. – 633 с.
2. Шахотько, Л.П. Демографическое поведение / Л.П. Шахотько // Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 265-266.
3. Злотников, А.Г. Демографический фактор развития Беларуси / А.Г. Злотников // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: Сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии; Редкол.: Г.М. Евелькин (гл. ред.) и др. – Мн.: «Экоперспектива», 2005. – С. 108–123.
4. Сурмач, М.Ю. Репродуктивные установки и репродуктивное поведение молодёжи Беларуси / М.Ю. Сурмач // Социология. – 2008. – № 1. – С. 145–151.
5. Ст. 62. Многодетная семья / Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: текст кодекса по состоянию на 25 авг. 2006 г. – Минск: Амалфея, 2006. – С. 34-35.

РАЗДЕЛ 7.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СМИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР И СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Кириенко В.В.
д.с.н., профессор, проректор Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого (Гомель, Беларусь)

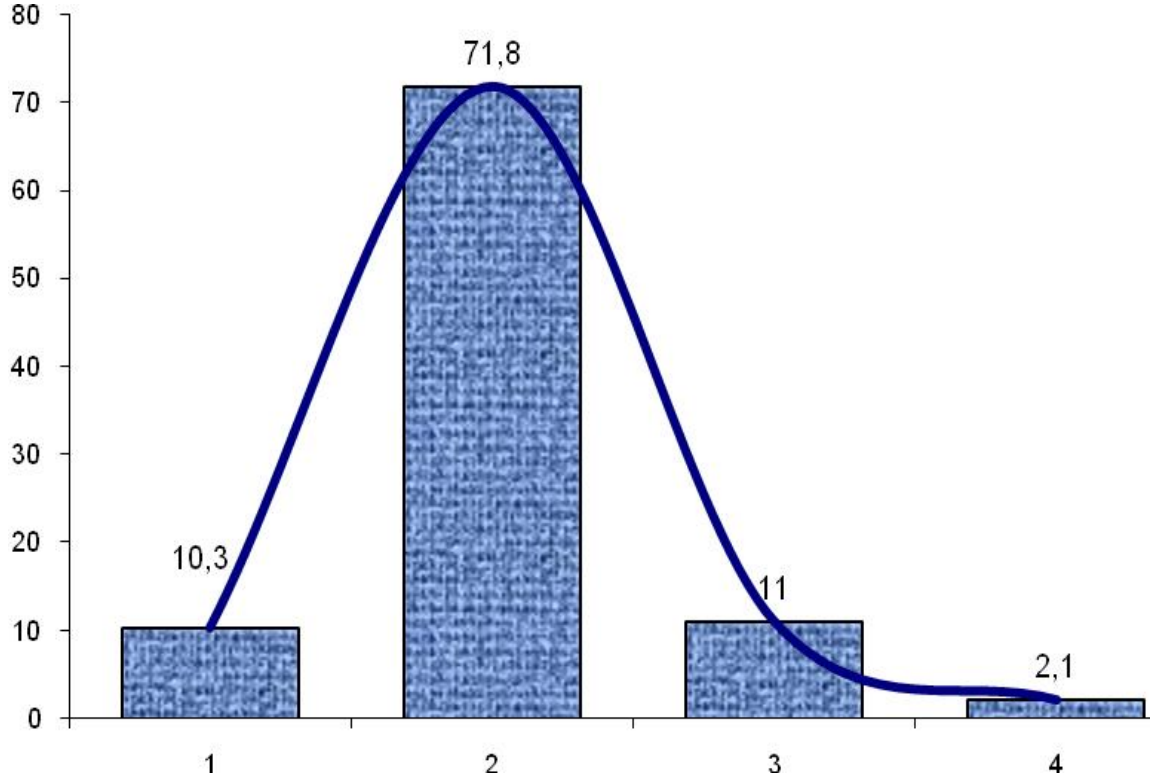
Национальный менталитет, представляя собой социально-культурный феномен, пласт исторической памяти, «спрессованного» социального опыта как предшествующих, так и современных поколений, своеобразным способом формирует оценочную картину условий материального и духовного бытия народа, формирует представление об уровне и качестве жизни, о должной субординации и соотношении материально-вещных и духовных, социально-нравственных компонентов, определяет оригинальные правила достижения их оптимального баланса. Диалектика взаимодействия, взаимовлияния внешних условий бытия и его ментального отражения реализуется посредством двухсторонних процессов: реалии внешнего для индивида и социума мира формируют ту или иную ментальную форму удовлетворенности собственным бытием, а сформированная ментальная картина, в свою очередь, моделирует мотивационный механизм сохранения, модернизации, либо отвержения окружающего мира. Поэтому наряду с количественными критериями развития народно-хозяйственного комплекса страны одним из важнейших критериев эффективности проводимой государством социально-экономической политики является преломленное через национально-ментальную матрицу социальное самочувствие граждан. Именно через социальное самочувствие людей, их удовлетворенность базовыми сферами жизнедеятельности осуществляется оценка результативности социально-экономических преобразований в стране, поддержка или отвержение выбора стратегии и тактики развития общества.

С целью уточнения удовлетворенности населения Гомельской области важнейшими аспектами своей жизни научным коллективом Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого под руководством автора в октябре – ноябре 2010 г. было проведено социологическое исследование, выборочная совокупность которого составила 575 респондентов. При отборе респондентов использовалась квотно-пропорциональная выборка, обеспечивающая репрезентативность по полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу и региональности (месту проживания).

Анализ ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает Ваша жизнь?» показывает, что на этот сложный вопрос, по своей сути объединяющий важнейшие составляющие аспекты жизни человека как во времени: прошлая жизнь → настоящее → будущее, так и в ее материальных и духовно-социальных компонентах, получены достаточно позитивные оценки. Ведь даже самому большому социальному оптимисту трудно предположить, что все население региона жизнь может устраивать во всех отношениях – кому-то не повезло с друзьями, кому-то с работой, кто-то разочаровался в любимом, а у кого-то из респондентов в момент опроса было просто неудовлетворительное настроение. И тем не менее абсолютное большинство опрошенных (71,8 % респондентов) ответили, что их собственная жизнь в основном устраивает, а каждый десятый респондент (10,3 %) ответил, что его жизнь полностью устраивает. По законам симметрии такое же количество респондентов (11,0 %) ответили, что их жизнь в основном не устраивает.

Для проверки гипотезы о нормальности распределения представлений респондентов об устройстве их собственной жизни варианты ответов были расположены

на оси по принципу убывания от максимально удовлетворенных до совершенно неудовлетворенных (рис. 1).

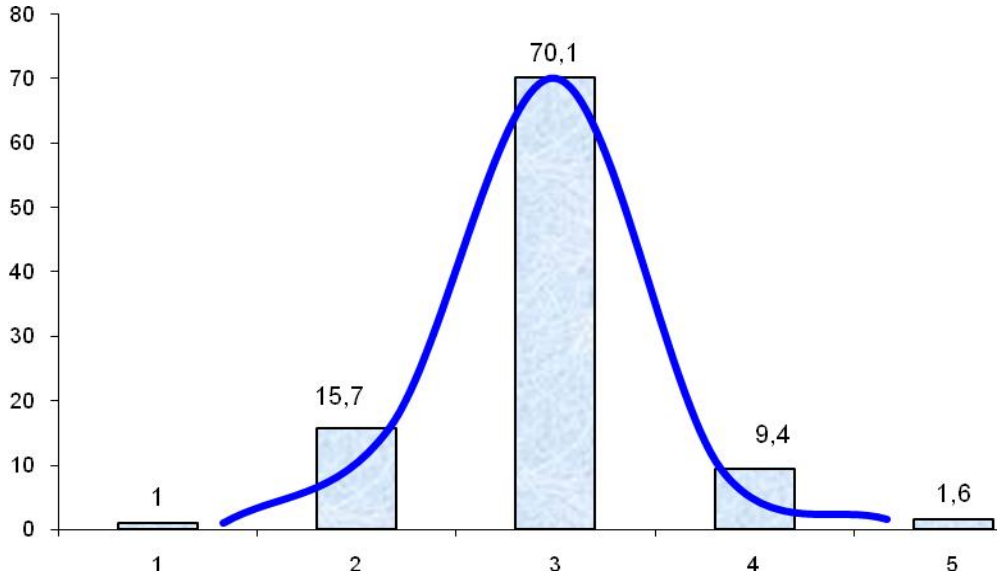

1. Полностью устраивает *2. В основном устраивает*
3. В основном не устраивает *4. Полностью не устраивает*

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вас устраивает Ваша жизнь?», %

Представленные самооценки показывают, что полученные результаты вписываются в закономерность нормального распределения и демонстрируют типичную для белорусского менталитета динамическую статичность – осторожный оптимизм, сформированный сдержанной удовлетворенностью своим бытием, своей жизнью.

Одним из важнейших индикаторов уровня социального самочувствия и оптимизма населения является оценка респондентами материального положения своего ближнего микрокосма, собственной семьи. На вопрос анкеты «Как в настоящее время Вы оцениваете материальное положение своей семьи?» получены следующие результаты (рис. 2).

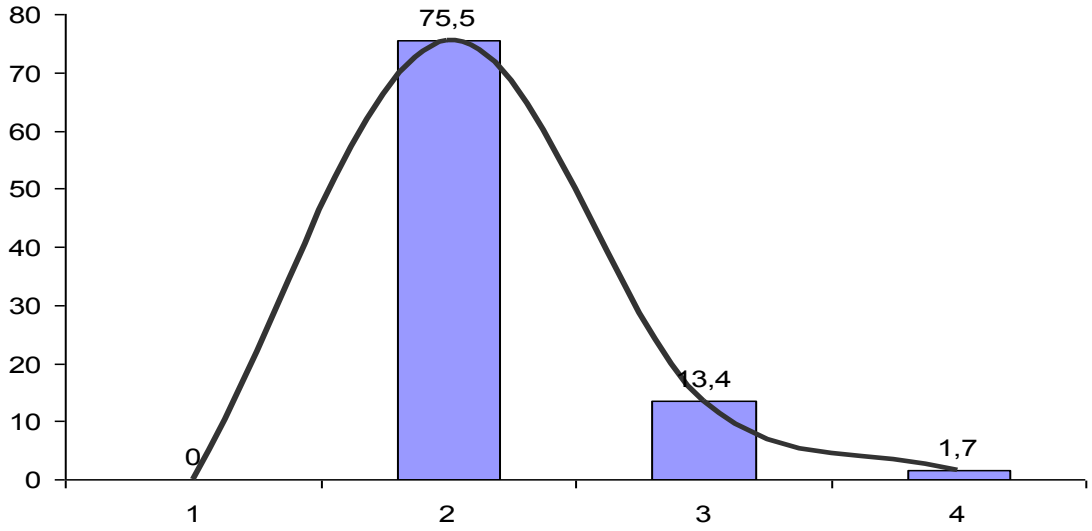

1. Очень хорошее *2. Хорошее* *3. Среднее*
4. Плохое *5. Очень плохое*

Рисунок 2. Оценка респондентами материального положения собственной семьи, %

Анкетный опрос показал, что большинство респондентов (70,1 %) в соответствии с нормами белорусского менталитета обозначили свое материальное положение как среднее. Выставлять напоказ свое материальное благополучие, точно так же как и материальное неблагополучие, у белорусов не принято. Белорусы всегда при определении собственного благополучия пользовались алгоритмами: «Как у людей, так и у меня», «Не хуже, чем у людей», но не «У меня лучше других» или «У меня хуже, чем у других». Действенность этой же ментальной нормы подтверждает и тот факт, что крайних оптимистов, оценивших материальное благополучие как «очень хорошее» (1 %) и крайних пессимистов, оценивших его как «очень плохое» (1,6 %) позиционировали ограниченное количество респондентов. Материальный достаток своей семьи как «хороший» оценили – 15,7 % респондентов, а как «плохой» – 9,4 %.

Качественную картину ощущения личного материального благополучия респондентов раскрывают ответы на вопрос, направленный на определение респондентами собственного материального статуса. Приведенные на рис. 3 результаты анкетного опроса показывают, что абсолютное большинство респондентов (75,5 %) оценило свое собственное материальное благополучие как среднее (со средним достатком) – типичное для белорусского менталитета «так, как у людей».

1. Богатым *2. Со средним достатком*
3. Бедным *4. Находящимся за чертой бедности*

Рисунок 3. Оценка респондентами своего материального положения, %

Симптоматично, что ни один опрошенный респондент не причислил себя к категории богатых. Приведенные результаты говорят о слабом ощущении материальной дифференцированности респондентов. Вместе с тем не может не вызывать беспокойство тот факт, что 13,4 % респондентов оценили свое материальное положение как плохое, а 1,7 % – что находятся за чертой бедности. Впрочем последний показатель находится в пределах статистической погрешности.

Известно, что приведение в соответствие сформированных потребностей с возможными способами их реализации может осуществляться двумя основными путями: 1. Через поиск способов, позволяющих удовлетворить сформированные потребности. 2. Через снижение собственных потребностей до уровня имеющихся возможностей.

Результаты исследования показывают, что рейтинг способов оптимизации доходов с расходами возглавляет способ «стараемся жить по средствам», который выбрало больше половины респондентов (57,2 %), а почти треть опрошенных (30,4 %) указали, что свои желания приводят в соответствие с возможностями через снижение уровня своих запросов. Таким образом, основные направления оптимизации сформированных потребностей с имеющимися возможностями направлены не столько на поиск способов реализации потребностей, сколько на их снижение. Отметим, что в данном случае сумма выборов не соответствует количеству респондентов, так как по условиям анкетирования на этот вопрос каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответов, чем они и воспользовались. В итоге 575 респондентов сделали 1180 выборов. Но в любом случае более половины опрошенных в качестве главных механизмов приведения в соответствие сформированных потребностей и возможностей выбрали способ снижения потребностей.

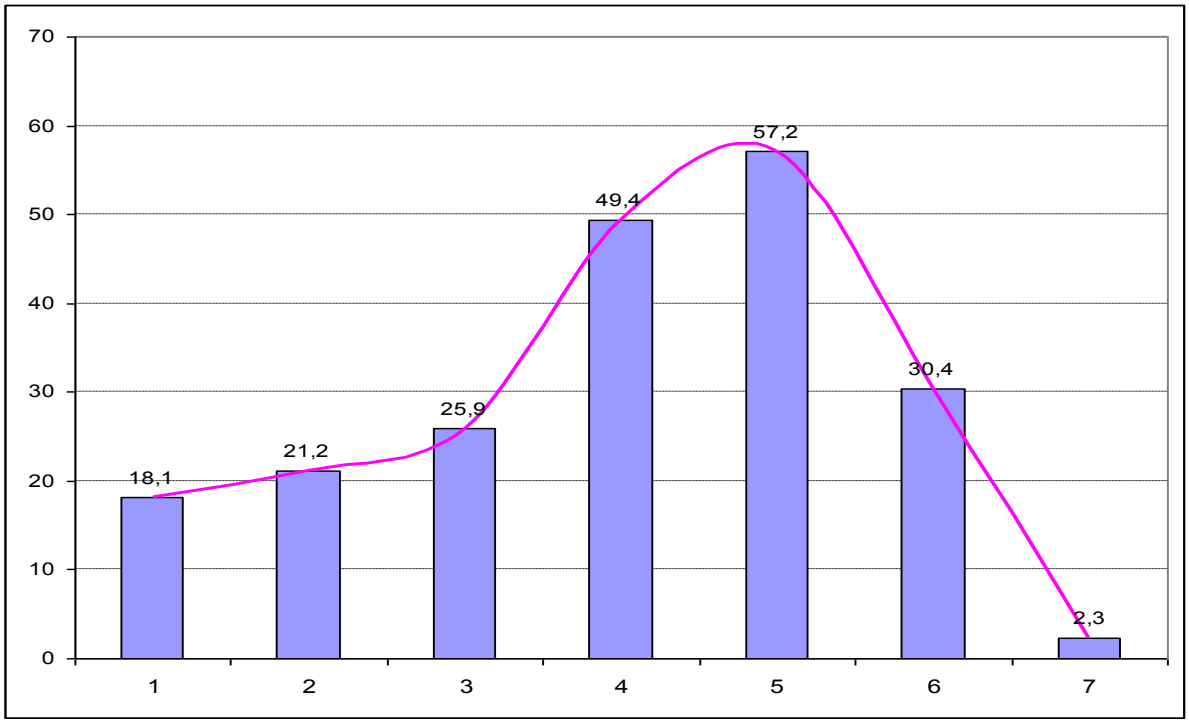
Группу респондентов, избравших активные формы приведения в соответствие желаний и возможностей, образовали респонденты, указавшие на:

– натурально-хозяйственные внутрисемейные способы, направленные на самообеспечение – «стараемся больше делать для себя сами (работаем на своем садовом участке, огороде, строим, шьем, ремонтируем и т.п.)». На этот традиционный для менталитета белорусов способ жизненного самообеспечения указала почти половина опрошенных респондентов (49,4 %).

– активные «рыночные», внесемейные способы повышения личного и семейного материального благосостояния, которые выбрали 18,1 % респондентов, ответивших, что

они подыскивают работу с бóльшими заработками. Ядро активных «рыночников» образуют и 20,2 % респондентов, указавших, что для удовлетворения своих потребностей они дополнительно подрабатывают (по совместительству, по контракту и т. п.), а также респонденты (в своем большинстве студенты), отметившие «периодическую, случайную подработку», на которую указала четверть (25,9 %) респондентов.

Таким образом, анализ ответов респондентов на вопрос анкеты «Что Вы и/или члены Вашей семьи предпринимаете для того, чтобы улучшить материальное положение?» (рис. 4.) позволяет сделать вывод о том, что для сбалансирования сформированных потребностей и возможностей их удовлетворения опрошенные респонденты в первую очередь ориентируются на привычную для белорусов тактику «затягивания поясов» – стараются жить по средствам (57,2 %) и снижают уровень своих запросов и потребностей (30,4 %). Во вторую очередь согласование потребностей с возможностями респонденты реализуют через натуральное самообеспечение – стараются больше делать для себя сами (работают на своем дачном, садовом участке, огороде, строят, шьют, ремонтируют) (40,9 %). Третью активную «рыночную» группу образовали респонденты, ориентированные на удовлетворение своих потребностей посредством дополнительной деятельности (по совместительству, по контракту – 21,2 %), случайных периодических подработок (25,9 %), а также через поиск работы с бóльшими заработками (18,1 %). Четвертую, самую незначительную, пассивную группу образовали респонденты, указавшие, что они ничего не предпринимают для изменения своего материального положения. Правда, их удельный вес (2,3 %) находится в пределах статистической погрешности.

1. Подыскиваем работу с большими заработками

2. Работаем дополнительно (по совместительству, по контракту и т. д.)

3. Подрабатываем периодически, случайно

4. Стараемся больше делать для себя сами (работаем на своем садовом участке, огороде, строим, шьем, ремонтируем и т. д.)

5. Стараемся жить по средствам

6. Снижаем уровень своих запросов и потребностей

7. Ничего не предпринимаем

Рисунок 4. Предпочтительные способы повышения своего материального благополучия

Разразившийся мировой экономический кризис, своеобразным способом проявившийся в Беларуси, вне сомнения, откорректирует оценочные показатели социального самочувствия населения. Приведенные данные социологического исследования представляют интерес именно потому, что они были получены накануне очередной волны мирового экономического кризиса. Замеры социального самочувствия населения, которые предстоит сделать после стабилизации социально-экономического положения, позволят определить степень влияния базовых норм национального менталитета на общественное самочувствие белорусских граждан.

БЕЛАРУСКАЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: КРЫЗІС ЦІ ШАНЕЦ?

Уладыкоўская Л.М.
к.ф.н., загадчыца сектара міжкультурнага дыялогу Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі (Мінск, Беларусь)

Беларуская нацыянальная культура знаходзіцца ў стане глыбокага крызісу. Гэты крызіс абумоўлены не толькі ўласна нацыянальнымі праблемамі, але і крызіснымі з'явамі ў еўрапейскай сацыякультурнай прасторы, а таксама комплексам глабальных праблем планетарнага маштабу. Сучасны еўрапейскі крызіс звязваецца з крызісам хрысціянства, секулярызацыяй, постмадэрнізмам, для якога чалавек гэта ўжо не асоба, а індывідуальнасць, ён добры па сваёй прыродзе, цалкам аўтаномны, мае шчасце ў асалодзе, не памятае гісторыі і т.п. Размова ідзе пра аксіялагічны крызіс, калі губляецца Абсалют і знікаюць абсалютныя каштоўнасці: у маральнім рэлятывізме Еўропа страчвае сваю душу.

Як піша В.Акудовіч, "у другой палове 20 ст. склалася трывалае разуменне, што ад усіх пераменаў ідэалагемных прыдумак ніякага толку няма і, пэўна, ужо ніколі не будзе… не існуе ні верху, ні нізу, ні гісторыі ("Канец гісторыі" Фукуяма), ні часу ("Канец новага часу", Гвардзіні), ні чалавека ("Канец чалавека", Фуко), ні культуры ("Смерць культуры", Дубавец)… " [1, с.157-158]. Тое, што вызначаецца як стабільнасць, насамрэч ёсць культурным крызісам, прыкметы якога: разбурэнне натуральнага цыклу культурнай дынамікі, спыненне працэсу змены пакаленняў культурнай эліты, татальная міфалагізацыя культурнага асяроддзя і інш.

Заходняя культура стварыла сістэму, у нечым варожую хрысціянству, але якая арганічна выцякае з хрысціянства. Прыклад – адступленне Еўропы перад мусульманскай іміграцыяй і бездапаможнасць перад небяспекаю страты сваёй хрысціянскай ідэнтычнасці: парадокс у тым, што весці вайну – гэта не па-хрысціянску! Гасціннасць жа – гэта не толькі дзеянне, але і духоўная якасць чалавека. Паняцце гасціннасці нараджаецца ад сустрэчы з Хрыстом і хвалявання, што гэтую сустрэчу можна страціць.

Разам з тым, любы крызіс – гэта шанец для развіцця на новым узроўні. У гэтым кантэксце важна аб'ектыўна, усебакова ацаніць стан нашай нацыянальнай культуры і вызначыць беларускую культурную стратэгію ў сучасным свеце.

Крызіс беларускай нацыянальнай культуры наспяваў даўно ў выніку паступовага адрыву дзвюх узаемазвязаных падсістэмаў культуры сферы яе тварэння і сферы функцыянавання на дзяржаўна-ўпраўленчым і масавым грамадскім узроўнях. Гэтая драма абумоўленая як гістарычна палітыка-ідэалагічнымі фактарамі, так сёння яшчэ і стыхійна-"рыначным" працэсам выцяснення роднай мовы беларусаў з усіх сфер дзяржаўнага і грамадскага жыцця. Так як мова знакава-сімвальнае, духоўнае аблічча ўсёй культуры, нацыі, нацыянальнай гісторыі, то па-за нацыянальнай мовай не можа нармальна развівацца і функцыянаваць не толькі культура, але і чалавек, грамадства, дзяржава.

Мае рацыю філосаф Валянцін Акудовіч, сцвярджаючы, што сёння ўжо нельга казаць, што мы не маем сваіх элітаў (інтэлектуальных, культурных, палітычных…), аднак у аснове сваёй па-ранейшаму застаемся пераважна простанароднай, плебейскай

супольнасцю. І з гэтага нашыя каштоўнасці, натуральна, усё яшчэ палягаюць не ў сферы высокіх ідэалаў свабоды і годнасці, але ў адной простай (але надзвычай падставовай) рэчы – жыць. І жыць любым коштам, не зважаючы на гвалт, прымус, знявагу годнасці…Пакуль народ з усім сваім спадчынным плебействам не памрэ…, да таго часу не вырасце нацыя. Гэта значыць, не проста людзі, паяднаныя між сабой адно прагай жыць, а грамадства, злучанае ва ўніверсальнае цэлае высокімі ідэаламі гонару, годнасці і свабоды [1, с.79].

Беларускія даследчыкі прапануюць розныя формы пабудовы жыццяздольнай прасторы беларускай культуры. Так, на думку Максіма Жбанкова, належыць рэалізоўваць адукацыйныя праекты новага пакалення, засвойваць навейшыя інфармацыйныя тэхналогіі, фарміраваць нацыянальную поп-культуру, выроўніваць "перакос" інфармацыйных плыняў усходнееўрапейскага матэрыялу (пад лозунгам "Зноў разам – але ўжо ў Еўропе"), рэальнага шматмоўя [2, с.163].

Як заўважае Альміра Усманава, варта ўслед за тэарэтыкамі брытанскай школы "культурных даследаванняў" звяртацца да вывучэння паўсядзённай культуры як пасрэдніка паміж мастацтвам, навукай і матэрыяльнай вытворчасцю, паміж уладаю і простымі людзьмі, паміж дамінуючай ідэалогіяй і альтэрнатыўнымі сацыяльнымі дыскурсамі, асабліва з улікам таго, што ў нас існуе востры палітычны раскол паміж афіцыйнымі палітычнымі элітамі і разнастайнай культурнай і палітычнай апазіцыяй, складаная дыялектыка паміж "бачным" і "нябачным" у сучаснай Беларусі. На думку даследчыцы, беларускі культурны ландшафт характарызуецца семіятычнай няўцямнасцю, прыкладам чаго могуць служыць хаця б "скульптурныя шэдэўры" ў мінскім аэрапорце – увасабленне дробнабуржуазнай пошласці, узведзенай у ранг нацыянальнага стылю [3, с. 12, 20].

Сёння Беларусь адначасова і традыцыйная, і мадэрновая, і савецкая, і еўрапейская. І гэта стварае фундамент, з аднаго боку, сацыяльнай салідарнасці, якая магчымая не ў гамагеннасці, а ў шматстайных формах і спосабах сацыяльнай самаарганізацыі [4, с. 81], а з іншага, полікультурнасці і міжкультурнага дыялогу, што выхоўвае талерантнасць як асобы, так і грамадства.

Беларуская нацыянальная культура, як і любая іншая нацыянальная культура, не толькі фарміруе і выяўляе пэўную шкалу каштоўнасцей і маральных нормаў, але і ў цэлым ажыццяўляе повязь чалавека з абсалютным духоўным ідэалам, з трансцэндэнтным, з вечнасцю, – з тым, на што арыентуецца кожная маральна-этычная сістэма. Таму беларуская нацыянальная культура павінна мець шанцы на тое, каб быць пачутай, прынятай, прызнанай, засвоенай, нягледзячы на засілле культуры масавай.

У вырашэнні ўсіх пытанняў належыць звяртацца да нашай хрысціянскай спадчыны: беларускія нацыянальныя каштоўнасці – гэта перадусім каштоўнасці хрысціянскія.

Сёння Беларусь усё яшчэ застаецца краінай пераходнай, транзітнай, з не вызначанымі прыярытэтамі, краінай праблемнай, якая вельмі залежыць ад вонкавага свету, які, аднак жа, не можа кардынальна паўплываць на ўнутраную беларускую сітуацыю. Першае, што належыць зрабіць, – гэта вызначыць прыярытэты беларускай культурнай стратэгіі. Нацыянальны інтарэс, нацыянальная палітыка могуць быць акрэсленыя толькі пры наяўнасці грамадскага кансенсусу па вызначальных, стратэгічных пытаннях. Расколатае і раз'яднанае грамадства можа і павінна быць аб'яднанае на аснове фундаментальных агульнанацыянальных каштоўнасцей: беларускай мове, беларускай нацыянальнай культуры, нацыянальнай ідэнтычнасці і асабліва актуальным у сучасным свеце, сутнасна ўласцівым беларусам міжкультурным дыялогу.

Адказнасць за пашырэнне сферы ўжывання беларускай мовы ляжыць не толькі на дзяржаве. Адказнасць нясуць і культурныя, інтэлектуальныя эліты, якім належала б у кожным канкрэтным выпадку ствараць тэксты па-беларуску, засвоіць замежныя мовы дзеля таго, каб не зводзіць стан беларускай сацыякультурнай прасторы да правінцыйнай

замшэлай местачковасці і зрабіць магчымым канструктыўны міжкультурны дыялог у яго рэгіянальным і міжнародным вымярэннях.

Дэмаралізацыя, інтэлектуальная дэградацыя, крайне нізкі агульны культурны ўзровень сучаснага грамадства Беларусі, феадальныя адносіны “бяспраўны васал – сеньёр”, якія пранізваюць усё грамадства, адсутнасць або значная аслабленасць нацыянальнага гонару і чалавечай годнасці і інш. ёсць прамым вынікам неіснавання грамадства ў натуральным культурна-моўным кантэксце: нацыянальная культура, якая грунтуецца на духоўных і маральных асновах быцця, існуе асобна ад сучаснага беларускага грамадства.

Невыразнасць, няўцямнасць нацыянальнага стылю і почырку сучаснай масавай Беларусі паступова перарастае ў поўную цішыню, у маўчанне , і, такім чынам, размовы пра адмысловасць т.зв. беларускай “мадэлі” пераходзяць у апраўданне працэсу дэфармацыі, здзічэння беларускай душы і характару, далейшае ўзгадаванне комплексу нацыянальнай непаўнавартаснасці.

Коратка кажучы, у выніку не-існавання сучаснага беларускага грамадства ў натуральным культурна-моўным кантэксце беларусы моцна губляюць у прафесіяналізме, маральнасці і пасіянарнасці.

Вынікам жа канфлікту ідэнтычнасцей у сучаснай Беларусі (заходнерусізм, тутэйшасць, ідэнтычнасці савецкая, нацыянальна-адраджэнская, еўрапейская і інш.) з’яўляецца не толькі адсутнасць належнай нацыянальнай кансалідацыі і грамадскай згоды, але нават спроба звядзення ўсёй беларускай нацыі да нацыянальнай меншасці.

Пашырэнне і ўмацаванне беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці звязана з неабходнасцю пераадолення цэлай сістэмы негатыўных сацыякультурных стэрэатыпаў, сярод якіх можна назваць наступныя: трактоўка гісторыі беларускага народа аж да сённяшняга дня ажыццяўляецца ў значнай ступені ў ментальных межах савецкага мінулага, між тым як гэта не адпавядае сучаснаму мысленню, параджае перыферыйнае, правінцыйнае светаўспрыманне, а таксама не адпавядае аб’ектыўным гістарычным ведам; парушаецца прынцып непарыўнасці, пераемнасці беларускай гісторыі; недастаткова прапагандуюцца ў грамадстве шляхам асветніцай працы нацыянальныя беларускія міфы; каланіяльнае мысленне з яго комплексам непаўнацэннасці сілкуе псеўдабеларускае выхаванне, якое ажно да сённяшняга дня спрэс паслугуецца вобразамі беларуса як мужыка ў лапцях, прыгнечанага ўсімі магчымымі сацыяльнымі бедамі і няшчасцямі, між тым нацыянальнымі героямі павінны быць палітыкі, палкаводцы, мысліцелі, навукоўцы, грамадскія дзеячы і т.п.; не пераасэнсаваны вытокі паходжання беларускай нацыі і не ўдакладнены сэнс нацыянальных каштоўнасцей; недаацэненая гістарычная роля беларускай шляхты як грамадска-культурнай сілы; не прасоўваюцца геапалітычныя брэнды, шырока выкарыстоўваюцца паняцці Еўразіі і маста паміж Усходам і Захадам ў дачыненні да Беларусі; не прыняты Закон аб абароне беларускай мовы і не ўстаноўленыя нормы рэгулявання моўнай сітуацыі, прынятыя ва ўсіх суверэнных дзяржавах.

У сувязі са слабасцю грамадскага сектара ў эпоху рынкавай татальнасці і глабальнай уніфікацыі, а таксакма з прычыны ўжо непадкантрольнага працэсу русіфікацыі асноўны клопат пра культурную стратэгію мусіць узяць на сябе дзяржава. Яна павінна рэалізоўваць такую нацыянальную культурную палітыку, якая б грунтавалася на беларускай моўнай аснове і фундаменце духоўных традыцый, узмацняла нацыянальную ідэнтычнасць. Пошук “залатой сярэдзіны” паміж поўнай адкрытасцю і некаторай нацыянальна-лакальнай замкнутасцю ў культурнай сферы ёсць ідэальным шляхам пры вырашэнні пытання культурнага развіцця, у тым ліку захавання культурнай самабытнасці.

Далучэнне Беларусі да разнастайных культурных праграм Еўрасаюза дазволіць ёй скарыстаць з досведу краін-чальцоў, у якіх ужо даўно культура развіваецца ва ўмовах рынку, у адкрытым грамадстве. Мадэлі культурнай палітыкі там вызначаюцца пагадненнем запатрабаванняў рынку з удзелам высокай культуры, аховай нацыянальнай

тоеснасці, а таксама – што ва ўмовах глабалізацыі вельмі істотна – аховай уласных рынкаў культуры.

Калі беларуская культура будзе існаваць не толькі ў варыянце элітарнай, акадэмічнай, але масавай, з апорай на традыцыю, якая яшчэ павінна быць дасканала вывучана праз аднаўленне ўсіх сваіх забытых і выкінутых старонак, будзе ўстаноўлена моцная зваротная сувязь паміж носьбітамі і творцамі культуры, і адпаведна кожны будзе носьбітам, і кожны творцам.

Я бязмежна веру ў беларускія магчымасці. Трэба толькі ў сабе і вакол выхоўваць чалавека, які любіць свабоду і здатны пазбавіцца страху і сораму.

Літаратура:
1. Акудовіч, В. В. Архіпелаг Беларусь: кніга дыялогаў / Валянцін Акудовіч. – Мінск: Галіяфы, 2010. – 240 с.
2. Жбанкоў, М. Беларуская культура: час нуль / Максім Жбанкоў // Белорусский формат: невидимая реальность; сборник научных трудов; отв. ред. А.Р.Усманова. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С.141-164.
3. Усманава, А. Беларусь LIVE: лад жыцця як жыццё вобразаў / Альміра Усманава // Белорусский формат: невидимая реальность; сборник научных трудов; отв. ред. А.Р.Усманова. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С.9-28.
4. Шпарага, В. Да накіду інтэлектуальнай тапаграфіі Беларусі / В. Шпарага // Белорусский формат: невидимая реальность; сборник научных трудов; отв. ред. А.Р. Усманова. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С.71 – 86.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Наумов Д.И.
к.с.н., доцент, начальник управления подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Минск, Беларусь)

В современном социогуманитарном знании обращение к новым теоретико-методологическим подходам в молодежной субкультуре обусловлено определенной девальвацией биополитического подхода к молодежи, согласно которому она рассматривается как специфическая гомогенная социально-демографическая группа, все представители которой проходят универсальные этапы онтогенетического развития и характеризуются наличием общих потребностей и интересов. Однако такая унитарная трактовка молодежи элиминирует реальные и многоаспектные общественные связи и отношения, в которые включены индивиды в процессе своей жизнедеятельности, а также их социально-статусные, социокультурные и социально-психологические характеристики. Поэтому в гносеологическом аспекте актуализируется проблема нового содержательного наполнения конструкта «молодежь», а в социоинженерном – конструирования адекватных ему теоретических оснований, ценностных предпосылок и инструментов молодежной политики.

Субкультурный конструкт молодежи не является исторически первым или наиболее влиятельным (как, например, функционалистский или классовый), но он дезавуирует широко распространенные в академическом сообществе представления о молодежи как социально проблемной группе, акцентируя внимание на ее эвристических возможностях. В его рамках можно выделить несколько теоретико-методологических подходов к молодежной субкультуре, по-разному трактующих роль и значение данного фактора в контексте социального, личностного и профессионального становления молодых людей в современном глобальном мире.

В современной социологии молодежи особое место принадлежит постсубкультурному подходу, в рамках которого основной акцент делается на прояснение характера влияния процессов глобализации на формирование идентичностей молодежи и жизненных стилей как специфических адаптационных инструментов (Х. Пилкингтон, С. Торнтон, С. Бест, Д. Келнер и др.). Сторонники этого подхода постулируют исчезновение

с социальной авансцены постиндустриального общества молодежных субкультур с четко фиксируемыми поведенческими и имиджевыми маркерами, позволяющими вычленять их представителей в социальной среде, и появление новых молодежных сообществ, отличающихся пластичностью, изменчивостью и кратковременностью существования [1]. Такое гетерогенное субкультурное пространство, которое благодаря информационно-компьютерным технологиям элиминирует любые локальные барьеры, символически позволяет молодежи преодолевать дефицит ресурсов и в своих повседневных практиках сформировать пространство для самореализации. Проблематика жизненных стилей, характеризующая постсубкультурный подход, подчеркивает, с одной стороны, констатирует превращение консьюмеристских моделей поведения, активно транслируемых СМК, и субкультурной коммуникации в основные факторы конструирования молодежных идентичностей. С другой стороны, акцентирует внимание на снижении в постиндустриальном обществе значения семьи в социализации индивида на фоне возрастания влияния в данном процессе масс-медиа и молодежных сообществ. Первые обеспечивают молодому человеку свободный доступ к продуктам массовой потребительской культуры, которые объективируют его личные социальные и профессиональные достижения, а вторые предоставляют ему комфортные нормативные и социальные рамки для активного конструирования личного пространства. В целом постсубкультурный подход отличает мультикультурная и гуманитарная направленность исследований, их междисциплинарный характер, акцент на определяющей роли молодежи из среднего класса в потреблении глобальной культурной продукции и формировании на ее основе молодежного культурного «мейнстрима».

В теоретическом и историко-генетическом плане к постсубкультурному подходу близка концепция жизненно-стилевых стратегий молодежной повседневности (Е. Омельченко, Н. Гончарова, Н. Нартова и др.), актуализирующая идеи постмодернистской фрагментации социального пространства, рискогенности структур и процессов современного общества, глобализации и индивидуализации [2]. В ней акцентируются повседневные проявления молодежной активности, механизмы формирования новых типов молодежных солидарностей в контексте глобально-локальных измерений жизненных миров современной молодежи. Центральное в данной концепции понятие «жизненно-стилевая стратегия», по мнению Е.Л. Омельченко, позволяет актуализировать контексты культурных практик молодежи, раскрыть аутентичную мотивационную составляющую молодежных солидарностей, определить их направленность, выявить демаркационные механизмы и маркеры внутри современных молодежных сообществ. При этом для молодежи стиль жизни выступает как специфичный социальный ресурс, наименее подпадающий под какие-либо социальные, политические или культурные ограничения, добровольный и активный характер использования которого гарантирует достижение социально значимых результатов, как различным молодежным группам, так и отдельным индивидам. Комбинаторное и вариативное использование молодыми людьми современных стилей жизни, выступающих в форме серии последовательных индивидуальных решений, позволяет не только отрефлексировать конкретные социальные контексты, но и обеспечить символическое преодоление структурных барьеров неравенства. Таким образом, концепция жизненно-стилевых стратегий ориентирует исследовательский интерес на молодежную повседневность, опосредующую на определенном этапе взросления индивида процессы вхождения в общество, формирование личной, социальной и культурной идентичности молодежи.

Достаточно специфичный теоретико-методологический подход к исследованию молодежной субкультуры, который акцентирован на выявление и описание мифологических врожденных паттернов поведения в типичных контекстах, разработан в современной социальной психологии (А. Гюгенбюль-Крейг, Дж. Кэмпбелл, Дж. Хиллман, Л.В. Шабанов и др.). В рамках юнгианской традиции мифы интерпретируются как бессознательное выражение коллективной творческой фантазии человечества, которое

можно зафиксировать в виде различных форм ментальной и социокультурной активности индивида (мечты, сновидения, сказки и т.д.) [3]. Учет мифологического контекста как системы символических форм саморепрезентации психических процессов позволяет, с одной стороны, определить логику и тенденции развития, содержание, структуру и взаимосвязи конкретной социальной реальности. С другой стороны, использование мифологических образов и аналогий как гносеологических инструментов позволяет реконструировать социокультурную основу различных социальных трансформаций, а также определить функциональность / дисфункциональность архаичных мифологем в постмодернистском социуме в контексте их способности адаптировать индивида и сообщества к происходящим изменениям в обществе. В отношении молодежной субкультуры такой мифолого-интерпретационный подход позволяет, во-первых, понять, как социокультурный компонент в границах различных субкультурных сообществ превращает прагматично ориентированную социальную реальность в многозначный смысловой континуум, который минимизирует значение социальной эффективности и социально-статусных характеристик индивида в коммуникационных процессах. Во-вторых, он предоставляет возможность ретроспективного анализа развития молодежных субкультурных сообществ, акцентируя внимание на значении архетипического в конституировании субъекта, компонентов и механизмов социокультурной легитимации его субкультурной деятельности. В-третьих, он дает возможность выявить логику развития молодежных субкультурных сообществ в широком социальном контексте, рассматривая их в качестве возможных ответов социальной системы на вызовы поливариативного будущего, значимость и жизнеспособность которых определяется необходимостью сохранения и трансляции историко-культурных традиций человечества.

Таким образом, в целом субкультурный конструкт молодежи акцентирует внимание на специфически молодежных (в социокультурном, но не биополитическом аспекте) способах конституирования смыслов, ценностей и самопрезентаций, механизмах и инструментах социальной адаптации и преодоления структурных барьеров неравенства. Он предполагает целостный взгляд на молодежную жизнь и демонстрирует некоторые преимущества при исследовании мира молодежной повседневности, но одновременно отличается излишней контекстуальностью и субъективистской направленностью. Данный конструкт нацеливает исследовательский интерес преимущественно на те значения, которые молодежь придает своим действиям в рамках различных молодежных сообществ, а также требует включения исследователя в молодежную повседневность и коммуникационные процессы. Естественно, что это накладывает определенные процедурные и аналитические ограничения на исследования по молодежной проблематике, что необходимо принимать во внимание при их осуществлении.

Литература:

1. Пилкингтон, Х. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб.: Алетейя, 2004.

2. Омельченко, Е. Молодежь: Открытый вопрос / Е. Омельченко. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004; Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / Под ред. Е.Омельченко, Н. Гончаровой. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2006; В тени тела / Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2008.

3. Хиллман Дж. Архетипическая психология / Дж. Хиллман. – Пер. с англ. – СПб., 1996; Гюгенбюль-Крейг, А. Наивные старцы (анализ современных мифов) / А. Гюгенбюль-Крейг. – СПб., 2001; Кэмпбелл, Дж. Мифы, в которых нам жить / Дж. Кэмпбелл / Пер. с англ. – М.; Киев, 2002.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Балич Н.Л.
к.с.н., научный сотрудник отдела политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Актуальность исследования конфессиональной идентичности определяется возросшей ролью религии в современном белорусском обществе, ростом религиозных общин разной конфессиональной направленности.

В научной литературе и массовом сознании понятия «религия» и «конфессия» часто употребляются как синонимы. Нередко встречается взаимозаменяемость понятий «религиозная идентичность» и «конфессиональная идентичность». Однако, это не совсем корректно.

Слово «конфессия» происходит от латинского «confessio» – «исповедание» и подразумевает особенности вероисповедания в пределах определенного религиозного учения, а также объединение верующих. «Религия» (religio) переводится с латинского как «благочестие», «святость» и выражает специфическую форму общественного сознания, отражающую отношение человека с невидимым миром, верой в сверхъестественное.

В зависимости от вероучения, люди, принадлежащие к разным конфессиям, должны придерживаться соответствующих обрядов, ритуалов, догм, следовать социальным и религиозным практикам.

Постижение религиозной традиции в основном происходит в процессе религиозного воспитания и образования. Наряду с этими процессами всегда имеет место процесс религиозной идентификации отдельной личности и групп людей. Изучению содержания и сущности религиозного образования и воспитания в настоящее время посвящено немало научных работ. Значительно меньше исследована религиозная идентификация и связанные с нею особенности становления и развития конфессиональной идентичности.

Исследование феномена «идентичность» связано с изучением механизмов самоопределения и становления личности, которая формируется как результат эмоционального самоотождествления индивида с другим человеком, образцом или идеалом. Так, феномен идентичности получил широкое распространение в психоаналитических концепциях, в частности, в трудах Р. Линтона, Э. Фромма, З. Фрейда, Э. Эриксона. На примере становления личности Э. Эриксон определил сущность понятия «идентичность», процесс ее становления, возникновение «кризиса идентичности». В 60-х гг. XX столетия смысл термина выходит за рамки чисто медицинского понятия и внедряется в поле интересов социальных наук.

Социологическое направление исследований идентичности представлено в трудах И. Гоффмана, Э. Гидденса, Р. Дарендорфа, М. Куна, Р. Тернера, Г. Тэджфела, Т. Парсонса, З. Баумана, Ю. Хабермаса и др. Процессы идентификации в современных обществах широко освещены в феноменологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана, символическом интеракционизме Дж. Мида, Ч. Кули и др.

Специфика социологического подхода при исследовании идентичности заключается в том, что социологию отдельный человек интересует не сам по себе, а как член определенной социальной группы, разделяющий ее ценности, цели, стереотипы и даже заблуждения. Так, в трудах американских исследователей Дж. Мида, Ч. Кули проблематика идентичности рассматривается как изначально социальный феномен, формирующийся в результате социальной интеракции, и одновременно - как фактор, влияющий на социальную интеракцию [1].

Близок к такому пониманию идентичности Э. Гидденс. Объектом его исследований выступает процесс возникновения новых психосоциальных механизмов личной

идентичности, которые складываются под влиянием трансформирующихся институтов современности и, в свою очередь, трансформируют их [2]. З. Бауман акцентирует внимание на постмодернистских тенденциях сепаратизма, диверсификации, когда промышленная революция вслед за эпохой географических открытий разрушила традиционный общественный порядок и поставила вопрос о самоопределении человека. Этот кризис не проявлялся до тех пор, пока оставались относительно стабильными социальные страты, идентификации с которыми был вынужден достигать человек [3].

Развитие социологии на Западе во многом подготовило почву для исследований российских и белорусских ученых. В отечественной социологии феномен идентичности исследовался в рамках ролевой теории личности, ее активности, социально-психологических черт. Так, например, в работах советского периода Г.М. Андреевой, О.И. Зотовой, Н.Н. Обозова, А.В. Петровского, Л.И. Уманского, В. Шороховой, В.А. Ядова и др. понятие «идентичность» не употреблялось. Ученые подробно исследовали активность, развитие, деятельность, общение, направленность личности, которые формируются в процессе социализации. Однако понятие «социализация» шире понятия «идентификация». Суть социализации заключается в интериоризации определенных ценностей, норм, установок, знаний, стандартов поведения референтной группы и общества в целом. Значительно меньше исследована религиозная социализация и связанные с нею особенности становления и развития личности. Ряд отечественных авторов обращаются к понятию религиозной социализации в контексте изучения специфики межконфессиональных и этнорелигиозных отношений.

А.В. Мудриком выявлены и охарактеризованы социализирующие функции религиозных объединений [4]. В.Г. Безроговым исследованы границы термина «религиозная социализация», охарактеризованы особенности процессов религиозной социализации индивидов, выявлена специфика влияния религиозности на характер детско-родительских отношений [5]. В ряде работ охарактеризованы особенности социализации в православии, которую большинство исследователей отождествляют с процессом воцерковления (Л.П. Ипатова, Т.В. Склярова, В.Ф. Чеснокова и др.). Жизнь индивида, его мировоззрение приобретают религиозную окраску и соответствующее поведение в зависимости от доктринальных установок религиозной общности на существующую эмпирическую реальность и трансцендентное высшее бытие. Конфессиональная идентичность способствует формированию своеобразного психологического облика верующего с присущими только ему особенностями и характеристиками.

Известный русский педагог и психолог П.П. Блонский, изучая психологические особенности христианских верующих, выявил, что христианское воспитание и вероучение формируют у верующих присущие только им качества. Идентификационные качества христиан, согласно Блонскому, формируются в процессе целенаправленного воздействия (воспитания) на духовное развитие личности в целях подавления тех качеств индивида, которые с позиции христианского вероучения являются нежелательными и подлежат преобразованию [6]. В индивидуальном и коллективном сознании конфессиональная идентичность в общей иерархии идентичностей может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе гражданскую, семейную, этнонациональную и другие идентичности. По степени выраженности и интенсивности проявления выделяют следующие основные типы конфессиональной идентичности:

1) отсутствующая (нулевая);
2) латентная;
3) индифферентная;
4) слабовыраженная;
5) нормальная;
6) сильновыраженная;
7) фанатичная.

Базисный тип конфессиональной идентичности в своих конкретных признаках определяется с учетом особенностей каждой религии. Неотъемлемой составляющей конфессиональной идентичности является уровень религиозности верующих и отношение к религии в целом, что требует выявления различных аспектов влияния религиозно-нравственного фактора на жизнедеятельность людей. Поэтому социологически ориентированный взгляд на феномен конфессиональной идентичности предполагает не столько исследование сущности религии, сколько выявление основных компонентов понятия «религиозность». К их числу относятся:

- вера как основной признак религиозности;
- принадлежность к определенной конфессии;
- культовое поведение.

О соотношении религиозной веры и культовой практики индивидов в религиоведческой литературе написано немало. Исследователи размышляют, предшествует ли культовое (практическое) выражение религиозного опыта теоретическому познанию, или же, наоборот, культовое поведение опосредуется доктринальной спецификой и определяет формы поклонения сверхъестественным силам. Наиболее приемлемой, по нашему мнению, является та позиция, которая рассматривает теоретическое и практическое выражение религиозности как нечто тесно взаимодействующее друг с другом.

Изучение двух сфер религиозности – доктринальной и практической – предложил социолог-религиовед И.Г. Вах в качестве подготовки к анализу структуры третьей области – социологической [7]. Принцип систематического исследования основных форм религиозности является ключевым в методологических разработках социолога. И.Г. Вах рассматривал следующие формы выражения религиозного опыта:

1) теоретическое выражение – доктрина,
2) практическое выражение – культ,
2) социологическое выражение – община.

Данный исследовательско-методологический принцип важно использовать в эмпирических исследованиях конфессиональной идентичности.

Важным критерием принадлежности индивида к той или иной конфессии является его самооценка и самоидентификация. Вместе с тем поиск четких признаков и эмпирических индикаторов, позволяющих отнести респондента к той или иной типологической группе верующих, – важная часть исследования. Сбор социологической информации необходимо осуществлять при условии наличия двух основных признаков – религиозной веры и участия в культовой деятельности общины.

В эмпирическом исследовании феномена конфессиональной идентичности выборку важно дифференцировать не только на основании субъективной самооценки (верующий – сомневающийся – неверующий), но и на основе реальной включенности индивида в конкретную церковную структуру и религиозную практику. Идентичность верующих в этом случае – не конечный результат социологического исследования, а способ выявления процесса идентификации через изучение факторов, способствующих включению индивида в групповой процесс. Такой подход позволяет сформулировать гипотезу о том, что конфессиональная идентичность включает самоидентификацию субъекта, а также выполнение им определенных культовых предписаний и практик, которые предполагают преобразование внутреннего мира индивида в некую целостную систему в соответствии с доктринально-целевыми установками конкретного вероучения. Эти особенности предопределяет формирование конфессиональной идентичности верующих, их ценностные приоритеты и поведение в общинах.

Литература:

1. Кули, Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок : пер. с англ. / Ч.Х. Кули. – М. : Идея-пресс : Дом интеллект. кн., 2000. – 309 с.

2. Гидденс, Э.Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М., 2004. – 116 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; под ред. В.Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. М. : Логос, 2005. 390 с.
4. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. – М. : МПСИ, 2009. – 563 с.
5. Безрогов В.Г. Социальное пространство личности. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/4-02/206.html
6. Блонский, П.П. Основы педагогики / П.П. Блонский. – М. : Работник просвещения, 1925. – 209 с.
7. Wach, J. Sociology of religion / J. Wach. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1944. – 412 p.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Шкурова Е.В.
к.с.н., старший преподаватель кафедры социологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Сложная система конфессиональных отношений в Республике Беларусь, представленная многообразием социальных отношений, обусловливает в том числе и специфику государственного регулирования религиозного поля, опосредующего особенности государственно-конфессиональных отношений. Конституционно закрепленный принцип равенства религий перед законом обеспечивает возможность самостоятельного определения отношения к религии, и при этом предполагает проведение государственной политики, которая учитывала бы интересы всех конфессий и позволяла наладить конструктивный диалог между представителями различных религиозных образований. Реализация цели государственной политики, направленной на обеспечение стабильности конфессиональных отношений религиозных процессов, предполагает управление религиозными процессами с учетом прав большинства, но и соблюдением интересов меньшинства.

Государственная политика, в том числе и в делах религий, ориентируется на стабилизацию общественных отношений, обеспечение условий для свободного участия граждан в делах государства, создание бесконфликтных условий функционирования религиозных организаций. В области государственно-конфессиональных отношений реализация данных целей обеспечивается защитой конституционных прав на свободу совести и вероисповедания. Правовые нормы, обеспечивающие возможность сбалансированных взаимоотношений государства и религиозных организаций, закрепляются в Законе Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в ред. Законов Республики Беларусь от 31.10.2002 N 137-З, от 21.07.2008 N 416-З, от 04.01.2010 N 109-З). Созданное в Беларуси правовое поле ориентировано на создание условий для удовлетворения религиозных потребностей граждан, создания и развития религиозных учреждений и институтов.

Современная религиозная ситуация характеризуется значительной численностью и разнообразием религиозных организаций, что определяет специфику религиозной активности, связанной с активным включением религиозных организаций в различные сферы социальной и культурной жизни общества, социальную, предпринимательскую, миссионерскую и пр. деятельность, контакты с зарубежными конфессиями и религиозными организациями. Религиозные организации в значительной степени влияют и на процессы в сфере образования, культуры, средства массовой информации. Кроме того, происходит политизация деятельности отдельных религиозных организаций, законодательное требование неучастия религиозных организаций в деятельности политических партий и других общественных объединений, преследующих политические

цели, преодолевается опосредованным участием, создаются конфессионально ориентированные партии и общественно-политические движения.

Специфику современной религиозной ситуации определяет также и то, что секуляризированное сознание современного человека имеет достаточно ограниченные представления о религии, знания о которой не всегда адекватны ее реальной сущности. При этом существующее конфессиональное разнообразие обеспечивает определенную степень свободы индивида от религиозных легитимаций. Этот процесс находит отражение и в поведении религиозных субъектов. Так, анализ религиозного поля в современной Великобритании показал, что частота посещений церкви незначительно влияет на поведение людей. В этой связи некоторые зарубежные исследователи (Л. Джил, Г. Дави) предлагают рассматривать религиозное поведение (посещение церквей) не как зависимую, а как независимую переменную на микроуровне. Тогда показателями религиозной активности становятся волюнтаристская деятельность, связанная с бесплатными консультациями, посещениями тюрем, благотворительностью [2]. Эти тенденции характерны и для постсоветского пространства, в том числе Беларуси. Это определяет особенности религиозного поведения, которое характеризуется определенным сдвигом в плане отстранения людей от традиционной церкви и осуществления религиозной практики нетрадиционными, индивидуализированными и институционально обособленными способами. Ряд ученых (Даниэль Хэрвью-Лежер, Грэйс Дави, Пауль Цуленер) называют данный процесс «децерквификацией» [1], а Х. Казанова, перефразируя Г. Дави, описывает эти тенденции как «принадлежность без веры».

Кроме того, многоплановость религиозного пространства республики обусловила необходимость соотношения интересов различных конфессий, которая лежит в основе межконфессиональных взаимодействий как совокупности интегрированных социальных действий, связанных с реализацией права на свободу совести. Социальная активность религиозных субъектов в системе конфессиональных взаимодействий также характеризуется отношением к религии у современного человека. Определяя свое отношение к религии, индивид чаще всего имеет в виду образ определенной конфессиональной культуры. В первую очередь это относится к конфессиям, которые наиболее знакомы (как правило, в силу своей традиционности), и поэтому ассоциируются с понятием «религия». Причем знакомство с конфессиями характеризует не глубину знаний о них, а скорее ситуацию, когда символы определенной религиозной культуры достаточно стереотипизированы в контексте повседневного мышления людей. И поскольку, как правило, сущность конкретной религии остается неизвестной, суждение о ней осуществляется по внешним признакам и отдельным элементам, которые произвольно выделяются из общего контекста культуры религиозной и включаются и переосмысливаются в контексте культуры светской.

Процессы активного включения религиозных организаций в социальные, культурные, политические, образовательные отношения требуют обеспечения баланса религиозного и светского компонентов в системе общественных взаимодействий и в духовной сфере человеческой жизни. Взаимодействие светского и религиозного миропонимания и образа жизни – процесс, предполагающий взаимодействие и диалог разных культур. Современное общество функционирует в поле светской культуры и ориентировано на реализацию светских ценностей и норм взаимодействия. В значительной мере восприятие религии современным человеком происходит через призму светского мировоззрения. Однако доминанта светской культуры не предполагает социальной изоляции религии, поскольку следствием последней является культурная дезадаптация общества. Именно религиозная культура составляет основу мировосприятия и непосредственно влияет на образ жизни и образ мысли человека. Поэтому система отношений субъектов в поле современной культуры необходимо предполагает их построение на основе закономерностей светско-религиозного и религиозно-светского взаимодействия.

Особенности конфессиональной ситуации, национальная специфика государства определяют и характеристики форм взаимодействия государственных и конфессиональных институтов. Сбалансированное сочетание в системе культуры светского и религиозного компонентов в первую очередь обеспечивается такой формой как диалог и сотрудничество, которые предполагают позитивное взаимодействие и обмен культурными ценностями. В ходе реализации данной формы отношений обеспечивается учет совместных интересов, конструктивное сотрудничество, содействие друг другу ради достижения совместных целей. Данная форма отношений позволяет религиозным организациям занимать активную гражданскую позицию, участвовать в общественной деятельности, взаимодействовать с государством на основе соблюдения норм законодательства, уважения прав и законных интересов представителей других религиозных групп.

Наибольшую активность во взаимодействии с государством, которое приобретает все более организованные формы, проявляют преимущественно традиционные для Республики Беларусь конфессии. В настоящее время действует «Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью», определившее приоритетные направления сотрудничества государства и Церкви в сфере общественной нравственности, воспитания и образования, культуры и творческой деятельности, охраны, восстановления и развития исторического и культурного наследия, здравоохранения, социального обеспечения, благотворительности, поддержки института семьи и др. Заключен ряд соглашений с министерствами и ведомствами республики. Создан Консультативный межконфессиональный совет при Уполномоченном по делам религий и национальностей, в состав которого входят представители религиозных организаций, в частности Православной и Католической церквей. Действует Общественный совет по нравственности, учредителями которого являются Белорусская Православная Церковь и Союз писателей Беларуси и в который входят представители Православной, Католической церквей, а также деятели культуры, науки, искусства. Основными направлениями сотрудничества являются поддержание традиций веротерпимости и толерантности, межконфессионального диалога между представителями различных конфессий и религиозных направлений; содействие созданию надлежащих условий для реализации прав граждан на свободу совести и вероисповедания, содействие духовному оздоровлению нации, утверждению в белорусском обществе нравственных принципов, культурная, образовательная, воспитательная и т.д. деятельность.

Сложность конфессиональных отношений, связанная с тем, что любая религиозная организация ориентирована на привлечение максимального количества адептов, и именно в этой области сталкиваются интересы различных конфессий, обусловливает и иные формы взаимодействия государственных и конфессиональных институтов.

Несмотря на законодательно установленный запрет деятельности религиозных организаций, направленной против суверенитета государства, конституционного строя и гражданского согласия, связанной с нарушением прав и свобод граждан, наносящей вред общественному здоровью и нравственности, активность некоторых конфессий характеризуется наличием противоправных элементов. В этом случае религиозная организация, не желающая афишировать свою активность, занимает позицию изоляции в системе государственно-конфессиональных отношений. Данная позиция предполагает замыкание конфессий в рамках своих вероучительных практик, отсутствие контактов между ними и другими социальными институтами. Организация конфессиональных отношений по принципу изоляции может иметь негативные последствия, с одной стороны, для религиозных организаций, поскольку происходит их выпадение из социальной системы, с другой стороны, для социума, поскольку в деятельности конфессий, придерживающихся подобной стратегии, зачастую содержатся элементы, противоречащие нормам законодательства и общественного порядка.

Наиболее сложной формой взаимодействия государственных и светских институтов является конфликт. Существование религиозных противоречий в Республике Беларусь обусловлено преимущественно деятельностью самих конфессий на межобщинном и на институциональном уровнях, либо спецификой развития государственно-конфессиональных отношений. Сложности в развитии конфессиональных отношений часто связаны с многоконфессиональностью религиозного пространства и деятельностью религиозных организаций, ориентированной на расширение своего влияния и привлечение новых членов. Склонность к абсолютизации канонов и догм конкретной конфессии может порождать противопоставление «своей» религии всем остальным, стремление к доминирующей позиции в системе массовой информации, внедрению религиозной идеологии в другие сферы культуры и, как результат, столкновение интересов религиозных организаций. Многие конфессии, особенно традиционные, активно включаются в образовательную, воспитательную, культурную деятельность, активно взаимодействуют с государственными структурами, вследствие чего указывается на «особые» отношения государства с отдельными религиями. Имеет место деятельность религиозных организаций, направленная на разжигание межрелигиозной розни, результатом которой является эскалация конфликтов и обострение отношений между религиозными организациями. Проблемы, обусловленные особенностями развития государственно-конфессиональных отношений, связаны с несовершенством действующего законодательства, недочетами в разработке и проведении единой государственной политики в делах религий. Разногласия между субъектами государственных и религиозных институтов возникают, в том числе, по поводу дефицита культовых помещений, непредставления разрешения на религиозную деятельность, государственной экспертизы деятельности религиозных организаций.

Социальная мобильность, растущее число религиозных выборов и конфессиональное многообразие в современном обществе ставят задачу разработки системы управления этим многообразием, ориентирующегося на перспективу, имеющего комплексный характер, базирующегося на научной основе и обеспечивающего реализацию принципов свободы совести в условиях поликонфессиональной культуры Беларуси.

Литература:

1. Berger, P. Reflections on the Sociology of Religion today. The 2000 Paul Hanly Furfey Lecture / P. Berger // Sociology of Religion. – Winter 2001.
2. Casanova, J. Religion, the new millennium, and globalization / J. Casanova // Sociology of Religion. – Winter 2001.

СОЦИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Мисюкевич А.В.
магистр, аспирант Института социологии НАН Беларуси, лаборант кафедры социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Религия воздействует на сознание и поведение людей и тем самым выполняет определенные функции в обществе. Это такие социальные и религиозно-культурные функций Церкви как: ценностно-ориентационная, мировоззренческая, интегрирующая (объединяющая), сакрально-мистическая, регулятивная, коммуникативная, милосердная, иллюзорно-компенсаторная, культуротворческая (культуротранслирующая), воспитательная, социально-политическаяи морально-этическая функции.

Одной из важных социальных функций церкви является ***мировоззренческая.*** Претендуя на объяснение природы, общества и человека, религия фантастически, иллюзорно отражает реальный мир и тем самым вырабатывает ложное представление о нем. Свое мировоззрение она навязывает верующим и тем самым влияет на отношение людей к природе и обществу, мешает людям проявлять социальную активность. И хотя с развитием науки религиозная картина мира тоже изменяется, но от этого она не становится научной. Религия включает миропонимание (объяснение мира в целом и отдельных явлений и процессов в нем), миросозерцание (отражение мира в ощущении и восприятии), мирочувствование (эмоциональное принятие или отвержение), мироотношение (оценку).

"Мировоззренческая" функция имеет основной целью возвышение авторитета религиозной идеологии в обществе, обращение в религиозную веру инакомыслящих. Взгляды свободомыслящих и атеистов при этом осуждаются. С помощью пропаганды церковь убеждает верующих и колеблющихся в вере в том, что религия - единственно верное и достойное уважения мировоззрение, школа жизни. Рассматриваемая функция реализуется на трех направлениях: религиозно-пропагандистском, информационном и учебно-воспитательном.

Ценностно-ориентационная функция церкви проявляется в том, что она предлагает своим членам объяснение смысла и догматов веры, стремится сформировать у них определенную систему верований, уважение и благоговение к святыням, позитивное отношение к религиозным ценностям и нормам. Это осуществляется в процессе, как культовых действий, так и в различных формах религиозного просвещения.

Группируя людей по вероисповедальному признаку, церковь образует так называемые религиозные общности, и выполняет ***интегрирующую функцию***. Между приверженцами одного и того же религиозного направления устанавливаются определенные связи и отношения.

Сакрально-мистическая функция характеризует те виды деятельности церкви, которые объясняются мистическими, т.е. сверхъестественными причинами. Церковь помогает в формировании у своих членов системы ценностей, ориентированных на цели, не объяснимые окончательно в рациональных категориях. Речь идет о формировании сакрально-мистического отношения к некоторым вещам и событиям как к ценностям, имеющим значение, наделенного божественной благодатью, а также признание того, что некоторые явления, обладая мистической силой, иррациональной природой, имеют небожественный источник своего происхождения.

Существенной является и ***регулятивная функция***. Религия, как и любая форма общественного сознания, вырабатывает определенную систему норм и ценностей. Поскольку высшей ценностью в религии признается связь человека с богом, постольку вся система религиозных норм направлена на закрепление веры в истинность данного положения, на подчинение богу. Регулятивная функция проявляется в том, что церковь культивирует среди своих членов поведение, соответствующие религиозным нормам. Это осуществляется в процессе коллективных культовых действий и всей жизнедеятельности религиозной организации, а также через различные формы контроля за соответствием жизни верующих религиозным нормам.

Коммуникативная функция реализуется в создании условий для общения верующих, в определенных его организации, а также культивировании норм общения, соответствующих догматам и вероучительным принципам конкретной религии. Религиозное сознание предписывает два плана общения: верующих друг с другом; верующих с Богом.

Милосердная функция реализуется в многообразных сферах и формах деятельности милосердия и благотворительности как в рамках самой организации, так и за ее пределами, благодаря чему члены религиозной организации приобретают специфический опыт.

Иллюзорно-компенсаторная (утешительная) функция проявляется в гармонизации духовного мира верующих, в помощи им в сознании проблем и в духовной защите от мирских потрясений и неприятностей. Религия иллюзорно восполняет человеку действительность, а также недостающие стороны познания, практики, общения. Суть подобного восполнения состоит в том, что оно осуществляется не в действительности, не в реальной жизни, а в воображении верующих. Религия обещает людям дать то, чего они страстно желают, в чем они остро нуждаются, но достигнуть своими силами не могут. К примеру, человек не хочет умирать, боится смерти, жаждет бессмертия. Религия, учитывая это, обещает вечную жизнь, вечное блаженство. Эта функция несомненно полезна верующим, так как временно снимает психологическую напряженность и успокаивает. Но реального улучшения их положения не происходит, ибо для этого нужны средства, лежащие за пределами религии.

Компенсаторная функция церкви имеет и социально-политический смысл, поскольку нередко служит интересам правящих классов, отвлекает людей от акций социального протеста, как бы примиряет верующих с их классовыми противниками. Тем более, что в Священном писании прокламируются такие духовные качества как терпение, смирение, страдание, покорность судьбе, как бы она ни была тяжела. О социальном значении компенсаторной функции еще в XVIII в. писал французский философ П.С. Марешаль. Ему, а не Марксу, принадлежит определение религии как наркотика, опиума, ослабляющего волю и усыпляющего разум верующего.

Целью ***культуротворческой (культуротранслирующая) функции*** является сохранение и преумножение религиозных ценностей, передача из поколения в поколение накопленного опыта по созданию и развитию религиозной литературы, искусства, музыки.

Воспитательная функция предполагает религиозное воспитание человека, в процессе которого верующим индивидам и группам целенаправленно и планомерно внушаются мировоззрение, мироощущение, нормы отношений и поведения, соответствующие вероучительным принципам определенной конфессии (вероисповедания).

Объем и эффективность ***социально-политической функции***церкви зависят не только от ее социальной активности, но, главным образом, от отношения к ней со стороны государства. Социально-политическая функция осуществляется церковью: в разработке и совершенствовании своей социальной доктрины с учетом изменяющихся условий; в выступлениях патриархии в печати с обращениями к народу и президенту по актуальным проблемам внутренней и внешней политики государства, в политических наставлениях патриарха при вступлении президента на свой пост; в активном участии патриархии в делах государства.

Церковь неизменно отождествляет *религиозную мораль* с общечеловеческой и отвергает значимость нерелигиозных форм морали. Но, тем не менее, религиозная мораль выполняет прогрессивную роль в обществе вследствие влияния на верующих. "Вернуть людям терпимость, развеять вражду и рознь между людьми, приобщить их к общечеловеческим ценностям, развивать нравственные основы личности". Так определяет моральную функцию церкви Патриарх Алексий II. Но как ни велик вклад церкви, она не может претендовать на монополию в нравственной сфере в качестве основного источника и единственного носителя моральных идеалов общества, их родоначальника. Доброта и человечность, честность и бескорыстие, духовность и милосердие – эти и другие общечеловеческие моральные нормы возникали и складывались не только в религиозной сфере, но и в глубинах народной мудрости, в массовом сознании на протяжении тысячелетий. Заслуга церкви заключается в том, что она обобщила общечеловеческие моральные нормы и способствовала их закреплению в сознании людей. "Религия – писал Г. Плеханов, – не создает нравственности. Она только освящает ее правила", облекая их в религиозную форму.

Религиозная мораль утверждает, что высокий моральный облик присущ только верующим. Однако вера в Бога никогда не являлась гарантией высоких моральных качеств, преградой для преступлений, творившихся под эгидой церкви. Достаточно вспомнить инквизицию, физически уничтожившую 8 млн. человек. "Безнравственность, – отмечал 3. Фрейд, – во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность". И ныне честные и порядочные люди, как и преступники и аморальные личности, обнаруживаются среди атеистов и верующих.

Было бы наивно думать, что страх преступника перед мифической небесной карой сильнее страха перед реальной силой закона на Земле, ибо "виселицу он видит перед собой, а ада он не видит", – писал У. Дакоста. И нисколько не устарели слова верующего ученого В.И. Вернадского: "Я не смотрю на народ как на зверя с дурными инстинктами... удерживает от дурных поступков религия – это положение никогда не было проверено и исходит из обобщений, которые приняты быть не могут". Кроме того, какие бы преступления человек ни совершал, церковь готова отпустить грехи. К тому же, нормы общечеловеческой морали признаются обоими мировоззрениями. Но есть и принципиальные различия. Религия "пропустила" общечеловеческую мораль через призму своей идеологии, воспринимая ее как взаимосвязь с "божественной волей". Следует также учитывать, что религиозная мораль не исчерпывается общечеловеческими нормами. Немало моральных норм, которые исконно присущи только религии, обосновано в религиозной традиции и в разных вариантах вошло в вероисповедания.

Ведущее место в религиозной морали занимает пренебрежение к земной жизни во имя вечной загробной. Как сказано в "Экклезиасте", земная жизнь есть не что иное, как "суета сует и всяческая суета и томление духа". И хотя церковь нередко замалчивает или по-иному истолковывает основные положения религии, религиозных книг уже не переделать. И сама церковь признает их неопровержимыми. Современные церковные авторы подтверждают, что "не земля, но небо – истинное наше отечество", "на небе наша вечная жизнь, наш покой и блаженство".

Кроме рассмотренных функций, церковь как организация и один из элементов религиозного комплекса нередко выполняет и нерелигиозные функции, принимает участие в устроении всех областей человеческой жизни. Основными направлениями БПЦ являются: сфера образования, охрана и восстановление культурного наследия страны, сотрудничество БПЦ с МВД и Вооруженными силами РБ, труды БПЦ по профилактике правонарушений, здравоохранение, светские и церковные СМИ, экология, поддержка института семьи и материнства, противодействие деятельности псевдорелигиозных структур представляющих опасность для общества.

Церковь исполняет миссию спасения рода человеческого не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Сегодня БПЦ на новом уровне включается в процесс социального служения обществу: она содействует государству в патриотическом воспитании молодежи, оказывает попечение социально незащищенным, творит дела милосердия и благотворительности. Православная церковь также проявляет попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы, помогает государству в моральном восстановлении осужденных, способствуя обновлению их душевного состояния и отвращению их от преступного образа жизни.

14 марта 2006 г. Определением Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси образован Социальный отдел БПЦ, руководителем которого был назначен иерей О. Шульгин. Основной партнер Социального отдела – приход «Всех скорбящих Радость». Второй партнер – Межконфессиональная миссия «Христианское социальное служение». Важнейшим направлением деятельности Социального отдела является сотрудничество с Союзом сестричеств милосердия Белорусского Экзархата. Перед БПЦ в сфере социального служения стоит задача развития контактов с общественными организациями, учебными заведениями и

предпринимателями. Это направление сотрудничества координируется Департаментом внешних связей Белорусского Экзархата.

Литература:
1. Беларусь: государство, религия, общество: материалы Международной научно-практической конференции, Минск-Жировичи, 7 июня 2007 г. / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории, Минская духовная академия им. Святителя Кирилла Туровского; редкол.: В. Антоник (протоирей) [и др.]. – Минск: Белорусская наука, 2008. -375 с. и 178 с.
2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 3 т. М.. 1957. Т. 3. С. 362.
3. Радугин А.А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций. М.: Центр, 1999. 240 с.
4. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. - М., 1985. – 89 с.
5. Яблоков И. Социология религии. - М, 1979. – 127 с.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЖУРНАЛИСТОВ

Русецкая В.И.
д.с.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Заимствованное у западной журналистики стремление преподать все новости совершенно «объективно», то есть без определения своего к ним отношения, породило глобальное отсутствие того, что называется нравственным чувством, как у отдельной личности, так и в социуме. Привлекательное во все времена общество всеобщей лояльности, основывающееся на принципах разумности, идеях просвещения, интегративной функции культуры, существующее, по мнению идеологов западной демократии в Европе и Америке, должно служить образцом для всех менее просвещенных народов. Однако, о каком разумном, прогрессивном развитии мира может идти речь, когда одновременно с сыплющимися бомбами на арабском Востоке в СМИ обсуждается предстоящая свадьба в королевской семье Великобритании. Нельзя уповать только на церковь в вопросах морали. Государство обязано заботиться о нравственности граждан и стремиться оградить их от так называемых «объективных» новостей, или, по крайней мере, давать им оценку. Ведь более 70% населения Беларуси доверяет информации ТВ, более 60% доверяют информации журналов и газет, более 40% – информации, размещаемой в Интернете. Необходимо прямо говорить, что во всей этой информации, демонстрируемой западными «объективными» СМИ, двойная мораль. И что бесконечные рассуждения о том, соблазнил ли очередной публичный человек очередную горничную, особенно на фоне безжалостных бомбежек НАТО очередной арабской нефтяной страны, не просто безнравственны. Они обнажают суть того продажного мира, который почему-то сейчас называют образцом демократии. Да, как точно выразился один из белорусских политических комментаторов, не всякую страну можно разбомбить до демократии. Правильно делают те, кто вообще не смотрит телевизор, не читает газет, не сидит в Интернете, но таких, пожалуй, немного найдется в современном мире.

В современной социологии, особенно в таком ее разделе как социология средств массовой коммуникации появились исследования, позволяющие не только анализировать реальное содержание и форму сообщений СМИ, но и выявлять их неявный, латентный смысл. Современные независимые СМИ являются не только информационной «Меккой», но и центром взаимодействия политических субъектов, они как никогда ангажированы создавать некую правдоподобную реальность, в действительности весьма далекую от истинного положения дел. В сфере действия законов рыночной экономики, «СМИ утрачивают экономическую самостоятельность, переходя в фактическую собственность тех или иных социальных и экономических групп. Это делает их невосприимчивыми к

интересам общества в целом, ориентирует на модель сверхоперативной подачи информации. Следствием этого становится неспособность СМИ учитывать социальные последствия распространяемой информации, и возможность легкого превращения СМИ из института гарантии свободы слова в инструмент политического влияния террористов» [1, с. 7]. Невосприимчивость к интересам общества – вот основной способ существования современных, экономически зависимых СМИ, а вовсе не служение этому обществу. Появилась целая индустрия использования СМИ для искажения подаваемого материала с помощью неупоминания о важных событиях, или неточности в их подаче, смещении акцентов, замалчивании каких-то важных деталей. Современные «независимые» масс-медиа всегда рады скандалам – последние поднимают их рейтинги, а значит в борьбе за внимание зрителя, читателя и слушателя все средства хороши. СМИ формируют медиаландшафт, и таким образом более чем все другие средства оказывают влияние на процесс социализации личности. Репрезентация в СМИ таких глобально значимых в социуме условий существования как богатство – бедность, безопасность – опасность существования, здоровье – нездоровье, ценности семьи – самые популярные темы современных масс-медиа. Богатство, демонстрируемое на телеэкранах, в глянцевых журналах, отношение к богатству, деньгам, которые стали играть очень значительную роль в жизни людей, не связывается в сознании индивида с трудом, зачастую очень тяжелым, наоборот, в СМИ тиражируются способы быстрого и легкого обогащения. Появился слой очень богатых людей, получивших свой первоначальный капитал не тяжким трудом, а на развалинах империи прибравших к рукам бывшую народную, но вдруг ставшую ничьей собственность. В эпоху перестройки, в постсоветском медиаландшафте обозначились существенные изменения, вызванные стремлением современных медиа служить интересам свободы и демократии. Это стремление было весьма похвально, но очень скоро стало зависеть от экономических рычагов владельцев СМИ. Поэтому на многих телеканалах, во многих публикациях под влиянием тех или иных политиков или владельцев СМИ, бизнесменов стали появляться тенденциозные, заказные, необъективные публикации, телепередачи. Поначалу принимаемые законы о СМИ содержали главное перестроечное требование – уничтожение цензуры. Требования о независимости редакционных коллегий, журналистских коллективов, право на создание независимых СМИ – требования вполне прогрессивные – в итоге воплотились в худший вариант корпораций со своей корпоративной, циничной моралью, зависимой от владельцев медиасобственности. В последнее время стало практиковаться как появление заказных материалов, так и стремление получить деньги с клиента за неразмещение на него компромата в СМИ. Современное состояние постсоветских СМИ оценивается иностранными службами наблюдателей за свободой слова в постсоветских государствах весьма невысоко. Рейтинги, составляемые указанными наблюдателями, невысоко оценивают свободу слова и демократию в российских, а тем более в белорусских СМИ. Однако эти лукавые рейтинги не отражают одного из главных показателей современных западных СМИ – успехов в манипулировании общественным мнением. По этому показателю СМИ так называемых демократических стран далеко опередили все постсоветские государства, не принимая в расчет такие непопулярные нынче понятия как морально – этические нормы, порядочность, благородство. Это понятно, поскольку стремление сверхоперативно подать информацию, выхватить горячие факты, способные оглушить читателя и зрителя и заработать на этом хорошие деньги, появление заказных материалов давно стало нормой, специфическим бизнесом, в котором нет места соображениям этического порядка.

Литература:

1. Семенова, А.В., Корсунская, М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения, М., 2010.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Червинский А.С.
к.ф.н., старший научный сотрудник отдела философии науки, техники и информационных процессов Института философии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Особенностью современного этапа развития белорусского общества является социальная консолидация на базе повышенного внимания к экологическим реалиям своего времени, дополненная стремлением реализовывать жизненные целевые установки в соответствии пониманием экологической ситуации в республике. Своеобразная «сопереживательная» компонента, типичная для восприятия социо-экологической ситуации в мировоззрении белорусов актуализирует необходимость формированию гражданской позиции, определяющей характер личного участия в процессе техногенного воздействии на природную среду обитания, поэтому экологическая грамотность, выражающаяся в разработке, обосновании, а главное практическом внедрении оптимальных методов воздействия на природную среду, может служить показателем социальной зрелости. В перспективе экологическая грамотность должна стать составным элементом общей грамотности труда и найти свое реальное отражение в системе критериев социально-экономической оценки производственных результатов как каждого трудового коллектива, так и индивида. Определяющим оценочным показателем в этом плане может служить способность специалиста – производственника самостоятельно принимать решения по разработке, обоснованию, а главное практическому внедрении оптимальных методов природопользования, минимизирующих негативные последствия техногенного воздействия на природную среду. Формирование эколого-нравственной позиции специалиста, проявляющейся в его практическом отношении к природной среде, требует создании определенной эмоциональной атмосферы как в белорусском обществе в целом, так и конкретно в образовательной сфере, что в свою очередь предполагает непосредственное адресное обучение. В этом плане чрезвычайно эффективным представляется введение для специалиста-производственника определенного экзамена по экологии, по образцу кандидатского экзамена для научного работника. Программа такого экзамена должна оптимально сочетать информацию о глобальном уровне социоприродного противостояния с «местным материалом», отражающим региональные аспекты экологической ситуации. При этом экзаменуемый помимо общей эрудиции должен продемонстрировать информированность о характере воздействия на качество окружающей среды вверенных его руководству объектов промышленного, сельскохозяйственного, военного и т.д. назначения. Важным также является знание специалистом рекреационных возможностей различных биокомплексов, расположенных на подведомственных ему территориях. Особую значимость выполнение этого условия имеет в экологически экстремальных регионах, где проблема реабилитации качества окружающей среды приобретает характер, как минимум неусугубления последствий аварии неграмотным техногенным вмешательством в структуру природных комплексов. В совокупности окружающих человека природных комплексов следует выделить наиболее значимые как в хозяйственном отношении экосистемы, так и комплексы, существенно важные для поддержания нормальных условий жизнедеятельности человека в его биологическом выражении. Основным критерием такого разделения может служить показатель опосредованности социоприродных связей. Так, например, техногенное загрязнение лесного биотопа, представляющего хозяйственную, экономическую и, возможно, даже эстетическую ценность для человека, не может сравняться по своим социальным последствиям с негативным техногенным воздействием на аквакомплекс, являющийся источником водоснабжения мегаполиса. Поэтому дифференцированный подход к анализу процесса промышленного природопользования, предполагающий

избирательность в выборе основных параметров хозяйственного использования природных ресурсов в качестве сырьевых источников, является условием экологически грамотного и, одновременно, социально эффективного руководства предприятием. Такой подход тем более правомерен, что современный производственный процесс необходимо предполагает антропогенное воздействие на природную среду обитания, и выбор приоритетов в социоприродном взаимодействии значительно ограничен рамками хозяйственной целесообразности. Исходным моментом понимания ситуации является признание двойственной сущности не только субъекта социоприродного взаимодействия человека, но и самого объекта, т.е. окружающих природных компонентов. Вопрос о двойственности природного окружения во многом выходит за рамки традиционной в науке ситуации с признанием или непризнанием функциональной многокачественности сложно-организованных объектов и пока не имеет в литературе проблемного статуса. Если в отношении человека проблема биосоциальной двойственности является устоявшимся предметом теоретико-методологической интерпретации, и в настоящее время представляет собой предмет естественно-научного, в основном медико-биологического интереса, то двойственность самого объекта, т.е. структурно-функциональная полиаспектность экосистем, окружающих человека в процессе его жизнедеятельности, основана на представлении о приоритетности социальных интересов. В соответствии с таким представлением изменение окружающей человека природной среды осуществляется в форме промышленного потребления биосферы, путем техногенной экспансии на среду обитания. Создание экологически ориентированной моральной атмосферы в обществе должно основываться не на абстрактных представлениях о «среднестатистическом» человеке, нарушителе природной гармонии, а на глубоком понимании особенностей воздействия на окружающую среду того предприятия, членом которого он является. Такое понимание способствует осознанию собственной роли во взаимодействия общества и природы, что и составляет искомый вариант формирования экологической грамотности.

Реальному достижению этой задачи должно способствовать осуществление следующих мер: усиление эколого-просветительской работы с привлечением «местного» материала; разумное сочетание пропагандистской работы с активным административным регулированием производственного воздействия на окружающую среду; включение в оценку результатов производственной деятельности «экологической» компоненты, отражающей уровень социально-экологической грамотности будущего специалиста.

Внедрение критериев экологической грамотности в оценку социо-экономической эффективности устойчивого развития в Республике Беларусь представляется наглядным показателем ее практической состоятельности и одновременно, существенным фактором обеспечения консолидации современного белорусского общества.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ КАК МАРКЕТИНГОВЫЙ ПРОДУКТ

Калашникова А.В.
доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Беларусь)
Жидович В.Е.
студент факультета культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Беларусь)

В октябре 2011 года впервые в Республике Беларусь состоялось вручение Национальной театральной премии. На присуждении премий деятелям театра Министром культуры П.Латушко были озвучены конкретные цифры, которые касаются работы театров страны. В Беларуси сегодня действует 28 государственных и частных театров в

системе Министерства культуры республики. За год проходит 9012 показов, в том числе 5000 спектаклей демонстрируется на стационарных площадках. Ежегодно зрители посещают 130 премьер и каждый год отечественные театры осуществляют почти 30 гастрольных поездок. Цифры показывают, что *театральные спектакли* сегодня играют большую роль в целенаправленном формировании социально-культурного пространства республики, имиджевой культуры государства и организации досуга населения. А все эти факторы могут существенно *влиять на решение проблем консолидации белорусского общества.*

Изучение театральных спектаклей представлено в современной науке *комплексным подходом*. В *культурологии* спектакль сегодня рассматривается как одна из форм нематериального культурного наследия. В *прикладной культурологи* и *театроведении* театральность, театральный спектакль изучается как художественная структура и форма общения со зрителями (проблемы театра отражены в теоретических работах режиссеров П. Брука, Е. Гротовского, Н.Н. Евреинова, Вс.Э. Мейерхольда, К.С.Станиславского, А.Я. Таирова, Г.А.Товстоногова; театроведов А.Я. Альтшуллера, Ю.М. Барбоя, Л.И. Гительмана, Е.А. Калмановского и др.; белорусских театроведов А.В. Соболевского, Р.И. Смольского, Р.Л. Бузука и др.) С этих же позиций театральный спектакль рассматривается в исследованиях *философов* А. Банфи, Г.Д. Гачева, В.М. Дианової и др. Один из инновационных методов изучения спектакля в *искусствоведении* – это его анализ как способа театрализации музейно-выставочного и уличного пространства (генезис «пограничных жанров» - инсталляции и перформанса, раскрыт в исследованиях В. Березкина, Е. Деготь, И. Кабакова и белорусских исследователей В.П. Прокопцовой, Н.А. Агафоновой, С.Ю. Смульской и др.).

В начале 80-х гг. группа московских социологов во главе с Ю.У. Фохт-Бабушкиным и К.Б.Соколовым впервые осуществила всесоюзное исследование «Искусство в вашей жизни». Непрерывный *социологический мониторинг* театрального рынка России с 1992г. ведет отдел экономики искусства Государственного института искусствознания (он отражен в научных трудах В.С. Жидкова, Н.А. Хренова, Г.Г. Дадамяна и др.). В нашей республике крупномасштабное социологическое исследование, посвященное выявлению взаимодействия между театром и зрителем, изучению репертуарных и жанровых предпочтений аудитории и практиков театра, было проведено в начале 90-х гг. под руководством Р.И. Смольского силами отдела театра Института социологии НАН Беларуси. Материал впоследствии был прокомментирован в монографии Г.В. Юдчиц «Театральное пространство. Теория и практика» (2007). В её работе сравнительный анализ с современной ситуацией показал, что эмпирическое изучение театральной аудитории не теряет актуальности: изменения в социальной сфере провоцируют изменения в культурной жизни людей, и новые задачи потребуют новых научных решений.

Для дальнейшего использования и углубления социологического анализа театра ученые считают необходимым обратить особое внимание на *институциональный подход*. Как отмечает социолог О.С. Копалова, в диссертации «Театр и зритель: институциональные аспекты взаимодействия», данный подход дает возможность: охарактеризовать театр как социокультурный институт; рассмотреть театр (спектакль) не в качестве изолированного и самодостаточного феномена, а в его связи с обществом в целом и конкретными социальными институтами [1, с. 5].

Принципиально новым ракурсом в изучении социологами России системы «театр-спектакль-зритель» стал *экономический*: в анкетах появился маркетинговый блок, включающий в себя вопросы о каналах распространения информации, каналах приобретения билетов, доходах респондента.

В Беларуси, сегодня *театр как объект изучения социологии* рассматривается явно недостаточно (отдельные статьи), учитывая динамику социально-экономической ситуации и изменчивость театрального процесса. Современная театральная практика столь широка

и противоречива, что возникает необходимость уточнить, что под понятием «*спектакль*» подразумевается *широкий спектр театральных продуктов, которые существенно различаются по форме, месту проведения и предназначению*: создание «театрализованных» экспозиций и постановка спектаклей в музеях, замковых комплексах; аутентичность в разных ее проявлениях (воссоздание атмосферы времени театральными средствами - «средневековый город» в условиях реального замка); перфомансы и флеш-мобы в условиях городской среды; проекты «театра наций» в арт-кластерах (территориях искусств в мегаполисах); коммерческие спектакли, предназначенные для продажи на международных театральных ярмарках; имиджевые проекты для показа на фестивалях; совместные проекты-постановки как формы межкультурной коммуникации; спектакли-акции в поддержку деятельности некоммерческих организаций и др. Все эти явления в жизни мировой и белорусской культуры, включая конвергенцию театра и виртуальной реальности, сегодня значительно опережают их теоретическое осмысление в науке, а значит, требуют *новых типологий* и дефиниций жанров, а также *новых научных подходов* для обобщения практики.

Поэтому, опираясь на уточненное в диссертации И.А. Щепетковой «Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями» понятие «музейно-театральные спектакли» и их классификацию, учитывающую всю широту современной театральной практики, *спектакли можно сгруппировать в соответствии с тремя базовыми критериями*:

- место действия;
- степень «музейности»;
- место, которое спектакль занимает в структуре уличного (площадного) зрелища.

В соответствии с *первой типологией* спектакли делятся на поставленные:

-на профессионально-оснащенной сцене современных стационарных театров;

-на любой специально не оборудованной для театра сценической площадке в закрытом помещении (например, гастрольный показ в Доме культуры, молодежные постановки в реальных декорациях чердака дома и др.);

-на сцене старинных театров;

-на «открытом воздухе» (outdoor theater) (выездные спектакли на даче режиссера В. Анисенко, уличные проекты театра С. Иноземцева, вечера оперы в Мирском замке и др.);

-в залах музеев и музеев-заповедников.

В соответствии со *второй типологией* спектакли делятся на:

-аутентичные;

-с элементами реконструкции старинного зрелища;

-современные по своей стилистике и выразительным средствам.

В соответствии с *третьей типологией* – спектакли бывают:

-интегрированные в «ткань» разнообразного по форме зрелища;

-самостоятельные повторяемые акции родственные спектаклю репертуарного театра [2, с. 10].

Таким образом, современный спектакль, представляет собой сложную структуру, в которой сосуществует культурно-образовательная и художественная театрально-постановочная составляющие.

В настоящее время в сфере театрально-зрелищного искусства Беларуси уже сложилась определенная рыночная ситуация, когда предложение спектаклей, превышает спрос на них со стороны зрителей, в то же время, престиж сценического искусства пока снижается. Так как серьезную конкуренцию театральному искусству составляют новые виды зрелищных искусств, в основе которых лежит виртуальная реальность и интернет-услуги. Однако конкуренция должна побудить создателей спектаклей как любых других продуктов на современном рынке, использовать и искать новые технологии продвижения,

активнее изучать потребителя театральных услуг, совершенствовать театральный менеджмент

В постиндустриальном информационном обществе с его средствами массовой коммуникации, характер самостоятельной социальной силы приобрел маркетинг *как система экономической деятельности*. Маркетинг происходит от «marketing», что означает деятельность в сфере рынка сбыта. Многие зарубежные (Ф. Колбер, Д. Рубин) и российские исследователи (Г.Л. Тульчинский, С.Н. Андреев, Д.А. Донова) активно изучают специфику маркетинговой деятельности культурных продуктов и услуг. Как уже указывалось, под новым подходом к исследованию театральных спектаклей, в первую очередь, подразумевается, *маркетинговый подход*, который сегодня только начинает использовать, например, белорусская прикладная культурология. Он позволяет:

А) представить театральный спектакль как *продукт*, создание и реализация которого обусловлена *потребностями зрителей* и самих *участников процесса* театрализации, (например, «хепенинг» как временный сборный проект из всех желающих под руководством профессионалов).

Б) изучить спектакль не только как продукт, которому свойственны все характеристики товарного продукта *потребительские свойства* (жанр спектакля, целевая аудитория), *качество* (критерии профессионализма исполнителей и постановщиков), *цена* (себестоимость и добавочная стоимость (ценность), покрывающая затраты и учитывающая степень популярности театрального зрелища), но и рассмотреть его более широко, как *проектную деятельность*.

Проект − это разработка и осуществление ряда мероприятий, ограниченных во времени и направленных на достижение определенного результата. Проект как форма существования культуры подразумевает определенные экономические и организационные условия. *Театральный проект* состоит из двух частей: постановки спектакля и его проката. Образцом реализации театрального проекта может служить модель бродвейского спектакля. Для постановки спектакля формируется команда, состоящая из творческого, технического и организационного персонала. Обычно специально для реализации проекта создается и юридическое лицо. В рамках этой организации происходит поиск инвесторов, аренда репетиционной базы и сценической площадки, изготовление художественного оформления; проводятся рекламные PR – кампании и др. Особое место в реализации театрального проекта занимает его продвижение. *Продвижение* представляет собой комплекс мероприятий, направленных на увеличение спроса на театральный продукт и его популяризацию. Важными элементами продвижения являются PR-технологии и реклама.

Белорусские театральные проекты, коммерческой или некоммерческой направленности, в условиях перенасыщенности рынка культурных услуг (конкуренция со стороны кинотеатров, концертных и других культурно-досуговых учреждений) остро нуждаются в продвижении, т.е. в различных каналах распространения информации о театральном спектакле и сбыте театрального продукта (продажа билетов в интернете; гастроли, показы на фестивалях и др.).

Основными *принципами продвижения театрального продукта* является:

- Узнавание и напоминание
- Адресность и дифференцированность
- Интерактивность
- Масштаб коммуникации

Маркетинг, как всякая система, имеет свои направления, методы и задачи реализации. *Комплекс маркетинга* в его каноническом виде («*4P*») включает 4 составляющих, и с учетом специфики театрального продукта представляет собой следующее: 1. product (товар) – это *набор «спектакль и сопутствующие услуги»* (например, программки), которые театр (антерприза, музей, где происходят театральные проекты и др.) предлагает целевому рынку; 2. price (цена) – денежная сумма, которую

потребители должны уплатить для посещения спектакля или спонсорские средства для обеспечения постановки и реализации спектакля; 3. place (место продажи или канал сбыта) – всевозможная деятельность, благодаря которой спектакль становится доступным для целевых потребителей (кассы, открытые и закрытые сценические площадки, запись на телевидении и других носителях видеоинформации с целью тиражирования, трансляции, размещение информации в интернете и др.); 4. promotion (продвижение) всевозможная деятельность театральных организаций или арт-менеджеров по распространению сведений о достоинствах своего спектакля и убеждению (реклама, информационная поддержка СМИ) потенциальных зрителей покупать билеты [3, с. 58].

В принципе, этот комплекс вполне приемлем для театральной сферы. Именно эти 4 элемента могут полностью контролироваться маркетологом организации (отделом, службой маркетинга в театральном учреждении). Кроме того, считается, что порядок следования элементов комплекса маркетинга четко показывает последовательность реализации основных *маркетинговых функций*: формирование товарного ассортимента, изучение спроса, регулирование цен, стимулирование продаж.

При всем многообразии форм театральных организаций (стационарные и передвижные театры, временные коллективы для постановки театральных проектов), главной составляющей процесса производства театральных продуктов являются театрально-зрелищные учреждения, которые имеют *внешнюю* и *внутреннюю среду* организации. *Особенностью* комплекса маркетинга театрально-зрелищной организации является обязательное присутствие и участие потребителей. Поэтому, используется также и концепция «*4 С*», в которой основной упор делается не столько на продукт и его производство, сколько на самого потребителя и получаемые им выгоды. Этот инструментарий классифицируется по четырем основным направлениям:

Запросы и нужды потребителей (Customer needs and wants).

- продукт (услуга), его характеристики и преимущества;
- бренд и его ценность;
- жизненный цикл продукта (услуги).

Затраты для потребителя (Cost to the customer)

- стратегия ценообразования;
- базовая цена и ценность продукта (услуги);
- затраты на приобретение продукта (услуги).

Удобство для потребителя (Convenience).

- сервис;
- каналы распространения;
- структура сбыта;
- комбинирование товаров и услуг.

Коммуникации между потребителем и поставщиком (Communication).

- адекватные потребительскому сегменту средства коммуникации;
- процессы коммуникации (как внешние, так и внутренние) [4, с. 46].

Кроме привлечения потенциальных потребителей можно выделить также управление отношениями с покровителями (спонсорами, меценатами, попечителями), создание репутации и системы внутреннего менеджмента учреждения. Работа со зрителями необходима для оправдания миссии учреждения культуры, тогда как целью привлечения покровителей является получение финансовой и материальной поддержки. Создание репутации театральной организации важно для дальнейшего развития ее деятельности [5, с. 17].

В последнее время в СМИ неоднократно поднимался вопрос о том, насколько соответствует концепция маркетинга нашему времени, неотъемлемый атрибут которого – серьезные демографические и экологические проблемы. Концепция социально-ответственного маркетинга требует учета в практике маркетинга социальных и этических вопросов. *Социально-ответственный маркетинг* провозглашает задачей театральной

организации установление нужд, потребностей и интересов зрителей, удовлетворение потребителей более эффективными, чем у конкурентов, способами и укрепление благополучия общества в целом.

Таким образом, театральный спектакль как маркетинговый продукт имеет свои *характерные особенности*:

– неосязаемость (поэтому чаще исследователями трактуется не как продукт, а услуга),

– кратковременность существования,

– сильная зависимость от внешних и внутренних факторов, иногда не связанных напрямую с театральной деятельностью (погода, отсутствие парковки и др.) и др.

Спрос на современный спектакль 1) подвержен влиянию моды, ореола «престижности» посещения, 2) большое значение играет эффект новизны (премьера), 3) популярность (персональный *бренд*) актера, режиссера, автора пьесы, театра в целом. Например, Национальный академический Большой театр оперы и балета РБ – это настоящий культурный бренд страны, как и спектакль «Павлинка» Национального академического театра им. Я. Купалы, которым театр, уже более пятидесяти лет открывает свой каждый театральный сезон.

Главная *потребительская ценность* спектакля как продукта – в том, что он удовлетворяет потребность человека в зрелище и катарсисе («Хлеба и зрелищ!»), что и обеспечило жизнеспособность театрального спектакля на различных этапах развития общества. «…Театр может быть революционером и реформатором, выступать «камертоном», настраивающим звучание инструментов других искусств, Храмом, в котором кающийся на сцене «грешник» вымаливает спасение для всего зала; и философским полем, где размышляют о предназначении человека, … о добре и зле, о бренности и Вечности» [6, с. 210].

Маркетинг является одним из ведущих инструментов менеджмента производства, качества и реализации театрального продукта. Маркетинг – это еще и инструмент, при помощи которого театр может остаться театром, музей – музеем, спектакль – спектаклем, и при этом выжить в условиях рынка. «Чем сложнее окружающая среда, тем изощреннее должен быть этот инструмент и тем более профессиональными должны быть держащие его руки» [7, с. 6]. Рассматривая спектакль как маркетинговый продукт, театральные организации решают различные задачи своей деятельности – социальные, благотворительные, культурно-просветительские, научно-исследовательские, привлекая для этого разнообразные формы общественной и государственной поддержки. Изучение спектакля как маркетингового продукта различными отраслями знаний позволит более глубоко реализовать практико-ориентированный подход науки к различным явлениям театральной культуры.

Литература:

1. Копалова, О.С. Театр и зритель: институциональные аспекты взаимодействия. Автореф. на соиск. уч. степени канд. соц. наук, Екатеринбург, 2001.

2. Щепеткова, И.А. Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями Автореф. на соиск. уч. степени канд. культурологии, Санкт-Петербург, 2006.

3. Янчевский, В.Г. Основы менеджмента / В.Г. Янчевский – Минск: ТетраСистемс, 2004.

4. Котлер, Ф. Основы маркетинга: краткий курс: пер. с англ. / Ф. Котлер. – М: Вильямс, 2005. – 646с.

5. Михеева, Н.А. Менеджмент в социально-культурной сфере: учеб.пособие / Н.А. Михеева, Л.Н. Галенская; под ред. Н.А. Михеевой. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000г.

6. Юдчиц, Г.В. Театральное пространство. Теория и практика. / Юдчиц Г.В. – Минск: Право и экономика, 2007.

7. Донова, Д.А. Театр и зритель: стратегические основы взаимоотношений : стратегические основы взаимоотношений. Автореф. на соиск. уч. степени канд. искусствоведения: Москва, 2007.

ПРАБЛЕМЫ ЗАХАВАННЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

Красюк В.Ф.
к.ф.н., доцент кафедры культурологи и философии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Беларусь)

Для этнасацыялогіі пытанні этнічнай самасвядомасці і нацыянальнай ідэнтычнасці маюць значнасць у тым аспекце, што дазваляюць вызначыць прыярытэты у шырокім полі даследаванняў нацыянальных і міжнацыянальных адносін. Ажыццяўленне такіх даследаванняў спрыяе правядзенню адпаведнай дзяржаўнай палітыкі, выяўленню шляхоў кансалідацыі грамадства, забеспячэнню яго бяспекі ў гуманітарнай сферы. Тым больш, што ў сучасных сацыяльных даследаваннях выразна адчуваецца пераважнасць сацыяльна-псіхалагічнай тэматыкі. Праблема нацыянальнай ідэнтычнасці з'яўляецца полем прыцягнення прадстаўнікоў розных навук: ад фундаментальных да прыкладных. Ею займаліся многія выдатныя вучоныя. Дастаткова назваць імёны Г. Лебона, Ж. Піажэ, Л. Гумілева, А. Маслоу, Г. Шпета, І. Кона, Ю. Лотмана і іншых.

Усведамленне нацыянальнай ідэнтычнасці з'яўляецца жыццевай патрэбнасцю чалавека; ён ідэнтыфіцыруе сябе з дакладнай сацыяльнай агульнасцю – народам і ўсведамляе, адчувае сваю тоеснасць з адной этнічнай групай і аддзяленне ад другіх. Этнічная ідэнтычнасць есць залічэнне сябе да групы людзей дакладнай нацыянальнасці. Асноўным механізмам фарміравання этнічнасці з'яўляецца перайманне, засваенне культуры, звычаяў, мовы, традыцый, каштоўнасцей роднага асобе нацыянальнага асяроддзя. Акрамя таго, гісторыя ведае прыклады навязвання, вымушанага прыняцця этнічных стэрэатыпаў, уваходжання ў зону нейкага іншага нацыянальнага субстрату. Нарэшце, мае месца свабодны свядомы выбар, калі ёсць для гэтага адпаведныя падставы.

Захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці трэба разглядаць у свеце прагрэсу культуры. Знікненне такой крохкай, далікатнай з'явы як нацыянальная самасвядомасць не паспрыяе ўзбагачэнню культуры, а зробіць яе бяздушнай. Тым больш, што ідэя нацыянальнай ідэнтычнасці ўзнікае не сама па сабе, не ўнутры жыцця этнасу, а ў суадносінах з другімі нацыямі. Вырастае патрэба як рэакцыя на знешнія вызавы зберагчы сваю самабытнасць, мову, звычаі і традыцыі, гістарычную памяць, уклад жыцця, нацыянальнае самаадчуванне. Умацоўваецца пачуцце патрыятызму, ранімасці адносна пашкоджання народнага духу, жаданне захаваць сваю мову як духоўную энергію народа.

Адразу зазначым – адстойванне нацыянальных прыярытэтаў зусім не ёсць варожыя адносіны да іншых культур. Праблема "Мы-другія" вырашаецца на прынцыпах талерантнасці і дыялогу. Праяўляецца над-нацыянальная састаўляючая, адносна якой і вырысоўваецца спецыфіка нацыянальнай ідэнтычнасці. Гэта даволі складаная з'ява, сінергетычны падыход раскрывае яе нелінейнасць. Пры яе вывучэнні этнасацыёлагі карыстаюцца такімі паняццямі, як асаблівасці каштоўнасцей, каштоўнасных арыентацый, норм, тып тэмперамента і інш.

Захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці ва ўмовах крос-культурнай прасторы, якая стварае сімбіёз наднацыянальнага і спецыфічных адметнасцей поліфаніі культур, яўляе сабою складаны працэс, які не павінен быць адвольным, бо ёсць небяспека вылучэння негатыўных вынікаў. У сучасным грамадстве, у яким важную ролю займаюць кіраванне, планаванне і прагназаванне, станоўчым фактарам вырашэння праблем нацыяльнага жыцця з'яўляецца правядзенне неабходнай працы на ніве забеспячэння якаснага функцыянавання этнічных адметнасцей. Можна вызначыць некаторыя аспекты, якія паспрыяюць выпрацоўцы прыймальнай мадэлі такой працы.

Па-першае, трэба звярнуць увагу на крытэрыі, па якім людзі атаясамліваюць сябе з адпаведным этнасам і самаўсведамляюць яго асаблівасці. Гэта ідэнтыфікацыя па мове, па агульных са сваім народам звычаях і традыцыях, па падабенству рыс нацыянальнага характару, па агульнасці гістрачнага вопыту, па рэгіянальнай агульнасці. Нацыянальная

ідэнтыфікацыя ўключае этнічную асвядомленасць – веды аб розных народах, і ў першую чаргу аб культуры, гісторыі, традыцыях свайго народа. Таму неабходна асвета ў розных формах – адукацыя, інфармацыя і г.д. – адносна фарміравання здаровага этнічнага самапачуцця. Разумная прапаганда дасягненняў роднай культуры, гісторыі, памяці продкаў, узораў нацыянальнага мастацтва, прыгажосці сваей мовы, любові да роднай зямлі паспрыяе атаясамліванню з этнічнай агульнасцю, станоўчай этыцы, яе значнасці і годнасці, умацаванню этнічнага пачуцця, эмацыянальных сувязей з этнічным наваколлем. Паступова фарміруецца пачуцце адданасці свайму народу, абавязанасці яму, гордасць за прыналежнасць да яго. Прыхільнасць да этнічнай значнасці і годнасці свайго народа – гэта не абавязкова замшэлы нацыяналізм, разам з тым яна захоўвае ад касмапалітызму як нялепшай праявы культурнага індэферэнтызму. Цікава, што згодна з некаторымі сацыялагічнымі апытаннямі адносіны ў плане павагі, прыхільнасці да сваіх нацыянальных традыцый ва ўяўленні беларусаў зусім не горшыя, чым да сваіх суседзяў: беларусы аб сабе – 40,1 %, палякам беларусы даюць 47,9 %, рускім – 36,1 %, немцам – 44 % [1, с. 119]

Стварэнне крос-культурнай прасторы адбываецца пасродкам сучасных інфармацыйна-камунікатыўных тэхналогій. Прыманне мультымедыйных тэхналогій садзейнічае станаўленню мультымедыйнай культуры, якая ўтрымлівае вядомую пагрозу нацыянальнай культурнай субстанцыі. “Пагрозу нацыянальнаму культурнаму аддзінству ўяўляе не глабалізацыя і не інтэрнацыяналізацыя, а дэнацыяналізацыя, разумеем як выхалашчванне фармальна-змястоўных прыкмет нацыянальнай культуры, замена канкрэтных культурных каштоўнасцей на культурныя каштоўсці другой нацыі. Задача заключаецца ў тым, каб знайсці такі механізм пераходу з узроўню ітэрнацыянальна-нацыянальнай культуры на узровень глабальна-лакальнай, пры якім нацыянальная культура не падвяргалася б дэнацыяналізацыі ” [2, с. 124-125]. Безумоўна рашэнне гэтай праблемы будзе спрыяць рашэнню праблемы захавання нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў. Наогул, праблема нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці сёння з’яўляецца адной с самых актуальных у сферы сацыякультурных адносін.

Неабходнасць у развіцці нацыянальнага этасу відавочна. Хацелася б яшчэ раз зазначыць, што “сярод ідэалаў і каштоўнасцей, якія складаюць фундамент сучаснай духоўнасці і нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа, сфармуляваных яшчэ ў XVI стагоддзі, сярод адзінства ўніверсальнага і нацыянальнага, рэнесансна-гуманістычнай канцэпцыі чалавека, прасякнутай ідэяй духоўнай свабоды, верхавенства закона, культурна-рэлігійнай згоды, этычнай дамінанты, непрыняцця гвалту і прымусу, ідэя развіцця культуры на нацыянальнай, беларускай моўнай аснове з’яўляецца дамінуючай і выступае асновай беларускай ідэнтычнасці” [3, с. 63]. Тым больш, што “ў сітуацыі твар-да-твару мова валодае ўласцівай ёй якасцю ўзаемнасці, што адрзнівае яе ад іншых знакавых сістэм” [4, с. 66]. Аднак такую ўзаемнасць, што спрыяе салідарнасці ў плане адчування нацыянальнага атаясамлівання беларусам яшчэ трэба фарміраваць: па сацыялагічных дадзеных моладзь ва ўзросце да 30 гадоў лепш ведае беларускую мову, чым ў цэлым па краіне, аднак радзей ужывае яе, як бы саромеецца роднай мовы [5, с. 53].

Захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці ва ўмовах крос-культурнай прасторы не ёсць другарадная справа. Гэта спосаб быцця народа, нацыі ў новых, раней небывалых абставінах. Адначасова сучасная сітуацыя як спрыяе развіццю, якасным зменам у грамадстве, так і патрабуе захавання той культурнай асновы, на якой засноўваецца рух наперад. Выжыванне этнасу – гэта інсталяцыя жыццёвых яго сіл, здольнасцей займаць належнае месца ў кангламераце сацыяльных структур. Стварэнне адпаведнай філасофіі нацыянальнай культуры, артыкуляцыя нацыянальных прыярытэтаў у сучасным свеце, які глабалізуецца, паспрыяюць стабілізацыі неадназначных сацыяльных працэсаў, пераемнасці грамадскага жыцця. Стварэнне неабходнага нацыянальна-культурнага кантэксту дапаможа весці міжкультурны дыялог, ажыццяўляць на парытэтнай аснове сацыякультурны абмен, пачэсна ўдзельнічаць у рэалізацыі міжкультурных камунікацый. Захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці – гэта і шлях да інавацый, таму што асаблівасцю

беларускага народнага менталітэту з’яўляецца любоў да працы і лепшага жыцця. Наяўнасць нацыянальнай ідэнтычнасці ў спалучэнні з талерантнасцю дазволіць беларусам арганічна ўвайсці ў свет інфармацыйнай цывілізацыі.

І апошняе. Неабходна метадалагічная распрацоўка катэгарыяльнага апарату разглядаемай праблемы. Так да паняццяў “сацыяльная ідэнтычнасць”, “тэрытарыяльная ідэнтычнасць”, “культурная ідэнтычнасць” [6, с. 43], трэба дадаць, асобна выдзеліўшы, “нацыянальная ідэнтычнасць”. У дадзеным тэксце ўжываюцца блізкія па сэнсу і значэнні тэрміны, якія ў навуковай літаратуры, аднак, маюць розныя значэнні.

Литература:
1. Кириченко, В.В. Менталитет современных белорусов: монография / В.В. Кириченко. – Гомель, ГГТУ им. П.О.Сухого, 2004. – 225 с.
2. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / А.О.Павловская [и др.]; под. ред. О.А. Павловский; Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т Философии. – Минск: Беларус. наука, 2010. – 519 с.
3. Уладыкоўская, Л. Як захаваць культурную самабытнасць?:сучасныя нарысы да некаторых аспектаў праблемы / Л.Уладыкоўская. – Мінск, - 2010. – 116 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности/ П.Бергер, Т.Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – 223 с.
5. Котляров, И. Политическая социология: теория, история, методология, методика. В. II ч. Ч. II / Игорь Котляров; Минский институт управления. – Мн.: Изд-во МНУ, 2004. – 287 с.
6. Беспамятных. Н.Н. Белорусско-польско-литовское пограничье: границы культуры, идентичности / Н.Н.Беспамятных:, под. научн. ред. М.А.Можейко. –Минск: РИВШ, 2009. – 244 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЛАЗАМИ БЕЛОРУССКОЙ ЭЛИТЫ

Сосновская Н.А.
младший научный сотрудник сектора социокультурных процессов Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Национальная идентичность признается учеными мощным фактором социальной стабильности [1; 2; 3], служащим как решению государственных задач так и являющимся институтом поддержания социальной сплоченности. Современные исследования идентичности в контексте глобализационных процессов [4] показывают, что наиболее эффективное развитие получают страны, учитывающие свою национальную идентичность при разработке программ развития. «Отсутствие стратегической самоопределенности, утрата государственной идентичности, чувства национального самосознания ведет, как показывает всемирная история, к неспособности четко формулировать (а, следовательно, отстаивать) национальные интересы, к их неизбежной подмене либо несбыточными, либо ущербными идеями и целями. Кроме того, есть прямая причинно-следственная связь между отсутствием качественного (инновационного) экономического роста и нерешенностью проблемы национальной идентичности» [1].

Одним из основных подходов к исследованию идентичности, является рассмотрение ее как компонента социальной идентичности личности (В.А. Ядов, Е. Данилова, Н.Е. Тихонова и др.). Идентичность представляется результатом осознания себя представителем определенной группы. Национальная идентичность определяется как реальная сознаваемая людьми принадлежность к определенной стране и культуре, самоотождествление себя с населяющим страну народом, самоосознание себя гражданином этой страны, и (или) представителем определенной этнической группы, населяющей страну. Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, о поведенческих моделях, свойственных представителям значимых групп играет роль мотивационного фактора в объединении усилий людей для решения общественно-значимых задач. И если говорить о национальной идентичности как о внутренней связи

человека с сообществом, то проблема развития и укрепления такой связи, имеет важное социальное значение.

Большую роль в осознании и становлении национальной идентичности играет элита, как часть общества, имеющая наиболее системные, структурированные и последовательные представления. Обладая компетентностью и влиянием на происходящие процессы, представители элиты не только являются выразителями глубинных общественных идей, но и сами формируют и «внедряют» убеждения в общественное сознание. Именно элита формулирует содержание утверждения: «Мы это – …» создавая основу для идентификации с группой или идеей вокруг которых консолидируется общество.

Для изучения мнения элит о национальной идентичности использовались материалы сборника «Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит» [5]. Представителям науки, культуры, общественно-политическим деятелям и журналистам (всего 30 человек) было предложено ответить на вопросы: *Существует ли белорусская идентичность? Если да, то что ее определяет? Что такое белорусскость? Что значит быть белорусом?*

Учитывая сложность вопросов, и то, что вопросы задавались одним блоком, респонденты выбирали для ответа ту часть вопроса, которая, по каким-либо причинам, являлась для них наиболее актуализированной. В связи с этим, часть респондентов дали развернутые высказывания о национальной идентичности и ее основах, и другая часть – о «белорусскости» и об образе белоруса.

Анализ содержания ответов респондентов на вопрос: *Существует ли белорусская идентичность?* – позволил выделить три основные позиции:

1. Белорусская идентичность существует (10 чел): *Несомненно, существует белорусская идентичность; Естественно существует. Нормальная полноценная национальная идентичность со всеми составляющими (и т.п.)*
2. Идентичность существует, но белорусы должны ее осознать (8 чел): *В принципе существует. Здесь, в Беларуси, она, не слишком видна для нас; Мне кажется, что есть. В массе еще этого у нас нет; Не столько не сформирована, сколько не сформулирована; Многие называют себя белорусами, но еще не осознали себя ни нацией, ни народом. Белорусы были, есть и будут. Некая ментальность белорусская существует. Вопрос в том, насколько она саморефлексируема и артикулирована для других*
3. Идентичность только формируется (8 чел): *Идентичность проходит процессы становления; Идет процесс формирования белорусской идентичности. …Сейчас главное - быстрый процесс ее создания и формирования; Только сейчас формируется эта идентичность; Процесс формирования национального образа. - Нет своего национального образа, системы взглядов, круга идей; Само осмысление идентичности и есть никогда не прекращающийся процесс, а не фиксированный и навязываемый результат чьих-то представлений или пожеланий; Современная белорусская идентичность – категория, формирующаяся параллельно с процессом национально-государственного строительства; идентичность еще не сложилась.*

Таким образом, большинство опрошенных признают существование такого феномена как белорусская национальная идентичность, хотя и находящегося в процессе формирования. В высказываниях прослеживается идея, что, несмотря на то, что национальная идентичность существует, она не выражена в ясной артикулированной форме, т.е. сами представители элиты затрудняются в ее формулировании.

Что же определяет белорусскую идентичность? На каком основании формируется единство с сообществом «белорусы»? По мнению большинства опрошенных, белорусская идентичность основывается на этнических признаках. Это национальная культура (7 чел), язык (7 чел), история (5 чел), традиции (4 чел), родословная (3чел), территория (2чел), чувство гордости за свою землю (3чел). Одним из существенных моментов наличия белорусской идентичности является указание на существование самоощущения,

«понимание и ощущение себя белорусами». В данном случае речь может идти и о формальном принятии этноназвания и в то же время о глубинных, плохо осознаваемых паттернах, определяющих сходство поведенческих реакций представителей национальной группы. *«Для самоидентификации надо понять: - мы белорусы; Люди все-таки ощущают себя белорусами; Беларусь как самоощущение; понимание себя белорусами, которые живут в Европе».*

Также часть представителей белорусской элиты фиксируют начальный этап становления белорусской идентичности: противопоставление «мы»–«они». *«Мы не такие как они; идентичность в противопоставлении другим»*

Среди остальных, выделяются высказывания (10 чел), связывающие национальную идентичность с государством. Роль государства представляется неоднозначной. Часть респондентов отводит государству ведущие позиции в формировании идентичности. По их мнению, должна существовать государственная программа по развитию национальной идентичности и вестись соответствующая политика, включающая массовое пропагандистское влияние. *«Целенаправленная политика со стороны государства, что бы белорусы знали кто они такие; Для создания своего национального образа нужна программа, именно система взглядов, круг идей. Этим должна заниматься власть; должна существовать программа и вестись соответствующая государственная политика»*. При этом национальная идентичность формируется параллельно с процессами национально-государственного строительства. «*Надо пройти через этап строительства нации-государства*»; «*Момент самосознания, самоидентификации, мне кажется, у народа наступает сейчас. Нация обязательно должна пройти через период национального государства. Для наших условий необходимо, чтобы было создано национальное государство. - национально ориентированное».* С другой стороны, представлено мнение о существовании отчуждения народа от государства. А при подобном характере отношений человека к государству возникновение приверженности и национальной идентичности на основе гражданства и при посредничестве государства является затруднительным.

Таким образом, по мнению представителей белорусской элиты, платформой для формирования национальной идентичности могут служить как этно-национальные так и гражданские идеи.

Необходимым условием развития идентичности является осознание образа народа, особенностей национального характера и характерных черт, создающих уникальность этого образа. На выявление этнического самообраза были направлены вопросы о том, что значит быть белорусом и что такое белорусскость. Наиболее значимыми качествами названы: трудолюбие, терпение, эмоциональная привязанность к своей стране, гостеприимство. Отношение к труду проявляется в таких характеристиках как: готовность тяжело работать, склонность к интеллектуальному труду, старательность, расчетливость, умение планировать. Гостеприимство предполагает и уважение к другим народам, и принятие других людей, отсутствие высокомерия. Среди характерологических свойств выделяют такое качество белоруса как эмоциональная привязанность к своей стране: *«Родина, которую любишь самоотверженно; на третий день хотеть домой, ты переживаешь за все (за страну), болеешь за это».*

Примечательно, что в образе типичного белоруса назван и ряд отрицательных качеств, содержащих характеристики активности, динамизма: *«не хватает силы, не хватает воли, не хватает достоинства прежде всего; Боязнь эксперимента у нас слишком большая. Мы диссонируем с миром; Мы фактически стали малотребовательны; Меньшая готовность к действию».*

В данном случае можно говорить об оптимальном соотношении в самооценке позитивного и критического аспектов с перевесом в сторону позитивного восприятия этнообраза. Т.о. сочетание ответственного отношения к труду, терпения, гостеприимства,

привязанности к своей стране с некоторой долей медлительности, созерцательности и нерешительности создает образ типичного белоруса.

Анализ содержания интервью с представителями белорусской элиты показал, несмотря на «разношерстность» самой элиты, относительно непротиворечивую позицию по отношению к проблеме национальной идентичности. Практически все согласились, что в той или иной степени такая идентичность существует. На основе анализа интервью можно выделить следующие черты, характеризующие взгляды представителей элиты на белорусскую идентичность: 1. неопределенность формулировки идеи белоруской идентичности; 2. ее незавершенный характер; 3. в основе белорусской идентичности лежат скорее этнические характеристики. Развитию политической идентичности противостоит рост аполитичности; 4. в ее укреплении и развитии ведущую роль должно играть государство. Одна из ведущих характеристик белоруса, по мнению национальной элиты – эмоциональная привязанность к своей стране, к месту, где человек вырос и живет. Возможно, процветание «своей земли» и может стать основой для развития и укрепления общей национальной идентичности.

Литература:

1. Кортунов, С.В. Национальная идентичность. Постижение смысла. / С.В. Кортунов. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ino-center.ru/press-center/publication/national-identity.html

2.Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. / Т.Г. Стефаненко – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

3.Буренко, В. И. Инструментальное измерение политической элиты. / В.И. Буренко. – [Электронный ресурс] Информационный гуманитарный портал "Знание. Понимание. Умение" 2011. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/

4.Семененко, И.С Идентичность в системе координат мирового развития. / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Политические исследования. – 2010. – №3.

5.Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит. /Под ред. В. Булгакова. – Варшава, 2006. – 268с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ И / ИЛИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пушкин А.Л.

научный сотрудник отдела политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Основным ресурсом постиндустриального общества является информация, информационно-коммуникационные инфраструктуры, средства массовой информации (СМИ). Информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, социальных групп и государства. Уровень развития информационного общества детерминирует уровень социально-экономического развития государства, его безопасность и способность государства успешно решать стоящие перед обществом проблемы, эффективно отвечать на современные угрозы.

Результаты социологического мониторинга свидетельствуют о том, что СМИ являются основным источником получения информации в Беларуси. Так, например, телевидение является источником информации для – 89,0% респондентов, периодические печатные издания – 42,6%, интернет – 36,8%, радио – 36,2%. В тоже время от ближайшего социального окружения – родственников, друзей и коллег получает информацию 31,0% респондентов, при этом следует отметить что родственники, друзья и коллеги, как правило, тоже получают информацию из СМИ.

Важнейшим средством информации является ТВ, как по охвату аудитории, так и по степени доверия к представленным материалам – 74,2%. По рейтингу доверия к источникам информации на втором месте находятся друзья и знакомые – 71,7%, на

третьем радио– 65,7%, на четвертом – журналы и газеты 61,4% и на пятом интернет – 40,7%.

Следует обратить внимание на существующую тесную взаимосвязь участия респондентов в общественно-политической жизни с их интересом к материалам в СМИ. Более того, результаты социологического мониторинга свидетельствуют о том, что интерес респондентов к общественно-политическим материалам в СМИ является наиболее распространенной формой их участие в общественно-политической жизни страны. См. таблицу №1.

Распределение ответов на вопрос: В какой форме Вы участвуете в общественно-политической жизни?

1. Нет ответа	6,3
2. Состою в политической организации, партии	1,3
3. Участвую в общественном движении	1,7
4. Принимаю участие в политических акциях	0,5
5. Провожу агитацию среди товарищей по работе, учебе	1,0
6. Участвую в политических дискуссиях, диспутах	1,2
7. Слежу за политическими событиями по СМИ	65,8
8. Общественно-политические проблемы меня не интересуют	22,7
9. Другое	3,5

Таким образом, полученные данные указывают в первую очередь на преобладание пассивной формы участия в политической жизни, а именно на включенность респондентов в информационное поле. В то же время активное участие в общественно-политической жизни принимает только чуть более 5% от числа опрошенных респондентов. Почти каждый четвертый респондент (22,7) не интересуется общественно-политическими проблемами.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, во-первых, о невысоком уровне общественно-политической активности в стране, во-вторых, о существовании значительного количества респондентов, которые не интересуются политическими проблемами, следовательно, не владеют знаниями о реальной общественно-политической ситуации в стране и мире. В данном случае, проблема заключается в том, что субъект, не владеющий определенной суммой политических знаний, является объектом манипулирования различных политических сил.

Научные исследования показывают, что в оценках серьезности тех или иных социальных проблем люди полагаются скорее на их освещение СМИ, чем на собственный опыт. Именно деятельность медиа за счет целенаправленного отбора информации и мобилизации общественного сознания является наиболее важным условием, дающим «жизнь» социальным проблемам.

По мнению Э. Фрома, газеты не столько информируют, сколько лучше дезинформируют общественность, ибо факты не сообщаются беспристрастно, а все заголовки заведомо тенденциозны. Новости можно продать, как товар, а средства информации определяют, какие события годятся для приготовления этого продукта, а какие нет. Пока информирование населения остается бизнесом, считает ученый, никто не сможет помешать газетам и журналам печатать то, что хорошо раскупается. Наряду с бизнесом важную роль в содержании материалов СМИ играют интересы определенных социальных групп и политических структур. Как правило, СМИ выражают интересы своих хозяев, для которых информация является средством достижения своих политических, экономических целей.

Принимая во внимание усиление роли информации в функционировании общества, Правительством Беларуси утверждена Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года (Постановление СМ № 1174). Основные задачи в развитии информационного общества заключаются в следующем:

– формирование государственной информационной политики, содействующей развитию информационного общества на инновационной основе;

– развитие информационной инфраструктуры, обеспечивающей опережающее удовлетворение растущих информационных потребностей граждан, бизнеса и государства;

– развитие системы информационной безопасности в целях защиты национальных интересов Республики Беларусь в мировом информационном пространстве.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь утвержденной, Указом президента 9 ноября 2010 г. № 575, особое значение уделяется информационной сфере. В тексте данного документа информационная безопасность определяется как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Указывается на влияние СМИ на экономическую, политическую, и социальную ситуацию в обществе. Отмечается усиление информационного противоборства в мире, информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам. В концепции указаны основные национальные интересы в информационной сфере:

– реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации;

– формирование и поступательное развитие информационного общества;

– равноправное участие Республики Беларусь в мировых информационных отношениях;

– преобразование информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики;

– эффективное информационное обеспечение государственной политики;

– обеспечение надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации.

Недостаточная эффективность информационного обеспечения государственной политики, по мнению авторов концепции, является одним из источников внутренних угроз для национальной безопасности. Составной частью информационного обеспечения государственной политики выступает «информационное противоборство, представляющее собой комплексное использование информационных, технических и иных методов, способов и средств для воздействия на информационную сферу с целью достижения политических, экономических и иных задач либо защиты собственного информационного пространства». Информационное противоборство для нашей страны имеет следующие особенности: во-первых, в эпоху глобализации вся информации в мире контролируется немногими транснациональными корпорациями, которые образуют единую сеть и определяют о чем надо информировать, каким образом, а о чем следует умолчать. То, что не попало в СМИ, не оказывает влияния на общественное сознание. Таким образом, путем отсеивания «ненужной» информации создается «виртуальная» реальность необходимая для манипулирования сознанием. Во-вторых, отечественное медийное пространство пронизано внешними информационными потоками, имеющими значительные возможности для воздействия на общественное сознание в своих интересах, которые часто противоречат национальным интересам Республики Беларусь. Происходит «захват», «присоединение» аудитории СМИ к внешним источникам информации, что представляет непосредственную угрозу национальной безопасности, позволяет манипулировать сознанием различных социальных групп населения.

Ряд экспертов по СМИ считают, что в ближайшем будущем при разработке и реализации эффективных способов и приемов информационного противоборства с использованием современных технологий возможна трансформация открытого вооруженного конфликта в одну большую информационную войну. О том, что газеты равны полкам и дивизиям еще в начале 19 века утверждал Наполеон, который пытался использовать информацию как инструмент государственной политики. Также активно

действовал в информационной сфере Отто Бисмарк (первый канцлер Германской империи), который создал систему «рептильной» прессы. Безусловно, для общества важно чтобы информационная политика была направлена не только на информирование ради достижения коммерческой цели, не только на агитацию ради управления обществом, а в первую очередь, направлена на совместное с читателями решение социально значимых проблем. С учетом растущего влияния информационной сферы на все стороны жизнедеятельности современного общества в ноябре 2011 года Указом Президента создан Совет по развитию информационного общества при Президенте Республики Беларусь. При этом следует отметить, что подобные органы во главе с высшими должностными лицами уже сформированы во многих странах, в том числе в Германии, Франции, Республике Корея. Итак, резюмируя предшествующий анализ, отметим следующее. Информация и знания являются основным ресурсом развития современного общества, тот, кто управляет данным ресурсом, тот определяет направление развития общества. Процесс глобализации сопровождается концентрацией средств информации в международном масштабе, в связи с этим возникает насущная необходимость в сохранении независимости отечественных средств информации, так как независимость в информационной сфере детерминирует политическую независимость государства.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МАСКИ

Фаблинова О.Н.
аспирантка Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Индивид на протяжении всей своей жизни вовлечен в различные коммуникативные процессы. Однако с появлением и развитием Интернета интенсивность коммуникаций в обществе возросла многократно: «В Интернете не создается никакого знания, но зато он многократно увеличивает возможность осуществления коммуникации» [1]. Более того, развитие Интернета связано с возрастанием роли коммуникации в Интернет-среде, что нашло свое отражение в переходе Интернет-сервисов со стадии Web 1.0 на стадию Web 2.0. Для стадии Web 1.0 характерно разделение Интернет-аудитории на профессионалов (авторов публикаций в сети Интернет информации) и пользователей (потребителей информации, то есть читателей). На стадии Web 2.0 демаркация между автором и читателем стирается. Каждый Интернет-пользователь способен участвовать в процессе создания информации, доступной другим Интернет-пользователям, что стало реальным благодаря развитию различных пользовательских интерфейсов, позволяющих управлять содержимым Интернета и общаться друг с другом.

Предоставляя безграничные возможности для общения, Интернет в силу своей специфики (опосредованность общения техническими средствами, восполнение недостатка информации о собеседнике за счет внимания к метатекстовой информации и достраивания вымыслов, возможность сохранения анонимности) предоставляет столь же всеобъемлющие возможности и для сокрытия (частичного/ полного) своего «Я», для предъявления себя в ином образе. В данном случае речь идет об использовании Интернет-пользователями своего рода «масок». Как и маски в реальной, оффлайновой жизни, Интернет-маски выполняют функцию моделирования означаемого образа путем смены внешности, маркировки явления, функцию самопрезентации [2, с. 77]. Кроме того, согласно Й. Хейзинга, человек – существо играющее, и это дает ему возможность включаться в существующую действительность. Маска в данном случае выполняет защитную функцию, позволяя индивиду находиться в курсе событий, быть вовлеченным в них, оставаясь при этом дистанцированным.

Безусловно, индивиды на протяжении всей своей жизни используют различные маски («свой парень», «отличница», «хулиган» и т.д.), но именно Интернет позволяет

индивиду без особых усилий поддерживать желаемый образ в восприятии собеседников. Легкость сохранения образа обусловлена возможностью планирования ситуации выхода перед Другим; возможностью уйти от ответа, сославшись на технические неполадки, отсутствие доступа в Интернет и т.п.; возможностью контроля над своими словами, обдумывания; отсутствием кризисных, пограничных ситуаций, при которых маски имеют тенденцию слетать и т.д.

Тихомирова Е.Г. предлагает следующее определение маски: маска – это «поверхностное, временное, изменение внутреннего или внешнего облика человека, обусловленное мотивами и потребностями личности, а также коммуникативными запросами и ожиданиями» [3].

Маски делятся на внешние и внутренние. Под внешней маской понимается «замещение временной личиной реального лица и тела», под внутренней – «временное изменение Я с сопутствующей сменой модели поведения» [3].

Интернет позволяет индивиду использовать оба вида масок в процессе коммуникации. Однако масштаб их использования варьируется в зависимости от того, посредством чего осуществляется Интернет-коммуникация (электронная почта, системы мгновенного обмена сообщениями, чаты, Интернет-форумы, блоги, Интернет-конференции, сайты знакомств, социальные сети), а также от степени знакомства с собеседником и целей коммуникации. Кроме того, на использование маски в Интернет-пространстве влияют социально-демографические характеристики индивида.

В последнее время наибольшую популярность приобрели социальные Интернет-сети, которые предоставляют индивиду наиболее широкий спектр возможностей по использованию масок. Социальная сеть представляет собой группу индивидов, взаимодействующих между собой в рамках единого пространства (включая и киберпространство) и разделяющих определенные социальные связи (дружбы, родства, партнерства и т.д.). Как уже было упомянуто ранее, на масштаб использования масок влияют цели коммуникации. В связи с этим, необходимо разграничивать социальные сети, призванные помочь индивиду в поиске новой работы, установлению контактов с коллегами, обмена информацией с ними (то есть профессиональные социальные сети) и социальные сети, используемые для общения ради общения. Широкое использование как внутренних, так и внешних масок характерно для второго вида социальных сетей.

Внешнее конструирование образа в социальной сети проявляется через выбор импонирующих индивиду аватарок (то есть изображений, используемых Интернет-пользователями для персонализации), через выкладывание наиболее удачных с точки зрения индивида фотографий, видеосюжетов и т.д.

Внутренняя маска может быть использована в социальной сети как через Интернет-послания (сообщения), так и через перечисление в своем аккаунте увлечений (иногда – вымышленных), любимых фильмов, книг, цитат, через установление статусов и т.д., которые «говорят» об индивиде, создают его образ (желаемый, зачастую – выигрышный) в глазах других Интернет-пользователей.

Кроме того, использование масок часто зависит от степени знакомства с собеседником, от того, с какой стороны Интернет-пользователи знают друг друга. В случае, если общение в социальных сетях есть продолжение личного знакомства (в особенности – близкого), то создаваемый образ останется только образом, в действительности не воспринимаемым собеседником. Несомненно, Интернет, преодолевающий временные и территориальные границы, дает индивиду возможность общения с людьми, реальная встреча с которыми крайне маловероятна. Но если факт знакомства с Интернет-собеседником состоится, он может свести на нет образ, созданный им в Интернете.

Использование Интернет-масок может носить как положительный, нейтральный, так и негативный характер. В первом случае использование маски в процессе Интернет-коммуникации может способствовать раскрытию внутреннего потенциала индивида, его

способностей и талантов. Во втором – индивид с использованием Интернет-ресурсов создает образ, который поддерживает в процессе коммуникации, не используя в корыстных целях и не проявляя агрессии по отношению к собеседнику. В третьем случае созданный образ может скрывать мошенника, преследующего меркантильные цели (феномен киберпреступности). Кроме того, возможность быть кем угодно, вызванная присущей Интернет-коммуникации анонимностью, приводит к проявлению грубости и агрессии (так называемый «троллинг»).

Масштаб использования масок в Интернет-пространстве безграничен. Интернет позволяет одному и тому же индивиду в одно и то же время использовать несколько масок, играть несколько ролей, жить несколькими жизнями. Это стало реальным не только благодаря возможности у индивида одновременно вести диалог с использованием разных Интернет-сервисов, но и посредством создания нескольких аккаунтов одним и тем же пользователем в рамках одного и того же Интернет-сервиса.

Французский философ Ги Дебор еще в 1967 году утверждал, что современное ему общество – это «общество спектакля», для которого характерны общественные отношения, опосредованные образами. Создание и широкое проникновение Интернета во все сферы человеческой жизни позволяет говорить о еще большей роли образов в жизни индивидов, еще большем использовании масок, еще большей театрализации общества.

Литература:

1. Иванов, Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема / Д.В. Иванов // Sociologist's Warehouse [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/articles/ivanov_01.htm. – Дата доступа: 12.06.2010.
2. Толшин, А.В. Функция маски в ритуале и обряде / А.В. Толшин // СПб.: Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 9. – С. 73-79.
3. Тихомирова, Е.Г. Феномен маски: культурные смыслы: культурные смыслы: Дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 Ростов н/Д, 2005 / Е.Г. Тихомирова // ВЕДА [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/189433.html. – Дата доступа: 05.03.2011.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Домасевич И.В.
аспирант кафедры государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Белорусское общество находится сегодня в противоречивом и сложном состоянии, которое обусловлено многогранностью мировых трансформационных процессов. Современный мир сегодня вступил в период кардинальных экономических, политических, общественных и военных преобразований, характеризующихся высокой динамичностью и интенсивностью.

Современный мир стремительно изменяется, и порой нелегко осмыслить происходящие перемены, а тем более предсказать перспективы развития современного общества. Современная эпоха связана с таким феноменом как глобализация, которая оказывает свое воздействие на хозяйственно-экономическую деятельность, межгосударственные отношения, духовно-культурные связи.

Глобализация создает новую объективную реальность, но вместе с тем, носит неоднозначный характер и, как следствие, приводит к конфликтам интересов. Предпринимаются попытки навязывания идеологии глобализма, которая призвана подменить или исказить традиционные духовно-нравственные ценности народов. Продолжается активное формирование и становление новых центров силы, в свою очередь обостряющие соперничество государств в разработке и в дальнейшем продвижении моделей будущего развития. Стремление ряда стран использовать силовые

методы, давление, экономические и ресурсные преимущества для продвижения своих интересов, проведение политики «двойных стандартов» в трактовке демократических норм и принципов приводит к напряженности в обществе и мире в целом.

С одной стороны, глобализацию с присущей ей унификацией, всеобщностью, экспансией и давлением, можно рассматривать как закономерный процесс системной организации отдельных элементов, которые всегда испытывают влияние целостности всей системы. Таков закон развития.

С другой стороны, целостность социальной организации может обеспечиваться различными способами и механизмами. Наиболее приемлемый характер развития социальной системы – это комплиментарное взаимодействие входящих в нее элементов, которое подразумевает, что входящие в систему отдельные страны, культуры, этносы и т.п. должны строить свои взаимосвязи на согласовании, обмене опытом, традициях.

В сложившихся условиях информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливается роль и влияние средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую и социальную ситуацию. Вместе с тем, распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам и представляющего угрозу национальной безопасности государства [1, с. 5].

Чаще всего первичное восприятие глобализации связывают с эффектами быстродействия и мгновенного распространения информации с помощью новых технологий современной коммуникации.

Кроме того, современное поколение людей живет в потоке информации, который в принципе невозможно полностью воспринимать. Все это напоминает мирную борьбу человека с неконтролируемым ростом информации, что может привезти к безграмотности в условиях постоянного роста информации и знаний. Сегодня ситуация такова, что «изобрести велосипед» оказывается дешевле, чем отыскать необходимые данные и сведения в уже существующей информации. Океанограф доктор Артур Стемп делает сенсационное заявление: «Я действительно не вижу иного выхода, кроме объявления моратория на новые публикации в течение десяти лет».

Поэтому все это требует от современного человека способности активно и главное оперативно работать с информацией в процессе своей профессиональной и обыденной жизни. И сегодня многие исследователи говорят о культуре человека в обществе информации [2, с. 203]. Мы живем в информационном обществе. Само понятие информационного общества предполагает, что для успешного и стабильного развития необходимы качественно подготовленные, компетентные и информированные специалисты, которые способны для решения поставленных задач и принятия решений находить и качественно использовать информацию. Таким образом, речь идет о формировании информационной культуры личности. Понятие информационной культуры предполагает не только нахождение и использование информации личностью в своих целях. Понятие информационной культуры значительно шире и означает общий уровень компетентности специалиста, выраженный в способности анализа, обработки информации, способности постановки цели и задач для адекватной ориентации в информационном пространстве [2, с. 204].

Информационная культура предполагает наличие специальных и более широких знаний, которые необходимы человеку как субъекту информационного общества в его профессиональной деятельности. Важно уметь использовать, «адаптировать» специальные навыки, опыт информационного взаимодействия в том культурном пространстве, в котором живет человек. Это пространство наполнено традициями, нормами и ценностями, которые определяют его устойчивость и эффективное развитие. Информационная культура должна гармонировать с этим пространством, которое

является необходимым регулятивным фактором информационных взаимодействий человека.

В зависимости от объекта рассмотрения выделяют информационную культуру общества (общественный уровень), информационную культуру отдельных категорий потребителей информации (например, юристов) (профессиональный уровень) и информационную культуру личности (личностный уровень). Виды информационной культуры тесным образом взаимосвязаны. Нас же интересует информационная культура личности, которая трактуется как совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и информационных технологий.

В качестве факторов, обуславливающих формирование информационной культуры, выступают:

- развитие инноваций в сфере информационных технологий;
- внедрение и распространение информационных технологий для обеспечения успешного функционирования всех сфер общественной жизни;

предоставление возможности использования информационных технологий и информации для развития каждого отдельного человека [2, с. 206].

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что информационная культура способствует информационному развитию в целом и внедрению инновационных информационных и коммуникационных технологий в частности, выстраивая при этом систему социальных отношений, способствующих, в свою очередь, полноценному развитию и реализации внутреннего потенциала личности.

Информационная культура является элементом общегосударственной политики и формируется в русле общих культурных традиций, ценностей и перспективных идеалов общества. Поэтому должна быть социализирована социальными институтами государства на уровне конкретного индивида как субъекта информационного общества.

Таким образом, информационная культура представляет собой сложный феномен, который требует к себе пристального внимания и изучения, так как затрагивает важные сферы общественной жизни. Кроме того, информационная культура должна выступать эффективным средством обеспечения информационной безопасности общества и государства. Важным становится вопрос целенаправленного формирования необходимого уровня информационной культуры, используя для этого существующие в обществе институты образования и воспитания. Целенаправленное формирование информационной культуры позволит предотвратить нежелательные последствия развития информационных технологий, таких как, невозможность адекватной ориентации в массиве информации, а также ее некритическое восприятие.

Литература:

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск, Белорусский Дом печати, 2011.– 47 с.

2. Лазаревич, А.А. Глобальное коммуникационное общество / А.А. Лазаревич.– Минск: Белорус. наука, 2008. – 350 с.

РАЗДЕЛ 8.
СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

НАУКА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Осипов А.И.
д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Наука как сложная и многогранная система может быть предметом разнообразной рефлексии. Прежде всего, необходимо провести (достаточно условную) демаркацию между философским и философско-методологическим анализом науки. О соотношении философии науки и методологии науки высказываются разные мнения. Например, В.С. Степин полагает, что предметом «философии науки являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и *рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте*» (курсив наш – А. О.) [1, с. 8]. Здесь философия науки трактуется в широком смысле, но с акцентом на философско-методологический анализ науки.

Если попытаться, не претендуя на бесспорность, обозначить специфику философского анализа и предметное поле философии науки, то можно отметить следующее. В широком смысле философский анализ науки – включает в себя все формы философской рефлексии над наукой. Но особая значимость философско-методологического анализа науки дает основание выделить его из сферы общего философского анализа (такое выделение условно и относительно) и рассмотреть его специфику в границах философского анализа науки. Ситуация здесь аналогична той, которая имеет место при использовании выражения «литература и искусство». Понятно, что литература как вид искусства включается в состав последнего. Когда же используется выражение «литература и искусство», то этим хотят подчеркнуть особую значимость литературы как вида искусства. Но в таком словосочетании нужно «вычесть» литературу из искусства, а последнее будет пониматься в узком смысле. Точно так же, когда употребляется выражения «философско-методологический анализ науки» и «философский анализ науки», последний необходимо понимать в узком смысле, т.е. за вычетом философско-методологического анализа науки.

В чем специфика философско-методологического анализа науки? Широко распространенное в учебной литературе определение методологии как учения о методах познания является слишком узким. Безусловно, философия как методологическая рефлексия над наукой изучает методы научного познания, но не только. Предметом философско-методологического анализа является наука, но рассматриваемая под определенным углом зрения. Философию как методологию интересует не столько наука как феномен культуры или наука как социальный институт, сколько наука как сложная развивающаяся система, порождающая, продуцирующая, генерирующая в процессе своего функционирования и развития особый продукт – научное знание. Рефлексивный характер философской методологии состоит в том, что она изучает не сам мир непосредственно, его законы развития и функционирования (это делает наука), а законы развития и функционирования научного знания и деятельности по его получению. *Таким образом, предметом философско-методологического анализа науки является научное знание как сложный развивающийся продукт научно-познавательной деятельности и сама эта деятельность по получению научного знания (методы, средства, условия, предпосылки).*

Предметное поле философско-методологического анализа включает такие проблемы, как специфика научного знания, способы его генерации, генезис научного знания, его развитие, факторы (внутринаучные и вненаучные), детерминирующие это развитие, усложнение и структурирование уровней научного знания, взаимодействие этих уровней. Параллельно с этим и неразрывно с анализом динамики и структуры научного знания идет философско-методологический анализ динамики научно-познавательной деятельности, динамики познавательных стандартов в зависимости от типа познаваемых объектов, развитости познающего субъекта, что в конечном счете, обусловлено культурно-исторической динамикой развития человечества.

Философско-гносеологический анализ науки акцентирует внимание на вопросах соотношения научного знания с объективной реальностью. Главной проблемой в таком анализе будет, как уже отмечалось, проблема истины (концепции истины, критерии истины). Сюда можно отнести и такой общегносеологический вопрос, как соотношение веры и знания, преломленный в научном знании, в котором вера (не в смысле религиозной веры) неизбежно присутствует в составе аксиоматического базиса науки. По этому поводу Эйнштейн писал: «Вера в существование внешнего мира, независимо от воспринимающего субъекта (и вера в его познаваемость – А. О.), лежит в основе всего естествознания» [2, с. 182-183].

Уже здесь видна относительность разграничения гносеологического и методологического аспектов. Ведь гносеологический образ реальности, представленный в научном знании, не является неизменным. Изменяется не только сам этот образ (знание о мире), но и способы, средства, условия его построения, т.е. научно-познавательная деятельность по получению этого знания. А это уже методологический аспект в указанном нами понимании. Итак, гносеологический и методологический аспекты неразрывно взаимосвязаны.

Если говорить о *причинах возрастания интереса к философско-методологическому анализу науки,* то можно сказать следующее. Особенность современного этапа научного познания проявляется в том, что неизмеримо возросла (по сравнению с прошлыми эпохами) сложность объектов, которые исследует наука. Эти объекты (прежде всего – микрообъекты) во многом утратили наглядность. Следствием этого явилась сложность, абстрактность, их теоретического описания. Необходимо также отметить резкую интенсификацию научных исследований, ускорение темпов научного прогресса, что приводит к более частым, чем раньше перестройкам фундаментальных понятий и принципов конкретных наук (научные революции). Кроме того, расширение фронта научных исследований и усложнение структуры самой науки приводит к усиливающейся дифференциации научных исследований, когда порой даже представители одной науки перестают понимать друг друга. Поэтому возникает потребность в интеграции, в междисциплинарном синтезе, в построении целостного образа науки.

Все вышесказанное делает весьма актуальными для ученых такие принципиальные вопросы: *«Что мы исследуем?», «Как мы исследуем?» «С помощью чего мы исследуем?».* Возникает необходимость отслеживать путь получения результата, а не только сам результат. Все это сугубо методологические вопросы, без решения которых наука уже обойтись не может. Поэтому в самой науке сформировался спрос на методологию.

В нашей отечественной философии этими вопросами стали заниматься сравнительно недавно (с 60-х гг. прошлого столетия). Именно потребности науки побудили часть философов обратиться к этим проблемам. И в рамках «философской корпорации» был создан «специализированный цех» философов-методологов, которые занялись анализом философско-методологических проблем, дабы помочь ученым более эффективно проводить научные исследования.

Цель философско-методологического анализа науки состоит в том, чтобы вскрыть механизмы и закономерности развития и функционирования научного знания, сделать

явными часто неосознаваемые исследователем приемы и процедуры его деятельности. Полученные же в результате этого выводы и обобщения могут быть выражены в форме рекомендаций, которые, будучи сознательно и целенаправленно примененными исследователями в различных областях, позволят последним более успешно, эффективно и с меньшими затратами получать научные результаты.

Методологическая рефлексия, конечно, не исчерпывается философско-методологическим анализом науки. Рефлексивные процедуры может и должен осуществлять (это зависит от уровня подготовки) сам исследователь в определенной области с целью более рациональной организации познавательного процесса в своей конкретной сфере. Исследователь начинает проводить методологический анализ не тогда, когда он просто использует какие-то средства, методы, для изучения того или иного фрагмента реальности. Методологический анализ начинается тогда, когда ученый не просто использует какие-то методы, средства, понятия, а когда он анализирует сами эти методы, средства, понятия, отслеживая процесс получения знания и эволюцию форм этого знания. Философия как раз и помогает ученому повысить уровень методологической культуры, развить навыки рефлексивно-концептуального мышления.

Можно расширительно трактовать философско-методологический анализ науки, когда в него включаются не только анализ связки «деятельность – знание» (философско-методологический анализ в узком смысле), но и анализ связки «знание – реальность» (философско-гносеологический анализ), а также логический анализ науки, связанный с осмыслением знания как результата научного познания. Что касается логического анализа науки, то он связан с осмыслением знания как результата научного познания и включает, как отмечает В.К. Лукашевич, следующие направления:

1. Анализ формальной структуры определений (дефиниций), понятий, вопросов, проблем, гипотез, законов, теорий и других форм знаний.
2. Исследование специфики различных логических выводов (индуктивных, дедуктивных и т.п.).
3. Выявление закономерностей конструирования искусственных (формальных) языков науки.
4. Определение смыслов эмпирических и теоретических терминов.
5. Анализ перевода языка теорий на язык наблюдений.
6. Разработку логических критериев истинности научного знания (трактовку принципов непротиворечивости, полноты, процедуры доказательства и др.) [3, с. 59-60].

Различие гносеологического и логического аспектов научного познания можно проиллюстрировать на примере различия таких понятий, как *«истинность» и «достоверность»*. Истинность характеризует гносеологический аспект научного знания, а достоверность – логический аспект, связанный с процедурой доказательства. Таким образом, философско-методологический анализ науки в широком смысле, так или иначе, связан с анализом научного знания и деятельности по его получению в разных аспектах (знание – деятельность, знание – реальность, логические операции со знанием). Но наука является сложным и многогранным явлением. Можно рассматривать с философских позиций науку как феномен культуры (особенности науки на фоне других форм познания, ее связь с другими формами сознания, генезис науки и т.п.). Но предметом философской рефлексии может быть наука как социальный институт, т.е. как сложная система особой институционально организованной деятельности, обеспечивающей максимальные возможности для научного творчества, генерации и наращивания научного знания, а также создающей благоприятные условия для его эффективного функционирования и использования в обществе. Такой *институционально – организационный взгляд на науку* выделяет в ней сложную, иерархическую систему организаций и учреждений, различных видов деятельности и отношений между субъектами.

Если предметом философско-методологичесого анализа является наука как сложная система деятельности, генерирующая научное знание (генезис научного знания,

его развитие, детерминация, структурирование, усложнение и т.п.), то предметом философского анализа науки будут такие вопросы, как цели науки, которые изменяются и детерминированы потребностями общества, технология научной деятельности, характер научного труда, организационные формы научной деятельности, формы коммуникации в науке, характер и эволюция субъекта научной деятельности и др. Кроме того, сюда можно отнести философский анализ науки в аксиологическом измерении (ценностнно-целевые и ценностно-мотивационные аспекты научной деятельности, проблемы, связанные с применением научного знания, моральная и социальная ответственность ученого др.).

Наука, как и любой социальный институт, осуществляет распределение социальных статусов и ролей, функций, прав и обязанностей, типичных для научной деятельности [4, с. 85]. Причем сказанное относится к организациям, деятельности и отношениям как внутри, так и вне науки. Кроме того, возникает необходимость оптимального управления в науке и наукой, а также сопряжения этических норм, принципов науки с ценностями общества.Все это может и должно быть предметом философской рефлексии. Как *социальный институт* наука стала оформляться в XVП-XVШ вв., когда она превратилась в значимый вид деятельности, признанный обществом. К середине XIX в. формируется *дисциплинарная организация науки*. Возникает разветвленная система дисциплин со сложными связями между ними. Наука проникает в сферу образования. Постепенное усложнение науки в организационном плане есть процесс исторический. Среди важных и недостаточно изученных теоретических проблем можно выделить проблему эволюции организационно-коммуникативных форм научной деятельности и проблему эволюции субъекта научной деятельности. Рассмотрим эти проблем несколько подробнее. Наука развивается не в вакууме, а в тесной взаимосвязи с развитием общества, т.е. в связи с изменениями в материально-техническом базисе, социально-экономической, политической и духовной сферах общества. Можно выстроить такую схему зависимости отмеченных моментов. *Потребности общества* на каждом этапе развития, его ценностные ориентации, цели и установки, обусловленные материально-экономическими и духовными факторами, опосредованно *определяют цели научного познания* в каждую эпоху.

Цели и задачи, научного познания *обусловливают средства познания:* теоретические и материальные. *Взаимодействие средств познания* в определенной структуре, обусловленной целями и задачами науки, *воплощается в технологии научного исследования*. Последовательность технологических действий и операций в научном исследовании имеет определенный необходимый характер. А форма и состав этих действий и операций лимитируются функциональными возможностями научного оборудования, уровень развитости которого исторически обусловлен. *Технология обусловливает характер научного труда,* параметры его функционального разделения, уровень специализации, соотношение индивидуального и коллективного, степень организационной зависимости исследователей, соотношение собственно познавательной и сервисной деятельности. Как производные от этого складываются *организационные формы научной деятельности*. В развитой науке эти организационные формы содержат и административно-управленческую субординацию отношений субъектов научной деятельности, в соответствии с которой складывается кадровый контингент как по количественному, так и по профессиональному составу, объем которого фиксируется штатным расписанием. В соответствии со всем этим *эволюционирует субъект* научной деятельности и *формы коммуникации* в науке.

Литература:

1. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. - М., 2006.
2. Эйнштейн А. Соч. Т. IV.
3. Лукашевич В. К. Философия и методология науки. - Минск, 2006.
4. Бабосов Е.М. Социология науки. - Минск, 2008.

ИННОВАЦИОННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Клименко В.А.
д.с.н., профессор, заведующий кафедрой психологии Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь)

В современных условиях кардинально меняются представления о социальной и экономической роли знаний и образования в современном мире. Знания, информация, инновации становятся главным фактором в становлении «экономики знаний», инновационном развитии общества.

Исходя из такой важной роли знаний, информации, инноваций в социально-экономическом развитии государства, в Беларуси принята Государственная программа инновационного развития страны (Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 г. № 136). Основная цель программы – создание инновационной, конкурентноспособной на мировом рынке, наукоемкой, ресурсо- и энергосберегающей, экологобезопасной, социально-ориентированной экономики, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие страны и повышение качества жизни белорусского народа. Для достижения поставленной цели необходимо поэтапное построение национальной инновационной системы Республики Беларусь – современной институциональной модели генерации, распространения и использования знаний, их воплощения в новых продуктах, технологиях, услугах во всех сферах жизни белорусского общества. В Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь подчеркивается, что главным ресурсом инновационного развития страны выступает интеллектуальный ресурс, а важнейшим фактором роста эффективности и конкурентоспособности экономики – инновационная политика государства, инновационная деятельность хозяйствующих объектов и членов общества. При этом образовательная и научно-инновационная деятельность высших учебных заведений должна стать одной из ключевых составляющих создаваемой национальной инновационной системы.

Составной частью государственной инновационной политики выступает инновационная образовательная политика, основные направления которой определены в Государственной программе развития инновационного образования в Республике Беларусь на 2008-2010 годы и на перспективу до 2015 года. В качестве приоритетных в реализации этой программы определены следующие направления: создание нормативной и правовой базы инновационного образования; разработка методологии, теории, структуры, содержания, материально-технического и учебно-методологического обеспечения развития инновационного образования; разработка новых и адаптация действующих образовательных технологий для инновационной модели образования и, в частности, высшего образования; формирование кадровой политики в сфере образования.

Социологическое исследование, проведенное кафедрой психологии БНТУ в 2008 году (включало анкетный опрос 912 студентов на 1-5 курсах 12 факультетов университета) показало, что высшее образование наряду с другими традиционными ценностями: здоровье, семья, дети, материально обеспеченная жизнь, имеет высокую значимость в белорусском обществе. Высшее образование формирует базовые ценности: творчески-профессиональные; личностные, связанные с самореализацией и достижением индивидуального благополучия. Высшее образование имеет также высокую инструментальную ценность в профессионально-трудовой и социальной деятельности индивида.

Однако в последние десятилетия изменения в характере обучения происходят в контексте глобальных образовательных тенденций, которые получили название

«мегатенденций». К их числу относятся: новое качество образования – массовый характер и непрерывность; значимость как для конкретного человека, так и для общества в целом; ориентация личности на активное освоение способов познавательной деятельности; создание условий для самораскрытия личности; адаптация образовательного процесса к запросам и потребностям общества. Общим для всех тенденций является акцент на формирование социально активной и профессионально востребованной личности.

Инновационное развитие общества вызывает необходимость формирования новых черт личности современного специалиста: наличие творческости как личностного качества и творческого (креативного) мышления; способность находить идеи и использовать возможность их оптимальной реализации; системный, прогностический подход к отбору и организации нововведений; способность ориентироваться в состоянии неопределенности и определять допустимую степень риска; готовность к преодолению постепенно возникающих препятствий; развитая способность к рефлексии, самоанализу и др. Исходя из таких требований к профессиональным и личностным качества современного специалиста перед системой высшего образования в настоящее время ставится совсем иная цель, а именно, содержание и процесс подготовки специалистов должны носить опережающий (инновационный) характер по сравнению со сложившейся теорией и уровнем развития производства. Умение предвосхищать и предвидеть – одно из важнейших условий успешности функционирования современной высшей школы.

Проблемные аспекты развития инновационного образования достаточно подробно освещены в работах российских исследователей З.А. Абасова, В.П. Делия, В.П. Ващенко, М.П. Карпенко, А.С. Кезина, М.В. Кларина, Э.М. Короткова, В.М. Курейчика, О.А. Крейдера, Б. Синельникова, В.И. Слободчикова, Н.Л. Торгунской, Е.Н. Черемисиной и др. Среди белорусских ученых проблемам инновационного образования посвящены работы В.С. Дудченко, М.И. Демчука, А.И. Жука, А.Т. Юркевич, Л.Г. Титаренко, Б.В. Пальчевского и др.

Как показал анализ научных источников, инновационное образование в отличие от традиционного (усвоение обучающимся определенной суммы знаний на основе изучения некоторого фиксированного перечня предметов), представляет собой процесс и результат такой учебной и образовательной деятельности, который направлен не только на обеспечение преемственности социокультурного опыта, но и на трансформацию и развитие существующей культуры, социальной сферы, экономики и других сфер общества. Инновационное образование предполагает обучение в процессе создания новых знаний – за счет фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства, тем самым развивает весь потенциал и способности личности. При этом оно формирует качества специалиста для практических действий в непредсказуемых и совершенно новых производственных и социальных ситуациях.

Ващенко В.П. выделяет три взаимосвязанных проблемных аспекта инновационного образования. Первый касается количественного и качественного аспекта образования. Высшая школа должна исходить из того, что реальное развитие происходит главным образом за счет смены качества. Этот аспект обуславливает изобретательскую активность студентов. Изобретение – это не что иное, как новое качество, а оперировать качествами в большинстве вузов не учат. Второй проблемный аспект связан с необходимостью формирования и внедрения в образовательную практику методологии постановки и решения инновационных задач. И третий аспект инновационного образования – инновационное мышление [1]. Представляет интерес позиция Е.Н. Черемисиной и О.А Крейдера, утверждающих, что инновационное образование – это создание оптимальной и устойчивой учебно-организационной, научно-методической и нормативно-административной среды, обеспечивающей поддержку инновационных подходов к образовательному процессу, которые ориентированы на интеграцию научно-образовательного потенциала вуза и отраслевой академической науки и установления партнерских отношений с работодателями. Такое образование ориентировано не на

передачу знаний, а на овладение базовыми навыками, позволяющими получать знания самостоятельно. Поэтому инновационное образование гораздо больше, чем традиционное, связано с практикой. Фактически обучающимся предлагается интегрированный учебный процесс, в который входят фундаментальные науки и непосредственно производство [2].

Исходя из такого подхода, инновационное образование обуславливает тесное взаимодействие высших учебных заведений с научной сферой и производством. Под инновационным образованием следует понимать процесс взаимодействия науки, образования и производства, который выступает средством приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, развития инновационных мышления, способностей и культуры, позволяющих будущему специалисту разрабатывать инновационные идеи, внедрять их в практическую деятельность, принимать инновационные решения [3].

Таким образом, инновационное образование возможно лишь в результате целого комплекса преобразований в содержании образования, управлении знаниями, технологиях образования, мотивировании и оценке его качества. В современных условиях создание инновационной модели высшего образования в стране требует значительных усилий по следующим направлениям: совершенствование системы управления высшим образованием; изменение содержания и организации учебного процесса; внедрение в учебно-воспитательный процесс инновационных образовательных технологий; создание систем менеджмента качества образования; развитие инновационных форм интеграции образования, науки и производства; создание новых моделей высших учебных заведений; повышение эффективности научных исследований в высших учебных заведениях; совершенствование кадрового потенциала высшей школы; укрепление учебно-материальной базы вузов и др.

Литература:

1. Ващенко В.П. Инновационность и инновационное образование // Alma mater: Вестник высшей школы.- 2000. - № 6.
2. Черемисина Е.Н, Крейдер О.А. Инновационная практика подготовки IT-специалистов [Электронный ресурс] // http: // www.ecsocman.edu.ru.
3. Инновационное высшее образование: теория и практика развиия: моногр. / к-в авт.; под общ. и науч. ред. Н.В. Суша; Минский институт управления. - Минск: Изд-во МИУ, 2009.-168 с.

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ*

Богданова И.Ф.

к.ф.н., доцент, зав. кафедрой Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Инновационный путь развития в настоящее время становится одним из важнейших условий успешного решения экономических, политических и социальных проблем для большинства стран мира. В промышленно развитых странах для достижения глобальных экономических и социальных целей использование инновационных проектов и программ является преимущественным. Созданные там за последние десятилетия организационно-экономические и социальные механизмы инновационной деятельности способствуют высокой эффективности этой стратегии. Они связывают процессы получения нового знания и превращения его в инновационные проекты и технологии со сферой производства товаров и услуг, а также с образованием в обществе новых социальных структур и систем управления [1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке БРФФИ, грант № Г11ОБ-106.

В системе многообразных отношений современного общества сферы науки и образования играют основополагающую роль – и каждая в отдельности, и в совокупности. Очевидным является тот факт, что образование невозможно без науки, в то же время именно система образования готовит будущих специалистов в области научных исследований. В свою очередь квалифицированные научные работники зачастую параллельно с научной работой ведут и преподавательскую, передавая студентам самые современные научные знания. В результате взаимодействия этих двух сфер культуры происходит подготовка научных работников, носителей научного знания, без которого в современных условиях любая нация становится неконкурентоспособной. Результатом интеграции науки и образования является подготовка высококвалифицированных кадров для каждой из этих областей. Задачей интеграции науки и образования является обмен кадрами и воссоздание научной элиты.

Интеграция образования и науки позволяет добиться скорейшего внедрения в процесс обучения новейших знаний и технологий, сокращая разрыв между динамикой их производства и потребления и подготовки кадров для инновационной экономики (академгородки, наукограды, технопарки, особые экономические зоны, кластеры, наукоемкие производства и др.).

Основным механизмом решения задач социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы является формирующаяся инновационная экономика. Основу ее составляют научный, образовательный и производственный сектора. Ставится задача создания национальной инновационной системы, интеграции науки и образования. Правительство предпринимает меры по стимулированию инновационной деятельности научных организаций и вузов страны. В программах социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 июля 2011 г. № 942 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., N 84, 5/34153), предусматривается придание университетам функций центров научно-инновационной деятельности, создание и развитие при них субъектов инновационной инфраструктуры, интеграция профессионального образования, науки и производства.

Во многих учреждениях науки и образования создаются специальные подразделения, содействующие коммерциализации результатов научных исследований: инновационные центры, малые предприятия, технопарки и т.д. В их работе участвуют не только преподаватели, но и аспиранты и студенты.

В системе Министерства образования РБ созданы 30 субъектов инновационной инфраструктуры при 15 вузах. При университетах развивается инновационное предпринимательство. Работают более 20 научно-инновационных предприятий, организованных при БГУ и технопарке БНТУ «Метолит», выпускающих наукоемкую высокотехнологичную импортозамещающую продукцию [2].

Беларусь располагает достаточно мощным научно-технический потенциалом, имеет значительные достижения в различных отраслях науки и заделы фундаментальных исследованиях [3]. В то же время, как и во многих странах СНГ, в Беларуси после 1991 г. наблюдается снижение удельного веса организаций, осуществляющих разработку и внедрение нововведений. Открытие внутреннего рынка для зарубежных товаров и технологий привело к падению спроса на национальную наукоёмкую продукцию. В этих условиях организации сокращают объёмы производства наукоёмкой продукции, отдавая приоритет в производстве технически более простой и дешёвой. Происходит снижение объёмов производства продукции пятого технологического уклада, основу которого составляют электронная промышленность, вычислительная, опто-волоконная техника, роботостроение, телекоммуникации. результате имеющийся научно-технический потенциал Республики Беларусь используется недостаточно и фактически стал избыточным для нынешнего состояния экономики [4].

В настоящее время существует целый ряд других проблем, затрудняющих процессы интеграции науки и образования.

Одной из них является кадровая проблема. Возрастные тренды в ближайшие годы ставят под угрозу воспроизводство научно-педагогического состава. Это положение подтверждается исследованиями автора. Тенденции изменения выбора аспирантами и соискателями НАН Беларуси отрасли профессиональной деятельности после окончания ими аспирантуры и защиты диссертации, прослеженные на протяжении 1995-2011 гг., изменялись от 13,5 до 21 % среди аспирантов, планирующих заниматься преподавательской деятельностью, и от 42 до 56 % среди планирующих работать в научном учреждении.

Качество вузовской подготовки является фактором, непосредственно влияющим на эффективность подготовки научных кадров высшей квалификации, Это же исследование показывает, что 33% респондентов не удовлетворены своими знаниями по избранной специальности, 32% – своими знаниями по смежным дисциплинам, 13% знаниями по общетеоретическим дисциплинам. К сожалению, уменьшается также количество аспирантов, занимавшихся научной работой во время учебы в вузе (с 74,3 % в 1995 г. до 62,5 % в 2011 г.).

В концепции Национальной инновационной системы Республики Беларусь среди ключевых проблем инновационного развития страны названа слабость кооперационных связей между научными организациями, учреждениями образования и производственными предприятиями.

Важной проблемой современного образования в настоящее время является несоответствие лабораторно-учебной базы вузов и методик современному уровню, связанное с высокими темпами развития науки, высоких технологий, интенсивностью информационных потоков. В результате нередко профессорско-преподавательский состав, работая по устаревшим методикам, на слабой лабораторно-учебной базе, не может эффективно обеспечить образовательный процесс. Кроме этого, большой объем учебной нагрузки оставляет очень мало времени преподавателям для занятий научными исследованиями.

Таким образом, в связи с тем, что безопасность и технологическая независимость нашей страны в XXI веке будет определяться ее научно-технологическим потенциалом и прежде всего уровнем науки и квалификации кадров, перед Республикой Беларусь стоят неотложные и важные задачи развития национальной инновационной системы, базирующиеся на интеграции науки и образования.

Литература:

1. Елисеева И.И., Иванова Е.А., Тукумцев Б.Г. Предисловие // Наука и высшая школа в инновационной деятельности : сб. науч. работ / отв. ред. И.И., Елисеева, Е.А. Иванова, Б.Г. Тукумцев. – Нестор-История, 2007. – С. 6-9.

2. Комарова Ж. Интеграция высшего образования и науки – путь к инновациям / Ж. Комарова // Наука и инновации. – № 11. – 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://innosfera.org/node/297. – Дата доступа: 10.10.2011.

3. Für das Leben gerüstet? Die Grundkompetenzen der Jugendlichen Kurzfassung des nationalen Berichtes PISA 2000. [Electronic resource]. – 2001 – Mode of access:– URhttp://www.bildungsdirektion.zh.ch/internet/bi/de/publikationen/schulleistungsstudien.SubContainerList.SubContainer1.ContentContainerList.0040.DownloadFile.pdf. - Date of access: 10.10.2011.

4. Botschaft über die Förderung von Bildung, Forschung und Technologie in den Jahren 2004–2007. Bern, 29. November 2002. [Electronic resource]. Mode of access:– www.admin.ch/ch/d/ff/2003/2363.pdf. - Date of access: 10.10.2011.

ИНТЕРАКЦИОНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ В ВУЗЕ

Романова С.П.
к.с.н., доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Объяснение различий в процессе профессиональной социализации и адаптации будущих специалистов в современной социологии зачастую строится на основе одной из двух противоборствующих концептуальных установок – структурно-функциональной и интеракционистской. Соответствующим образом выстраиваются и логика научного поиска, и стратегия эмпирического исследования, и анализ полученных результатов, и предлагаемые управленческие рекомендации.

Структурно-функциональный подход в исследовании процесса профессиональной социализации и адаптации изначально основан на выявлении факторов, находящихся на мезо- и макроуровне функционирования системы образования, а также за ее пределами, доказывая, что положение индивида в социальной структуре имеет важное значение для выстраивания траектории образовательных и профессиональных достижений, а его поведение считается по большей части определяемым социальной системой.

Понятие социализации, институциональной идентичности, действия и организации образуют общую основу и интеракционистского концептуального представления в исследованиях, связанных с институтами и организациями. При этом в рамках интеракционистского подхода фокус внимания радикальным образом сужается со всего общества до микросреды, в которой происходит профессиональная социализация и адаптация личности. Внимание направлено на мелкомасштабные ситуации взаимодействия и на значения, которые развивают и направляют действие индивидов в рамках этих ситуаций. Именно поэтому неслучайно, что интеракционистская социология начиная с 1970-1990-х гг. является достаточно влиятельной в западных исследованиях образовательных процессов социализации профессиональных групп. Интеракционисты доказывают, что в целом «Я-концепция» человека, его представление о самом себе, развивается во взаимодействии с другими. Следовательно, говоря о профессиональном становлении личности, вполне обоснованно утверждать, что взаимодействие с преподавателями и одноклассниками/сокурсниками помогает сформировать «Я-концепцию» человека; именно эта «Я-концепция» может иметь наиважнейшее воздействие на текущие образовательные и будущие профессиональные достижения человека.

В современном интеракционистском направлении западной социологии предложено большое количество концептуальных подходов, ориентированных на изучение специфики протекания профессиональной социализации различных категорий работников. На наш взгляд, теория, разработанная в рамках интеракционистского подхода и заслуживающая внимания, – это теория навешивания ярлыков. Применительно к профессиональной социализации и адаптации данная теория в западной социологии образования была трансформирована в теорию предсказания сценария самореализации. Основной тезис данной теории состоит в том, что именно предсказания/оценки, которые делают преподаватели относительно будущего успеха или неудачи своих студентов в профессиональном становлении, имеют тенденцию сбываться именно потому, что они когда-то были сделаны. Преподаватели определяют студентов как «подающих надежды», «недалеких», «случайных в профессии» и т.д., а студенты, реагируя на такие оценки, отражая ожидания преподавателей, начинают вести себя соответствующим образом.

В качестве примера эмпирического исследования в рамках описанной выше теории можно упомянуть одну из первых работ западных социологов-интеракционистов Д.

Харгрейвса, С. Хестера, Ф. Меллора «Девиация в аудиториях» [1]. Авторы предложили обратить внимание на способы, которыми учащиеся на протяжении всего своего обучения подвергаются постоянной неформальной классификации со стороны преподавателей на успешных и неуспешных с точки зрения образовательных способностей и будущих перспектив. Хотя эмпирические исследования Харгрейвса и его коллег главным образом коснулись учащихся средних учебных заведений и колледжей, следует признать, что классификация студентов преподавателями, которая, несомненно, имеет место в вузе, может оказывать воздействие на их профессиональную социализацию и адаптацию.

Интеракционистское рассмотрение социализации, адаптации и формирования профессиональной идентичности в условиях системы образования довольно часто трактует учебные заведения как организационные условия, в которых формируются и постепенно видоизменяются биографии учащихся, как «интерактивно напряженные места», в которых постоянно происходит взаимообмен между всеми участниками учебного процесса личными репутациями, предпринимаются попытки установления временных соглашений относительно «правил игры». Внутри этой микросреды преподаватели и учащиеся вовлечены в процесс взаимного наблюдения, проверки восприятия друг друга, ответных реакций и определенных порядков взаимодействия, которые в своей совокупности и составляют процессы профессиональной социализации и адаптации в учебном заведении.

Одним из самых активных и последовательных сторонников интеракционизма в области социологии образования является П. Вудс, который в своих работах [2; 3; 4] еще в 1970-1980-е гг. обозначил наиболее сильные стороны символического интеракционизма – доверие личным мнениям социальных акторов, направление внимания на процессы межличностного взаимодействия и тщательное исследование социального контекста действия. Вудс также проиллюстрировал обоснованность своих утверждений рядом эмпирических исследований процесса профессиональной социализации и адаптации учащихся, в которых показаны стратегии формирования у учащихся систем образовательных координат и проекций в сознании групповых представлений о процессе и результате профессионального обучения. Вудс показал, как различные модели адаптации к учебному процессу приводят к дифференциации идентичностей и успехов учащихся, а индивидуальные и групповые «учебные биографии» обретают определенную форму из этих адаптационных стратегий.

Еще один сторонник интеракционизма Б. Гир в своей работе «Преподавание» [5] в схожем ключе представил исследование процессов достижения и признания авторитета, процесс установления учебного сотрудничества между преподавателем и учащимся, а также анализ процесса набора, подготовки и профессионального становления такой категории работников, как преподаватели. Несомненно, обоснованным выглядит утверждение Гиром того, что успешность профессиональной социализации и адаптации студентов может и должна изучаться не только с позиций оценки способностей тех, кого учат, но и с учетом характеристик тех, кто непосредственно играет наиболее активную роль в аудитории – преподавателей.

Весьма интересными представляются разработки символических интеракционистов в области исследования профессиональной идентичности как определенного результата процесса профессиональной социализации и адаптации. Именно они наиболее четко показывают возможности микросоциологических исследований такого феномена, как «профессиональное членство». Речь идет, прежде всего, о формировании у индивидов в ходе социализации элементов профессионального самоимиджа и самопрезентации, освоение и воспроизводство в сознании и поведении тех или иных категорий обучающихся элементов профессиональной идеологии и культуры, которые обусловливают систему ценностей, ориентаций и видов деятельности.

В качестве классического примера подобных исследований можно назвать работу британского социолога Дж. Сэламана «Общность и профессия» [6], в которой, признавая

значимость теоретической подготовки студентов, все же в качестве первостепенных выделяются три практикоориентированных детерминанты профессиональной социализации и адаптации индивида – знакомство с трудовыми задачами, осознание своего будущего положения в системе социальной стратификации и включенность в контекст профессиональной деятельности.

Таким образом, можно отметить ряд принципиально сильных сторон символического интеракционизма в исследовании профессиональной социализации и адаптации личности в вузе:

1) он «оживляет» полевую работу на микро- и мезоуровнях, обращая внимание исследователей на образовательные процессы, в ходе которых происходит личностное и профессиональное становление;

2) он активно стимулирует разработку и использование методов сбора информации, предполагающих работу социолога в непосредственном контакте с объектом исследования, т.е. с теми, кто находится в процессе профессиональной социализации – включенное наблюдение, социометрия, социальный эксперимент, семантический дифференциал, тестирование набором утверждений, метод этнографического / глубинного интервью и т.д.;

3) он позволяет вскрывать личностно окрашенные элементы профессиональной социализации и адаптации, выражающиеся зачастую не в форме рационально обоснованных ответов респондентов, а в форме эмоционально окрашенных реакций на элементы образовательной ситуации, поведенческих моделей, демонстрирующих состояние обучаемых и т.д.

Литература:

1. Hargreaves D.H., Hester S.K., Mellor F.J. Deviance in Classrooms. – London: Routledge & Kegan Paul, 1975.
2. Woods P. (ed.) Teacher Strategies. – London: Croom Helm, 1980.
3. Woods P. Inside Schools: Ethnography in Educational Research. – London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
4. Woods P. The Divided School. – London: Routledge & Kegan Paul, 1979.
5. Geer B. Teaching // Cosin, B.R., Dale, I.R., Esland, G.M., Swift, D.F. (eds.) School and Society: A Sociological reader. – London: Rouledge & Kegan Paul, 1971. – P. 3-8.
6. Salaman G. Community and Occupation: An Expolration of Work/Leisure Relationships. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ БУДУЩИХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

Кочергин В.Я.
к.ф.н., старший научный сотрудник, заведующий кафедрой экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Механизм формирования профессиональной и социальной зрелости будущих ученых в вузе представляет собой частично структурированные и синхронизированные социотехнические процессы, распределенные по традиционным устоявшимся «каналам»: учебному, исследовательскому, практико-производственному, общественно-воспитательному. Координация, субординация, синхронизация этих процессов зависит от темпоритмов самих процессов, могущих быть разноскоростными. Однако важнейшую роль выполняют обыденные практики, пронизанные неформальными коммуникациями, в которых происходит переинтерпретация нормативно заданных целей и средств. Причем это относится не только к студентам, магистрантам, аспирантам, но и к преподавателям и другим субъектам данных процессов. Профессионально и социально зрелая личность будущего ученого к моменту окончания вуза характеризуется:

– осознанным представлением о последствиях своих действий, т.е. обладает компетенциями (мировоззренческой компонентой, общей эрудицией, профессиональной подготовкой);
– высокой степенью идентификации с данным обществом, государством и профессиональными группами, включая и референтные (эталонные);
– сформированной мотивацией, основанной на частичном отказе от собственных эгоистических устремлений; мотивацией, которая изначально включает в себя конвенционально определяемые нормы и ориентации;
– «гарантиями», индивидуально обеспечивающими ответственное поведение, т.е. способностью отвечать в правовом отношении, в нравственном и психологическом, в религиозном (если речь идет о верующем человеке);
– синхронизацией индивидуальных жизненных циклов и циклов и процессов социальной среды (эмпирические проявления – в таких качествах как обязательность, точность, предсказуемость);
– высокой степенью самоконтроля и самоорганизации;
– в то же время, способностью идти на оправданный риск;
– способностью проявления социальной ответственности как в условиях «рутинизации», так и неопределенности (например, кризиса).

Процессы профессиональной социализации и социально-профессиональной адаптации будущих молодых ученых в вузе частично «пересекаются», а их взаимообусловленность и взаимосвязь не исключают противоречий. Так, будущий ученый к моменту окончания вуза может быть:

а) зрелым профессионально и социально;
б) незрелым профессионально и зрелым социально;
в) зрелым профессионально и незрелым социально;
г) профессионально и социально незрелым.

Данные противоречия формируются в результате действия ряда факторов. Профессиональная социализация более длительный и многомерный процесс, чем адаптация. В силу этого профессиональная социализация не заканчивается, а только начинается в вузе, продолжаясь в реальной практике за его пределами. Социализация в данном контексте представляет собой циклически или спонтанно возобновляемые серии социальных процессов, участниками которых выступают будущие ученые: собственно адаптации, сотрудничества, конкуренции, конфликтов, борьбы, горизонтальной и вертикальной мобильности и т.д.

Сущность адаптации, в конечном итоге, составляет приспособление к изменяющимся условиям среды и деятельности. Полная адаптация или ассимиляция проявляет себя в виде конформизма и в профессиональном, и в социальном плане.

В науке доминирует ориентация на творчество, а творческая личность – это по сути нонконформист. Освоение профессиональной культуры, которая является содержанием профессиональной социализации, включает наряду с интернализацией ценностей, норм, образцов деятельности профессиональной группы также принятие социокультурных ролей («адепта», «критика», «генератора идей» и т.д.). Подобный ролевой ансамбль предполагает личностную самоидентификацию будущего ученого с одной из этих ролей.

Важнейшим показателем профессионализации личности выступает развитие, упрочение и стабилизация профессиональной мотивации. Для профессионала перестройка мотивационного комплекса влечет за собой формирование новых интересов и потребностей, приводит к расширению сферы профессиональной деятельности и общения индивида, изменению его реальных и идеальных отношений со своей профессией. Однако изменение мотивации, в свою очередь, есть результат деятельности индивида, достижения в ней определенного успеха. Таким образом, идентификация с профессией возникает лишь в процессе формирования профессиональной пригодности как профессиональной успешности.

Очевидно, что противоречие, о котором шла речь выше, закладывается еще на уровне НИРС. Частично снимает это противоречие процессов профессиональной социализации и социально-профессиональной адаптации будущих ученых институциональная и организационная среда, расслаивающая формирующие факторы по функциям, ролям и мотивационным характеристикам. Наличие амбивалентности в профессиональном ценностном сознании ученых свидетельствует, что остаток противоречия и неопределенность сохраняется и после адаптации. Вероятно, даже и усиливается. Выпускник вуза – будущий ученый, – оказывается один на один с неопределенностью, которая становится ключевой характеристикой трудовых отношений. Формы социальной регуляции чрезвычайно уязвимы в условиях неопределенности, что таит в себе немало опасностей как для отдельного человека, так и для группы и общества в целом. Одно дело, когда речь идет об изменении отношения к нормам и ценностям, регулирующим процесс профессиональной деятельности, другое – отношение между коллегами внутри профессиональной группы или отношения с более широким социальным окружением.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Коновалов В.Т.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Построение сильного суверенного национального государства Республики Беларусь, идеологическим стержнем которого являются идеи справедливости и патриотизма, немыслимо без возрождения и развития духовно-нравственного самосознания граждан. «Будущее нашей страны – отмечается в докладе Президента на IV Всебелорусском народном собрании, – определяется духовным здоровьем нации, которое вместе с высокими моральными принципами, патриотизмом, активной жизненной позицией составляет основу общества, гарантирует его устойчивость и является главным источником его развития».

В условиях перехода к постиндустриальному (информационному) обществу, основанному на знаниях, возрастает роль не только «человеческого капитала» как такового, но и морально-этических качеств в процессе производства материальных благ и услуг, достижения общественного благополучия, разрешения большинства глубинных проблем.

События 90-х годов, связанные с развалом СССР, привели к кризису ценностей и моральных ориентиров у многих соотечественников. Трансляция ценностей старшей части народа новым поколениям в значительной мере прервалась.

В Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь (§ 32) обращается особое внимание на изменение шкалы ценностей молодого поколения в сторону ослабления патриотизма и традиционных нравственных ценностей. Об этом свидетельствует и данные социологического опроса, проводившегося Аналитическим центром Ecoom в мае-июне 2011г. (опрошено было 1325 граждан Беларуси в возрасте от 16 до 31 года). На вопрос «Считаете ли вы себя патриотом Беларуси?» (%) ответили: да – 38,40%; скорее да, чем нет –10,59%. В ответах остальных респондентов не прослеживается патриотическая позиция (см.: Бел. думка, 2011, №7, с.19).

В воспитании молодёжи произошел существенный уклон в сторону прав и уход от формирования у неё обязанностей и ответственности, что привело к росту детской преступности, падению социальной и гражданской ответственности, преобладанию иждивенческих настроений молодёжи. Утрата значительной частью молодых граждан

традиционных ценностей и ориентиров является потенциальной угрозой для нашей страны.

Всё это вызывает необходимость совершенствования процесса воспитания, улучшения его организации и содержания в учебных заведениях. В Кодексе Республики Беларусь об образовании отмечается, что целью идейно-воспитательной работы со школьной, учащейся, студенческой молодёжью в современных условиях является привитие подрастающему поколению основополагающих ценностей, идей, убеждений, отражающих сущность белорусской государственности и формирование активной гражданской и личностной позиции молодёжи в становлении сильного и авторитетного государства.

Белорусское общество нуждается в преодолении нравственной дезориентации, установлении ясных моральных ориентиров у молодых граждан страны. Сегодня для белорусов особую актуальность приобрели такие ценности, как белорусская государственность, культура, язык, знание собственной истории, национальных традиций, обычаев, общечеловеческие идеалы добра, справедливости, соблюдения прав человека. В стране востребованы патриотизм, коллективизм, гражданственность, сознательное и творческое отношение к труду, уважение к общественным нормам, дисциплинированность, ответственность, бережливость, инициативность и другие качества.

Четвёртое Всебелорусское народное собрание на первый план выдвинуло задачу нравственного воспитания человека, сохранения и упрочения культурных и идеологических основ государства и общества. В современных условиях «самое главное – заложить в подрастающее поколение идейный и нравственный фундамент», - подчёркивается в выступлении Главы государства на совещании педагогического актива 24 августа 2011 года.

Важная роль в решении этой задачи отводится общественным и гуманитарным дисциплинам. Усилия профессорско-преподавательского состава «должны быть сконцентрированы на воспитании из молодых людей ответственных и законопослушных граждан, которые бы не просто поддерживали политику государства, но и принимали активное участие в её реализации».

В центр воспитательного процесса, на наш взгляд, должна быть поставлена задача формирования у студентов научного мировоззрения на основе изучения философии, социологии, политологии, других социально-политических дисциплин на базе духовно-нравственных ценностей белорусского народа. Будущие специалисты должны иметь четкие мировоззренческие ориентиры и научные представления об идеале общественного устройства своей страны.

На республиканском семинаре руководящих работников по вопросам совершенствования идеологической работы акцентировалось внимание на необходимости определения единого мировоззренческого стержня для всех обществоведов при разработке учебников, повышения ответственности преподавателей за содержание нравственно-патриотического воспитания студентов. Принципиальная оценка состояния воспитательной работы дана в послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2011 года. В этом документе содержатся требования о необходимости внесения коренных изменений в молодежную политику, повышения спроса с должностных лиц (руководителей вузов, директоров школ, педагогов) за организацию и содержание воспитательной работы в учебных заведениях.

Сегодня нужна другая, более целенаправленная программа воспитания учащихся и студентов, формирования у них высоких духовно-нравственных качеств, здорового образа жизни, мировоззренческого самоопределения личности. Вопросы мировоззренческие, вопросы судьбы своей страны и своего народа, избранного пути развития, отношения к общественному долгу не должны быть частным делом преподавателей.

Понимая особую значимость этой задачи, кафедра философии и идеологической работы Академии МВД занялась исследованием процесса формирования мировоззренческой культуры у курсантов. Предметом самого пристального внимания преподавателей кафедры являются вопросы формирования у курсантов, слушателей патриотического, правового, нравственного сознания. Сегодня остается актуальным положение о том, что «государство сильно сознательностью масс» и что «развитие сознания масс является базой всей идеологической работы».

По нашему мнению, формирование мировоззренческой культуры, высоких нравственно-патриотических качеств курсантов, студентов следует рассматривать как важнейшее условие обеспечения безопасности в духовной сфере. Особое внимание должно уделяться воспитанию у обучаемых чувства преемственности поколений через любовь к родной земле, уважение к истории, сохранение исторической памяти, увековечение ратного и трудового подвига народа, пропаганду героизма прошлого и настоящего, осознание необходимости обеспечения безопасности страны, готовности защищать свою Родину ценой жизни, следуя традициям боевой славы отцов и дедов.

Всем попыткам разрушения традиционной системы ценностей, необоснованного пересмотра отечественной истории, распространения стандартов западного «общества потребления» должна даваться принципиальная научная оценка.

Центральной фигурой воспитательного процесса является преподаватель. Участие преподавателей в воспитании курсантов, студентов детерминируется их личностными качествами, формированием у обучаемых системы знаний и убеждений, вовлечением их в научно-исследовательскую деятельность, активным участием в ежедневной воспитательной работе как в учебное, так и во вне учебное время.

Таким образом, нравственное воспитание – это целенаправленный процесс формирования внутренней системы регуляции поведения личности в соответствии с моралью, идеалами, ценностями и нормативными требованиями общества. Оно призвано сформировать у обучаемых высокие моральные качества и нравственные чувства, развивать навыки здорового образа жизни, способности противостоять вредным привычкам и негативному влиянию массовой культуры, навязывающей молодёжи потребительские ценности.

ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО СОСТАВА БЕЛОРУСКОЙ НАУКИ С 2000 ПО 2010 ГГ.

Шарый И.Н.

к.с.н., заведующий сектором социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В 90-ые годы прошлого века направления динамики численности исследователей в странах постсоветского пространства и в странах-лидерах научно-технического прогресса не совпадали. В этот период для США и стран ЕС были характерны высокие темпы роста численности исследователей, тогда как в России, Украине и Беларуси произошло резкое сокращение их численности. В Беларуси в 90-ые годы численность исследователей уменьшилась почти в три раза. Сокращение численности исследователей сопровождалось глубокими качественными изменениями – отток из сферы науки молодежи привел к деформации возрастной структуры научных кадров. Из всех отраслей экономики с высокой долей в кадровом составе работников с высшим образованием именно в научной отрасли сложилась наиболее проблематичная ситуация с воспроизводством кадрового состава. В 2000 году доля работников в возрасте до 29 лет в отрасли «наука и научное обслуживание» составляла всего 16%, тогда как в среднем по народному хозяйству соответствующий показатель составлял 22,5%. В отрасли «образование» доля молодежи в

2000 г. составляла 24,2%, в отрасли «общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка» – 28%, в отрасли «финансы, кредит и страхование» – 29,8%, в отрасли «информационно-вычислительное обслуживание» – 23,3%.

В первой половине 90-ых годов меры по реализации эффективной воспроизводственной политики в научной сфере были недостаточными, что, наряду с экономическими проблемами, было связано с нечеткостью стратегических ориентиров развития науки и ее кадрового потенциала. В результате активной государственной политики в последующие годы были созданы благоприятные условия для притока молодежи в сферу науки, государственная поддержка научной молодежи стала приоритетным направлением научной политики, что привело к росту доли молодежи в общей численности работников отрасли до уровня сопоставимого с другими отраслями экономики. С 2000 до 2010 год доля молодежи в отрасли «наука и научное обслуживание» выросла до 23,6 %, то есть стала почти такой же, как в среднем по народному хозяйству (23,8 %).

За рассматриваемый период времени динамика роста численности работников в возрасте до 29 лет в отрасли «наука и научное обслуживание» была значительно выше среднего показателя по народному хозяйству. Если в целом численность молодежи в экономике выросла на 3,3%, то в данной отрасли – на 31%. Среди позитивных тенденций следует отметить прирост на 39,7% с 2005 по 2010 гг. численности работников в возрастной категории от 30 до 39 лет. С 2000 по 2005 годы численность этой возрастной категории работников отрасли сократилась на 33,4%. Таким образом, приток молодежи в научную сферу позволил остановить нарастающие негативные процессы в воспроизводстве кадрового состава науки. В то же время за рассматриваемый период не преодолена другая сложившаяся в прошлом негативная тенденция – сокращение численности работников в возрастной категории от 40 до 49 лет. С 2000 по 2005 годы количество работников этой возрастной категории сократилось на 32 %, а с 2005 по 2010 годы – на 20,5%.

Для обеспечения устойчивого развития кадрового потенциала науки пока не решен ряд проблем: остается недостаточной эффективность аспирантуры, не преодолена тенденция сокращения численности кандидатов наук в возрасте от 40 до 49 лет и докторов наук в возрасте до 50 лет. Необходимо учитывать, что в ближайшие годы существенно изменится воспроизводственная ситуация в целом. Если первое десятилетие XXI века имелись благоприятные возможности для притока молодежи в сферу трудовой деятельности, то в последующем, в силу неблагоприятных демографических тенденций, ситуация станет более проблематичной. В ближайшей перспективе произойдет уменьшение трудовых ресурсов республики из-за сокращения численности лиц, вступающих в трудоспособный возраст. Это обусловлено особенностями демографической ситуации − произошло снижение численности и доли детей в возрасте до 15 лет. По переписи в 1989 году доля населения в возрасте до 15 лет составляла 23%, тогда как по переписи 2009 г. только 14,7%.

В сфере науки уже в ближайшие пять лет не ожидается роста численности аспирантов, как это имело место в предыдущие годы, она будет или стабильной, или несколько сократится. В соответствии с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26.05.2011 г., в 2011-2015 гг. ежегодно планируется принимать в аспирантуру около 1300 человек, что существенно меньше, чем в предшествующие годы. Например, в 2010 г. в аспирантуру было принято 1469 человек.

Необходимо отметить, что в экономике республики прирост численности кандидатов наук за прошедшее десятилетие составил 6,2 %, в тоже время в отрасли «наука и научное обслуживание» их численность существенно сократилась – на 23,1%. В то же время численность кандидатов наук в отрасли «образование» увеличилась на 18,4%, в промышленности на 45,6%, в отрасли «здравоохранение, физкультура и социальное

обеспечение» на 15,8%. Существенно изменилась структура распределения кандидатов наук по отраслям экономики. Если в 2000 г. в отрасли «образование» было занято 60,5% кандидатов наук от их общей численности, то в 2010 г. уже 67,5% кандидатов наук. Доля кандидатов наук, занятых в отрасли «наука и научное обслуживание» существенно сократилась - с 25,8% в 2000 г. до 18,7% в 2010 г. Рассматриваемые изменения свидетельствуют о том, что в этот период происходил отток кандидатов наук из отрасли «наука и научное обслуживание».

Как показывает анализ, происходит феминизация кадрового состава исследователей в младшей и средней возрастных группах. В общей численности кандидатов наук НАН Беларуси доля мужчин существенно превышает долю женщин, в то же время тенденция состоит в том, что доля женщин растет, а мужчин - уменьшается. В 2003 году в общей численности кандидатов наук мужчины составляли 63,7 %, женщины – 36,3% . В 2010 г. доля мужчин сократилась до 60,8 %, а доля женщин выросла до 39,2 %. В 2010 г. в возрасте до 49 лет доля кандидатов наук из числа мужчин составила 54,5%, доля женщин – 45,5%. В 2003 г. это соотношение выглядело следующим образом - 60,5% и 39,5% соответственно. Таким образом тенденция состоит в том, что доля мужчин в общей численности кандидатов наук сокращается, доля женщин – растет.

Диспропорции в возрастной структуре исследователей имеют долгосрочный характер, что должно учитываться при формировании и реализации кадровой политики в сфере науки. Важно учитывать то, что не на все компоненты воспроизводственной структуры можно оказать одинаковое регулирующее воздействие. Для выработки оптимальных мер по регулированию воспроизводственных процессов и минимизации последствий деформации возрастной структуры в сфере науки необходим мониторинг и научная диагностика причин происходящих изменений.

Существенным фактором, влияющим на эффективность воспроизводства кадрового состава науки, остается международная конкуренция за квалифицированных исследователей и способных молодых людей. В ближайшее десятилетие в мировом миграционном потоке роль межстрановой интеллектуальной мобильности будет расти. В этих условиях существенно повышается роль миграционной политики государства, необходимой становится разработка мер, обеспечивающих сохранение и развитие научно-технического и интеллектуального потенциала страны, создание социально-экономических условий для реализации творческого потенциала ученых и специалистов в своей стране, что позволит предотвратить неоправданную эмиграцию высококвалифицированных работников. Особенно важно отметить, что высока роль этого направления деятельности для обеспечения задач перехода к инновационно ориентированной экономике.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ДЛЯ СФЕРЫ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

Волнистая М.Г.

к.с.н., доцент, заведующая кафедрой философии и методологии университетского образования ГУО РИВШ, (Минск, Беларусь)

Сложность и многомерность современных социальных явлений, определяемых стремительными темпами возрастающей динамики информационного общества и процессов формирования нового социально-культурного инновационного пространства предполагают разработку новых научных дисциплинарных и междисциплинарных подходов в системе социального познания. Это необходимо для разработки научных подходов к решению прикладных задач обеспечения технологической безопасности современного постиндустриального государства, важнейшей компонентой которой

являются эффективное функционирование системы воспроизводства инновационных знаний, как институциональной формы интеллектуальных ресурсов современного государства. Интеллектуальный ресурс государства – определяет перспективы создания новых и высоких технологий и технологических решений в системе промышленного производства. Одной из ведущих кардинальных целей экономики знаний – является проблема формирования сферы высоких технологий для которой, в свою очередь, важно качество подготовки высококвалифицированных кадров высшей школы. Разработка системы методологических принципов подготовки специалистов высшей школы для сферы высоких технологий в условиях экономики знаний имеет важное стратегическое и научно-практическое значение. Уровень и развитость сферы высоких технологий определяет технологический потенциал страны. В Республике Беларусь данная проблема приобретает особую актуальность в целях реализации стратегии устойчивого инновационного развития страны. Возрастающая роль модернизации национальных моделей инновационного развития и роста инновационного потенциала, особо выделена ООН как основная проблема формирования новых тенденций и механизмов развития, способных стимулировать переход традиционных экономических укладов в новое качество «экономики знаний». Национальным моделям инновационного развития традиционно уделяется большое внимание и инвестируются заметные суммы финансирования в КНР, Южной Корее, Финляндии и Сингапуре, что во многом объясняет высокую технологическую и социальную конкурентоспособность данных стран. При этом, если Ю. Корея и Сингапур строят свою экономику знаний на базе концепции «аккумулирования и заимствования», то Китай, Израиль и Финляндия преимущественно базируют концепции развития на диверсификации национальных технологических и социальных систем, опираясь при этом на социальные механизмы консолидации общества и стимулировании его интеллектуального потенциала [1, с. 142]. Для Республики Беларусь одной их фундаментальных проблем остается проблема диверсификации инновационного развития на основе стратегии модернизации экспортного потенциала страны. Задача состоит в повышении эффективности национальных научных достижений и системы воспроизводства знаний, а также мобилизации социальных механизмов, способствующих переходу к национальному развитию на основе «экономики знаний». Сегодня специфика человеческого капитала как внутреннего ресурса государства проявляется в наличии у специалистов компетенций творческого мышления и умения подбора и разработки ими нестандартных форм решения проблем в условиях быстроменяющихся ситуаций и необходимости обработки большого количества полидисциплинарной информации. Для сферы высоких и новых технологий эти компетенции являются определяющими.

Университетское образование выступает особой формой социального механизма инновационного развития в современных условиях и именно высшие учебные заведения сегодня участвуют в формировании инновационных образовательных кластеров как новой информационной среды генерации знания и формирования сферы новых и высоких технологий. Кластеры – группы организаций (компаний, предприятий, объектов инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, ВУЗов и др.), связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства продукции, ее реализации или потребления ресурсов, – в последнее время заняли особую нишу в пространстве объектов системного анализа и синтеза социального знания.

Подготовка кадров для сферы новых и высоких технологий через социальный механизм инновационных образовательных кластеров является важнейшим фактором технологического и социально-экономического развития любой страны. В XXI веке, когда человечество переходит в информационную стадию своего развития, образование должно стать непрерывным процессом, важнейшей частью жизни каждого человека, обеспечивающей ему возможность ориентироваться в информационном поле, адаптироваться к непрерывным технологическим инновациям [2]. Разнообразие

современного социального мира, характеризующегося развивающимися социальными сетями, системой коммуникаций и структур гражданского общества требует от современной личности человека развития и проявления большого творческого потенциала. Определяя основные компоненты творческой личности современного специалиста – выпускника высшей школы для сферы высоких технологий в условиях экономики знаний, необходимо среди них выделить следующие:

- Достойная цель, значимая для личности и общества
- Техника решения задач
- Планы и их упорная реализация
- Работоспособность «несмотря ни на что!»
- Волевые усилия по сохранению физического и психического здоровья
- Умение «держать удар»
- Результативность как итог творчества

Направление исследований в области методологического обеспечения процессов социального проектирования инновационных образовательных кластеров находится сегодня на уровне задач стратегического модельного обеспечения государственных нормативных структур, ответственных за технологическое инновационное развитие страны. Исследование сущности и функционального содержания инновационных образовательных кластеров сводятся к анализу путей повышения эффективности социальных механизмов инновационного развития на базе диверсификации подходов к консолидации и стимулированию инновационного потенциала. Разработка модельной интерпретации социологических подходов, ориентированных на системное проектирование процессов инновационного развития, изучение феноменологических моделей воспроизводства национальных инновационных интеллектуальных ресурсов, механизмов модернизации национального инжинирингового комплекса позволит обеспечить достаточную и необходимую технологическую безопасность развития и конкурентность национальных промышленных и информационных технологий на внешних рынках при переходе к построению «экономики знаний» [3].

Литература:

1. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003.
2. Берков В.Ф. Инновационное образование как интеллектуальный ресурс // Проблемы управления. - 2008. - № 4. - С. 56-59.
3. Демчук М.И., Хазан М.М., Волнистая М.Г., Интеграция образовательных и инновационных процессов в системе высшей школы // Вышэйшая школа.– 2004.– № 4.– С. 11-14.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Воривончик Л.Д.
к.и.н., доцент, ГУО РИВШ, (Минск, Беларусь)

В начале XX века в рамках социологии начали развиваться социально-экологические теории, которые положили начало новым научным школам, применявшим методы смежных наук, благодаря которым был накоплен достаточный фактический и теоретический багаж, позволяющий по-новому взглянуть на современные проблемы социоприродного взаимодействия. Изучая элементы внешней среды обитания человека, социально-экологические теории определили основы социальных механизмов, которые комплексно и сбалансированно, учитывали бы экономические, социальные и экологические потребности и могли бы изменить поведение людей, социальных систем. Отличительной особенностью современных угроз процессам жизнедеятельности людей

является их системный характер. Если ранее различные “внутренние” конфликты в человеческой среде возможно было локализовать и устранять независимо друг от друга, по мере их обнаружения, то сегодня этого уже далеко недостаточно, и ни одну из обозначившихся глобальных проблем (экологическую, социальную, экономическую) нельзя решить в отрыве друг от друга. Как следствие, в современной ситуации малопригодными оказываются столь распространенные ранее принципы причинно-следственного и комплексного анализа и многие другие положения социальных знаний, казавшиеся незыблемыми еще совсем недавно. На ведущие позиции выдвигаются не принципы комплексности, а принципы системности, научное понимание социальных организаций и государственно-институциональных образований, как “органистических” целостностей, получивших определение – социальных систем. Взаимосвязь социальных систем с компонентами природного окружения устанавливается через сложные корреляции различной направленности и глубины. Поэтому общенаучный уровень изучения процессов взаимодействия общества и природы образует новые комплексные междисциплинарные (интегрирующие) подходы, формирующие нетрадиционный методический аппарат исследования этой области.

Специалисты, использующие в своих исследованиях междисциплинарные подходы, считают, что сущность интегральной стратегии развития общества и природы – в гармоничном сочетании законов социальной динамики и естественных процессов биосферы.

Принципы современного научного знания, отвергающие способ действия, основанный на постоянном силовом вмешательстве в природные процессы, в настоящее время довольно неожиданно начинают коррелировать с представлениями синергетики, включенными в современную научную картину мира, а также с возможными стратегиями управления сложными самоорганизующимися (социальными) системами, которые являются неотъемлемым компонентом системы социоприродного взаимодействия. В сложных условиях глобализации и общественных трансформаций такие подходы призваны обеспечить реализацию стратегии эффективного функционирования социальной системы, ее социальной организации и должны учитывать принципы устойчивого развития на основе применения экологического императива.

АСПИРАНТУРА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Артюхин М.И.

к.ф.н., доцент, руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Королевич А.Н., Шульга Ю.А., Бурак О.Б.

ГУ «Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы» (Минск, Беларусь)

Никоненко Н.А.

УО «Белорусский государственный медицинский университет» (Минск, Беларусь)

В условиях инновационного развития общества важнейшей задачей системы послевузовского образования в Республике Беларусь является формирование оптимальной отраслевой и возрастной структуры научных кадров, качественная подготовка специалистов высшей научной квалификации, способных обеспечить развитие высокотехнологичного и наукоемкого производства.

В настоящее время в республике ведется подготовка более 4700 аспирантов в 119 учреждениях и организациях, обеспечивающих получение послевузовского образования.

В аспирантурах при высших учебных заведениях обучается 77,5%, в научных организациях – 22,5% от общего числа аспирантов по республике.

Динамика численности аспирантов за 2002-2010 годы представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Динамика численности аспирантов за 2002-2010 годы

В 2010 году сохраняется рост общей численности аспирантов, наметившийся в 2009 году. В 2010 году по сравнению с 2009 годом численность аспирантов возросла на 154 человека, а по сравнению с 2007 годом – на 227 человек.

Если рассматривать положительную тенденцию роста численности аспирантов за два последних года в разрезе республиканских органов государственного управления, то следует отметить, что рост численности аспирантов в целом по республике произошел в основном за счет Минобразования и НАН Беларуси. По сравнению с 2008 г. численность аспирантов Минобразования увеличилась на 14,5 % (с 2278 чел. до 2609 чел.); НАН Беларуси на 13,2 % (с 561 чел. до 635 чел.); в Минздраве на 8,9 % (с 471 чел. до 513 чел.).

Отраслевая структура подготовки аспирантов. За период 2006-2010 гг. отраслевая структура аспирантуры претерпела определенные изменения, особенно в области медицинских наук, где доля аспирантов в их общей численности выросла на 4,4 п.п. (с 5,9% в 2006 г. до 10,3% в 2010 г.) и в области сельскохозяйственных наук на 2,1 п.п. (с 3,9% в 2006 г. до 6,0% в 2010 г.). По сравнению с 2006 г. доля аспирантов в области технических наук в 2010 г. выросла на 0,6% и составила 21,1%. Доля аспирантов в области естественных наук за период 2006-2010 гг. практически не изменилась и в 2010 г. составила 14,1% (рис. 2).

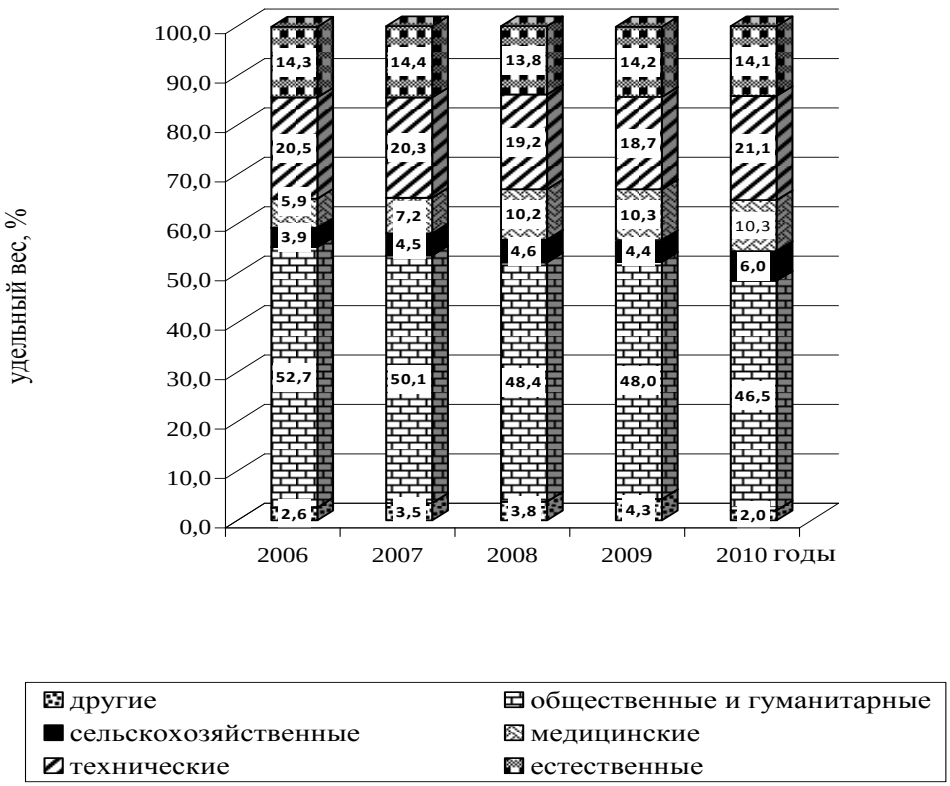

Рисунок 2. Динамика отраслевой структуры аспирантуры в Республике Беларусь за период 2006-2010 гг.

За период 2006-2010 гг. наблюдалось снижение удельного веса аспирантов в области общественных и гуманитарных наук с 52,7% до 46,5%. Однако в целом сложившиеся в отраслевой структуре аспирантуры диспропорции не преодолены. По-прежнему наблюдается преобладание численности аспирантов по специальностям общественного и гуманитарного профиля над общей численностью аспирантов в области естественных и технических наук, что не отвечает потребностям страны в период становления инновационной экономики.

Эффективность деятельности аспирантуры. Эффективность деятельности аспирантуры в Республике Беларусь представлена двумя показателями: доля аспирантов, защитивших кандидатские диссертации в срок аспирантской подготовки, в общей численности выпуска и доля аспирантов, прошедших процедуру предварительной экспертизы диссертаций, в общей численности выпуска.

В 2010 году в целом по республике всего 36 аспирантов-выпускников окончили аспирантуру с защитой кандидатской диссертации, что составило 3,5% от общей численности выпуска (в 2006 году 5,2%).

Динамика эффективности деятельности учреждений послевузовского образования республики за период 2006-2010 гг. по показателю защит в срок обучения в разрезе республиканских органов государственного управления представлена на рисунке 3.

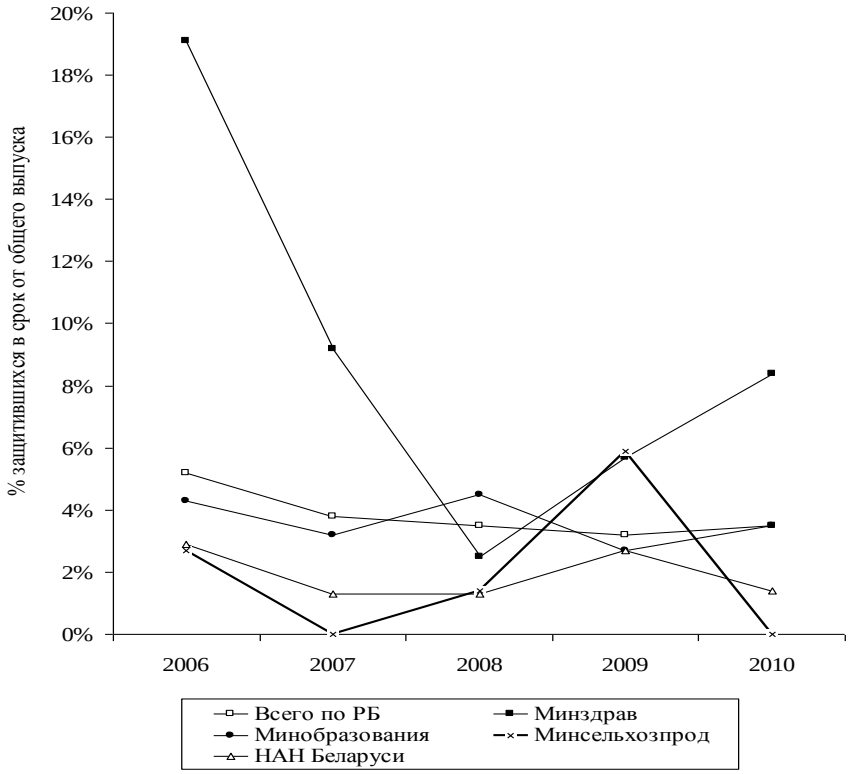

Рисунок 3. Эффективность деятельности аспирантуры за период 2006-2010 гг. по показателю защит диссертаций в срок обучения в разрезе республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций

Следует отметить низкую эффективность аспирантур научных организаций. В 2010 г. из 241 аспирантов-выпускников научных организаций только 6 чел. защитили диссертации в срок обучения (2,5% от общей численности выпуска). В вузах из 774 аспирантов-выпускников защитилось в срок 30 чел. (3,9%).

При невысоком показателе защит диссертаций аспирантами в срок обучения в целом по республике в 2007-2010 гг. сохраняется тенденция увеличения доли аспирантов, прошедших предварительную экспертизу диссертации. В 2010 году в целом по республике успешно прошли процедуру предварительной экспертизы диссертации 266 аспирантов или 26,2% от общего выпуска. Из них в аспирантурах научных организаций – 67 человек (27,8%), в вузах – 199 чел. (25,7%).

Достаточно высокие показатели прохождения предварительной экспертизы диссертации наблюдаются в области медицинских наук – 67,8% и в области естественных наук– 34,9%. Для сравнения: в области технических наук данный показатель составил всего 18,3%.

Показатели деятельности региональной аспирантуры. В 2010 году численность аспирантов в регионах составила 1262 человека. За период 2006-2010 гг. численность аспирантов в регионах уменьшилась на 20,5 %, причем в Минской области на 31,4%, в Гомельской в 47,4 %, а в Брестской на 26,4 %.

Эффективность деятельности региональной аспирантуры остается крайне низкой. Так, в 2010 году в среднем по областям она составила 2,6%. Результативность аспирантуры в Минской области в 2010 г. составила 15,0%; в Гомельской 2,8%, в Гродненской 2,2%; в Витебской 1,8%. Следует отметить, что в 2010 г. в Брестской и Могилевской областях выпуска аспирантов с защитой кандидатских диссертаций не было (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели деятельности аспирантуры в областях Беларуси и г. Минске в 2010 г.

	Принято	Выпуск	из них с защитой диссертации	
	чел.	чел.	чел.	в % к общему выпуску
Республика Беларусь	4725	1469	36	3,5
в том числе:				
г. Минск	3463	1100	29	3,9
итого по областям	1262	369	7	2,6
из них				
Брестская	89	27	-	-
Витебская	294	88	1	1,8
Гомельская	275	73	2	2,8
Гродненская	256	77	1	2,2
Минская	96	27	3	15,0
Могилевская	252	77	-	-

В последние годы в Беларуси проводилась целенаправленная работа по совершенствованию деятельности аспирантуры в соответствии с целями и задачами Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь. Предприняты меры по совершенствованию системы планирования и формирования контингента аспирантов и докторантов, по преодолению сложившихся диспропорций в отраслевой специализации аспирантов в соответствии с приоритетными направлениями науки и технологии. Достигнуто увеличение численности аспирантов, что отражает возросшие потребности страны на данном этапе становления инновационной экономики в научных работниках высшей квалификации. Вместе с тем следует обратить внимание на необходимость оптимизации отраслевой структуры подготовки научных кадров высшей квалификации с учетом потребностей ускоренного развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономики. Объемы подготовки научных работников высшей квалификации по приоритетным направлениям научно-технической деятельности не в полной мере соответствуют потребностям инновационного развития экономики страны и свидетельствуют о необходимости усиления кооперационных связей между научными организациями, учреждениями образования и производственными предприятиями с целью расширения подготовки научных работников высшей квалификации для реального сектора экономики.

КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАУКЕ БЕЛАРУСИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Димитрук П.П.

к.э.н., старший научный сотрудник сектора статистики и анализа миграционных процессов Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Государственная политика в области науки и технологий направлена на создание предпосылок для обеспечения устойчивого развития производственной и социальной сферы и повышения на этой основе жизненного уровня населения как всей страны в целом, так и ее регионов с учетом их экономических и ресурсных возможностей. Исходя из этих предпосылок, необходимо строить региональную научно-техническую политику. Задача регионов в этой связи состоит в подготовке условий для развития научно-инновационного потенциала, в том числе и его кадровой составляющей.

По данным госстатистики в 2010 году из 468 организаций, выполнявших научные исследования и разработки, 303 (64,7%) были расположены в г. Минске и 165 (35,3%) – в

областях, в том числе 29 (6,2%) – в Брестской области, 30 (6,4%) – в Витебской, 35 (7,5%) - в Гомельской, 21 (4,5%) – в Гродненской, 29 (6,2%) – в Минской и 21 (4,5%) – в Могилевской (рис. 1).

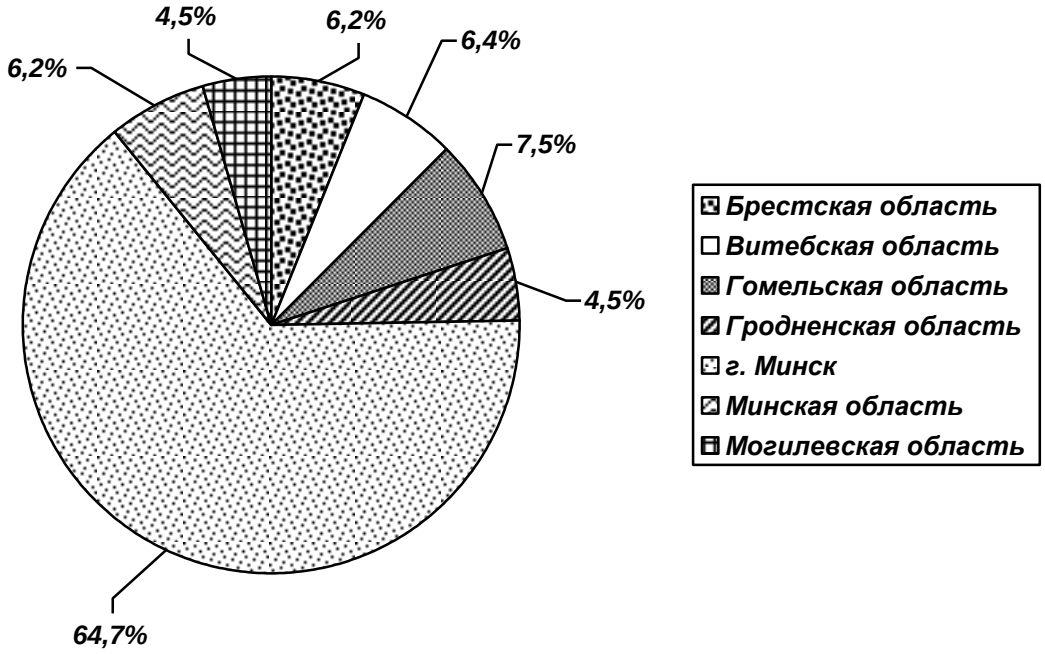

Рисунок 1. Распределение организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по областям Беларуси и г. Минску в 2010 году, %.

Эти и другие приведенные ниже данные свидетельствуют о преимущественной концентрации научно-технического потенциала республики в г. Минске. Такое положение частично объясняется наиболее значительной долей г. Минска (около 20%) по сравнению с областями в общей численности населения республики, а также высокой концентрацией здесь исследовательских организаций НАН Беларуси, Минобразования, Минздрава и других органов государственного управления. Существенное значение в этой связи имеет также высокая доля бюджетных средств, направляемых на научные исследования и разработки, выполняемые в г. Минске – более 80% от их общей величины по республике.

Вместе с тем, несмотря на преимущественную концентрацию организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в г. Минске, их число здесь растет гораздо более быстрыми темпами, чем в областях. Так, если в г. Минске число научных организаций за период с 2006 по 2010 гг. выросло на 89 ед. (41,6%), то в целом по областям всего на 41 ед. (33,1%), а, например, в Витебской области – только на 2 ед. (7,1%).

Столь значительное увеличение в г. Минске числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки, привело к росту их удельного веса в общем числе научных организаций с 63,3% в 2006 году до 64,7% в 2010 году (на 1,4 п.п.). Соответственно удельный вес числа организаций, расположенных в областях, за этот период снизился с 36,7% до 35,3% (на 1,4 п.п.). Данные о числе организаций, выполнявших научные исследования и разработки, в областях Беларуси и г. Минске в 2006 и 2010 гг. приведены в табл. 1 [1; 2].

Таблица 1. Число организаций выполнявших научные исследования и разработки, по областям Беларуси и г. Минску в 2006 и 2010 гг.

Регионы	Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки				Изменение числа организаций за период 2006-2010 гг.	
	2006 год		2010 год			
	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Республика Беларусь	338	100	468	100	+130	+38,5
г. Минск	214	63,3	303	64,7	+89	+41,6
Итого по областям	124	36,7	165	35,3	+41	+33,1
в том числе						
Брестская	18	5,3	29	6,2	+11	+ в 1,6 р.
Витебская	28	8,3	30	6,4	+2	+7,1
Гомельская	27	8,0	35	7,5	+8	+29,6
Гродненская	13	3,8	21	4,5	+8	+ в 1,6 р.
Минская	24	7,1	29	6,2	+5	+20,8
Могилевская	14	4,2	21	4,5	+7	+ в 1,5 р.

Рассчитано по: Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2006: Стат. сб. – Мн.: ГУ «БелИСА». 2007. С. 70. О выполнении научных исследований и разработок в 2010 году. Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2011. С. 8.

Одной из основных предпосылок развития региональной науки является наличие в регионах высококвалифицированных научных кадров. Однако, как показывает анализ, в территориальном распределении кадрового потенциала науки имеются очевидные диспропорции. Так, несмотря на то, что за период 2006-2010 гг. доля г. Минска в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, снизилась на 3,9 п.п., в том числе докторов наук – на 0,6 п.п., кандидатов наук – на 1,7 п.п., уровень концентрации научных кадров здесь по прежнему остается достаточно высоким. На конец 2010 г. в столице было сосредоточено 22,9 тыс. работников, выполнявших научные исследования и разработки (72,1% от их общей численности в республике), в том числе 633 (84,6%) доктора и 2612 (81,8%) кандидатов наук. Соответственно доля регионов в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, увеличилась с 24,0% в 2006 г. до 27,9% (на 3,9 п.п.) на конец 2010 г., в том числе докторов наук – с 14,8% до 15,4% (на 0,6 п.п.), кандидатов наук – с 16,5% до 18,2% (на 1,7 п.п.). Увеличение численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, за период 2006-2010 гг. наблюдалось во всех областях за исключением Витебской, где она уменьшилась на 86 чел. (7,3%). Наиболее заметное увеличение численности работников наблюдалось в Минской области – на 1086 чел. (в 1,6 раза) (табл. 2) [1, 2].

Некоторые положительные тенденции наблюдались в прошлом пятилетии и в динамике численности в регионах научных кадров высшей квалификации. Так, при уменьшении в г. Минске за период 2006-2010 гг. численности докторов наук на 2,0% (13 чел.), их численность в целом по областям возросла на 2,7% (3 чел.). Аналогично при уменьшении в столице численности кандидатов наук на 2,2% (59 чел.) их численность в областях увеличилась на 10,5% (55 чел.). Наиболее значительное увеличение численности докторов наук за прошедшую пятилетку произошло в Минской области – на 12,3% (7 чел.), кандидатов наук в Гомельской области – на 21,1% (23 чел.).

Показателем, красноречиво свидетельствующим о необходимости формирования и проведения сбалансированной региональной научной и инновационной политики, является количество работников, выполняющих научные исследования и разработки в расчете на 10000 человек населения. В 2010 г. в среднем по республике на 10000 человек населения приходилось 33 работника (в 2006 г. – 39), тогда как по г. Минску – 125 (в 2006 г. – 129), в Брестской области – 4 (в 2006 г. – 4), в Витебской – 9 (в 2006 г. – 9), Гомельской – 20 (в 2006 г. – 18), Гродненской – 5 (в 2006 г. – 4), Могилевской – 7 (в 2006

г. – 5), Минской – 21 (в 2006 г. – 13). Иными словами в отдельных областях республики по сравнению с г. Минском число ученых в расчете на 10 тысяч человек населения меньше в 30 раз.

Таблица 2. Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, в областях Беларуси и г. Минске в 2006 и 2010 гг.

Регионы	Работники, выполнявшие научные исследования и разработки				в том числе							
					доктора наук				кандидаты наук			
	2006 г.		2010 г.		2006 г.		2010 г.		2006 г.		2010 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Республика Беларусь	30544	100	31712	100	758	100,0	748	100	3197	100	3193	100
в том числе												
г. Минск	23209	76,0	22863	72,1	646	85,2	633	84,6	2671	83,5	2612	81,8
Итого по областям	7335	24,0	8849	27,9	112	14,8	115	15,4	526	16,5	581	18,2
из них												
Брестская	547	1,8	621	2,0	1	0,2	4	0,5	26	0,8	30	0,9
Витебская	1180	3,9	1094	3,4	7	0,9	8	1,1	43	1,4	47	1,5
Гомельская	2701	8,8	2866	9,0	31	4,1	26	3,5	109	3,4	132	4,1
Гродненская	488	1,6	557	1,8	10	1,3	7	0,9	49	1,6	58	1,8
Минская	1892	6,2	2978	9,4	57	7,5	64	8,6	263	8,2	277	8,7
Могилевская	527	1,7	733	2,3	6	0,8	6	0,8	36	1,1	37	1,2

Рассчитано по: Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2006: Стат. сб. – Мн.: ГУ «БелИСА». 2007. С. 70. О выполнении научных исследований и разработок в 2010 году. Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2011. С. 8.

Таким образом, очевидно, что кадровый потенциал науки распределен по территории республики крайне неравномерно – основная его часть сконцентрирована в г. Минске. Существенные различия имеются и в уровне квалификации научных кадров в различных регионах. В связи с этим следует обратить внимание на необходимость оптимизации региональной структуры научных кадров. Становление экономики инновационного типа требует развития в регионах науки с учетом их ресурсных возможностей и государственных приоритетов. Стратегическими задачами кадровой политики в научной сфере регионов должны стать обеспечение необходимых воспроизводственных кадровых потребностей региональной науки, усиление мотивации научной деятельности, выработка эффективного социально-экономического механизма привлечения и закрепления молодых талантливых ученых и специалистов в науке. Ее успешная реализация в комплексе с региональной инновационной политикой позволит создать современную модель функционирования региональной науки.

Литература:

1. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2006: Стат. сб. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2007.
2. О выполнении научных исследований и разработок в 2010 году. - Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011.

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ

Пушкевич С.А.
магистр, аспирант Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

11 августа 2011 г. подписан Указ Президента Республики Беларусь № 357, утвердивший Национальную программу демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 гг. Согласно положениям программы, планируется обеспечивать на протяжении текущей пятилетки положительный миграционный прирост на уровне 12-13

тыс. чел. в год, в том числе за счет возвращения на историческую родину соотечественников [1].

Л.Л. Рыбаковский задался вопросами критерия определения *миграционного потенциала соотечественников*. Он справедливо заметил, что количественная мера - это лишь необходимое условие, но оно отнюдь недостаточно для определения величины миграционного потенциала. Без структурирования численности населения по различным критериям невозможно установить его меру для той или иной страны. Критерии им предлагаются следующие [2]:

1. Страновой. У каждой страны может быть свой миграционный потенциал, находящийся в определенных государствах. У России - это в первую очередь государства, возникшие на постсоветском пространстве. Вне этого критерия миграционный потенциал России или любой другой страны был бы равен всему населению земного шара. По аналогии можно сказать, что основной миграционный потенциал въезда для Беларуси находится в странах постсоветского пространства и в Польше.

2. Этнический. У него два аспекта: наличие одинаковых этносов у доноров и реципиентов, а также различий в миграционной подвижности лиц разных национальностей. У России миграционный потенциал в государствах нового зарубежья, где в 1989 г. насчитывалось только русских 25,3 млн. человек, часть из которых (4075 тыс. человек) до 2007 г. включительно пополняла ее население.

Методические сложности оценки внешнего миграционного потенциала Беларуси обусловлены, во-первых, отсутствием достоверных сведений о численности белорусов и других групп этнических белорусов, проживающих в государствах СНГ и Балтии. Вторая проблема – трудности оценок установок на выезд из государства проживания. Практически единственный источник таких оценок – социологические обследования. Однако выражая готовность к переезду, респонденты могут не представлять всех сложностей, связанных со сменой условий и образа жизни, а также подспудно надеяться на внешнюю поддержку – со стороны страны выезда, государства проживания, международных организаций и т.д. Так происходит, например, в случае с увольняющимися работниками предприятий и организаций Беларуси, намеревающимися выехать за границу: 31,3% из них планируют устроиться на работу при помощи родственников, друзей, знакомых; 17,5% – по приглашению иностранного предприятия (работодателя); 17,0% – по договору или контракту, заключенному при помощи организаций, которые имеют лицензию на трудоустройство граждан за границей, и лишь 13,0% рассчитывают только на собственные силы [3].

Основу внешнего миграционного потенциала Беларуси составляют белорусские соотечественники. К соотечественникам могут быть отнесены белорусские граждане, постоянно проживающие в иностранных государствах, бывшие граждане СССР, выходцы (эмигранты) из Беларуси, а также их потомки.

Миграционный потенциал соотечественников (миграционный потенциал белорусской диаспоры) – максимально возможная на данный момент численность потенциальных мигрантов, которые могут выехать из страны проживания и вернуться в Беларусь. Если смотреть по статистическим данным последних переписей населения конкретных стран, то численность проживающих там наших соотечественников такова: Россия – 814,7 тысячи, США – 600 тысяч, Украина – 275,8 тысячи, Израиль – 130 тысяч, Латвия – 96 тысяч, Казахстан – 95 тысяч, Польша – 50 тысяч, Литва – 55 тысяч, Эстония – 21 тысяча, Молдова – 20 тысяч, Австралия – 20 тысяч, Аргентина – 7 тысяч, Великобритания – 7 тысяч, Бельгия – 2 тысячи белорусов [4].

В первую очередь к потенциальным мигрантам относятся смешанные семьи, один или несколько членов которых – этнические белорусы, а также имеющие родственников в РБ. Подвижность коренных этнических групп государств СНГ и Балтии достаточно низкая, однако, в силу значительной численности российских граждан (около 140 млн. человек), их миграционный потенциал довольно существенен и частью может быть

нацелен на РБ. Реализация миграционного потенциала белорусской диаспоры и коренного населения государств СНГ и Балтии зависит от складывающейся социально-политической и экономической ситуации в этих государствах, а также проводимой миграционной политики.

В настоящее время существует два основных фактора, способствующих возвратной миграции белорусов в РБ из бывших советских республик: а) политическое положение; б) русский язык и его статус.

Реэмиграция белорусов началась еще в конце 1980-х годов, но в 1990-е годы она стала особенно интенсивной. Так, за 1990-2007 гг. из государств «ближнего зарубежья» в Республику прибыло около 260 тыс. этнических белорусов. Это более 10% всех белорусов, живших на территории бывшего СССР за пределами Беларуси. Всего чистая миграция белорусов составила за тот же (1990-2007 гг.) период 142,9 тыс. человек, из них 66,6 тыс. – за счет России, 28,6 тыс. – стран Балтии, 16,6 тыс. – Казахстана, 14,6 тыс. – Украины, 8,1 – Средней Азии, 6,3 тыс. – Закавказья и 2,1 тыс. – Молдовы. Конечно, величина потока белорусских реэмигрантов в значительной степени зависела от того, сколько их проживало в той или иной республике [5].

Реэмиграция белорусов была вызвана целым рядом причин. Основные из них – распад СССР и связанные с ним процессы, а также обострение конкуренции на рынках труда с населением титульных национальностей, межнациональные конфликты в ряде республик бывшего СССР. Мобильность населения, которое ранее свободно переезжало по территории СССР, стала сдерживаться как экономическими факторами, так и административными. Люди остерегались переезжать в другую страну из-за проблем с гражданством, боялись потерять возможность поддерживать связь с родственниками, опасались проблем с исчислением стажа работы и получением пенсии и т.д.

В то же время миграционные потоки активизировали такие причины, как опасения потерять гражданство страны проживания после принятия новыми государствами законов о гражданстве, военные конфликты на территории ряда стран, нежелание людей жить в разных с родственниками государствах, а также изменения в национальной и языковой политике. Разделение вооруженных сил бывшего СССР и перевод военнослужащих служить по месту призыва также повлияли на направление и интенсивность миграционных потоков. Адекватная миграционная политика может вернуть в Беларусь несколько тысяч соотечественников из почти 2,5 млн. За счет привлечения мигрантов из нового зарубежья мы сможем решить проблему сокращения численности населения на среднесрочную перспективу, а также получить достаточно квалифицированные и адаптированные к нашей экономике трудовые ресурсы.

Литература:

1. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 годы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/min_progs/prog22, 28.10.2011.
2. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – С. 144-174.
3. Пушкевич С.А. Миграционные установки и адаптационные стратегии работников предприятий и организаций Республики Беларусь: главные результаты исследований 2008-2011 гг. // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XII Междунар. науч. конф. (Минск, 20-21 окт. 2011 г.): В 3тт.: Т. 2. – Мн.: НИЭИ Минэкономики РБ, 2011. – С. 135-136.
4. Как живешь, белорусская диаспора? // Белорусское время: Интернет-газета Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belarustime.ru/belarus/culture/diaspore/c6420f28d9870602.html, 28.10.2011.
5. Шахотько Л.П. Модель демографического развития Республики Беларусь. – Мн.: Беларуская навука, 2009. – С. 244 - 292.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, КАК БУДУЩЕЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ, – ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Подгайская Л.И.
доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Каждая страна – это, прежде всего, ее народ, культура, исторические традиции. Как только мы забываем об этом, нами начинают распоряжаться со стороны, навязывая свои интересы. Нация во многом живет так, как живут ее представители. Политики, ученые пытаются сегодня ответить на вопрос: какие позиции займет наша страна в окружающем геополитическом пространстве, каким новым духовным опытом обогатит историю Европы, к которой принадлежит. От того, как мы ответим на эти вопросы, будет зависеть, что скажут в мире о нашей небольшой, но динамичной, талантливой и гордой Беларуси. Поэтому высшей школе необходимо сформировать будущую научную элиту, способную ответить на эти вопросы, элиту, которая соединит в себе не только профессиональную компетентность, но и гражданскую позицию, высокую социальную ответственность и приверженность к достижениям традиционной белорусской культуры.

Социологические исследования по ценностным ориентациям студентов БГЭУ, которые на протяжении последних лет проводила кафедра экономической социологии, заставляют задуматься. Они показывают со всей очевидностью необходимость усиления патриотического воспитания студентов – нашей будущей научной элиты. Патриотизм – это моральное качество личности, которое проявляется в глубокой любви к Родине, причастности к ее материальным и духовным ценностям, в чувстве национальной гордости за ее достижения. Патриотизм проявляется в возрождении традиций, языка, обычаев белорусского народа. Исследования свидетельствуют, что только 45% респондентов считают важным знание белорусского языка, белорусских традиций и культуры и только 50% опрошенных студентов ощущают себя представителем своей национальности. Правда, большинство студентов БГЭУ ответили, что они испытывают любовь к тому месту, где родились. А это уже обнадеживающий фактор. Ведь известно, что патриотизм, зарождаясь из любви к своей малой Родине, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимается до общегосударственного самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству.

Культура всегда была тем стальным стержнем, на который нанизывались, скрепляясь воедино, все разнородные пласты национального бытия. В ситуации транзитивного общества лишаться духовно-нравственного стержня, целиком полагаясь на новую догму, что, якобы, рынок сам все устроит, означает навечно прописаться в хаосе и кризисе. Дефицит времени, отпущенного нам, чтобы обустроиться, бесцеремонное давление извне и недвусмысленно навязанная нам мировыми лидерами роль, требуют пробуждения незаурядной коллективной воли, направленной на государственное строительство. Единое смысловое поле, единый стиль жизни, одни понятия счастья, добра и зла должны пропитать, сверху донизу связать собою народ Беларуси и направить на созидание. Старую формулу Маркса следует вывернуть наизнанку и четко обосновать, что сознание определяет бытие и меняет его кардинально. Лишь традиционная культура способна задать обществу целеустремленный вектор, всем духом своим, всем укладом устремляющий личность к идеалу. Поэтому научная элита – самые умные, талантливые, энергичные – должны быть носителями лучших свойств своего народа, своей культуры.

Традиционная культура наделена структурирующим характером. Она представляет порядок в виде системы концентрических кругов, нанизанных на одну ось. То есть в центр бытия поставлена одна идея, на которую все ориентировано. И сфера личная – душа, семья, и круг наиболее обширный – государство, где все подчинено единым

представлениям о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном, о служении вечным ценностям, которыми мир держится. Алгоритм разумного управления государством должен выглядеть так: порядок в душе – порядок в семье; и только в такой последовательности образуется порядок в государстве. Все эти сферы оказываются друг другу опорой и поддержкой, и анархия в одном секторе тут же оборачивается расстройством в других. Но нам эту четкую взаимосвязь и взаимозависимость сейчас уже сложно осознать, ибо мы утратили свою культуру, которая выстраивала связную, цельную картину мироздания, выдерживала все должные пропорции. Мы подхватываем уже лишенную первоначальной пассионарности и эффективности модель постмодернистского капитализма. Капитализма, дошедшего до исчерпанности своих резервов, при котором, вполне закономерно, воцаряется атмосфера непременного потребительства, с принципом относительности всего и вся, с очень странной деформированной картиной мира, где все словно бы существует само по себе. Где каждый из миров – мир души, мир семьи и само государство – будто бы вполне независимо парят в невесомости. И рушится связь времен, когда абсолютизируется настоящее, а прошлое и будущее исчезают в неопределенности. Установки постмодерна особенно губительны в период становления государства. То, что нам, отравленным нигилизмом советского застоя и нынешней идейной пустотой, кажется само собой разумеющимся, на самом деле есть аномалия, черта вырождения. Абстрактно звучащие сегодня понятия «Родина», «долг», «честь», «идеал» прежде обладали магической властью. На заре 20 в., когда белорусский народ только приобретал свою автономию, он был в большей мере народом, нежели сейчас. Единое понимание добра и зла, единая вера, единая душа и, вследствие этого, единая воля обитала тогда. А национальная элита была проникнута благородными и действенными идеалами. Четко обозначившийся системный кризис цивилизации выносит на передний план именно мировоззренческие вопросы. И только возврат к традиционной культуре может снова консолидировать белорусское общество. Вечные ценности оттого и называются вечными, что ни время, ни человек не вправе отменять их по своему произволу. Они были той осью, что нас до сих пор надежно держала, а мы слетели с нее. Ведь посмодернистский стиль конструирует мир, где не предусмотрено каких-либо констант, где отсутствует вообще категория абсолютности, вечности. Причем настолько, что вряд ли долго сумеет продержаться такой архаизм, как национальная культура, а вслед за ней и национальный суверенитет. Очень скоро мир может стать настолько гомогенным в каждой своей точке, что смысл суверенитета окажется уже никому не ясен. Но когда мир объединится на основе потребления и вовсе забудет про культуру, все человеческое из этого мира исчезнет до основания. В обществе потребления упрощается все, в том числе и язык. Язык всегда рассматривался как код высочайшей культуры, и в этом качестве он осуществлял связь человека со своей землей. Через такой язык человек приобщался к истории, культуре, духу своей земли, и становился неразрывно связан с нею, программировался ощущать свою неразрывную причастность к ее судьбе. В потребительском обществе язык низводится до информативно-коммуникативной функции. Все существующие потребности с лихвой покрываются возможностями современного английского, который, уж совершенно точно, не язык Шекспира. И если нам предстоит вернуться к своему языку, то встает проблема, как ввести заново в оборот высокую лексику. Высокая лексика – прерогатива аристократического стиля. Если бы отношение к жизни, а, значит, земле, продолжало оставаться сакральным, знание ее культуры и, конечно, ее языка воспринималось бы не как акт чьего-то волеизъявления, а условие качественного, духовного состояния общества. Когда уходит качество, что ж удивляться, как вяло изучается белорусский язык.

Что справедливо в вопросе языка, справедливо и для других областей культуры. Совершенство традиционного знания шло за счет того, что все земное соотносилось с трансцендентным уровнем, который все охватывал, все иерархизировал. Лишенные столь стройного концептуального подхода, мы имеем большие проблемы, решая по отдельности

вопрос языка, вопрос преступности, коррупции, патриотического воспитания, экономики и т.д. Поэтому сейчас важно выработать единую концепцию развития белорусской культуры. Это и будет истинной национальной идеей, способной консолидировать белорусское общество. Наука подтверждает тот факт, что человек имеет врожденную предрасположенность к вечным архетипам, помнящим совершенного человека. Это основано на разумном ритме чередования активности и покоя, созерцания и наблюдения, т.е. вся психофизиология есть неоспоримое свидетельство истинности заповедей культуры. Следовательно, нам необходимо только вспомнить наш культурный архетип. Но только государство в состоянии создать для этого условия, когда альтруизм и сотрудничество будут задействованы в качестве продуктивных мотиваций в масштабах всего общества. И этим оно прежде всего укрепит собственные позиции. Белорусскую культуру надо реанимировать и восстанавливать ее утраченное доброе имя через ее действенность во всех сферах. Гармония в традиционном обществе достигалась за счет постоянной концентрации на абсолютном и вечном. Работы и развлечений должно было быть ровно столько, чтобы человек еще успевал вглядываться в себя, открывая абсолютное и вечное и в самом себе. Труд для многих сегодня стал рутиной, тогда как мышление наших предков воспринимало труд как священнодействие, а развлечения их носили, в основном, религиозный характер. Это обеспечивало поступление глубоких и сильных переживаний, держа человека в постоянном воодушевлении и умиротворенной ясности. Помимо тягостной рабочей лямки, современный человек еще испытывает мощное давление развлечений, неконтролируемо разрастающихся, занимающих непропорционально большое место в жизни и принимающих все более опасный характер, поскольку способствует непрерывному возбуждению психики. Оно не может бесследно пройти для способности к концентрации и ясности мышления. Внутренняя пустота ненасытна и постоянно требует крови, которую обеспечивают новейшие развлечения. Традиция выдерживала ритм, в котором человек мог вполне раскрыться и реализоваться. Вечное обновление, заложенное в традиции через прикосновение к вечному, выродилось в монотонную рутину и поэтому наступило, по выражению Фромма, омертвление души – ощущение, что безрадостная жизнь уходит как песок сквозь пальцы в механической суете. Этот ритм враждебен человеку, сводя на нет все достижения прогресса во имя комфорта. Радикальная смена ритма привела к радикальной смене культурного стиля, и герои, доминирующие в современном искусстве фиксируют болезненное состояние общества. Вместо традиционных героев: мудрец, защитник, поэт, прекрасная дама, нам предлагают другую обойму культовых фигур: олигарх, бандит, мачо, стерва. Интеллигент же, вообще, выпал из круга важных персон искусства. Если снова обратиться за советом к традиционной культуре, то в ней мы обнаружим тип высшего мужчины и высшей женщины – квинтэссенции мужского и женского начал, тот образец, на который можно равняться, вокруг которого можно консолидироваться. За настоящей элитой непременно стоит духовное наследие и ее обязанность – сохранить и приумножить завещанное. Пока же нет такого высшего типа, национальная культура выглядит провинциальной. Истинную современность и блеск национальной культуре могут придать лишь личности, которые несут свет культуры всем своим существом. Таковой должна быть наша научная элита. Но мы сегодня наблюдаем, как в нашем государстве, заняв ключевые позиции, экономика оттесняет культуру на задворки. Не удивительно, что зачастую у народа и интеллигенции культурные коды не совпадают. При бескорневой культуре национальное не может питать ничью душу и человек волен с чистой совестью ощущать себя гражданином мира и самостоятельно выбирать любую из приглянувшихся оболочек культуры.

Но не только в этом случае мы сталкиваемся с ситуацией разных кодов. Это еще более свойственно обычной семье. Когда-то поколения передавали по эстафете мудрость, которая со временем нисколько не девальвировала, так как касалась вечного и абсолютного. Современный же человек обладает лишь индивидуально нажитым опытом.

Детям и внукам попросту нечего более завещать. И если ране понятие семьи включало наличие общего духовного ядра и это создавало особую близость и глубокую насыщенность отношений, то сейчас все сводится к симпатии чисто биологического происхождения. Разные поколения не имеют общего языка, и это еще один аспект драмы формирования гармоничной личности. Национальная, культурная нивелировка ведет к исчезновению той семьи, в которой закладываются основные духовные ценности. Сегодня семья решает несколько иную задачу – готовит работника, способного исполнять функции, вписываться в шаблон. Массовая штамповка такого рода людей существенно затрудняет воспитание состоятельного патриотического настроения в обществе.

Ни одну из этих проблем социума нельзя решить чисто механическим путем. Ведь главная беда – в потере верных ориентиров. Причем, наша ситуация – типологическое воспроизведение того, что есть во всем мире. Решая национальные проблемы, следует помнить, что решаются по сути общечеловеческие проблемы, поскольку все границы, особенно культурные, сегодня проницаемы в глобализированном открытом мире; и нация встречается с проблемой, которая вовсе не ею порождена, не в ее собственном лоне вызрела, а появилась как следствие массированного давления извне. Мощная глобалистская экспансия, культурно ориентированная на то, чтобы весь мир подстричь под одну гребенку и, тем самым, его разоружить, должна вызвать ответное стремление выступить на уровне существующей угрозы. Все стоящие перед обществом проблемы должны решаться именно в этом контексте. Поэтому надо искать решения, которые могли бы повлиять на ситуацию в максимально протяженном радиусе. Не может быть в одной стране замечательной культурной ситуации, когда вокруг все плохо, что мы и наблюдаем сегодня, например, в Евросоюзе. К сожалению, силовым законодательным процессом решить проблему духовной пустоты невозможно. Нужен не запрет, не штраф, а что-то совсем иное – и это иное является весьма сложной проблемой. В социум необходимо внести нечто созидательное, общее для всей нации. И если, например, появляются единообразные стандарты потребления, в ответ надо насаждать единые нормы высокой культуры. Только с чего же начать? Думаю, с того, что одинаково важно для всех слоев общества. Кто бы ни был человек: верующий или атеист, либерал или консерватор, гуманитарий или технократ, олигарх или бедняк, дворник или интеллектуал – самые непримиримые, подчас, антиподы вдруг проявляют трогательное единодушие, как только речь заходит о благе детей и вопросе о том, в чем проявляется это благо, которое устойчиво ассоциируется с личным благом каждого. Каждый из них ответит, что благо – это когда ребенок здоров, разумен, любит родных, воспитан, ответственен, предпочитает спорт и книгу компьютерным играм. Чтобы мог в будущем создать крепкую семью и быть окруженным приличными людьми. Все перечисленное – это очень простые, обыденные вещи, чтобы рассуждать о национальной идее. Но надо признать, что это единственное фундаментальное совпадение всех со всеми, причем совпадение абсолютно искреннее. Это еще не сама идея, но может быть предпосылкой для нее. Объединившись и создав условия для развития детства на основе норм традиционной белорусской культуры, мы получим поколение, которое во взрослую жизнь войдет куда более сплоченным общими ценностями и общим стилем жизни. И если нормы традиционной белорусской культуры будут востребованы молодежью, особенно студенческой молодежью, то незаметно они будут проникать и во взрослый мир, создавая энергетически насыщенную атмосферу, в которой есть дух соучастия и сотрудничества, все то, чего сегодня так катастрофически не хватает.

Самое главное, как бы ни было тяжело, национальный дух не должен подвергаться дальнейшему вырождению. У нас должна появиться достойная научная элита, как носитель лучших белорусских традиций. Прежнее доверие к элите держалось на том, что она претендовала на дивиденды духовного свойства и была истинным стержнем нации, как Ефросинья Полоцкая, князь Витовт, Кастусь Калиновский, Янка Купала, Якуб Колас и многие другие представители белорусской элиты. Привилегии традиционной элиты

обосновывались колоссальной ответственностью, которую она добровольно возлагала на себя. Для всех слоев она была эталоном духовности, утонченных чувств и нравов. Именно такой должна быть наша будущая научная элита.

ПРЕДМЕТНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Цыбульская Н.В.
к.с.н., доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Социальная активность в целом – это совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, социальной группой, отдельной личностью. Социальная активность связана с превращением личного интереса в фактор действия, с активным познанием, целеполаганием и преобразованием действительности, и коренным образом обусловлена деятельной природой человека.

Выделяются различные виды социальной активности: трудовая, общественно-политическая, культурная (культурно-рекреационная), образовательная (учебная) и некоторые другие. Всем видам социальной активности присущи общие черты, и, в частности, то, что они имеют предметную направленность, то есть реализуются в тех или иных областях общественной жизни.

Социальная активность студентов проявляется в их отношении к приобретению новых специальных и общегуманитарных знаний, в характере общения с другими студентами и преподавателями, в их участии в общественно-политической жизни учебного заведения, города, страны, в отношении к культуре в целом и к проведению своего свободного времени.

В ходе преподавания автором учебного курса «Социология» в Белорусском государственном экономическом университете (БГЭУ) проблема социальной активности была предложена студентам в качестве предмета учебного социологического исследования, и в результате было проведено пробное описательное учебное социологическое исследование социальной активности студентов БГЭУ. Члены студенческой исследовательской группы смогли самостоятельно пройти все этапы социологического исследования от написания программы до анализа полученных социологических данных и составления рекомендаций.

Предметом учебного исследования стала социальная активность студентов БГЭУ (трудовая, образовательная, культурная, общественно-гражданская). Объектом исследования выступили студенты нескольких факультетов второго и третьего курса БГЭУ. Были сформулированы следующие цели исследования: получить оперативную информацию о социальной активности студентов БГЭУ; проверить надёжность, достоверность, правильность социологического инструментария; изучить различные виды социальной активности студентов БГЭУ на основе данных анкетного опроса. При изучении социальной активности студентов БГЭУ исследовательской группой были выдвинуты следующие группы гипотез:

1) студенты проводят своё свободное время активно, занимаясь разнообразными видами деятельности;

2) студенты БГЭУ чаще проявляют желание совмещать учёбу с работой, чем осуществляют его в реальности; студенты платной формы обучения проявляют более высокую трудовую активность, чем студенты бюджетной формы обучения; среди работающих студентов преобладают юноши; чаще совмещают работу с учёбой студенты,

которые до поступления жили в столице; работающие студенты чаще пропускают учебные занятия;

3) посещаемость занятий у студентов третьего курса ниже, чем у студентов второго курса; студенты третьего курса более активны в студенческой научной работе, чем студенты второго курса;

4) большинство студентов интересуются общественно-политическими событиями, происходящими в нашей стране и в мире.

Исследование показало, что в структуре рекреационной активности студентов наименее популярными видами отдыха являются просмотр телепередач и чтение книг. Была также определена степень активности студентов в разных сферах культуры. Так, наиболее популярным оказалось посещение кинотеатров (78% студентов на вопрос о частоте посещения кинотеатров отметили варианты «часто» и «иногда»). Следующие позиции занимают ночные клубы и дискотеки, а также театры и концерты (по 48%). Спортивные мероприятия тоже входят в список привлекательных видов отдыха (38%). В то же время 25% респондентов никогда не посещают выставки и музеи.

Был сделан вывод, что студенты проводят своё свободное время активно и разнообразно, однако эта активность имеет рекреационно-развлекательный характер, ане проявляет стремление студентов расширить свой кругозор, получить новый опыт и новые впечатления в познании и саморазвитии.

Трудовая активность студентов исследовалась по трём параметрам – выявлялись: 1) работающие студенты; 2) те, кто не работает, но хотел бы работать; 3) те, кто не работает и не имеет в этом потребности.

Было установлено, что в студенческой среде преобладают те, кто не работает, но хотел бы устроиться на работу (48%). На втором месте оказались студенты, которые отдают предпочтение учебной деятельности и не собираются устраиваться на работу (33%), а менее всего, как выявилось, тех, кто совмещает работу с учёбой (19%). Среди работающих студентов преобладают юноши – 38% против 12% девушек. Подтвердилась гипотеза о том, что студенты платной формы обучения проявляют более высокую трудовую активность (24%), чем студенты бюджетной формы обучения (14%).

Третьекурсники менее активны в плане совмещения учёбы с работой, чем студенты второго курса: 19% и 26% соответственно.

Исследование показало, что чаще всего совмещают работу с учёбой студенты, которые до поступления жили в столице (30%). Среди тех студентов, кто до поступления проживал в сельском населённом пункте, в областном центре, в районном центре, проявляют трудовую активность соответственно 17%, 15% и 14% респондентов. Был сделан вывод о том, что студенты-минчане лучше ориентируются на столичном рынке труда. Не подтвердилась гипотеза о том, что работающие студенты часто пропускают учебные занятия. Исследование показало, что преобладающее большинство работающих студентов (79%) не пропускают занятия из-за работы, а часто пропускают занятия всего 2% работающих студентов. Студенты проявляют трудовую активность в самых различных сферах деятельности, и приоритеты выделить не представилось возможным – это работа в офисе, в области маркетинга и рекламы, работа курьерами, агентами, распространителями, в охране, в строительстве, в торговле и т.д. Образовательная активность студентов изучалась при помощи таких индикаторов, как частота посещения учебных занятий, уровень и качество подготовки к практическим занятиям, участие в научной студенческой работе. В целом подтвердилась гипотеза о том, что посещаемость занятий у студентов третьего курса ниже, чем у студентов второго курса. Об этом свидетельствуют следующие данные: 30,1% студентов-третьекурсников посещают практически все занятия против 40% второкурсников. Студенты третьего курса проявляют более высокую активность в студенческой научной работе, чем студенты второго курса (42% против 13%). Общественно-политическая активность студентов исследовалась, в

частности, по следующим направлениям: степень интереса к событиям, происходящим в стране и в мире; участие в выборах в органы власти.

Гипотеза о том, что большинство студентов интересуются событиями, происходящими в стране и в мире, подтвердилась. Постоянный интерес к политическим событиям проявляют 45% студентов 2-го курса и 60% третьекурсников. Активность в этой сфере у юношей оказалась значительно выше, чем у девушек (68% против 33%). Гражданская активность студентов достаточно высока – 70% студентов отметили своё участие в выборах в различные органы власти, причём степень социальной активности этой направленности оказалась сопоставимой у студентов разных курсов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что организация и проведение силами студентов учебного социологического исследования, предметом которого является изучение социальной активности студенческой молодёжи, явились оправданным средством достижения целого комплекса научно-образовательных, практических и воспитательных целей. Проведение исследовательской работы дало возможность студентам не только ознакомиться на практике с основными этапами прикладного социологического исследования, но и развить собственные научно-исследовательские способности, приобрести навыки работы с научной литературой по теме, формулирования научных гипотез и в целом формирования «социологического» восприятия происходящих в обществе событий. Кроме того, участники исследовательской группы приобрели объективные знания об образе жизни своих сверстников, смогли беспристрастно оценить проявления студенческой активности в социальной жизни, развеять некоторые мифы об особенностях поведения современной студенческой молодёжи.

ЖЕНЩИНЫ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Антонова Т.А.
научный сотрудник сектора статистики и анализа миграционных процессов Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

На 1.01.2011 г. численность женщин - исследователей, выполнявших научные исследовании и разработки, составила в Национальной академии наук Беларуси 2,9 тыс. чел. (табл. 1).

Таблица 1. Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки

	Год	Численность исследователей, человек		
		всего	из них женщин	
			АВ	%
Республика Беларусь	2000	19707	9099	46,2
из них:	2010	19879	8392	42,2
НАН Беларуси	2000	5010	2233	44,6
	2010	6290	2909	46,2

Источник: Наука Республики Беларусь 2000. Стат.сб./. – Минск: БелИСА, 2001. - С. 49-50; О выполнении научных исследований и разработок в 2010 году. – Минск: Нац. стат. комитет РБ, 2011.– С.13-14.

Как видно из данных таблицы, хотя по сравнению с 2000 г., в целом по республике, общее количество исследователей – женщин уменьшилось, в Национальной академии наук Беларуси этот показатель вырос, причем как в абсолютных цифрах, так и процентном отношении и составляет в настоящее время 46,2%. В целом, доля женщин –

исследователей НАН Беларуси составляет 32% от численности всех женщин – исследователей республики.

Как известно, основной объем выпуска научных работников высшей квалификации в стране приходится на высшие учебные заведения и НАН Беларуси. Так, в 2010 г. выпуск аспирантов в республике составил 1015 человек, в том числе НАН Беларуси – 13,1% [1]. При этом следует отметить, что в 90-х гг. XX века, когда размер стипендий не обеспечивал в должной мере жизненных потребностей аспирантов, а также резко упала социальная престижность занятия наукой, произошел отток из аспирантуры мужчин и, соответственно, заполнение вакансий женщинами. К концу 90-х гг. гендерная асимметрия в пользу мужчин в аспирантуре стала выравниваться за счет роста приема женщин, и к 2010 г. численность женщин, обучающихся в аспирантуре, составила в Республике Беларусь 2715 человек – 57,5% от общего количества обучающихся в аспирантуре на конец года; в докторантуре в этот период состояло 45 женщин (45,9% от общего количества, обучающихся в докторантуре республики на конец года).

В НАН Беларуси в аспирантуре обучалось 349 женщин или 12,9% от общего количества женщин, обучающихся в аспирантуре Республики Беларусь на конец года; в докторантуре НАН состояло 8 женщин (17,8% от общего количества женщин, обучающихся в докторантуре республики на конец года).

По состоянию на 1.01.2010 доля исследователей – женщин в возрасте до 29 лет составила в НАН Беларуси 50,7%; 30-39 лет – 54,8%; 40-49 лет – 53,3%; 50-59 лет – 48,8%; 60-69 лет – 35,0%; 70 лет и старше – 18,6% [2]. Таким образом, можно заключить, что среди исследователей НАН Беларуси преобладают женщины в возрасте до 49 лет, причем наибольшее соотношение в пользу женщин наблюдается в возрастной категории 30-39 лет.

В общей численности исследователей-кандидатов наук доля женщин в НАН Беларуси составляет 39,2%, в том числе в возрасте до 39 лет – 46,1%; 40-49 лет – 44,6%; 50-59 лет – 40,9%; 60-69 лет – 31,4%; 70 лет и старше – 23,4%, то есть с увеличением возраста идет последовательное снижение доли женщин среди кандидатов наук НАН.

Что касается докторов наук НАН Беларуси, то доля женщин среди них составляет 17%, в том числе в возрасте 40-49 лет – 20%; 50-59 лет – 13,9%; 60-69 лет – 22,5%; 70 лет и старше – 13,3%. Таким образом, пик научной карьеры женщины в НАН Беларуси приходится на ее пенсионный возраст - 60-69 лет. В целом, как видно из приведенных данных, доля женщин-кандидатов наук среди исследователей НАН Беларуси в 2,3 раза превышает долю женщин-докторов наук.

Довольно слабыми остаются позиции женщин в среде научной элиты страны. Так, за всю историю существования Национальной академии наук Беларуси (с 1928 г.) по состоянию на 2011 г. среди ее руководителей не было ни одной женщины; действительными членами были избраны две женщины, членами – корреспондентами – двенадцать женщин [3]. В настоящее время в НАН Беларуси трудятся 1 женщина – академик и 7 женщин – членов-корреспондентов. Все они относятся к возрастной категории старше 60 лет, в том числе 2 женщины – члены-корреспонденты – старше 70 лет, женщина-академик – старше 80 лет.

Женщин, также, мало среди руководителей научных подразделений НАН Беларуси. Так, по данным Управления кадров и кадровой политики аппарата НАН, в 2010 г. среди директоров академических институтов (всего директоров – 48) была всего 1 женщина (Институт микробиологии, Отделение биологических наук); среди заместителей директоров по научной работе (всего заместителей директоров по научной работе – 79) – 15 человек (Отделения физико-технических наук (1 чел.), химии и наук о земле (2 чел.), биологических наук (7 чел.), медицинских наук (2 чел.), гуманитарных наук и искусств (1 чел.), аграрных наук (2 чел.). Таким образом, доля женщин среди директоров научных подразделений НАН Беларуси составила в 2010 г. 2,1%, среди заместителей директоров по научной работе – 19%.

Таким образом, анализ данных государственной статистики за 2010 год показал, что женщины-исследователи НАН Беларуси составляют более трети всех женщин-исследователей Республики Беларусь. Среди них преобладают женщины в возрасте до 49 лет, причем наибольшее соотношение в пользу женщин наблюдается в возрастной категории 30-39 лет. На конец 2010 г. доля женщин, занимающихся в аспирантуре и докторантуре НАН Беларуси составляла, соответственно, 12,9% и 17,8% общего количества женщин, обучающихся в аспирантуре и докторантуре РБ. В общей численности исследователей-кандидатов наук в НАН Беларуси доля женщин составила 39,2%, в 2 с лишним раза превысив долю женщин-докторов наук. Среди директоров академических институтов женщины составили 2,1% (1 чел.), среди заместителей директоров по научной работе – 19% (15 чел.). В среде научной элиты страны в настоящее время трудятся 1 женщина-академик и 7 женщин – членов-корреспондентов НАН Беларуси. Все они относятся к возрастной категории старше 60 лет, в том числе 2 женщины – члены-корреспонденты – старше 70 лет, женщина-академик – старше 80 лет. Таким образом, пик научной карьеры женщин в НАН Беларуси приходится на возраст, превышающий 60 лет.

Литература:

1. О работе аспирантуры (адъюнктуры) и докторантуры Республики Беларусь в 2010 году. - Минск: Нац. стат. ком. РБ, 2011. – 42 с.
2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2010 году. – Минск: НАН Беларуси, 2011. – 352 с.
3. Национальная академия наук Беларуси: Персональный состав, 1928-2008. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 376 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Смыкова Е.Ю.
младший научный сотрудник сектора социальных инноваций Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Изменившаяся социокультурная ситуация, а также преобразования в экономической, политической и социальной сферах в современном мире актуализируют новые теоретические подходы и практические методы к изучению образования. На сегодняшний день можно говорить о существовании полипарадигмальности при исследовании данной проблематики. Рассмотрим некоторые подходы исследователей, которые занимались изучением феномена «образование» под различным углом зрения.

Согласно российскому социологу А.М. Осипову, в современной отечественной социологии образования центром, обеспечивающим предметное единство отрасли, являются научные представления о структуре и функциях социального института образования, а также о социальных отношениях субъектов образования, характеризующих состояние и развитие этой социальной системы [1, с. 37]. Данную традицию институционального анализа образования можно проследить в работах В.В. Гаврилюка, В.Я. Нечаева, В.И. Добренькова, где социальный институт образования рассматривается, прежде всего, с позиции многообразия ступеней образования, обеспечения преемственности различных уровней образования. В трудах Ф.Р. Филиппова, Е.А. Шуклиной центральную проблематику составляют функции образования в обществе, особенности социальной организации образования, социальные взаимодействия в образовательной сфере [1, с. 39].

Для полной реализации теоретического и практического потенциала отрасли требует своего решения и вопрос о роли, значении образования в развитии общества. И в

данном случае, как отмечает А.М. Осипов, в рамках институционального анализа невозможно удержаться, возникает необходимость осмысления нарастающих в обществе инновационных социальных процессов, сохранения основ существования цивилизации и жизнедеятельности отдельного человека. Это привело к разработке системно-субъектного подхода в социологии образования, в рамках которого образование рассматривается как открытая социальная система, сущностью которой является взаимодействие социальных субъектов (личности, социальных общностей, общества в целом) с целью развития и реализации социальных качеств человека. В систематизированном виде этот подход представлен в работах С.И. Григорьева и Н.А. Матвеевой, где социология образования позиционируется как теория среднего ранга неклассической социологии, как отрасль социологического витализма [1, с. 40].

В контексте виталистской социологии образование рассматривается как открытая социальная система, содержанием которой являются отношения владения, пользования, распоряжения, а также присвоения, потребления и распределения, возникающие между социальными субъектами в процессе передачи устойчивых форм социального опыта [1, с. 38]. В рамках концепции жизненных сил человека и общества образование характеризуется как целостная трехкомпонентная социальная система, поэтому оно рассматривается как социальная деятельность, как социальный институт, как ценность.

А.М. Осипов приходит к выводу, что системно-субъектный подход не противоречит традиционному институциональному анализу проблем образования, а, наоборот, два подхода взаимодополняют друг друга, однако наблюдается некоторое смещение акцентов в детерминантах. Институциональный анализ предполагает доминирование структуры образования, обусловливающей образовательные потребности и поведение человека. Системно-субъектный подход акцентирует внимание на значимости обратной связи – активности социального субъекта в использовании возможностей института образования для преобразования себя и общества.

В рамках монографии по социологии образования авторским коллективом в лице В.Н Ярской были сформулированы несколько иные подходы к анализу образования. В работе отмечается, что, начиная с 1970-х, среди социологов, идут дебаты по поводу разрыва микро- и макро подходов в анализе образования, но исследования в области образования остаются разделенными на изучение феноменов большого масштаба, то есть социальных систем и национальных политик, с одной стороны, и casestudy индивидуальных школ и взаимодействия, с другой [2, с. 18]. В итоге было предложено три подхода, которые сосредоточены на различных уровнях анализа: функционалистский и конфликтный подходы склонны к макрокосмическому взгляду на социальные отношения и культуру школ, в то время как интеракционистская методология фокусируется на маломасштабном взаимодействии между индивидами и малыми группами [2, с. 24].

Структурный функционализм, который доминировал в социологии образования в 60-е, рассматривая любые процессы, в том числе связанные с функционированием школы, в связи с категорией социальной системы был подвержен критике за консервативную направленность и поставлен под сомнение сторонниками теории конфликта. Последние считали, что образование можно рассматривать как воплощение групповых конфликтов, возникающих по поводу содержания образования.

Переход же к рассмотрению образования под иным углом зрения происходит в 1970-е, когда социологи ищут ответы на вопросы, что именно считать образованием, что значит быть образованным. Происходит замещение прежней парадигмы интеракционистской теорией (теория обмена, теория навешивания ярлыков). Общее изменение методологии вместе с изменившимся теоретическим подходом обусловили изменения и в методологии эмпирических исследований, когда социологические опросы сменились включенным наблюдением и неструктурированным интервью. Интеракционистская теория делает акцент на социально-психологических вопросах обучения. Социологи, используя этот подход в сфере образования, уделяют внимание

взаимодействию учитель – ученик, отношение между учащимися; установкам, ценностям и достижениям учащихся, изучают зависимость между достижениями учащихся и их социально-экономическим статусом. Представители интеракционизма разъясняют процессы внутри системы образования как результат различных уровней достижения.

Все выделенные выше методологии и теоретические подходы, как отмечает В.Н Ярская, адекватны в большей мере для того, чтобы понимать стратифицирующую роль пространства и времени образования, равно как и взаимодействие антропологических и глобальных процессов этой сфере.

В современном же ключе, в ключе постмодернизма, возникновение которого связано с поколением 60-х годов XX в., когда людей с высшим образованием стало больше чем в предыдущих поколениях, образование предстает как институт социальной идентификации, конструирования реальности, социального интеллекта, культурного инвайронмента и плюрализма жизненных стилей; взаимодействия мировых и региональных потоков культуры; удовлетворения статусных социальных, интеллектуальных и экзистенциальных потребностей. Образование, как институт социальной идентификации, делает возможным реконверсию культурного капитала, а с привлечением идеи социально-конструирующей функции образования меняется соотношение ролей, которые преподаватели и студенты играют в качестве участников изменения.

Первой попыткой обозначить социальный контекст образования, как отмечает В.А. Нечаев, было осуществлено в рамках социокультурного подхода. Данный подход органично вписывается в концепцию социализации личности, задает некоторые ориентиры по поводу соотношения воспитания и обучения, а также предоставляет широкие возможности наращивания содержательных концепций. Помимо социокультурного и институционального подходов, где в рамках последнего анализ обращен к организационному строению образовательных систем, к описанию структур, функций учебных заведений, выделяется и социокоммуникативный.

Глубокие культурно-генетические связи образования, конструкты понимания механизмов становления и функционирования образования как социального института раскрывает социокоммуникативный подход. В условиях чрезвычайно ускоренного взаимовлияния этнокультур и взаимодействия дисциплинарных областей знания резко возрастает потребность в осмыслении возможностей взаимной экспликации знаковых систем, постижении символического универсума. Каждая отрасль науки призвана построить конструкты выражения своей системы знания в категориях семантики. В рамках данной парадигмы социолог особо подчеркивает значимость работы М.К. Петрова «Язык, знак, культура», в основе которой лежит поиск оснований современной цивилизации, роль в ней знания, а также понимание генезиса важнейших институтов современной цивилизации – науки и образования.

В.Я. Нечаев утверждает, что если к анализу образования подходить с позиций символического интеракционизма, социолингвистики, семантики, семиотики и иных современных направлений социальной мысли, то его можно рассматривать с помощью социокода – понятия, объясняющего, как в различных цивилизациях осуществляется трансляция накопленного опыта. Поскольку социокод существует в разных формах, постольку образование на каждом новом этапе своего развития последовательно приобретает разные формы (в традиционном обществе оно осуществляется через институты подмастерья и духовного наставничества, затем на смену им приходит школа с полидисциплинарным обучением и т.д.). Следовательно, в рамках социокоммуникативного подхода образование рассматривается как сложный культурно-исторический процесс, «в ходе которого мозаично, тонкими напластованиями шла эволюция культурных форм преемственности опыта» [3, с. 87].

В русле неклассической социологии, в частности феноменологического направления, предлагает рассматривать образование белорусский социолог Т.Б.

Полоневич. Автор отмечает, что большинство исследований по данной проблематике проводятся в русле классической методологии и методике социологической науке, то есть в рамках объективистской парадигмы. Но если обратиться к понимающей социологии, картина образовательного пространства может дополниться новым содержанием или вовсе оказаться совершенно иной.

Как отмечают сегодня многие исследователи, в последние десятилетия в социальных и гуманитарных науках происходит «тихая методологическая революция», связанная с появлением и широким применением качественных методов исследования [4, с. 127]. Сторонники качественной методологии сегодня предлагают и разрабатывают новые методы, процедуры сбора и анализа данных, подходы и теоретические взгляды. Качественные исследования представляют сегодня собой неоднородную, многозначную область исследований, образованную целым множеством традиций, подходов и теорий. Поэтому не случайно акцент ставится на одном из таковых подходов как феноменологический.

Феноменологическая социология, как отмечает Т.Б. Полоневич, предпочитает качественные формы работы с феноменом образования (описание, анализ, интерпретация) разного рода измерительным процедурам и качественные данные (значения, смыслы языка) – количественным; отдает предпочтение естественной обстановке исследования («полевой» форме работы); предпочитает вопросы «как» и «что» вопросу «почему», индуктивный способ работы с данными, фокусирование на языке и смыслах самих испытуемых [5, с. 115]. При этом данные в социологии являются не чисто результатом эмпирических наблюдений, а преломлением их через комплекс человеческого восприятия и мышления, поэтому иногда латентные не только для исследователя, но и для самого объекта изучения – личности – структуры человеческого сознания могут быть изучены наиболее адекватно лишь с помощью понимающей социологии, разновидностью которой является феноменологическая социология.

Таким образом, на смену классической парадигме рассмотрения образования представленной институционализмом, конфликтным, деятельностным и т.д. подходами приходит неклассическая, основанная на понимании общественных феноменов, которые конструируются и постоянно воссоздаются индивидами. Поэтому неклассическая парадигма как качественная методология исследований образования могла бы стать весьма продуктивной при изучении вопросов, которые касаются личности субъектов образовательного процесса, условий адаптации и развития в образовательной среде, мотивации учения и многих других.

Литература:

1. Осипов А.М. Социология образования в России: «работа над ошибками» в начале XXI века / А.М. Осипов, Н.А. Матвеева // Высшее образование в России. – 2009. – № 9. – С. 36–42.
2. Социология образования: учеб. пособие / В. Ярская [и др.]; под ред. Д.В. Зайцева. – Саратов: СГТУ, 2004. – 300 с.
3. Нечаев В.Я. Новые подходы в социологии образования / В.Я. Нечаев // Социс. – 1999. – № 11. – С. 84–91.
4. Полоневич Т.Б. Феноменологическое направление социологии как методология исследований в области университетского образования / Т.Б. Полоневич // Университет в перспективе развития: Альманах Центра проблем развития образования БГУ. – 2007. – № 5. – С. 122–130.
5. Смелзер Н.Дж. Социология / Н.Дж. Смелзер // Социс. – 1993. – № 5. – С. 110–122.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЫНКА ТРУДА И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мороз О.В.
магистр, преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Я.Купалы, аспирант Академии Управления при Президенте Республики Беларусь (Гродно, Беларусь)

Влияние мирового экономического кризиса на характер взаимодействия институтов системы высшего образования и рынка труда носит фундаментальный характер. В настоящее время образование является одним из основных факторов развития общества. Наиболее проблемными являются вопросы, касающиеся содержания образования, соответствия системы образования потребностям экономики, взаимодействию систем образования и рынка труда и др. С позиций социально-экономического развития высшая школа является центром науки, культуры и образования. Для системы высшего образования характерна широкопрофильная, фундаментальная подготовка студентов, которая позволяет продолжать обучение в стенах данного университета на всех уровнях совершенствования и повышения квалификации, включая аспирантуру и докторантуру. Рынок труда – это социально-экономическая категория, включающая в себя исторически сложившийся специфический общественный механизм, реализующий определенный комплекс социально-трудовых отношений, способствующий установлению и соблюдению баланса интересов между трудящимися, предпринимателями и государством. Таким механизмом является модель спроса и предложения рабочей силы (труда).

В последние десятилетия в публикациях, связанных с анализом социально-экономических аспектов взаимодействия рынка труда и системы образования, широко используется термин «социальное партнерство», обозначающий «… социальную систему взаимодействия социальных субъектов, социально-экономические интересы которых принципиально различны, а иногда и противоположны, однако достижение этих интересов невозможно без определенного согласования позиций субъектов» [1]. Объектом в данном случае выступает система образования, а субъектом являются органы законодательной и исполнительной государственной власти, предприятия и организации, органы местного самоуправления, учебные заведения, объединения работодателей и трудящихся и т.д. Предметом же выступают существующие проблемы в системе образования, в разрешении которых заинтересованы субъекты.

Рассмотрим наиболее распространенные формы взаимодействия системы образования и рынка труда за рубежом [2]:

– модель факультативных групп, представляющая собой создание японскими корпорациями факультативных групп на базе высших учебных заведений, по завершении обучения в которых студенты обладают всеми необходимыми компетенциями для работы в корпорации;

– взаимодействие «предприятие–вуз», развиваемое на долгосрочной основе (организация стажировок студентов, участие специалистов-практиков в учебном процессе, финансовая помощь в закупке современного оборудования и т. д.);

– программы совместной подготовки практикуются в США, Германии и предусматривают взаимодействие учебного заведения и компании на этапе организации учебного процесса;

– в Германии осуществляется обучение на предприятиях, предполагающее сочетание обучения в традиционном учебном заведении с частичной занятостью на производстве;

– во Франции функционируют профессионально-консультативные комиссии, которые формируются из представителей реального сектора экономики, высших учебных заведений и государственных органов управления. Данные профессионально-

консультативные комиссии являются разработчиками учебных программ по различным специальностям.

Несмотря на наличие разнообразных форм взаимодействия системы образования и рынка труда оценить степень этого воздействия крайне сложно. Специалисты Международной организации труда, считают, что трудности, возникающие при оценке взаимосвязей между системой образования и рынком труда, обусловлены следующими факторами [3]:

– несоответствие между количественными, структурными и качественными данными. Статистически учитываются сферы деятельности выпускников вузов и соответствие полученной специальности рабочему месту;

– недостаточное обоснование учебных планов и учебных программ, компетенций по видам профессиональной деятельности;

– анализ ожидаемых компетенций проводится по результатам опросов сотрудников кадровых служб, которые не являются специалистами в данной сфере деятельности.

В нашей республике высшее образование развивается в соответствии со стратегией перехода страны к инновационной экономике и является основным источником обеспечения кадрового потенциала.

Анализируя взаимодействие системы образования и рынка труда в Республике Беларусь можно отметить несколько аспектов. Функционирующие на данный момент формы взаимодействия – целевой заказ на подготовку специалистов, участие работодателей в ярмарках вакансий, государственных экзаменационных комиссиях, курировании курсовых и дипломных работ недостаточны для подготовки высококвалифицированных специалистов. В настоящее время подготовка специалистов с высшим образованием осуществляется по достаточно широкому профилю. За 2008–2010 годы в соответствии с предложениями организаций – заказчиков кадров и с учетом перспективной потребности в специалистах открыта подготовка по 16 специальностям, обеспечивающая кадровую потребность таких отраслей, как микроэлектронная промышленность, вычислительная техника, программное обеспечение, биотехнологии, наноматериалы и нанотехнологии, логистика, сфера туризма. За 2006–2010 годы в связи с изменениями рынка труда прием в вузы увеличился на 17% (15 тыс. человек), при этом на 40% – на специальности здравоохранения, на 28% – на специальности строительного профиля, на 20% – на технические и технологические специальности. Распределяются около 95% выпускников, обучавшихся в дневной форме за счет средств республиканского бюджета. Направления на работу ежегодно получают примерно 10% выпускников, обучавшихся в дневной форме на условиях оплаты. Все выпускники учреждений высшего медицинского образования распределяются.

По данным министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь безработные, состоящие на учете на 01.07.2011, имеют образование: общее среднее - 40,2%, общее базовое - 11,2%, профессионально-техническое – 24,8%, среднее специальное – 13,5%, высшее и послевузовское – 10,2%. вместе с тем, Минтруда констатирует, что на рынке труда страны есть структурный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы: в общем числе вакансий 80,8% предназначены для рабочих. В январе-августе 2011 г. в экономике республики было занято 4 657,8 тыс. человек, что на 0,1% меньше, чем в январе-августе 2010 г. Численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, на конец сентября 2011 г. составила 30,1 тыс. человек, что на 16,3% меньше, чем в сентябре 2010 г. и на 4,4% меньше, чем в августе 2011 г. Уровень зарегистрированной безработицы на конец сентября 2011 г. составил 0,6% от экономически активного населения (на конец сентября 2010 г. – 0,8%) [4].

Международная организация труда в качестве безработного считает того, кто не имеет работы и готов к ней приступить. В качестве критерия выступает заявление

безработного, что в течение недели он предпринял определенные действия для поиска работы. Учитываются пенсионеры, студенты, если они ищут работу.

В нашей республике среди безработных числятся только те, кто состоит на учете в службе занятости. Однако многие безработные не обращаются в данную структуру, если не имеют желания получить дотацию на открытие собственного дела или переквалифицироваться. Невысокий размер пособия по безработице не способствует желанию постановки на учет, кроме того, есть общественные работы, в которых должен участвовать зарегистрированный безработный.

Исследование и обобщение отечественного и зарубежного опыта в сфере взаимодействия системы образования и рынка труда, выявление тенденций, а также определение перспективных потребностей их сбалансированного развития выявляет необходимость формирования механизма социально-экономического взаимодействия вузов и предприятий.

Бесспорно, социально-экономическое развитие экономики регионов и страны в целом не может осуществляться без согласования интересов представителей рынка труда – работодателей и вузов – как представителей образовательной системы.

Рыночные преобразования вызывают необходимость слаженного взаимодействия сфер экономической и социальной деятельности, и в особенности в системе высшего образования. На образование в Беларуси в 2010г. уходило до 5% ВВП. При этом более половины руководителей предприятий отмечают, что низкая квалификация работников тормозит развитие производства. Современные тенденции таковы, что повышение уровня образования подразумевается уменьшение в процентном отношении доли населения с низким уровнем квалификации и увеличение – с высшим образованием. Совокупные показатели охвата населения Беларуси высшим образованием очень высоки.

Основным критерием, определяющим спрос и уровень потребности в конкретных специалистах, является соответствие количества и качества выпускников тех или иных специальностей показателям их трудоустройства, что позволяет согласовывать интересы и потребности участников рынка труда и образования; организовывать взаимодействия системы образования и рынка труда; анализировать, обобщать статистическую информацию о вакансиях и специалистах; прогнозировать потребность в количестве и качестве выпускаемых на рынок труда специалистов и осуществлять мониторинг трудоустройства. В программах объем учебной нагрузки постепенно перераспределяется в пользу различных форм самостоятельной и индивидуальной работы, студентов и соискателей различных уровней, при этом серьезно улучшая со стороны профессорско-преподавательского состава качество и количество проводимых консультаций. Смещение акцента от образовательной деятельности к научному и научно-исследовательскому аспекту позволяет осуществлять подготовку и переподготовку специалистов с учетом современных требований и стандартов качества подготовки специалистов.

Специфической проблемой взаимодействия системы образования и рынка труда в Республике Беларусь, так же как и в других странах СНГ, является отсутствие единого понимания сущности компетенций представителями сферы образования и представителями реального сектора экономики, несмотря на принятые стандарты. Если представители образовательного сообщества под компетенциями понимают «знания, умения и опыт, необходимые для решения теоретических и практических задач» [5], то представители реального сектора экономики «возможность индивида действовать, причем действовать эффективно» [6].

На основании вышеизложенного можно выделить следующие проблемы и противоречия взаимодействия системы высшего образования и рынка труда (с учетом характеристики потребностей в образовательных услугах со стороны их заказчиков и потребителей): несоответствие структуры выпуска специалистов в высших учебных заведениях и структуры потребностей в рабочей силе на рынке труда. Несоответствие потребностей заказчиков и потребителей образовательных услуг потребностям и

структуре рынка труда. Современный рынок труда характеризуется значительным разрывом между притязаниями людей и существующими возможностями для их удовлетворения. Несоответствия между требованиями работодателей к реальной квалификации молодых специалистов (знаниям, умениям, навыкам) и характеристикой их подготовки в системе высшего образования. Неизбежность участия работодателя в процессе «доучивания» молодых специалистов, профессиональной подготовки уже в процессе трудовой деятельности. Отсутствие достаточной практики и в целом системы поддержки в процессе подготовки молодых специалистов со стороны работодателей.

Очевидно, что устранение противоречий между теорией и практикой позволит сформировать образовательные и профессиональные стандарты, соответствующие опережающему характеру образования, которые повысят эффективность взаимодействия системы образования и рынка труда при подготовке инновационных менеджеров и будут способствовать снижению издержек на обучение и повышать эффективность трудовой деятельности данных специалистов.

Литература:

1. Семигин Г. Ю. Социальное партнерство в современном мире. - М.,1996. – 208 с.
2. Степаненкова Т.В. Разработка сбалансированной модели взаимодействия системы образования и рынка труда в регионе (на примере сферы сервиса): автореф. дис. …канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.В. Степаненкова; Росс. гос. ун-т туризма и сервиса. - М., 2008. - 27 с.
3. Макарова М.Н. Труд в обществе знаний. Образование под вопросом: Стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 168 с.
4. Рынок труда в Республике Беларусь за январь – июль 2011 г. – Режим доступа: http://mintrud.gov.by/activity/sostojanie. – Дата доступа: 25.10.2011.
5. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-26 02 02 Менеджмент. Квалификация менеджер-экономист. Введ. 01.09.2008. - Минск: Мин-во обр. Респ. Беларусь, 2008. - 27 с.
6. Кондратьев Э. Компетентностный портрет бакалавра менеджмента / Э. Кондратьев // Человек и труд. - 2009 – № 1. – С. 49 - 54.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ РИСКАМИ

Назаренко Ю.С.
магистр, аспирантка Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В современных транзитивных обществах людям необходимо регулярно приобретать и поддерживать на высоком уровне свои профессиональные знания и компетенции, позволяющие успешно осуществлять переходы в процессе вертикальной профессиональной мобильности (карьерный рост и / или смена профессии). При этом люди сталкиваются с (объективной, либо личностной) необходимостью переквалификации или, в некоторых случаях, смены профессии, что связано с регулярным осуществлением профессиональной адаптации. Эти процессы сопряжены с рисками частичного или существенного падения конкурентоспособности и ликвидности профессии (специальности) на рынке труда, потери личной мотивации к труду и другими адаптационными рисками объективного и субъективного плана.

Адаптационные периоды при вертикальных переходах в процессе профессиональной мобильности, в частности, и карьерные траектории в долгосрочном периоде, в целом, зависят в значительной степени от качества полученного профессионального образования, а также от дальнейшей личной активности работников в профессиональном самообразовании на протяжении всего периода трудовой активности. Это позволяет утверждать, что риски, возникающие на ранних стадиях профессионального становления выпускника (адаптации) и на более поздних стадиях, где

наблюдаются адаптационные процессы уже в случае смены места труда или профессии как таковой, в значительной степени зависит от качества полученного в ССУЗе и/или ВУЗе профессионального образования (точнее, подготовки).

Сегодня исследователи уделяют внимание в первую очередь рискам адаптации в краткосрочном периоде (адаптации выпускников) [1, с. 53-54], уделяя недостаточное внимание адаптационным рискам при последующих, более поздних вертикальных переходах внутри или между профессиями (карьерный рост и смена профессии). Мы полагаем, что актуально исследование связи между типами возникающих рисков и способами их преодоления, связанными непосредственно с активностью человека в процессе образования до и после входа в профессию. При этом в значительной степени успешность управления и преодоления рисков зависит от качества полученного образования и дальнейшей (само)образовательной активности человека.

При этом нужно отметить, что с учетом современных реалий (информационная экономика, мобильность труда, высокая неопределенность и «зарискованность» личной и социальной активности) все более актуализируется вопрос о качестве регулярно приобретаемого, получаемого (а не единожды полученного) профессионального образования. Модель одноразовой и завершенной подготовки специалистов для устойчивых профессиональных стратификационных структур индустриального общества уступает место модели непрерывного, дополнительного образования (образование взрослых, образование через всю жизнь) для динамичной и р*и*сковой профессиональной структуры пост-индустриальных обществ.

Именно поэтому успешная адаптация в процессе активной вертикальной профессиональной мобильности зависит от качества полученного (профессионального) конкретного образования (специальности, или подготовки) и приобретенных при этом или позднее управленческих, лингвистических, информационных, межкультурных и других компетенций. Данные компетенции обслуживают процесс освоения и применения развивающихся профессиональных знаний, поддерживая конкурентоспособность современных, транс-профессиональных, работников. В итоге, под качеством образования понимается не только градация по ступеням образования (профессионально-техническое, высшее, постдипломное), но и набор компетенций, выходящих за рамки исключительно узкопрофильной специализации, оснащающего молодого работника практико-ориентированными знаниями эффективного поведения на рынке труда.

Таким образом, институт образования, в целом, и компетентностный подход к образованию, в частности, является механизмом, способствующем управлению, контролю и преодолению рисков, возникающих в процессе вертикальных переходов внутри профессии и при смене профессии. «Компетентностный подход не отрицает академического, а углубляет, расширяет и дополняет его. Он более соответствует условиям рыночного хозяйствования, ибо он предполагает ориентацию на формирование наряду с профессиональными ЗУНами (что для академического подхода главное и практически единственное), трактуемыми как владение профессиональными технологиями, еще и развитие у обучающихся таких универсальных способностей и готовностей (ключевых компетенций), которые востребованы современным рынком труда» [2]. В будущих работах мы сконцентрируемся на изучении долгосрочных результатов от качества приобретенного образования и последующей образовательной активности человека с точки зрения их эффективности в управлении и преодолении адаптационными рисками в процессе вертикальной профессиональной мобильности.

Литература:

1. Щеглов П.Е., Никитина Н.Ш. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов / П.Е. Щеглов, Н.Ш. Никитина // Университетское управление. - 2003. - № 1(24). - С. 46-59.

2. Тарасова Е.Г., Компетентностный подход в профессиональном образовании. [Электронный ресурс]. – 2011. Режим доступа: http://referat.yabotanik.ru/pedagogika/kompetentnostnyj-podhod-v-professionalnom-obrazovanii/79864/75316/page1.html. Дата доступа: 10.11.2011.

ЖЕНЩИНА В НАУКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Шульга Ю.А.
магистрант Института подготовки научных кадров НАН Беларуси, ГУ «Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы» (Минск, Беларусь)

Современная мировая наука характеризуется активным процессом феминизации, то есть происходит увеличение доли женщин, занимающихся научной деятельностью. История женского труда показывает, что преимущественно феминизируются малопрестижные и низкооплачиваемые сферы деятельности. К сожалению, в последние годы можно говорить о "новой волне" в процессе феминизации науки, когда доля женщин стала возрастать не только из-за того, что их приток увеличивается, но и вследствие уменьшения количества стремящихся сюда мужчин. Явное снижение общественного статуса значимости этой сферы, так или иначе проявившееся в 80-х годах во всех развитых странах, привело к оттоку части мужчин в более престижные социальные области, что вполне соответствует известной ориентированности представителей сильного пола на профессиональные достижения в перспективных и престижных видах деятельности, а также на высокий заработок.

Несмотря на то, что все больше женщин получают университетское образование в естественных и технических науках, они по-прежнему уступают мужчинам на более высоких ступенях научной иерархии. Так, в США в 1997 г. на долю женщин приходилось 33 % докторских степеней в этих областях. Хотя и здесь прогресс очевиден: в 1954 г. этот показатель составлял всего 6 %. Максимальных успехов женщинам удалось добиться в социальных науках, где их доля среди докторов выросла с 9 % в 1954 г. до 51 % в 1997 г., а также в естественных науках, где она увеличилась с 5 % в 1954 г. до 35 % в 1997 г. Среди стран Европейского союза самая высокая доля женщин среди профессоров в естественных и технических областях в Португалии (17%), а самая низкая – в Нидерландах (5%). Довольно высокий процент женщин, занимающих профессорские должности в Турции (21,5%). Наиболее ярким примером уменьшения доли женщин по мере продвижения их по ступеням научной иерархической лестницы служит Германия. Здесь женщины составляют примерно 52 % среди общего числа абитуриентов, среди студентов их уже 48 %, ученую степень по окончании вуза получают только 30 %. Преподавать в университетах их остаются лишь 12 % и только половина из них получает впоследствии профессорское звание. По данным 2004 г. женщин среди профессоров было 5,2 %, а среди профессоров высшей категории этот показатель был еще ниже – 2,6 %.

Процесс феминизации науки в Беларуси имеет свою специфику. Она связана с тем, что во многом отражает особенности развития советской науки в разные исторические периоды времени. Как справедливо отмечают исследователи, феминизация науки в разные исторические моменты советского общества обусловливалась действием различных социальных механизмов, регулирующих этот процесс. В 20-е годы прошлого столетия источником развития феминизации советской науки явилась идея равенства мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии, реализованная в ряде законодательных актов. В эти годы был принят ряд законодательных актов, устанавливающих полное равенство мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии. И если до 1917 года женщины составляли 10% научных работников, то за период с 1918 по 1919 доля женщин увеличилась в пять раз, а с 1929 по 1936 годы в два раза. Тенденция увеличения доли женщин в численности научных работников в СССР сохранилась и в последующие десятилетия. Этому способствовало то, что в 1960-е годы шел экстенсивный рост науки, выразившийся в увеличении числа научно-исследовательских учреждений. Однако в 1970-е и 80-е годы наблюдается замедление экстенсивного роста науки и уменьшение финансирования науки.

Новая «волна» феминизации науки приходится на 90-е годы. Она была обусловлена тотальным экономическим и политическим кризисом. Распад СССР и создание новых независимых государств повлекли за собой тотальный экономический и социальный кризис, вызвавший резкое уменьшение финансирования науки и снижение престижа научного труда. Именно в 90-е годы феминизация науки стала отражением более глобальной проблемы феминизации наименее оплачиваемых отраслей экономики и наименее оплачиваемых профессиональных групп. Процесс феминизации науки определяется прежде всего оттоком мужчин из науки в другие области деятельности. Массовый характер этого процесса согласно прогнозным оценкам, может в будущем привести к увеличению доли женщин, особенно в естественнонаучных дисциплинах и в возрастной группе 20–35 лет. Последствия данного процесса неоднозначны. Положение женщин в науке зависит от многих факторов: экономической ситуации, общего уровня научно-технического развития, социально-культурных традиций.

Высокий уровень образования населения является главным «козырем» Республики Беларусь. Благодаря этому Беларусь занимает 56-е место в рейтинге стран мира по ИРЧП (индексу развития человеческого потенциала). Республика Беларусь является одной из относительно немногочисленных стран, где уровень образования женщин значительно превышает уровень образования мужчин. Так, по данным переписи населения 2009 г. численность работающих женщин с высшим образованием составила в стране 572 791 человек (60,4%), мужчин – 375 576 (39,6%). Статистические данные свидетельствуют о том, что последнее находит свое отражение в науке. Общее количество исследователей в 2010 г. превысило показатель 2003 г., составив 19879 чел., при этом численность мужчин составила 11 487 чел., численность женщин – 8 392 чел. Надо заметить, что по сравнению с 2003 г. численность женщин выросла на 607 человек. Однако наблюдается тенденция снижения численности женщин в процентном соотношении: 47,1% – в 1997 г., 44,0% – в 2003 г. и 42,2% – 2010 г.

Рассматривая отдельные квалификационные категории исследователей, следует обратить внимание на факт возрастания количества докторов наук – женщин и уменьшение – мужчин. Если в 1997 г в научных организациях и учреждениях республики работали 82 женщины – доктора наук, в 2003 г. – 111, то в 2010 г. – 127. По кандидатам наук развитие кадрового потенциала характеризуют следующие показатели. Во-первых, необходимо отметить, что в стране уменьшилось количество кандидатов наук – как мужчин, так и женщин. Если в 2003 г. их численность составляла, соответственно, 2238 и 1182 человек, то в 2010 г. – 1987 и 1156 человек, при этом, если женский сегмент сократился на 26 научных работников, то мужской – на 251 человек, т.е. в 9 с лишним раза больше. Пропорции подготовки научных работников в аспирантуре и докторантуре, а также через институт соискательства, являющиеся основными формами подготовки научных кадров высшей квалификации в республике, следующие. На фоне постоянного снижения численности аспирантов (в 2003 году численность аспирантов в республике составила 5964 человек, в 2005 – 5042 чел., в 2010 – 4725 чел.) наблюдается рост процентного соотношения женщин: 51,8% в 2003 г.(3092 чел.), 54% – в 2005 г. (2722 чел.), 57,5% – в 2010 г (2715 чел.). Интересно, что если в 2005 году соотношение женщин-аспирантов в экономических и технических отраслях науки составила 18,4% и 9,3% соответственно, то в 2010 году – 15,1% и 12%. На 4,7% увеличилась доля женщин-аспирантов в медицинских отраслях науки. Таким образом, в последние десятилетия можно говорить о наличии процесса феминизации белорусской науки. Высокий социально-профессиональный статус женщин в Республике Беларусь определяется высоким уровнем образования и профессиональной квалификации белорусских женщин. Однако важно отметить, что доля женщин стала возрастать не только из-за того, что и приток увеличивается, но и вследствие уменьшения количества стремящихся в науку мужчин.

РАЗДЕЛ 9.
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА КОНКРЕТНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ГОРОЖАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Титаренко Л.Г.
д.с.н., профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Одним из глобальных социокультурных вызовов современности сегодня является рост рискогенности развития общества. Данный вызов проявляется через множество составляющих, одна из которых – экологический риск, осознание которого возможно лишь в рамках общего понимания важности окружающей среды для существования человека и его выживания как биологического вида.

Экологический риск касается любого общества: достаточно вспомнить Чернобыльскую катастрофу и ее последствия, чтобы признать взаимозависимость и взаимосвязь стран и народов, живущих в современном мире. Поэтому экологический вызов актуален и для Беларуси, и для всего постсоветского пространства, как и для остальных стран.

Ответом на экологические риски должна стать осознанная необходимость в экологизации сознания и образа жизни населения Беларуси, т.е. усвоение определенных экологических представлений и установок по отношению к природе, а также внедрение в повседневную практику так называемых «дружественных природе» (не наносящих ей непоправимого вреда) технологий, изменение уклада жизни людей на более экологический, распространение бережного отношения к природным ресурсам.

Осознание актуальности проблемы экологически ориентированного образа жизни в ответ на новые вызовы современности получило развитие в мировой социально-философской литературе, прежде всего – в работах представителей Римского клуба, по крайней мере, три-четыре десятилетия назад. Позднее экологически ориентированные призывы к «перестройке сознания и поведения» неоднократно повторялись множеством других авторов, включая постсоветских социологов. К сожалению, эти призывы нигде не возымели адекватной реакции на уровне политических (национальных и глобальных) решений и не получили необходимой политической поддержки в мире, гораздо сильнее обеспокоенном финансово-экономическим кризисом, нежели экологией. Тем не менее они все же достигли важного результата: пробудили глобальный интерес к проблеме экологии, акцентировали ее важность для выживания человечества. Как считают С. Гроф, Э. Ласло и П. Рассел, для того чтобы выжить и продолжить развитие, сегодня человечество должно «пересмотреть свои представления о Вселенной, человеке и самих идеях прогресса и развития», т.е. совершить экологизацию сознания. По мнению С. Грофа, Э. Ласло и П. Рассела, это изменение по своей значимости можно назвать «революционной трансформацией», т.е. переменой не менее важной, чем ранее была компьютеризация, или компьютерная революция. [1]. Именно такая революционная трансформация, т.е. экологизация сознания и поведения, может стать той сущностной инновацией, которая сделает возможным переход общества на качественно новый уровень взаимодействия с природой и развития общества.

В советское время на экологию обращали недостаточное внимание. Чернобыльская авария дала драматический толчок развитию экологического сознания и поведения в СССР, включая и нашу республику. Российскими авторами, проводившими исследования после Чернобыльской аварии, было доказано, что «вслед за экологическими катастрофами

наступает традиционная «экологизация» сознания» [2, с. 6]. Последнее имеет особенную важность для жителей городов, составляющих сегодня почти три четверти населения Беларуси. Экологизация сознания и образа жизни жителей городов – это шаг на пути повышения качества жизни и одновременно – решения важной государственной задачи достижения устойчивого развития общества. Исследовательский вопрос состоит в том, чтобы выявить, какие аспекты экологического сознания и поведения получили развитие, и в какой мере наше население на практике ориентировано сделать свой образ жизни более экологичным. Мы поддерживаем тезис, что «зеленый» образ жизни, основанный на осознании необходимости ориентации на экологизацию собственной жизни, хотя и не является панацеей от экологических проблем и угроз, становится одной из важнейших ценностей нашего времени.

В странах Европейского Союза в течение ряда лет проводится социологический мониторинг проблем экологически ориентированного образа жизни, реализованный в методике «Зеленого барометра» (the Green Barometer). Целевая установка этого исследования – определить, насколько быстро осуществляются изменения образа жизни людей в направлении его экологизации, как широко интериоризируются экологические ценности населением разных стран.

В 2008 г. в этот мониторинг была впервые включена Румыния, присоединившаяся к Евросоюзу в 2007 г. Поскольку уровень экологизации образа жизни населения Румынии сопоставим с белорусским, а сама страна достаточно долго принадлежала к лагерю социализма, как и Беларусь (т.е. принципы развития были сходными), можно считать, что сравнительный анализ экологических ориентаций и поведения населения двух столичных городов, Бухареста и Минска, замеренных по единой методике, является обоснованным. На этом основании нами было проведено сравнительное исследование указанных двух городов. С румынской стороны были взяты данные мониторинга по Бухаресту за 2008 г. [3], с белорусской – проведено собственное исследование по методике «Зеленого барометра».

На первом этапе (2009-2010) методом опроса изучались некоторые экологические аспекты образа жизни минчан, выбранные из методики «зеленого барометра» [4], например, экологические практики повседневной жизни, свидетельствующие об изменениях экологического сознания и поведения горожан, их ориентации на экологизацию своего образа жизни. Анализ информированности, мотивации и практических действий минчан позволил выявить сходство и различие в уровне понимания необходимости вести экологический образ жизни среди жителей Минска и Бухареста. В результате исследования были определены типы экологического поведения жителей Минска [5]. Исследование затрагивало лишь отдельные стороны образа жизни горожан, изучаемых по сходной методике, разработанной в рамках «Зеленого барометра». В частности, была изучена информированность разных возрастных групп минчан об экологически ориентированном образе жизни и степень их готовности внедрять его в практику (например, использовать энергосберегающие лампочки). Параллельно был проведен опрос экспертов, позволивший профессионально оценить результаты массового опроса. Был сделан вывод, что все выделенные группы продемонстрировали средний уровень информированности и практической ориентации на экологически ориентированный образ жизни.

На втором этапе в 2011 г. методом глубинных интервью нами изучалось отношение горожан к потреблению «чистых» продуктов питания и осознание ими важности этой проблемы. Выбор респондентов определялся необходимостью последующего сравнения результатов сходного опроса, проведенного в 2009 г. в Бухаресте [4].

Результаты исследований показали, что экологически ориентированное поведение минчан связано не столько с их полом и возрастом, сколько с уровнем образования и экологической информированности. Минчане не часто задумывались, из чего произведен тот или иной продукт питания; их выбор местных продуктов был обусловлен мотивацией

чаще на цену, чем на высокое качество товара (включая его экологическую «чистоту»). Если старшее поколение отождествляло местное производство продуктов с доказательством «химической чистоты» их производства, то молодежь часто просто игнорировала вопрос экологической чистоты продуктов, т.к. считала невозможным найти на него ответ (ни на упаковках товаров, ни у продавцов такой информации, как правило, нет). Более того, в Минске нет и специализированных магазинов или отделов (как в Бухаресте), где можно купить «чистую» продукцию.

По результатам интервью в Минске, менее половины опрошенных ответили, что потребляют экологические продукты, считая таковыми продукты, выращенные на собственном загородном участке, продукты из деревни от родственников, и просто купленные на рынке. Однако респонденты не задавались вопросом о том, использовались ли химикаты при производстве продукции. Остальные респонденты заявили, что не обращают внимания на то, чистые ли продукты они потребляет. Основные причины – цена продуктов, невозможность получить точную информацию о продуктах, безразличие самих граждан, невысокая культура питания.

Женщины подходят к данному вопросу более ответственно, особенно те, кто имеет детей. Они чаще, чем мужчины, обращают внимание на состав продуктов и предпочитают избегать генетически модифицированные продукты (ГМО). Если обратить внимание на возраст респонденток, ответивших, что они потребляют «чистые» продукты, то многие из них относятся к возрастной категории 21-35 лет (из всех опрошенных это около 25 %). Возможно, интерес данной категории к чистым продуктам связан с высоким уровнем их образования и информированности об «экологической моде» на Западе, что стимулирует определенные паттерны собственного экологически ориентированного поведения на здоровый образ жизни и здоровое питание. У более старших возрастных групп преобладает мотив заботы о собственном здоровье и здоровье семьи.

Анализируя мотивацию экологического поведения, добавим: многие опрошенные отметили как важный момент, что выращивание чистых продуктов не наносит вреда окружающей среде. Иначе говоря, они ориентировались не только на личные, но и на общественно значимые мотивы поведения (здоровье нации).

Три четверти минчан утверждали, что решать проблему снабжения населения чистыми продуктами должно государство. Лишь единицы признали, что сами граждане должны осознавать свою ответственность за качество потребляемых продуктов.

Что касается источников информации по проблемам экологии, они в некоторой мере различаются в двух странах. В качестве основного источника знаний жителей Бухареста о «чистых» продуктах выступает телевидение. Что касается минчан, то оказалось, что студенты в основном пользуются Интернетом (47 %) и знаниями, полученными в вузе (36 %), а люди старшего поколения больше доверяют СМИ (в среднем 36 %), особенно телевидению (40 %). Таким образом, для всех минчан характерна общая ориентация на информацию из медиа, хотя для старших групп это телевидение, а для молодежи – Интернет.

На основании полученных результатов нами были выделены следующие типы респондентов, различающихся по критерию отношения к окружающей среде:

1. «**экологически активная**» – небольшая (менее 10%) группа, мотивированная на активные действия экологического характера, со сформированными установками на высокое экологическое качество своего образа жизни;
2. **потенциально активная** (более 50%) группа, имеющая базовые знания о проблемах окружающей среды, желающая сделать свой образ жизни более экологическим, но ничего практически не делающая для этого;
3. **неактивная** группа (10-15 %) тех, кто не отличается качественными знаниями экологического характера, не интересуется этими проблемами и ничего не делает для изменения своего образа жизни;

4. индифферентная группа (около 25 % опрошенных) – те, кто не выявил определенных оценок, не определился в целом в отношении экологизации образа жизни.

В Румынии выделенные аналогичные типы распределились несколько иным образом: 11 %, 53 %, 28 % и 8 % [4, p. 2]. В Румынии горожане сильнее ориентированы на потребление местной продукции, которой отдается предпочтение по ряду причин, но прежде всего – потому, что она считается «чистой», выращенной без применения химии. Эта продукция либо выращена на своих подворьях или у родных в сельской местности, либо куплена у частных производителей на рынке [4, с. 5]. На основании полученных данных можно считать, что жители Бухареста несколько больше минчан ориентированы на экологический образ жизни, в частности – на потребление чистых продуктов питания, - и проявляют больше озабоченности по этому поводу. Однако само распределение горожан по выделенным типам в Бухаресте и Минске представляется однотипным.

В сравнении с румынскими данными [6], подтвердилась гипотеза, что лишь представители первой типологической группы (активно поддерживающие экологический образ жизни) озабочены потреблением чистых продуктов. Представители второй типологической группы осознают эту проблему, но менее озабочены реализацией (потреблением) по разным причинам. Причем, в обеих группах преобладают женщины с высшим образованием молодого и среднего возраста. В других двух группах доминируют мужчины со средним образованием.

Таким образом, мы выявили сходные тенденции в становлении экологически ориентированного образа жизни столичных жителей двух стран, а также подтвердили практичность использования общеевропейской методики для сравнительных исследований в указанной области.

Литература:

1. Гроф, С. Революция сознания. Трансатлантический диалог / С. Гроф, Э. Лакло, П. Рассел. – М.: АСТ, 2004.- 251с.
2. Шмелева, И.А. Системное психологическое описание экологического сознания в контексте глобальных экологических проблем / И.А. Шмелева // Психол. Журнал. – 2011. – Т. 32. - № 5. – С. 5-15.
3. Think green policies. Green Barometer – citizens' perception on environmental protection in urban Romania. Environmental Research Report. – Bucharest, 2008. – 75 p.
4. Economic change, quality of life and social cohesion [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.equalsoc.org. – Дата доступа: 16.01.2010.
5. Титаренко, Л.Г. Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества / Л.Г. Титаренко // Социологический альманах. – Минск: ИСНАН, 2011/ - С.157-164.
6. Alexandrescu, F. Green consumption Belarus-Romania / F. Alexandrescu. – Bucharest, 2011. – 22 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Кройтор С.Н.
К.с.н., заведующая сектором методики и практики прикладных социологических исследований Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В последние десятилетия наблюдается заметный рост интереса к сравнительным исследованиям в рамках наук социогуманитарного цикла. Это обусловлено рядом причин. Прежде всего, это связано с актуальными сегодня процессами глобализации и взаимопроникновения экономик и культур, приводящими к созданию глобальных рынков рабочей силы, унификации образовательных систем, возникновению новых наднациональных политических субъектов, распространению новых технологических и производственных укладов и т.д. Все эти явления требуют научного осмысления – в том числе, с точки зрения сравнительной перспективы, – необходимого для выработки некой

единой стратегии согласованных действий на уровне взаимодействия отдельных государств и их групп в условиях глобализирующегося мира. Сравнительные исследования направлены на то, чтобы определить, понять и объяснить место того или иного общества в общемировом контексте, ответить на вопросы о том, насколько сходны траектории развития разных обществ, как выполняются социальные функции и функционируют социальные институты в разных социальных системах, из каких элементов складывается социальная структура каждого из обществ, в какой степени одни социумы могут заимствовать опыт развития других.

Объекты сравнительных исследований

Объектами сравнительных исследований в области социальных наук могут выступать общества в целом или их отдельные элементы (институты, те или иные виды социальных практик, способы социальной организации и т.д.). Возможны как сравнения разных социумов и их групп между собой, так и сопоставление состояний одной и той же социальной системы в разные периоды ее существования. Наиболее известным примером сравнительного исследования в социологии является «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера, в которой осуществлен компаративный анализ религиозных, социальных и экономических укладов ряда стран Западной Европы. В настоящее время все большее распространение получают межстрановые исследования, направленные на сравнение социальных процессов, протекающих в целых странах или группах стран (например, в государствах Европы и Азии, постсоветских странах и странах ЕС и т.д.). В рамках данной статьи нас будет интересовать, прежде всего, эта разновидность сравнительных исследований. Мы сосредоточим свое внимание на специфике, преимуществах и недостатках сравнительных исследований, а также методах, которые применяются в ходе их проведения.

Методы сравнительных исследований. Методы сравнительных исследований, как и методы, используемые в социальных науках в целом, можно разделить на две большие группы: качественные (интерпретативные, «мягкие») и количественные (статистические, «жесткие»). Качественные методы позволяют представить исследуемое общество в качестве живой, неповторимой целостности со всем многообразием только ему присущих свойств в их уникальном сочетании. При таких условиях анализ, как правило, бывает достаточно глубоким, а полученная информация – точной и подробной, что, несомненно, является достоинством интерпретативных методов. Однако этой группе методов присущ и ряд недостатков. Так, при их использовании вероятность того, что данные, полученные по разным единицам наблюдения, окажутся несопоставимыми, достаточно велика (поскольку сбор информации об изучаемых объектах осуществляется не по единой схеме и направлен на выявление специфического, особенного). Второй недостаток заключается в том, что число единиц анализа, как правило, крайне мало.

Количественные, или статистические методы, в свою очередь, направлены на выявление статистических закономерностей, т.е. устойчивых повторяющихся причинно-следственных связей. В данном случае каждая анализируемая страна предстает как определенная совокупность переменных и связей между ними. Разумеется, здесь тоже можно говорить о преимуществах и недостатках. Преимуществом, несомненно, является возможность проанализировать большое количество единиц наблюдения. Но это преимущество зачастую оборачивается недостатком, поскольку обобщение всегда опасно: оно выдвигает на передний план общее и сходное и поглощает специфическое. Итак, названным группам методов свойственна разная логика развертывания исследования и разный набор аналитических процедур. Качественные методы охватывают небольшое пространство объектов, но зато позволяют заглянуть вглубь анализируемых процессов и направлены, прежде всего, на поиск уникальных, неповторимых, особенных свойств анализируемого объекта, в то время как количественные характеризуются широтой и гораздо большим охватом объектов, но не дают возможности их детального описания, и

при этом ориентированы, прежде всего, на поиск схожих элементов исследуемых объектов.

Данные, используемые в сравнительных исследованиях. В качестве материала для сравнения в количественных исследованиях могут использоваться данные массовых опросов (наиболее известные из них – World Value Survey, European Social Survey, Eurobarometer), экспертных опросов, а также данные национальных статистических и отраслевых комитетов и министерств (например, доля ВВП на душу населения, количество несовершеннолетних детей в семье, общие показатели развития системы здравоохранения, образования и т.д.). В качественных исследованиях, как правило, используются данные кейс-стади, или исследований единичных случаев, полученные из самых разных источников: глубинных и биографических интервью, фокус-групп, в ходе наблюдения, эксперимента, качественного анализа документов (текстовых, визуальных).

Считаем уместным также отметить, что вместе с ростом популярности сравнительных исследований усиливается и критика в их адрес. Поводами для критики, как правило, служат *методологические проблемы*, с которыми связано использование сравнительных методов. Коротко остановимся на основных из них.

1. В первую очередь возникает вопрос о принципиальной сравнимости разных социальных систем: насколько вообще правомерно сравнивать общества с разным социальным и культурным багажом, например, культуры Востока и Запада?

2. Второй вопрос касается того, обладает ли наука средствами фиксации культурного и социального опыта: все ли социальные явления доступны наблюдению и фиксации/измерению, а тем более сравнению?

3. Следующий важный вопрос: даже если данные имеются, всегда ли они могут быть доступны? Достаточно часто исследователи сталкиваются с невозможностью получения тех или иных данных, и поэтому круг сравниваемых стран резко сужается. Кроме того, методики расчета статистических и иных показателей, по которым ведется учет, неодинаковы в разных странах, и это также создает дополнительные сложности, являясь причиной несопоставимости данных.

4. Далее обратим внимание на следующее. Предметом изучения сравнительных исследований часто являются научные понятия высокой степени общности – развитие, прогресс, динамика, причинность и т.д. Проблемой в данном случае является, с одной стороны, объективная сложность их интерпретации и операционализации, обусловленная комплексным характером самих этих феноменов. С другой стороны, данные термины могут по-разному «наполняться» и означаться в зависимости от того, какое общество мы пытаемся с их помощью анализировать, что еще больше осложняет работу с ними в рамках кросс-культурных сравнений.

5. Полагаем, что в контексте разговора о межстрановых сравнениях целесообразно упомянуть также об опасности идеологического толка. Она заключается в том, что исследователь, скорее всего, выберет в качестве индикаторов того или иного явления, те признаки, которые принято считать индикаторами этого признака в том социуме, к которому он сам принадлежит. Например, мы полагаем, что если ученому, воспитанному в рамках западной научной и культурной традиции, будет поручена разработка группы индикаторов социального развития, то он, скорее всего, включит в их число такие переменные, как, например, «степень развития индивидуальных прав и свобод», в отличие, от восточного исследователя, для которого, вероятно, на первом месте будут находиться иные индикаторы и т.д.

Дальнейшие позиции будут касаться, прежде всего, количественных методов сравнения.

6. Если допустить, что данные для сравнения имеются и они доступны, возникает новый вопрос: как подобрать адекватный инструмент для их сравнения? Иначе говоря, с помощью каких исследовательских процедур следует изучать социальную реальность в сравнительном ключе, чтобы обеспечить адекватность, валидность и полноту полученных

данных? Этот вопрос возникает по следующей причине. Известно, что разработка инструментария опирается на теорию. В случае, когда речь идет о сравнительных исследованиях, возникает необходимость выработки некой единой, интегральной, универсальной теории, способной одновременно описывать и объяснять процессы, протекающие во всех сравниваемых обществах. Эта теория, в свою очередь, должна послужить основанием для создания унифицированных методик исследования, а также инструментария, который будет предназначен для непосредственного «измерения» социальных процессов в обществах, взятых для сравнения. Иначе говоря, беря за основу такую единую теорию, мы предполагаем, что данные общества обладают одним и тем же набором черт и признаков. Кроме того, мы предполагаем, что данные признаки в каждом из обществ выражены с разной степенью интенсивности, т.е. численное значение показателя (если речь идет о количественных исследованиях) различаются от одной социальной системы к другой, и в этом заключаются интересующие исследователя различия. Но здесь возникает вполне закономерный вопрос: может ли одна теория объяснять процессы, протекающие в разных обществах, если каждый социум представляет собой совокупность особых объектов, помещенных в особый социальный, культурный, природный, исторический контекст, образующий совершенно особую систему координат, и характеризующийся неповторимой комбинацией феноменов, формирующих конкретную социальную реальность в конкретный момент времени? По мнению многих исследователей-обществоведов (и мы всецело разделяем их мнение), возникает серьезная опасность того, что при попытке использования такой универсальной теории многие существенные элементы сравниваемых обществ просто не будут обнаружены, поскольку исследовательский инструмент для этого недостаточно чувствителен. Иначе говоря, полученная картина будет неточной и искаженной за счет игнорирования одних свойств систем и преувеличенного акцента на других.

7. Следующий волнующий нас вопрос может быть сформулирован следующим образом: можем ли мы гарантировать, что один и тот индикатор является средством измерения одного и того же признака в разных социальных контекстах? Практика показывает, что это возможно далеко не всегда.

8. И последние несколько вопросов, которые хотелось бы задать в контексте разговора о сравнительных исследованиях. Как следует интерпретировать полученные данные? Для чего они могут быть использованы? Безусловно, это важная проблема, заслуживающая самого пристального внимания. К ней мы обратимся в следующих публикациях.

Все изложенное выше позволяет сделать следующий вывод: сравнительные исследования необходимы, востребованы и, несомненно, имеют право на жизнь, но применяться должны с большой осторожностью и для решения ограниченного круга задач во избежание неверных интерпретаций социальной реальности. Также целесообразным представляется сочетание субъективных (данных опросов) и объективных (в том числе, данных статистики) методов, а также качественных и количественных методов, поскольку это позволяет повышать точность, адекватность, валидность и полноту получаемых данных. Сравнительные исследования также можно использовать для выявления проблем, которые позже будут подробно изучаться на национальном уровне.

Литература:

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – С. 44-271.

2. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер: Пер. с англ. – М.: Феникс, 1998. – 688 с.

3. Ragin, Ch.C. Issues and Alternatives in Comparative Social Research / Ch.C. Ragin. – Leiden, The Netherlands; New York: E.J. Brill, 1991.

4. Ragin, Ch.C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies / Ch.C. Ragin. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 1987.

СОБЫТИЙНЫЙ ПОДХОД В БИОГРАФИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Терещенко О.В.
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой социальной коммуникации Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Начиная с «Польского крестьянина» У.И. Томаса и Ф. Знанецки, биографические исследования в социологии имеют стойкую репутацию «качественных». Они могут называться биографическим методом [1], историей жизни [2], историей (биографией) семьи [3], жизненными путями (траекториями) [4]. В рамках данного подхода может осуществляться обобщение и типизация некоторых биографических особенностей [5], и даже анализ на их основе социальной среды и происходящих в ней изменений [6]. Тем не менее, здесь биографические исследования остаются, главным образом, методом изучения личности.

Однако в биографических исследованиях существует и другой подход, основанный на фиксации событий, существенных с точки зрения жизненного пути каждого человека, и дат (или возраста респондента), когда эти события произошли. Примерами таких общезначимых событий являются заключение и расторжение брака, рождение детей и их уход из родительского дома, поступление на работу и увольнение, занятие новой должности и т. п. Важность подобных событий объясняется тем, что они изменяют статус человека. Большинство событий (например, заключение брака) могут происходить на протяжении жизни неоднократно или не происходить вовсе. Предметом анализа в подобных исследованиях является продолжительность пребывания респондента в некотором статусе – состояния в браке, занятости и т.п. – до наступления события, которое этот статус изменит. Например, возраст вступления в первый брак (с момента рождения до соответствующего события) или продолжительность периода между вступлением в первый брак и рождением первого ребенка, рождением первого и второго ребенка и т.п. Аналогичные задачи могут решаться в сфере занятости, образования, миграции и т.п. Сложность изучения таких явлений заключается в том, что соответствующие события могут происходить у людей в очень разном возрасте или не происходить вовсе. Поэтому такие показатели как «средний возраст вступления в первый брак» не являются вполне корректными, т.к., во-первых, они нерепрезентативны для тех, кто вступает в первый брак достаточно поздно, и во-вторых, вовсе не учитывают тех, кто в течение жизни в брак не вступает.

Впервые решение данной методологической проблемы было предложено Д. Граунтом, опубликовавшим в 1662 г. работу «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности». Метод заключался в построении таблиц (позднее графиков) смертности, которые могут использоваться для определения вероятности дожить до определенного возраста. Поэтому он получил название *анализа функций дожития*. Функции дожития широко используются в демографии, а также в страховании жизни и здоровья при определении страховых коэффициентов в зависимости от возраста.

Позднее функции дожития стали применяться не только к смертности, но и к любым состояниям, ограниченным неким событием. Метод получил название *событийного анализа* [7]. В событийном анализе применяется терминология, заимствованная из функций дожития. В частности, наступление события, ограничивающего изучаемое состояние, называется «смертью», ненаступление к определенному моменту – «выживанием» на данный момент. «Выжившие» к определенному моменту остаются «под риском» того, что событие произойдет в будущем. Если событие не наступает на протяжении всего периода наблюдения, случай называется *цензурированным*.

Данные о событиях можно собирать как в ходе лонгитюдного исследования, так и ретроспективно. Респондента подробно расспрашивают о происходивших в его жизни событиях и фиксируют в специальных таблицах соответствующие даты (с точностью до недели, месяца, года и т.п. – в зависимости от скорости изучаемого процесса), на основе которых вычисляют длительность пребывания в том или ином статусе. Использование в соответствующем опросе репрезентативной выборки позволяет получить репрезентативные результаты – так называемую доказательную статистику.

Статистический аппарат событийного анализа включает простые функции дожития, функции дожития Каплана-Мейера и регрессию Кокса.

Простые функции дожития получают на основе таблиц «смертности». Рассмотрим пример, в котором событием является увольнение работника из организации [8], длительность работы в организации измеряется в годах. Сотрудник может проработать в организации меньше года (0 лет), 1 год, 2 года и т. п. Для простоты предположим, что возможны только два исхода: к моменту исследования проработав некоторое количество лет, сотрудник может уволиться («умереть») либо продолжать работать («выжить»)* (табл. 1).

Таблица 1. Пример применения простых функций дожития

Длительность работы в организации (лет)	Уволились	Продолжают работать	Работали не менее данного количества лет	Продолжают работать	Вероятность увольнения («смерти»)	Вероятность продолжения работы (выживания)	Накопленная вероятность продолжения работы
0	**2**	**2**	**100**	**99**	**0,0202**	**0,9798**	**0,9798**
1	**1**	**2**	**96**	**95**	**0,0105**	**0,9895**	**0,9695**
2	**7**	**16**	**93**	**85**	**0,0824**	**0,9176**	**0,8896**
3	**6**	**15**	**70**	**62**	**0,0960**	**0,9040**	**0,8042**
4	**5**	**12**	**49**	**43**	**0,1163**	**0,8837**	**0,7107**
5	**5**	**10**	**32**	**27**	**0,1852**	**0,8148**	**0,5791**
6	**4**	**9**	**17**	**12,5**	**0,3200**	**0,6800**	**0,3938**
7	**1**	**1**	**4**	**3,5**	**0,2857**	**0,7143**	**0,2813**
8	**0**	**2**	**2**	**1**	**0,0000**	**1,0000**	**0,2813**
ВСЕГО	**31**	**69**					

При определении количества сотрудников, работавших в менее одного года (первая строка пятого столбца), мы исходим из того, что 2 уволившихся сотрудника проработали не целый год каждый, а разное время. Оценим среднее время их работы как 0,5 года и будем умножать количество уволившихся здесь и далее на 0,5. Вероятность увольнения (шестой столбец) вычисляется как отношение числа уволившихся в данном периоде к числу продолжающих работать. Вероятность продолжения работы или «выживания» в соответствующий период времени (седьмой столбец) равна разности числа 1 и вероятности увольнения. Накопленная вероятность продолжения работы или выживания (восьмой столбец) вычисляется как произведение вероятности увольнения в данном интервале на вероятности увольнения во всех предшествующих периодах.

Простая функция дожития представляет собой график накопленных вероятностей выживания. В нашем примере это вероятность продолжения работы (рис. 1). По нему можно определить вероятность продолжения работы в зависимости от продолжительности занятости. Можно определить также медиану продолжительности работы: половина всех сотрудников проработала не менее 6 лет.

* Возможен, например, также исход «умер», но мы его здесь не рассматриваем

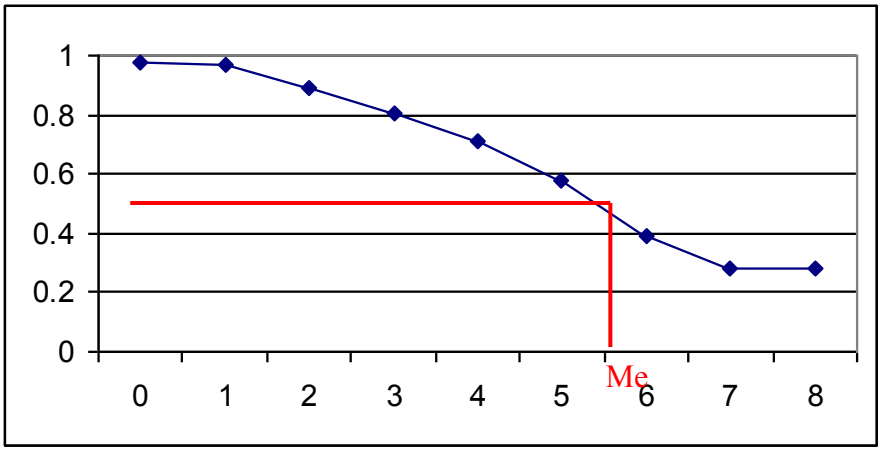

Рисунок 1. График функций дожития

Две или несколько функций дожития можно вывести на один график и сравнивать с использованием доверительных интервалов для вероятностей. В нашем примере можно сравнить функции дожития, например, для служащих и специалистов.

Функции дожития Каплана-Мейера, в отличие от простых функций дожития, в качестве единицы анализа используют не временные периоды, а продолжительность пребывания каждого респондента в соответствующем статусе [8]. Отдельная переменная фиксирует, произошло на момент исследования ограничивающее событие или нет, другими словами, произошло событие или случай является цензурированным.

Рассмотрим гипотетический пример, касающийся длительности совместного проживания молодых пар до регистрации брака (табл. 2). Ограничивающим событием является заключение брака. Если пара рассталась, случай является цензурированным.

Таблица 2. Пример применения функций дожития Каплана–Мейера

Длительность совместного проживания (месяцы)	Событие (С) или Цензура (Ц)	Число пар, доживших до соответствующего времени	Число пар, продолжающих жить вместе («под риском»)	Доля пар, продолжающих жить вместе («под риском»)	Вычисление накопленной вероятности продолжения совместной жизни	Накопленная вероятность продолжения совместной жизни
2	С	10	9	9/10	9/10	0,9000
5	С	9	8	8/9	(8/9)×0,9	0,8000
12	Ц	8	7			
35	С	7	6	6/7	(6/7)×0,8	0,6857
40	Ц	6	5			
43	С	5	4	4/5	(4/5)×0,6857	0,5486
49	С	4	3	3/4	(3/4)×0,5486	0,4114
64	С	3	2	2/3	(2/3)×0,4114	0,2743
69	Ц	2	1			
72	С	1	0	0/1	(0/1)×0,2743	0,0000

Для цензурированных случаев (пар) совместная жизнь продолжается, поэтому накопленная вероятность не изменяется. Функция дожития Каплана-Мейера представлена на рисунке 2. Цензурированным случаям соответствуют горизонтальные участки графика.

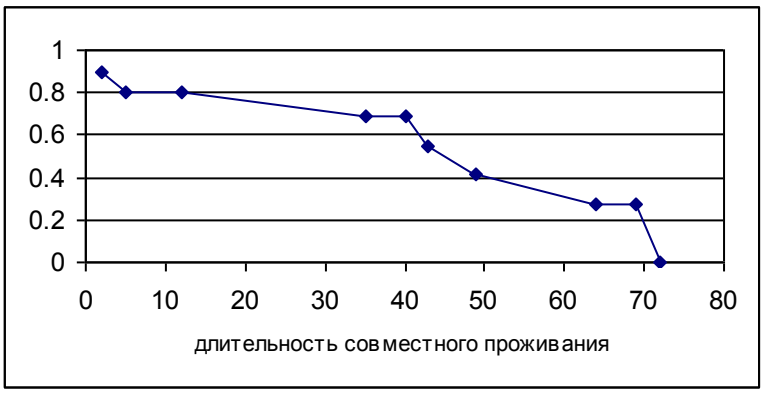

Рисунок 2. График функции дожития Каплана-Мейера

Для функции дожития Каплана-Мейера можно вычислить не только медиану длительности совместного проживания (49 месяцев), но и среднее арифметическое значение с поправкой на цензурирование (45,8 месяцев). Можно также сравнивать две или несколько функций, представленных на одном графике, с использованием доверительных интервалов.

Регрессия Кокса. Длительность «выживания» в том или ином статусе может зависеть от разнообразных факторов (предикторов) – пола, возраста, образования, места жительства и т. п. Например, период до повышения в должности у женщин, как правило, длиннее, чем у мужчин; кроме того, это событие в жизни женщин не наступает чаще, чем в жизни мужчин. Однако использование множественной линейной регрессии для предсказания средней продолжительности ожидания повышения в должности или бинарной логистической регрессии для предсказания вероятности этого события не позволяет корректно работать с цензурированными данными. В регрессии Кокса зависимой переменной является *функция дожития в целом* или другие производные таблиц смертности.

В простейшем виде регрессия Кокса может быть представлена следующим уравнением: $S(t) = S_0(t)^p$, где $p = e^{bx}$. Здесь $S(t)$ – функция дожития в момент времени t. Из уравнения можно видеть, что она зависит от двух факторов – времени t и значения независимой переменной x. Зависимость от времени представлена так называемой «базовой» функцией дожития $S_o(t)$, роль которой аналогична роли свободного члена в уравнении линейной регрессии. Зависимость от значения независимой переменной x представлена степенью e^{bx} аналогично тому, как это делается в логистической регрессии. Для каждого значения независимой переменной x вычисляется полная функция дожития. Это отличает регрессию Кокса от остальных регрессионных моделей, в которых для значения независимой переменной вычисляется одно значение зависимой переменной или его вероятность. Функция дожития является, вероятно, наиболее простым способом представления времени «выживания». Однако на основе таблиц смертности могут быть получены и другие функции, эффективно описывающие процессы «смертности» и «выживания». Наиболее популярной из них является функция риска (*hazard function*), представляющая собой уровень смертности в момент времени t. Накопленная функция риска является восходящей, т. к. суммирует уровень смертности за все периоды времени, предшествующие моменту t. Как и функцию выживания, ее можно представить и анализировать графически.

Уравнение регрессии Кокса для функции риска проще, чем для функции дожития: $h(t) = h_0(t)e^{bx}$. Здесь «базовая» функция риска не возводится в степень e^{bx}, а умножается на эту величину. Поэтому данную модель называют моделью пропорциональных рисков Кокса (*Cox proportional hazards model*).

Благодаря относительной простоте данной модели ее чаще используют для решения задач с несколькими независимыми переменными. Множественная модель пропорциональных рисков Кокса с независимыми переменными $x_1, x_2, \ldots, x_k$ выглядит следующим образом: $h(t) = h_0(t)e^{b_1x_1+b_2x_2+\ldots+b_kx_k} = h_0(t)e^{b_1x_1}e^{b_2x_2}\ldots e^{b_kx_k}$. Для любого набора значений независимых переменных множественная регрессия пропорциональных рисков Кокса позволяет вычислить полную функцию риска.

Событийный анализ широко применяется в США и европейских странах для прогнозирования демографических процессов и разработки программ демографической безопасности, изучения процессов занятости и разработки программ социальной защиты и др. Европейский проект *GGP* (*Gender Generation Program**) организует репрезентативные национальные исследования брачного, образовательного, трудового, миграционного поведения с целью выявления гендерных и межпоколенных различий, а также межстранового сравнительного анализа. По программе *GGP* в России Независимым институтом социальной политики [9] были проведены два этапа лонгитюдного исследования «Поколения и гендер» в 2004 и 2007 гг. по выборке общим объемом 14 000 респондентов [10], данные которых представлены в открытое пользование в Едином архиве экономических и социологических данных СОФИСТ [11]. В Беларуси первое и единственное исследование в формате событийного анализа было проведено в 1993 и 1998 гг. в рамках лонгитюдного проекта «Пути поколения» [12] под научным руководством М. Титмы (1983–1998), однако результаты этого исследования так и не были опубликованы на русском языке.

Литература:

1. Девятко, И. Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1998. – С. 44–56. Биографический метод: методология, история, практика. / Под ред. Мещеркиной Е., Семеновой В. – М.: ИС РАН, 1994. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб: ЦНСИ, 1997. (Тр. ЦНСИ; № 5)

2. Готлиб, А.С. Введение в социологическое исследование Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – С. 251–263. Штейнберг, И., Шанин, Т., Ковалев, Е., Левинсон, А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. – СПб: Алатея, 2009. – С. 185–186.

3. Судьбы людей. Россия XX век. (биографии семей как объект социологического исследования) / Под ред. Семеновой В.В., Фотеевой К. – М.: ИС РАН, 1996.

4. Готлиб, А.С. Познавательный потенциал «истории жизни» (life story) как стратегии качественного социологического исследования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 144–153.

5. Здравомыслова, Е. А. Коллективная биография современных российских феминисток // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / СПб: ЦНСИ, 1996. – С. 33–60. Голофаст, В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал, 1995, № 1. – С. 71–88.

6. Альмодовар, Ж.П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа. // Вопросы социологии, 1992, Т.1, N 1. – С. 98–104. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии, 1993, N 1/2. – С.129–138.

7. Tuma, N. B., Hannan, M. T., Groeneveld, L. P. Dynamic Analysis of Event Histories // American Journal of Sociology, 1979, № 84. – P. 820–854. Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социс, № 7, 2002. – С. 61–67.

8. Norusis, M. J. SPSS: Advanced Statistics. – Chicago: SPSS Inc., 1994. – P. 264–268.

9. http://www.socpol.ru

10. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Сборник аналитический статей: Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. – М.: НИСП, 2007. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Сборник аналитический статей: Выпуск 2 / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. – М.: НИСП, 2009. Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей / Отв. ред. О.В. Синявская. – М.: НИСП, 2009.

11. http://sophist.hse.ru/

12. Социальное расслоение возрастной когорты / отв. ред. М. Х. Титма. – М.: ИС РАН, 1997.

* Программа гендерных и межпоколенных исследований

КОРПОРАТИВНАЯ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ СЕТЕВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шабловский А.И.
к.ф.н., ведущий научный сотрудник Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Яковлева И.А.
заведующий сектором «Центр социального мониторинга дополнительного образования детей и молодёжи» Минского государственного дворца детей и молодёжи (Минск, Беларусь)

1. Содержание корпоративной самообразовательной инициативы. Концепция корпоративной самообразовательной инициативы (КСИ - ξΞ) была разработана А.И. Шабловским и предложена специально для учреждений общего среднего и дополнительного образования. В Минском государственном дворце детей и молодёжи проект стартовал с апреля 2011 года. Предметное участие в КСИ принимает комитет по образованию Мингорисполкома орган государственного управления, который выступает в роли заказчика и инициатора по отдельным исследовательским направлениям. В настоящее время таких направлений три: лидерство и молодежная межкультурная коммуникация; молодежные неформальные сообщества; система критериев и показателей для оценки эффективности деятельности учреждений дополнительного образования.

По своей сути, КСИ является общественно-функциональной инновацией, то есть таким проектом, который: реализуется за счет заинтересованных специалистов, не требует прямой административной поддержки со стороны органов государственного управления, не предполагает финансирования из государственных источников, является конструктивной инициативой, то есть такой, которая полностью согласуется с задачами государственного строительства. В первом приближении КСИ представляет собой своеобразный слоеный пирог. Первые три слоя содержательные. Это:

1) компетентностная модель управления;

2) совокупность авторских методик для разработки эффективного социально-психологического и опросно-аналитического инструментариев нового типа, а также конкретный набор анкет, апробированных в ходе многочисленных исследований;

3) сетевая творческая лаборатория ученого, методиста и педагога.

Четвёртый слой – технологический. Имеется в виду специальное программное обеспечение для проведения оперативных социсследований на локальных сетях.

Основными исполнителями проекта являются специалисты, работающие в отдельно взятой области. По этой причине КСИ является корпоративным проектом. Самообразовательное начало в КСИ обеспечивается тем, что одной из главных целей работы является активное создание и внедрение в практику образования и воспитания новых эффективных методик, причем, именно за счет усилий специалистов, которые работают в данной области. Привлечение внешних специалистов – ученых, педагогов и методистов из высшей школы и академической науки – предполагается и приветствуется, но в соответствии с очень жесткими требованиями прагматического отбора. В прагматическом подходе ни опыт, ни накопленный статусный капитал (учёные степени, звания, наличие государственных наград) не имеют никакого значения. Имеет значение качественное отношение корпоративного сообщества к тому, что предлагает ангажированный специалист.

Итак, изначально КСИ основана на сообществе профессионалов-практиков, которые полностью «встроены» в систему дополнительного образования. Отношения между участниками такого сообщества организуются по принципу сетевого взаимодействия и с использованием самой современной на сегодняшний день специально

разработанной IT-технологии. Разработчик – резидент Парка высоких технологий Республики Беларусь «PI-CONSULT.BY. Ltd». В сетевом взаимодействии преодолеваются ведомственные рамки, устраняются традиционные статусные различия (нет центра и периферии, совершенно не важно, где ты работаешь, в столице или в небольшом районном городе) и создается то, что в практике компетентностного управления называется «распределенным экспертным полем».

Распределенное экспертное поле представляет собой новую и очень эффективную модель для объективной оценки любой творческой инициативы. Такое поле активно: в него входят только те специалисты, которые прошли особый тестовый отбор. Такое поле оперативно: для корректной оценки отдельно взятого проекта или для решения конкретной проблемной ситуации необходимо не более 5-ти дней. Наконец, такое поле масштабно: оно может включать многие сотни и тысячи специалистов. Таким образом, распределённое экспертное поле позволяет на практике внедрить принцип демократичного коллегиального «прямого» управления образовательной организацией (учреждением дополнительного образования и всей системой дополнительного образования в целом).

Мы полагаем, что на сегодняшний день, КСИ, основанная на компетентностной модели управления, представляет собой наиболее адекватную форму профессионального взаимодействия для сферы неформального образования. Дело в том, что именно в этой сфере нет категорических стандартов, запрещены жесткие модели администрирования. Эта сфера, если можно так выразиться, является принципиально конфедеративным образованием. Она включает в себя многие подобные, но отдельные, самостоятельные организации. Жесткой структуры такие организации не образуют. То есть в данной ситуации исключительное значение в управлении имеет проявленная корпоративная заинтересованность, которая обеспечивается следующими основаниями.

1. ***Комфортными условиями*** для профессионального роста и творческого самовыражения специалиста. Специалист получает прямой и оперативный доступ к самой свежей информации – методической, аналитической, проблемной. Более того, он может предлагать в этом информационном поле собственные инициативы и может получать объективную и массовую оценку своих проектов и предложений. Для того, чтобы такая оценка была максимально оперативной и не требовала усилий, в компетентностной модели управления используется специальный инструментарий – понятная и прозрачная модель, по которой принимаются или отвергаются идеи, отбираются лучшие методические разработки, принимаются жизнеспособные управленческие решения.

2. Строгим хорошо работающим ***диагностическим инструментарием***, который принимается и одобряется большинством корпоративного сообщества.

3. ***Прогностическим маркетингом***. Имеется в виду возможность очень быстро и очень дешево проводить массовые опросы, проблемные социальные исследования, собирать и обрабатывать информацию, которая необходима для правильной оценки спроса и предложения в сфере дополнительного образования, для разработки и внедрения в практику новых видов образовательных услуг, для активной обратной связи с потребителем, для того, чтобы накапливать и удерживать на должном уровне накопленный социальный капитал.

2. Программное обеспечение для оперативных сетевых социологических исследований. Крайне слабыми местами любого социологического исследования являются его продолжительность и ресурсоемкость. Средняя стоимость одного серьезного социсследования в 2010-2011 гг. (при корпусе респондентов в 1200 – 2000 человек) колебалась в диапазоне 50 – 70 миллионов белорусских рублей при сроках от четырех до девяти месяцев. Количество занятых исполнителей различной квалификации в таком исследовании – не менее десяти. Позволить себе подобную роскошь может далеко не всякий заказчик и далеко не по любому поводу. Собственно говоря, в этом и заключается проблема: получить социологический срез какой-либо ситуации всегда интересно и

полезно, но зачастую невозможно, потому что всё это очень долго и всё это очень дорого. Может случиться и такое: пока собираешь информацию и анализируешь, ситуация в корне меняется и проведенная работа теряет смысл. Использование обычного программного обеспечения для универсальной статистической обработки данных положения дел в корне НЕ меняет, потому что:

1) такое ПО сильно ограничено по своим возможностям: никакого отношения к составлению и тиражированию анкеты, к самому анкетированию а также к интерпретации результатов оно не имеет и иметь не может; между тем основные временные и ресурсные затраты «тянут на себя» именно эти этапы работы;

2) все программные продукты для статистического анализа (например, SPSS) крайне затруднительны в использовании: они требуют глубокого понимания самих основ моделирования баз данных, их структурной систематики; для того, чтобы только «осмотреться» в программе, нужно потратить никак не меньше двух месяцев под руководством опытного специалиста;

3) все ПО для статистической обработки данных является «коробочным» и «импортным»: таким образом, наши управленцы, социологи, психологи и социальные педагоги оказываются полностью зависимыми от западных технологий, а это вряд ли способствует развитию национальных научных школ в социологии и психологии и новых отечественных технологий в управлении образовательным процессом.

Специальный программный продукт ***ProSha*** (главное технологическое основание Корпоративной Самообразовательной Инициативы) разработан отечественными специалистами, и решает проблему категорически и в комплексе. То есть себестоимость исследования уменьшается в **сто** раз, оперативность – возрастает в **десять** раз. Причем ресурсоемкость снижается на всех этапах работы: от составления инструментария до интерпретации результатов исследования. По сути, данное программное обеспечение наиболее корректно и полно на сегодняшний день реализует методологические установки и научные идеи, сформулированные ведущими представителями белорусской социологической школы [1; 2].

Это программное обеспечение особого рода. Оно специфично, то есть создано именно под задачи социологического исследования. Оно представляет собой сетевую лабораторию для социолога, причем такую, в которой социолог чувствует себя комфортно даже в том случае, если работает в одиночку. Программа лаконична и компактна: обладает небольшим количеством основных операций. Полностью осваивается за два дня. Никаких особых навыков работы с базами данных не требует.

3. Технология сетевых социологических исследований в практике работы Минского государственного дворца детей и молодёжи. Анкета моделируется при помощи специального интерфейса. Интерфейс дружественный, понятный любому гуманитарию, точно так же, как может быть понятен простой текстовый редактор. Затем анкета вывешивается в локальной сети. Если кто-то по каким-то причинам до локальной сети добраться не может, ПО позволяет распечатать уже автоматически отформатированные бланки анкет в нужном количестве, а затем, после традиционного интервьюирования, добрать базу данных вручную. При проведении опроса по локальной сети база данных формируется автоматически и буквально на глазах у исследовательской группы. То есть в любой момент времени социолог может детально ознакомиться с промежуточными результатами. «Детально» означает на уровне обстоятельной содержательной интерпретации, когда уже ясно, чему радоваться, чего опасаться и что делать дальше, то есть какие управленческие решения обосновывать.Данные приводятся в таблицах и в виде текстовых комментариев. Написание краткой аналитической записки по факту первичного анализа занимает не более трех часов.

В рамках КСИ учреждение обеспечивается уже готовым набором инструментария (набором анкет) нового типа под конкретные задачи управления образовательным и воспитательным процессом. Инструментарий уже «отработан»: на материале конкретных

исследований доказано, что эти анкеты обеспечивают надежные и понятные результаты. Принципиальное know-how заключается в том, что каждая такая анкета обладает «легендой», то есть дает возможность автоматически получать текстовую интерпретацию данных, причем как на уровне групп респондентов (а это существенно облегчает написание заключительного отчета по проведенному исследованию), так и по каждому респонденту индивидуально. Последнее очень важно **для психологов и социальных педагогов.**

Пропускная способность дисплейных классов в Минском государственном дворце детей и молодёжи составляет три человека в минуту. Таким образом, целевая группа в количестве трёх тысяч респондентов легко опрашивается за пять дней. На средних и больших выборках (от пятисот респондентов и выше) социологи «Дворца» в состоянии проводить одно исследование в неделю. По сути, они впервые в своей практике получили инструмент для организации конструктивного информационного поля с участием детей, родителей и педагогов. И это поле основано на активной и оперативной модели обратной связи. Кроме того, у социологов появились все условия для совершенствования самого социологического инструментария: они могут оперативно проводить серии наблюдений над тем, насколько корректно работает опросник. Полевая социология, таким образом, становится не только оперативной, но еще и, в правильном смысле этого слова, экспериментальной наукой. На сегодняшний день зарубежных аналогов данному ПО мы не обнаружили.

5. Глобальный методологический смысл КСИ в собственно социологическом аспекте заключается в том, чтобы кардинальным образом повысить уровень востребованности социологических данных и услуг социологов в практике управления системой образования. Конкретно ставятся две задачи, которые будут решены уже в ближайшее время. Задача первая – сделать социологические опросы и исследования доступными для отдельных учреждений образования. Причем настолько, чтобы в роли заказчика таких исследований могло выступить одно учреждение образования как самостоятельное юридическое лицо. Задача вторая – до конца следующего учебного года разработать комплексный диагностический инструментарий (совокупность анкет) под все актуальные потребности образовательных учреждений. Имеются в виду: мониторинг качества работы учреждений образования, прогностический маркетинг, регулярные массовые опросы в рамках обратной связи с детьми и их родителями по уточнению социального заказа на образовательные и социокультурные услуги. Важно понять, что в рамках КСИ заинтересованными и активными заказчиками социологических исследований становятся не только органы государственного управления, но и непосредственные участники образовательного процесса: директора школ, завучи, социальные педагоги, специалисты СППС. Таким образом, корпоративная самообразовательная инициатива становится практикой технологически обеспеченного управления. И в этом режиме именно на творческие коллективы социологов ложится основная работа по оперативному сбору и анализу информации для принятия жизнеспособных управленческих решений.

Литература:

1. Социология: Методология отраслевых и оперативных исследований: учеб. Пособие для студентов социологич. Спец. БГУ / Д.Г. Ротман [и др.]; под общ. ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Елсукова.- Минск: БГУ, 2005. – 259 с.

2. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / Д.Г. Ротман [и др.]; под общ. ред. Д.Г. Ротмана, А.Н. Данилова, Л.Г. Новиковой.- Минск: БГУ, 2001. – 354 с.

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Реут В.Г.
к.с.н., доцент, начальник отдела социологии образования и повышения квалификации Академии последипломного образования (Минск, Беларусь)

Социологический анализ является очевидным компонентом процессов управления различными уровнями организации последипломного образования педагогических кадров. Он сопровождает все стадии управленческого цикла: изучения социальной ситуации, выбора вариантов наиболее целесообразных и перспективных управленческих решений, планирования и программирования организационных мероприятий по реализации и контролю исполнения принятых решений.

Любое такое исследование представляет собой всестороннее и целостное изучение конкретной социальной ситуации или объекта, опирающееся на алгоритмизированные технологии, специально разработанные для решения циклически повторяющихся стандартных аналитических задач, связанных с управлением. Если в целях развития фундаментального социологического знания изучаемые проблемы носят, как правило, уникальный характер и соответственно требуют эксклюзивных инновационных подходов, то прикладные исследования в управлении образовательной сферой чаще всего преследуют цели поиска типового варианта анализа и решения проблем, связанных с регулированием образовательных процессов, их диагностикой и прогнозированием, планированием, изучением эффективности тех или иных видов профессиональной деятельности. Программы такого рода исследований базируются на стандартном наборе аналитических методов, процедур и систем показателей, нацелены на анализ конкретных, повторяющихся образовательных ситуаций и вполне могут быть алгоритмизированы и технологизированы.

Социологическое обеспечение процессов регулирования сферы последипломного образования педагогических кадров города охватывает весь управленческий цикл как целостную систему целенаправленных и непрерывных действий. В структуре управленческой деятельности обычно выделяют три этапа:

1) информационный (поиск, сбор, передача, хранение и систематизация управленческой информации);

2) логико-мыслительный (анализ социальной ситуации, выработка и принятие решений);

3) организационный (подбор, расстановка и обучение кадров, доведение задач до исполнителей, оперативное планирование, координация и контроль).

По своей сути весь управленческий процесс связан со сбором, переработкой и анализом социальной информации – специфического отражения субъектом упорядоченного разнообразия элементов, связей, отношений объективного мира и, прежде всего, социальной реальности. В управленческих целях социальная информация особым образом преобразуется с учетом конкретных условий предстоящей деятельности. Подобные преобразования связаны с рядом технологических процедур, обеспечивающих получение необходимых сведений.

Основные методы социологического анализа – моделирование объектов, социальная диагностика и прогнозирование, проектирование решений, их экспериментальная проверка – осуществляются социологами по четко скоординированным программам и направлениям анализа. В ряду таких направлений – изучение организации образовательного процесса, содержания (стратификации) знания, уровня преподавания, ресурсного обеспечения образовательных процессов, психологического самочувствия потребителей образовательных услуг. Данная информационно-технологическая модель, отражающая последовательность процедур

анализа эмпирической информации по стандартным направлениям и показателям, закладывается в программы мониторингового наблюдения.

Важное значение имеет и совместная деятельность социолога и управленца на завершающем этапе подготовки управленческих решений**.** Нельзя забывать о том, что организационная структура управления представляет собой сложную иерархическую систему разных уровней, связанных между собой единством замысла и целей управленческих решений и действий. Такая система может функционировать в разных режимах: как "жесткая" административно-властная структура и как "мягкая", адаптивная система принятия и реализации решений. Однако в любых режимах управленческой деятельности остается незыблемым требование эффективного социологического анализа и контроля исполнения принятых решений.

Главным фокусом концентрации усилий социологического анализа сферы последипломного образования педагогических кадров является изучение систем содержательного, методического, организационного, психологического сопровождения слушателей в процессе курсовой подготовки для их стабилизации и развития. При этом предусматривается распространение и интеграция результатов социологических исследований в следующих направлениях деятельности последипломного педагогического образования:

- стабилизация уровня и качества образовательного процесса в системе последипломного образования;
- расширение границ взаимодействия (коммуникации) субъектов педагогического процесса, развивающего образовательное партнерство;
- мотивация и стимулирование профессиональной педагогической активности субъектов образовательного пространства;
- развитие образовательной инфраструктуры с учетом потребностей субъектов последипломного образования.

Немалые перспективы имеет расширение использования социологических технологий анализа не только на разных уровнях управления образовательным процессом, но и непосредственно в подразделениях учреждений последипломного образования. Например, применение технологий информационно-социологического обеспечения адаптационных и корректирующих процессов имеет важное значение в оценке и анализе деятельности деканатов, кафедр, методических отделов и других структур, обеспечивающих реализацию курсового и межкурсового периодов подготовки педагогов. Особое направление социологического анализа составляет наблюдение образовательных процессов повышения квалификации по конкретным категориям слушателей, тематическим направлениям их подготовки, а также отдельным вопросам нововведений в образовании.

Специальным предметом социологического анализа становятся и сами адаптационные технологии, призванные обеспечивать эффективное воспроизводство процессов включения личности педагога-слушателя в системы многообразных социальных связей и отношений в процессе повышения педагогической квалификации. Следует иметь в виду, что процесс последипломной образовательной социализации личности педагога двусторонний, требующий активных усилий как со стороны слушателя, так и со стороны реализаторов образовательного процесса. На адаптационные процессы оказывают существенное влияние многие факторы: профессиональная и психологическая готовность (мотивация) слушателей к прохождению повышения квалификации, традиции системы повышения квалификации в конкретном учреждении, ценностные ориентации и интересы различных субъектов последипломного педагогического образования. Виды адаптационных технологий классифицируются в зависимости от сфер их применения: организационные, содержательные, психологические, социокультурные, социально-бытовые. Классификация технологий

осуществляется также по субъектам воздействия – индивидуальные, коллективные, групповые, массовые.

Таким образом, социологический анализ качества дополнительного педагогического образования реализуется через известную совокупность методов и технологий, обеспечивающих сбор, анализ и обработку необходимой информации. В содержательном плане этот процесс, как уже указывалось, охватывает оценку сложившейся ситуации, целеполагание, принятие управленческих решений, стимулирование и организацию деятельности исполнителей, контроль эффективности управленческого процесса. Основаниями подготовки управленческих решений на основе социологических технологий является моделирование, диагностика, прогнозирование социальных объектов и проектирование методов и форм управленческих воздействий на процессы функционирования сферы последипломного педагогического образования.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Кандричина И.Н.
к.с.н., преподаватель кафедры политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь)

Социология общественного мнения – это специальная социологическая дисциплина, предметом изучения которой является установление закономерностей и механизмов формирования и функционирования оценочного отношения больших социальных общностей к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес. Развитие социологии общественного мнения в Республике Беларусь связано с процессом демократизации постсоветского социума, который вызвал рост интереса к изучению мнений разных групп населения как субъектов социальных действий и, как следствие, быстрый рост государственных и негосударственных центров изучения общественного мнения, плюрализацию теоретико-методологических подходов в изучении общественного мнения, активное включение результатов опросов в политические процессы и усиление возможностей манипулирования общественным мнением в интересах отдельных субъектов политики.

Специфику современного состояния социологии общественного мнения определяют реалии современного общественного устройства. Так, не существует конкретных методологических особенностей изучения общественного мнения на современном этапе. Методологические принципы исследования и собственно научная парадигма социологии общественного мнения сложились в 60-е гг. XX века в трудах Б.А. Грушина и А.К. Уледова. Методологические же особенности изучения общественного мнения в современной Беларуси связаны с проблемами эффективности и репрезентативности классических выборок и методов исследования.

Современное состояние социологии общественного мнения в Республике Беларусь характеризуется: 1. следованием в русле ранее разработанных парадигм изучения общественного мнения; 2. существенным расширением представления об исследовательских процедурах общественного мнения и созданием новых методов и методик его выявления, что связано с актуализацией проблем «доступности респондента», «усталости» социологического поля, реактивности социологического инструментария; 3. широким использованием опросов общественного мнения и их результатов в политической практике; 4. возникновением новых актуальных проблем изучения общественного мнения (проведение сравнительных социологических исследований на международном уровне, необходимость соответственной подготовки белорусских

социологов к подобным исследованиям); 5. высоким уровнем коммерциализации социологии.

Проблемное поле современной социологии общественного мнения достаточно широко. Некоторые из данных трудностей существовали еще в СССР и не потеряли актуальности до сих пор (понимание предмета и субъекта социологии общественного мнения). На современном этапе развития социология общественного мнения столкнулась с новыми весьма значимыми трудностями, среди которых необходимо выделить следующие: проблема проведения сравнительных социологических исследований на международном уровне; проблема коммерциализации социологии; проблема непрофессионализма; проблема ангажированности; проблема доступа к респонденту; проблема реактивности социологического инструментария; разрыв между общесоциологической методологией и практикой прикладных исследований общественного мнения; проблема компетентности общественного мнения; разрыв между социальными теориями и верификацией их отдельных положений в исследовательской практике и т.д.

Актуальность и необходимость сравнительной социологии обуславливается развитием международного сотрудничества, взаимопроникновением культур, динамикой социальной жизни, процессами глобализации и потребностью социологов в получении и сравнении информации об идентичных социальных процессах и явлениях, социальных сдвигах в различных социальных слоях и группах, регионах и странах. Но, при проведении сравнительных социологических исследований перед исследователем встают проблемы выработки адекватных исследовательских стратегий и условий применимости различных методов сбора данных, соответствие стандартов, методик и техник проведения опросов общественного мнения международным стандартам, изучения рамок сравнимости и эквивалентности при измерении подобий-различий характеристик в совокупностях, выработки сопоставимых показателей, обеспечение лингвистической эквивалентности и т.д.

Ряд трудностей, с которыми столкнулась социология общественного мнения, связан с коммерциализацией социологии в целом. Опросы общественного мнения стали бизнесам. Негативными эффектами коммерциализации стала вольная или невольная ангажированность, стремление «удержать» заказчика и непрофессионализм. Результаты опросов часто подстраиваются под заказчика или того, кто покупает результаты. Появилось большое количество непрофессиональных социологических служб, цель которых заработать деньги. Подобные службы могут допускать социологические ошибки, подстраивать результаты, искажать получаемую социологическую информацию.

В связи с развитием прав личности и пропаганды невмешательства в личную жизнь, обострением проблемы безопасности, расширением индивидуальности и закрытости личности, отсутствием общностей и, как следствие, усложнением доступа к респонденту, наметилась тенденция социологии общественного мнения к движению в сторону закрытых опросов с анонимными респондентами.

Следовательно, сегодня как одно из перспективных направлений социологии общественного мнения рассматриваются Интернет-опросы. Развитие информационных технологий и распространение сетевых серверов способствует разработке новых методик проведения Онлайн-опросов. Данный метод исследования широко распространен в США, где Интернетом пользуются больше 100 млн. человек, т.е. более половины населения. На постсоветском пространстве число пользователей сети Интернет, по разным оценкам, составляет от 1 до 5% всех жителей. При существующем количестве пользователей Интернет-опросы могут применяться либо для изучения Интернет-аудитории, либо для исследования аудитории, состав которой можно контролировать, например, опрос сотрудников предприятия, опрос с предварительным оффлайн-рекрутингом и т.д. Главным достоинством Интернет-опроса является оперативность. Среди других не менее значимых преимуществ Интернет-опроса можно выделить следующие: высокая скорость

сбора и обработки информации, что позволит проводить регулярный мониторинг и отслеживать уже заполненные анкеты в режиме реального времени; возможность включать в анкету графические элементы, фотографии, видео и аудио фрагменты; наличие специального программного контроля заполнения анкет, который не позволяет респонденту пропускать вопросы и предотвращает возникновение случайных ошибок при заполнении.

Недостатками Интернет-опросов является отсутствие контроля за действиями респондента и стихийность, нерепрезентативность выборки. Современные методики опросов общественного мнения направлены на решения трех основных проблем: влияние интервьюера на ответы респондента, некомпетентность респондента в теме исследования и проведение оперативных социологических исследований.

В ходе опроса могут возникать множественные искажения передаваемой информации: между исследователем и интервьюером, интервьюером и респондентом, при записи ответа респондента и понимании этой записи исследователем. Наиболее серьезная проблема возникает при использовании открытых вопросов. Поэтому ряд современных методик опроса общественного мнения направлен на сведения к минимуму контакта интервьюера и респондента, при этом каждый исследователь решает данную проблему по-своему: одни применяют только закрытые вопросы, другие используют преимущественно математические методы.

В сложившейся ситуации метод «обогащенного опроса» является еще одним перспективным направлением развития социологии общественного мнения. Данная технология, призванная решить проблему некомпетентности респондентов, была предложена Дж. Фишкиным. Суть технологии «обогащенный опрос»: сначала некую «панель респондентов» опрашивают «всухую», «старыми» методами. Затем всех этих респондентов проводят через процедуру «обогащения» – собирают на фокус-группы, которые действуют «наоборот»: обычная фокус-группа призвана вытянуть у респондентов, что они думают, а «обратная фокус-группа» ставит задачей информировать их о проблеме. Используются и другие методы – адресная электронная рассылка, вывешивание материалов на известном респондентам сайте и т. д. Потом проводится второй опрос «обогащенных» респондентов – и можно видеть, как изменилась их реакция.

Перспективы развития социологии общественного мнения связаны с двумя направлениями исследования – развитием информационных технологий, сетевых серверов и электронных вариантов опросов, применением метода «обогащенного опроса», призванного решить проблему некомпетентности респондентов. Оба направления расширяют возможности выявления общественного мнения и свидетельствуют о том, что социология общественного мнения в постсоветской Беларуси получила дальнейшее теоретико-методологическое развитие.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Харитонов И.Н.
младший научный сотрудник сектора статистики и анализа миграционных процессов Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Профессиональная идентичность представляет особый интерес для социологии в силу того, что профессиональные группы, профессиональная социальная культура, аспекты, связанные с данными феноменами, всегда являлись одним из ведущих предметов исследований, объектов изучения отечественной и зарубежной социологии. Существуют различные подходы к рассмотрению профессиональной идентичности, зависящие, во многом, на наш взгляд, от специфики рассмотрения социальной идентичности и идентичности индивида в социологии. Попробуем рассмотреть наиболее влиятельные для

исследований профессиональной идентичности социологические подходы к идентичности.

Одним из первых подходов к социальной идентичности, который затрагивает ее профессиональную форму, является ее рассмотрение в качестве усвоенных в силу социальной необходимости, принятых и последовательно реализуемых социальных статусов и ролей. Теории социальных статусов и ролей позволяют рассматривать профессиональную идентичность, как усваиваемые в силу социальных и культурных традиций профессиональные роли. Одним из феноменов, описывающих механизм такого формирования профессиональной идентичности в социологии, является социальный статус, как объясняющий необходимость передачи и принятия той или иной профессиональной роли. Данный социологический подход хорошо отражает специфику исторически первых профессиональных отношений в обществах Средневековья, Нового времени. Большинство семей имели одни и те же потомственные профессии, в зависимости от их сословий, социального происхождения и статуса. Также теории социальных ролей и статусов хорошо описывают социально-нормативные требования к профессиям, профессиям как определенному регламентированному социальному поведению. Такой подход в отношении к профессиональной идентичности можно называть «традиционалистским» или «статусно-ролевым».

Большое влияние на социологическое рассмотрение профессиональной идентичности как продукта усвоения в силу социального статуса, положения социальных и профессиональных ролей оказывает марксизм, сопоставивший экономическую и социальную сферы (а значит, и профессиональные отношения) и определивший их уровень развития и состояние по различным социальным классам. С развитием общественных и экономических отношений, значительную роль в формировании профессиональной идентичности стали играть и другие социальные, и индивидуально-личностные факторы. Прежде всего, субъективные.

Проработанной традицией рассмотрения субъективной роли в формировании социальной идентичности в социологии является символический интеракционизм Д. Мида. Д. Мид указал, что идентификация – это процесс описания и самоопределения себя индивидом посредством усваиваемых, транслируемых социальных категорий. В социальном интеракционизме достаточно подробно описывается процесс «согласования» идентичности с социальными категориями и нормативами, с учетом своего видения и понимания.

Развивал взгляды, близкие с социальным интеракционизмом по интересу к процессу субъективных отражения, мотивации и осмысления социально транслируемых предписаний, И. Гоффман, создававший подробную концепцию взаимоотношения индивида и общества, называемой «драматургическим подходом». Он также рассматривал формирование и существование идентичности индивида через призму субъективной «политики идентичности», субъективного осмысления, понимания и преломления транслируемых социальных категорий, ролей и норм. Субъективная «политика идентичности» показывает зависимость социального поведения от мотивации индивида и его позиционирования в социальной среде.

Социологический «субъективно-интеракционистский» подход к профессиональной идентичности учитывает специфику усвоения, преломления и осмысления индивидом профессиональных ролей, их выбора и интерпретации. Параллельно активизировался интерес, к идентичности как социальному продукту определенной социальной ситуации. Социально-конструктивистская традиция социальной идентичности получила революционное развитие в области гендерных исследований, феминизма, изучения сексуальных, расовых и этнических меньшинств, инвалидов. М. Фуко, К. Джерджен, Б. Лукман и др. показали, что то, что кажется торжеством уникальной индивидуальной идентичности, является социальным продуктом и оказывается возможным в силу социальных условий. Профессиональная идентичность в данном, социально-

конструктивистском подходе также подвергается «деконструкции», показывающей, как специфика профессиональной идентичности современной эпохи отражает социальные процессы в обществе. Новым направлением к рассмотрению социальной идентичности становится «сетевой» подход (М. Кастельс и др.), позволяющий рассматривать профессиональную идентичность как «сетевой» феномен, что несет в себе не только возможности нового ее понимания, но и возможность нового конструирования. Таким образом, среди социологических подходов к социальной идентичности, применимых к изучению профессиональной идентичности можно назвать «традиционалистский» (статусно-ролевой), «субъективно-интеракционистский», «социально-конструктивистский» и «сетевой» подходы.

СОЦИОЛОГИЯ РЕКЛАМЫ КАК ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Подвальская В.С.
младший научный сотрудник сектора методики и практики прикладных социологических исследований Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Реклама является неотъемлемым явлением современного общества. Сегодня реклама используется не только для информирования потребителей о новых товарах и услугах, но и оказывает мощное воздействие на общественное сознание, ценности, мнение и поведение людей, на общество в целом. Масштабность проникновения рекламы во все сферы жизни общества, а также стремительно растущее влияние на общество в целом и на отдельных индивидов обусловливают актуальность изучения данного феномена.

Одной из наук, объектом изучения которой выступает реклама, является социология. Несмотря на то, что реклама как в западной, так и в отечественной социологии изучается, как правило, в контексте общей социологии, уже сегодня можно говорить о постепенном формировании такого специального отраслевого направления в системе социологического знания как социология рекламы, которая имеет собственный объект и предмет исследования, методы, с помощью которых данный объект изучается, а также свой понятийный аппарат.

Объектом социологии рекламы является реклама, которая рассматривается посредством таких важнейших понятий данной науки как социальное явление, социальный феномен и социальный институт. Рассмотрим эти понятия.

Явление – философский термин, отражающий внешнее, обнаруживаемое проявление какой – либо сущности. Следовательно, реклама как явление – обнаруживаемое, внешнее проявление процесса реализации той общественной функции, которая представляет собой сущность рекламы. Основной же социальной функцией рекламы является установление социальных связей (социальных отношений) в разных областях человеческой деятельности путем использования особых, рекламных технологий. Социальные отношения – это отношения человека и предмета его потребности, опосредованные другим человеком [1, с. 120] Как социальное явление реклама, таким образом, выступает посредником между человеком и объектом, который может удовлетворить ту или иную его потребность.

В отличие от социального явления, термин социальный феномен является одним из самых спорных в социологии. Обычно под социальным феноменом понимают очевидное, яркое проявление социальной реальности, входящее в жизненный мир человека и легко им идентифицируемое. Феномен, таким образом, это то, что входит в субъективный мир человека, становится частью его социального пространства [1, с. 120]. Следовательно, социальный феномен является понятием более узким, чем социальное явление. Реклама была социальным явлением с самого возникновения, как о социальном феномене о ней можно говорить лишь с XIX века.

В настоящее время в рамках социологии реклама рассматривается, прежде всего, как социальный институт. Федотова Л.Н. в своей книге «Социология рекламной деятельности» отмечает признаки, которые позволяют определить рекламу как социальный институт:

1. Наличие внешней (формальной) и внутренней (содержательной) структуры рекламы.

2. Существование устойчивой социальной потребности в тех функциях, которые выполняет реклама как социальный институт.

3. Существование объединений рекламных ассоциаций в глобальном масштабе.

4. Наличие законодательно оформленной системы норм и предписаний в области рекламы.

5. Использование в рекламной деятельности практических всех достижений науки и техники в области средств массовой коммуникации.

6. Занятость в сфере рекламы большого количества специалистов, создание для их подготовки сети учебных заведений различного уровня.

7. Использование в сфере рекламы специфических символов, различных форм рекламного языка [2, с. 25].

Предметное поле социологии рекламы включает два разных аспекта исследования рекламы: с одной стороны, анализируется вопросы функционирование рекламы как общественного института (реклама исследуется как институт современного общества), с другой – вопросы использования социологических методов сбора и обработки информации для рекламного бизнеса (исследуется поведение людей с целью повышения эффективности рекламного воздействия). Однако полностью разграничивать две эти предметные области исследования неправомерно, так как нельзя заниматься повышением эффективности рекламного воздействия без понимания взаимовлияние рекламы и общества.

Социология рекламы как специальное отраслевое направление характеризуется собственным проблемным полем, т.е. определенным кругом вопросов, требующих решения для эффективного и социально приемлемого функционирования рекламы в обществе. Савельева О.О. в своей книге «Социология рекламного воздействия» выделяет две основные группы проблем, которые составляют проблемное поле социологии рекламы:

1. Реклама в сфере жизненного мира «человека социального». Здесь могут изучаться восприятие рекламы членами социума, освоение ими ее товарного и социального дискурсов (понимание), адаптация воспринятого рекламного сообщения к своей повседневности и, наоборот, адаптация своей повседневности к переданному рекламой содержанию.

2. Реклама в системном (институциональном) социальном мире. Это уже иная группа проблем, связанная с функционированием рекламных структур в общественной системе в целом [3, с. 39].

Более подробно проблемное поле социологии рекламы описывает известный теоретик в области социологии СМИ и рекламы Коломиец В.П. Он выделяет следующий круг проблем социологии рекламы.

1. Влияние рекламы на общественную систему и влияние общественной системы на рекламу. Необходимо отметить, что это два аспекта одного и того же процесса. Первый аспект связан с пониманием того, как рекламные образы, создаваемые для продвижения товаров, услуг, идей влияют на само общество, как реклама меняет его культурные, нравственные устои. Второй аспект связан с пониманием того, как общественные процессы влияют на функционирование рекламы как общественного института. Таким образом, одна из главных проблем социологии рекламы связана с исследованием механизмов, закономерностей функционирования рекламы как

общественного института, ее влияния на общество и обратного воздействия общества на рекламу.

2. Влияние рекламы на отдельные институты общества и воздействия этих институтов на различные виды рекламной деятельности. Большой интерес в рамках данной проблемы вызывает изучение влияния рекламы на воспитательные и образовательные институты общества, а также на СМИ, поскольку именно они выступают основным носителем рекламы. Таким образом, прогнозирование изменений общественных институтов и влияние этих изменений на формы, способы, средства распространения рекламы выступает еще одной проблемой исследования социологии рекламы.

3. Исследование влияния рекламы на отдельные общественные процессы. Как известно, общество – это постоянно развивающийся социальный организм. Основной вектор развития задается отдельными постоянными общественными процессами. В частности, одним из таких существенных процессов выступает социальная мобильность. Реклама существенным образом меняет восприятие мобильности в общественном сознании, перемещая эту проблему из сферы материального производства в сферу потребления. Не менее важным выступает процесс легитимации властных институтов общества. Во многом он связан с политической рекламой, умением специалистов в области политических технологий, используя механизмы и средства политического маркетинга, конституировать демократические институты общества. Таким образом, изучение влияние рекламы на социальные изменения в обществе и обратное воздействие этих изменений на рекламу выступает еще одним срезом социологического видения рекламы.

4. Исследование взаимосвязи рекламного воздействия и культуры конкретного общества, влияния культуры на рекламу и рекламы на культуру конкретного общества. То есть, исследование проблем менталитета и рекламы, культуры и рекламы, национальных стереотипов и рекламы составляют значительный блок вопросов, включенных в предметное поле социологии рекламы [4, с. 165-168].

Исследования в области социологии рекламы проводятся в рамках теоретической, академической и прикладной социологии. Так, в контексте теоретической, академической социологии исследуются вопросы рекламы как социального явления, социального феномена, социальной коммуникации, компонента социального управления и т.д.

Прикладные исследования в области рекламы ведутся по четырем основным направлениям:

1. Изучение потребителей – помогает выделить группы наиболее вероятных покупателей; определить то, как потребители воспринимают их собственные товары и товары конкурентов; на какие результаты рассчитывает потребитель, принимая решение о покупке.

2. Анализ товара – помогает рекламодателям в создании товаров и определении наиболее притягательных его достоинств, несущих потребителю ожидаемое удовлетворение. Производитель получит возможность выразить качество своих товаров на языке, наиболее понятном потребителю, на языке его собственных нужд и запросов.

3. Анализ рынка – помогает установить местонахождение потенциальных покупателей с целью концентрации рекламы на наиболее перспективных (с коммерческой точки зрения) направлениях.

4. Изучение средств рекламы – способствует повышению эффективности рекламы посредством донесения информации до нужных потребителей [4, с. 169].

Для решения прикладных задач в арсенале методов социологии рекламы используются как качественные, так и количественные методы. Количественные методы позволяют получить статистически значимые количественные данные. Среди данных социологических методов исследования рекламы широкое распространение получили различные виды опроса, основными сферами применения которых в социологическом

исследовании рекламы являются: типологизация целевых аудиторий (в частности, по критерию осведомленности, отношения к рекламе), анализ демографических характеристик потребителей, изучение психографических характеристик (интересы и мнения, действия, ценности), анализ контактов с рекламой (частота, состояние получателя в момент контакта, характер реакции) [5, с. 297].

Качественные методы используются, прежде всего, для исследования стратегии и концепции рекламы, их главная функция заключается в изучении мотивации потребителей. В социологии рекламы широкое распространение получили такие качественные методы как глубинное интервью и фокус – группа. Целями их применения при социологическом изучении рекламы являются: выявление оптимальной целевой аудитории для рекламы и мероприятий стимулирования, построение прогнозной модели поведения покупателя, изучение особенностей отношения потребителей к рекламируемому товару, проверка правильности идей, заложенных в основу продукта и т.д. [5, с. 295]. В социологическом исследовании рекламы используются также смешанные методы (эксперимент, наблюдение, контент – анализ), находящиеся на стыке качественных и количественных методов, и так называемые аппаратные методы исследования (счетчики, пиплметрия), которые используются для изучения каналов распространения рекламы.

Таким образом, социология рекламы как отраслевая социологическая теория характеризуется наличием собственного объекта, предмета и методов исследования, а также собственным проблемным полем и категориальным аппаратом. В то же время, несмотря на огромное количество работ по рекламе, на значительный интерес многих крупных социологов к данному феномену, нельзя сказать, что сегодня социология рекламы как самостоятельная область социологической науки окончательно разработана. В нашей стране вопросы исследования рекламы в рамках социологии вовсе находятся в зачаточном состоянии. Поскольку сегодня реклама является активным компонентом социальной жизни, значение социологических исследований рекламы постоянно возрастает, что в свою очередь обусловливает необходимость развития социологии рекламы как отраслевой социологической теории.

Литература:

1. Савельева, О.О. Реклама как социальный и экономический институт российского общества / О.О. Савельева // Белорусский экономический журнал. - 2003. - № 1. – С. 120 – 131.
2. Федотова, Л.Н. Социология рекламной деятельности / Л.Н. Федотова. – М.: Гардарики, 2002. – 272 с.
3. Савельева, О.О. Социология рекламного воздействия / О.О. Савельева. – М.: «РИП-холдинг», 2006. – 284 с.
4. Коломиец, В.П. Реклама в социологическом видении / В.П. Коломиец // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. – 2001. - №1. – С. 165 – 170.
5. Тулупов, В.В. Теория и практика рекламы / Под ред. В.В. Тулупова. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2006. – 528 с.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСТВА КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ображей О.Н.
младший научный сотрудник сектора социологии здоровья и человеческого развития Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Детство и дети как объекты научных изысканий стали привлекать ученых сравнительно недавно. Одним из главных достижений науки о детстве конца 1980 – 1990 гг. XX века стало появление в странах Западной Европы социологии детства. Социологи всегда интересовались проблемами детства, но чаще всего это делали в рамках социологии воспитания, социологии образования, социологии семьи, социологии

молодежи. Появление социологии детства свидетельствует об осознании ценности периода детства для становления каждого человека полноценным членом человеческого сообщества. Именно детство является стартовым потенциалом в определении будущей жизненной траектории каждой личности.

Социология детства является молодой, самостоятельной отраслью социологического знания, объясняющая специфические конкретные действия, процессы в социуме в отношении детства. Объектом социологии детства является детство. В узком смысле под детством понимается особый возрастной период жизни человека, характеризующийся первичной, прежде всего семейной социализацией. В широком смысле детство определяется как сложное социальное образование, являющееся структурным элементом общества, выполняющее в нем специфические функции и взаимодействующее с обществом в целом и с отдельными его элементами. Исходя из этого, детство – выраженная в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей, которая формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, осваивающих социальность и интегрирующихся в социум [1].

Детство является объектом изучения многих наук: педагогики, психологии, культурологи и др. В отличие от традиционных психолого-педагогических подходов, социология детства рассматривает детство не как природную данность, а как структурный компонент общества, отражающий социальные и культурные изменения, а детей – как соучастников социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир.

Предметом изучения социологии детства выступают специфические роли «ребенок» и «взрослый», соответствующие социальные нормы и предписания, детская субкультура, процессы взаимодействия общества и детства, государственная политика в этой сфере. Социология детства рассматривает особенности группового поведения социально-демографической группы детского возраста, закономерности развития детских сообществ. Отдельный раздел данной отрасли разрабатывает методологические и методические принципы исследования детей. В социологии детства применяются адаптированные к изучению детской аудитории традиционные методы прикладных исследований и разрабатываются особые – с преобладанием качественных и проективных подходов (игра-интервью, методики неоконченных предложений, метод коллизий и др.). При изучении учитывается, что временной период детства характеризуется следующими социальными процессами: первичной семейной и внесемейной социализацией, формированием социальных норм и ценностей, освоением социальных ролей, приобретением социального статуса.

Изучение проблематики детства имеет давнюю историю. Уже в работах Платона и Аристотеля встречаются мысли, связанные с политическим устройством общества и влиянием на него системы воспитания. Достаточно много обращений к детству можно увидеть в трудах Ф. Бэкона, Г. Гегеля, Ж.Ж. Руссо и других. Ученых прошлого волновали проблемы детства, они оценивали его с моральных и этических позиций, определяя, какую функциональную нагрузку несет детство для отдельного человека и общества в целом. Классиком в изучении детства считают французского демографа и историка Филиппа Ариеса. Он впервые показал, что «детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание» [2].

Социологическая перспектива изучения детства представлена двумя относительно самостоятельными направлениями. В рамках первого подхода детство рассматривается как определенная культурно-историческая ценность. Эволюция детства, особенности изменения содержания детства в истории развития общества представлена в работах Ф. Боаса, М. Мид, Б. Малиновского, Л. Демоза, Э. Эриксона и других. Социокультурные аспекты развития детства отражены в работах современных как зарубежных ученых: П. Брюхнера, М. Виннса, Х.Попитца, Н. Постмана, Д. Рихтера, Х. Цахера, так и

отечественных: И.В. Бестужева-Лады, С.Н. Иконниковой, М.С. Кагана, И.С. Кона, Л.Г. Кураевой, Э.А. Куруленко, Д.И. Фельдштейна, С.Н. Щегловой. Л. Демоз указывает на общие закономерности развития детства и увеличение степени его независимости от взрослого мира. Большое значение социокультурных факторов в процессе взросления человека отмечают М. Мид и Б. Малиновский. Э.А. Куруленко отмечает, что эволюция содержания и методов социализации детей неразрывно связана с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей.

Особое место в рамках данного подхода занимают концепции трансформации детства в современном обществе. Представители концепции кризиса детства Б.Д. Эльконин, В.И. Слободчиков, Ю.В. Овинова обосновали идею о современном кризисе детства как особом критическом периоде в историческом развитии детства, когда расходятся процессы взросления и освоения культуры, которые были слиты воедино в предыдущие эпохи [3]. У. Бек и Х. Попитц говорят об эмансипации детства, под которым они понимают приобретение ребенком все более значимого места в семье, учреждениях образования и вообще в обществе. Н. Постман, Х. Хенгст, М. Виннс выдвинули идею исчезновения детства. Свои рассуждения приверженцы идеи исчезновения детства подтверждают объективными демографическими тенденциями развития детства в развитых странах, такими как: снижение рождаемости, уменьшение числа детей в расчете на одну семью. Д. Рихтер считает, что сегодня мы наблюдаем тенденцию не исчезновения детства, а стирания границ между детством и взрослостью, своеобразное «слияние детства и взрослого мира». Он выделяет растущую похожесть детей и взрослых в отношении одежды, моды. Концепция социального конструирования детства Щегловой С.Н. позволяет охарактеризовать сложные взаимосвязанные процессы трансформаций детства на макросоциальном и микросоциальном уровнях. Рассмотрение этих концепций позволяет сделать предположение, что проблема детства станет в новом веке глобальной наряду с другими важнейшими проблемами человечества.

В рамках второго направления детство рассматривается как часть социальной структуры общества, изучается роль детства в структуре общества. Как объект социологического анализа детство в его структурном выражении находится в центре внимания немногих ученых. Прежде всего, это зарубежные исследователи: Е. Болдинг, Дж. Гарбарино, К. Дэвис, Дж. Квортруп, С. Фрис, Ф. Элкин, Ш. Айзенштадт, Т. Парсонс. В отечественной социологии отдельные аспекты детства как социального феномена затронуты в работах И.С. Кона, Е.Л. Омельченко, М.В. Осориной, С.Н. Щегловой, В.Н. Ярской и др.

К. Дэвис рассматривает детство как социально, так и экономически относительно не значимый жизненный период по сравнению со зрелостью. Он писал, что «самые важные функции для общества человек выполняет, будучи взрослым, а не в детском возрасте» [4]. Дж. Гарбарино придерживается взгляда на детство как на «жизнь в другом мире». Он считает, что «в эпоху современности быть ребенком, значит быть защищенным от экономического, политического и сексуальных влияний; детство – это время, когда придается огромное значение личным интересам, и сводятся к минимуму интересы общественные» [5]. Т. Парсонс и Ш. Айзенштадт рассматривают детство как подготовительный этап к «полноценной» взрослой жизни.

Особенно значимой является концепция Дж. Квортруп. Детство, по мнению Дж. Квортруп, является частью общества в том смысле, что дети – не менее активная часть «большого» общества, и основные социальные события на них влияют не меньше, чем на других людей. Поэтому детство включено в общество: как верно то, что ребенок становится взрослым, верно и то, что детство существует как часть социальной структуры общества. Один из основных принципов данной концепции заключается в том, что детство и условия жизни детей определяются в основном одним и тем же влиянием экономики, политики и т.д., то есть всего того, что создает структуру взрослой жизни [6].

Несмотря на наличие различных концепций в изучении детства к настоящему моменту в социологическом поле единая концепция детства еще не сложилась. Социологические исследования детства имеют узкий, частный характер. К сожалению, в белорусской социологии социология детства пока не оформилась как самостоятельная социологическая отрасль. Некоторые аспекты детства изучаются только в рамках других отраслях социологии. Ученые и исследователи, занимающиеся проблемами детей, единичны.

Современное состояние белорусского общества, изменяющаяся социальная структура, снижение численности детей в структуре общества, складывающаяся экономическая ситуация, дифференциация стилей жизни различных социальных групп требуют повышенного внимания к положению детей, к особенностям процесса их социализации, к содержанию детства и направлениям его изменения. Возникает общественная потребность в получении новых знаний о детстве и детях, фундаментальных и теоретических наработках, эмпирических данных по проблеме детства и детей. Все это обуславливает необходимость развития социологии детства, выделения детства в качестве самостоятельного объекта социологического изучения.

Литература:
1. Социология детства //[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://childsoc.ru/ – Дата доступа: 01.11.2011.
2. Кон И.С. Ребенок и общество. // М.: Наука. – 1988. – С.40.
3. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. – 1992. – № 3-4. – С.7-13.
4. Davis K. The Child and Social Structure // Journal of Educational Sociology. – Vol.14. – P.217.
5. Garbarino J. Can American Families Afford the Luxury of Children? // Child Welfare. – Vol.65. –N.2. – P.120.
6. Qvortrup J. Childhood as a social phenomenon // Budapest, Viena: European Centre for Social Welfare Policy and Research. – 1991.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ И СЕМЬЯМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Бедулина Г.Ф.
к.с.н., доцент кафедры государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Исследование проблемы инновационных форм работы с семьями, находящимися в социально-опасном положении, является составной частью реализации системного подхода к исследованию роли и результативности внедрения инновационных технологий в социально-педагогическую практику взаимодействия с неблагополучными семьями.

С целью изучения современных форм работы семьями, находящимися в социально-опасном положении (СОП), проведено комплексное аналитическое исследование имеющихся ресурсов по данной проблематике, входе которого использовались следующие общелогические методы: обобщение педагогического опыта, анализ имеющихся ресурсов по данной проблематике. В основу методологического обеспечения исследования направленного на систематизацию методик социально-профилактической работы стало использование возможностей Интернета.

Эмпирические исследования, осуществляемые с помощью сети Интернет, обладают определенной привлекательностью. Это, разумеется, обусловлено рядом их неоспоримых преимуществ по сравнению с традиционными формами таких исследований. К очевидным плюсам и дополнительным возможностям относятся

следующие: 1. Экономия ресурсов. По сравнению с традиционными формами опросов, исследования через Интернет позволяют существенно экономить время, средства и человеческие ресурсы. 2. Большой объем выборки. Низкий уровень материальных затрат в расчете на одного респондента позволяет при желании добиться существенно большего объема выборочной совокупности. 3. Быстрота опроса. 4. Возможность оперативного реагирования.

В качестве основного ресурса, направленного на систематизацию методик социально-профилактической работы с детьми с и семьями, находящимися в социально опасном положении, стало проведение республиканского Интернет-форума: «Инновационные формы работы с детьми и семьями, находящимися в социально-опасном положении» (Академия последипломного образования). Тематические направления форума:

1. Современные социальные технологии работы с семьями, находящимися в социально-опасном положении.

2. Организационное обеспечение планирования работы по профилактике социального сиротства, семейного неблагополучия.

3. Методическое обеспечение социально-профилактической работы.

4. Использование Интернет-технологий в профилактической работе.

5. Взаимодействие с государственными органами, общественными организациями, гражданской общественностью по вопросам работы с семьями, находящимися в социально-опасном положении.

6. Инновационные формы работы по выработке умений и навыков сохранения и укрепления здоровья, безопасного и ответственного поведения, отказа от вредных привычек (из опыта работы).

В Республиканском Интернет-форуме приняло участие 115 организаций:

Территориальные центры обслуживания населения – 13% (12);

Общеобразовательные учреждения – 63% (55);

Социально - педагогические учреждения – 27 % (24);

Управления образования – 12% (11);

Прочие – 14% (13).

В соответствии с рубриками все материалы можно классифицировать на: социальные технологии, игровой практикум, инновационные формы, методические материалы. Накопленный опыт по актуальным проблемам социально-педагогической работы, был обобщен и проанализирован по видам учреждений и по предлагаемой тематике инновационной социально-педагогической деятельности.

В том числе участникам Интернет-форума была предложена анкета. Опросный инструментарий (анкета) содержал *несколько тематических блоков*: организация и управление инновационными процессами; условия применения и внедрения педагогических новшеств; прогнозирование, обобщение передового педагогического опыта и инновационных процессов; формирование готовности педагогических работников к инновационной деятельности.

Анализ полученных данных показал, что инновационные технологии работы с семьями, находящимися в социально опасном положении, разрабатываются непосредственно самими специалистами-практиками. Так в общеобразовательных учреждениях, как показал опрос, из общего числа опрошенных собственные разработки используют активно 16% сотрудников, в специальных учебно-воспитательных учреждениях 43% сотрудников, в социально-педагогических учреждениях и территориальных центров социального обслуживания населения 41% специалистов. Отмечены основные темы собственных методик и форм: интерактивные методы воспитания; использование информационных технологий в профилактике ВИЧ-инфицирования, алкоголизма, табакокурения; совместная работа педагогического коллектива, родителей и детей по формированию культуры здорового образа жизни;

реабилитация и адаптация детей и подростков, признанных находящимися в социально опасном положении; интеллектуальные тренинги по решению сложных жизненных ситуаций; работа по улучшению взаимоотношений учащихся, учителей и родителей.

В целом формы работы с семьями СОП направлены на организацию социальной среды, информирование и активное обучение социально-важным навыкам неблагополучных родителей.

Анализируя целевую аудиторию, на которую нацелены инновационные методики и разработки социально-профилактической работы, следует отметить, что она представляет следующие категории: для родителей – 20%; для учащихся – 30%, для членов детских организаций – 6 %;руководителей и педагогических работников общеобразовательных учреждений – 26 %; специалистов социально-педагогических учреждений и территориальных центров социального обслуживания населения – 18 %.

Как проводится мониторинг и оценка эффективности внедряемых социальных технологий и инновационных методик. Отмечено, что: 1. Около 15 % знакомятся только теоретически и не внедряют инновации. 2. В практической реализации разработанных инновационных социальных технологий диагностику имеющихся показателей (критериев) характеристик проводят 75% респондентов. Из них 32 % респондентов делают оценку: еженедельно, ежемесячно; а 25 % респондентов проводят мониторинг и оценку с периодичностью в 2-5 раз в год; у 18 % респондентов инновационные социальные технологии нашли практическую реализацию лишь в некоторых случаях (2-3 раза в качестве эксперимента).

Однако отмечается что, не смотря на то, что в целом эффективность внедряемых социальных технологий и методик социально-профилактической работы показывает, что после проведенных мероприятий показатели социальной работы с СОП меняются в лучшую сторону в 82 %, частично улучшаются в 18 % , при реализации инновационных технологий могут возникнуть следующие трудности: трудности, связанные с финансированием (такое мнение и у 37 % респондентов); некомпетентность специалистов (31 %); недостаток специалистов (12 %); межведомственная несогласованность в сотрудничестве (12 %); загруженность специалистов (8 %).

Анализ практического исследования эффективности социальных технологий в работе с семьями СОП показывает, что они обладают во многом свойствами уникальности, высокой и средней эффективностью и результативностью и выступают в статусе разновариантных технологий познавательной и преобразовательной деятельности, способные реализовать свой потенциал в сфере работы по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия.

Таким образом, повсеместное распространение Интернета открывает новые возможности для социологически исследований. С одной стороны, это позволяет получить новый канал доступа для проведения традиционных количественных и качественных исследований. С другой стороны, появление новых форм социального взаимодействия внутри Сети ставит вопрос о разработке алгоритмов и методов их изучения. Виртуальная реальность бросает исследователям новый методологический вызов: каким образом, и в каких целях можно использовать методы Интернет-опроса.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Амбражевич А.И.
аспирантка Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

В последнее время большинство специалистов склоняется к тому, что основными факторами и причинами миграции населения выступают экономические. Английский ученый Е. Равенштайн сформулировал «законы миграции», в частности положение о том,

что основным фактором миграции выступает экономический: миграционные потоки устремляются в более развитые экономические регионы и усиливаются по мере технического прогресса и развития средств транспорта и коммуникаций [1]. Возрастанию количества эмигрантов из страны, как правило, способствуют: экономический спад, инфляция, дезорганизация потребительского рынка, угроза безработицы, снижение уровня жизни населения, политическая нестабильность. Влияние экономического фактора на миграционный обмен населением Республики Беларусь со странами СНГ и странами дальнего зарубежья в настоящее время усилилось, прежде всего, в связи с трудностями адаптации людей к нарастающим трудностям в условиях социально-экономического кризиса.

По мнению белорусского демографа Л.П. Шахотько, в последние годы происходят изменения в мотивах выезда: переход от этнополитического характера миграции к социально-экономическому. Выезд за границу (уезжают в основном в страны с наиболее высоким уровнем жизни населения) можно рассматривать как поиск лучшего материального положения для себя и своей семьи [2, с. 137-139]. Согласно данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2007 г., решение выезда за рубеж у граждан Беларуси вызвано: отсутствием возможности обеспечить себе достойную жизнь на родине (60,3%), желанием дать образование детям за границей (20,9%), приглашением на работу в другую страну (19,1%). Анализ результатов исследования позволяет выделить основные мотивы трудовой миграции. Главным мотивом является стремление накопить денег и улучшить свое материальное положение (71,6%). В группу наиболее значимых мотивов входит также желание белорусов пожить в другой стране (51,9%), заработать капитал для своего дела (33,4%), стремление выучить иностранный язык (23,3%), повысить профессиональный уровень и квалификацию (21,8%). Основная часть мигрантов, выезжающих по экономическим соображениям, принимает в расчет, прежде всего, разрыв в уровнях дохода в странах исхода и приема мигрантов.

При всем многообразии причин международной трудовой миграции населения общие контуры современной миграционной ситуации в мире и направления миграционных потоков определяются не только экономическими, но также социальными, политическими и демографическими различиями между более и менее развитыми регионами**.** Причем страны с переходной экономикой, имеющие неоднозначные позиции по социально-экономическим и политическим показателям, занимают промежуточное место в миграционных передвижениях и играют в них двоякую роль, будучи одновременно и донорами, и реципиентами мигрантов. Анализ статистических данных позволяет констатировать, что за период 2009-2010гг. в страны вне СНГ эмигрировало 29% населения Республики Беларусь (от общего числа выбывших). В то же время, анализ официальных статистических данных по международной миграции позволяет говорить о том, что Республика Беларусь является популярной у иммигрантов из России - 54% (от общего количества прибывших в Беларусь за 2010г.), Украины – 15%, Казахстана – 4%, Туркменистана – 3%. Таким образом, Беларусь является страной-реципиентом для стран СНГ, но для стран вне СНГ выступает страной-донором [3, с. 41-45].

Из всей численности трудовых мигрантов большая миграционная активность наблюдается у представителей следующих возрастных групп: трудоспособного (женщины 16-54, мужчины 16-59) - 74%, молодежи (14-30) – 40%; 14% от общего числа белорусских мигрантов составляют дети до 16 лет. В структуре международных миграционных потоков по половозрастному составу преобладают женщины (53%). Пик женской миграции приходится на возрастную группу 25-29 лет (18% от общего количества женщин выбывших в зарубежные страны по данным на 2010г.). Убыль трудоспособного населения усугубляет ситуацию на рынке труда и усиливает нагрузку на оставшееся трудоспособное население. Большая часть выездов совершается в период апрель – июнь (54%), июль – сентябрь (31%), что может свидетельствовать о сезонности миграции [4].

Важным моментом в анализе внешней трудовой миграции является образовательный фактор. Чем выше образование мигрантов, тем больше ожидаемая выгода от переселения; этим, прежде всего, и объясняется то обстоятельство, что мигранты, как правило, гораздо образованнее, чем в целом население страны, покидаемой ими. Согласно официальным статистическим данным на 2010 г., количество белорусских эмигрантов с высшим образованием (от 16 лет и старше) составило 2146 чел. (36,2% от общей численности мигрантов, выехавших из Республики Беларусь) [3, с. 43]. В структуре трудовых мигрантов, выехавших на основе подписания договоров и контрактов, доля лиц с высшим образованием составила в 2010 г. 328 чел. [4]. По мнению белорусского экономиста А.И. Лученка, из Беларуси выезжают более квалифицированные кадры, чем в нее въезжают. И это вполне закономерный процесс; в борьбе за квалифицированные кадры выигрывают более богатые страны [5].

Стремление расширить свои жизненные возможности и перспективы, получить доступ к современным системам социальных услуг, в особенности к полноценному образованию, также сказывается на миграционных намерениях. Иллюстрацией может служить численность белорусских студентов за рубежом. Так по данным министерства статистики Германии, в 2009 г. выпускниками немецких вызов стало 289 белорусов. В большинстве случаев белорусские студенты получают образование за рубежом в области правовых, экономических и социальных наук [6, с. 66].

В числе движущих сил миграции также называется демографический дисбаланс между разными группами стран, который обусловлен их различиями в плотности населения, темпах его естественного роста и уровнях рождаемости. Из-за демографического спада уже сейчас на рынке труда развитых стран уменьшается предложение молодой, относительно дешевой рабочей силы. Там наблюдается нехватка как малоквалифицированного персонала для выполнения работ, непривлекательных для местных жителей, – работ 3D (dirty, dangerous, difficult), характерных для вторичного сегмента рынка труда, так и квалифицированных специалистов, в первую очередь в высокотехнологичных отраслях, сферах здравоохранения и образования. В результате, разрыв в уровне и качестве жизни, а также потребность развитых обществ в дополнительной рабочей силе, при ее относительном избытке в развивающемся мире, превращает их в миграционный магнит, притягивающий обильные людские потоки [7, с. 3-14]. На направление миграционных потоков по-прежнему существенное влияние оказывает географическая близость стран исхода и приема мигрантов. Республика Беларусь испытывает влияние активной миграционной политики двух миграционных субсистем (ЕС и СНГ), в результате чего характеризуется интенсивными миграционными потоками в обе стороны. В последнее время роль европейской миграционной системы возрастает, что повышает значение западного вектора. Основным магнитом (для работы по контракту) для белорусской рабочей силы, по данным на 2010 г., остаются Россия – 3212 чел., США – 1259 чел., Польша – 291 чел., Германия – 130 чел., Литва – 65 чел. [4] Очевидно, в дальнейшем рост трудовой миграции из Беларуси будет происходить в основном в Россию. Это связано с формированием общего рынка труда в рамках «Программы совместной деятельности по дальнейшему сближению законодательства в социально-трудовой сфере и уровней социальных гарантий граждан Беларуси и России на 2006-2009 годы», с географической близостью стран, реальной возможностью найти в России работу, безвизовым режимом и, что немаловажно, знанием языка [8].

Внешняя трудовая миграция населения Республики Беларусь вызвана целым комплексом движущих сил: базовые причины (обусловленные потребностью в удовлетворении личностных запросов); процессы, связанные с изменением социально-экономической и политической ситуации на родине; факторы, определяющие выбор мигрантом конкретной страны назначения и влияющие на географическое распределение миграционных потоков. Перемещение людей вызывается совокупностью причин, сопряженных с рядом обстоятельств общественной жизни, в той или иной степени

меняющихся во времени. При этом, вызываемые ими конкретные ситуации воспринимаются разными потоками и категориями мигрантов вариативно, с учетом существующих индивидуальных различий. Это ведет к дифференцированному и переменчивому воздействию отдельных факторов внешней миграции на ее масштабы, структуру и направления.

Отличительной тенденцией современной международной трудовой миграции населения Республики Беларусь является увеличение ее масштабов и вовлечение в европейскую миграционную систему. Анализ статистических данных, а также результатов социологических исследований свидетельствует о необходимости использования причинно-факторного подхода в анализе феномена внешней трудовой миграции, т.е. за каждым конкретным актом трудовой миграции кроются условия, факторы, причины. Наиболее важными факторами внешней трудовой миграции населения Беларуси в настоящее время являются: экономические (экономический спад, инфляция, дезорганизация потребительского рынка, угроза безработицы, снижение уровня жизни населения), демографические (различия в плотности населения, темпах естественного роста, уровнях рождаемости), возрастные (специфика миграционной активности в различных возрастных группах, вызванная стремлением расширить жизненные возможности и перспективы, получить доступ к современным системам социальных услуг), образовательные (активная миграционная политика иностранных государств по привлечению квалифицированных специалистов, из Беларуси выезжают более квалифицированные кадры, чем в нее въезжают). В результате комплексного воздействия данных факторов наблюдаются изменения в составе и характере внешних миграционных процессов в Республике Беларусь. Выезд на постоянное место жительства все в большей мере замещается поэтапной формой эмиграции. Поток эмигрантов из Беларуси молодеет. Убыль трудоспособного населения усиливает нагрузку на оставшееся трудоспособное население. Белорусы покидают свою страну, главным образом, по экономическим причинам. Страны, в которые они отправляются, принято считать развитыми в экономическом отношении. Таким образом, снижение трудовых миграционных потоков из Республики Беларусь может быть построено на усилении экономических, социально-демократических позиций страны, что должно способствовать повышению ее международного признания. Кроме того, в основу миграционных стратегий, ориентированных на успешное социально-экономическое развитие, должно быть положено привлечение квалифицированной рабочей силы, создание социально-экономических условий для закрепления в стране квалифицированных специалистов.

Литература:

1. Tobler, W. Migration: Ravenstein, Thorntwaite and Beyond [Electronic resourse]. – Mode of access: http://www.geog.ucsb.edu/~tobler/publications/pdf_docs/movement/migration_/Ravenstein.pdf – Date of access: 10.09.2011.

2. Шахотько, Л.П. Миграционные процессы и миграционная политика в Беларуси / Л.П. Шахотько // Общество и экономика – 2011. – №4-5. – С. 122 – 151.

3. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь. – Минск.:Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 63с.

4. Беларусь: статистика по международной трудовой миграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirpal.org/Беларусь.html. – Дата доступа: 01.07.2011.

5. Лученок, А.И. Влияние миграционных потоков на социально-экономические показатели Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://luchenok.blogspot.com/2011/09/normal-0-false-false-false-ru-x-none-x.html. – Дата доступа: 10.10.2011

6. Migrationsberischt des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung. – Berlin: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2011. – 340 s.

7. Цапенко, И. Движущие силы международной миграции населения / И. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – №3. – С. 3-14.

8. О предложении по разработке проекта Программы совместной деятельности по дальнейшему сближению законодательства в социально-трудовой сфере и уровней социальных гарантий граждан Беларуси и России на 2006–2009 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://systema-by.com/docs/biti4/dk-bv7zid.html. – Дата доступа: 12.09.2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Коваленя А.А. Сацыялагічныя даследаванні ў грамадскім жыцці 3
Бабосов Е.М. Обеспечение информационной безопасности – важный фактор устойчивого развития Беларуси 7
Гундаров И.А. Социогуманизм для союзного государства – основа демографического возрождения Беларуси и России 16
Соколова Г.Н. Проблемы взаимосвязи уровня и качества жизни в ходе становления постиндустриального общества 21
Котляров И.В. Политические партии Беларуси: миф или реальность? Социологический анализ 31
Бобков В.А. Евразийская и европейская интеграция Беларуси в контексте геополитики 36

РАЗДЕЛ 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Можейко М.А. Современные социокультурные трансформации и философия языка постмодернизма: новейшие тенденции 43
Костюкевич С.В. Социальное знание и проблема измерения 51
Лашук И.В. Концептуализация феномена «идентичность» в социогуманитарном знании 54
Муха В.Н. Тема повседневности в современной социологии 59
Милова Т.Ф. Социально-гуманитарное образование: фактор консолидации или яблоко раздора? 62
Полонников А.А. Текстуальное производство согласия в практике университетского образования 66
Корчалова Н.Д. Академическая категоризация культуры как селекция воспроизводимых культурных значений 68
Осипова Е.В. Некоторые подходы к проблеме социального времени в социально-гуманитарном знании 71
Безнюк Д.К. Творческое наследие И.Я. Писаренко и современность 75
Абушенко В.Л. Теория социокода М.К. Петрова как основание культур-социологических исследований 81
Комаровский А.В. Социология культуры Макса Вебера 87

РАЗДЕЛ 2.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУСКОГО ОБЩЕСТВА

Сломский В. Этические аспекты глобализационных процессов 91
Игнатович П.Г. Диалектика взаимоотношений культуры и государства 94
Хижняк Л.М. Стратегия устойчивого развития как фактор консолидации локальных территориальных образований 97
Никулина Ю.В. Перспективы развития городов-спутников в Беларуси 99
Андрющенко А.И. Инновационные механизмы преодоления социальных неравенств как факторы консолидации общества 102
Дубовик Е.А. Социальное партнерство как фактор консолидации и устойчивого развития белорусского общества 104

Данилова Е.А. Ценностная преемственность как основа консолидации белорусского общества 106
Хурс М.Н. Техногенные аварии на ядерных объектах в контексте формирования общественного мнения об использовании атомной энергетики 108
Мартищенкова Е.В. Социологический мониторинг как механизм повышения эффективности управления отраслевым развитием 112
Смирнов В.Э. Модернизация и субъекты ее реализации 114
Мельник Н.Н. Коммуникация и креативность – приоритеты современного белорусского общества 118

РАЗДЕЛ 3.
СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

Шахаман З.Б. 20 лет независимости Казахстана: новые «социокультурные» вызовы и поиск адекватных «ответов» на них 121
Урбан М.М., Кирилюк И.П. Воспитание гражданско-правового сознания как фактор формирования социального капитала 125
Тарасов С.В. Актуальные проблемы социально-экономического развития и отношение населения к государственным и общественным организациям 128
Мартинович Н.В. Модернизация политической системы белорусского общества: социологический анализ 132
Рыбчак С.В. Социологические особенности формирования политической культуры в условиях становления гражданского общества 135
Окунева Т.В. Сущность и структура гражданского общества (социологические аспекты) 139
Павловская О.А. Право на свободу совести в контексте формирования гражданского общества в Беларуси 141
Станкевич Н.А. Идеология как фактор консолидации транзитивных обществ 144
Хамутовская С.В. Нормативно-ценностный элемент в структуре электоральной культуры населения Беларуси: возможности исследования социологическими методами 147
Злотников А.А. История и практика проведения экзит-поллов (белорусский опыт) 149

РАЗДЕЛ 4.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ПРОБЛЕМЫ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Кобяк О.В. Социальные интересы жителей Беларуси как факторы активизации их экономического поведения 151
Таранова Е.В. Благосостояние белорусов в контексте изучения уровня и качества жизни 153
Сечко Н.Н. Уровень жизни и потребительская уверенность белорусского населения 156
Канаш Т.В. Проблемы удовлетворенности жизнью в польском обществе 160
Зразикова В.М. Проблемы исследования социального самочувствия 163
Андрос И.А. Оценка социального феномена предприимчивости белорусскими женщинами (на примере г. Минска) 167
Дубовик А.К. Проблемы оптимизации социальных механизмов регулирования молодежного рынка труда 170
Самойлюк В.Н. Социальная ответственность бизнеса: концепция, проблемы формирования и управления 173
Мушта А.А., Самойлюк В.Н. Корпоративные социальные сети: специфика развития и социально-экономический потенциал 175

Палховская Е.Б. Социальные проблемы регуляции трудовой мобильности работников (на примере электроэнергетической отрасли промышленности Беларуси) 177
Баханов А.Г. Двойственная природа престижного потребления 179
Сельванович А.А. Партнерство власти и бизнеса как условие успешного решения социальных проблем 181
Мартинкевич А.В. Феномен инфорсмента контрактного взаимодействия работника и работодателя в Республике Беларусь 184

РАЗДЕЛ 5.
СЕМЬЯ, ЗДОРОВЬЕ, ПРОФЕССИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Доброхлеб В.Г. Особенности процесса демографического старения населения современной России 187
Шабунова А.А. Социальный потенциал устойчивости 189
Лапина С.В. Гендерные исследования как ответ на демографические вызовы современного общества 195
Мельников А.П. К вопросу о сущности понятия «социальная справедливость» 200
Лихачёва С.Н. Применение проектирования в оказании населению социальных услуг 202
Назарова Д.В. Заимствование социальных инноваций: теория и практика 205
Шухатович В.Р. Социальные инновации в сфере здравоохранения: о программе социологического исследования 207
Морев М.В. Экономические последствия ухудшения социального здоровья российского общества (на примере суицидального поведения) 209
Лимаренко А.П., Прилепко Е.М. Актуальные проблемы развития института семьи и брака в Республике Беларусь 217
Первачук А.А. Роль семьи в духовно-нравственном совершенствовании общества 219
Бабосова Е.С. Ценностные ориентации молодежи в сфере культурно-досуговой деятельности 222
Резанова Е.В. Социальный капитал современной белорусской молодежи в малых городах 224
Лукашова О.Г. Социальная защита безработных в контексте социальной политики белорусского государства 228
Лихачева О.Н. Карьерные установки молодых специалистов 231
Денисов А.Ю. Некоторые замечания по использованию суммарного коэффициента рождаемости как нормативного показателя демографической политики Республики Беларусь 234
Барановский Н.А. Теоретическая модель системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции Беларуси 236
Лапина И.А. Коррупция как объект социально-правового анализа 241
Воднева А.К. Лукашова О.Г. Актуальные проблемы формирования правовой культуры белорусской молодежи 243
Кавецкий С.Т. Современные девиации через призму поведенческих пристрастий 245

РАЗДЕЛ 6.
СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

Смирнова Р.А. Региональные особенности экономического поведения сельских жителей 248
Лихачёв Н.Е. Социальные интересы современного белорусского села: социологический анализ 254

Рыжанков М.Ф. О некоторых вопросах социально-экономического познания сущности и роли крестьянства 256
Купцова И.Г. Жизненные установки сельского населения: социологический анализ 262
Кузьменко Т.В. Личные подсобные хозяйства в условиях перехода к рыночной экономике 265
Павлова А.В. Социально-экономические аспекты досуговой деятельности жителей села 268
Балакирева Т.С. Миграционное поведение сельской молодежи как социальная проблема 271
Титова Е.Н. Деятельность местных органов власти: взгляд сельчан 275
Балбуцкая М.А. Демографическое поведение и установки сельских жителей Беларуси (по данным эмпирического исследования) 277

РАЗДЕЛ 7.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СМИ

Кириенко В.В. Национальный менталитет как фактор и следствие социального самочувствия населения 281
Уладыкоўская Л.М. Беларуская нацыянальная культура: крызіс ці шанец? 286
Наумов Д.И. Современные теоретико-методологические подходы к молодежной субкультуре 289
Балич Н.Л. Конфессиональная идентичность: методологические основания эмпирического исследования 292
Шкурова Е.В. Формы государственно-конфессиональных отношений в современном белорусском обществе 295
Мисюкевич А.В. Социальные и религиозно-культурные функции Белорусской Православной Церкви 298
Русецкая В.И. Средства массовой информации и профессиональная этика журналистов 302
Червинский А.С. Экологическая грамотность как фактор консолидации белорусского общества 304
Калашникова А.В., Жидович В.Е. Театральный спектакль как маркетинговый продукт 305
Красюк В.Ф. Праблемы захавання нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў 311
Сосновская Н.А. Национальная идентичность глазами белорусской элиты 313
Пушкин А.Л. Информационные технологии как фактор стабилизации и/или дестабилизации общества 316
Фаблинова О.Н. Интернет-коммуникация: роль и значение маски 319
Домасевич И.В. Формирование информационной культуры личности в условиях глобального коммуникационного общества 321

РАЗДЕЛ 8.
СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Осипов А.И. Наука как предмет философской рефлексии 324
Клименко В.А. Инновационное высшее образование как фактор формирования интеллектуального потенциала белорусского общества 328
Богданова И.Ф. Интеграция науки и образования как необходимое условие инновационного развития экономики 330
Романова С.П. Интеракционистское направление в западной социологии: исследование профессиональной социализации и адаптации в вузе 333
Кочергин В.Я. Взаимосвязь процессов социализации и адаптации будущих молодых ученых в условиях современного вуза 335

Коновалов В.Т. Об актуальных вопросах нравственного воспитания студенческой молодежи 337
Шарый И.Н. Динамика воспроизводства кадрового состава белоруской науки с 2000 по 2010 гг. 339
Волнистая М.Г. Подготовка специалистов высшей школы для сферы высоких технологий в условиях экономики знаний 341
Воривончик Л.Д. Междисциплинарные подходы в системе социального познания 343
Артюхин М.И., Королевич А.Н., Шульга Ю.А., Бурак О.Б., Никоненко Н.А. Аспирантура в системе подготовки научных кадров высшей квалификации 344
Димитрук П.П. Кадровая ситуация в науке Беларуси: региональный аспект 348
Пушкевич С.А. Миграционный потенциал белорусской диаспоры 351
Подгайская Л.И. Воспитание патриотизма у студенческой молодежи, как будущей научной элиты, – основа консолидации белорусского общества 354
Цыбульская Н.В. Предметная направленность социальной активности студентов: социологический анализ 358
Антонова Т.А. Женщины в академической науке Республики Беларусь: анализ статистических данных 360
Смыкова Е.Ю. Основные теоретико-методологические подходы изучения образования в современном обществе 362
Мороз О.В. Взаимодействие рынка труда и системы образования: социально-экономический анализ 366
Назаренко Ю.С. Компетентностный подход в профессиональном образовании как инструмент управления профессиональными рисками 369
Шульга Ю.А. Женщина в науке: социологический анализ 371

РАЗДЕЛ 9.
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА КОНКРЕТНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Титаренко Л.Г. Экологически ориентированный образ жизни горожан: сравнительный анализ 373
Кройтор С.Н. Сравнительные исследования в социальных науках: методы, проблемы, перспективы 376
Терещенко О.В. Событийный подход в биографическом анализе 380
Шабловский А.И., Яковлева И.А. Корпоративная самообразовательная инициатива как общественная функциональная инновация: опыт внедрения технологии сетевых социологических исследований 385
Реут В.Г. Методы социологического анализа качества дополнительного образования педагогических кадров 389
Кандричина И.Н. Методологические проблемы и перспективы развития социологии общественного мнения 391
Харитонов И.Н. Социологические подходы к профессиональной идентичности 393
Подвальская В.С. Социология рекламы как отраслевая социологическая теория 395
Ображей О.Н. Социология детства как специальная социологическая теория: состояние и перспективы развития 398
Бедулина Г.Ф. Методологическое и методическое обеспечение исследования эффективности инновационных форм работы с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении 401
Амбражевич А.И. Исследование факторов внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь 403

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы Международной
научно-практической конференции

г. Минск 17 – 18 ноября 2011 года

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 23.12.2011 Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Гарнитура Roman
Печать цифровая Усл.печ.л. 25,6 Уч.изд.л. 25,9 Тираж 150 экз. Заказ № 1376
ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66
E-mail: pravo-v@tut.by
Отпечатано на издательской системе KONICA MINOLTA
в ИООО «Право и экономика»

ISBN 978-985-552-037-6